

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ

2008

- Белаш • Бенедиктов • Бессонов •
- Дашков • Кликин • Олди • Парфенова •
- Точинов • Челябин

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ

2008

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ГОРОДСКАЯ
ФЭНТЕЗИ
2008

АНДРЕЙ БАСИРИН
ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР БЕЛАШ
АРТЕМ БЕЛОГЛАЗОВ
КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ
АЛЕКСЕЙ БЕССОНОВ
АНДРЕЙ ДАШКОВ
МИХАИЛ КЛИКИН
ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
АНАСТАСИЯ ПАРФЕНОВА
ВЛАДИМИР РОГАЧ
АЛЕКСАНДР СИВИНСКИХ
ВИКТОР ТОЧИНОВ
СЕРГЕЙ ЧЕЛЯЕВ

ГОРОДСКАЯ
ФЭНТЕЗИ

2008

МОСКВА
«ЭКСМО»
2008

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 70

Составитель *В. Мельник*

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *С. Атрошенко*

Г 70   **Городская фэнтези — 2008: Фантастические повести и рассказы.** — М.: Эксмо, 2008. — 512 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-25751-5

Большинство драматических событий, происходящих ежедневно в современном мегаполисе и его окрестностях, загадочным образом скрыто от наших глаз. Рассказывают, что по ночам на центральных улицах орудуют кровожадные вампиры, противостоять которым способны лишь опытные истребители нечисти. По слухам, при помощи магии вуду и невинной крови можно обмануть саму смерть. Под лестницами в подъездах обитают оставшиеся без жилплощади домовые, из другого мира приходит и опускается на город хищный туман, в котором живут души умерших, через зеркала проникают в закрытые помещения опасные астральные преступники. И мчится высоко над крышами панельных новостроек Дикая Охота древних кельтских магических кланов...

Об этих и многих других удивительных историях повествуется в новом коллективном сборнике отечественных писателей-фантастов.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-25751-5

© Составление и оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ПОВЕСТИ

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

СЕСТРА МОЕГО БРАТА

Автор благодарит за вдохновение песни:
Nautilus Pompilius «Матерь богов»,
Агата Кристи «Черная Луна»,
Хелависа «Королевская охота», «Княже»,
Алькор «Бал».

1

уна шипела в окно дымчатым оскалом. Почему-то красным.

Как символично!

— Высокая госпожа, — простонала я, натягивая на голову одеяло, — молю вас, не сегодня!..

Если бы удалось вытерпеть до завтра! Когда можно будет соврать что-нибудь торопливое и сбежать на дачу. Когда никто не заметит, как я выскользну за дверь, исчезая из мира обеспокоенных родителей и мобильных телефонов.

На этот раз Зову придется потерпеть.

До.

Завтра.

Ломота в суставах перешла в ноющую боль. Дыхание перехватило, ноги свело резкой судорогой. Я наклонилась, массируя окаменевшие мышцы. Жжение под коленями и в локтевых сгибах нарастало волнами, то набегая, то неожиданно исчезая.

По опыту я знала, что до рассвета знобящее неудобство превратится в острую, режущую агонию и придется вцепиться в подушку зубами, чтобы не выдать себя спящим в соседней комнате родителям.

«Ничего. Выдержу».

Думать о том, что будет, если сломаюсь, было невыносимо. Я затихла, дыша через рот, ни звуком, ни движением не привлекая внимания находящихся за тонкой стеной людей. Только бы они ничего не услышали. Пожалуйста. Пусть они вновь ничего не заметят!

Тело била крупная дрожь. В уголках глаз собралась влага, и я судорожно сморгнула, натягивая одеяло. Если что, скажу, что плачу по какому-нибудь из одноклассников. Вспомнить бы еще их имена, этих смертных мальчишек, мелькавших перед глазами, точно неубедительные дневные декорации...

— Хватит.

Одеяло оказалось сдернуто безжалостной рукой, и я сжалась еще сильнее, прячась не столько от холода, сколько от недружелюбного взгляда. Один из тех самых смертных мальчишек стоял надо мной, правой рукой сжимая одеяло, а левой придерживая сумку с ноутбуком. И уж забыть его имя мне никак не грозило.

— Дим... Я...

— Хватит. — Парень, шестнадцать лет веривший, что является моим братом, отвернулся. — Еще одну ночь слушать, как тебя корчит, я не намерен. Поднимайся.

Я обреченно выползла из кровати, не зная, куда девать превратившиеся в провалы бархатной тьмы глаза. Затем, совершив над собой усилие, выпрямилась. Прятаться не только унижительно, но и бессмысленно. Надо собираться.

Из одежды на мне была лишь старая Димкина футболка, достававшая до колен, и я поспешила натянуть висевшие на стуле джинсы. Димка бросил на кровать пару мягких игрушек, накрыл их одеялом, взбил — и получилась полная иллюзия, будто я сплю на своем месте. Даже грива плюшевого льва удивительно напоминала мою собственную взлохмаченную прическу.

— Ловко.

— Я же говорил, ты многое потеряла, когда удрала из летнего лагеря. Там приобретается масса полезных навыков.

— Позвольте не согласиться. — Я вздернула подбородок и с аристократическим высокомерием выгнула брови. — В данном случае убежать пришлось из санатория, а не из лагеря. Ничего нового, помимо бессмысленных физиопроцедур, меня там не ждало.

Он помрачнел.

В гостиную пробрались на цыпочках. Брат подхватил меня под локоть и вытолкнул на балкон, вдогонку кинул старые кроссовки, жестом предлагая поторопиться. Сам завозился, подключая ноутбук, что-то в нем настраивая.

— Кто там? Даша, ты еще не спишь? — недовольный голос мамы.

— В моей комнате что-то с розеткой, — как ни в чем не бывало откликнулся Димка. — Я пока тут поработаю, ладно?

— Опять собираешься до утра сидеть над своим ящиком? — возмутилась она. — А спать когда?

— Мне к третьей паре. А Дашке я не помешаю, она сопит как сурок. Причем здоровый.

— Дмитрий Шувалов, как у тебя язык поворачивается...

— Мам, ну не надо. Ни над кем я не насмехаюсь. — Он тряхнул в воздухе ненавистным баллончиком. — Ингалятор под рукой, если начнется приступ, я ей помогу. Ма-ам, курсовую сдавать через три дня, а у меня еще конь не валялся...

— Если бы ты еще занимался курсовой, а то лазишь не пойми где ночи напролет! Открой дверь к сестре, ничего ведь не услышишь...

— Угу.

Я прижалась спиной к холодному бетону под окном, зажмурилась. Димка теперь всю ночь просидит, карауля. Чтобы оказаться в моей комнате, нужно пройти мимо гостиной и засевшего в засаде студента-полуночника. То есть попытаться пройти. В отличие от меня, Димка врать умел с виртуозностью и достоверностью цыганского барона. Прямо сомнение берет: как в таком приличном окружении выросли такие...гм, детки и кто же из нас двоих подменьш?

Скрипнула балконная дверь. Я торопливо натянула обувь и, запрокинув голову, снизу вверх посмотрела на брата. Димка разглядывал висящее в небе грязно-оранжевое безобразие.

— И это называется луной? Кто-нибудь, проводите меня в консульство планеты Земля!

Я тихо фыркнула в ответ на старую шутку, и усмешка исчезла с лица брата, будто ее удалили.

— Сегодня далеко не полнолуние, — бесцветным голосом заметил он.

— От этого ничего не зависит. — Я не то извинялась, не то оправдывалась, и только еще более накалила обстановку.

Брат рассматривал мою освещенную красноватым лунным светом физиономию, и лицо его было непроницаемо. Закрыто, точно выросшая вдруг поперек знакомой дороги

стена. Крепостная такая, сложенная из огромных неровных валунов. Полгода прошло, как появилась эта броня, скрывающая мысли и душу Дмитрия Шувалова. Я до сих пор не могла привыкнуть.

— Не позже рассвета. Мне и в самом деле когда-то надо спать, — сухо приказал тот, кто когда-то заплетал мне косички и учил ездить на велосипеде. И скрылся в проеме.

Я какое-то время сидела неподвижно, но Зов, как всегда, оказался сильнее совести. Неуклюже поднялась на ноги, выпрямилась. Руки легли было на балконную ограду и тут же отдернулись. Не то чтобы железо причиняло мне боль, но близость к этому металлу плачевно сказывается на здоровье. Учитывая популярность среди современных строителей разнообразных железобетонных конструкций, самочувствие Дарьи Шуваловой хронически оставляло желать лучшего. Только вот там, куда меня Зовут, это никого не волнует.

Глубоко вздохнув, я сосредоточилась. Мысленно потянулась, расправляя чувства, мысли, воображение. Коснулась теней, отбрасываемых оранжевой луной, мягко толкнула их. И опрокинула, как опрокидывают чернильницу, расплескала тьму по фасаду, по окнам, по своей фигуре. Черно-черная ночь живым плащом скользнула на плечи, пряча меня от случайных взглядов. Где-то переливались колокольчики. Откуда-то прилетела тонкая, ломкая мелодия флейты. Дышать стало свободнее, спина неосознанно выпрямилась, плечи расслабились. Я запрокинула лицо. И прекратила сопротивляться Зову.

Мир опрокинулся. Кувыркнулся вниз, вперед и вверх одновременно, промелькнул перед глазами смазанными пятнами, просвистел в ушах, простонал далекой болью в теле. Небо дрогнуло, наливаясь новыми, недоступными человеческому глазу глубинами, в то же время теряя цвета и оттенки. Распахнулись под ногами горизонты, разлетелись шелковыми рукавами тропы иных измерений, зазмеилась по крышам и деревьям вязь чужих чар. Прошлое и будущее исчезли, оставив в сознании лишь исполненное смутной тоски «сейчас». Я расправила крылья.

Серая неясность, маленькая, невзрачная сова из тех, что водятся даже в человеческих городах, слетела с балкона и бесшумно скользнула в ночь.

Воздух упруго ложится под крылья. Летать совсем не сложно. Ночь несет тебя в сильных ладонях, расстилает дали небесного лабиринта. Порыв ветра, качаешься сначала на одно крыло, затем на второе, удерживая равновесие. Будто идешь по перекладине, раскинув руки, — только вот свернуть можно куда угодно.

Сейчас, приняв свой истинный облик, я не могла не дивиться, насколько же беден человеческий мир и как ограничено человеческое зрение. Вокруг сходятся и разбегаются пласты реальности, опираясь на координаты куда более запутанные, чем привычные мне длина-ширина-высота. Затеряться среди миров так же легко, как шагнуть не в ту дверь, и, признаюсь, даже здесь, совсем рядом с домом, я ориентируюсь в плетении воздушных тропинок весьма приблизительно. Впрочем, в данном случае надо было всего лишь следовать Зову.

Неторопливый поворот, и я оказываюсь над рекой. Темный бег осенних вод скован гранитом набережных, человеческие огни отражаются в своевольной глади наряду с сиянием иных миров и нездешних чар. Текущая вода, дорога старых сказаний. Я опускаюсь почти к самой поверхности, вижу свое отражение. Тело птицы, сменяемое раскинувшей руки девушкой в просторной футболке, сменяемое совой, сменяемое чем-то еще... Резкими взмахами крыльев карабкаюсь по пластам не-реальности. Один, второй, третий, потом сразу седьмой, нырок вниз, и вот я уже лечу над рекой в мире чистого волшебства.

Напитанные силой воды плавно текут среди высоких, древних, как само время, лесов. Чужое небо... Если бы ты мог это видеть, братик, ты бы не стал больше шутить о земной луне! А воздух? Разлитая в осенней свежести магия, и каждый вздох — точно глоток силы, и каждое движение отзывается томительной радостью!

Глаза не видят человеческих красок, но разве доступны людям те цвета, что можно найти здесь? Темный, окутанный ночью пожар осенних кленов. В листьях деревьев живет огненная стихия, в непостижимой гармонии с силой земли, наполняющей ветви и корни. Пламя над водами: золото, багрянец, медовая, солнечная тягучесть янтаря.

Зов подгоняет, заставляя свернуть и, сложив крылья, устремиться к почтительно расступающимся стволам. Закладываю круг, постепенно снижаясь. Прогалина — точно зал, сплетенный из поцелованных пожаром ветвей.

Уоу-х. Похоже, я опоздала.

Опять.

Звезды и листья обнялись в танце, оседая на медяных травах, на гривах коней, на плащах всадников. Тревожные всплески музыки и похожий на переливы арфы смех. Хищное предвкушение в воздухе. Мое сердце болезненно замирает, затем несется вскачь.

Сакуны, чьи серебряные копыта нервно переступают по колдовским травам, прекрасны. Сотканное из света и тени сочетание хрупкого изящества арабской породы с силой и мощью першеронов. Гривы молочного тумана, глаза, в которых мерцают звезды, — это не кони, это платоновские идеи, воплощающие самое прекрасное в лошади.

Псы, лаптящиеся к ногам хозяев, несут отголосок стремительности, даже застыв в ожидании. Серебряный полумесяц мерцает на их лбах как знак чистоты породы, умные глаза впитали в себя лунный свет. Нет дичи, что скрыла бы свои следы от гончей теней. Нет добычи, что смогла бы противостоять слаженной атаке такой стаи.

Хищные птицы восседают на руках царственных всадников. Всадников... Есть ли слова, чтобы описать этих существ? Линии их тонких лиц и узких плеч, варварскую пышность их одеяний и утонченную сдержанность драгоценных камней? Сила течет сквозь дивные тела, наполняя их магией, как воздух наполняет флейту музыкой. Глаза сияют внутренним волшебством, чем-то еще, более неуловимым, и чуждым, и прекрасным.

Прежде всего — прекрасным. По спирали огибая звенящих музыкой и чарами высоких фейри, я как никогда четко понимаю, что нигде больше я не увижу ничего чудеснее Королевской Охоты. Первобытная сила ритмично бьется в воздухе, подобно древнему сердцу, подобно смене сезонов, подобно зарождению миров.

Знаю, что нет в моей жизни действия, настолько исполненного смыслом, и сотворением, и памятью.

И больше всего на свете я хочу оказаться как можно дальше от этого чуда.

Силы могут вернуться к истокам мира, и я ничуть не буду против. Предназначение пусть предсказывает судьбу самому себе, если уж больше нечем заняться. А серая неясность по имени Дарья хочет домой. К пледу, к книжкам и другу-компьютеру. К брату, который не смотрел бы на нее, точно на липкую, дурно пахнущую субстанцию, непонятно как оказавшуюся под его ботинком.

Жаль, что мое мнение на этот счет никого не интересует.

Дама Аламандин изящно поднимает затянутую в охотничью перчатку руку, и я приземляюсь на ее запястье, несколько раз бью крыльями, чтобы удержать равновесие. Зов вспыхивает последней вспышкой боли и исчезает, растворяясь в глубинах моего тела. До следующего раза.

— Ты опоздала, — серебристым голосом говорит хозяйка, легко касаясь перьев на моей спине. — Опять.

Я разворачиваю голову так, как это умеют только совы — почти на сто восемьдесят градусов. Она в последний момент успевает отдернуть пальцы, и мой клюв щелкает вхолостую. Послушной и воспитанной зверушкой я не была никогда.

Аламандин смеется, запрокидывая увенчанную тяжелой прической голову, и в воздухе раскаленным золотом растекается ее искреннее веселье. Волосы моей хозяйки темны, а кожа столь светла, что кажется почти прозрачной. Тонкие жилки вен чуть ли не сияют пульсирующей в них магией, создавая вокруг нее ореол обманчивой хрупкости. Раскосые глаза ее цвета камня, который дал ей внешнее имя, но из драгоценностей моя госпожа предпочитает прозрачные, исполненные внутреннего света слезинки бриллиантов.

Хозяйка моя не принадлежит к высшей знати: единственный титул Аламандин — рыцарство, пожалованное ей в последней крупной войне. Не знаю, за что именно: это было за несколько столетий до моего рождения, а вопросами я себя не особенно утруждаю. Честно говоря, мне просто страшно их задавать. Сила дамы Аламандин сосредоточена в основном вокруг трав и растений, хотя она так же изумительно умеет работать с кристаллами. При дворе моя госпожа считается негласным специалистом по зельям и наркотикам, изменяющим сознание и пленяющим разум иллюзиями. Не хочу

думать, как именно ее умения можно превратить в оружие массового уничтожения. И того, что мелькало в интригах и дуэлях двора, более чем достаточно. Если бы высокоую даму не забавляли мои попытки бунтовать, она давно бы могла убедить меня в чем угодно и добиться сколь угодно рабской покорности. Однако же метанья глупого птенца почему-то развлекают госпожу, а фейри мало что ценят превыше возможности развеять скуку. И мне предоставлена иллюзия свободы.

Относительной, разумеется. Время от времени поводок дергают и смотрят, как я бьюсь в затягивающейся все туже и туже удавке. Вот, например, сегодня...

— Его высочество изволит быть хмурым в эту прекраснейшую из ночей, — раздается сдержанный, чуть хрипловатый голос, от которого перья на моей спине встают дыбом. Причем отнюдь не от страха. Сэр Шерессан, Властелин Дальних Ветров (чем бы они, эти ветра, ни отличались от всех остальных сквозняков), оказывает подобное воздействие на женщин. Вне зависимости от того, в каком физическом теле они в данный момент обитают.

— Настроения принца легки, точно туман на перевалах. — Дама Аламандин не поворачивается к нобилю, держащему на запястье беркута, но даже затылком своим умудряется передать впечатление, что уж она-то знает и чем вызвана хандра его высочества, и как использовать ее к собственной выгоде. — Они мерцают и изменяются. Но горы остаются прежними.

— Ветер подтачивает даже горы.

— Но воля короля остается неизменной.

— Воля короля остается неизменно исполненной.

— Разве я сказала иначе?

Хозяйка игриво щелкает меня по клюву, ведет рукой. Моя голова поворачивается вслед за кончиками ее пальцев, описывая почти полный круг. Снова пытаюсь цапнуть, промахиваюсь, получаю еще один щелчок. Губы моей госпожи изгибаются в улыбке. На мгновение мелькают клыки, слишком тонкие и острые, чтобы принадлежать примату.

Интересный диалог. Что же я пропустила на этот раз? И вообще, по какому поводу назначена охота? До Самейна и осеннего выезда в мир смертных еще две недели, да и не по-

хоже это сборище на официальное Деяние Силы. Раз сам король отсутствует, речь идет не о великой магии, а о рутинной перетасовке энергий. В то же время подслушанный разговор наводит на размышления о более... политической подоплеке.

Я выпрямляюсь на руке госпожи и, игнорируя дальнейшие подначки, вращаю головой, оглядывая высокое собрание. Королевская семья представлена лишь младшим принцем, золотокожим юношей с рассыпанными по черным доспехам волосами цвета снега. Рядом, придерживая нетерпеливых коней, застыли королевские рыцари, вежливой такой стеной отделяя его высочество от остальной свиты. Принц не выглядит хмурым. Скорее задумчивым, непроницаемым и очень одиноким. Но мало ли каким он кажется? Я готова признать, что благородные фэйри куда более поднаторели в чтении себе подобных, нежели едва оперившийся совенек.

Перезвон серебряных копыт, новая тема в окутавшей поляну музыке, — из тьмы возникает огромный скакун, несущий на своей спине мастера охоты. Лорды и леди оживляются, но я не обращаю внимания на подъехавшего к принцу охотника. Нет, мои глаза лишь для сидящей на его руке птицы.

Я не знаю его имени, ни внешнего, ни личного, ни истинного. Да что там, мне пришлось долго лазить в Интернете, прежде чем удалось хотя бы правильно определить, к какому виду он относится. Филин Маккиндера, самая крупная из африканских сов, мощная, страшная птица, основным оружием которой являются сила и скорость. Не говоря уже о чудовищном клюве и когтях, выглядящих наглядным доказательством происхождения птиц от динозавров.

С филином мастера охоты мне приходилось сталкиваться лишь дважды, и оба раза получилось так, что я, исключительно по собственной глупости, ставила под угрозу его жизнь. Стоит ли говорить, что впечатления у нас обоих остались более чем запоминающиеся. Третьи лица, развлекающиеся в свободное время недобрыми сплетнями (не будем показывать пальцем на сидящую на руке среброглазой леди полярную сову), передали, что разъяренный филин пообещал не то свернуть кое-кому шею, не то выдергать из хвоста все перья. Я информацию оценила и мудро постаралась избежать встреч. До сегодняшнего дня.

Точно почуяв испуг, филин Маккиндера мгновенным,

жутким и в то же время естественным совиным движением разворачивает ко мне голову. Машинально сжимаюсь и опускаю крылья, стараясь прикрыть хвост. В круглых глазах читается одновременно насмешка и что-то еще. Чувствую, охота эта запомнится мне надолго.

По рядам всадников летят брызги оживления, птицы бьют крыльями и рвут когтями перчатки.

— Гончие взяли след...

— Королевские гончие почуяли след!

— След, след!

Протяжно поет рог, будоража во мне что-то дикое, трепетное.

— Наконец-то! — восклицает дама Аламандин, нетерпеливо разворачивая скакуна.

Один за другим темно-серые кони срываются с места в карьер, теньями перелетая через поваленный ствол, устремляясь вслед за перекликающимися впереди псами.

Скачка в ночи. Погоня. Охота.

Госпожа моя, как же люблю это ощущение! И как презираю нас обоих, когда приходит утро.

Мы летим, дикие твари дикого леса. Свободные. Дерзкие. Сильные.

Тревожный переключ рогов, азарт, голоса гончих. И магия. Магия, что пульсирует в такт ударам копыт, что охватывает всех нас, слившихся в этой погоне в единое целое. Столь странных. Столь разных. Составляющих вместе много больше, нежели просто сумму отдельных частей.

Дама Аламандин мчится бешеным галопом, одной лишь мыслью направляя бег теневого скакуна. На щеках ее мерцает румянец, глаза горят, из горла вырывается торжествующий клич. Прическа давно растрепалась от поцелуев ветра. Удерживающие волосы длинные шпильки в виде платиновых драконов ожили, чтобы лететь в вихре черных прядей. Бриллианты, которыми инкрустированы их крылья, вспыхивают, когда волшебные ящерицы вырываются вперед или зигзагами выются в конской гриве. Многослойное платье благородной феири сначала напомнило мне о сложных китайских одеждах, но теперь, в вихре развевающихся рукавов и вышитых камнями подолов, я понимаю, что одеяние соткано не из шелка, а из ночного ветра и медвяной росы. Искры

взывают из-под серебряных копыт. Смех мечется золотыми брызгами. Я несусь в ночь, вцепившись когтями в перчатку, чуть расправив крылья, подавшись всем телом вперед. И я счастлива, счастлива, счастлива!

След. Его невозможно ни с чем спутать. Вот призрачная тень, оставленная нашей дичью, мелькает справа, чудится среди ветвей. Это эхо... Человек! Наша дичь — смертный, дитя моего приемного мира. Что же он сделал, чтобы стать развлечением для охоты? Оказался не в то время и не в том месте? Увидел что-то, что не должен был? Именно излишнее любопытство и вселенское невезение наказываются обычно диким гоном. Что-то во мне трепыхается слабым протестом и тут же вновь опадает под волнами магии и азарта. Какая разница, что сделал этот человек? Исход все равно известен, так зачем тратить свое сочувствие?..

Хозяйка вскидывает голову, тоже услышав отголосок присутствия дичи. Я напрягаюсь, чувствуя, как по ее приказу вскипает во мне присущая лишь хищным птицам магия, находя невидимые для других следы, цепляясь за них, толкая меня вперед. С торжествующим звонким криком дама Аламандин вскидывает руку, отправляя меня в полет.

«Найги. Схвати. Принеси!»

Беззвучной серой тенью я срываюсь в свободный поиск. Мысли и сила хозяйки все еще со мной, но они лишь поддерживают, не направляя. Дальнейшая охота принадлежит мне.

Я мчусь по следу. И царственные дубы, и раскидистые ясени расступаются передо мной, ветви исчезают с пути, послушные власти королевской охоты. Лес склоняется перед силой, которая в той же мере часть его, в какой и правит им.

Уоу-ух! А дичь наша не так проста, как кажется. Я петляю вслед за тем, кого преследую, на мгновение проваливаясь в иной, сине-серо-стальной мир, возвращаясь через ствол сумрачной ели. Значит, я преследую чародея. Да такого, что умеет ходить совсем непростыми тропами и маскировать свое эхо. Что ж, так даже интересней!

След раздваивается, затем раздваивается еще раз, но я уже знаю, с чем имею дело. Резкими взмахами крыльев поднимаюсь над кронами деревьев, кружу, ища что-то, до конца не ясное мне самой.

Позади звенит охота, и в музыку погони вдруг влетают-

ся новые ноты: удивление, боль, страх. Битва. Принц и его свита сражаются с кем-то, с чем-то, воздух леденеет недобрым предчувствием. С криком гнева я разворачиваюсь, готовая броситься на помощь госпоже, но дама Аламандин властным приказом останавливает свою птицу, посылая меня вдогонку за беглецом.

«Найги! Убей!»

Я повинуюсь.

Где-то перекликаются остальные птицы, сбитые с толку и залетевшие слишком далеко. Я позволяю себе беззвучно ухнуть. Соколы-сапсаны (мерзкие каннибалы!), конечно, самые быстрые из птиц, а ястреба (снобы!) яростны в битве, но использовать их, чтобы выследить ночную дичь? Уоу-ух! Нет, они, конечно, великолепно видят в темноте, в конце концов, мы — хищные фэйри, а не родичи куриц из тех, что водятся на смертной земле. Однако у каждого есть свои слабые и сильные стороны. Совам доступны пути, скрытые от всех остальных, — особенно под покровом тьмы.

Я испускаю тот жуткий стон-крик, из-за которого смертные так долго верили, что совы являются порождениями зла. И в чем-то были правы. Ночь откидывает покрывало, заново вспыхивая багрянцем кленов и одуряющим запахом кедров. Доверившись инстинкту, я падаю вниз, несусь слепо и абсолютно беззвучно, как умеет лишь серая неясность. Петляю среди стволов, меж уходящих с моего пути ветвей и открывающихся передо мной миров. Где-то посреди этого безумного полета присутствие госпожи Аламандин покидает меня, оставляя лишь мою собственную магию и начинающий постепенно возвращаться разум.

Разум — это хорошо, это просто замечательно! Способность думать мне ой как понадобится, если дело придется иметь со столь... сообразительной дичью. Я лечу по следу, теперь видимому совершенно отчетливо, снижаюсь почти к самой земле, чтобы не пропустить еще один трюк из тех, на которые горазда моя добыча. Тихо, тихо. Все совы — специалисты по беззвучным полетам, но неясность особенно тщательно следит за своим оперением и движениями, услышать ее приближение практически невозможно. По крайней мере до тех пор, пока она не издаст этот ужасный, потусторонний крик-вой, пугающий порой даже меня саму!

Почти... Я вылетаю на поляну и от шока резко выворачиваю крылья, меняя направление. Да-а-а! Целых два пренеприятных сюрприза.

Во-первых, не одна я такая умная, что смогла выследить смертного беглеца. Совершенно ясно, что до меня по этому же следу прошли три теньевые гончие.

Во-вторых, выследить добычу, оказывается, не самое главное. Ее еще надо схватить. И как мне сделать то, с чем не совладали темноглазые псы дикой охоты, я не очень представляю.

А они не совладали. Иначе с какой бы стати им лежать среди серебристо-зеленых трав пахнущими колдовством тушками?

Я облетаю поляну по кругу, отмечая, куда пошла дальше неожиданно зубастая дичь, но не спешу следовать за ней. Часто работая крыльями, зависаю над землей, тяну что-то глубоко внутри себя, и мир закипает магией, чтобы задрожать, чтобы измениться, чтобы опрокинуться...

3

Я поднялась, по колено утопая в упоительно пахнущих травах, отряхнула джинсы. Как всегда после превращения, потребовалось какое-то время, чтобы человеческие глаза приспособились к столь прозрачной для совы тьме. Привыкну ли когда-нибудь к этим сдвигам в восприятии?

Вряд ли.

Мир вокруг завораживал красотой, но я, не обращая внимания на волшебство ночи, подошла к телам гончих. Опустилась на колени, зарылась пальцами в шелковую, как дым, шерсть. Магия в моих ладонях окликнула ту силу, что спала в этих поджарых телах, и я с облегчением откинулась на пятки. Живы. Просто слегка... не в форме. Хвала всем лордам и леди, не хотела бы я столкнуться с тем, кто способен взять и убить тройку серых песиков. Теньевые гончие не просто так заработали свою репутацию фактически неуничтожимых созданий.

И, кстати, не стоит ждать, пока собачки придут в себя. Вряд ли они будут разбираться, кто здесь враг, а кто так... мимо пролетал.

Отойдя на несколько шагов, я кончиками пальцев коснулась следа. Зажмурилась. Близко. Очень близко. Продолжить преследование или ждать подмоги?

А будет ли она, эта подмога?

Благородные господа заняты, и, судя по тому, что я успела ощутить, прежде чем Аламандин отдала приказ на уничтожение, заняты серьезно. Оставшаяся свора, скорее всего, бьется бок о бок со своими могущественными хозяевами. Там уже не до охоты. Если кого и послали закончить дело, то только птиц.

Дневных можно вычеркнуть сразу. Не найдут. Разве что ворон его высочества, но этот наплюет на любые приказы и бросится на выручку своему господину. Ночные... Кого же из наших я успела заметить, пока хозяйка обменивалась выпадами с Владыкой Дальних? Только одну мою старую знакомую. Ну, от нее много ждать не приходится. Не поймите неправильно, я с огромным уважением отношусь к полярным совам. В магической силе им нет равных среди владык неба. Но вот интеллектуальные способности этой конкретной птицы... Скажем так, ее леди выбирала спутницу исходя из того, что белые перья идеально гармонируют с платьем и прической.

Остается... филин Маккиндера. Вот уж кто совершенно точно будет здесь. Причем скорее раньше, чем позже. Я поежилась. Огляделась. Неожиданно близость опасного беглеца перестала казаться такой уж неудобной.

Решительно повернувшись к тропе, я направилась по следу. Тонкая паутинка-заклинание, настроенная лишь на одного филина во вселенной, затрепетала между стволов. Ничего хоть сколько-нибудь серьезного или заметного, но я узнаю о присутствии птицы мастера охоты за несколько минут до того, как она свалится мне на голову.

Кто знает? Быть может, я даже сумею сохранить хвост в неприкосновенности.

Угу.

А как насчет шеи?

Звериная тропа упруго ложилась под ноги. Следы беглеца можно было заметить уже без всякой магии: сломанная ветка тут, цепочка кровавых капель здесь. Чужая магия пре-

рывиста и истекает болью. Дичь загнана, почти на грани истощения. Может, очередной трюк?

Двигаться бесшумно в человеческом теле не так просто, как в свином, но кое-какие способности сохраняются. Сбитое, судорожное дыхание добычи я услышала раньше, чем смертный заметил приближение новой опасности. То есть смертная. Страшный колдун, заморочивший дикую охоту и уложивший трех гончих, оказался на поверку колдуньей.

Я неподвижно застыла в сплетении ветвей, оценивая противницу. Дичь упала среди корней поваленного дерева, явно неспособная бежать дальше. Ноги сбиты в кровь. Пальцы бессильно царапают шероховатую кору. Плечи сотрясаются от хриплых, бессильных рыданий.

На волшебнице была одежда благородной феиры — верный знак, что добыча жила среди нас, а не забрела сюда случайно из мира смертных, как я сначала думала. Некогда роскошное платье, сотканное из глубокой синевы сентябрьского неба, было грязно, местами разорвано. В разрезах рукавов должна бы проглядывать белоснежная рубашка, но, похоже, смертная использовала ее, чтобы перевязать нанесенные гончими раны. Тяжелое золотое шитье накидки странно контрастировало с покрытой ссадинами и синяками кожей. Сетка, в которую были когда-то убраны длинные волосы, давно порвалась, но в спутанных прядях еще мелькали жемчужины и золотые нити. Легкие бальные туфельки... точнее, то, что от них осталось. Бальные? Да откуда же она сбежала, такая... неподготовленная?

Неуютное чувство, преследовавшее меня с тех пор, как Аламандин крикнула «Убей!», превратилось в почти уже принятое осознание грядущей катастрофы. Что вообще тут происходит? И не лучше ли удрать сейчас, чем увязнуть еще глубже?

Почти против своей воли я сделала шаг вперед. Затем еще один. И еще.

Добыча медленно, обреченно повернулась. Лунный свет обнимал ее сломленную фигуру, обрисовывая каждую черточку, каждое движение. А я стояла в нескольких шагах, скрытая лесными тенями и скованная тоскливым ужасом.

Стояла и смотрела в свое собственное лицо.

Самое обидное, что я до сих пор не знаю, зачем создаются подменыши. Фейри не любят объясняться, и в ответ на свои вопросы я услышала с полдюжины вариантов, начиная с «влиять на мир смертных» и заканчивая «избавиться от полудохлого птенца». Последнее выглядело наиболее убедительным: родители не раз говорили, что без чудес современной медицины я никогда не смогла бы пережить младенчество. Полагаю, теперь ко всем этим теориям придется добавить еще одну: украсть наделенного даром человеческого ребенка, чтобы потом было на кого охотиться. Мотивация как раз в стиле высоких господ.

Каковы бы ни были причины, я — подменыш. Дитя фейри, которое положили в колыбель взамен украденной смертной девочки. Существо, принявшее чужой облик, жившее чужой жизнью. Думаю, больше всего от этого кошмара пострадали родители: мои бесконечные болезни, бесчисленные аллергии, перепады настроения и внезапные исчезновения были в ответе за раннюю седину отца и мамино больное сердце. Они-то чем заслужили аутичного, странного, проблемного ребенка, преследуемого приступами астмы?

До пятнадцати лет я жила, искренне считая себя пусть и неудачным, но человеком. Закатывала истерики, считалась отличницей в классе, где-то даже была счастлива. А еще у меня был брат. Самый лучший старший брат на свете, с которым можно было говорить обо всем. То есть совсем обо всем. Например, рассказать, что ты видишь вещи, которых никак не может быть на самом деле.

А потом мне исполнилось пятнадцать. И вместе с западной первой кровью пришли странные гости. Хищные птицы, прилетавшие в наш двор, видения, отраженные оконным стеклом, сны, голоса. Зов. Следуя ему, я поднялась однажды на крышу.

И чьи-то сильные, жесткие руки толкнули меня вниз.

Падение... Вихрь, и ужас, и панический поиск спасения, любого, любой ценой, *сейчас!* Интересно, что бы они сделали, если бы я не смогла тогда *обернуться?* Позволили упасть? Оставили маму с папой расхлебывать последствия? Это было бы не в первый раз.

Но я смогла. И, упав в тот день в объятия собственной ма-

гии, я, невежественная и неумелая, запуталась в сетях чужого колдовства. Первый полет запомнился смутно: очулась я уже в другом мире.

Обучение, королевский двор, магия... Самое дикое — они искренне ожидали, что я буду счастлива. Фейри, высокие и низшие, одновременно жалели меня за то, что мне пришлось жить в мире смертных, и презирали за это. Теперь, говорили мне, все будет по-другому. Теперь ты спасена, ты здорова, ты можешь жить так, как тебе предназначено.

Они искренне ожидали, что я буду благодарна.

Не знаю, быть может, крестьянка, вышедшая из средневековой нищеты и не видевшая в жизни ничего, кроме своей деревни, и была бы ослеплена великолепием двора. Легко могу понять, как забитый ребенок из неблагополучной семьи поверил бы, что волшебство — это единственный ответ на все вопросы.

Силы ночные, да я сама бы и ослепла, и поверила, если б не одно. Если бы они не отняли у меня семью. Узнать, что мама и папа — совсем чужие. Понять, что Димка для меня — никто. Услышать: «Если они увидят, кто ты, они будут в ужасе». Кажется, я выклевала глаза тому, кто это сказал. Какая разница? Через пару дней он вырастил новые.

Я возненавидела жизнь среди фейри. Существование, ограниченное сплетнями в птичнике, поручениями мелочных нобилей и кровавым опьянением охот, казалось тюрьмой после поездок с папой по столицам мира. Какое сравнение может быть между вечером, проведенным с любимой книгой, и яростной, навешанной извне злобой, заставляющей рвать когтями тело другого разумного существа? Воспоминания о легкой доступности Интернета мучили, когда любую кроху информации приходилось добывать чуть ли не с кровью. Ну а магия... зачем нужна магия, если ее используют против тебя?

Не знаю, сколько длился этот кошмар. Время иначе ведет себя рядом с фейри, но по моим ощущениям прошло около трех лет. Воспоминания о доме поблекли и подернулись сияющей дымкой, заставлявшей все видеть в радужном свете. Забылись болезни, ссоры, тоскливость школы. А потом была история... Не важно. Я сломалась. Поднялась в небо над

пиками забвения, так высоко, как только смогла. И обернулась человеком.

Спас меня филин Маккиндера. Мы тогда оба едва не разбились, и это был второй раз, когда он рисковал из-за меня бессмертием. Мастер охоты пришел в ярость, окончательно уверившись, что толку от «человеческого выкорыша» не будет. Тогда бы все и закончилось, но вмешалась дама Аламандин.

Уж не знаю, что такого забавного госпожа моя находит в фейри, ненавидящей свой народ. Благородная леди-рыцарь заявила, что хочет видеть бесхозную и бесполезную неясить своей личной птицей. А потом сделала предложение: мне позволено будет вернуться домой, более того, хозяйка сделает так, что там никто не успеет заметить моего отсутствия. Ценной этому будет моя верность. Абсолютная. Преданность ей, Аламандин, даже вопреки приказам короля и велениям судьбы.

Я согласилась.

Дома... все оказалось не так. Нет, там и в самом деле прошло лишь несколько минут и ничего не успело измениться. В этом-то и проблема. Измениться успела я. Но как доказать папе, что я способна сама принимать за себя решения? Как объяснить маме, что взрослый оборотень здоровее любого смертного, что моя астма давно в прошлом, что приступы головокружения и слабости сейчас в основном связаны с близостью холодного железа?

Как сказать им, что порой я должна, что я *обязана* исчезать на целую ночь, а то и несколько ночей?

Первые месяцы были... сложными. Но они любили меня, и это стоило всех усилий.

А потом Димка застал свою «сестренку» в момент превращения.

Мне даже не понадобилось ничего объяснять. Откуда этот молодой смертный знает столько о потустороннем мире? Порой мне кажется, что он понимает куда больше меня самой. Дмитрию хватило одного взгляда, чтобы уяснить суть.

Холодный, холодный вопрос: «Где моя *настоящая* сестра?»

Мое запинаящееся: «Н-не знаю».

Он развернулся и ушел. Я не сразу поняла, что потеряла брата. То есть совсем его потеряла.

Вспоминая сейчас о прошлом, я гадаю: надо ли мне извиняться перед тем фейри, которого я когда-то пыталась убить? За правду глаза не выклеивают. Или если уж выклеивать, то не только за нее.

5

Трепет паутинки, предупреждающий о приближении филина. Он будет здесь через пару минут. Я отбрасываю воспоминания о прошлом, застываю на ветке.

В сотый раз прикидываю соотношение сил.

Я крупнее обычной серой неясыти, но не намного. Размером я примерно... ну, от макушки до кончиков когтей я в длину столько же, сколько будет от локтя до кончиков пальцев моей госпожи.

Уж не знаю, каков размерами настоящий филин Маккиндера, но в том, что служит мастеру охоты, поместятся три молодые неясыти. И это если мы говорим только о размерах. А есть еще скорость, сила, умение, опыт. Магия, в конце концов.

Единственное, что на моей стороне, — естественный темперамент. Хорошо быть злобной и агрессивной по природе. Серые неясыти считаются одной из самых сложных птиц для фотографов, поскольку, защищая гнездо и охраняя птенцов, они атакуют с самозабвением берсерков. Это полезное качество я унаследовала в полном объеме. Не уверена, правда, в птичьей ли натуре тут дело или же в характере милейшего создания по имени Дарья Шувалова.

Тень звука. Тень движения. Огромный филин летит над тропой, прекрасный в своем охотничьем скольжении.

Не давая себе времени задуматься, срываюсь с ветки и с криком, заставившим содрогнуться деревья, падаю ему на спину. Злость. Боль. Вина.

Комок перьев, рвущих тело когтей, хлещущего клюва. Я пытаюсь убить птицу, которой дважды обязана жизнью, и стыд, смешанный с ощущением чего-то непоправимого, неправильного, лишь еще больше подхлестывает ярость.

Еще один крик, сопровождаемый волной дробящей кос-

ти магии, — но он выдерживает атаку, как будто та ничего не значит, подминает меня под себя, сжимает бока огромными страшными когтями. Выпрямляется, распахнув для равновесия крылья... И падает на меня тяжелым мешком перьев.

Смертная чародейка с моим лицом стоит над нами, глядя внутрь себя измученным взором. И тоже падает, достигнув наконец предела выносливости. Я с трудом выбираюсь на волю, расправляю смятые чужими когтями конечности. Удивительно, но я почти не пострадала. Теперь, глядя назад, на эту короткую, безумную схватку, понимаю, что он старался не причинить мне вреда. Хотел обездвигить, а не ранить.

Вина, сомнения и боль поднимаются приливом. Госпожа моя, простите, высокая моя хозяйка, что же я делаю...

Со страхом касаюсь клювом груди филина, но смертная, как и обещала, использовала то же заклинание, что и на тепневых гончих. Он всего лишь спит.

С неохотой оставляю старшую птицу, подхожу к своей «добыче». Смотреть на нее без содрогания не могу, но есть вещи, которые исчерпываются словом «должна».

Как маленькой, избитой сове унести в безопасное место тело взрослой девушки? Больно вспоминать, но и этому меня научил филин Маккиндера. Тогда, над пиками забвения. Есть вещи, которые для фейри завясят лишь от точки зрения. Верность. Время. Форма.

Масштаб.

Расслабляю глаза, заставляя себя видеть чародейку такой, какая она есть на самом деле, и в то же время маленькой, легкой, похожей на деревянную статуэтку. Одно изображение накладывается на другое, но какое из них верно?

То, которое я выберу.

Сжимаю добычу когтями и поднимаюсь в небо.

По крайней мере, она не будет вырываться и брыкаться в полете. В отличие от некоторых.

Путь в безопасное место более утомителен, нежели весь предыдущий вечер вместе взятый. Я не могу возвращаться легкой дорогой, поскольку там можно наткнуться на охоту, а этого совсем не хочется. Приходится искать обходные тропинки. Уоу-ух! Навигатор из меня, мягко говоря, сомнительный.

Дважды залетаю куда-то... гм, не туда, дважды вынужде-

на возвращаться, причем во второй раз едва успела унести ноги. Будем надеяться, что преследователи, буде такие имеются, решат, что это очень умная ловушка, призванная сбить их со следа. Удирать от погони, которая отлично осведомлена, что на самом деле ты банально потерялась, — что может, быть унижительней?

Ноша во время этих метаний отнюдь не становится легче. Масштаб — он, конечно, явление относительное, но вот когти у меня начинают ломить очень даже конкретно. И крылья скоро отвалятся совершенно объективно. И плакать хочется. Только совы не плачут.

Наконец облетаю странное, похожее на облачный замок строение и оказываюсь над знакомым поселком. Минута, чтобы сориентироваться. Здесь есть одна тропка, которая могла бы помочь срезать десяток километров, но я сегодня уже наплуталась. Стиснув клюв, лечу напрямик, в обычном октябрьском небе. Добравшись наконец до места, не столько влетаю, сколько вваливаюсь в оставленное специально для таких случаев открытым окно.

Волшебница бесцеремонно брошена на кровать, а я долго сижу, пытаюсь дать отдых усталым мышцам. Затем, не оглядываясь, улетаю в предрассветную тьму. Мне еще надо успеть добраться до дома.

6

Димка ждал на балконе, нервно меряя шагами огороженные холодным железом два метра. Обернувшись в воздухе, я свалилась ему прямо на руки и, едва удерживаясь на грани сознания, позволила втащить свое тело в мою комнату.

— Что ты творишь? — Брат бесцеремонно сгрузил меня на постель и теперь тихо шипел, доставая из-под кровати аптечку. — Совсем очумела — превращаться без прикрытия?! Уже светает, тебя мог увидеть кто угодно!

Успокаивающе запахло бальзамом Вишневого, и я наконец позволила себе расслабиться. Полупроглоченное рыдание, заклочотавшее в горле при попытке заговорить, удивило меня саму. Димка, лишь теперь по-настоящему рассмотрев, в каком я виде, застыл.

— Даша?..

— Все... в порядке. Кровь... не моя. В основном.

Почти все раны, оставленные короткой схваткой с фильном, зажили при обращении, но ничто не могло скрыть кровоподтеков. Я безуспешно попыталась прикрыть пожелтевшие, но все еще впечатляющие синяки на ребрах.

Брат выругался так, что услышь его мама, без мыла бы не обошлось. Короткими, резкими командами он заставил меня поднять и опустить руки, несколько раз вздохнуть. Спор в приглушенных тонах, спор детей, не желающих тревожить сон родителей:

— Переломов нет. Дима...

— Все равно надо забинтовать.

— Я должна сказать тебе...

— Повернись.

— Это вовсе не обязательно. Дим...

— Кто тебя так поцарапал? Не отвечай. Сейчас, достану антисептик...

— Дима!

Раздражение вскипело и превратилось в какую-то детскую злость. Я поймала его руки, сжала, едва ли не в первый раз показывая свою силу.

— Дмитрий Шувалов, посмотри на меня!

Лед в его глазах на мгновение треснул, и мелькнуло что-то... Страх? О госпожа, только не это! Сглотнув, я чуть сжала его ладони и выпустила их, делая медленный шаг назад. Уходя из его личного пространства.

— Сейчас я приму душ, а потом мы вместе поедem на дачу. Тебе надо быть там как можно скорее.

— У меня сегодня занятия, — резко бросил он и отвернулся. — Как и у тебя. Если помнишь.

— Дима. — Вдох. Выдох. Момент истины. Еще не поздно, не поздно, еще можно все переиграть. Семья. Моя семья, мои родители, мой брат.

Краденая семья.

Никогда никакие слова не давались так тяжело.

— Я нашла твою настоящую сестру.

Мы выехали через двадцать минут. Не знаю, что там наврал Димка, пока я, забившись в душ, пыталась сдержать рыдания. Судя по комментариям сонной мамы, в истории фигу-

рировало домашнее задание и ранний склероз в семействе Шуваловых. Наскоро одевшись, схватив приготовленный с вечера школьный рюкзак, я вылетела на лестничную площадку, отказываясь встречаться взглядом с шагающим рядом братом. Чуть не сломала шею, прыгая через три ступеньки, чем заслужила выговор от ночного охранника. Выскочила наконец в предрассветный двор.

Дождаясь, пока Димка выгонит из подземного гаража машину, я успела обойти три раза вокруг клумбы, бормоча заговор. Если повезет, это хоть немного запутает тех, кто будет меня искать.

Чтобы сесть в машину, пришлось собрать все свое мужество. И не только потому, что за рулем расположился заледевший, точно лужа в октябре, Дмитрий. Из всех видов транспорта тяжелее всего мне давались автомобили. Самолеты и поезда, состоящие из того же холодного железа, почему-то переносились относительно спокойно, но стоило подойти на метр к даже самому современному, самому комфортабельному авто, как на меня накатывала волна дурноты и ноги сами поворачивались в обратном направлении. Вот и сейчас, набрав полную грудь воздуха, я запихнула себя на переднее сиденье лишь усилием воли. Вслепую нащупала ремень.

Машина тронулась плавно, мягко. Мои мысли метнулись к вчерашнему обеду. Как хорошо, что мама не успела настоять на сегодняшнем завтраке!

Легкие начали болеть, и я все-таки заставила себя сделать глоток воздуха. Неужели никто не замечает этот... запах? Бензин, металл, пластик, кожа мертвых животных, бензин, газ, яд... Ло-о-орды, как мне плохо!..

— Дыши, — бросил мне брат.

— Пристегнись, — сквозь стиснутые зубы огрызнулась я. И, упершись стекленеющим взглядом в окно, начала мысленно отсчитывать минуты.

Димка вел осторожно даже в час, когда на улицах никого, кроме нас, считай, и не было. Вот она, сила привычки. Дмитрий — сорвиголова за рулем, о чем свидетельствовали бесконечные споры с отцом. Но не припомню ни разу, чтобы он нарушил хоть одно правило, когда в машине была я. Даже когда узнал, что автомобильная катастрофа мне страшна не

так, как смертным. Даже сейчас, когда имелись все причины торопиться.

Я не пыталась анализировать. Мыслительный процесс вообще плохо сочетается с бунтующим вестибулярным аппаратом.

— Надо было надеть аламандиновую подвеску, — пробормотала я себе под нос.

— Какую подвеску?

Я попыталась вспомнить, встречается ли этот камень в мире смертных или является исключительно собственностью фейри. Последнее время я все чаще ловила себя на мысли, что, поначалу такие ясные, границы между моими жизнями стираются, а память все чаще выкидывает странные фокусы, отказываясь каждому факту и поступку выделять четкий ярлык. Травы, деревья, животные, люди — я уже не всегда могла разделить увиденное на «это-относится-к-совершенно-нормальной-и-не-волшебной-жизни», «это-пришло-из-мира-магии» и «это-вообще-бред-фантазия-чушь-и-не-существует».

— Так. Бижутерия.

Он промолчал.

Граница города. Скучающий офицер попытался было остановить дорогую машину, но брат метнул в его сторону острый взгляд, и он отвернулся, неожиданно потеряв к нам всякий интерес. Я сделала вид, что ничего не заметила.

Добравшись наконец до ровного шоссе, Димка плавно надавил на газ. По прежнему в пределах допустимого, но...

У-у-у-у!

Минут десять длился захватывающий диалог с собственным желудком, затем я сдалась и выдавила тонкое:

— Останови!

Взвизгнули тормоза. Я выскочила из машины еще до полной остановки, пробежала несколько метров, рухнула на колени. Оказалось, от вчерашнего обеда осталось не так уж мало.

Сзади послышались шаги. Поднявшись наконец с земли, я не глядя взяла протянутый кислородный баллон и прижала к лицу маску. Несколько глубоких вдохов, и в голове прояснилось.

— Извини. Слишком много магии прошлой ночью.

Он молча пожал плечами и вернулся к машине.

Иногда я начинаю ненавидеть свой организм:

Во второй раз сесть в машину оказалось проще. Быть может, помогла маска, быть может, тело с неудовольствием признало, что оно опять в мире смертных.

Оставшуюся дорогу я все так же молчала, раз в несколько минут вдыхая чистый воздух.

К даче мы подъехали, когда солнце уже разлило среди перистых облаков золото и розы. Уединенный загородный домик стоял в стороне от основного поселка, у самого леса, и папа в свое время заплатил дополнительно, чтобы у нас не появилось нежеланных соседей. Не могу сосчитать, сколько раз за последний год я благословляла его тихий снобизм и пристрастие к высоким заборам.

Димка остановил машину у самого крыльца, принялся искать в карманах ключ. Я, тряхнув головой, подошла к двери и коснулась полированных досок, отпуская охранное закливание. В глубине дома что-то откликнулось, потянулось ко мне, узнав, отхлынуло. И так, гостя уже поднялась. А я-то думала, что она пролежит еще по крайней мере сутки, восстанавливая подточенные кодовством и ужасом силы.

«Дичь» в очередной раз доказала, что куда сложнее, чем кажется.

Мягко щелкнул замок. Одарив брата тоскливым прощальным взглядом, я первая шагнула в дом. И безошибочно направилась туда, откуда тянуло нездешней магией.

Она действительно проснулась. И осмотрелась. И стала самой собой.

Девушке, стоявшей около окна, было на вид лет шестнадцать. Но, в отличие от нескладной меня, эти шестнадцать были грациозные, изящные, исполненные расцветающей красоты. Осанка из тех, что формируется ежедневными прогулками с кувшином воды на голове. Безупречная бархатная кожа, избалованная прикосновениями волшебных эликсиров, прямо-таки светящаяся здоровьем. Волосы, сложенные двумя раковинами поверх ушей, были того же коричневого цвета, что и у меня, однако если моя шевелюра создавала впечатление неприметной серой свиности, то здесь каждая

прядь, даже заплетенная, мерцала своей жизнью, отливала золотом, или бронзой, или глубоким каштановым заревом.

Мне хватило одного взгляда, чтобы к общей неприязни к колдунье добавить более аргументированную ненависть к каждой ее отдельной черточке.

Она повернулась. И нас окатило ощущение напряженной, готовой к бою силы на дне шоколадных глаз. Эта девушка не считала нужным ничего скрывать.

И не скрывала.

Исчезло разорванное и испачканное бальное одеяние. Теперь смертная оделась в серую тоску утреннего октябрьского неба. Нижнее платье из морозящего дождя, легкого и пепельного, вышитого тонкими серебристыми каплями. Верхнее платье соткано из отраженных в озерной глубине облаков, темно-стальных, шелковисто-холодных. Шаль, укутавшая ее плечи, была связана из бездонного, безбрежного ожидания. Из чувства, разлитого отчаянием до самого горизонта, но вспыхивающего в глубине упрямой, верной надеждой.

Из драгоценностей на ней имелась лишь серебряная цепочка, пересекавшая лоб, и я даже не смогла понять, из чего она скована. Уж совершенно точно не из металла, выплавленного руками смертных.

Лорды и леди! Как можно видеть перед собой точную свою копию и одновременно полную, абсолютную противоположность? Эта человеческая женщина казалась сошедшей с древней гравюры, изображающей ожидающую у окна принцессу. Причем принцессу фейри. Tuatha De' Danaan, которая набросила на себя glamour, пытаясь притвориться смертной.

Без особого, впрочем, успеха.

Дмитрий резко, пришибленно выдохнул у меня за спиной. Волшебница грациозно кивнула нам — благородная дама, признающая присутствие слуг. Легкая дымка нетерпения — нет, разочарования — во тьме шали. Она ждала кого-то другого.

— Приветствия вам, достойные.

В ее голосе — безупречная вежливость, присущая некоторым из нобилей. Тех, что никогда не позволят себе оскорбить или унижить низшего фейри, просто потому, что ос-

корбления — привилегия равных. Эта картонная учтивость всегда оставляла у меня впечатление, что говорящий на самом деле не видит меня, что он совершенно не способен хотя бы приблизительно представить, что творится у меня внутри. И не хочет представлять, если уж на то пошло.

— И наши приветствия вам, колдунья. — Я не стала утруждать себя неискренней улыбкой или попытками угадать, каков же ее настоящий статус среди высоких дворов. — Оправились ли вы от перенесенных испытаний?

На мгновение брови смертной чуть приподнялись от подобной грубости, затем взгляд вновь прояснился. Она нашла, в какую категорию нас отнести.

— Да, и я понимаю, что обязана этим вам. — Наклон головы в мою сторону, и с нотками формальности и почти неощутимого презрения в голосе: — Примите заверения, что долг жизни не будет забыт.

Категория «мелкие вымогатели». Пытающиеся удостовериться, что имеют право требовать ощутимое одолжение.

— Долг жизни? — тихо спросил Димка, которому так ничего и не было рассказано о событиях прошедшей ночи.

Я нетерпеливо дернула плечом. Чем меньше смертный знает о делах, покрытых магией, тем лучше для его безопасности. Доказательство этой нехитрой теоремы стояло сейчас перед нами, изо всех сил пытаюсь притвориться, что укусы теневых гончих на ее лодыжках и предплечьях уже зажили.

— Думаю, имеет смысл представиться, — намеренно отбросив предписанные этикетом формулы, обратилась я к колдунье.

Неуверенно запнулась. Обозлилась. И, окончательно наплевав на все законы вежливости, дала ей прозвище из смертного мира. Пусть оно по праву принадлежит смертной девушке. К черту права! Это *мое имя*. Чтобы сохранить его, я скандалила, и не подчинялась, и проливала кровь. Не отдам.

— Дарья Шувалова, — я вызывающе вскинула подбородок и, не дождавшись реакции, уже более спокойно спросила: — Могу ли я просить о чести называть вас истинно?

И вновь дрогнули брови под тонкой серебряной цепочкой. Понять бы еще, чему именно она удивляется. И чего боится.

— Вы можете называть меня Aoibheal Осенняя Гроза, —

милостливо дала свое внешнее имя колдунья. Причем с таким видом, будто оно должно мне о чем-то говорить.

— Аф-ил? Аврил? — Димка честно попытался обернуть язык вокруг нагромождения чужеродных звуков.

— Ав-хииль из дома Осенних Гроз, — поправила я его произношение. — В повседневном общении допустимо использование только первой составляющей. Ав-хиль. Старайся не слишком глушить «в» и не слишком смягчать «л».

— Дмитрий Шувалов. — У него хватило ума не произносить свое имя по слогам и не протягивать руку.

— Дмитрий — мой... — Я вновь запнулась. Вновь обозлилась, на этот раз на себя. Если уж взялась, то надо доделывать до конца. — Он ваш брат, колдунья.

Красивое лицо застыло. Глаза... Видели вы когда-нибудь шоколадный лед?

— Вы ошибаетесь, достойная.

Я внезапно поняла, как же бесконечно устала за эту ночь.

— Послушайте, Aoibheal, хватить играть. Мы не при дворе. Вы все сами поняли.

Она шагнула вперед, позволив шали упасть к ногам бурей осенних эмоций.

— Довольно.

— Вас украли в детстве. Подменили на меня. Воспитали при дворах фейри. Теперь вы изгнаны обратно в мир смертных. Должны здесь жить.

— Я сказала...

— У вас тут есть семья. О вас беспокоятся. Вот ваш брат. Он...

— Довольно!!!

Ослепляющий блеск ворвавшейся в окно молнии слился с грохотом, сотрясшим дом. Колдунья выпрямилась во весь свой невысокий рост, полыхая силой и яростью. Маски сброшены. Теперь даже невооруженным взглядом было видно, что в вихре сказочной магии перед ними стояла человеческая женщина. Существо из плоти и крови, но исполненное дикого, какого-то чисто человеческого ведьмовства.

Но не только она лишилась привычного образа. Я успела отвести удар и прикрыть брата, но накатившая сила смыла с меня glamour, оставив оскалившую зубы-иглы суть. Выцветшие серые волосы, бурлящие ночью глаза, заострившиеся

черты. Тело, где нет ни плоти, ни крови, а лишь сущность, которую и магией-то назвать нельзя, потому что в человеческом языке просто нет слов, чтобы описать подобное. Тихо оседало в воздухе совиное перо.

Взводимый курок щелкнул неожиданно громко, даже после отзвучавшего только что громового раската. Димка тоже отбросил маску. Ствол пистолета глядел точно между изящных бровей явно не понимающей значения этой угрозы Aoibheal.

Я как будто протрезвела. А быть может, прозрела. Даже видя, впервые по-настоящему видя мою не-человечность, даже имея возможность сравнить и понять, брат без колебаний встал на мою сторону. Только вот с каких это пор Димка начал пользоваться огнестрельным оружием? Да еще так умело?

— Я — леди дома Осенних Гроз, — сказала Aoibheal, — и никто не смеет занять мое место. Между нами долг жизни, и я прощу нанесенное оскорбление. Но вы больше не повторите своей лжи.

Мое восприятие в этот момент сместилось. Расширилось, позволив наконец сделать то, чему я так отчаянно сопротивлялась: признать существование этой девочки. Позволив увидеть не просто отражение своих страхов, но то, какой она была на самом деле.

Воспитанная среди фейри, более того, воспитанная как дочь благородного дома. Возможно, они даже позволили ей верить, что она такая же, как все, одна из них, что она своя.

Как давно она поняла, что это не так?

Как давно узнала о *подмене*?

Вчера вечером?

Я ожидала, что она попытается бросить мне вызов за имя Дарья. Она считала, что я знаю, как ее зовут, и пытаюсь чего-то от нее добиться. Я думала категориями смертных, она продолжала убийственную интригу фейри. Почему за ней послали королевскую охоту? С кем схлестнулись рыцари, пока я выслеживала добычу? Почему Аламандин намекала на несогласия между королем и младшим из принцев?

А главное: к какому двору принадлежит ее Дом? Поначала я решила, что к нашему, ведь в противном случае король просто не имел права объявить высокую леди дичью. Однако

как бы плохо я ни знала двор, названия благородных домов пришлось вызубрить. И Осенних Гроз среди них точно не было. Похоже, девочка воспитывалась в другом королевстве.

Как? Как это могло произойти? Значит ли это, что подмену совершил кто-то еще и наши просто подобрали бесхозного птенца, не особенно заботясь, кто же на самом деле является хозяином? Или... Нет. Об этом потом. Сейчас надо сосредоточиться на Aoibheal.

У похищенной в раннем детстве смертной тоже была жизнь. Возможно, семья. Возможно, хозяин. Каково ей пришлось, когда эта жизнь рассыпалась вокруг нее песчаным замком? Для меня переход ознаменовался падением и пьяным ужасом полета. Но меня никогда не травили, как дикого зверя, те, кого я еще вчера считала своим народом. Ладно, допустим, не травили лишь потому, что до сих пор не знали, кто я и что я. Возможно, это еще впереди.

Как нынешняя ситуация должна выглядеть с ее точки зрения? Во вселенной, центром которой является Aoibheal?

В чужом мире, где даже физические законы и те незнакомы, где магия сопротивляется прикосновению, а воздух пахнет бензином. Незнакомые существа, одно из которых олицетворяет все, что есть ужасного в смертных, а другое, похоже, пытается занять ее место. Да попутно еще и запихнуть ей в глотку постылую правду.

А ну-ка, вспомни, птичка ночная, как ты в свое время реагировала на подобные откровения?

Правильно.

Надо сдать назад, пока у всех целы глаза.

— Говорят, кровь решает в вопросах родства далеко не все, — светским тоном заметила я. — Я, *гочь гома Шуваловых*, готова поручиться за это своим словом.

Димка резко повернулся ко мне, продолжая, впрочем, краем глаза следить за мишенью. Затем снова сосредоточился на колдунье. Видя, как расслабилась девушка, услышавшая в моих словах куда больше, чем он мог представить, снял палец с курка. И, повинуясь моему кивку, опустил оружие.

— Авхиль, возможно, вам лучше присесть? — попытался разрядить обстановку Шувалов. Братик, быть может, и не понимал до конца, что происходит, но то, что счастливого се-

мейного объединения на горизонте не предвидится, ясно было и без подсказок.

— Я не вижу смысла и дальше находиться здесь, — холодно заявила колдунья, отказываясь смотреть в его сторону. — Мир смертных, безусловно, прекрасное место, чтобы запутать следы, однако мы выждали достаточно. Я отдохнула. Вы можете проводить меня к моему господину.

Уоух-х.

— Не могу.

В воздухе запахло еще одной молнией.

— Я действительно не могу, госпожа Aoibheal. Хотя бы потому, что не знаю, кто ваш господин. И можно ли ему доверять.

Кажется, до этого мгновения она отчаянно бежала от мыслей о доверии. Теперь те ее догнали. И вцепились в душу, в сердце, в разум, калеча, как гончие дикой охоты.

Она ждала, что в эту дверь войдет кто-то другой. Кто-то, в чью помощь она верила, на кого рассчитывала. И кого... здесь не было. Ад во взгляде, тот самый, знакомый ад памяти и сомнений, который мне иногда доводилось видеть в зеркале. Те, кому она доверяла, оказались недостаточно сильны или же... предали? Она только что поняла, что одна. Совсем одна, в незнакомом мире, и надеяться можно только на себя.

Тишина. Неподвижность стрекозы, пойманной в янтаре. Затем на ее лице мелькнуло что-то вроде тени былой решимости.

— Что ж. В таком случае проводите меня к *вашему* господину. — Встретив мой озадаченный (ей что, жить надоело?) взгляд, колдунья уточнила: — К тому, кто приказал вам помочь мне.

Так, пора все-таки вернуться к правде. Той самой, глазавыцарапывательной. Я покосилась на Димку. До сих пор мы, следуя этикету, говорили так, чтобы быть понятными ему. Благо для волшебницы уровня Aoibheal сплести соответствующее заклинание и узнать язык собеседников было делом машинальным, не требующим ни мысли, ни сознательного усилия. Однако некоторые вещи брату лучше не знать. Я перешла на причудливую речь, принятую при дворе:

— Моя госпожа не приказывала мне помогать вам. Ее приказ был найти. И убить.

Смертная замерла. Сделала шаг назад.

— Вы — птица дикой охоты! — произнесла она наконец то, что вертелось у нее на языке с момента встречи, но во что ей не хотелось верить.

— Да.

Ее пальцы побелели, сжимая складки платья.

— И вас пустили по моему следу.

— Да.

— И вы ослушались приказа.

— Да.

— Ложь.

Я подарила ей ленивую, мерзкую усмешку, которой могла бы гордиться сама Аламандин.

— В отличие от вас я не могу позволить себе роскошь прямой лжи, *смертная*.

Пауза. Раненая гордость боролась в ней с вполне обоснованным страхом. Спесь победила. Что, как я начала подозревать, было типичным для этой недоучившейся ведьмы.

— Вы будете награждены за помощь.

Я молчала. Глядела на нее пристальным, змеиным взглядом хищной птицы.

Наконец волшебница выпустила свое платье, и шелк зашуршал тихим серебром осеннего дождя.

— Почему?

— Потому что вы сестра моего брата.

До нее, кажется, начал доходить весь ужас того, что я натворила.

— Ваша хозяйка...

— Госпожа поймет. — Я пожала плечами в ответ на исполненный жалости взгляд. — Это не значит «простит». Или «оставит безнаказанным». Но она поймет.

Семья входила в наш договор. По сути, это единственное, что в него входило.

Колдунья вскинула руки. На грани между злобой и отчаянием:

— Я не верю в такие совпадения.

Я согласно хмыкнула. Покосилась на часы. На первый урок торопиться было уже поздно, но на второй вполне могу успеть. Отвернувшись, уже через порог бросила:

— Если вы хотите возвратиться обратно в реальность

фейри, вам придется самой искать дорогу. А пока советую переждать тут. Дмитрий поможет, если вы захотите принять помощь. Он действительно вам брат, а для Шуваловых родство — не пустой звук. — Госпожа моя, как же высокопарно это прозвучало! Хоть иммигрируй в Дневное королевство, честное слово.

Я выскочила на крыльцо и успела сделать целых три шага, прежде чем Димка нагнал меня и, схватив за руку, развернул к себе:

— Даша, ты — часть дикой охоты?

Я выгнулась в его руках, точно от удара. В глазах потемнело.

Откуда? Откуда он может знать придворное наречие фейри?

А откуда Димка вообще узнал о нашем существовании?

— Болван! — выдохнула я ему в лицо. — Самоубийца! Жить надело? Никогда! Слышишь? Никогда не показывай, что ты понимаешь наш язык! Тем более при посторонних! Ты хочешь, чтобы в одну лунную ночь я полетела охотиться на тебя?!

Он выпустил меня, безвольно уронив руки.

— Значит, это правда. Я думал, что не так понял.

— Вот только не нужно взбираться на моральные вершины и взирать вниз таким осуждающим взором, — бешено прошипела я. — Если бы Дикий Гон не собирался в назначенные сроки, то здесь, в смертной реальности, давно бы прекратили всходить побеги и зарождаться стада. Посмотрела бы я, сколько людям понадобилось бы времени, чтобы оголодать и начать охотиться друг на друга. Как гробить экологию планеты (между прочим, одной на всех), так смертные первые, а как проводить очищение устроенной помойки и обновлять круговорот энергии в реальностях, так им убеждения не позволяют!

— Одной на всех?

Неожиданно погаснув, я отвернулась.

— И не то чтобы у меня был особенный выбор.

Он вновь поймал меня на третьем шаге.

— Даша, насколько глубоко ты влипла из-за этой истории?

Я попыталась вырваться.

— Даша!

— Выкарабкаюсь, не волнуйся, — огрызнулась я, попутно делая вид, что собираюсь укусить его за руку. Блеф не сработал, и мои зубы в бессильной ярости щелкнули в воздухе. — ДПА бывало и хуже.

— ДПА?

— До прихода Аламандин.

— Прихода кого? При чем здесь религиозные притчи?

— Вот и я думаю, при чем?

На самом деле это было отрезвляюще и немного страшно — осознавать, какое место занимают в жизни фейри хозьева. Основой, опорой существования не стал ни прыжок с крыши, ни первая охота, ни танец когтей и крыльев над пиками забвения. Нет, вся моя вселенная делилась на два неравных отрезка: до того, как каблучки госпожи прозвучали под сводами совиной башни, и после. Аламандин являлась эпохой в себе, и ни одна религия не могла поспорить с ее жестокой иронией.

— Даша, — Димка погладил меня по волосам. Обнял, впервые за полгода позволив уткнуться себе в плечо. — Что ты собираешься делать?

— Не знаю. Я думала, ты просто поменяешь меня на настоящую Дарью. И соврешь что-нибудь маме с папой, чтобы объяснить, почему она вдруг стала здоровой и нормальной.

— Что? Нет! — Его руки резко сжались. Если бы я была человеком, то это было бы больно. — Нет.

— Вот и я думаю, что план не выдержал столкновения с реальностью. Но Aoibheal надо как-то вводить в мир смертных. Девчонка, похоже, этого не понимает, но, выжив, она поставила в довольно глупое положение очень могущественные си... существ. Теперь возвращение обратно для нее равнозначно смертному приговору.

— А для тебя?

Я отстранилась.

— Дарья, если Авхиль должна была занять твое место, то что ты планировала для себя?

— Ничего. Так что ты собираешься делать с новообретенной сестрой?

— Для начала не потеряю старую! Даша, есть способы защитить тебя, даже от...

— Я уже поняла, что ты весь по уши в способах. — Я поморщилась от запаха пороха и холодного железа, которым тянуло от его наплечной кобуры. Судя по ощущениям, патроны в запасной обойме серебряные. Интересно, а корочки к табельному оружию прилагаются или все не так официально? — Но не согласна платить цену, которую они запросят. С тебя. С Aioibheal. И прежде всего с меня.

— Но...

— У меня есть своя защита, Дим. И за нее уже уплачено. Сполна.

— Ты изменилась.

Я чуть улыбнулась.

— Для меня прошло немного больше времени, чем может показаться, братишка. Кстати, не спеши записывать Осеннюю Грозу в несовершеннолетние, как бы она себя ни вела. Есть много способов продлить век смертных, а магическая сила этой девочки не соответствует ее внешнему виду.

— Да уж. Молнию было трудно не заметить.

— Молния — ничто, — резко сказала я. — Ты заметил, во что она одета?

— Средневековое платье. Фантастически красивое. Покрой означает что-то особенное?

— И не только покрой. При желании я бы могла соорудить для себя нечто подобное, но не так легко. И уж конечно, я бы не стала тратить на это силы в ее состоянии. Дима, как волшебница, твоя сестра сильнее меня. Или, по крайней мере, умелее. И намного.

Я замолчала на мгновение, не решаясь продолжить. Мы с братом никогда не разговаривали вот так, откровенно, и не в последнюю очередь из-за моего желания его защитить. Но Димка уже слишком запутался в этой истории. Кроме того, я была уверена, что он и так знает слишком много.

— Среди фейри получить признание не так просто. Даже при наличии кровного родства приходится доказывать, что ты достоин. Это делается в битве — на войне, защищаясь от убийц, в ритуальной дуэли. Или не ритуальной. Для приема, претендующего даже не на дворянство, а на аристократический титул, доказательство должно было быть особенно... убедительным. Она воин, Дим. Что ты собираешься с ней делать?

— Вопрос скорее стоит, что она собирается делать с собой. Я подумал... Думаю, удастся организовать документы, утверждающие, что у тебя была двойняшка. Маме делали кесарево, так что можно будет убедить ее, что кто-то украл второго ребенка. А теперь вот... нашли. Папа, конечно, так просто не поверит, благо мы далеко не нищие, а охотников за наследством всегда хватает. Но анализ крови все подтвердит. Да и лицо — такого не подделать ни одному пластическому хирургу.

Я молчала.

— Даш... Я и сам не в восторге. Но мы не можем скрывать Авхиль от родителей.

— А врать им можем?

Он резко выдохнул.

— Тогда скажем правду о подмене, опустив всю потустороннюю подоплеку. Даже если они узнают, это ничего не изменит. Ты — Шувалова, во всем, кроме биологии, Даш.

— Вот как раз биологически я действительно Шувалова, — горько хмыкнула я. — Что и подтвердит первый же анализ крови. Glamour, особенно такой старый и качественный, не ограничивается иллюзиями, Дим. А вообще ты прав. Это решение Aoibheal. Пусть придет немного в себя, а там увидим.

Если доживем.

Мы не стовариваясь посмотрели на закрытую дверь. Потом друг на друга.

— Она что-нибудь сказала...

— ...Перед тем как я выскочил за тобой? Бросила в спину, что не имеет со мной ничего общего и не нуждается в помощи смертных.

Я закатила глаза.

— Волшебные существа, — раздраженно вздернула губу, — традиционно оптимистичны в оценке своей способности справиться с этим миром.

В свое время я задыхалась в реальности фейри, не находя в ее чудесах ничего знакомого, ни одной точки опоры. Какое было бы пережить эту ситуацию наоборот?

Знать воздух, из медовых глубин которого палыми звездами ложится тебе на руку сила? Знать землю, которая, во брав в себя зерно и слово, на следующее утро рождает могу-

чье, раскидистое дерево? Знать воду, готовую принять по твоей просьбе любую форму, от верного неутомимого скакуна до роскошного просторного замка?..

А затем, в пылу бегства, задыхаясь от страха, потерять все это.

Я плакала об Интернете и семейных ужинах. О чем и о ком тоскует темная шаль зеркально отражающей меня волшебницы?

— Выгрузи пока продукты, — буркнула я через плечо, берясь за дверную ручку. — Я все-таки попробую поговорить с ней. Раз все равно не успею на алгебру.

Осенняя Гроза стояла перед старинным зеркалом, накладывая на потускневшую от времени поверхность защитные руны. Я остановилась рядом, глядя на наши отражения.

Одинаковые лица. Тонкие и усталые, по-своему даже красивые, если вам нравится потусторонняя, нездешняя красота, наводящая на мысли о легендах и сумасшествии.

Разные грани, скрывающиеся за этими лицами. Одна — холеная и изысканная, в каскаде придворных шелков и собственной силы. Другая земная и неприметная, назло элитарной гимназии обрядившаяся в рваные джинсы. И только увидев их рядом, чувствуешь обман. В блеске регалий Tuatha De' Danaane — вызывающе живое, страстное человеческое существо. В узких джинсах и стоптанных кроссовках — далекое, холодное и хищное фейри.

Не думаю, чтобы хоть одной из нас нравилось то, что мы видели.

— Ну что, — я сама не знала, у которого из отражений спрашивала, — долго еще будем находиться в глубоком отрицании?

— Зависит ли это от меня? — риторически поинтересовалась Aoibheal. Разумеется, она слышала весь наш разговор с Димкой.

Я фыркнула. И отказалась отвечать.

— Вы ждете, что я вдруг ни с того ни с сего все брошу и начну лепить из себя человека? — Колдунья, быть может чтобы не оставить места сомнениям, пыталась скопировать более привычную мне манеру речи.

Хороший вопрос. Хорошо сформулирован. Жду ли? Не совсем.

— Я этого боюсь. Человек из вас получился бы лучше, чем из меня. Но, честно говоря, тоже весьма паршивый. Что успокаивает.

— Благодарю.

— Aoibheal... Я признаю, что мало знаю и о вас, и обо всей ситуации. Непростительно мало, и это в основном моя собственная вина. Но и вы не все понимаете. И я имею в виду не только человеческий мир.

— Дарья, это грубо, но я была бы благодарна, если бы вы сейчас ушли. Вместе с вашим пониманием, — вежливо, но все равно обидно попросила воспитанница фейри.

— Я-то уйду. Вот как только у моей госпожи дойдут до меня руки, так сразу. И, скорее всего, с концами.

— Если это попытка вызвать у меня чувство вины...

— Здесь живут те, кто готов помочь вам, ничего не требуя взамен. Предложить безусловную поддержку просто за то, что вы есть. Отказываться было бы глупо. Но не мне показывать пальцем на чужую глупость, особенно в этом вопросе.

Люди бесконечно адаптивны и при необходимости способны приспособиться к чему угодно. Вот пусть и приспособливается. А я опаздывала на химию.

7

Развернувшись, я сбросила с плеча рюкзак, накинула невидимость и, кувыркнув мир вокруг себя, распахнула крылья. Сжав когтями лямки, поднимаю с полу «груз знаний» и, часто работая крыльями, вылетаю прочь.

Если ей понадобится со мной связаться, вокруг валяется множество перьев. Уж как-нибудь сообразит. Даже если Димка к тому времени не успеет объяснить ей принцип действия мобильного телефона.

Человек — поразительно гибкое существо, оно и в самом деле может привыкнуть к чему угодно. Но я-то не человек. Госпожа моя, повелительница, если брат провернет свою бредовую затею, эта ведьма станет моей названной сестрой. И тогда останется только ударить к вам и попросить казнить меня поскорее. Хотя бы из милосердия.

Дребезжащий звонок прервал наконец простуженные объяснения историка. И учитель, и класс с редким единодушным вздохнули от облегчения. Я, сонно моргая, подняла голову со сложенных на парте рук. Обычно история была одним из моих любимых предметов, но ночное недосыпание школяра в сочетании с насморком наставника мало способствуют усвоению знаний.

Одноклассники занялись тем, для чего они, похоже, и приходили в школу, — общением и активным развитием своей социальной жизни. Я вытащила учебник по химии и принялась за домашнее задание. Что-то подсказывало мне, что если я не найду для него времени на переменах, то дома мне тем более будет не до смертных уроков.

То есть совсем не до смертных. В том числе и уроков.

Условия задачи легко скользнули в воспаленный маги-ко-политическими махинациями разум, формула уравнения сложилась сама собой. Я заглянула в периодическую таблицу, уточнила валентность, расставила коэффициенты, расписала атомарный вес.

Вздохнула, выжививая из рюкзака калькулятор. Наверное, это не совсем нормально, что учеба доставляет мне такое удовольствие. Всегда бывшая немного ботаником, после открытия мира фейри я не разочаровалась в человеческих науках, а, напротив, вцепилась в них когтями, на этот раз не просто подчиняясь школьным правилам, а устремленно двигаясь к вполне определенной цели. Мне нужно было как-то упорядочить окружающую действительность. Найти альтернативный взгляд на интуитивную магию и межреальностную навигацию. Точку опоры, которая помогла бы лететь бок о бок с птицами, столетиями покорявшими эти феерические небеса, и не чувствовать себя запутавшимся в собственных перьях птенцом.

В конце концов, научный метод — это еще один способ познания мира. И не самый плохой. По крайней мере, здешние учителя не требуют за каждую кроху жизненно важных знаний платить верностью и кровью.

А уж химия — владение этим предметом вообще являлось необходимым условием выживания в обществе дамы Аламандин. Или по меньшей мере сохранения рассудка.

Признаю, точность смертных формул имеет мало общего с изящным искусством моей туманной госпожи. Однако понимание фармакологии, трав и минералов позволяло заметить логику в ее на первый взгляд диких поступках. Вот я и старалась всеми доступными способами углубить это самое... понимание.

Хм, интересно, тот толстяк действительно думает, что я использую купленные у него... субстанции по назначению? Все виды и типы? Надо, кстати, перенести куда-нибудь лабораторию, а то вдруг папе взбредет в голову зайти в старый гараж. Объясняй потом, что коллекция разнообразной отравы собрана во имя научного интереса.

В некотором роде.

Треск разлетающегося в щепки дерева вывел меня из навеянного третьей задачей транса. Рука метнулась к пристегнутому к бедру деревянному кинжалу, глаза заметались в поисках опасности... и недоуменно распахнулись.

Кудрявый рыжеволосый парень самозабвенно колотил стулом по парте. Не просто играл, а изо всей дури, упиваясь нерастраченной молодецкой силушкой, уничтожал несчастную мебель. Бац! Спинка отлетела, одна из ножек вывернулась под острым углом. С размаху — бум! Окружающие пригнулись, закрываясь от фонтана щепок.

— Уа-а-а! Каринка! Я тебя люблю! — совершенно счастливым голосом, контрастирующим с его разрушительными действиями, заорал смертный и, отшвырнув остатки стула, подскочил к стоявшей рядом девчонке. Подхватил ее, подбросил, закружил по классу, не обращая внимания на улюлюканье, крики и неискренние попытки подруги вырваться.

— Поставь меня обратно! Медведь! Раздавишь! А-а-а-а!
И пьяный счастливый смех.

Я недоуменно моргнула. Склонила голову, пытаюсь разглядеть происходящее под другим углом. Ни инородного влияния, ни остатков заклинания вроде тех, которыми любила баловаться моя хозяйка, над ненормальным смертным не наблюдалось. Может, это и есть знаменитые подростковые гормоны в действии?

Завораживающе. Но... зачем же стулья ломать?

Это был отнюдь не первый случай, когда новые одноклассники ставили меня в тупик. Первые девять классов Да-

рья Шувалова ходила совсем в другую школу совсем в другом городе. Да, там тоже была элитная гимназия, с очень хорошими учителями, с расписанием, в котором значились философия, этика, три иностранных языка. Честно проучившись девять классов, я стала свидетелем (а если честно, и участником) драк, соревнований, драматических детских конфликтов. Но спокойные годы в несколько чопорной, порой даже снобистской и неизменно вежливой атмосфере совершенно не подготовили меня к культурному шоку, которым оказалась незнакомая школа.

Новые одноклассники были людьми. Им было шестнадцать. И они были сумасшедшими. Все, как один.

Поначалу, узнав о переезде, я почувствовала лишь облегчение: друзья и приятели замечали перемены, которые прошли даже мимо внимания родителей. И задавали вопросы. За возможность бежать от их недоуменных, а порой и испуганных взглядов надо было хвататься клювом и когтями.

На новом месте я приняла сознательное решение ни с кем не сближаться. Говорила как можно меньше, не проявляла индивидуальности, твердо, порой грубо уходила от предложений дружбы или помощи. Я даже применила опробованную в мире фейри тактику: отказалась запоминать их имена. Фантастически эффективный способ задавить общение на корню. Меня оставили в покое. Перестали замечать, если быть точной.

Но даже окруженная стеной невидимости, сама я не перестала наблюдать за происходящим вокруг. И тихо саганеть от своей неспособности в нем разобраться. Быть может, это просто разница в социальном положении? Если раньше критерием отбора был интеллект учеников, то в мою новую школу попадали во-первых богатые и только во-вторых умные. Финансовая безопасность рождает чувство безнаказанности, но достаточно ли этого, чтобы, скажем, запереть учительницу в классе, забаррикадировать дверь притащенными из кафе столами и всей гурьбой отправиться любоваться листопадом?

Вероятно, все дело в возрасте. Так, похоже, думает директор. Детки растут, деткам некуда деть новую для них, непривычную пока силу. Что, если мой старый класс сейчас тоже коллективно сходит с ума, а я этого просто не вижу?

Просто. Не вижу.

Всегда лучше искать самое простое объяснение. Например, что феири просто не дано понять людей. Что после долгих лет среди хищных птиц и холодных, равнодушных интриг двора я просто не способна чувствовать и узнавать чувства других.

Те, которые существуют вне погони и охоты, разумеется.

Я внимательным взглядом обежала класс, выбрала одного из мальчишек, который показался мне наиболее симпатичным. Темные волосы, серьезные глаза, намек на усы. Очень красивые руки, сильные, чуткие даже на вид. Я честно попыталась понять, какие эмоции он во мне будит. И обнаружила легкую заинтересованность, тут же погребенную под раздражением и досадой: имя парня никак не вспоминалось.

Безнадежно. Ты есть то, что ты есть, Шувалова. И у тебя и без того проблем по клюв и выше.

Снова задрезжал звонок. Вернувшийся в класс историк бросил взгляд на свороченные со своих мест парты и разбитые стулья, сообщил в пространство, что мы все и сами отлично знаем, куда возмещать ущерб за уничтоженную мебель, а посему давайте вернемся к Московскому княжеству. К доске пойдет...

Я повела плечами (больно-то как! надорвалась, Осеннюю Грозу таскаючи!) и записала ответ к последней задачке. А затем вытащила учебник по алгебре и, вполуха слушая попытки рыжего влюбленного вспомнить что-нибудь о Юрии Долгоруком и Иване Калите, углубилась в пропущенный с утра урок.

После занятий класс ломанулся на волю, точно стадо мамонтов, спасающихся от ледникового периода. В коридоре, судя по всему, обнаружилось какое-то препятствие, потому как в проеме образовалась пробка, и кто-то тут же попытался снести дверь с петель. Я обменялась мученическими взглядами с историком, роющимся в столе в поисках капель для носа, и, сжалившись над беднягой, послала в его сторону исцеляющее заклинание. Этот рассеянный, увлеченный смертный успел стать моим любимым учителем, одним из немногих, кто делал новую школу меньше похожей на затянув-

шуюся пытку. Если будет время, надо ему хоть зелье приготовить, что ли.

— Ах, Дарья, — улыбнулся он, заметив, мое приближение и зажатую в руках увесистую папку. — Уже готово?

— Материал я собрала давно, когда проясняла пару вопросов для себя, — пожала я плечами. — Так что оставалось только организовать старые файлы и добавить связки. Не знаю, правда, подойдет ли это для олимпиады.

— Древняя Ирландия? — Он быстро пролистал оглавление, полез в источники.

— Не только. И тут исследование скорее по истории мифологии. Последняя глава — влияние древних легенд на современное общество, как я его вижу. Вы это имели в виду под анализом?

— Годится. Я отправлю работу на конкурс. М-м-м, — он постучал пальцем по одной из ссылок, — что еще за «Book of Invasions»? Чей перевод?

— Мой. — В ответ на чуть укоризненный взгляд я находилась. — Здесь нет точных цитат, так что это не пижонство. Просто «Книга Вторжений» попалась мне в оригинале.

В каком именно оригинале, упоминать не стала. Пусть он решит, что я наткнулась на англоязычную версию.

Учитель закрыл папку, внимательно посмотрел на меня.

— Даша, может, стоит немного сбавить темп? Ты не очень хорошо выглядишь.

Во имя Буалей, мама уже успела и в этой школе всех проинструктировать по поводу моего «хрупкого» здоровья!

— Просто не выпалась. Я могу идти?

— Да, конечно.

Пройдя мимо подозрительно притихших, все еще толпящихся у двери одноклассников, я нервно перебросила рюкзак на другое плечо. Что это с ними? И куда они все смотрят...

Как удар. Боевым молотом — в лицо. И искры шока, брызнувшие в неестественно тихом коридоре.

Он ждал меня около высоких стрельчатых окон, в перекрестье падающих со всех сторон лучей. Одетый в черные брюки и черную водолазку, закованный в ночь от подбородка до кончиков начищенных туфель. А поверх — нереально белый плащ, выглядевший стильным, и современным, и нор-

мальным, но на самом деле бывший первым снегом, выпавшим над заснувшими лесами.

Разумеется, я сразу его узнала. С первого взгляда. Даже ни разу не видел человеческой ипостаси, ошибиться было невозможно. Финин Маккиндера, хищная птица, безупречный охотник. Для своего облика он выбрал кожу цвета темной, почти вишневой бронзы и короткие вьющиеся волосы, цветом напоминавшие оперение. Маска была до головокружения, до крика в ночи красива, но как кто-то мог принять это существо за человека — выше моего понимания. Смотреть на него было все равно что наблюдать за солнцем сквозь коричневое стекло: через тонкую темную преграду пробивалась золотая сила, способная ослепить тебя даже сквозь иллюзорную защиту.

Финин подошел ко мне двумя плавными, танцующими шагами, так стремительно, что я даже не сразу поняла, что теперь он стоит рядом. Чтобы взглянуть ему в лицо, я медленно подняла голову вверх. И вверх. И...

Владычица моя, ох, хозяйка, где вы, когда я так испугана? Даже в человеческом облике казалось, что в огромном филине поместятся три шуплые девчонки. Это, должно быть, иллюзия, у фейри тонкие руки и узкие плечи, они не набирают такой мышечной массы. Мы не можем быть *так* сложены, если только... Возможно ли, что Маккиндер — нечистокровный Daoine Sidhe? С его силой он легко мог бы даже не завоевать, а потребовать и рыцарство, и полный придворный титул. Я всегда думала, что птица мастера охоты не делает этого, просто не желая покидать своего друга и хозяина. Однако теперь в голове кружили иные, более личные причины. Примесь чужой, а то и смертной крови... Госпожа, о чем я думаю?!

Нечто кремовое, перекинутое через его руку, оказалось моей ветровкой, и, цепenea от ужаса, я повернулась, позволяя ему помочь мне одеться. Огромные, неестественно горячие руки скользнули по моим плечам, опуская на них куртку. Я сглотнула. Но, к своему изумлению, обнаружила, что шея пока не сломана.

Ударение на «пока». Увесистое такое ударение.

Все так же молча он подхватил набитый учебниками рюкзак и сделал изящный жест, показывая, что готов следо-

вать за мной. И последовал. К полному шоку всех встретившихся на пути. Интересно, как охранники объяснят, что впустили незнакомца на территорию школы? «Извините, директор, но на самом деле это был древний воин-фейри, и он применил невидимость, или стер нам память, или подчинил волю. Или вообще убил и поднял в виде услужливых зомби, так что простите, директор, нам пора на собственные похороны».

Я засунула руки в карманы и опустила голову, пряча лицо за неровными прядями. Глянула искоса. Филин шел рядом, в каком-то шаге, огромный, но при этом такой грациозный, что, казалось, он парит над старинным паркетом.

Спина горела от взглядов одноклассников, а выражение лица Каринки совершенно неожиданно и вопреки всякой логике отозвалось во мне странным чувством. Испуганным, возбужденным и самодовольным одновременно. Было что-то абсурдно приятное в том, чтобы пройти по нелюбимой школе, где тебя даже за ботаника не считают, бок о бок со сверхъестественно красивым старшим мужчиной, под перекрестьем завистливых взглядов. Будь мне шестнадцать лет...

Но о чем бы ни говорила внешность, мои шестнадцать давно прошли, а красивый мужчина, несший школьный портфель, был старше не на пару лет, а на пару столетий. И вел он меня на суд по обвинению в измене. Теплое самодовольство умерло, не успев расцвести.

Хоть бы все кончилось быстро. Неблагодарная птица, пытавшаяся убить того, кому дважды должна жизнь, не заслуживает снисхождения. Но все равно, пусть это будет быстро.

Спустившись со школьного крыльца, филин Маккиндера едва заметным жестом приказал «к ноге!» и направился куда-то в глубь сквера. Взъерошенная неясить послушно поплелась рядом.

За оградой ждала машина. И какая! Даже я, совершенно не разбиравшаяся в марках и моделях, предпочитая быть демократом и ненавидеть все автомобили абсолютно равно, поняла, что вижу мечту о четырех колесах. Черную, обтекаемо-спортивную, даже в покое кажущуюся стремительной мечту, словно умоляющую нарушить все ограничения скорости. Пусть госпожа не допустит, чтобы это диво узрел Димка, потому что в противном случае мой брат окажется потерянным

для человечества, поступив в вечное и добровольное рабство к фейри.

Подойдя ближе, я привычно задержала дыхание... и удивленно распахнула глаза, поняв, что не чувствую дурноты. Лишь тонкий, свежий запах реки. И грозы. И травы.

Машина, на самом деле не являвшаяся машиной, была сплетена из той же магии, что и скакуны дикой охоты, но искусство, необходимое, чтобы придать теням и водам эту странную для них форму и удерживать в смертном мире, поражало воображение. Гладкая черная поверхность дышала темно-золотой силой филина Маккиндера, и это должно было быть заметно даже смертному глазу.

Я поклялась, что, если выживу, в лепешку расшибусь, но научусь создавать для себя такое вот средство передвижения. Красивое. Стремительное. Могущественное.

Филин беззвучно, как истинно хищная птица, скользнул вперед, открыл дверцу.

Взгляды в спину. Инстинктивно оглянувшись, я увидела, что на школьный двор высыпал мой класс в полном составе плюс половина параллельного. И все они, а также сгруппировавшиеся около крыльца одиннадцатиклассники, пристально следили за Дарьей Шуваловой, Таинственным Незнакомцем и Авто. Именно в такой последовательности, как ни странно.

Не верю. Этого не происходит. Я сплю и вижу сон.

«Но какой сон! После такого и умирать не жалко», — счастливо откликнулся внутренний голос. И интонации у него были подозрительно шестнадцатилетние.

Я скользнула на переднее сиденье, позволила закрыть за собой дверь, отказываясь чувствовать себя пойманной. Ловушка захлопнулась в тот момент, когда филин шагнул под старинные своды школы. Теперь паниковать уже поздно. Я откинулась на просторное сиденье, упиваясь запахом свежести, наслаждаясь мягчайшей обивкой, плавностью линий. Впервые в жизни не желая покидать автомобиль и оазис чистой магии, который он создавал в смертной реальности.

Маккиндер обошел вокруг машины, опустился за руль, и его мощная фигура выглядела удивительно на своем месте, словно внутренний дизайн, равно как и внешний, создавался, чтобы соответствовать хозяину. Когда теневой скакун, то

есть автомобиль, тронулся, я даже не сразу это поняла, настолько неощутимым было движение.

В лепешку. Определенно.

Если будет что расшибать.

Какое-то время мы ехали молча, пока я не признала, что первым он не заговорит. Сглотнула. Ну же, Дарья, изволь отвечать за то, что натворила.

— Властвующий-в-Небесах, позвольте мне просить вас об одолжении.

Он чуть прищурился, глядя на дорогу. Наверное, удивляясь: «И после всего у нее еще хватает наглости говорить об одолжениях?»

— Позвольте молить о чести называть вас истинно, — отчаянно попросила я.

Он резко повернул ко мне голову — типичное движение филина, даже в человеческом облике.

— Ты не знаешь?

— Я... Попад в владения Tuatha De' Danaan, я была молодая и зла, Властвующий-в-Небесах. Во власти юности и гнева я решила, что не буду знать имен тех, что меня окружают, если только они не заставят помнить о себе силой. Вы никогда и ни к чему не принуждали меня, а потому я думала о вас как о филине Маккиндера или просто о Спасшем. Но теперь... Я должна знать, кому... Против кого совершила неправедное. Молю о чести называть вас истинно.

Странно усмехнувшись, он перевел взгляд обратно на дорогу.

— Ты можешь продолжать звать меня филином Маккиндера.

Лучше бы он ударил. Я зажмурилась.

— Если будет на то ваша воля, Властвующий-в-Небесах.

Больно. Но признай, Шувалова, ты это заслужила.

Филин увеличил скорость, и я, зябко отведя взгляд от окна, не к месту подумала, что впервые в жизни сижу в машине, за рулем которой — незнакомец. Это, наверное, странно, но, оглядываясь назад, я поняла, что раньше ездила только с отцом и Димкой, еще с дядей Володей, дядей Женей, неулыбчивым телохранителем Михалычем и... все. То есть вообще все. До переезда в новый город меня привозили в школу, забирали сразу после занятий, сопровождали почти вез-

де. Не допускались такси, даже общественный транспорт считался негласным табу, так плохо я его переносила. За привилегию покинуть дом без увешанного медикаментами сопровождения до сих пор приходилось чуть ли не драться. Нормально ли, что почти уже взрослая девушка постоянно находится под защитой семьи? Причем обычно мужской ее части.

Почему я именно сейчас начала об этом задумываться? Честное слово, в данный момент наличествовали проблемы куда более серьезные, чем излишне заботливые родичи.

— Решил ли его величество мою судьбу или же суд еще предстоит?

Филин Маккиндера окатил меня непроницаемым взглядом из-под темных очков.

— Я никому не рассказывал о том, что произошло между нами этой ночью, Дарья.

Я дернулась, впившись пальцами в сиденье.

Что? Как?

Почему?

Быстрый взгляд за окно — мы плавно летели по незнакомому проспекту. В мире смертных. Что совершенно невероятно: я ожидала, что мы будем уже на полпути к королевским владениям, с полудюжиной рыцарей правосудия в качестве не очень почетного эскорта на хвосте.

Мастер охоты замышляет против короля? Или взбунтоваться решил только его филин? Стоп, надо придержать воображение, иначе я себе сейчас такого напридумываю...

Формулировки, Шувалова, тебя прежде всего учили обращать внимание на формулировки. «Я никому не рассказывал о том, что произошло между нами». Это совершенно не означает, что король ничего не знает. И не только король.

Они ищут Aoibheal. Это единственное разумное объяснение. Они ищут Осеннюю Грозу и надеются, что я выведу на ее след. Мне только что предложили завуалированную амнистию? Но какой смысл...

Молчи, вспомни уроки госпожи и молчи, Шувалова. Ни одного слова, ни одного вопроса, который мог бы выдать больше, чем ты хочешь. Никогда не предлагай противнику информацию, даже если уверена, что он и так ею обладает.

Я молчала.

Не дождавшись ответа, филин пояснил:

— Я объяснился с Аламандин. Не знаю, чему тебя учила эта... дама, но птенец не несет ответственности за своего хозяина. Тебя не накажут за выполнение ее воли.

Дикий Гон, лорды и леди, и да будут крепки Вуали между мирами! Он не знает. Не ведает о том, что связывает меня с Осенней Грозой. А если и услышит об этом, то все равно не поверит, что едва вставший на крыло птенец нарушил приказ хозяйки. Разумеется, неясить действовала, лишь исполняя повеление владычицы, иначе и быть не может.

А Аламандин не стала ничего отрицать. Хотя бы потому, что заранее знала, как я поступлю, увидев лицо добычи. И все равно послала по ее следу.

В глазах у меня потемнело. Нет. Нет-нет-нет. Они не могут винить в моих решениях хозяйку. Вены затопило нахлынувшей магией, превращение забилося в зрачках, в пальцах, в мыслях. Госпожа в опасности! Под угрозой — и из-за меня!

— Дама Аламандин не... — Я запнулась, неспособная дышать, неспособная думать. Почти изгнанный призрак астмы вновь сомкнул костлявые пальцы вокруг горла, лишая воздуха. — Вы... не можете...

Да я сама притащу им эту смертную девчонку! Сделаю все, что угодно. Госпожа моя, хищная моя владычица...

— Успокойся, твоя повелительница вне подозрений. Они видели следы, указывающие на то, что дичь справилась с тремя гончими и охотничьим филином, а затем исчезла. Твоего присутствия не заметили, а я промолчал.

Дыши. Дыши. И думай. И, ради вечной ночи, не говори ничего лишнего, от этого зависит не только твоя жизнь!

— Могу я спросить, почему вы помогли нам, Властвующий-в-Небесах?

— В основном потому, что согласен с твоей госпожой и принцем, — он пожал плечами, притормозил на перекрестке. — Королевство сейчас не готово к войне.

Войне?

Сейчас?

— Уоух-х, — нашелся глубокомысленный ответ. Куда бы ни несся этот разговор, я за ним не поспевала. Пролетала на поворотах и уносилась под действием инерции совсем не туда, где были мысли собеседника.

— Кроме того, — совсем иным тоном вдруг сказал Филин Маккиндера, — дама Аламандин согласилась заключить договор.

Я содрогнулась. Ставшее притчей во языцех королевское правосудие и то лучше, чем ярость Аламандин. В гневе госпожа моя становилась на диво изобретательна, а если вчерашняя выходка стоила ей чего-то серьезного, я имела все шансы на собственной шкуре познакомиться с очередным приступом ее вдохновения.

Филин остановил машину. Удивленно встрепенувшись, я обнаружила, что он припарковался в моем собственном дворе. Судя по всему, поездка была закончена.

Я потянулась к ручке двери. Прикусила губу. Вновь покосилась на сидевшего рядом феяри.

— Вы позволите спросить, что именно обещала вам моя госпожа?

Филин Маккиндера снял очки. Глаза его были точно такие, как в облике птицы, — насыщенного красного янтаря, дикие, дивные.

— Тебя.

Какое-то время это короткое слово просто не воспринималось сознанием. Затем мир обрушился, потрясенный в самом своем основании. Эпоха осыпалась вокруг дурным, душным пеплом.

— Госпожа больше не желает видеть меня своей птицей? — произнесли чужие, мертвые губы.

— Нет! — Он удивленным, а затем защитным жестом вскинул руки, осторожно подался назад. — Конечно, нет.

Сердце мое вновь забилося. И в самом деле, конечно, нет. Филин годами отказывался от титула, не принимал вассальных клятв. Ради службы птенца не нарушают выработанную столетиями политику.

Тогда почему же он так сказал?

Встретив мой полный боли и недоумения взгляд, феяри успокаивающе положил руки мне на плечи. Горячая ладонь скользнула по шее, отвела от лица пряди, коснулась щеки.

— Имелась в виду совсем не присяга.

Не присяга? Разве допустима служба без принесения клятвы? Что он имеет в виду? За что меня мучает?..

Филин осторожно, за подбородок приподнял мое лицо,

внимательно, пристально вгляделся. Полагаю, вид был тот еще — как на краю самопроизвольного развоплощения. Янтарные глаза вдруг потемнели, наливаясь расплавленной лавой, он опустил руки. Откинулся на сиденье.

— Властвующий-в-Небесах?.. — осторожно сказала я.

— Ненавижу, когда она оказывается права.

— Искренне чтимый, если я могу как-то помочь вам...

Сдержанное ругательство, мелодичное и резкое, я даже языка не узнала.

— Все, успокойся. Аламандин выполнила свое обещание, между нами больше нет никаких договоров. Можешь выбросить этот разговор из головы.

— Но...

— Забудь, я сказал! У тебя это хорошо получается.

Не услышать *командный голос* было невозможно. Как и не подчиниться.

— Как прикажете, Властвующий-в-Небесах.

Я вновь потянулась к ручке.

— Постой! Раз уж свою защиту я тебе дать не могу, дама Аламандин просила проследить, чтобы ты приняла хотя бы ее чары.

Холодный шелест магии — в его руках появилась фляга. Небольшая такая, серебряная охотничья фляжка. Инкрустированная светлым аламандином.

Вся покорность и почтительность правильной девочки-фейри испарились в мгновение ока. Если я чему-то и научилась в мире за Вуалями, так это тому, что никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя пить предложенное госпожой. Все наше знакомство началось с «бедная девочка, осуши эту чашу, тебе станет легче». И чем закончилось? Спасибо, больше не хочется.

— Благодарю вас.

Вымученно улыбнувшись, я взяла фляжку, мысленно прикидывая, куда бы ее вылить, чтоб потом полгорода не отравилось.

— Э-э-э, нет, — он властной рукой остановил попытку сжульничать. — Госпожа пожелала, чтобы ты отпила. При мне.

Уоух-х! Она слишком хорошо меня знает. Мысленно произнеся нужную формулу, я отвинтила крышку, сделала

большой глоток... и переместила оказавшуюся во рту отраву на два метра вниз, в лужу под машиной. Простите, дворовые кошки, но своя шкура дороже!

— Стоять! — Филин стремительно выхватил фляжку, поймал меня за талию, развернул к себе. — Это приказ твоей хозяйки, птенец. Пей!

Угу. Сейчас.

Я отвернула лицо от пахнущей волшбой и дурманом гадо-сти, сначала в одну, затем в другую сторону, попыталась оттолкнуть, опрокинуть ее. Плюнув на приличия, сжала пальцы когтями и слепо отмахнулась, оставив на темно-бронзовом лице глубокие кровавые полосы. Тут же, пока они еще не затянулись, добавила ногами, одновременно пытаясь ударить и оттолкнуться.

Ход сражения нахальной девчонки с вошедшим в силу витязем-фейри оказался примерно тот же, что и в стычке молодой неясити с матерым филином Маккиндера. Сверхъестественно быстрый воин выиграл еще до того, как противница успела по-настоящему начать битву.

Я даже не заметила, когда он сделал глоток и отбросил флягу. Поняла лишь, что меня подхватили под поясницу, вытянули через сиденья. Он подмял меня под себя, как тогда, во время схватки, так что ни пошевелить руками, ни вздохнуть я не могла. И накрыл, на вздохе накрыл мой рот своими губами, заставляя сделать этот проклятый глоток. Обжигающая холодом и мятой жидкость скользнула в горло, разлилась по венам, накрыла с головой. Откуда-то обрушилась волна знакомой и в то же время неуловимой магии, заставив меня забиться в стальных объятиях. Я даже не успела понять, что именно делало это конкретное зелье, а чары уже растворились в теле, слились с дыханием, стали неотделимы от организма.

Филин, вскинув голову, внимательно наблюдал, как я кашляю, фыркаю и чихаю, точно вытащенный из проруби котенок. В ответ на возмущенный взгляд фейри удовлетворенно улыбнулся и, помедлив, все-таки приподнялся, позволяя мне выскользнуть из-под него.

Наконец-то нашарив проклятую ручку, я змеей вывернулась из машины, вытянула за лямку в последний момент уваченный рюкзак, поспешно отошла на пару шагов от все

еще открытой двери. Рука скользнула в карман, через разрез в ткани, к прижавшемуся к бедру тонкому осиновому стилету. Лишь ощутив в ладони неумолимость древесной магии, я обернулась.

Темный, с отголоском огненного золота фейри по-прежнему лежал, растянувшись через два сиденья, и янтарные глаза его смеялись.

— Оно было приготовлено для твоей же пользы, птенец.

— Оно всегда для моей пользы, — мрачно сообщила я. — И всегда выясняется, что слово это можно понимать по-разному.

Он засмеялся уже вслух — впервые на моей памяти. Глубокий, озаривший силу винными всполохами звук, странной дрожью отозвавшийся в моем теле.

Еще один шаг назад.

Глубокий поклон — Аламандин могла бы гордиться идеально выполненными требованиями этикета. Мне редко удается их соблюсти.

— Я благодарю вас, Властвующий-в-Небесах. За все.

Он вдруг без предупреждения снова стал серьезен и мрачен.

— Не стоит, Дарья. — Одно движение, слитное, нечеловечески быстрое, и фейри вновь сидел, собранный и отдаленный. — Иди, пока еще можешь уйти.

Я замаялась. Но подтекст был слишком ясен — убирайся, пока отпускают. А то ведь могут и не пустить. Еще раз поклонившись, я сбежала, с демонстративным достоинством, но от этого не менее позорно.

Шагов сто ноги послушно несли меня, хотя глаза и не видели, куда именно. Затем, у любимой клумбы, колени подкопились, и я не то села, не то упала на цепь ограды. За спиной затих шелест отъезжающего автомобиля.

Подняла дрожащую руку, прикоснулась к губам. К своим горящим, вдруг ставшим неестественно чувствительным губам.

Это не может... Это ведь не может быть то, что я думаю. Правда?

Ему просто нужно было заставить упрямую девчонку выпить. Общась с Аламандин, я стала настоящим виртуозом в том, как увильнуть от зелий. Госпожа знала, как с этим бо-

роться, но для филина единственным способом было заставить меня врасплох, заставить растеряться, потерять те секунды, когда чужую магию еще можно было обезвредить, не допустить, изменить. И умелый тактик нашел самый простой путь. Вот и все. А неизвестно откуда взявшийся улюлюкающий подросток в моем сознании может замолчать. То есть совсем замолчать. В смысле, заткнуться наконец и дать мне подумать!

— *Вы позволите спросить, что именно обещала вам моя госпожа?*

— *Тебя.*

Нет. Филин Маккиндера? Не может быть, потому что... просто не может, и все.

Это даже не смешно. Совсем.

Непрощеными хлынули и другие, более ранние воспоминания.

Бело-серебряная, наполненная свитками, гербариями и магией классная комната, рассчитанная на одну ученицу. Высокий стул и пюпитр. Огромная книга, причудливую вязь на страницах которой я пыталась изучать.

Знакомый стук каблучков — Аламандин врывается в класс в шелках парадоксов и глубинных океанских течений.

— *Властвующий-в-Небесах уже покинул вас, госпожа? — я все еще злюсь на филина за то, что он влез, когда его никто не просил, и спас совершенно не нужную мне жизнь. Ну и за то, что он опять на целый час заперся с дамой Аламандин, а меня теперь и знать не хочет, тоже, наверное, злюсь.*

— *С этого дня птице мастера охоты запрещено появляться в моем замке, — неожиданно заявляет нелогичное существо, владеющее теперь моей судьбой.*

— *Госпожа?..*

— *Ты еще не готова, — непонятно зачем постановляет леги-рыцарь и передергивает окутанными туманом плечами, закрывая эту тему раз и навсегда. Подходит к пюпитру, склоняется над страницей. — Итак, вернемся к чарам долгого сна...*

Мои щеки горели, и я поднесла к ним ладони, пытаюсь хоть как-то унять жар.

— *Вы позволите спросить, что именно обещала вам моя госпожа?*

Можно ли было ответить более откровенно? Это даже не намек, это просто...

— *Тебя.*

Уоух-х. Я только что пережила грубое сексуальное домогательство. И даже не заметила этого. После стольких лет при дворе. Стыдно-то как. Шувалова, нельзя же быть настолько...

...все еще не готовой.

Отняла руки от лица, неверяще разглядывая их. Отказываясь помнить, как эти пальцы запутались в прохладной, душистой ночи его одежды. Тяжелое тело было неестественно горячим, просто полыхающим силой. Хотелось прижаться сильнее, каждым изгибом, каждой клеточкой впитывая успокаивающую, исцеляющую энергию чистой фейри. Его плащ накрыл нас усыпляющим снежным покровом, теплым и невероятно мягким, упал, снегопадом отделяя от всего мира. Вьющиеся пряди щекотали мое лицо, а губы, его губы...

Забудь! У тебя это хорошо получается.

Забудется такое, как же. Госпожа милосердная, я же теперь трижды должна ему Жизнь, а вы дали ему разрешение делать со мной что заблагорассудится. И почему именно сейчас, как будто и без того проблем не хватает?..

Попытаемся мыслить разумно. Пусть и приходится этим заниматься под аккомпанемент романтических вздохов внутреннего голоса (того самого, который ни на день не старше шестнадцати), все же придется. Как там резюмировала ситуацию Осенняя Гроза?

Я не верю в подобные совпадения.

Кто-то ищет Aoibheal. Все мои инстинкты кричат об этом, вся магия охотницы. Кому-то очень, очень нужна смертная колдунья. А самый надежный способ выйти на нее — через Шуваловых.

Я поднялась на ноги, твердой рукой поправила волосы. Посмотрела туда, где недавно стояла черная машина.

Возможно ли, что он действительно что-то ко мне чувствует? Да. Маловероятно, но — да. В конце концов, он триж-

ды спас меня, а мы привязываемся к тем, ради кого рискуем. Это естественно.

Но каковы бы ни были чувства филина Маккиндера, они не меняют того, чем он является. Фейри. Tuatha De' Danaan, дитя Дану, достойный сын истинной расы.

Будучи самим собой, мой филин обладает всеми достоинствами нашего народа, в том числе и воистину легендарной совестью фейри.

То есть полным ее отсутствием.

И вот об этом я буду помнить, сколь бы соблазнительным ни казалось забвение.

9

Магия упруго бьется под пальцами. Летать совсем несложно. Вдохновение несет тебя в сильных ладонях, расстилает пряные дали многоуровневого лабиринта. Преграда в потоке, пробуешь сначала один способ обойти запрет, затем второй, все время удерживая нить поиска. Будто ты идешь по перекладине, раскинув руки, — только вот свернуть можно... куда угодно.

Я отсчитываю секунды, на гребне заклинания бросаюсь вперед. Проскальзываю, невидимая и бесшумная, какой бывает лишь вылетевшая на охоту серая неясность. Сама не верю, но, похоже, я нашла. То, чего и быть не может, то, что невозможно. Но я отыскала.

Отложив изумление и возмущение на потом, изучаю каталог. Генеалогия, генеалогия, рожденные, сотворенные, воплотившиеся. Не то. Порядок наследственности. Почти, но... Ага! Семьи и дома Daoine Sidh. Сколько же их! То есть нас. То есть...

Такими темпами я буду сидеть здесь до тех пор, пока река времени не пересохнет! Благо все предпосылки для вроде совершенно ненужного бессмертия имеются. Попробуем, как нормальные герои, пойти в обход.

Программирую заклинание, ввожу параметры поиска: «Дом Осенних Гроз».

Выполнить.

Ответ возвращается практически мгновенно. Осенние Грозы, великий дом, герб, девиз, глава дома, ее консорты.

Принадлежность: королевство Времен Года.

Двор: Осень.

Хозяин: царица Пламени и Страстей.

Слуги... Дальше, дальше. Дети. Та-та-та, угум... Вот!

Aoibheal, по прозвищу Слезы Дану, леди дома. Статус: приемная дочь, подтвержден в неравном бою с воинами расы Fir Volg, свидетели...

Сморгнув запорошивший глаза снег, поднимаю пальцы над клавиатурой и наконец позволяю себе поверить. Я нашла ее.

Самым трудным было уяснить основополагающую разницу между людьми и фейри.

Человек определяется в первую очередь его биологической составляющей и только потом уже призванием. То есть любой смертный — это прежде всего Homo sapiens, существо из плоти и крови, подчиняющееся неким физиологическим законам, и только потом уже инженер, художник, бродяга.

Для Tuatha De' Danaan все несколько... более запутанно. Вот, скажем, фейри, властвующий над самым суровым из времен года. Прежде всего он — зима во всех ее проявлениях и только потом уже сын своего народа. Он подвластен законам, что управляют сменами сезонов. Повелитель вьюг наиболее силен в местах, где в данный момент разгар зимы, оказавшись же в разгар засухи в сердце пустыни, слабеет (впрочем, учитывая, что в любой момент времени где-то на планете зима, совсем обессилеть такому существу не грозит). Чтобы причинить вред этому фейри, эффективнее не протыкать его физическое воплощение острыми предметами (хотя тут многое зависит и от острого предмета, да), а организовать на Земле глобальное потепление. Или, в крайнем случае, создать заклинание иссушающего солнечного света и сосредоточить его на теле противника. Убить не убьет, а обезвредить может.

Я знала все это теоретически, но не относила к себе. До тех пор, пока в один отнюдь не прекрасный день не задалась вопросом, почему Аламандин постоянно посылает меня разведать ту или иную сплетню или отыскать редкий ингредиент.

ент. И почему, стоит только расслабиться, ноги сами несут меня туда, где находится ответ на ее очередное задание.

Потребовалось унизительно много времени, чтобы наконец понять: я — не просто сова, я — птица дикой охоты. Та, кто находит добычу, та, кого посылают по следу, та, чьей сутью является охота. Весь процесс, не только последние мгновения атаки и схватки. Когда я осознала это, дальнейшие выводы были... логичны. Дичью ведь может быть не только убегающее по лесу, полумертвое от страха существо. Я есть поиск и преследование, я есть распутывание знаков и интерпретация следов. А что именно искать и интерпретировать — вопрос открытый. Информация, как выяснилось, — добыча ничуть не хуже другой. Только более опасная.

Вот тут-то и пригодилось самое великое изобретение человечества, мой лучший друг — Интернет. Созданные из ломких микросхем и подверженных внешнему влиянию программ, компьютеры не очень хорошо реагировали на присутствие магии. Магия, в моем лице, была не в восторге от близости холодного железа. Однако нет проблем, которые не могла бы решить очень упорная неясность, страдающая хронической бессонницей. Интуитивно, постепенно я научилась окутывать схемы и провода своей силой, посылая совиною суть в глубь информационных сетей. Парить над виртуальным миром, столь же реальным и столь же вещественным для меня, как и тысячи других, открывшихся после прыжка с крыши. Искать. И находить.

Находить даже то, чего в человеческих базах данных нет, не было и быть не могло. Не знаю, является ли мой транс над клавиатурой проникновением в то самое знаменитое информационное поле. Думаю, это скорее схоже с гаданием. Кто-то предпочитает карты Таро, кто-то — водную поверхность, Аламандин вот увлекается стимулирующими ясновидение травами. А я использую www-браузеры. Почему нет?

Именно поэтому, столкнувшись с ситуацией, когда мне катастрофически не хватало информации о происходящем в волшебном мире, я поступила так странно: заперлась в своей комнате в мире тварном с кувшином травяного чая и стареньким компьютером.

И окружающая реальность опрокинулась, обернулась, полыхнула неизвестными доселе гранями.

...Я кружу вокруг знаний о сестре моего брата, украденной во младенчестве и воспитанной как высокородная фейри. Время от времени вдруг застываю, складываю крылья, ныряю. Выхватив тот или иной факт, взмываю в безопасность, чтобы рассмотреть его и добавить ко все более усложняющейся картине.

Узнаю о ней самой, о ее приемном доме, о дворе, при котором она росла. Королевство Времен Года, одна из бесчисленных реальностей фейри и далеко не последняя по силе. Их владения пересекаются со множеством географических точек в смертном мире, но теснее всего связь с Северным полушарием. Доминирующий анклав влияния находится на запад от моего города, около трех часов на самолете. Правящими считаются сразу четыре монарха, сменяющие друг друга в зависимости от сезона. Как сменяются и четыре совершенно независимых двора. Постоянные приливы и отливы магической силы, ежегодные взлет и падение политического влияния. В какой пугающей и захватывающей атмосфере выросла ты, Aoibheal Осенняя Гроза. А я-то думала, что наш двор, танцующий в такт настроениям ночного короля и вечно враждующий с братом его, королем дня, — уютное и безумное место.

Заметив интересующий меня след, бросаюсь в преследование, чтобы потерять его. Вновь чую что-то интересное, вновь лечу в погоню, и вновь неудача. Каждая ниточка, которую я пытаюсь проследить, обрывается, каждая цепочка сведений растворяется в неизвестности. Издаю протяжный, горестный вскрик. Нет никаких данных о подмене. Ни намек на то, зачем было украдено смертное дитя, ни одного упоминания о заменившем ее ребенке фейри. Почему Времена Года покинули свою территорию, чтобы вмешаться в жизнь семьи Шуваловых? Было ли это деянием королевы Осени или же человеческий детеныш попал к ней через третьи руки?

И почему, почему Aoibheal прозвали Слезами Дану? Фейри не разбрасываются именами, тем более такими. За каждой кличкой стоит история, а то и целая жизнь, но мне не удалось найти ни одного намека на то, как Осенняя Гроза заслужила честь и ужас называться горем великой богини.

Пытаюсь провести параллели между моей судьбой и знаменательными событиями в жизни смертного подменыша.

Бесполезно. Слишком по-разному текут временные потоки, слишком много петель и скачков. И все же интересно было бы узнать, есть ли причинно-следственная связь между, скажем, боем, вознесшим Aoibheal до ранга леди Дома, и решением моей госпожи взять под свою руку серую неясность. Или тем, что филин Маккиндера решил рискнуть собой ради гибнущей птицы.

Или тем, что, собственно, и толкнуло эту птицу на пики забвения.

Интересно было бы узнать, чьи именно сильные руки сбросили меня с крыши.

И когда.

Признав поражение, я отступаю, решив обогнуть добычу по спирали и зайти с другого угла. Лечу, отыскивая сведения о моем собственном дворе. Здесь тоже не найти упоминаний о подмене, но меня сейчас интересует иное.

Вот оно, королевство Ночи. Царственная семья, и великие Дома, и наиболее влиятельные нобили: мастер оружия, мастер скакунов, мастер погоды...

На мгновение застываю, борясь с искушением выяснить имя филина мастера охоты, но он болезненно ясно высказал свою волю. Узнаю тогда, когда меня сочтут достойной, и ни мгновением ранее.

Уж столько-то чести у меня есть.

Кружу над «планом сайта», выбирая цель. Что интересует меня в первую очередь? Война, которую столь небрежно упомянул филин. Вряд ли стратегическую информацию можно найти в геологических свитках. Скорее тут необходимо что-то вроде выпуска новостей. Или, быть может, форума, где обсуждают последние сведения. Тут же замечаю нужную ссылку, вхожу, перебираю темы.

Издаю ошалело «уоух!».

Во что же ты влезла, Aoibheal Осенняя Гроза по прозвищу Слезы Дану?

Двор бурлит от противоречивых слухов. О сорванной охоте, о нарушенных клятвах, о преданных родичах и разгневанных древних силах. Царица пламени и страстей, Осенняя королева Времен Года, находится сейчас на пике своей силы. Ее официальный вызов, причиной которого стало нападение на неназванную придворную даму, беспокоит даже

самых задиристо настроенных сорвиголов. Грядет война — но почему-то не с Осенью, а совершенно иным, вообще непонятно как относящимся к этой истории королевством, да и восточные наши соседи, фейри Солнечного и Лунного дворов, подозрительно зашевелились.

Дневные, как всегда, только и ждут возможности ударить в спину. И, как всегда, сотрясают реальности пламенными обличительными речами. Только на этот раз никто почему-то не смеется и не заявляет, что речами они и ограничатся.

Застываю в немом ступоре. Наверное, так чувствовали себя смертные, стоявшие на пороге их Первой мировой войны. Что за осиное гнездо я разворошила?

Совершенно сбитая с толку, собираюсь было улетать, когда вспоминаю, что ничего не слышала о судьбе младшего принца. Если бы он серьезно пострадал, это, конечно, было бы у всех на устах, но и абсолютное молчание как-то подозрительно. Перескакиваю с дискуссии на дискуссию, погружившись в магическое действие, которое можно описать разве что чисто смертным сленговым термином «lurking»¹. Наконец прихожу к выводу, что принц в порядке, но почему-то о нем стыдятся упоминать. Его высочество не нарушил никаких законов, его ни в чем не обвиняют, но...

Потеряв терпение, вызываю поисковик и сплетаю страстное, почти на грани моих возможностей заклинание-вопрос:

«С кем сражался принц прошлой ночью?»

В ответ — вязь старинных рун.

Dubh Sidhe.

И я понимаю, что не понимаю уже ничего.

Выхожу из транса, как из иного облика, — слишком быстро, слишком неожиданно, головокружительно. Глупо моргаю, глядя на бессильно лежащие на клавиатуре руки, на мерцающий экран. На мониторе картинка: захлопнувшийся ноутбук, из-под крышки с надписью Linux Inside торчат перепончатая лапа и пингвинья голова. Выключаю компьютер,

---

¹ To lurk (англ.) — таиться, оставаться незамеченным. Также используется по отношению к посетителям интернет-форумов и чатов, читающим чужие сообщения, но не участвующим в дискуссиях.

пока он не передумал и не взорвался, что пару раз случилось после моих экспериментов.

Как-то добравшись до кровати, падаю в беспмятство, точно в сон.

10

Разбудил меня голод. А чего еще ожидать, учитывая, что перед тем, как провалиться в компьютерный поиск, я успела сжевать только плитку шоколада? Организм, после энергетического подъема охоты так и не дождавшийся полагающегося затем пышного пира, оправился от изумления и начал возмущаться.

В голос.

Сопровождаемая совсем не сказочным урчанием в желудке, я добралась до холодильника. Кусок ветчины, проглоченный буквально за минуту, дал мне возможность перевести дыхание и обозреть перспективы с более или менее созвучной точки зрения.

В перспективах числился суп, ленивые голубцы и десерт. Бедром захлопнув холодильник, я сгрузила продукты на плиту. Подхватила бокал прозрачайшего хрусталя и, подставив его под вечерние лучи, поймала в стекле их сладость и силу. Солнечное вино плеснуло золотом, терпкой пряностью оттеня смертную пищу.

Мама зашла на кухню, когда я уже принялась за фрукты. Залпом осушив бокал, я вновь наполнила его, на этот раз апельсиновым соком, и повернулась к смертной женщине.

Светлые волосы, карие глаза, тонкие нити ранних морщинок. Она нахмурилась, глядя на опустошенные тарелки, покосилась на часы.

— Не поздновато ли для обеда?

— Это был ужин.

Мама сжала губы. Ужин в ее понимании был действием почти официальным, собирающим всю семью за большим столом, помогающим обменяться новостями, обсудить прошедший день.

— Дарья, отец придет всего через час и...

— Мам, я не останусь до его прихода, — перебила я. Фейри не дозволена прямая ложь, но мы яростные поклонники

искусства обманывать молчанием и умело выбранными глаголами. — Я хочу на ночь уехать на дачу. Димка сможет привести меня утром на занятия.

Вот. «Хочу» и «сможет» не означают, что так оно на самом деле и будет.

— Даша...

Она с видимым усилием заставила себя замолчать. Отодвинула стул и села напротив меня, сложив изящные, но такие смертные руки.

Я не без опасений наблюдала за тем, как леденеют решимостью шоколадные глаза, до жути похожие на очи Aoibheal. В Александре Шуваловой спал невероятной силы Дар. Сейчас, имея возможность сравнить, я подумала, что при должном обучении эта смертная могла бы превзойти даже свою похищенную дочь.

Не знаю, какое событие в прошлом, какая травма заставила ее подавить эти способности, полностью стереть из своей жизни и из памяти все, что не вписывалось в логичную картину мира. За возведенными старой болью щитами ментально мама была даже более глуха, нежели большинство смертных. Однако и самая непроницаемая защита может быть разрушена. Достаточно сильный шок, достаточно безжалостное вмешательство — и выстраиваемые десятилетиями стены рассыплются вокруг нее, как осыпались когда-то вокруг меня. Оставят ее неподготовленной, незащищенной, уязвимой в вихре вырвавшейся из-под контроля мощи собственной магии.

В сочетании с больным сердцем это пугающая перспектива. Я старалась быть очень, очень осторожной с магией в присутствии мамы. Тем более что заблокированный дар или нет, интуицией она обладала воистину ведьмовской.

— Даша, в последнее время нам всем было нелегко. Переезд, новая школа, другие... проблемы. Я понимаю... твоё желание независимости. Но, пожалуйста, постарайся и ты нас понять. Мы с папой совсем не хотим ограничивать твою свободу, запирать тебя или как-то наказывать. Но ведь ты не обычная девочка, Дарья. Ты не можешь позволить себе быть как все, вести себя как все. Не можешь быть беспечной. Твое тело более хрупкое, чем у остальных людей, и ты должна...

— Мама, я знаю, я знаю. И не рискую без необходимости. — Необходимость ведь понятие относительное, так? — Какой риск может быть в том, чтобы съездить на дачу? Всего час на электричке, ты ведь знаешь, у меня никогда не было никаких проблем с электричками. Тем более Димка уже там, а это все равно что целая бригада неотложной помощи под боком. Он ни за что не позволит, чтобы со мной что-то случилось.

— Дмитрий пока еще не врач.

— Но скоро им будет.

— Да как ты не понимаешь, тебе нельзя быть так далеко от медицинской помощи! Пока «Скорая» доберется в эту глушь! А если случится приступ? Нельзя...

Кажется, все мое смертное существование вращалось вокруг этого слова. Здоровому человеку сложно представить, насколько мысли, поведение, реакции на самом деле подчинены требованиям тела. И какая внутренняя дисциплина нужна, когда оно предает тебя.

Нельзя вступать в конфликты — волнение может вызвать приступ астмы. Нельзя бегать, играть с другими детьми — физическое перенапряжение может аукнуться более редкой, но куда более страшной колющей болью в сердце. Нельзя...

Я рано узнала, что такое «нельзя». И теперь, когда обрела выносливость и живучесть хищной фейри, невидимые оковы стали только крепче. Если раньше в заложниках была лишь моя собственная жизнь, то теперь под угрозой оказались и другие.

Я устало закрыла глаза. Сколько раз мы уже вели этот разговор? Слово в слово.

— Именно на случай приступа мне вручили эту игрушку, — я подняла висевшее на груди чудо современных технологий, снабженное GPS-навигатором. — Нажимаю одну кнопку, и даже говорить ничего не нужно. Диспетчер частной клиники определит координаты. «Скорая» прибывает так быстро, как это вообще возможно.

— Как можно просто нажать на кнопку, если смартфон постоянно выключен?

— Мама, ну как далеко можно зайти в... в этой паранойе? Что мне теперь, совсем жить отказаться?

— Ты откажешься от жизни, если потеряешь ее из-за собственной глупости! Даша, мы хотим для тебя только самого лучшего.

— Я знаю, мама. Знаю. Но в данный момент лучше всего для меня будет оказаться за городом. На чистом, свежем воздухе. Я... задыхаюсь среди железа и бетона, мам.

Подлый прием. Она тут же подалась вперед, испуганная и напряженная.

— Задыхаешься? Даша, астма? У тебя снова проблемы с дыханием, а ты никому не сказала?

— Нет, нет, — поспешно покачала я головой. — Уже год, как все хорошо. Но задыхаться можно не только в буквальном смысле. Я просто хочу на природу. И побыть одной. Мам? Пожалуйста!

Она отвернулась, явно задетая до глубины души.

— Мы просто беспокоимся о тебе.

— Да.

Я чувствовала себя последней лгуньей. Если бы был способ покончить с этим враньем! Доказать им, что моему здоровью ничего не угрожает. Сказать правду...

Угу. Как ты себе это представляешь, Шувалова? «Не волнуйтесь, мама и папа. Я абсолютно здоровая и абсолютно бесчеловечная тварь и очень спешу в кровавую сказку. Зачем? На службу к крестной матери волшебной наркоторговли, по слову которой я буду принимать участие в серийных убийствах». Да, правда — именно то, чего им и не хватает для полного счастья.

Я подняла глаза и застыла, увидев за спиной у мамы отраженную в стекле вышеупомянутую волшебную наркобаронессу. Дама Аламандин сверкнула дивными своими глазами и ударила по ладони зажатой в другой руке охотничьей перчаткой. Приказ был предельно ясен: «Ко мне. Немедленно».

Я залпом допила сок.

— Я тоже о вас всех беспокоюсь, мама. Ты даже не представляешь как. — Поднявшись, я поцеловала ее в щеку. — Хотя и знаю, что это глупо. Все. Будет. Хорошо. Веришь? Передавай привет папе. Я побежала.

— Даша, постой! — Она перехватила меня уже в дверях. — Что за мавр приходил к тебе сегодня в школу?

— Мавр? Какой еще мавр? — Сначала я действительно

не поняла, о чем она. Применять расовые предрассудки людей к меняющим облик в зависимости от настроения фейри — это было бы смешно, если б не было так страшно. Как, даже сквозь glamour, сквозь искусно используемую вуаль предубеждений, можно было принять это смертельно опасное существо за человека? Да еще и навесить ярлык! Ясно, что горе-шпионы в любимой школе ни разу в жизни не видели настоящих мавров.

— Ну... краснокожий негр. С раскосыми глазами, — несколько неуверенно попыталась извлечь смысл из противоречивых отчетов смертная. — Что он делал рядом с тобой?

Хороший вопрос. И как на него отвечать? Не скатываясь до прямой лжи, я имею в виду.

Лучше всего агрессивно.

— Минуточку, мам, откуда ты вообще знаешь, что я делаю в школе? Это что, слежка? Мне теперь уже ни с кем поговорить нельзя?

— Дарья Шувалова, следи за своим тоном! Где твое воспитание? Это право родителей — беспокоиться о больном ребенке, и...

— И я сейчас опаздываю! Но к разговору о правах и о воспитании мы еще вернемся. Скоро! — И я поспешно хлопнула дверь.

Выскочив на лестничную площадку, затравленно огляделась. Наши апартаменты — единственные на этаже, так что быть замеченной подглядывающими в глазок соседями мне не грозило, однако оставались еще камеры слежения. Бросив в объектив острый взгляд искоса, я заставила мониторы охраны рассыпаться шумным снегом, а сама скользнула в лифт. В глаза бросилось огромное зеркало, занимающее почти всю стену. Отражающее не тесную кабину, а рвущуюся ввысь колоннаду, дымчатые своды и закованную в сновидения бального платья фейри. Дождавшись, когда двери закроются, я прижала ладонь к ледяной поверхности, тут же подернувшейся волнами. Узкая рука сомкнулась на моей ладони, сжала тисками холодного железа, рванула... Почти ожидая удариться лицом о стекло, я зажмурилась.

Когда лифт доехал до первого этажа и двери распахнулись, взглядам смертных охранников предстала лишь пустая кабина.

Ноги подкосились. Я рухнула на руки госпожи, пытаюсь собрать мысли после того, как была протаскана сквозь множественные слои реальностей, точно игла сквозь натянутое на палец кружево ткани.

Когда миры и звезды прекратили кружащий танец перед глазами, с усилием выпрямилась. Заставила себя оглядеться.

Мы стояли в спальном покое Аламандин. Огромная зала, из тех, в которых устраивают балы или играют в футбол. Убранная голубоватым и хладно-серым, пустая и просторная. Из мебели — только низкая, застеленная зимним шелком кровать. Смятые простыни ниспадали на пол черного мрамора, отражавшего движение, точно зеркало. Дальняя стена, самая большая в комнате, отсутствовала, вместо нее — гигантское окно. Стекла то ли и в самом деле нет, то ли оно такое прозрачное, что кажется, будто зала просто открывается в застывший, нереально прекрасный пейзаж.

Холод. Скалы. Невероятно четко, болезненно тонко на фоне неба выписаны изломанные ветви деревьев. До горизонта — сюрреалистическая ясность предзимней равнины.

Как можно спать среди этой навевающей тоску и ужас нечеловеческой красоты, являлось для меня тайной. Дама Аламандин, впрочем, и сама была обретшим тело ночным кошмаром, а потому идеально смотрелась в окружавшем ее интерьере.

Госпожа моя отвернулась, прошуршав шлейфом из сновидений. Ни слова о вчерашнем, ни жеста, ни движения, выражающего неудовольствие. Лишь приказала:

— Его величество дает большой прием. Ты сопровождаешь меня.

Лучше бы это оказалась еще одна охота.

Из всех обязанностей, которые требовала служба благородной фейри, больше всего я не любила роль фрейлины. Хотя бы уже потому, что она не позволяла мне принять более удобный облик. По какой-то не совсем ясной причине посещать балы в ипостаси совы или любом другом неспособном танцевать и интриговать облике не принято. Что, естественно, лишало меня самого простого способа избежать этих самых танцев и интриг.

Хуже того, совершенно непонятно, зачем вообще при-

дворной даме-рыцарю нужна собственная фрейлина и каковы ее обязанности. На охоте я — охотница, на дуэли или в схватке — оруженосец, при совершении сделок — телохранитель. А на торжественном приеме следовало в должной степени торжественно носить за хозяйкой шкатулку с зельями и драгоценностями, стоять за ее плечом во время пира и делать вид, что поправляю ее прическу после танца. То есть всячески создавать иллюзию собственной полезности.

Я вздохнула. Честность заставляла признать, что настоящая служанка действительно могла быть полезна, хотя бы при создании туалета госпожи. Аламандин, видимо, неплохо представляла себе результат такой помощи, поскольку в сторону ее изысканных и хрупких нарядов мне не разрешалось даже думать. Хозяйка была удовлетворена, если я хоть саму себя умудрялась привести в порядок без постороннего вмешательства.

Деваться некуда. Стянув смертную одежду, я сосредоточилась, бессовестно используя атмосферу и настроение комнаты, чтобы создать основу образа. Крой и фасон платья младшей фрейлины при нашем дворе был определен этикетом, однако цвета и ткань обязаны указывать на господина, которому ты служишь... а значит, я должна сплести озарение и безумие, грезы и кошмары. Вышить их дурманящим дымом, разбросать по длинным рукавам блески тайны, заплести волосы камнями драгоценных воспоминаний.

Наконец, вздохнув, я оглядела полученный результат. Тугой корсет, разлетающаяся складками юбка нижнего платья. Рукава платья верхнего скроены так, чтобы постоянно падать с плеч, открывая линии шеи и ключицы. Кажется, ничего не забыла... кроме обуви.

И как все-таки Aoibheal удастся в этих средневековых тряпках выглядеть грустно и элегантно, в то время как на мне все сидит, точно на выпавшем из гнезда совенке?

Закончив, я подошла к раскинувшемуся от пола до потолка окну, у которого застыла Аламандин.

— Госпожа?

Она подняла руку, сплетая холод серого неба в луч падающего под ноги света. Ступила на него обманчиво хрупким видением.

— Готова?

— Да, госпожа.

Хозяйка окинула меня насмешливо изучающим взглядом, фыркнула и извлекла что-то из воздуха. Протянула.

Я даже не сразу поняла, что именно она держит. Сияя сдержанным великолепием, на ладони лежала аламандиновая маска. Не просто убор, скрывающий лицо, а квинтэссенция чар, созданных мастерицей иллюзий и обманов. В этом меня не узнают, не смогут узнать даже самые близкие, даже самые наблюдательные. Единственным намеком станут цвета госпожи на платье, ее сила, окутывающая мою фигуру. Но никто не сможет точно сказать, кто именно сегодня исполняет роль прислужницы дамы Аламандин.

Я бережно взяла маску. Почему? Сегодня не маскарад, ведь хозяйка идет с открытым лицом в полном блеске своей силы. Что же тогда скрывать мне?

Мое лицо. Лицо Осенней Грозы.

Уоу-ух.

— Благодарю вас, госпожа. — Я надела маску, невольно расслабляясь под покровом анонимности.

Не утруждая себя кивком, она ступила на клинок из света, взмахнула рукавом. Чуть поспешно я поднялась вслед за ней, ощущая хрустальную упругость под туфельками, созданными из кристаллов утреннего заморозка. Мы скользнули по лучу, стали лучом, мы рассыпались ледяными бликами, разлетелись, распались, растаяли эхом.

Мы сложились осколками, стаяй птиц, летающих домой, мы вернулись, сплелись. Мы стали отблесками звезд, чтобы стать тенью, чтобы стать плотью. Мы шагнули с луча в приемном зале ночного дворца.

— ...прославленный рыцарь королевства, дама Аламандин по прозвищу Сон Ночи! — размеренно объявлял мажордом, и слова его раскатились по всем комнатам и всем галереям, сопровождая дуновение силы, которой была Аламандин.

Не давая себе сбиться с шага, не делая паузы, госпожа моя скользнула на пол, величественной птицей проплыла в распахнутые двери, ночной бабочкой, лунным призраком, далеким сном, которым ее прозвали. Я, благовоспитанно опустив глаза, шла за ее спиной — младшая фрейлина, такое же продолжение силы хозяйки, как ее шлейф или ее чары.

Дворец Ночного короля был нарочито, без особых претензий на воображение... ночным. Потолок терялся в усыпанном звездами небе. Колонны и стены дышали магией, и тени танцевали, наполняя воздух запахами полночных трав.

Лестница, которой, казалось, нет конца, уносилась вдаль, и было не понять, поднимается ли она ввысь или спускается в пропасть. Призрачный свет серебряных струн, серебро голосов, серебряная музыка. В зеркалах мелькала моя фигура, но в звуке шагов было не разглядеть деталей. Мне начинало казаться, что я исчезла, что меня нет даже для самой себя.

Еще одни двери. Тронный зал, заполненный феерически гостями. Фейри, истинная раса, высокие господа и владетельные дамы, абстрактные концепции, обретшие плоть. Мои глаза под маской широко распахнулись, обегая блистательное сорище, задерживаясь на незнакомых лицах и непривычных аурах. Большой прием, сказала госпожа. Она за-была предупредить, что на приеме этом соберется не только знать Ночи, но и посольства иных королевств, многих из которых я здесь видела впервые.

Причем пришли не только представители фейри. С чувством, близким к панике, я узнала в держащейся особняком группе смертных представителей одного из магических конклавов. Тройка высоких крылатых воинов — это ведь... Неужели немедианцы?

А на ступенях трона... Мой взгляд споткнулся. Странные существа и могущественные послы, собравшиеся в зале, вдруг стали совершенно неинтересны. На ступенях трона Ночи стоял филин Маккиндера. И вполголоса обсуждал что-то с младшим принцем и черноволосым чародеем, бывшим на самом деле вороном.

Точно почуввав что-то, широкоплечий фейри с янтарными глазами поднял голову, безошибочно нашел даму Аламандин. Улыбнулся взглядом стоящей за ее спиной фрейлине. Бесславно струсив, я спряталась за колонну. Минорный смех госпожи расплескался в воздухе.

К хозяйке подошел один из старших аристократов, завязался разговор, острый, как фехтование изменническими на-меками. Я позволила себе облегченно выдохнуть, но...

— Что печалит юную деву? — спросил раздавшийся над ухом насмешливый голос. — Что заставляет ее прятать-

ся... — У меня создалось впечатление, что он собирался закончить вопрос недипломатичным «по углам», но в последний момент манеры все-таки победили: — ...под маской?

Дернувшись пойманым на месте преступления воришкой, я подняла взгляд.

Черный камзол. Серебро волос. Зарево силы.

Младший принц Ночи насмешливо смотрел на меня с высоты редкого даже для феири роста и недостижимого положения.

Ответить на такой вопрос можно было либо флиртующей шуткой, либо никак. Не колеблясь ни секунды, я выбрала более безопасный вариант и опустила в глубоком реверансе, мысленно обещая, что не поднимусь, пока его высочество не отправится искать более забавное развлечение. Слишком просторные плечи внешнего платья, разумеется, тут же соскользнули, и царственный взгляд не замедлил обжечь оголившуюся кожу.

Я бросила из-под ресниц панический взгляд в сторону Аламандин, но госпожа, даже не соизволив обернуться или прервать свой разговор, едва заметным жестом руки дала понять его высочеству, что юная дева находится в его полном распоряжении. В разумных пределах, разумеется.

Дева не знала, упасть ли ей в обморок от ужаса или начать ругаться, как строитель со стажем.

Принц решил эту дилемму, отнюдь не деликатно ухватив меня за плечи и подняв на ноги. Хорошо хоть вовремя остановился, еще чуть-чуть, и бальные мои тифельки болтались бы в воздухе.

— Позвольте развеять вашу печаль, о таинственная незнакомка. Позвольте пригласить вас на танец!

— Но... — Я хотела было возразить, что никто не танцует, однако, оглядевшись, увидела, что в центре зала кружатся в лунных мелодиях сказочные пары.

Принц подхватил меня и не то повел, не то понес в объятья музыки, двигаясь с кошачьей грацией опытного похитителя. Мы были уже почти на месте, когда я наконец прекратила мысленно перебирать возражения и пробормотала:

— Как будет угодно вашему высочеству.

Завистливые взгляды и недоброжелательные чары летели со всего зала и опадали теплом, спаленные окружающей

принца силой. Это было бы похоже на сказку о Золушке, если бы не обещало столько неприятностей в будущем.

Единственное, что утешало, это моя анонимность. Не зная, кто именно перебежал им дорогу, придворные не смогут точно нацелить свое возмездие. С другой стороны, принц явно оказался отлично осведомлен о том, кого именно дама Аламандин собиралась привести с собой на бал. Похоже, госпожа, перед тем как дать мне маску, заранее предупредила о ней круг избранных.

Знать бы еще, кто оказался в этом кругу. Принц, филин Маккиндера... м-м-м, ворон?

Его высочество отпустил меня. Поклонился. Я вновь присела в медленном реверансе. Выпрямившись, положила руку на его плечо. И отдала себя движениям его тела, благодаря судьбу за уроки бальных танцев в детстве и за то, что феири предпочитают не заранее установленный набор шагов, а естественное следование зову музыки. Полет и кружение. Ми... ми... со-о-оль, ля-соль-ля, соль-ми-соль...

— Сегодня необычный бал, вы не находите, о таинственная? — с улыбкой в голосе поинтересовался мой партнер. — Настоящее нашествие незваных гостей...

Я улыбнулась и чуть склонила голову, надеясь, что это сойдет за ответ.

— Столь же необычный, как и недавняя охота. И, похоже, столь же полон сюрпризов, — как ни в чем не бывало продолжил юный феири, «недавнюю охоту» которого сегодняшняя партнерша по танцу предательски сорвала. О чем он, судя по всему, осведомлен. Неужели филин предал? Или Аламандин вела свою интригу?

— Надеюсь, что это не так, ваше высочество, — тихо ответила я, следуя за его шагами в мелодии, ставшей вдруг смутно напоминать вальс.

— Ну что вы, таинственная, некоторые из этих сюрпризов были весьма приятны.

Медленно, почти против воли я подняла голову и впервые встретилась с ним взглядом.

И споткнулась, удержанная от падения лишь его сильными руками, его телом, продолжившим скольжение в лунном танце.

Глаза принца были мне знакомы. Оранжевый янтарь, яр-

кий, пламенный, то наливающийся сплящим солнечно-белым светом, то темнеющий раскаленной лавой. И золото кожи, под тонким покровом которой плещет дикая магия. И сила, такая знакомая, обжигающе-златая мощь, раскаленное напряжение неведомых стихий.

Наверное, это простительно — не понять сразу. В конце концов, я впервые была на расстоянии вытянутой руки от представителя королевской династии. Если, конечно, не считать филина Маккиндера. Если не считать те мгновения, когда фейри, пылающий этой же силой, несущий на себе печать этой же семьи, стоял так же близко. И так же пристален был взгляд янтарного золота.

Мысли взвились снежной вьюгой. Финин — родич принцу Ночи. Близкий родич, брат, сын, в крайнем случае кузен или племянник. Но одновременно мне почудилась и иная кровь, не то смертная, не то... Быть может, незаконнорожденный сын нашего короля? Чуть, среди фейри не бывает незаконных детей, только незаконные родители! Однако странная наследственность действительно могла стать причиной, по которой финин отказывается носить титул принца Ночи.

Или... титул принца Дня?

Раздражение на собственную слепоту и неосведомленность вылилось в странную, какую-то совершенно нездоровую отвагу. Не отводя взгляда, я тихо спросила:

— Относится ли схватка с Черным фейри к сюрпризам приятным?

Он остановился посреди танцевальной площадки, в вихре музыки и лунной магии. Янтарь выцвел яростью, выбелел до раскаленной стали.

— Она вообще не относится к сюрпризам. Любим.

Вот так.

Плавно, точно опадающие звезды, мы опустились обратно на пол. Подхватив за талию, принц поспешил увлечь меня к тням одного из альковов. Поначалу скованная ужасом, я сообразила, что гнев его направлен вглубь и мало что имеет общего с моим грубым вопросом. Его высочество скользнул во тьму, музыка танцев затихала, и на ночной зал упала торжественная тишина. Пришло время настоящего приема.

Король появился без фанфар и торжественных выходов.

Просто в одно мгновение трон Ночи пустовал, а в следующее нас накрыло волной магии и мощи. Ночные тени соткались в высокую фигуру златовласого, златокожего красавца, что небрежно развалился с бокалом вина, точно великий трон был диваном, созданным исключительно для его королевского удобства.

Вместе со всеми собравшимися в зале выпуская с ладоней лунную бабочку приветственных чар, я могла лишь поражаться семейному сходству.

Посольства и делегации иных королевств потянулись к подножию трона, чтобы официально преклонить колени перед правителем. Принц по-прежнему стоял рядом, и потому я почувствовала, как напряглось его тело. Его высочество эдаким небрежным движением плеча задвинул меня себе за спину. Послушно скользнув в тень, я проследила за его взглядом.

Двое рыцарей шли по залу, среди хрупких и красочных придворных, среди тонких нитей чар и призрачных glamour, и разрывали их, как оса разрывает паутину. Фейри не придерживаются единых стандартов внешнего облика, и, казалось бы, среди дам с вольными драконьими крыльями и кавалеров, покрытых темно-зеленой чешуей, трудно выделиться. Выяснилось — нет. Достаточно просто быть чужими.

Черные волосы, черные плащи, черные взгляды. Некий стандартно-красивый антропоморфный облик, их, наверное, даже можно было бы принять за смертных, но...

— Fir Volg, — тоном лектора произнесла неожиданно появившаяся рядом дама Аламандин. — Одна их старейших и наиболее опасных рас, обитающих среди внешних Вуалей. В данный момент демонстрируют редкие для них манеры, приняв более или менее вежливый облик. Не делай ошибки, решив, что именно так они и выглядят на самом деле.

Я не делала. Взгляд охотничьей совы, тот самый, что позволял различать следы и читать скрытые намеки, уловил тень крыльев на стене, и вихрь клинков, и изгиб гибкой шеи.

«...Статус: приемная дочь, подтвержден в неравном бою с воинами расы Fir Volg». Я сглотнула. Совпадения, совпадения. Вот бы мне найти что-нибудь, что не относилось бы к сюрпризам!

Гулкий звон гонга. Волна предгрозовой свежести, эхо грома и размеренный голос мажордома:

— Ее превосходительство леди Siobhan Осенняя Гроза, посол королевы Пламени и Страстей!

Я скрыла шок, в очередной раз поправляя упавшее с плеч платье.

Приемная мать Aoibheal вплыла в зал блеском листопада и зарницами осенних костров. Гордо поднятая голова, отблеск сдерживаемого могущества — госпожа Осенних Гроз не выглядела опустошенной горем. Или хотя бы просто обеспокоенной. Разъяренной — да, определенно. Впрочем, кто я такая, чтобы читать в душах древних фейри?

Высокородная леди проследовала к подножию трона в окружении вооруженных до зубов воинов-фейри. Garda Siobhана, вспомнились мне раскопки в Интернете-которого-не-существует, Стража Времен Года, переходящая к монарху вместе с магической силой сезона и властью над тронном. Говорят, их боятся даже собственные хозяева.

Госпожа Siobhan остановилась перед тронном и, не утруждая себя поклонами, ровным голосом сообщила, что Времена Года объявляют войну Ночи. И будут вести ее до тех пор, пока Ночь не вернет похищенное Дитя Осени.

После чего посольство рассыпалось вихрем кленовых листьев и запахом горького меда.

Принц тихо выругался. Впрочем, и это, судя по всему, не стало для него сюрпризом.

Поступок Siobhan точно послужил сигналом, началась настоящая буря дипломатических катастроф. Посол Дня поспешил официально заявить о и без того уже столетиями ведущейся между нашими дворами войне. Правда, из туманных и витиеватых его умалчиваний следовало, что воевать дневные собрались не совместно с Осенью, а сами за себя. Просматривалась даже некая перспектива объединения с Ночью (!) против общего противника (?).

Гневные речи произнесли посланцы Солнечного и Лунного дворов, причем гневались они, похоже, прежде всего друг на друга. Что действительно поражало, так это заявление Лунного короля о разрыве с нами длившегося тысячами, предначертанного самой природой союза. Не менее шокировало предложение поддержки от двора Солнечного.

По крайней мере хоть Звездные оставались предсказуемыми и, как всегда, не соизволили появиться.

Дальше — больше. Безумные слухи, которые я прочитала на «форуме», обрели вполне реальное подтверждение. Конфликт всех против всех, где каждый сам за себя и каждый готов ударить в спину.

— Вы заметили герцога Namure из Летнего двора? — спросил принц.

— И то, как он старался не попасться на глаза посланнице Осени или же неофициальному представителю Весны? — иронично уточнила Аламандин.

— Думаете, можно получить их поддержку?

— В разгар чужого сезона? Ни в коем случае. Времена Года ведут сложный танец, но... Но.

— Остается лишь надеяться, что танец этот отвлечет их от внешних проблем.

— На это, ваше высочество, вы можете рассчитывать всегда.

С новой величавой речью выступал очередной пылающий дивной силой фейри. Дама Аламандин вздохнула:

— Он не придет.

— Нет, — согласился принц.

— Я почти надеялась.

— Я почти боялся.

— Разве в данном случае это не одно и то же?

Слаженно, не стовариваясь, они подхватили меня под руки и устремились глубже в ночные тени. Ворон-чародей замыкал маленькое шествие, прикрывая нас от любопытных взглядов и недоброго оружия. Принц вскинул руку, отведя реальность в сторону, точно тяжелый занавес. Шагнул вперед, увлекая за собой остальных.

Пройдя сквозь стену и, как мне показалось, сквозь несколько миров в придачу, мы остановились. Мои руки наконец оказались свободны. Чем я тут же воспользовалась, чтобы вернуть на место соскальзывающее платье.

— Прощайте, благородная дама. И вы, прекрасная незнакомка, — принц поклонился. — Не описать словами удовольствие, что доставило мне ваше общество.

Беловолосый фейри смеялся, но почему-то казалось, что ему совсем не смешно. Друг-ворон застыл сторожем, охра-

няя нас от любой угрозы, но даже самый умелый чародей не смог бы оградить от ужаса, что зарождался в эти минуты в тронном зале.

— Прощайте, ваше высочество, — сказала Аламандин, точно расставаясь навсегда.

И, прежде чем я успела задать глупый вопрос или сделать что-то непоправимое, окутала меня своей силой.

Мы ударились о землю и рассыпались пеплом, белым пеплом, совиным пером, сотней птиц, улетающих прочь от неминуемой бури.

12

Я кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

Мягким танцем лап, скольжением меж Вуалей я кошкой иду по своим делам, презрительным движением ушей скрывая следы.

Мысли и воспоминания о прошлом далеки в этом облике, но что-то глубоко во мне кипит, вспышками страха и гнева подгоняя вперед. Не выдержав бурлящей жажды делать хоть что-то, срываюсь вперед, бегу. Смазанной серой молнией мелькаю в зачарованном лесу, вдруг прыгаю, взбивая выпущенными когтями сосновые иглы и опавшую листву.

Неслышный толчок — не в окружающих мирах, а где-то глубоко внутри, и я вырываюсь в смертную реальность, бегу уже по затронутому людьми лесу, прыжками пересекаю знакомые тропинки.

Забор. Знакомый переплет окна, родные запахи. От переполняющих меня чувств я выгибаю спину, резко меняю направление, прыжок, когти, вверх, вверх, вверх...

Обнаружив себя на неустойчивой березовой ветке, высоко-высоко над землей, удивленно смотрю вниз, гадая, как я здесь оказалась. Пытаюсь повернуться, теряю равновесие, цепляюсь когтями.

Мйа-а-аур-р!

Точно белка, ищу равновесие с помощью пушистого хвоста. Как мне отсюда спуститься?

Смотрю вниз. Поднимаю мордочку, смотрю на освещенное окно. Вниз. Порыв ветра вновь заставляет напрячь когти.

— М-м-мр-р-ряу! Ряу-у-уа-а-а-а-а-у-уа-а-а-а-у-у!

«Димка! Где его носит? Димка! Выйди немедленно! Сними меня отсюда!»

Не знаю, является ли стремительно распахнувшаяся дверь и выбежавший на крыльцо молодой человек свидетельством телепатических способностей брата или всего-навсего громкости моего голоса.

— Миу! Мйиу!

«Сними меня сейчас же!»

Димка запрокидывает голову, вглядываясь в качающиеся ветви березы, замечает кошку. Затем почему-то начинает оглядываться.

— Даша?

— Миу!

«Сними! Немедленно!»

— О нет! — Это от кутающейся в шаль Aoibheal, вышедшей на крыльцо и мгновенно разобравшейся в ситуации. Судя по всему, Осенняя Гроза знает, что такое кошачий облик, и имеет некий опыт общения с ним.

«Сними!»

Воспитанница фейри неуверенно спускается с крыльца, останавливается под березой.

— Дарья? — Прочистила горло. — Даша-Даша-Даша! Спускайся!

— Мяу! — «Если бы я могла, то давно бы спустилась, глупая смертная!»

— Вниз, Дарья!

«Поднимись и спусти меня!»

— Авхиль? Что происходит? Это Даша?

— О да! — Она фыркает, почти одновременно со мной. Поплотнее кутается от осеннего холода, пристально глядя в сияющие кошачьи глаза. — Собственной персоной... в некотором роде.

— Мяу!

С царственностью, достойной королевы или, быть может, даже кошки, Aoibheal отдает приказ:

— Сними ее!

И, развернувшись, уходит в дом.

Димка смотрит ей вслед. Затем на меня. Закрывает на мгновение глаза. И отправляется за лестницей.

Процесс снятия оказывается не таким уж простым. Ко-

гда брат забирается достаточно высоко, он так качает березу, что я цепляюсь всеми когтями, оборачиваюсь телом вокруг ветки и отказываюсь отпустить. Димка пытается стащить меня силой, за что получает заслуженные царапины. Держа шипящую фейри одной рукой и ругаясь так, как никогда не позволил бы себе, будь я в человеческом облике, каким-то чудом спускается.

— Сестры и кошки! — рычит Дмитрий. — Самые несносные существа в мире! Особенно когда они и то и другое одновременно!

Я фыркаю и просвещаю его по поводу братьев и собак. И как первым даже не нужно менять облик, чтобы обладать всеми качествами вторых.

Мр-р-да.

Вообще-то множественные ипостаси не являются одним из моих талантов. Мягко говоря. Единственная форма, которая ощущается естественной, — это совиная, и именно она для меня первая и истинная.

Однако это не означает, что иные облики мне недоступны. Проблема в том, что хотя физическая составляющая дается относительно легко, ментальная... Есть две крайности — либо я противоестественная смесь птицы и женщины, запертая в теле животного и не умеющая пользоваться естественными инстинктами. Либо полностью подчинена этим самым инстинктам, вплоть до того, что не способна самостоятельно вернуться в более привычное тело.

Когда хозяйка считала это необходимым, она помогала мне в принятии двух традиционных охотничьих ипостасей — волчицы и ласки. Но тот единственный случай, когда Аламандин попыталась оседлать меня в форме молодой кобылицы... Обе мы благодарны, что столь изумительно забавная сцена произошла без свидетелей.

Втайне от госпожи я пыталась освоить еще один облик, одновременно доступный и сложный. И крайне полезный для того, чтобы бродить на мягких лапах среди ничего не подозревающих смертных. То, что эта ипостась открывает совершенно новую грань магических способностей, сейчас как никогда кстати.

И не будем забывать об удобстве, превосходстве и прочих преимуществах рода кошачьего над остальным миром.

Особенно двуногим.

Вскочив на кухонный стол, сажусь, обернув лапки хвостом, прищуриваюсь. Внимательно слежу за тем, как Димка достает мясо.

«Р-р-ровнее, нужно резать мр-р-ровнее. Ты ведь не хочешь, чтобы твоя сестра подавилась?»

— Вопрос, достойный вдумчивого спора, — неприятно улыбается Aoibheal. Она сидит на высоком стуле, прямая и недовольная, и что-то в этой позе неуловимо напоминает мне меня саму.

Выкормыш фейри спокойно встречает мой взгляд, зная, что это испытание воли и власти, зная, что та, кто отведет глаза первой, признает себя слабейшей. Минуту сидим, застывшие, облаченные в разные ипостаси, но от этого не менее схожие. Димка смотрит сначала на одну, затем на вторую, возводит очи горе.

Вот он, момент, которого я ждала. Смертный слишком много знает, его магия открывает тайну нашей речи, он слишком чуток к беззвучным словам. Но есть и иные способы общения. В глубине моих глаз разгорается магия, мелькают картины, воспоминания. Тронный зал Ночи, осенний вызов леди Siobhan, кружащий меня в танце принц. Я не знаю, кому верить, и не знаю, какой путь будет мудрейшим. Что ж, Aoibheal лучше осведомлена о том, почему и в какую канаву свалилась. Вот пусть сама и выбирается оттуда!

Заметно побледнев, девушка отводит глаза. Тут же гневно вспыхивает, поняв, что безнадежно проиграла состязание за территорию. Довольно щурясь, я начинаю вылизывать переднюю лапу.

— Мы с леди Авхиль пришли к согласию о том, как представить ее родителям, — говорит между тем Димка.

Я поворачиваю в его сторону ухо.

— Вываливать с порога всю правду будет... не самым разумным. Она решила, что набросит иллюзию, несколько изменив черты лица, и познакомится с мамой и папой под личиной обычной смертной девушки. Ты представишь ее как свою подругу.

«Да ну?»

Я опускаю лапу. Награждаю своего полезного, но, увы, не обремененного разумом брата высокомерным взглядом.

— Они столько раз повторяли, как беспокоятся, что в новой школе у тебя нет никаких друзей.

«Мои друзья — мое дело. А твое дело — кормить кошку! Режь аккуратнее. Кусочки должны быть равными».

— Даша, ну будь разумной. Я не могу привести ее в дом как свою подругу. Мама тут же начнет волноваться и намекать, что совсем не прочь стать бабушкой!

Я спрыгиваю со стола. Медленно подхожу к нему, лентой оборачиваюсь вокруг лодыжек, боком, хребтом трусь. Мурлыкаю: «Кушать-кушать-кушать». Привстаю, балансируя на задних лапах. И со всей силы вцепляюсь передними ему в ноги, потягиваюсь, точу когти, сквозь ткань ощущая, как в плоти расцветают кровавые ранки.

С воплем парень отскакивает назад.

— Дашка!!!

«Не отвлекайся по пустякам, Шувалов. У тебя важная, ответственная миссия — накормить кошку!»

— Дикая! — резкими движениями он вываливает мясо на блюдечко, ставит перед моей мордочкой, отворачивается к умывальнику. — Совсем озверела, на четырех лапах бегай!

Мр-р-р-р... Напоследок еще раз обернувшись вокруг его ног, подхожу к миске, не прекращая мурлыкать, впиваюсь в сочный ужин. Фр-р-р-р. Окружающий мир перестает существовать.

Димка и Aoibheal смотрят, как я кушаю, со странной смесью ужаса и умиления. А неплохо Шувалов успел приручить выкорыша феяри. Еще утром она отказывалась признавать, что является подменышем, а теперь сидит в смертном доме, ест смертную пищу и даже согласилась встретиться со смертной семьей. Обаятельный у меня брат. И опасный.

Хотя до кота ему еще расти и расти.

Еда приятно согревает желудок. Я не настолько сыта, чтобы свернуться клубком в мягком и томном кошачьем сне, напротив, свежее мясо наполняет меня беспокойной энергией. Элегантно изогнув хвост, захожу в гостиную. Следующие за мной двуногие обсуждают извечный человеческий вопрос: что делать?

— Дарья принесла тревожные вести, — говорит Aoibheal, — Дети Дану собирают клинки и магию. Быть войне.

С шипением я поворачиваюсь к ней, прыгаю боком, вы-

гнув спину, вздыбив шерсть, бешено сверкая глазами. Димка удивленно вскрикивает, но Осенняя Гроза лишь смотрит на меня беспощадными в своей мудрости глазами.

— Оставьте, госпожа Шувалова. Поздно защищать его. Дмитрий и без нашего вмешательства знает достаточно. Когда эхо битв истинной расы докатится до этих земель, он, как и другие колдуны его ордена, будет призван на защиту реальности смертных.

Что-то во мне вскидывается, услышав «колдуны его ордена», но желание защищать свою территорию и обитающего на ней непутевого брата сметает все. Я шиплю и ударом лапы разрываю опускающийся до пола шелковый шарф. Нервно шевелю хвостом, пытаюсь восстановить контроль, вернуть себе разум.

Отпрыгнув, уворачиваюсь от успокаивающих рук Димки, бегу в гостиную. Резкий толчок лапами, и я оказываюсь на каминной полке, слишком узкой для подобной акробатики. Летят вниз рамки фотографий. Я балансирую, царапая когтями кирпич, как-то все-таки удерживаюсь.

Двуногие усаживаются друг напротив друга на низких диванчиках перед камином.

— В какой форме до нас может докатиться это... эхо? — спрашивает Димка.

— Зависит это от того, будут ли Дворы чтить этикет войны. Создадут ли они реалию, единственное предназначение которой станет служить полем битв. Будут ли следовать предписанному церемониалу. К какой магии решат обратиться.

«Войны истинной расы — весьма ритуализированное мероприятие, — высокомерно сообщаю я, медленно идя по каминной полке. Каждый шаг сопровождается грохотом с невинным видом сброшенной на пол безделушки. — Если младшие фейри могут сражаться, просто чтобы выиграть, то Daoine Sidhe, высоким лордам и леди, важен процесс. Война — это архетип высшего порядка, магический ритуал, источник силы. Способ влиять на мир, такой же, как Дикая Охота, или Дуэль, или Королевский Бал. Выигрыш второстепенен по сравнению с самим столкновением извечно противоположных сил».

Я сажусь, размеренно шевеля кончиком хвоста, глядя сверху вниз.

«Однако на этот раз чуть подсказывает, что на первом месте стоит как раз выигрыш. — Пристальный кошачий взгляд на склоненную голову Aoibheal. — Приз, ради которого, собственно, и идут на войну Ночь и Осень. И который все остальные страстно хотят умыкнуть у них из-под носа. Цель столь желанная, что вполне может оправдать... средства, которые в других обстоятельствах сочли бы неприемлемыми».

Хищная, обманчиво ленивая кошачья улыбка со дна расширенных зрачков.

«Не говоря уже о том, что в центре этой войны, впервые за тысячелетия, вновь окажется Dubh Sidhe. Говорят, заварушки с его участием невозможно сравнить ни с одной другой... битвой. Мр-р-р?»

Я слежу за Aoibheal с терпением и абсолютным вниманием, которое присуще только поджидающей мышь кошке. Однако единственной ее реакцией оказывается едва заметное напряжение плеч при упоминании Черного. Безмятежные шоколадные глаза надежно прячут свои тайны. В раздражении бью хвостом, отворачиваюсь, предоставляя смертной самой объяснять Димке таинственные намеки.

Передо мной резная деревянная ваза с узким горлышком. Нетерпеливым движением лапы сбрасываю ее с каминной полки, чтобы пройти дальше. Шорох и движение заставляют резко повернуть голову — из опрокинутой вазы на пол высыпаются крупные бусины.

Несколько мгновений сижу, напрягшись, затаившись, следя, как разбегаются в разные стороны крупные жемчужные горошины. Лишь трепещет кончик хвоста. Мягко припадаю на передние лапы, шевелю бедрами, в охотничьем кошачьем танце, одновременно разогревающим мышцы и уточняющем направление броска. Затем срываюсь взведенной пружиной, стрелой лечу на пол, бегу, ударяя бусины, подбрасывая их, снова лоя, загребая и отталкивая. Наконец застываю, придавив лапками одну из горошин.

Озадаченно нюхаю добычу, фыркаю, теряя интерес. Тень движения на периферии зрения привлекает внимание, и я резко бросаюсь в том направлении, кручусь, пытаюсь ухватить ускользающий комочек меха.

Плюхаюсь на пол, сообразив, что охотилась за собственным хвостом.

— С ней все в порядке? — спрашивает обеспокоенно наблюдающий за моими выходками Димка.

— О да, — пожимает плечами Aoibheal, — госпожа Шувалова просто... в первую очередь очень молодая кошка и лишь затем юная дева. Разум ее подчинен ипостаси.

— Это нормально?

— Это, скорее всего, случилось по ее воле, — безбожно льстит мне воспитанница фейри. — Если недобрые глаза попытаются нас найти, то искать будут Дарью Шувалову, а не беспечного котенка. Древние тексты говорят, что из всех ипостасей кошка обладает самой... свободной магией и проследить ее не по силам даже лучшим из ворожеев. Когда идущая сама по себе не желает, чтобы бежала по следам мягких лап погоня... — Туманный жест рукой, обозначающий бессмысленную трату сил, которой стала бы подобная охота.

Димка смотрит, как я поднимаюсь, как крадусь к злосчастной вазе. Пытаюсь просунуть мордочку в горлышко, но, конечно, она не пролезает. Тогда запускаю туда лапу, стараюсь выудить что-нибудь. Ваза, под действием закона отталкивания, откатывается в противоположную сторону. Я за ней. Наконец вытаскиваю когтями нитку бус, несущую их в зубах, спотыкаюсь, падаю, пытаюсь разорвать их резкими движениями задних лап.

— Нет, — вздыхает брат. — Это не ипостась. Боюсь, Дашка всегда такая!

Я возмущенно прижимаю уши и, по-прежнему лежа на спине, одариваю его пылающим взглядом. Димка, подхватив меня поперек живота, поднимает в воздух, вместе с бусами и дурным характером.

«Задние лапы, задние лапы!» — возмущаюсь я. Вот вас бы попробовали таскать, точно мешок с мехом!

Брат послушно подставляет руку, давая опору моим задним ногам. Вновь опускается на диван, устраивая меня на коленях. Его пальцы все еще едва ощутимо пахнут мясом, и... Димкой. Я жмурюсь, когда они умело начинают почесывать за ушами. Поворачиваю голову под теплыми, сильными прикосновениями.

Люди — трагически несчастные существа. Всего две

ноги, подумать только! Это их прямохождение создает множество проблем, нагружая позвоночник и порождая совершенно нелогичные болезни. Однако у каждого существа в природе есть свое место и своя цель. Причина появления двуногих, без всякого сомнения, — кормить и гладить кошек. Зачем еще им могут быть даны руки?

«Повыше. Мягче, мягче. Мр-р-р-р-р».

Хоть какое-то оправдание бессмысленного в остальном существования.

— Допустим худший сценарий. Что будет, если фейри отбросят этикет и будут сражаться, как это делают смертные? Эффективно и ради выигрыша, — спрашивает Димка.

— Они развоплотят планету до первоначальных элементов, — спокойно объясняет очевидное Aoibheal.

— То есть... совсем?

— До этого не доходило давно. Даже по меркам Детей Дану. Восстановление смертного мира из осколков изнурит даже сильнейших. Создание же совсем нового требует пробуждения памяти древней и... непростой.

Пальцы Димки на мгновение замирают. Я выпускаю когти, чувствительно раня его сквозь джинсы.

«Не останавливайся. Не отвлекайся. У тебя ответственное дело — чесать за ушами кошку!»

Он автоматически повинуется, увлеченный разговором.

— Как скоро начнется эта... война?

— Завтра? — пожимает плечами она. — Время — не прямая река, чьи воды ясны и прозрачны. То, как оно течет в смертном мире, смутно связано с последовательностью событий в иных реалиях.

«Не волнуйся, — успокаиваю я начинающего терять терпение парня. — Даже если смертные миры окажутся разнесенными в клочья, я возьму тебя с собой. У тебя есть важная цель в жизни — заботиться о кошке. Ты не можешь пренебрегать ею лишь потому, что Земли и людей больше не будет».

— Ну, спасибо!

«Не за что. Теперь чуть пониже. Фр-р-р-р-р».

— Что вы собираетесь делать?

— Я, — выкормыш фейри поднимается, — отправлюсь на ночной покой. Мудрость сна поможет обдумать тревожные вести, принесенные вашей сестрой.

— Что? Пойдите!

Я вновь выпускаю когти.

— Мы должны что-то решить!

— Утром я сообщу о своем решении, — она оборачивается уже на лестнице. — Да будет ваш сон огражден от слух двора Оживших Кошмаров.

И исчезает.

Все правильно. Смертный мир, как когда-то заметила сама Осенняя Гроза, — прекрасное место, чтобы отлежаться и замести следы. Сутки у нас в запасе есть, быть может, и больше. А значит, пороть горячку не стоит.

Димка явно не согласен.

— И вам спокойной ночи, — ядовито возмущается смертный. — Объявить, что планету завтра, быть может, уничтожат, и спокойно отправиться спать!

Я отвечаю с ощутимым превосходством: «Она не может идти на охоту, не обдумав вести о дичи. Она не столь мудра».

Под мудростью в данном случае имеется в виду исключительно кошачье понятие, включающее ум, хитрость, опыт предыдущих жизней, силу, ловкость... И прежде всего магию.

Димка понимает. Хмыкает.

— А ты, надо понимать, просто кладезь этого многогранного интеллекта?

«Разумеется. Я — кошка. А кошки по определению гениальны».

Спрыгиваю на пол.

— И что же мы будем делать, ваше кошачество?

«Элементарно, Шувалов. Завтра мы сделаем то, что скажет Aoibheal. А сейчас мы ляжем спать».

И, гордо подняв хвост, я направляюсь наверх, в свою спальню. Димка пытается еще что-то возмущенно доказывать, потом машет рукой:

— В этом облике от тебя явно не добьешься толку.

И тянется за сотовым. Что ж, мой брат, хоть он и двуногий, не глуп. А я давно поняла, что отнюдь не единственная из Шуваловых веду двойную жизнь.

Орден колдунов, мр-р-р? Могла ли Aoibheal такими словами описать непривычную для нее концепцию спецслужб? Или речь все же идет о настоящем, секретном, проеденном

молью и тайнами ордене? Оба варианта предполагали определенный набор преимуществ и сложностей... Но в любом случае брат сам знает, что, как и кому можно говорить. А кому нельзя.

Я уже наверху лестницы, когда долетает осторожный вопрос:

— Двор Оживших Кошмаров?

Фыркаю. Если *эти* найдут дорогу в наш дом, волноваться о какой-то там войне будет уже бессмысленно.

Я привычно отправляюсь в свою комнату, но, почуввав на двери чужой запах, останавливаюсь. Гневно бью хвостом. Этот, этот... *брат* отдал мою комнату выкормышу фейри, подменышу, смертной выскочке! То есть я сама оставила здесь Aoibheal, когда впервые принесла ее сюда, но кого волнуют детали. Моя комната занята, и это вина Димки!

Мстительно прищурившись, разворачиваюсь и, мягко ставя лапы, отправляюсь в другую сторону. Можно, конечно, занять спальню родителей, с широкой мягкой кроватью. Но это будет слишком просто.

Туманом просачиваюсь сквозь дверь в комнату брата, легко вскакиваю на его постель. И растягиваюсь на ней, диагонально, на самой середине, заняв просто абсурдное количество места. А затем оборачиваю себя магией, отталкивающей, жальщей и защищающей. Такой, которая не позволит сдвинуть меня с облюбованного места даже подъемным крапом.

Полностью довольная собой и жизнью, я злорадно засыпаю.

13

Вчера, на приеме у короля Ночи, я слышала, как фейри, бывшая бледной и опасной ночной бабочкой, рассказывала о своем взрослении. На пороге зрелости, в том возрасте, который смертные называли бы подростковым, она тридцать три года провела в надежном, безопасном коконе.

Как я завидовала! Тридцать три года ничем не прерываемого сна. Какое еще определение можно подобрать понятию «нирвана»?

Со стоном приподнявшись на локте, я запустила подуш-

кой в надрывающийся будильник. Не помогло. Проклятое орудие пытки упало на пол и продолжило пищать оттуда. Пару раз попытавшись расколошматить поганца магией, я все же сдалась, сползла с кровати и выключила его вручную.

А люди еще считают нас садистами. Лицемеры!

Смирившись наконец с тем, что в смертных реалиях наступило утро и время здесь не имеет ни малейшего желания останавливаться ради моего удобства, я проснулась. И попыталась понять, где именно.

По всему выходило, что это — дачная комната Димки. Тогда почему я тут, да еще в бальном платье и ледяных туфельках?

На границе памяти мелькнули смутные тени. Брат, уставший и злой, пытающийся отвоевать свою комнату у хвостатой захватчицы и наконец отступающий, чтобы найти себе другое убежище. Истощение, телесное и магическое, позволившее сбросить неестественную для меня ипостась. Тупая боль превращения, так и не пробившаяся сквозь пелену сна.

Вчерашние кошачьи выходы.

Уоух-х, госпожа моя! Чтобы я еще приняла малознакомую форму посреди кризиса! Или в присутствии свидетелей. Хотя в одном Aoibheal права: в таком состоянии меня не нашло бы ни одно поисковое заклинание.

Магию сложно сделать дуракоустойчивой. Мы, дураки, слишком оригинальны.

Если это так можно назвать.

Со стоном я поднялась на ноги. Вы когда-нибудь пытались спать в туго зашнурованном корсете? Уникальный опыт. Кольчуги и доспехи и рядом не стояли. Лежали. Кто-нибудь, принесите мне кофе.

Ослабив шнуровку, жертва недосыпания направилась на поиск одежды, не навевающий ассоциации с застенками инквизиции. К сожалению, мой шкаф, как и все его содержимое, находится в моей комнате. Той самой, которую оккупировала Aoibheal.

Злая и невыспавшаяся, я спустилась вниз. На кухне кто-то гремел сковородками, напевая отвратительно жизнерадостным голосом. Ну почему, почему у каждой несчастной совы непременно должен быть среди родичей злобный жаворонок?

— Дима. Кофе.

— О! Оно воскресло! Оно говорит — самыми примитивными предложениями. Ученые спорят, можно ли признать это разумным?

— Убью. Кофе.

Брат появился в проеме дверей кухни, одетый лишь в джинсы и кобуру, с дымящейся ароматной чашкой в руке.

— Проснись и пой, о самая утренняя из всех... — Он занулся, увидев в гостиной меня. Недоуменно огляделся. — Прошу прощения, леди Авхиль, мне показалось, я слышал Дарью.

Теперь настала моя очередь непонимающе оглядываться.

— Дим? — Наполовину еще спящие мысли наконец смутно зашевелились. — Это я. Я просто вчера не переоделась.

— Даша?

Его глаза вглядывались в меня, постепенно расширяясь. На лицо вновь легла непроницаемая маска, которую я успела так возненавидеть за последние полгода. Всего день, как она начала исчезать, как рядом со мной вновь оказался мой *брат*. И вот опять.

Надо же было показаться ему в полном придворном одеянии, при драгоценностях, со звездами, запутавшимися в растрепавшейся прическе! Я ведь отлично знала, что выгляжу совершенно бесчеловечно, что в блеске силы госпожи я с ног до головы — фейри. Зачем тыкать в это носом Димку?

Я попятилась, защитным жестом поправляя съехавший до локтя рукав.

— Даш, постой! Подожди, — он в два шага преодолел разделяющее нас расстояние, протянул чашку. — Твой кофе.

Я осторожно сжала в ладонях горячий фарфор, отказываясь поднимать взгляд от пушистой, нежной горки сливок. Мы стояли рядом, в болезненной неловкости и неуютном молчании.

— Извини, — вдруг сказал брат, не уточняя, за что именно. Я кивнула и молча проследовала за ним на кухню.

Димка колдовал у плиты, а я, растягивая удовольствие, допивала последний глоток кофе. Искоса бросив на него взгляд, сосредоточилась. Творить волшебство в смертном мире

не просто, но я много практиковалась, да и фейри, неспособный оперировать собственной одеждой, не считался при дворах разумным существом.

Полностью менять облик не стала, лишь чуть изменила крой платья, избавившись от корсета, шлейфа, каблуков, освежив ткань и в целом сделав наряд чуть более удобным. Облегченно вздохнула. Теперь хоть рукава останутся там, где им положено.

— Ну, хорошо, — провозгласила я. — Я проснулась, но абсолютно *отказываюсь* петь. И идти сегодня в школу. Объясняться с родителями и учителями будешь ты.

— Правда?

— Чистейшая. Я не из холодного железа выкована. Жонглировать временем можно только до определенных пределов. А потом ты просто падаешь и спишь. Тридцать три года. Я уже опасно близка к этому и без контрольной по алгебре.

— Так у тебя сегодня контрольная?

— У-у-у!

Проговорилась!

— Дим, я серьезно. Сейчас не до того.

— Угу, — он тряхнул сковородкой, переворачивая блинчик. — В таком случае, быть может, наконец объяснишь, до чего сейчас?

Шантаж! Наглый.

— Дворы Фейри начинают Войну.

— Это я уже понял.

— Не просто войну. А Войну. Серьезную. Может, и не третью мировую, но вот на вторую точно потянет. И в середине ее — Черный.

— Угу. — Новый блин. — Вы с Авхиль его вчера упоминали. Какой-то древний полководец, так?

Я устала ему в затылок в немом изумлении. Dubh Sidhe? «Какой-то древний полководец?»

— Не только. Дав-шиэ — это... Черный фейри. Один из старейших и самых могущественных детей Истинной Расы. Возлюбленный сын Дану, Повелитель Теней. Он...

Я запнулась, не находя слов, чтобы объяснить тот страх, то непонимание, то *уважение*, с которым говорили при Дворах об этом старом воине.

— Он честь, он сила, он мудрость... как их понимают

фейри. Он вел Tuatha De' Danaan в древних войнах с Fir Bolg, с немедианцами, с расами, чьи имена не сохранились в истории. Черный вне Дворов и вне титулов. Если бы он только захотел, то смог бы стать самым могущественным королем в реальных.

— Угу. А так он всего лишь самый могущественный генерал.

Я закрыла глаза. Как же объяснить...

— Дим, помнишь, ты подарил мне «Янтарные Хроники» Роджера Железны?

— Да.

— Помнишь, так есть такой герой, принц Бенедикт из Амбера?

На мгновение повисла тишина. Утвердительная.

— Дети Дану относятся к Черному примерно так же, как Корвин Амберский относился к своему брату Бенедикту. И примерно по тем же причинам. Восхищение и страх. Если бы он захотел, то мог бы объединить по меньшей мере половину королевств фейри, ту, что наделена наиболее темными аспектами силы, и стать императором. А он, понимаешь ли, не хочет. И за это его одновременно уважают, считают непредсказуемым и немного презирают.

— Бывает.

— Как-то, каким-то непонятным образом, это существо замешано в самом сердце происходящего. И одно его присутствие повергло владык со столетним опытом политической интриги в состояние коллективной истерики. Причем с использованием оружия массового уничтожения.

— Замечательно. — Димка переложил на тарелку последний блин и повернулся ко мне, по прежнему держа в руке сковородку. — Я все равно не понимаю, что этот во всех отношениях страшный и замечательный прототип Бенедикта имеет общего с твоей алгеброй.

И только теперь я наконец сообразила, что Димка Шувалов, умный, осведомленный, наделенный магией смертный, даже сейчас, вооруженный на фейри и не только на них, видит во мне младшую сестру. Ребенка, который попал в опасную компанию, но который, без сомнения, останется в стороне от настоящих неприятностей. Мир спасти он собрался сам, быть может, с помощью могущественной волшебницы

Авхиль Эльфийской. Мое же дело ходить в школу и *быть в безопасности*.

— Дима, — я встретилась с ним взглядом, — как только его величество начнет собирать армию, меня призовут. В первые ряды. Хочу я того или нет, это моя война, и в ней придется сражаться. — «Воин из меня никакой, и на поле боя я продержусь в лучшем случае несколько минут» — осталось неизменным, но очень ясным контекстом.

Звон аккуратно уроненной на пол сковородки. Он медленно наклонился за ней и, когда выпрямился, уже овладел своим лицом.

— Даша, я никогда не спрашивал, но... Ты... Твой Двор... Селей? Или Анселей?

Если б у этой ипостаси был клюв, я бы им щелкнула.

— Что бы там ни считали смертные, феири не делятся на благих и неблагих. Дворов куда больше, нежели Seelie и Unseelie. Я принадлежу Ночи. Точнее, я принадлежу своей госпоже, которая служит Ночи. Особой разницы в моральных принципах по сравнению со слугами Дня я не замечала. Кроме разве что пристрастия дневных к высокопарной риторике.

— Понимаю. — Димка отвернулся, и стало ясно, что на самом деле ничего он не понимает. Что я теперь безнадежно записана в ряды недружественных людям Анселей, но он будет считать себя моим братом вопреки всему. Лестно, конечно. Но утомительно.

Повисло молчание. Наконец Шувалов расставил тарелки, водрузил на стол стопку блинов. Посмотрел на меня сверху вниз, явно борясь с искушением вновь предложить мне защиту тех, с кем далеко за полночь говорил вчера по телефону.

— Я приняла решение, — разбил неуютный не-разговор обманчиво спокойный голос.

Aoibheal стояла в проеме двери, внимательно изучая сны и грезы, соткавшие мое платье. Сама она сегодня была одета во все оттенки медового, от светло-светло-солнечных до золотисто-коричневых.

— Да? — Я чуть склонила голову, не прекращая работать ножом и вилкой.

— Замкнутый круг.

Молчать, *молчать!* Ни слова по поводу того, что ты думаешь об этой идее. О том, что круг — не решение, что он всего лишь скроет беглянку, развеив ее следы и расплескав ауру по тысячам Вуалей.

Спокойный, невыразительный, вежливый интерес, который я так часто видела на лице моей госпожи. Ни слова о том, что исчезновение следа (и надежды тихо его проследить) лишь спровоцирует владык фейри на свару.

Aoibheal только что объявила, что свою безопасность считает превыше всего. Объективные факты свидетельствуют, что у нее есть на то основания. Они, эти самые факты, говорят, что с такой оценкой согласна как минимум половина повелителей Tuatha De' Danaan.

— Ритуал?

— Танец.

Я медленно опустила на тонкий блинчик завиток масла.

— Нужна третья. Мне связаться с госпожой Siobhan?

— Нет! — Голос ее зазвенел, заставив Димку вскинуться. Затем спокойнее: — Нет. Если нужна третья танцовщица, позови ту, что дала тебе маску. Ту, что сказала: «Я почти надеялась».

Она увидела в кошачьих глазах больше, чем мне показалось. Нельзя недооценивать смертную волшебницу. Нельзя.

Но и верить ей у меня тоже не получалось.

— Ради сохранения рассудка всех нас, надеюсь, вы знаете, что делаете, Слезы Дану, — тихо сказала я.

И отодвинула тарелку.

14

Пальцы порхали над клавиатурой. Я сердито нахмурилась. Вывела рядом карту города и геомагнитную схему местности. Совместила.

— Вот здесь, как ты считаешь? — указала на одно из зданий.

— М-м-м, — неопределенно промычал из-за моего плеча Димка. Протянул руку, чтобы запросить дополнительную информацию. — Как насчет вот этого? Не совсем в шлейфе, зато доступно. Забронировать конференц-залы в пентхаузе бу-

дет делом пары минут, и весь этаж — в нашем распоряжении. По-другому обеспечить уединение будет сложно.

— Не в фокусе, — попробовала настаивать я, изучая подземный ландшафт. Геодезия... болото и есть болото. Хорошо хоть вечной мерзлоты тут не бывает. Канализация, с другой стороны, присутствует. И мало ли что еще спрятано под землей в современном городе.

— Сорок восемь этажей, — многозначительно указал брат. — Над подземными реками таких зданий не строят, так что можешь не искать. А для наших целей высота так же важна, как и влияние местности. Да и ветер завтра будет подходящий.

— Ну, не знаю...

Круг — это, без сомнения, замечательно. Он свяжет беглянку со смертным миром и спрячет ее, сделает магически невидимой. Но как только магия окажется замкнута, все те, кто ворожит сейчас в поиске удравшей дичи, сообразят, что добыча ускользает. Причем использует для этого помощь извне.

И охотники утروят, да что там, удесятерят усилия.

Следующие сутки решат, сработает маскировка или нет. И переждать их надо в безопасном месте. С одной стороны, в шлейфе круга, чтобы можно было воспользоваться его силой, но с другой — на достаточном расстоянии от проведенного ритуала. В окружении душ других людей, но не настолько близко, чтобы заметна стала разница. В смертном мире, но максимально удаленно от смертной земли... Вроде бы простые критерии, но их сочетание самым неприятным образом сужало список потенциальных убежищ.

Я сидела на земле, скрестив ноги, и внимательно изучала варианты. Легкая рябь на поверхности озера, холодный осенний ветер. Ожидание.

— Что скажете, Слезы Дану? Сможете вы из этого места шагнуть в расположенный во-от здесь круг?

— Шлейф тянется вдоль подземной реки?

— Да. В противном случае он не захватил бы город.

— Какова высота здания в драконах?

Э-э-э-э...

— Если ночных, то штуки четыре должно поместиться. Скорее даже пять.

— Смогу, — спокойно сказала следившая за моими манипуляциями Aoibheal. Затем заметила: — Смертные слуги Гроз пользуются похожими... компьютерами. Но у меня болят от них глаза. Не проще ли было бы достать бумажные карты?

Я припомнила, сколько нервов тратилось на постоянные зависания, сбои, вирусы и прочие последствия совмещения магии и информатики. Вдохнула.

— Проще.

— Зачем же вы мучаетесь?

— Потому что она предпочитает путь наибольшего сопротивления, — фыркнул Димка. — Ничто не должно даваться слишком просто, так, Даш?

Я высокомерно его проигнорировала.

— Не-магические гримуары наших слуг показывали иные изображения, — нахмурилась Aoibheal.

— Какие? — тут же заинтересовалась я, несколько сбивая с толку новым определением ноутбука.

— Там было такое... выгнутое знамя с четырьмя разноцветными полями.

— А-а-а, — я постаралась скрыть разочарование, смешанное с легким презрением. — MS Office. Я не пользуюсь Windows. Это — системная оболочка Linux.

— Завораживающе, — как-то подозрительно ровно и вежливо похвалила Осенняя Гроза. Похоже, никакая магия не способна с ходу перевести компьютерную тарабарщину в термины, понятные воспитаннице фейри. А Aoibheal явно привыкла понимать, что говорится вокруг нее.

— Это значит, что Дашка — сноб, пижон и ботаник, — припечатал понятным переводом Шувалов. — Все, закругляемся. Время.

Я послушно выключила ноутбук, передала его Димке.

Присутствие ощущалось все отчетливей.

Она приближалась.

Брат деловито запихивал дорожную игрушку в рюкзак, а я пыталась справиться с подступающей паникой.

— Aoibheal, вы договорились о цене, но должны понимать, что в отношении магии госпожа моя следует очень жесткому нравственному кодексу. Безответственное использование созданных ею заклинаний... будет опрометчивым.

Я сглотнула. Критерии, по которым Аламандин определяла, что этично, а что нет, выбирались ею самой, и система оценки оставалась для меня глубокой тайной. Угадать заранее, когда и почему хозяйке попадет под хвост вожжа...

— Недавно один из придворных щеголей приобрел у госпожи зелье искренности и использовал его, чтобы выиграть дурацкое пари. Молодая фрейлина стала предметом шуток всего королевства, при свидетелях провозгласив свои чувства. Госпожа моя была раздражена... — Не столько унижением юной фейри, сколько тем, что ее магию использовали столь пренебрежительно, но я не стала заострять на этом внимание. — Некоторое время спустя более... изощренная версия того же зелья оказалась распылена в покоях самонадеянного шутника. Месяцами он не покидал своих комнат, забыв о сне, еде, магии, записывая свои самые сокровенные переживания. Аламандин выпотрошила его душу: скрываемые ото всех чувства, детские воспоминания, интимный опыт. Когда бывший денди появился на пороге ее замка с ворохом рукописей в руках, он казался истощенным скелетом, глаза которого были совершенно безумными. Госпожа поблагодарила, забрала принесенный шедевр и через меня выложила его в Сети, а затем отправила в смертное издательство. Книга окажется на прилавках через пару недель. Хозяйка уже одарила экземплярами всех сколько-нибудь значимых нобилей при нашем дворе и рассылает отдельные копии в соседние королевства.

— Как называется, кто автор? — тут же увлеченно спросил Димка, явно нацелившись на контент-анализ произведения, написанного нелюдем.

Я почувствовала, что краснею. Если текст проследят до нашей семьи... Как «это» прошло цензуру, было выше моего понимания. Наверняка не обошлось без вмешательства госпожи. Должен же быть предел жадности издателей. Можно сколько угодно навешивать ярлык эротической фэнтези, но графическое, детальное, искреннее описание походов бесящегося от скуки тысячелетнего фейри — не то чтение, которое способствует душевному здоровью. Сама я добралась лишь до середины первой главы, но и этого хватило, чтобы начать заикаться и бледнеть в присутствии некоторых из упомянутых на страницах придворных. Ничего удиви-

тельного, что злосчастный автор скрылся в неизвестном направлении, не дожидаясь, пока на него начнут охотиться профессиональные дуэлянты. Даже вдруг прорезавшийся редкий литературный дар не извиняет полумиллионный тираж чужих секретов.

— Не важно, — я затравленно посмотрела на брата. Моргнула. С подозрением уставилась на выглянувший из рюкзака продолговатый, закутанный в брезент предмет. Зубы ломило даже на расстоянии нескольких шагов. — Димка, у тебя там что... лом?

У него хватило совести немного смутиться.

— Просто небольшая предосторожность.

Предосторожность? А как тогда назвать рассованные по карманам обоймы? А ножи? Зачарованное кольцо на пальце? Сотовый с пеленгующим маяком?..

— Убери это с глаз долой. И сам уберись. Вместе с предосторожностями.

Ох, нельзя, нельзя было позволять ему влезть в эту историю. Что я, спрашивается, делаю?

Присутствие приближалось, нарастало порывами ветра, светлеющим небом, тихими волнами. Димка благоразумно направился в сторону деревьев, Aoibheal выпрямилась, царственная и напряженная, вглядывающаяся в поверхность озера. Я едва их замечала. Медленно, почти против воли пошла к границе суши и воды.

Границе Были и Небыли.

Она шла. Из озерных глубин, из неведомых миров, поднималась на поверхность неясными грезами, бредом беспамятства. Не разлившимся над поверхностью сиянием, не прикосновением магии ощущались ее шаги, а смутным обманом глаз, неосязаемым шепотом безумия. Она шла. И мне было страшно.

Дама Аламандин, рыцарь Ночи, Высокая фейри, соткалась из расступившихся волн, ступила на смертную землю. И я поняла, что мир, которого коснулась ее легкая нога, никогда не будет прежним.

Осенняя Гроза с потрясающим для ситуации самообладанием поклонилась. Точно равная — равной. Госпожа моя окинула смертную волшебницу собственническим взглядом,

точно оценивая неожиданное приобретение, но, как это ни странно, поклонилась в ответ.

Она пребывала в странном настроении, дама Аламандин. Одета во все оттенки белого, от только что выпавшего снежного пуха до неделями не прекращающейся вьюжной хмури. Платье ее было тяжестью зимнего неба, из которого медленно и лениво падают крупные резные снежинки. Накидка из снега, валящего стеной, так что не разглядеть собственной руки. Опушка рукавов — из тяжелого, мокрого снега, какой бывает в оттепель. Вуаль — из напряженной прозрачности воздуха, предвещающей приближение новой горы снега. На фоне этой белизны черные пряди распущенных волос выглядели шокирующе. Глазам было больно от одного взгляда на застывшую между водой и землей госпожу.

— Запомни, птенец, я помогаю лишь тебе, — сказала Аламандин голосом столь же белым и холодным, как ее чувства сегодняшним утром. — Выполняю клятву, данную при принесении тобой присяги. Ничего больше.

Она, похоже, ждала ответа, и я послушно кивнула. Разумеется. Оказать помощь Aoibheal означает послушаться приказа короля Ночи. Немыслимо. Невозможно.

Повелений своих хозяев мы, фейри, не нарушаем никогда. Точно так же, как никогда не позволяем себе прямой лжи.

Мы просто предаем и обманываем. Это не одно и то же. Честно.

— Не будем терять свет Дня, — удовлетворенная нашим пониманием, приказала госпожа.

Мы, точно притихшие от испуга дети, пошли вслед за ней в сторону леса.

Выбранную для ритуала поляну хозяйка одобрила. В конце концов, место было найдено не сегодня и не наугад. На очищение окружающей рощи от холодного железа, пластика и прочего мусора, а также отваживание смертных ушли недели. Прямо под нами протекала подземная река, это было неожиданным плюсом. Ну а то, что ее рукав ниже по течению проходил сравнительно близко от соракавосьмизтажно здания, казалось даром Вуалей.

Хотелось и озеро, и полянку прибереечь на крайний слу-

чай, но что-то подсказывало, что в более крайнем, чем сейчас, мне оказаться не грозит.

Мы сбросили обувь и стесняющие накидки и в легких нижних платьях застыли друг напротив друга ровным треугольником. Магия дурманяще текла в земле, омывала стопы ног, захлестывала тело. Я тихо пожелала Дмитрию Шувалову мудрости не подглядывать и, если ее не хватит, силы воли, чтобы не подходить ближе. Если он вступит в круг... Брат нужен был мне живым. И желательно не сумасшедшим.

Разве выдержит разум смертного, закруженного в танце дочерью Дану?

Музыка коснулась спины, мягкими ладонями провела по лопаткам, холодными губами коснулась позвоночника. Я выгнулась ей навстречу, откинулась назад в ее руках, так что волосы почти коснулись земли. Вновь выпрямилась, вытянулась. Легкая, далекая музыка, водные перекаты арфы.

Аламандин рядом со мной медленно повела руками, грациозными и томными, как белые крылья. В движениях ее была песня речных флейт, строки, написанные рукой печальной богини.

Aoibheal подалась вперед, качнулась, откинув лебединую шею. Смертная сила, смертная волшебница, ведьмовской перебор гитарных струн.

Магия обернулась раз, другой, огладила танцующие тела дивными аккордами. И взвилась наводнением, унося мысли и разум, унося все, что было за пределами круга.

Сознание было легко и кристально чисто. Медленно, удовлетворенно я подняла ресницы, наслаждаясь небом и далью. Предвечерние сумерки в ветвях деревьев.

Я лежала навзничь на холодной листве, одетая лишь в сны и фантазии бального платья и чувствуя себя непривычно легкой для смертного мира. Магия пела в венах, касалась губ медом, предупреждая, что близость холодного железа сейчас будет не просто неприятна, но и болезненна. Сама мысль о железе бежала, оставив после себя ощущение чего-то грязного и... кощунственного.

Медленно, в поющей тишине, я повернула голову, любясь потоками силы. Элегантность простоты. Гениальность бесконечного. Торжества не было, только удивление. Я ле-

жала в центре круга. Настоящего, магического Стоунхенджа. И замыкался он на Aoibheal.

Круг не обязательно должен был иметь отражение в физическом мире, хотя обычно складывающиеся в безупречный узор поля все-таки оказывали влияние. Выплескиваются, например, в выросших безупречной окружностью грибах или выстроившихся сами собой камнях. Я улыбнулась, увидев ручеек, текущий, вопреки всем и всяческим законам физики, по идеальной замкнутой линии. Через пару часов он исчезнет, но все равно сила, которую призвал наш танец, удивляла.

Дама Аламандин сидела рядом со мной с видом королевы, властвующей над всем, чего касается ее взгляд. Не дожидаясь приказа, я попыталась встать. Димка, поддерживавший за границей воды понишку у него на руках Aoibheal, следил за этими потугами обеспокоенным взглядом. Испуг при мысли, что он ринется в круг мне на помощь, придал сил.

Шагнуть наружу было подобно тому, как если бы я вышла из-под водопада. Я вновь подивилась чуду, в сотворении которого приняла участие. Защита и оружие, врата и стены, прячущий туман и путеводная звезда. Круг фейри. Вышивка ришелье¹ на ткани мира.

В смешавшем Вуали узоре совершенно растворилось присутствие воспитанницы фейри. Мне даже пришлось моргнуть, чтобы удостовериться — вот она, усталая и живая, а вовсе не растаяла в воздухе ночной росой.

Если случится невероятное и Aoibheal все-таки выследят, она сможет использовать силу круга и как оружие. Не абсолютное, конечно, но взять добычу, за спиной которой подобная мощь, уже не так просто. Тем более что она теперь имела возможность шагнуть в круг и уйти через него как сквозь врата, вновь скрываясь между Вуалей. Нет, теперь смертная может считать себя в относительной безопасности.

Чего не скажешь обо всем остальном мире.

Я жала зубы. Собственное непонимание бесило. Кажется, надо сделать больше, что-то предпринять, что-то дока-

---

¹ Вышивка ришелье — вид вышивки, при котором узор создается не только нитями, но и созданием тщательно обработанных отверстий в ткани. Иногда на место вырезанного вставляется другой вид ткани, допустим, прозрачной.

зять. Не прятаться, точно мышь под веником, надеясь, что угроза пройдет стороной. Но госпожа моя, поразительно легко согласившаяся помочь, похоже, считала, что мы все делаем правильно. Да и Димка подозрительно притих, не требуя больше ни ответов, ни решений. Если я не могу доверять этим двоим, то какой вообще смысл в дальнейшей борьбе?

Усилием воли я заставила себя расслабиться. И все же перешагнула через ручеек. Оказаться вновь в обычном мире было... неприятно. Как если бы я села в машину. И отнюдь не дивный автомобиль филина Маккиндера.

Я пошатнулась, быть может, упала бы, не стой за моей спиной Аламандин. Демонстрация слабости в ее присутствии не есть разумный поступок. Димка было попытался протянуть руку, но я отрицательно тряхнула головой. Ощущает ли госпожа, насколько этот смертный обвешан металлом?

Глупый вопрос. Да как это можно не ощутить? В нынешнем своем состоянии я, кажется, чуяла даже то железо, что было в человеческой крови. И не желала к нему приближаться.

— Это было... весьма интересно, — заметил мастер по недомолвкам и преуменьшениям, бывший моим братом. Значит, все-таки подсматривал. И, скорее всего, пытался записать. Пусть теперь покупает себе новую камеру, антрополог несчастный. Ведь предупреждала!

Дама Аламандин скользнула из круга хищной снежной змеей. Глаза ее полыхнули, заинтересованно остановились на смертном, столь неосторожно показавшемся на глаза. Я напряглась, готовясь к защите, но от дальнейшего разговора нас спас беззвучный зов ночного рога.

Если к нему вообще применимо слово «спас». В принципе.

Госпожа моя и я повернулись на слышимый лишь нам звук, точно хищные птицы к руке сокольника. Аoiðheal подняла ресницы, глядяваясь в наши лица. Обреченно опустила голову.

— Быстро они... сориентировались, — пробормотала я.

— Король наш, славный властелин Ночи, когда хочет того, может быть скор, точно тень.

Я вздохнула.

— Димка, забирай ее и вези в... безопасное место. —

Я попрощалась с братом взглядом и, запрокинув голову, потянулась к танцевавшей сейчас так близко магии.

Вновь запел в крови рог.

— Даша, постой. Что происходит? По...

Мир опрокинулся, обернулся. На бесшумных крыльях я поднималась в небо вслед за белоснежной птицей, которой была моя повелительница.

— Да что такого стряслось? — долетает откуда-то из далекого далека рычание брата. — Куда они унеслись?

— Умирать, — отвечает спокойный голос Aoibheal Осенней Грозы, прозванной Слезы Дану.

15

Интересно было бы узнать, входит ли ясновидение в число талантов смертной волшебницы или нет? Просто так, для расширения кругозора.

Ежась под ударами холодного ветра, я приподнимаюсь на руке госпожи, осторожно обхватив когтями боевую перчатку. Оглядываюсь.

Если мне и предназначено умереть сегодня, то сделано это будет стильно. И в весьма элегантной компании.

По правую и левую руку, насколько хватает взгляда, выстроилось воинство Ночи. Воины-тени, творения магии возлюбленного нашего короля, стоят за спинами закованных в доспехи рыцарей, теряются среди причудливых свит ночных нобилей. Непроглядная (по крайней мере, для творений Дня) тьма, окутавшая ряды, заканчивается на расстоянии одного шага перед линией войск. Когда придет сигнал к атаке, Ночь ринется вперед, неся силу, власть и мощь собравшихся под ее рукой слуг.

Дама Аламандин, впервые на моей памяти одетая в полный доспех, изваянием застыла на спине ни разу не виденного мною раньше скакуна. На первый взгляд конь этот немалого отличается от созданий тьмы и вод, сопровождавших ее в бесчисленных гонах. Но охотника во мне колотит желанием убраться как можно дальше от этой твари, пока целы кости и перья.

Свита госпожи для невнимательных глаз не слишком отличается от приличествующего благородному рыцарю со-

провождения. Два оруженосца, которые до сего дня назывались подмастерьями и прилежно постигали тайны трав и дурманов. Четыре длинные, похожие на огромных летающих червей твари, общающиеся с госпожой посредством переливчатых музыкальных фраз. И две дюжины магических конструкторов, низжайшие из низших фейри, созданные магией госпожи и поддерживаемые ее волей.

Они не выглядят впечатляюще, эти молчаливые девы, до сего дня исполнявшие роль слуг в замке повелительницы. Все как одна — худые, точно жертвы концентрационного лагеря, высокие, с тонкими, по-паучьи хрупкими руками и извечно голодными глазами. У них неестественно длинные тонкие кисти и чуть заостренные уши. А еще мне доводилось видеть, как они поднимают груз, на порядок превышающий по весу их собственные тела, двигаются со скоростью, которой может лишь завидовать охотничья птица-фейри, и своими хрупкими пальцами нарезают камень, точно тесто. Нет, сколь бы непрезентабельными ни казались слуги Аламандин, ни на минуту не возникает сомнения, что это настоящая армия — маленькая, но страшная.

Впрочем, она бледнеет рядом с настоящим оружием хозяйки, ей магией. Изящная, ускользающая волшебба окутывает нас. Призраком, запахом, движением во тьме — сила просто присутствует, как неощутимая, но от этого лишь еще более реальная. И вещественное ее подтверждение стоит за нашими спинами.

Благородные воины фейри. Поддюжины околдованных, одурманенных лордов и одна леди. Каждый из них был, без сомнения, сильнее Аламандин. Каждый был наполнен магией, находился в здравом уме и твердой памяти и пребывал на пике боеготовности. И все семеро, судя по реакции окружающих, считались мертвыми, проиграв когда-то дуэль с моей госпожой. Не знаю, в каком подвале она их держала и из какого угла извлекла. С доспехов одного, по-моему, даже пыль не успели стереть. Но кем бы ни были раньше эти нобили, сейчас в глазах их светилась абсолютная, непоколебимая уверенность, что хозяйка имеет полное право отдавать им приказы и что в жизни нет и не может быть высшей чести, нежели умереть за госпожу. Тотальное рабство, не затроушнее ни воли, ни памяти, ни силы.

Стоит ли удивляться, что даму Аламандин, простого рыцаря без роду и племени, так опасаются при Дворе?

Я бы сама боялась, не будь присутствие этих рабов столь успокаивающим в преддверии битвы. И не носи оно надежду обзавестись еще парочкой не вполне добровольных защитников в процессе самой схватки.

Противник, правда, тоже обладает магией. И тоже страшной. И кто бы мне объяснил, с кем и почему мы деремся?

Аламандин рукой в стальной перчатке проводит по моей спине — легко, почти ласкающе. В перьях путается заклинание.

— Моя маска все еще у тебя, — шепчет хозяйка. — Только призови ее, и чужие глаза, даже самые зоркие, скользнут в сторону, не замечая. — И после паузы: — Будь мудрой, девочка моя.

Я удивленно приподнимаю голову, и тут в третий раз поет рог. Ночь подбирается, застывает. И цунами тьмы бросается в атаку.

Резким, почти отчаянным движением дама Аламандин посылает сову в воздух.

Магия под крыльями. Магия в небе. Магия в душе.

«Найди», — шелестит приказ.

«Прими решение», — вторит ему второй.

«Будь верна», — звенит мольбой и одновременно боевым кличем.

Верна кому?

Женщине, сражающейся сейчас вниз за свою жизнь и своего короля? Смертному подменьшу, столь же потерянному и преданному, как и я сама? Семье, которая не понимает и никогда не поймет?

Широкими кругами я поднимаюсь все выше и выше.

В воздухе тоже кипит битва, небеса черны от закручивающихся в хлысты облаков, танцуют, бьют во врагов молнии. Сшибаются в схватке птицы, рыцари ветра, дивные существа, которым нет и не может быть имен.

Я ложусь на крыло, зову маску, уходя из реальности. Ускользаю в невидимость, в параллельность, становясь незримой тенью среди воспоминаний о битве.

Владыки фейри все-таки последовали традиции. Переда битвой короли и королевы, схлестнувшиеся на этом поле, со-

единили свои силы, чтобы создать новый пласт реалий, предназначенный для одного лишь уничтожения. Сейчас, с высоты охотничьего полета, я вижу, что земля, по которой несутся навстречу друг другу ряды всадников, сформирована недавно и едва удерживает форму. Как будто кто-то взял облака, текучую гибкость воздуха и упругую эластичность воды, и построил из них ландшафт. Чистая воля и древняя магия не давали растаять рекам, холмам, долинам. Слой за слоем, срез за срезом спаяны в единое целое и в то же время разделены миры. Как будто я лечу над книгой, медленно переворачивающей страницы. На каждой из них — новая картина, не иллюзия и не реальность, а нечто меньшее, чем и то и другое. Пустыня, равнина, могучий горный массив. Единственное, что объединяет страницы, — это бой. Смертный бой, война, кровь. Дивное племя, схлестнувшееся в бессмысленной схватке с себе подобными.

Белое пламя, ударившее сверху. Чудом увернувшись от струи расплавленного огня, я в панике бью крыльями, пытаюсь спастись от пикирующего сверху разъяренного дракона. Все же заметили! А...

Золото. Гигантский крылатый змей оказывается сметен в сторону ударом невидимого тарана. Мелькают знакомые крылья: филин Маккиндера, презрительным всплеском магии отшвырнув разъяренного противника, бросает мне: «Улетай» — и вновь кидается в бой. Не заставляя упрашивать себя, послушно складываю крылья и падаю к земле, прочь от кипящей в небесах схватки.

Внизу, на пологом поле, схлестнулись при помощи магии и мечей рыцарские отряды Солнца и Луны. Осторожно, боясь попасть под шальной град стрел, пробираюсь к границе кипящей магией бури. Вот высокий нобиль в лунной кольчуге выхватил гибкий хлыст. Удар — в небо взвилось веретено тайфуна, черная закручивающаяся воронка, понесшаяся на вражескую пехоту. Удар! Удар! Еще удар!..

Щелчки хлыста подобны грому, поле потемнело от сметающих все на своем пути колонн смерти. Вражеские маги пытаются отклонить атаку, направить природное бедствие обратно на противника. Гроздьями сыплются молнии, беснуется в ложине огненная элементарь. Уоух-х, госпожа моя, как страшно, как *глупо!*

Тишина разливается среди противников ледящими кругами. В дальнем конце поля появляется одинокая фигурка. Хрупкая женщина в белом платье, на белой кобылке, с белыми волосами. Ужас подхлестывает меня, заставляя бить крыльями так часто, что плечи отдаются болью, заставляя стремиться ввысь. Дальше. Как можно дальше отсюда.

Я ни разу раньше не видела этой фейри, ну и что? Даже глупый соенок, сделавший все возможное, чтобы не знать имена окружающих, не мог не слышать ее имя: Накнамарр, герцогиня Мора, семнадцатая владычица дома Смерти, вторая из носящих это имя.

С ее появлением становится болезненно ясна разница между обычными воинами-фейри и владыками. Бездонная пропасть, разделяющая таких, как я, как госпожа Аламандин, как сотни сошедшихся в схватке на этом поле, и Великих, властвующих над Домами, создающих свои королевства.

Смерть разливается, подвластная воле Накнамарр II. Сначала дюжина солнечных конструкторов, пытавшихся ее атаковать. Затем рыцари. Затем... Белая всадница неторопливо едет среди битвы, и все вокруг нее застывает, падает на землю сломанными куклами, засыхает. Ни травинки, ни тварюшки. Медленен, ленив шаг холеной кобылки, но почему никто из пытающихся спастись бегством не способен ее обогнать? Лишь несколько мгновений потребовалось леди Море, чтобы пересечь поле, и у меня создалось впечатление, что за ее спиной не осталось даже живых бактерий.

Лечу прочь. Накнамарр поднимает скрытое белой вуалью лицо, и, даже не видя ее, затылком, охотничьим чувством знаю, что глаза у Смерти васильковые. Яркоголубые, юные и невыразимо прекрасные.

В крови вскипает чуждое варево — зелье Аламандин, оно и в самом деле было защитой! Вываливаюсь в иную реальность, живая и сама не понимающая почему. Госпожа моя, благодарю вас. От всего сердца вас благодарю.

Сквозь яростную песнь паники пробиваются неуверенные мысли. Что я делаю? Почему мечусь без цели среди этой пляски смерти?

Я ищу. Аламандин сказала: «Найди». Сказала: «Будь верна».

Будь верна самой себе.

Что я хочу больше всего? Прекратить бессмысленную бойню. Эту глупую растрату, потерю жизней и сил, которая является лишь прелюдией к затяжной, возможно, на сотни лет войне.

В чем причина? Где выход?

Я лечу на бесшумных совиных крыльях, невидимая среди то затихающей, то вновь вспыхивающей яростью и магией битвы, и охочусь в своей душе. В своем сердце, своих воспоминаниях.

В конечном итоге ответ складывается из мелочей. Из обрывков и оговорок. Первое, что приказала Aoibheal, — отвести ее к господину. Но Осенним двором правит королева, а глава дома Осенних Гроз — леди Siobhan.

«Он не придет», — прошептала на балу Аламандин.

«Попроси о помощи ту, что сказала: «Я почти надеюсь», — попросила Слезы Дану.

«Его боятся, уважают и немного презирают», — объясняла я брату.

Ответ, конечно, всегда был со мной. Дичь всегда в какой-то мере является частью охотника. И наоборот.

Зная, кого ищут, я поворачиваюсь на кончике крыла, уже осмысленно лечу по следу добычи. Маска Аламандин и зелье, которое влил мне в горло филин Маккиндера, помогают скользить меж опасностей, но они ничто по сравнению с магией, что пульсирует во мне самой. Птица Дикого Гона встала на след после столь долгой, столь изнуряющей охоты. Я точно призрак, тень, серая неясность, я сама себя боялась бы, если бы в душе осталось место для еще одного страха.

Листами книги мелькают слои битвы. Наконец безошибочно нацеленной стрелой нахожу его позиции. Здесь — порядок и спокойствие, расслабленная тишина. Ровные ряды тех, чья суть — война и кто носит знание битв в своих костях, а потому не торопится вмешиваться в схватку без необходимости. Здесь в небе, точно обрывки сна, мелькают драконьи крылья, чтобы тут же раствориться, возвращаясь к невидимому патрулю. Здесь меня замечают почти сразу, но, повинувшись взмаху руки властелина, оставляют в покое.

Сбрасываю маску, полностью вхожу в этот мир, становясь видимой и осязаемой. Сотворившая круг, я призываю его теперь, призываю шлейф, отголосок узорных Вуалей.

Позволяю увидеть во мне память о тех, кто танцевал со мной. Лечу на холм, туда, где стоят спокойной, надежной группой его командиры. Серая неясность мягко планирует среди них. Несколько воинов вскидывают руки, предлагая опуститься на их запястья, но я маневрирую, уклоняясь, каким-то образом проскальзываю между фигурами. Резким взмахом распахиваю крылья, гася скорость.

И мягко, но крепко охватываю когтями руку Dubh Sidhe.

Юный принц Ночи и его фракция провели интригу довольно грамотно. Фейри не могут нарушить приказ своего короля — и они выполнили все в точности. Aoibheal загнали, точно раненого зверя. А заодно обезопасили себя от любых подозрений, тогда, в день охоты, бросившись в атаку на искавшего колдунью непобедимого ее хозяина.

То, что при этом охотники оказались слишком заняты, чтобы обращать внимание на дичь... Ну, что поделать. Так получилось. Слово чести, ваше величество! Кто мог знать, что Осенняя Гроза сумеет ускользнуть?!

Действительно, кто?

Аламандин, мудрая моя хозяйка, вывела и себя, и меня из-под удара, приказав не просто найти добычу, а «найти и убить». Причем не делая из этого секрета ни для кого в округе. Что она с самого начала строила наши отношения на основе невыполнимости подобного приказа, знают лишь двое. Я и она.

Осознание, что госпожа изначально видела в серой неясности лишь двойника служанки Черного, ранит. Но возмущения нет. Смертная послужила невольным поводом для столетиями зревшего в королевствах конфликта. Каковы бы ни были истинные корни столь обвального передела магической власти, курок спущен, и лавину не остановишь. Остается лишь сделать недостижимой хотя бы самую очевидную из причин и надеяться, что напряжение конфликта пойдет на убыль.

Это просто. Чтобы превратить грозящее катастрофой столкновение в заурядную свару, нужно убедить легендарного черного полководца не вмешиваться в бой.

Всего лишь.

Для величайшего из нас он выглядит не так уж внушительно. Высокий лорд Tuatha De' Danaan, стройный и силь-

ный, чей контроль столь безупречен, что магия его почти не ощутима. На нем серые доспехи в тон раскосым дымчатым глазам. Как озера ночного тумана эти глаза, непостоянные, неожиданно красивые. Длинные пепельно-серые волосы собраны в тугую косу, опускающуюся до коленей. Она движется в такт его движениям, извивается, точно змея, пробуждая во мне неуместный охотничий азарт. Узкое лицо и обманчиво тонкие, характерные для фейри сильные пальцы. Ничто в нем даже не намекает на то, что по самым скромным прикидкам это существо — ровесник мамонтов. Ничто не говорит, почему годы похитили его имя, оставив лишь прозвище: Черный.

Перед ним герцогиня Накнамарр II была бы бессильна, как те лунные рыцари перед ней самой. Но это не ощущается. Совсем.

Мужской голос шепчет что-то успокаивающее, нежные пальцы касаются перьев. Читают память о танце.

Крючок заброшен. Тихо ухнув, я соскальзываю с его руки и лечу, время от времени оглядываясь, чтобы увидеть, следуют ли за мной.

Черный говорит что-то своим военачальникам, отвечающим лишь короткими кивками, и вскакивает в седло. Серебристая мелодия копыт расцветает за спиной.

Покинуть битву было бы труднее, не уничтожай следовавший за мной всадник любую угрозу еще до того, как она успевает стать угрозой. Не желая оставлять видимый след, я все же пытаюсь полагаться не на силу, а на скрытность, и, судя по окутывающим нас обоих неосязаемым заклинаниям, Черный со мной согласен.

В мир смертных пробираемся окольными путями. Путешествие по улицам ночного города, с огромным прекрасным скакуном и не менее экзотичным всадником на хвосте, щекочет нервы. Пусть смертные и не видят нас, но что-то (или, скорее, кто-то) заставляет автомобили в последний миг отворачивать и врезаться в фонарные столбы. Черный переносит близость громящего и взрывающегося в нескольких шагах от него холодного железа с философским спокойствием. А вот я пару раз чуть не запуталась в натянутых где можно (и где нельзя) проводах. Летать в городе — самоубийство. Ну

зачем, зачем им эти бесчисленные кабели, троллейбусные провода, антенны? Ловить зазевавшихся фейри?..

Прибыв на место, замечаю, что здание окутано едва уловимыми отголосками шлейфа. Это хорошо. А вот припаркованные неподалеку темные микроавтобусы с тонированными стеклами — не очень. Охотничий инстинкт ледяными когтями скребет вдоль позвоночника — снайперы, засевшие на соседних крышах, следят за моим полетом даже через невидимость. У двустворчатых дверей курит невыразительный полноватый человек, окутанный древней силой матерого ведуна. Острые совиные глаза безошибочно находят знакомый перстень на толстом пальце. Знакомый... но немного не такой.

Что ж. Димка решил принять свои меры безопасности. Это, наверное, неизбежно. Стало неизбежным в тот момент, когда Осенняя Гроза объявила о грозящей планете опасности и спокойно отправилась спать. И наивно было бы полагать, что хозяева, то есть начальники Шувалова, позволят гостям из иных миров творить что вздумается у них под носом и похищать, как ни в чем не бывало, их детей.

А потом травить их на ночных охотах.

Я не сержусь на брата и не пытаюсь судить.

Я ему просто верю.

Уханьем отправляю спутника внутрь, взбираться по лестнице или разбираться в устройстве лифта, на его усмотрение. В способности Черного пройти незамеченным мимо охраны сомнений нет. Но пусть Древний осознает, что смертная его игрушка не так беззащитна в этом мире, как была в реалиях фейри.

Сама лечу вверх, по спирали поднимаясь мимо окон и балконов. На самом верхнем, сорок восьмом этаже нахожу открытую створку.

И опрокидываю вокруг себя мир.

Неуклюже соскользнув с подоконника, я застыла, массируя ноющие плечи. Переведя дыхание, отправилась в глубь здания.

Найти людей на пустынном этаже просто: только из-под

одной двери мерцает неровный свет и раздаются спорящие голоса:

— Означает ли это, что мне будет отказано в гражданстве? — тихий, на грани бешенства голос Aoibheal.

— Нет, ни в коем случае, — незнакомый мужской баритон. — Но, леди, вам необходима помощь...

— Благодарю вас, господа, но я вполне способна позаботиться о себе сама. Что опасного может быть в городе смертных?

— Что опасного? — Димка, похоже, от возмущения потерял дар речи. Но ненадолго: — Уличное движение, общественный транспорт, подростковые банды, организованная преступность...

Ну, началось.

— ...стаи оборотней, ведуны-анархисты, колдовские конклавы, гнезда вампиров, голодные призраки, коррумпированная милиция...

Что? Чьи гнезда? Стаи кого?

У меня возникло странное ощущение нереальности происходящего. Будто брата украли. Подменили, как когда-то меня саму, оставили вместо него расчетливого колдуна с ухватками сотрудника спецслужб. А заодно украли и знакомый с детства мир, подсунув взамен город голодных призраков.

— ...сбежавший на той неделе из психушки маньяк, озверевшие террористы, жадные до молодых волшебников секты...

Брат набрал воздуха, явно собираясь продолжить, но заинтригованная Aoibheal перебила:

— Они на самом деле существуют?

«Вампиры и оборотни?» — слабо подумалось мне.

— Преступники и террористы, — уточнила Aoibheal. После безусловной верности, с которой вассалы вынуждены служить сюзерену фейри, осознать концепцию открытого неповиновения властям ей было не просто.

— Еще как! — отрезал мой брат.

— О, — тихо произнесла воспитанница фейри. Затем: — Безумие правит вашим миром. Своей волей я не стану человеком. А чужая воля меня не заставит.

Судя по тону, действительно не заставит. Дмитрий и его невидимый спутник благоразумно промолчали.

Я осторожно открыла дверь и скользнула внутрь. Aoibheal стояла у окна, занимавшего почти всю стену, и вглядывалась в огни ночного города. Небо затопило невидимое смертному глазу зарево далекой битвы. Будто весь мир объят пламенем, а спешащие внизу люди этого не замечают.

Мое присутствие волшебница отметила лишь напрягшимися плечами, отказываясь поворачиваться. Все-таки защита круга была невероятна: даже здесь, в нескольких шагах, я, охотница, не чуяла свою дичь. На ее месте — лишь свежий озерный холод, легкая свежесть подземной воды. Осенняя Гроза точно исчезла для тех, кто ее ищет, растворившись в бесконечных кругах гитарной мелодии.

Пожилой, но все еще крепкий мужчина в дорогом костюме явно был предупрежден о моем появлении заранее: он лишь сдержанно, даже церемониально поклонился, прижав левую руку к груди. Вновь блеснуло ставшее уже знакомым кольцо.

Димка поднялся из-за стола, молча шагнул ко мне. Сгреб в охапку, уткнувшись лицом в волосы. Подменыш и колдун исчез, а моего брата колотило, не то от страха, не то от облегчения, не то от осознания, что события полностью вышли из-под его контроля. Я было напряглась от близости железа, потом плюнула на все и расслабилась в родных руках. Накатившая слабость казалась малой платой за подаренное ими тепло. И за возможность спрятаться от расчетливого, изучающего взгляда седовласого чиновника.

Беззвучные шаги за дверью. Дым присутствия.

Медленно отстранившись, я шагнула назад, так чтобы видеть всю комнату. Мягко, но непреклонно увлекла за собой брата.

Dubh Sidhe шагнул в просторное помещение, как в зарево далеких пожаров. Дымчатая его сила, едва ощутимая при всей мощи, окатила комнату, выискивая угрозу. Обернулась вокруг нас с Димкой, вокруг смертного волшебника, пока что мягкая и невидимая, но в любой момент готовая стать смертельной удавкой. Не думаю, чтобы сам Черный осознал эти стандартные меры предосторожности. Глаза его, сияющие, точно дымчатые топазы, были устремлены на Aoibheal.

— Даша? Что?..

— Ш-ш-ш...

Седовласый сказал что-то в невидимый микрофон, поколебался мгновение и, решив для себя какую-то дилемму, отошел к нам с Шуваловым. Был он напряжен и явно в любой момент готов к самому мрачному развитию событий.

Высокий фейри тем временем медленно, странно медленно направился к застывшей у окна фигуре. Почти испуганно. Коса его змеей раскачивалась в такт шагам. Остановился метрах в трех, будто не смея идти дальше. Aoibheal так же медленно повернулась.

До конца лет своих, сколько бы их ни было, буду помнить это мгновение: две фигуры, мужская и женская, обрисованные смертельным закатным пламенем. Ее глаза блестели, но слезы отказывались проливаться. Ад памяти и сомнений. Тонкая, тонкая нить надежды, удерживающая от того, чтобы ринуться в безопасность круга. Одна рука неосознанно, защитным жестом легла на живот.

Что?..

Потом он шагнул, протягивая руки. Девушка метнулась вперед, движением слишком быстрым, чтобы быть возможным для смертного, слишком быстрым, чтобы проследить его глазом или предугадать. В одно мгновение она стояла у окна, а в следующее уже была в его руках, в его объятьях, под его защитой. Беззвучно плакала, так сильно прижималась к закованным в доспехи плечам, что, наверное, ей было больно. Черный фейри, старейший и страшнейший из нас, обнимал ее, бережно и сильно, целовал ее волосы, шептал что-то на языке, который не понимал никто, кроме этих двоих.

Димка пытался озвучить свое мнение цинично, но вышло у него почему-то восхищенно:

— О, ч-черт! Истинная любовь.

— И из-за нее нас всех поубивают, — мрачно предсказала я.

Седой, судя по выражению лица, уже прикидывал, как использовать ситуацию к вящей пользе рода человеческого.

Не он первый.

Ничего удивительного, что Дворы, все как один, хотели заполучить смертную заложницу. Возлюбленная неуязвимого Dubh Sidhe! Рычаг воздействия, едва ли не единственный, за который они могли ухватиться.

А если жест ее означал то, что я думаю, он означал... Что ж, это объясняет, почему Осенняя Гроза готова всю планету спалить синим пламенем, чтобы выжить. И почему некоторые не возражали это самое пламя раздуть, только бы смертная погибла. Два Черных — это, если подумать, на целых два больше, чем надо.

Оставалось лишь поражаться выдержке Aoibheal. Не знать того, отдал ли отец твоего будущего ребенка приказ затравить тебя Диким Гоном... или же просто не сумел защитить. Я и представить себе не могла, в каком ужасе прожила смертная эти дни. Той, что прозвали Слезами Дану, оставалось лишь выжидать, и прятаться, и искать возможность исчезнуть. Зажмурившись, я потрясла головой, вновь посмотрела на невероятную, невозможную пару.

Черный фейри нежно сжал в ладонях лицо смертной волшебницы и целовал его. Судя по тому, что пальцы Aoibheal уже скребли по доспехам, пытаюсь снять их, опыт у него был не только военный.

Шувалов, удивленный последним комментарием, разглядывал мою макушку с выражением, отражавшим борьбу незадаанных вопросов и оправданного опасения. В конце концов победил инстинкт старшего брата — он попытался оказать мне моральную поддержку:

— Спокойней, Даш. Прорвемся. В конце концов, это наша сестра.

Я закашлялась от такого предположения:

— Сестра моего брата *мне* не сестра!

— А как насчет мужа сестры твоего брата?

Я поперхнулась.

А как насчет сына мужа сестры моего брата?

Действительно, как?

Распахиваю крылья. Потягиваюсь. Устраиваюсь поудобнее на руке брата, стараясь не поранить когтями нежную кожу смертного.

Жизнь продолжается.

Седовласый чиновник улыбается расчетливо и терпеливо, явно готовясь к длинному, тяжелому раунду переговоров.

Благо наконец-то удалось найти способ влиять на одного из владык фейри. Мысли его о необходимости официального договора между правительством людей и властителями истинной расы столь отчетливы, что читаются без всякой телепатии.

За горизонтом догорает битва, первая в нудной, долгой и заурядной войне между королевствами. Войне, в которой, несмотря ни на что, мне все же придется участвовать. Разведчиком и охотницей, верной спутницей отчаянной моей госпожи. Я обречена каждый день рисковать в бесконечном конфликте Дня и Ночи, Осени и Весны, не до конца понимая, почему и за что сражаюсь.

И все это, всю круговерть битв, переговоров, споров о гражданстве, нужно любой ценой скрыть от двух нечеловечески проницательных смертных. От потерявшей в молодости Дар женщины. От мужчины, не наделенного ни каплей магии, но тем не менее способного заставить всю свою безмерно одаренную семью ходить перед ним на цыпочках.

Жизнь продолжается, как всегда, все как обычно.

Луна тихо мурлычет в окно дымчатым прищуром.

Почему-то белоснежным.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВ

Правило номер один заключается в том, что вы не должны нырять с людьми, в которых вы не уверены.

Запомните, что если у вас нет хорошего бадди, вы не можете быть уверены в том, что у вас есть резервный источник воздуха.

И раз уж вы нашли себе бадди, которому можно доверять, обращайтесь с ним хорошо — однажды может оказаться, что ваша жизнь будет зависеть от него.

Дэн Уокер

1

рузиная яхта «Хатшепсут» водоизмещением в восемь тонн, порт приписки — Дахаб, владелец — туристическая компания «Лагуна Трэвел», арендаторы — Самойлов Олег Игоревич и Кольцов Максим Эдуардович, капитан — Ахмад Саид-бей, команда — два безымянных египтянина, пассажиры — Самойлова Татьяна Алексеевна и Нетреба Оксана Петровна — вошла в территориальные воды Судана вечером 21 октября.

Дневная жара уже спала, воздух был чист и прозрачен, как хорошо промытый хрусталь. Африканский берег — волнистая линия желто-серых холмов — казался близким, так хорошо различимы были отдельные детали пейзажа. От маленького причала, за которым громоздились одинаковые белые коробки домов, скользил по отшлифованной закатом линзе моря пограничный катер. Флаг с ярко-зеленым треугольником безжизненно свисал с похожего на длинную удочку флагштока.

Максим сидел на свернутом бухтой канате, курил длинную египетскую сигариллу и смотрел, как приближается катер. Золотой отблеск закатного солнца танцевал на рябом

борту посудыны, превращая ее в сказочный корабль из страны Эльдорадо.

Астматически пыхтя, подошел Ахмад Саид-бей, кашлянул, требуя к себе внимания. Максим лениво повернул голову. Капитан, очень важный и несколько даже надутый, держал в руках пухлую пластиковую папку.

— Суданцы, — произнес Ахмад Саид-бей на своем странном английском. — Будут проверять документы. Очень долго. Очень... — Он запнулся и замолчал.

— Тщательно? — подсказал Максим.

Капитан закивал:

— Да, да. Тщательно. Могут даже потребовать идти в порт. Нужен бакшиш, о'кей?

— Сколько?

— Двести долларов, — Саид-бей закатил глаза. — Суданцы очень жадные, очень...

— У вас же есть лицензия, — укоризненно заметил Максим. — Зачем же тогда мы купили вам лицензию?

Лицензия на сафари у берегов Судана обошлась им в четыре тысячи — столько же стоила сама аренда яхты на две недели. Сам Саид-бей никогда бы не потратился на лицензию: египтяне вообще не питают особой склонности к венчурному бизнесу. Теперь же, благодаря щедрым русским, он мог целых два года возить туристов в заповедные, не опустошенные курортным бумом южные воды Красного моря. Впрочем, благодарность, которую капитан «Хатшепсут» испытывал к своим клиентам, ничуть не влияла на его желание вытрясти из них лишнюю копейку.

— Без лицензии они бы нас арестовали, — ничуть не смущаясь, заявил он. — А может, даже расстреляли бы. Вот так, — коричневый палец указал Максиму на грудь, — пух-пух!

— Хорошо, — Максим вздохнул и поднялся с канатов. Выкинул сигариллу за борт и с удовольствием выдохнул сизый дым в лицо капитану. — Я поговорю с ними. Сам.

В глазах Саид-бея мелькнуло разочарование.

— А мистер Олег? Может, суданцы захотят видеть и его тоже?

— Обойдутся, — отрезал Максим. — Скажите им, что

мистер Олег и его леди плохо себя чувствуют. Тем более что это правда.

После грандиозной прощальной попойки, которую закатали им питерские ребята в Эль-Гуне, чувствовать себя хорошо мог бы только мутант с печенью слона. Максима спасла приобретенная еще в студенчестве привычка прочищать себе желудок после каждой пятой рюмки. Олег такой привычки не имел и в результате весь день проболел у себя в каюте. Таня, как настоящая жена декабриста, сидела у его койки, меняла холодные компрессы на лоб, подавала воду с алка-зельцером и терпеливо выслушивала мужнино нытье. Потрясающая женщина, в сотый раз подумал Максим. И почему она досталась Олегу?..

Катер был уже совсем близко. Оглушительно тарахтел старый движок, с наветренной стороны тянуло резкой бензиновой вонью. Максим, закурив новую сигариллу, невнимательно наблюдал, как суетятся египетские матросы, швартуя яхту бортом к пограничному судну. Солнце стремительно исчезало, его последние отблески дрожали на зубчатых вершинах далеких гор. «Хатшепсут» проваливалась в синие сумерки, хрусталь превращался в темный сапфир. Ярко-белая форма суданцев светилась в подступающей темноте.

Командир пограничников поднялся на борт, небрежно козырнул, смерил Максима презрительным взглядом и повернулся к капитану. Спросил что-то по-арабски. Ахмад Саид-бей шелестел бумагами, бормотал полузадушенным голосом. Максим подошел к нему и встал перед суданцем.

— Добрый день, майор, — сказал он по-английски. Вряд ли командир пограничников был майором, но обращение ему явно понравилось — с лакированного черного лица исчезло выражение презрения. — Мы — дайверы из России. У нас сафари, две недели. Судан — прекрасная страна. Лучшее море в мире...

— Лисенс, — перебил его пограничник. Максим кивнул капитану. Ахмад Саид-бей протянул суданцу разноцветный лист формата А4, предусмотрительно запаянный в целлофан. Стоявшие за спиной командира солдаты вытянули шеи, чтобы поглазеть на документ — похоже, это была первая легальная лицензия, которую они видели в своей жизни.

— Все законно, майор. Мы очень любим вашу страну. Вот здесь маленький подарок для вас и ваших людей.

Максим протянул пограничнику плотный пакет, украшенный сфинксами и пирамидами — память о посещении сувенирной лавки в Хургаде. Теперь в пакете находилась литровая бутылка водки «Чайковский», тонкую шейку которой охватывала желтая резинка. За резинку была аккуратно заправлена купюра с изображением Франклина. Одна, что бы там ни говорил капитан Саид-бей.

Суданец заглянул в пакет. Пошевелил бровями.

— Хорошо, — сказал он без всякого выражения и опять заговорил с капитаном по-арабски. Тот быстро отвечал, ухитряясь одновременно улыбаться Максиму.

— Если яхта быть в порядке, — медленно проговорил пограничник, выслушав речь Саид-бея, — вы мочь следовать дальше. До третьего ноября. Потом — назад, в Египет. Какие места вы хотите делать визит?

Саид-бей услужливо развернул карту. Один из солдат зажег фонарик — темнота быстро доедала палубу «Хатшепсут».

— Сначала пойдем сюда, — Максим ткнул незажженным концом сигариллы в почти невидимые глазу точки коралловых рифов. — Потом — дальше на юг, к мысу Рас-Диша. Затем — к отмелям Абу-Дахара. Это здесь. Может быть, сюда...

Сигарилла поползла по глянцевой синеве Красного моря. Пограничник хмыкнул.

— Не сюда, — неожиданно грубо сказал он. Его черный палец отпихнул сигариллу Максима к африканскому побережью. — Сюда — плавать нет. Нельзя.

Максим удивленно поднял глаза.

— Почему — нельзя? Запретная территория? Военная база?

В темноте сверкнули неправдоподобно белые белки глаз.

— Нет. Просто плохо. Вернуться — нет. Многие вернуться — нет. Понятно?

— Отсюда? — Максим аккуратно вернул сигариллу на место и очертил ею маленький кружок. — Отсюда многие не возвращаются?

— Да, — теперь в голосе офицера звучало раздраже-

— А вот и нет! Там кто-то живет. Может, это такой экзотический отель, как на Сейшелах, — бунгало на сваях, прямо над морем. Туда ездят влюбленные и молодожены проводить медовый месяц. Очень романтично, между прочим! Трахаться, а под тобой волны шумят...

— Этот твой отель построен из гнилых досок, — сказал Максим. — И обломков какой-то проржавевшей посуды, насколько я вижу. И живут там только клопы и песчаные блохи... О, черт!

Над крышей развалюхи поднимался едва заметный, почти сливающийся с жарким полуденным маревом, дымок.

— Ну-с, и что вы там обнаружили? — произнес за спиной Максима вальяжный голос партнера. — Копи царя Соломона? Стриптиз-клуб имени царицы Савской?

Максим медленно обернулся. Чета Самойловых наконец-то изволила выйти на палубу. Олег, невысокий полноватый блондин с обрюзгшим, вялым лицом, и Татьяна — холеная стройная брюнетка с зелеными глазами лесной колдуньи. При виде Татьяны Максим, как всегда, испытал приступ ревности, смешанной с острейшим желанием. За пять лет их знакомства желание это не ослабевало ни на минуту, а вот ревность становилась все сильнее и сильнее. Пять лет назад, когда Таня Смирнова пришла в компанию ОМСИ с дипломом Лондонской школы экономики, у Максима с Олегом были равные шансы затащить в постель молодого сексапильного консультанта по фондовым рынкам. Олег успел первым — он вообще был везунчиком, — и Максим не стал бы переживать, если бы дело закончилось только постелью. Но Олег, женатый к тому времени вторым браком на глупой, как доска, и такой же плоской топ-модели Альмирке, неожиданно развелся и повел выпускницу London School of Economic по венец. Альмирка, даром что дура, сумела отсудить у него пару миллионов и коттедж в ближнем Подмосковье, и уже тогда Максим почувствовал укол ревности — коттедж был записан на баланс фирмы, его потеря обернулась ударом по общему делу. А главное, стало ясно, что Олег Татьяну уже никуда не отпустит и шансов у Максима нет.

Два года назад Самойлов на заседании совета директоров неожиданно предложил сделать Татьяну младшим партнером, и никто не посмел возразить. И сам Максим, конечно,

голосовал «за», куда бы он делся, интересно. И вот теперь, спустя годы, он по-прежнему сходит с ума по красавице, умнице, младшему партнеру процветающей компании и по совместительству жене декабриста, а сам вынужден довольствоваться услугами примитивных секс-бомбочек вроде Оксаны.

«Ничего, — подумал он, избегая смотреть на Татьяну. — Скоро все пойдет по-другому. Совсем-совсем по-другому!»

— На острове есть обитатели, — сказал он. — По крайней мере один. Вот, можешь полюбоваться.

Олег подошел и протянул пухлую руку. Эта рука выглядела так, словно никогда не держала инструмента тяжелее паркеровской авторучки. Типичная рука вчерашнего мальчика-мажора из семьи потомственной советской элиты. Кольцов, вынужденный зарабатывать себе на хлеб с первого курса института, ненавидел такие руки.

— Ну-ка, ну-ка, — без особого интереса проговорил Самойлов. — Да, действительно, вроде кто-то сидит. Слушайте, маркиз, почему бы вам не отправиться на берег и не потолковать с этим островитянином? Может, у него на этот клочок суши есть какие-то виды. Не хотелось бы, знаете, нарушать местное законодательство...

— Разрешите выполнять, сэр? — стараясь скрыть сарказм, спросил Максим.

Олег рассеянно кивнул.

— Возьми с собой на всякий случай первую серию грузов для лагеря. Переночуем под пальмами.

— Слушаюсь, сэр, — Кольцов все-таки не стерпел и взял под воображаемый козырек. — Все будет сделано в лучшем виде, сэр...

Олег посмотрел на него почти по-человечески — на секунду Максиму даже захотелось его простить и отказаться от своего плана.

— Слушай, ты действительно думаешь, что это смешно? Ладно, считай, что я ничего не говорил... Иди, работай, бабди¹...

---

¹ Бабди — от английского buddy, приятель — партнер по погружению. Хотя некоторые энтузиасты практикуют так называемый соло-айвинг (одиночные погружения), одна из самых старых традиций подводного плавания заключается в том, что погружения всегда нужно совершать с партнером. Вот этот-то партнер и называется бабди.

Старик был высохшим, худым, желтым, как бумага, из которой капитан Саид-бей крутил свои вонючие папиросы. Он сидел в древнем кресле-качалке, угрожающе скрипящем при каждом его движении, и время от времени подносил к пергаментным губам банку пива «Миллер». Отхлебывал он оттуда или нет, Кольцов не видел.

— Добрый день, — поздоровался Максим. Голос прозвучал как-то неуверенно.

Старик вновь поднес ко рту свою банку, но глаз так и не раскрыл.

— Он, наверное, по-английски не говорит, — прошептала Оксана, прятаясь у него за спиной.

— А я не говорю по-арабски, — огрызнулся Максим и повторил, на этот раз чуть громче: — Здравствуйте, мистер!

— Салам, — произнес старик равнодушно. Губы его при этом не шевельнулись. Слово прозвучало как бы само собой и осталось висеть в жарком воздухе.

— Точно не спикает, — вздохнула Оксана едва ли не с облегчением.

— Ну и хрен бы с ним, — пробормотал Кольцов, осматриваясь. Строение, которое он разглядывал с борта яхты в бинокль, вблизи оказалось еще более жалким и несуразным. Низкое, длинное, похожее на ангар для лодки, а не на человеческое жилище. «Как он туда забирается? — подумал Кольцов. — На четвереньках, что ли?»

Если бы не дурацкая уродливая хижина, на острове было бы очень красиво. Песок, пальмы, неправдоподобно синее зеркало лагуны. «Идеальное место, — подумал Кольцов. — Лучше не придумать».

— Будем ставить лагерь, — сказал он решительно. — На той стороне, чтобы дедушке не мешать.

Тут он вдруг понял, что дедушка открыл наконец глаза и смотрит на него неприятным немигающим взглядом.

— Ну, чего уставился? — грубо спросил Кольцов по-русски. — Нравлюсь я тебе, что ли?

Старик не ответил. Молча смотрел на Максима неподвижными черными глазами. Потом поднес к губам банку «Миллера» и сделал большой, неожиданно звучный глоток.

Максим неожиданно разозлился.

— Пошли отсюда, нечего с ним разговаривать.

— Да я и не разговариваю! — возмутилась Оксана. — Ты же сам, Максик...

«А ведь она права! Зачем я вообще сюда поперся? Разрешения у этой обезьяны спрашивать? Смешно... Нервничаешь ты, Максим Эдуардович, сильно нервничаешь, а это не есть хорошо... Ну-ка, соберись, тряпка, и займись наконец делом!»

Белый песок взлетал из-под белых теннисных туфель Кольцова. Прочь от выжившего из ума старика, прочь от его мерзкого жилища, от зловещего скрипа разваливающегося кресла-качалки!

На берегу он немного отдышался. Сердце колотилось в груди, как после подъема пешком на двенадцатый этаж.

Олег стоял на палубе «Хатшепсут», облокотившись о фальшборт, и с интересом рассматривал запыхавшегося Максима. Так хозяин смотрит на любимого спаниеля, притащившего ему из болота не ожидаемую утку, а чей-то рваный ботинок.

— Ну что там, маркиз? Огневая поддержка не требуется?

— Пустое, граф, — откликнулся Максим. Его бесила дурацкая привычка партнера называть его «маркизом», он предпочитал интернациональное «бадди». — Там какой-то африканец преклонных годов хлещет дрянное американское пиво. Нам он не помешает.

— Отлично. Тогда мы высаживаемся. До вечера успеем сделать пару дайвов.

Кольцов пожал плечами и уселся прямо на песок. Он все еще чувствовал на себе немигающий взгляд старика. Взгляд был липким, он словно приклеился к одежде и, что самое неприятное, к коже Максима, и отодрать его можно было только с кровью.

Первый дайв они сделали с палубы «Хатшепсут» — яхта отошла от острова к проглядывавшему сквозь волны сине-зеленому массиву рифа и бросила якорь у его южной стены. Чередование светлых и темных пятен на поверхности подсказывало Максиму, что риф, начинаясь отсюда, выгибается

под водой подобием значка доллара, а остров, на котором они разбили лагерь, представляет собою верхнюю полукруглую закорючку этого значка. Что ж, превосходно — они смогут пройти вдоль изогнутой стены рифа до самого острова.

Ни Кольцов, ни Самойлов не были новичками — правда, у Максима опыта было побольше. Он начал заниматься дайвингом лет семь назад, когда это экстремальное времяпрепровождение только начало входить в моду у верхушки российского среднего класса. Олег присоединился позже, под впечатлением рассказов и фотографий, которые Максим привозил из своих путешествий.

Когда Кольцов закончил подгонку снаряжения, Олег все еще топтался возле своего ящика. Максим подошел к нему и привычно поправил перекосившийся пони-баллон.

— Бадди, — сказал он чуть насмешливо, — вас снова ведет влево.

— Пояс не отрегулирован, — пробурчал Олег недовольно. — Опять Ахметка грузила перепутал...

Как у многих дайверов со стажем, у него были собственные, хорошо сбалансированные наборы свинцовых грузов, которые вкладывались в специальные брезентовые пояса и равномерно распределялись на пояснице. Грузила Олега были к тому же помечены специальным клеймом: значком ОС, сплетенным из начальных букв его имени и фамилии. Все эти мелкие понты партнера бесили Кольцова не меньше, чем игры в маркизов и графов.

По правилам дайвинга, совершающие совместное погружение всегда проверяют снаряжение друг у друга. Максим тщательно осмотрел регулятор своего бадди, подтянул ремни БСД¹ и ритуально постучал ногтем по стеклу манометра. Потом терпеливо дождался, пока Олег проверит его акваланг.

— Ну что, — сказал он, опуская на глаза дорогую маску «Mares Esa». — Указывайте путь, командор.

— Давай вдоль рифа, — предложил Олег. — Идем сначала на двадцать пять, потом по обстоятельствам, но я не думаю, что здесь будет глубоко.

---

¹БСД — компенсатор плавучести. Жилет, в который нагнетается воздух из баллона с газовой смесью. Может также поддуваться ртом через специальный клапан.

Макс сложил большой и указательный палец в кольцо — стандартный жест дайверов «о'кей» — и пошел на корму, где в специальных боксах стояли ласты.

В море он шагнул прямо с кормы.

Золотая плеть закатного солнца хлестнула по глазам. В следующий миг Максим, как пушечное ядро, вошел в воду, и золото сменилось холодным изумрудным свечением.

Он сразу же отплыл в сторону, чтобы Олег, традиционно погружавшийся вторым, не свалился ему на голову. По правую руку от него сквозь водяную толщу проглядывала темная громада рифа. Солнечные лучи освещали лишь те ее грани, которые почти соприкасались с поверхностью воды, и из-за этого казалось, что верхушка рифа купается в расплавленном зеленоватом серебре.

Тяжелый Самойлов погрузился метра на три глубже, подул компенсатор и поплавок завис в воде рядом с Максимом. Лицо Олега за шестислойным стеклом маски сияло неподдельным счастьем. Это всегда поражало Максима — партнер, желчный и утрюмый в обыденной жизни, волшебным образом преображался, стоило ему надеть акваланг и оказаться в море. Как если бы Олег Самойлов был рожденной в океане амфибией, чем-то вроде современного Ихтиандра, вынужденного носить личину преуспевающего бизнесмена. На суше ему было плохо, он задыхался и кашлял, постоянно пребывая в дурном расположении духа. И лишь возвращаясь в родную стихию, чувствовал себя полноценным человеком.

Самойлов показал пальцем на риф — «идем туда». Максим снова сложил пальцы колючком и, грациозно перебирая ластами, двинулся к темной громаде.

Это тоже была традиция: Самойлов всегда пропускал Кольцова вперед. Обставлялось все это так, будто старший партнер признает техническое превосходство младшего, но Максим достаточно хорошо знал Самойлова, чтобы питать на его счет какие-либо иллюзии. При всей своей любви к морским глубинам Олег был человеком осторожным и избегал ненужного риска.

Риф поднимался из глубины моря, словно затонувший средневековый замок с бойницами, трещинами в стенах, полуразрушенными башнями и массивными контрфорсами.

Стайки разноцветных рыб паслись над бурыми и зелеными пластинами кораллов, напоминавших исполинские грибы.

Максим шевельнул лапами и, стравливая воздух из жилета-компенсатора, ушел на глубину. Стена рифа справа оцетинилась зарослями древовидных кораллов, в просветах между которыми темнели глубокие расщелины. В одной такой щели, особенно узкой и мрачной, мелькнуло длинное глянцево-черное змеиное тело мурены.

«Ничего особенного, — подумал Максим слегка разочарованно. — Обычный риф, красивый, но ничем не отличающийся от тех, что мы видели в египетских водах... Похоже, все, что рассказывали о чудесах Судана, — только рекламная ерунда...»

Впрочем, подводные красоты занимали его сейчас меньше всего. Цепкий взгляд Кольцова, как луч радара, ощупывал коралловый массив, составляя его карту. Зрительная память у Максима была исключительной.

Дно обнаружилось на глубине восемнадцати метров. На белом песке чернели какие-то обломки, обросшие ракушками и серо-зелеными водорослями. Кольцов подплыл ближе и, достав из чехла нож, отковырнул кусок нароста. Обломок оказался металлическим — ржавая изогнутая пластина, похожая на фрагмент корпуса лодки. Максим подумал, что здесь затонул разбившийся о скалы небольшой моторный катер.

Подождав, когда приблизится Олег, он жестами показал ему, как собирается двигаться дальше — над самым дном вдоль подошвы рифа. Там, за частоколом странных черных камней конусообразной формы, рос целый коралловый лес — зародыш нового рифа, отделившийся от старого массива. Проплывая над ним, Максим распугал целую стаю рыб-попугаев, клевавших ветки альционарии. В тени рифа двигалась величественная, как «Наутилус» капитана Немо, крупная рыба-наполеон. Самойлов попытался приблизиться к ней и схватить за хвост — с некоторыми экземплярами такое проходило, но эта рыба дружелюбием не отличалась. С неожиданным проворством развернувшись к Олегу, она так выразительно шлепнула своими огромными губами, что Самойлов отпрянул, нашаривая на поясе нож.

«Ну же, милая! — едва удержался от восклицания Мак-

сим. — Сделай за меня всю работу!» Уже не первый год он мечтал о том, что партнер, имевший на родине репутацию беспощадной акулы бизнеса, встретит на своем пути настоящую акулу или кого-нибудь столь же опасного и смертоносного. Однако хищницы глубин, словно сговорившись, обходили Самойлова стороной — даже у берегов Австралии, где акулы нападают на человека чаще всего, ни одна из них не проявила к Олегу ни малейшего интереса. Всерьез рассчитывать на то, что работу акулы выполнит большая, но, в сущности, безобидная рыба-наполеон, Максим, разумеется, не мог. Просто очень хотелось.

Конечно, нож не понадобился. Прежде чем Самойлов вытащил его из чехла, наполеон, вновь продемонстрировав исключительную грацию, повернулся, взмахнул огромным, как лопасть пропеллера, хвостом и исчез в зарослях альционарики. Максим разочарованно проводил его взглядом и внешне замер, покачиваясь на мягкой ладони придонного течения.

Впереди, чуть выше того места, куда уплыл наполеон, зияло треугольное отверстие пещеры. Довольно большое — два дайвера могли вплыть туда, взявшись за руки. Пещеры всегда манили Максима. Иногда в них можно было встретить что-нибудь действительно интересное: редкий вид рыб, избегающих появляться на открытых просторах, природные скульптуры из сплетающихся между собою кораллов или затавившегося ската, похожего на инопланетное существо. Подплыв к партнеру, Кольцов постучал его по плечу и вытянул руку в направлении черного треугольника.

Олег быстро закивал. Он тоже любил пещеры — еще бы не любить, если первым, как всегда, идет верный бадди. Главная опасность подводных пещер Красного моря — колонии рыб-крылаток, довольно пугливых и от этого непредсказуемых. Крылатки — твари ночные, днем они обычно спят в расщелинах и гротах, прячась от каких-то неведомых врагов. Если аквалангист случайно заплывет в такое убежище, то перепуганные рыбы, скорее всего, начнут метаться по пещере, неизбежно задевая непрошеного гостя своими крыльями-иглами. Яд крылатки, вообще говоря, не смертелен, хотя может вызвать временный паралич и судороги. Но с ними как с осами — если человека укусит одна оса, дело закончится вол-

дырем, а если укусят двадцать ос одновременно, можно проститься с жизнью. Максим слышал несколько историй о дайверах, которые так и не смогли выбраться из пещер, облюбленных крылатками, хотя лично никого из таких бедолаг не знал.

Треугольное отверстие при ближайшем рассмотрении оказалось трапецией, причем на удивление правильной. Кораллы, росшие по краям, были словно подстрижены исполинскими ножницами. В глубине пещеры колыхалась бахрома темно-бордовых водорослей. Максим, взяв в левую руку фонарь, а в правую — нож, поплыл к этому занавесу, знаками показав Олегу, чтобы тот держался в двух метрах позади.

Водоросли раздвинулись, открыв почти круглый туннель, под небольшим углом уходящий вверх. Луч фонаря скользнул по неестественно гладким, казавшимся отполированными стенам. Максим никогда в жизни не видел ничего подобного. Искусственный туннель такой длины и такого диаметра, проложенный прямо в теле живого кораллового рифа, должен был убить этот риф за пару лет. Но никаких признаков близкой гибели экосистемы видно не было, напротив, она росла и развивалась, отпочковывая новые колонии. Значит, туннель возник естественным путем? Но кто же отшлифовал эти стены?

Крылаток в туннеле видно не было, и Максим осторожно двинулся дальше, прикидывая, куда может вывести загадочный ход. Он плыл медленно, время от времени притрагиваясь к гладким стенам. Потом ему показалось, что он видит блеснувший впереди свет. Максим оглянулся — Самойлов следовал за ним на оговоренной дистанции и нервно вертел головой. Кольцов указал на фонарь партнера, а потом выключил свой. Олег последовал его примеру, и в туннеле воцарилась ночь.

Нет, он не ошибся — метрах в тридцати впереди сквозь толщу воды действительно пробивался слабый отблеск солнечного сияния. Где-то там был выход или, по крайней мере, отверстие. Максим вновь включил фонарь и поплыл навстречу свету.

— Не ходи туда, — в десятый раз повторила Оксана, сосредоточенно намазывая вытянутую ногу кремом для загара. — Старик этот, по-моему, из ума выжил. Да и выглядит так, как будто переболел сифаком и проказой одновременно.

— Это от солнца, — возразила Татьяна. — В Африке многие так выглядят.

Она перекинула через плечо ремень фотоаппарата и поправила козырек бейсболки. На бейсболке, купленной еще в Дахабе, безмятежно улыбался условный фараон с испанской бородкой.

— Я задерживаться не буду, — успокоила она Оксану. — Если мальчики вернуться раньше, скажи, что я гуляю по острову.

Прозвучало это слишком уж по-хозяйски. Как приказ, а не как просьба. Впрочем, чему удивляться? Между женой старшего босса компании и временной подружкой босса младшего — пропасть, которую не перепрыгнуть, какими бы длинными у тебя ни были ноги. Татьяна всю дорогу старалась вести себя с Оксаной «как подруга», хотя прекрасно понимала тщетность этих усилий. Ну и, конечно, иногда срывалась. Пусть даже и в такой безобидной форме, как сейчас.

Общество Оксаны было ей в тягость. Нет, девочка вовсе не была глупой, как считали Олег и Максим. Более того, Татьяна вовсе не исключала, что при определенных обстоятельствах у этой киевляночки хватит ума женить на себе Максима. Так сказать, окольцевать Кольцова. Возможно, тогда они и смогли бы общаться на равных. Но не раньше.

Удаляясь от лагеря, Татьяна с каждым шагом чувствовала себя все спокойнее. Она вообще любила и ценила возможность побыть подальше от людей, ради этого и согласилась на дайвинг-сафари. Сама Татьяна с аквалангом погружалась два или три раза и никакого удовольствия от этого занятия не испытывала. Но тут просчитала все плюсы и минусы и пришла к выводу, что плюсов больше. Мужчины почти все время торчат под водой, Оксану можно игнорировать или оставить на хозяйстве и наслаждаться свободой и одиночеством. Ну, придется в крайнем случае нырнуть разок, полюбоваться на каких-нибудь особенно удивительных рыб... невелика цена за две недели покоя и тишины.

Неправдоподобно синее зеркало лагуны блеснуло из-за частоккола перистых пальм. В груди у Татьяны кольнуло — то ли предвкушение чего-то необычного и хорошего, то ли непонятная тревога.

Развалюха, о которой рассказывала Оксана, оказалась не такой уж и страшной — обычная времянка, сложенная по принципу «тяп-ляп» из подручных материалов. А старик и вправду был колоритен — сухой, как папирус, весь в каких-то свисающих серых складках (словно у шарпея, но без шерсти и не таких мясистых), с кожей, изрытой оспинами и покрытой пятнами солнечных ожогов. Татьяна, находясь под впечатлением рассказов Оксаны, опасалась, что от него будет вонять невымытым телом и даже, может быть, гниющей заживо плотью — но нет, старик ничем таким не благоухал. Разве что табаком — вместо описанной Оксаной банки с пивом он держал в руках еле тлеющую сигару и время от времени выдыхал сизый дым.

— Салам алейкум, — вежливо произнесла Татьяна, подходя. Она вряд ли сумела бы объяснить, зачем ей понадобилось заговаривать с этим странным робинзоном, особенно учитывая ее недавнее желание побыть в тишине и одиночестве. Сначала она хотела просто снять его издалека — телевик к дорогущей зеркалке «Nikon» позволил бы это сделать. Но стоило Татьяне увидеть обитателя острова, планы ее неожиданно изменились. В конце концов, из всей компании она одна свободно говорит по-арабски. Почему бы не воспользоваться своим преимуществом и не узнать у таинственного старикана, что он забыл на этом торчащем из моря куске кораллового рифа?

Но старикан не дал Татьяне возможности щегольнуть своей эрудицией.

— Что вы забыли на этом острове? — спросил он на чистом английском. «Почти без акцента», — машинально отметила обладавшая отменным слухом Татьяна и только потом сообразила, что старик задал ей тот же самый вопрос, который собиралась задать ему она.

Самым позорным образом Татьяна Самойлова растерялась.

— Вы говорите по-английски? — пролепетала она.

Старик поднял пергаментные веки и посмотрел на нее тяжелым, неприятным взглядом.

— И по-французски, и по-итальянски. Но я не слышал ответа ни на одном из этих языков. Что вы здесь забыли? Что оставили?

Татьяна уже справилась с первым потрясением и взяла себя в руки.

— Мы путешествуем, — ответила она с достоинством. — Наша яхта бросила якорь в бухте. Мы... ну да, мы дайверы. Это значит, что мы погружаемся в море с аквалангом. Дайвинг, знаете?

Старик смотрел на нее, как на умалишенную.

— Разумеется, знаю. Но я, черт возьми, не о том вас спрашиваю. Море большое, очень большое. Погружаться можно где угодно. Какого хрена вы приплыли именно сюда?

То, что Татьяна перевела как «какого хрена», в оригинале было весьма экспрессивным сленговым выражением, которое редко употребляют англичане и довольно часто — американцы, особенно выходцы из южных штатов. «А старичок-то — полиглот!» — снова удивилась она.

— Маршрут составляю не я, — дипломатично ответила Татьяна. — Нас отвез сюда наш капитан. Мой муж платит ему деньги, а куда уж нас за эти деньги везти, капитан сам решает.

— Дура ты, — сказал старик со вздохом. Сигара при этом едва не выскочила у него изо рта, но он каким-то невероятным образом изогнул губу и вновь поймал ее в полете. — Твой муж платит капитану деньги, а тот везет вас в самое проклятое место Красного моря. Хороший, должно быть, у вас капитан.

— А почему это ваш остров проклят? — Татьяна выдавила из себя улыбку. «Дуру» она решила пропустить мимо ушей. В конце концов, что делать, когда тебя походя оскорбляет какой-то сомнительный туземец? Настоящая леди просто не замечает такого.

— Потому что так захотели боги, — непонятно ответил старикан. — На самом деле сюда очень редко приплывают корабли. Более того, мой остров не всегда находится выше уровня моря. Порой он годами спит в морской пучине.

— Ага, — подхватила Татьяна, — и пальмы в пучине растут, хотя и медленно. Без солнышка-то...

— Самое разумное, что вы можете сделать, — сказал старик, проигнорировав ее иронию, — это сесть на свой корабль и плыть отсюда куда глаза глядят, пока не поздно. Потому что поздно может стать очень скоро.

— Мы вам мешаем? — спросила Самойлова с подкупающей прямоотой. Точнее, кого-нибудь из ее московских друзей эта прямота и подкупила бы. Старик попросту не обратил на нее никакого внимания.

— Нет, — равнодушно отозвался он. — Вы мне помешать никак не можете. — Он снова посмотрел на Татьяну неприятным, пригибающим к земле взглядом. — Не успеет день дважды смениться ночью, — сказал он, — один из вас умрет. И это будет только начало. Поверь, я знаю, о чем говорю. Лучше всего вам сейчас же уплыть прочь.

Татьяна несколько принужденно рассмеялась.

— Я не думаю, что смогу уплыть без своего мужа. А он намеревается нырять здесь по крайней мере два дня...

— Что ж, — сказал старик. — Значит, такова ваша судьба. Не говори потом, что я тебя не предупреждал...

Он откинулся на скрипнувшую спинку своей качалки и вновь занялся сигарой. Про Татьяну он словно бы забыл.

«Сумасшедший, — решила она. — Вот почему Оксанка меня отговаривала к нему подходить — он, верно, и ей тоже какую-нибудь чушь наплел...»

— Могу я спросить? — вежливо обратилась она к старику, сосредоточенно выдыхавшему сизый дым. — Вы здесь живете, на острове? Вы суданец?

Старика этот вопрос почему-то очень рассмешил.

— Что такое Судан? Всего лишь имя для холмов, лесов и песка, одно из сотни имен, которые носила эта земля. Нет, я не суданец. Я — повелитель Пунта. Это мой остров.

— Я бы хотела вас сфотографировать, — решила наконец Татьяна. Беседовать с умалишенным дальше было бесперспективным занятием. — Можно?

— Попробуй, — равнодушно отозвался старик. — Вряд ли у тебя что-то получится, но почему бы не попробовать?

Самойлова расстегнула чехол и вытащила «Nikon». Ото-

шла на пару шагов, чтобы в кадр попал не только старик, но и его качалка, и притулившаяся к пальме хибара.

Сделав серию снимков — в режиме «автосъемка», «портрет» и «пейзаж», — она вывела их на дисплей. Вместо старика на каждой фотографии расплывалось какое-то размытое черное пятно.

— Вы знали, что у меня ничего не получится? — спросила она.

Старик насмешливо выпятил губу — сигара опять каким-то чудом не вывалилась у него изо рта.

— Это мой остров, леди. Никто лучше меня не знает, что на нем может случиться, а что нет. Можешь не тратить время зря.

Он вдруг резко отвернулся от Татьяны и уставился на синее зеркало лагуны. Самойлова испытала странное ощущение — будто чья-то рука отпустила невидимую уздечку, которая все это время была накинута ей на шею.

«Гипнотизер, — подумала она. — Он меня просто ввел в транс, и я фотографировала совсем не то, что хотела...»

Нет, неправда — на снимках четко были видны пальмы, низкая вытянутая лачуга, даже часть кресла-качалки. Та часть, которую не закрывало уродливое темное пятно.

Старик произнес что-то на неизвестном Татьяне языке — полусвистящем, полушипящем. Голос у него был раздраженный.

Гладкое зеркало лагуны разбилось. Метрах в двадцати от берега из воды высунулась чья-то черная голова.

Татьяна закричала.

6

— ...Прямо в центральную лагуну, — увлеченно рассказывал Олег в камеру. — Длина туннеля — метров семьдесят, я такого в жизни не видел! Подтверди, Макс!

— Подтверждаю, — Кольцов помахал рукой. — Совершенно уникальная штука. Выглядит так, будто кто-то его отполировал изнутри.

— Я думаю, течение, — перебил его Самойлов. — Хотя, конечно, версия о базе фашистских подводных лодок мне нравится больше...

— Мальчики, как интересно! — пискнула Оксана. — Я тоже туда хочу!

Татьяна сунула ей в руки работающий в режиме видеосъемки «Nikon» и встала перед объективом.

— Теперь представьте, как я перепугалась, когда увидела, что кто-то всплывает из лагуны! Я даже сначала решила, что это какие-то чудовища вроде Несси. Откуда же мне было знать, что лагуна сообщается с открытым морем?

— Вот такой таинственный остров мы открыли, — Олег подошел и обнял жену за талию. — Смотрите, завидуйте — мы здесь первые! Если не считать впавшего в маразм негра, который маячит где-то на заднем плане...

— Он не негр, — возразила Татьяна. — Он вообще непонятно кто. По-английски, между прочим, разговаривает не хуже меня...

Оксана опустила камеру.

— Ролик отснят. Пойдем купаться? Ужас как хочется посмотреть на этот туннель...

— Сейчас уже поздно, котенок, — Кольцов вытащил из переносного холодильника две бутылки пива «Саккара» и протянул одну девушке. — Солнце сядет минут через двадцать. Завтра с утра пойдем под воду все вместе.

— Танечка, найди, пожалуйста, чехол для подводной съемки, — попросил Олег. — Хочу поснимать в этом туннеле, хотя, боюсь, там слишком темно...

«Слишком темно, — повторил про себя Максим. — А это мысль!»

— Со вспышкой, может, что-нибудь и получится, — сказал он. — Надо попробовать.

— Давайте, давайте попробуем! — затормошила его Оксана. — Давайте прямо сейчас! Ну, подумаешь, солнце зайдет! Как будто мы ночью ни разу не погружались!

Ее трескотня разозлила Татьяну.

— Между прочим, — раздельно произнесла она, — этот негр, который на самом деле не негр, сказал, чтобы мы вообще как можно скорее убирались отсюда. Здесь опасно, непонятно?

Она пожалела о своих словах прежде, чем закончила фразу. Мужчины посмотрели на нее с легкой жалостью.

«Трусишка, — отчетливо читалось во взгляде Олега. — И почему ты у меня такая трусишка?»

— Старый пень просто хочет получить с нас бакшиш, — хмыкнул Кольцов. — Я вспомнил: в Каире около Сфинкса промышлял точно такой же тип. Похож на этого, как близнец: Тоже пугал всякими ужасами, рассказывал про проклятие фараона, а когда получил десять баксов, сразу же о нем забыл и запел совсем по-другому...

— Кстати, ты заметил: наши египтяне на берег не сошли, — задумчиво проговорил Олег.

«Умница, — с благодарностью подумала Татьяна, — какой он все-таки умница... Поддерживает меня, пусть и считает трусихой».

— Вот именно! — подхватила она. — Даже Ахметка, который таскается за нашей Оксаной как хвостик, и тот остался на яхте!

— Что? — нахмурился Кольцов. Нахмурился вроде бы всерьез, но Татьяна безошибочно распознала в его голосе фальшь. — Дорогая, это правда? Обезьянка положила на тебя свой блудливый глаз?

Оксана загадочно улыбнулась.

— Ну и что здесь такого? Пусть хоть шею себе свернет, если ему так хочется... Ты же знаешь, я вся твоя, мой сладкий котик!

«Какая пошлость, — подумала Татьяна. — Но как удивительно они подходят друг другу!»

В который раз она поблагодарила небо за то, что пять лет назад приняла предложение Олега. Конечно, Самойлов проигрывал Максусу внешне... и плечи у него были уже, и животик больше — в общем, совсем не голливудский типаж. Но за все эти годы она ни разу не пожалела о своем выборе. И не только потому, что Самойлов был главным боссом ОМСИ, а Кольцов лишь его правой рукой.

Главное заключалось в том, что она могла представить себе, как прожить всю жизнь с таким человеком, как Олег, а как прожить жизнь с Максимом — не понимала. Это же должно быть ужасно скучно, жить с таким человеком. Он весь такой целеустремленный, такой правильный, так заботится о том, чтобы во всем и всегда быть первым... Казалось странным, что при такой нацеленности на успех Максим был

в компании вторым номером. «А это потому, — подумала Татьяна, — что Олег талантлив, а он — нет. В Олеге есть божья искра, а Максим холоден, как зола. И никогда ему не стать номером первым!»

Если бы Кольцов умел читать мысли, он бы наверняка рассмеялся. Номером первым он собирался стать в ближайшие двадцать четыре часа.

7

В туннель решили спуститься из лагуны. Кольцов на маленьком «Зодиаке»¹ навестил «Хатшепсут», которая по-прежнему стояла на якоре у южной оконечности рифа, и попытался уговорить капитана отрядить на остров одного из матросов. Оставлять лагерь без присмотра, имея соседом по острову подозрительного старика, не хотелось. Но Саид-бей уперся, как ишак, — нес какую-то чушь про то, что граждане Египта не имеют права ступить на суданскую землю, и тому подобный бред. Скорее всего, он просто рассчитывал срубить с арендаторов дополнительный бакшиш, но Кольцов полагал, что и так слишком много заплатил капитану за то, что тот привел яхту к острову. Так и не договорившись, они расстались, крайне недовольные друг другом.

Пришлось бросать жребий — выяснять, кто же останется в лавке. Татьяна, правда, сразу же сказала, что не претендует на то, чтобы лезть под воду, но ее никто не послушал. Олег зажал в кулаке четыре спички — три длинные, одну короткую. Короткая досталась Оксане.

— Так нечестно! — обиделась та. — Вы все туннель уже видели, Таня сама отказывалась! А я больше всех хотела его поглядеть, и мне же теперь оставаться!

— Тоже мне проблема, — попыталась утешить ее Самойлова. — Иди вместо меня, я вообще туда не рвуись...

— Ну уж нет, — возразил Олег, недовольно поглядев на жену. — Зачем тогда было жребий бросать? Отказываться от результатов жребия — гневить судьбу. Татьяна идет первой, Оксана второй. Дискуссия закончена.

---

¹ «Зодиак» — надувная лодка с подвесным мотором. Используется для погружения с аквалангом.

— Ну и ладно, — Оксана закусила губу и отвернулась. Ей до смерти не хотелось оставаться на острове одной, но показывать свой страх не хотелось еще больше. В конце концов, в их маленькой компании все роли уже расписаны. У нее ампула дуры, а не трусихи.

— Не волнуйся, котенок, — Кольцов полез в палатку, покопался там и вылез обратно с ракетницей в руках. — Вот, это тебе на всякий случай. Спокойней будет.

— Да вы же ее не увидите! А эти, на яхте, и не пошевелятся даже...

Максим снисходительно улыбнулся.

— Во-первых, я уверен, что она тебе не понадобится. Во-вторых, если капитан яхты, увидев сигнальную ракету, не придет тебе на помощь, на него можно будет смело подавать в суд, и он это знает. В-третьих, ракетницу можно использовать как оружие. Видишь, здесь два ствола? Первую ракету в небо, вторую — врагу в живот.

— Ну, спасибо, Максик, утешил, — пробормотала шокированная девушка, но ракетницу взяла.

Вода в лагуне была почти горячей.

Ласты надевать пришлось уже на глубине — дно, усеянное острыми кораллами, не позволяло войти в воду спиной вперед, как делается обычно при погружении с берега. На ногах у дайверов были специальные боты из толстой резины с укрепленной подошвой, оберегающие от порезов и — теоретически — от шипов ядовитых рыб, прячущихся в песке. Несмотря на все предосторожности, Татьяна пару раз чуть не вывихнула лодыжку и сильно поцарапала колено. Они уже почти добрались до середины лагуны, а глубины все еще не было. Наконец дно резко ушло вниз. Татьяна надула жилет-компенсатор и легла на спину, натягивая ласты.

«Странно, — подумала она, — это не лагуна получается, а воронка какая-то... Точно, воронка с туннелем посередине. Удивительно, что здесь нет водоворота...»

Подплыл Олег, вооруженный спрятанной в прозрачный пластиковый чехол камерой.

— Ну, как, солнышко? Не очень волнуешься?

Татьяна попыталась пожать плечами, но в положении «лежа на воде» это оказалось не так просто.

— Да нет, не особенно... Ластва вот не надевается, Олежка. Поможешь?

— С удовольствием, — он что-то сделал с ластой, и она легко наделась на резиновый ботинок. — Значит, расклад такой: в туннеле впереди идет Макс, за ним ты, потом я. Это чтобы ты не отстала. Когда выйдем из туннеля, мы с тобой пойдем рядом, параллельным курсом. Главное, не забывай все время дышать, как я тебя учил. Дыхание не задерживай, договорились?

— Конечно, милый, — она поцеловала его в нос и натянула маску. Сжала зубами загубник шланга регулятора, показала мужу колечко из двух пальцев — о'кей — и нажала клапан, стравливающий воздух из БСД.

Туннель она увидела сразу же, как только оказалась под водой.

Если лагуна напоминала Татьяне нестерпимо-синий глаз острова, то туннель был зрачком этого глаза — круглым, черным, гипнотизирующим. Отверстие диаметром метра в три окружали коралловые заросли кроваво-красного цвета. В одном месте коралловая изгородь была смята, словно на хрупкие алые конструкции наступила нога гиганта. Или даже не так: будто бы из глубины туннеля выкатился исполинский шар для боулинга и разнес кораллы, как кегли. В этом месте погружаться в туннель было удобнее всего. Кольцов включил фонарь и помахал Татьяна рукой. При мысли о том, что придется следовать за ним в темноту, девушку передернуло. Олег успокаивающе притронулся к ее плечу. Его глаза за голубоватым стеклом маски улыбались.

«Был бы он таким всегда, — некстати подумала Татьяна. — Да я готова за это даже каждый день нырять с его дурацким аквалангом... Что я, собственно, и делаю. Вот для чего — чтобы видеть своего Олежку счастливым и веселым, а не злым и замученным, как в Москве...»

Она улыбнулась мужу в ответ и, вытянув перед собой руки, последовала за Максимом.

Ничего особенно интересного в туннеле не было — во всяком случае, на взгляд Татьяны. Скучные гладкие стены, редкие пугливые рыбы, прячущиеся в тень при приближении людей... Когда туннель наконец кончился и они выбра-

лись на открытое место у подножия рифа, Татьяна почувствовала облегчение.

«А я и не знала, что страдаю клаустрофобией, — усмехнулась она про себя. — Бедная Оксанка, она так рвется посмотреть на этот подводный дымоход, совершенно не подозревая, что наши мужчины, как всегда, все преувеличили... База нацистских подлодок, как же!»

Олег подплыл к ней, широко улыбнулся. Глаза его за стеклом маски возбужденно блестели. «Как ребенок, честное слово! — подумала Татьяна. — Ну, пусть радуется...»

Кольцов между тем нашел еще что-то — он отдалился от них уже метров на тридцать и висел теперь над роскошным куполом апельсиновых кораллов, подавая им знаки — «плывите сюда!». Приблизившись, Татьяна увидела, что купол раскинулся на самом краю обрыва, уходящего вниз, в темно-синюю глубину моря. Максим указывал на какой-то темный предмет, лежащий у самого основания кораллового куста. Указывал, но брат почему-то не спешил.

Это была рыба, безобразная, покрытая бородавками и какими-то сочащимися гноем язвами, с плоской головой и выпученными глазами, прикрытыми белесой пленкой. Рыба, судя по всему, умирала: в боку у нее зияла дыра размером с кулак, хотя кто мог позариться на такое страшилище, представить себе было сложно. Из дыры медленно вытекала бурая кровь.

Кольцов подплыл к Олегу, показал ему на камеру: снимай, мол. Сам опустился на дно, стянул с левой ноги ласту и очень осторожно подвел ее под издыхающее чудовище. Медленно, боясь спугнуть, поднял ласту вместе с ужасной рыбой на уровень груди и повернулся к объективу камеры.

Татьяна наблюдала за его манипуляциями с плохо скрываемым отвращением. Ясно было, что рыба очень опасна и что Кольцов просто рисуетя. Зачем подвергать себя бессмысленному риску? Лишний раз покрасоваться перед ней, показать, какой он герой? Хвастаться потом фотографиями в Москве — я и смертельно опасное чудовище морских глубин? А то, что чудовище дохлое, на фотографиях не видно. Что ж, вполне в духе Кольцова...

Рыба внезапно открыла глаза и шевельнула хвостом —

очень слабо, но достаточно для того, чтобы Максим тут же сбросил ее с ласты. Страшилище медленно опустилось на грунт, не подавая больше никаких признаков жизни. На ласте Кольцова остались бурые разводы и неприятно поблескивающая слизь. Максим отплыл на безопасное расстояние и вытер ласту о песок.

Олег парил над обрывом, вглядываясь в темноту. Потом сделал неуверенное движение, словно бы хотел опуститься вниз, но обернулся и посмотрел на Кольцова.

«Не хочу туда!» — подумала Татьяна, но поняла, что ее мнение не играет здесь никакой роли. Она даже сказать толком ничего не может, только помотать головой — и никто, разумеется, не станет ее слушать. Максим, разумеется, горел желанием разведать что-нибудь новое. Он подплыл к ним, посмотрел туда, куда указывал Олег, и уверенно кивнул. Сделал легкое движение ластами и ушел на глубину.

Спускаться было жутковато, но, по крайней мере, не так скучно, как плыть по дурацкому туннелю. То, что они принимали за дно, оказалось всего лишь широкой, как поле, площадкой, венчающей древние коралловые структуры, уходившие в сине-зеленую тьму. В нагромождениях уже мертвых, превратившихся в камень полипов угадывались руины древнего затонувшего города — массивные контрфорсы, тонкие минареты, зубчатые стены. Глубокие расселины, прорезавшие темную гору, казались мрачными провалами между облепленными водорослями и ракушками колоннами исполинского храма. Какому божеству поклонялись в этом храме до того, как над его крышей сомкнулись морские волны, страшно было даже подумать.

А еще ниже они увидели то, что поначалу представилось им игрой света и теней, хотя того света, что проникал сюда с поверхности, для подобной игры было явно недостаточно. То ли аркады, то ли стрельчатые галереи, вырезанные кем-то в известняке. Темные провалы полукруглых окон, нависающие над бездной фестоны каменных кружев. Целый потаенный мир, надежно укрытый от посторонних глаз под толщей вод.

Только оказавшись на берегу, Татьяна почувствовала навалившуюся усталость. Измотанными выглядели и мужчины. Олега пошатывало, Кольцов, ругаясь сквозь зубы, швырнул подбежавшей Оксане под ноги ласты и принялся стягивать с себя гидрокостюм.

— Ну что там, мальчики? — щебетала Оксана, собирая его вещи. — Видели что-нибудь новенькое? Ну, что вы молчите?

— Там полно пещер, — проговорил Олег, снимая маску. — Не гора, а швейцарский сыр какой-то. Заблудиться элементарно.

— Здорово! А вы еще туда пойдете? Только, чур, я с вами! Ведь пойдете, да?

— Пойдем, — Олег помог Татьяне освободиться от тяжелого баллона. — Только мы там пробыли на десять минут дольше расчетного времени. Теперь четыре часа отдыхать. Ты, Оксаночка, пока приготовь нам пожевать чего-нибудь...

— Да я ж уже приготовила! Рис с морепродуктами — пальчики оближете! — Оксана, державшая в руках костюм и ласты Максима, вдруг осеклась и уставилась на свое бедро. — Что ж это такое, мамочка моя?

Она взвизгнула и выронила снаряжение. Татьяна смотрела на нее, не понимая, что происходит, — на загорелой коже девушки с пугающей быстротой расплзлось винно-красное пятно размером с чайное блюдце. Оксана кричала — уже не только от страха, но и от боли — казалось, что еще мгновение, и она начнет кататься по земле, как человек, охваченный пламенем. Олег с Максимом подбежали к ней и крепко схватили за руки.

— погоди, котенок, не дергайся! — Максим повернулся к Татьяне и скомандовал: — Аптечку, быстро!

Татьяна метнулась к палаткам, несколько секунд соображала, где же аптечка, потом вспомнила, рывком откинула крышку контейнера,хватила сумку с красным крестом, бросилась обратно к лагуне. Оксана, не переставая истошно кричать, билась в руках мужчин, пятно на ее бедре достигло уже размеров тарелки. Максим выхватил у Самойловой аптечку и, опустившись на корточки, извлек из нее шприц и ампулу с каким-то лекарством.

— Держи ее! — рявкнул Олег. — Мне одному не справиться, она сильная, как лошадь!

Татьяна перехватила руку Оксаны и прижала к себе, стараясь не дотрагиваться до жуткого пятна. Кольцов наполнил лекарством шприц и без всяких церемоний всадил иглу в бедро подруги. Оксана дико взвыла и вырвала руку, угодив Самойловой по челюсти.

— Стоп, стоп, уже все! — Кольцов выдернул иглу и сжал Оксану в стальных объятиях. — Теперь все будет хорошо, я вколол тебе антидот...

Оксана обмякла, глаза ее закатились. «Обморок», — решила про себя Татьяна, опасливо трогая челюсть.

— Что это было? — спросила она дрожащим голосом.

Олег пожал плечами.

— Похоже на укус какого-то ядовитого насекомого. Смотри, уже проходит...

Пятно на бедре девушки бледнело, теряя ярко-бордовый оттенок, хотя меньше пока не становилось. Но и расти, по крайней мере, тоже перестало.

— Боюсь, это я виноват, — сказал Кольцов, осторожно поднимая потерявшую сознание Оксану на руки. — На ласте, видимо, остались следы яда рыбы-камня, хотя, честно говоря, я не понимаю, как это могло произойти. Я же вытер ее, да и потом мы еще сорок минут находились под водой — все должно было смыть начисто...

— Рыба-камень? Та уродина, которую вы фотографировали?

— Ну да, — подтвердил Олег. — Бородавчатка. Самая ядовитая тварь во всем Красном море. Оксана прижала ласту к бедру, вот и получила ожог...

«Не успеет день дважды смениться ночью, один из вас умрет», — вспомнила Татьяна слова выжившего из ума старика. Ее передернуло.

— Но это же не смертельно? — робко спросила она.

К огромному ее облегчению, Олег покачал головой.

— Ну что ты, нет, конечно. Вот если наступить на нее бо-сой ногой, тогда все, гроб с музыкой. А так — ожог и ожог. Завтра будет прыгать, как коза.

— Найди мне еще адреналин с кортизолом, — деловито распорядился Кольцов. — А ты, Танечка, вскипяти воду и

разведи там перманганат калия, ей сейчас будет полезен горячий компресс.

— Да, не повезло девочке, — хмыкнул Олег, роясь в аптечке. — Так и не увидит туннель и пещеры. Вот что значит — не судьба...

— Может, еще и увидит. Вряд ли мы до завтра успеем исследовать все эти норы...

— Зачем они вам вообще нужны? — нервно перебила Кольцова Татьяна. — Ничего стоящего там нет, по-моему. Уж лучше за мантами охотиться, и то интереснее...

— Ничего себе! — возмутился Максим. — Ничего стоящего! Да такого подводного дворца нигде не найдешь! Ты знаешь, какой у меня стаж? Семь лет! Тысяча с лишним дайвов! И я за все эти годы ничего подобного не видел!

— Посмотрим, — Олег примирительно поднял руки. — После обеда мы с Максом еще раз туда спустимся, а там уже решим — оставаться здесь или нет. Что скажете, маркиз?

— Согласен с вами, граф, — откликнулся Кольцов. — В любом случае мы уже — первооткрыватели. Теперь осталось лишь подтвердить наш статус. Танюша, солнышко, перекинь, пожалуйста, файлы с камеры на ноутбук — нам понадобится много свободного места на карте памяти...

Его энтузиазм покоробил Татьяну. Как бы она сама ни относилась к Оксане, но Кольцов мог бы и не веселиться так открыто, когда его девушка лежит без сознания. А его, похоже, беспокоят только детали предстоящего погружения. Хотя, конечно, первую помощь он оказал Оксане быстро и четко, чего уж тут.

Она открыла ноутбук, подключила к нему камеру и скопировала файлы на хард-диск. Всего тридцать четыре кадра и шесть видеороликов — негусто. Проверив, открываются ли файлы на ноутбуке, Самойлова стерла их из памяти «Nikon».

Пока что все шло по плану. Благодаря так вовремя попавшейся под руку бородавчатке Оксану удалось вывести из игры, не навлекая на себя особых подозрений. Первоначально Кольцов собирался просто запретить девушке спускаться с ними в лабиринт пещер, но запрет нужно было как-то обос-

новать. Оксана, в отличие от Татьяны, была неплохим дайвером, не уровня мастера, но все-таки неплохим. А брать ее с собой означало идти на неоправданный риск. Конечно, свидетель несчастного случая может оказаться очень полезным — но лишь при условии, что он увидит именно то, что нужно. А вот это предугадать было почти невозможно. Нельзя исключить и варианта, при котором от свидетеля тоже придется избавляться. А два несчастных случая подряд — это все-таки перебор. Поэтому рыба-камень оказалась для Максима (а может, и для Оксаны) просто подарком судьбы. Жалко, конечно, девочку, но ничего страшного, полежит денечек, и к завтрашнему дню будет как новенькая. А вот для некоторых завтра уже не наступит...

Кольцов сделал над собою усилие и согнал с лица мстительную улыбку. Все-таки очень сложно оставаться спокойным, когда до реализации плана, уже давно ставшего смыслом жизни, остались считанные минуты. Сколько лет он ждал подходящего случая, чтобы расправиться с партнером? Три года, четыре? Когда впервые увидел Олега и Татьяну, сидящих во главе стола на десятилетнем юбилее компании? Компании, которую они с Олегом когда-то создавали вместе, с нуля, и которая каким-то удивительным образом стала вдруг семейным предприятием четы Самойловых?

«Предательство, — подумал Максим, — вот за что я осуждаю его на смерть. Я многое могу простить, но предательство — не способен...»

На этот раз он собирался подчеркнуто медленно, краем глаза наблюдая за натягивающим гидрокостюм Самойловым.

— Что-то вы не торопитесь сегодня, маркиз, — недовольно проговорил Олег, подходя. — На солнышке разморило?

Было невыносимо жарко. Термометр показывал сорок градусов, чересчур для конца октября. Но Максим почти не замечал жары.

— Проверьте меня, граф, — попросил он. — Что-то я и вправду какой-то квелый...

Самойлов бегло осмотрел его снаряжение, слегка подтянул ремень спереди и поощрительно хлопнул партнера по плечу:

— Ваша очередь, маркиз.

У Максима перехватило дыхание. Манометр пони-балло-

на Олега был неисправен — точнее говоря, испорчен. Стрелка на нем показывала 200 атмосфер, но в действительности баллон был пуст. Более внимательный дайвер мог бы почувствовать, что баллон весит меньше, чем обычно, но Кольцов рассчитывал на то, что Самойлов, всегда надевающий пони-баллон после основного, ничего не заметит. И оказался прав.

Кольцов привычно постучал ногтем по стеклу манометра. Стрелка не шелохнулась — она была приклеена прозрачным клеем, который Максим нашел в магазинчике художественных принадлежностей. Помимо прозрачности, этот клей имел еще одно полезное свойство — он легко смывался водой.

— Порядок, — сказал Максим. — Можем погружаться.

На этот раз туннель они прошли быстро, не глаза по сторонам. По предварительной договоренности, на исследование лабиринта пещер отводилось полчаса, плюс десять минут на спуск, пятнадцать минут на подъем. Почти часовой дайв на приличной глубине — серьезная задача даже для опытного дайв-мастера. Именно поэтому уже отработанные этапы маршрута проходили, не теряя лишнего времени. Выплыли из заросшей бурыми водорослями трапециевидной дыры, прошли над площадкой, на которой Кольцов играл с полудохлой рыбой-камнем, и «прыгнули» с обрыва. Галереи, в которые они так и не рискнули заглянуть утром, начинались ниже отметки в тридцать метров, а где заканчивались, сложно было даже представить. Максим вспомнил подводные башни Blue Hole — знаменитой Голубой Дыры, природного заповедника у берегов Синайского полуострова, где он погружался прошлым летом с командой обезбашенных технодайверов. Blue Hole не зря называют «могилой дайв-мастеров» — благодаря удивительному капризу природы солнечные лучи пронизывают эту голубую бездну на глубину более ста метров, поэтому многие опытные аквалангисты не могут устоять перед искушением и опускаются все ниже и ниже, пытаясь достичь границ освещенного пространства. Сам Кольцов никогда не погружался глубже семидесяти метров — слишком велик риск азотной истерики, отравления закисью азота, тем самым соединением, которое в просторечии называется «веселящим газом». Отравленный закисью азота дайвер испытывает чувство эйфории и полностью те-

ряет контроль над происходящим. Может рвануть еще глубже, туда, где чудовищное давление раздавит его череп, как скорлупу яйца, может взмыть вверх, забыв о необходимости декомпрессионных остановок¹, а то и просто почувствует себя неуязвимым и сорвет с себя маску. Разрабатывая свой план, Кольцов, разумеется, думал и о таком варианте, но в конце концов посчитал его трудноосуществимым. То решение, которое он принял после длительных раздумий, казалось почти идеальным — с поправкой на то, что по-настоящему идеальных решений в жизни не бывает.

Даже эти древние уровни рифа не были полностью мертвыми, как показалось им утром. Верхний ярус пещер был полускрыт зарослями хлыстообразных горгонарий, чьи красные и оранжевые нити медленно колыхались в такт едва заметному течению. Кольцов проплыл между ветвями горгонарий, спугнув стайку алых каменных окуней, и, держа перед собою включенный фонарь, углубился в чернильную тень пещеры.

Здесь было холодно и очень мрачно. Свет фонаря выхватывал из темноты изломы причудливо изогнутых стен, уродливые наросты на потолке, воронкообразные провалы в полу, ведущие на нижние уровни лабиринта. Несколько раз Кольцов останавливался, чтобы сделать снимок, и тогда вязкую тьму разрывала яркая вспышка электрического света. Самойлов следовал за ним, выдерживая обычную дистанцию в два метра.

«Если бы ты знал, что тебя ожидает, то рванул бы из этой норы, как ошпаренный», — усмехнулся про себя Максим. Он чувствовал почти сексуальное возбуждение — его цель была совсем рядом, достаточно было только протянуть руку. «Ну-ну, не торопись, — осадил он себя. — Не хватало еще запороть все спешкой на последнем этапе. Прежде всего надо незаметно зайти к нему за спину. А это не так уж и просто».

Он посмотрел на таймер — прошло уже пятнадцать минут с момента их погружения и пять из них они провели на глубине сорок метров. Следовало торопиться, еще десять ми-

---

¹ Декомпрессионные остановки — остановки, которые дайвер обязан делать, поднимаясь с большой глубины (рассчитываются при помощи специальных таблиц). Делаются для предотвращения образования пузырьков азота в крови (декомпрессионная болезнь).

нут — и пора будет поворачивать обратно. И опять Самойлов пропустит его вперед, как, впрочем, и всегда. «Может быть, это не случайно? — в который раз подумал Максим. — Может, он подсознательно чувствовал что-то все эти годы и поэтому старался не поворачиваться ко мне спиной?»

Пещера, по которой они плыли, постепенно расширялась, превращаясь в просторную галерею, стены которой скрывала густая тень. Вода стала совсем холодной — это чувствовалось даже сквозь хорошо изолирующий тепло неопределенный гидрокостюм. Максим уловил впереди какое-то движение и остановился, взяв на изготовку камеру.

Вспышка на мгновение приоткрыла завесу мрака, высветив толстые грибообразные колонны, за которыми медленно скользило что-то смутное, огромное — то ли рыба, то ли змея, то ли какая-нибудь доисторическая тварь вроде знаменитой шотландской Несси. А может быть, это колыхались в первозданной тьме похожие на змей стебли гигантской водоросли. Максим не успел рассмотреть открывшуюся ему картину как следует, потому что как раз в этот момент луч фонаря, которым светил ему в спину Самойлов, вильнул куда-то в сторону и уперся в одну из приплюснутых колонн. Палец Кольцова нажал на кнопку фонаря раньше, чем он успел сообразить, что делает. Оказавшись в полной темноте, Максим резко ушел вверх и вбок. Олег, казалось, не сразу заметил его исчезновение, продолжая водить лучом фонаря по колонне. Кольцов, стараясь двигаться очень осторожно, начал заходить партнеру за спину.

Луч фонаря заметался по пещере — Самойлов понял, что внезапно остался один. Слишком поздно. Максим приблизился к нему сзади, протянул руку и одним выверенным движением закрутил вентиль баллона.

Олег обычно использовал пятнадцатилитровые баллоны «Viking», идеально подходившие под его рост и вес. Дорогие американские баллоны имели только один существенный недостаток — вентильный механизм на них находился ниже массивной насадки-переходника для октопуса¹ и дотянуться до него можно было, только сняв жилет.

---

¹ Октопус — резервный аппарат дыхания, подключенный к основному баллону.

Самойлов был достаточно опытным дайвером, чтобы поддаться панике. Воздух может кончиться у аквалангиста по сотне разных причин, и совершенно необязательно перебирать их все. Он начал разворачиваться к Кольцову, одновременно выпустив из рук фонарь. Тот, медленно кружа, опустился на каменный пол галереи. Луч его скользнул по ногам Кольцова, и тот невольно подался назад, в темноту.

Самойлов, справившись с секундным замешательством, выплюнул загубник. Схватил закрепленный на груди шланг пони-баллона, с силой выдул из него воду, впился в него зубами...

В эту секунду Кольцов включил свой фонарь.

Он увидел искаженное невыразимым ужасом лицо партнера, его глаза, готовые выскочить из орбит, его сведенные судорогой челюсти, сомкнувшиеся на силиконовом загубнике пустого пони-баллона. На короткую долю секунды он испытал ни с чем не сравнимое ощущение безраздельной власти над жизнью человека, который всерьез полагал себя лучше, успешнее и талантливее его, Кольцова. Еще несколько мгновений он мог спасти Самойлова — для этого было достаточно приблизиться и дать ему шланг своего пони-баллона или загубник октопуса. И эти мгновения были сладостнее всего, что он испытал в своей жизни.

Кольцов отступил назад, во тьму. Олег протягивал к нему руки — вряд ли он видел Максима, только свет его фонаря — и приближался какими-то странными рывками. Воздуха у него в легких должно было хватить еще на полминуты, не больше. Все, что требовалось от Кольцова, — терпеть и ждать.

Самойлов, по-видимому, понял, что помощь не придет. Он все еще не мог поверить в то, что все кончено, что вся его жизнь, сплошная череда побед и успехов, заканчивается здесь, в мрачной холодной пещере глубоко под водой. Только теперь он наконец сообразил, что ему нужно выпутываться из жилета и попробовать разобраться, что случилось с вентильным механизмом. Но время уже было упущено.

Когда он попытался расстегнуть ремни жилета, Максим выплыл из тени, перехватил его руки и сжал их так крепко, словно собирался сломать Олегу запястья. Годы посещения фитнес-клубов, изматывающей работы на тренажерах, тонны железа, которые он выжимал лежа, сидя и стоя, занятия в

залах бокса и дзюдо, горные лыжи и дайвинг — вся его спортивная подготовка была лишь прелюдией к этому триумфальному движению. Он удерживал Самойлова на безопасном расстоянии от себя, не давая ему выскользнуть из жилета, и ждал его последнего вдоха. И когда Олег выплюнул наконец бесполезный загубник, чтобы сделать этот вдох, и вода под давлением в пять атмосфер хлынула ему в легкие, Максим смотрел ему в глаза.

10

На «Хатшепсут» была установлена спутниковая антенна, что позволяло выходить в Интернет, используя технологию WiFi. Татьяна настроила соединение и набрала строчку «yandex.ru».

Она ввела в поисковик: «ядовитые рыбы Красного моря», «бородавчатка» и «рыба-камень». Информации по всем трем запросам нашлось так много, что пришлось вводить дополнительный параметр «лечение». С некоторым удивлением она узнала, что все меры, принятые Кольцовым, были совершенно правильными — даже горячий компресс с перманганатом калия, который показался ей издевательством над пострадавшей (еще бы — лечить ожог кипятком!) рекомендовался медиками как хорошее подручное средство для нейтрализации нейротоксинов.

«При оказании своевременной первой помощи ожог проходит за 6—8 часов», — прочла она на одном из сайтов.

— Потерпи, милая, — сказала Татьяна, потрепав Оксану по растрепанным белокурым волосам. — Скоро твои мучения закончатся.

— Совсем? — через силу усмехнулась девушка. Она лежала на надувном матрасе под тентом, слегка защищавшем от палящего солнца. Татьяна сидела рядом на раскладном стульчике с ноутбуком на коленях.

— Дурочка ты, — почти ласково проговорила Самойлова. Пальцы ее автоматически пробежали по клавишам ноутбука, набирая «рыба-камень летальный исход». «Если нечаянно наступить или дотронуться... стреляющие иглы проникают под кожу... обожженное место распухает, в нем возникает пульсирующая боль... дыхание становится затрудненным,

сердцебиение учащенным, в некоторых случаях возникает частичный паралич... боль не прекращается в течение нескольких дней... иногда возможен летальный исход». Что значит «в течение нескольких дней»? А как же «проходит за 6—8 часов»? Вот ведь воистину, не всемирная сеть, а всемирная помойка, каждый что хочет, то и пишет... — Как ты себя чувствуешь? Сердечко не частит?

— Да вроде нормально... Слушай, Танечка, ну что ты возле меня все сидишь, как возле умирающей? Ты ж со мной как мама родная, мне, конечно, приятно, но тебе ж тоже хочется отдохнуть! Сходи вон, искупайся, тебе ж жарко, наверное...

«Стесняется, — неожиданно поняла Самойлова, впервые подумав об Оксане без привычного раздражения. — Не хочешь быть мне в тягость... Странно — почему некоторые люди обычно раскрываются с хорошей стороны именно тогда, когда им плохо?»

— Схожу, не волнуйся. Сейчас еще немножко по сайтам полажу и обязательно искупаюсь...

«Повелитель Пунта», — набрала она в строке поиска неожиданно для себя. Как там говорил старик? I am Lord of Punt. Повелитель Пунта... Что-то очень знакомое...

Сказал он мне: «Не много у тебя мирры, то, что есть, — это ладан. Я же повелитель Пунта, и мирра в нем принадлежит мне».

Мирра, ладан? Что-то из Библии? Нет, гораздо раньше. Вот что говорит нам ссылка на энциклопедию Британика: цитата взята из «Сказки о потерпевшем кораблекрушение», древнеегипетского папируса эпохи Среднего Царства...

Расследование увлекло Татьяну. Поначалу она искала информацию на англоязычных сайтах (сказывалась привычка, приобретенная за годы учебы в Лондоне), но вскоре выяснила, что папирус был обнаружен русским египтологом Голенищевым и изучался главным образом тоже в России. Существовало несколько переводов этого текста, в том числе стихотворных, но все они отличались друг от друга незначительно. И говорилось в них об одном и том же...

Сказал сопровождающий лучший: «Да будет благополучно сердце твое, о князь. Вот достигли мы родных берегов; схвачена колотушка, вбит причальный столб, передний канат отдан на землю; воздаются хвалы, прославляют бога; каждый обнимает товарища своего; команда наша пришла невредимой — нет потерь в войске нашем.

Достигли мы границ конечных Вават, миновали мы Сенмут. Вот же мы, пришли мы в мире на землю нашу, достигли мы ее. Слушай же меня, о князь.

Отправился я к руднику царя, спустился я в море на корабле: 120 локтей в длину его, 40 локтей в ширину его; 120 гребцов на нем, избранных Египта. Видели они небо, видели они землю, храбрее сердца их, чем у львов. Предсказали они бурю прежде, чем пришла непогода, до того, как случилась она.

Буря вышла, когда мы были в море, до того, как коснулись мы земли. Поднялся ветер, сделал он удвоение волны там в восемь локтей. Вот бревно. Ухватился я за него. Начал корабль погибать. Из тех, кто был на нем, не стало ни одного. А я был отнесен к острову волной моря. Провел я три дня в одиночестве, только сердце мое было в качестве сотоварища моего. Спал я в кроне дерева, обнимал я тень. Нашел я инжир, виноград там, лук всякий, плоды кау там вместе с некут, огурцы, подобные возделанным, рыбы там вместе с птицами, — нет того, чего не было бы на нем.

Насытился я и положил на землю то многое, что было в руках моих. Взял я огниво, разжег я огонь, принес я огненную жертву богам. Тогда услышал я раскаты грома. Подумал я: это волны моря. Ломались деревья, земля дрожала. Открыл я лицо мое и увидел я — Змей это.

И вот он шел — в нем 30 локтей в длину, борода его, больше она, чем два локтя, тело его покрыто золотом, брови его из лазурита настоящего. Извивался он, двигаясь вперед.

Открыл он рот свой ко мне, я же на животе моем перевернул. Сказал он мне: «Кто принес тебя, малый, кто принес тебя? Если промедлишь ты с ответом мне, кто принес тебя на остров этот, сделаю я так, что будешь ты пеплом, исчезнешь ты!»

Взял он меня в рот свой и потащил он меня к месту отгохновения своего. Положил он меня без повреждений. Был я

цел и невредим. Открыл он рот свой ко мне — я же на животе моем перед ним. Тогда сказал он мне: «Кто принес тебя, кто принес тебя, малый, кто принес тебя к острову этому в море, берега которого в волнах?» Тогда ответил я ему это — руки мои согнуты в благоговейном жесте перед ним.

Сказал я ему: «Спустился я к руднику по поручению царя на корабле, у которого 120 локтей в глину, 40 локтей в ширину, гребцов 120 на нем, избранных Египта. Видели они небо, видели они землю. Храбрее сердца их, чем у львов. Предсказали они непогоду прежде, чем пришла буря, до того, как случилась она. Каждый там — храбро сердце его. Сильнее рука его более, чем у товарища его. Не было нерадивых среди них. Буря вышла, когда мы были в море, до того, как коснулись мы земли. Поднялся ветер, сделал он удвоение волны в восемь локтей. Вот бревно. Ухватился я за него. Стал корабль погибать. Из тех, кто был на нем, не осталось ни одного, кроме меня. И вот я перед тобой. Принесло меня к острову этому волной моря».

Сказал тогда он мне: «Не бойся, не бойся, малый, не прячь лицо твое. Достиг ты меня. Вот бог, дал он жизнь тебе, принес он тебя к острову этому Ка. Не существует того, чего не было бы внутри его. Наполнен он вещами всякими прекрасными. Вот проведешь ты месяц за месяцем — всего четыре месяца — на острове этом, и придет корабль от родных берегов. Команда там, знакомая тебе. Отправишься ты с ними к родным берегам. Умрешь ты в городе своем. Сколь радостно рассказывать об испытании, когда прошло все печальное. Расскажу же я тебе нечто подобное, случившееся на острове этом.

Был я на нем вместе с соплеменниками и детьми, был среди них. Было нас 75 змей — детей с братьями и сестрами моими. Не напомнил я тебе о дочери меньшей, принесенной мне судьбой. Тогда звезда упала. Стали они огнем в руке ее. Случилось же, что не было меня вместе с ними, когда сгорели они, не было меня среди них. Тогда умер я душой из-за них, когда нашел я их в виде трупа единого. Если силен ты и крепко сердце твое, наполнишь ты объятия твои детьми твоими, поцелуешь ты жену свою, увидишь ты дом свой — прекрасно это более, чем все. Достигнешь ты родных берегов,

будешь ты там среди соотечественников твоих, да будешь ты».

Распростерся я на животе моем, прикоснулся я к земле перед ним. Сказал же я ему: «Поведаю я о могуществе твоём царю, чтобы узнал он о величии твоём, сделаю я, что принесут тебе иби, хекену, иуцнеб, хесаит, лаган для храма — удовлетворит он бога всякого в нём. Расскажу я обо всем случившемся со мной, об увиденном мной могуществе твоём. Будут поклоняться тебе в городе перед Высшим Советом земли всей. Зарежу я для тебя быков для огненной жертвы, совершу я жертвоприношение для тебя птицами. Распоряжусь я, чтобы доставили для тебя корабли, груженные ценностями всякими Египта, как погодно делать это для бога, любящего людей, из страны далекой, о которой не знают люди».

Тогда засмеялся он надо мной, над тем, что сказал я глупость в понимании его. Сказал он мне: «Не много у тебя мирры, то, что есть, — это лаган. Я же повелитель Пунта, и мирра в нём принадлежит мне. Что же касается хекену, о котором ты сказал, что будет принесен мне, то много места для него на острове этом. Случится же следующее: покинешь ты место это. Никогда не увидишь ты остров этот — станет он волной».

Корабль тот пришел, как и предсказал он. Отправился я, влез на высокое дерево и узнал тех, которые на нём. Тогда отправился я сообщить об этом, но понял я, что он уже знает это. Тогда сказал он мне: «Да будешь ты здоров, да будешь ты здоров, малый, в доме твоём. Да увидишь ты детей своих. Сделай имя мое прекрасным в городе твоём — вот это надлежит сделать тебе». Тогда пал я на живот мой. Руки мои согнуты в благоговейном жесте перед ним. Дал он мне груз: мирру, хекену, иуцнеб, хесаит, тишелс, шаасех, черную краску для глаз, хвосты жирафов, большой слиток лагана, бивни слона, охотничьих собак, обезьян гемуф, обезьян кину, — ценности разные прекрасные. Тогда погрузил я это на корабль этот, и пал я на живот мой, чтобы восхвалить бога за него.

Тогда сказал он мне: «Вот приблизишься ты к родным берегам через два месяца, наполнишь ты объятия твои гетьми твоими, воскреснешь ты в гробнице твоей». Тогда спустился я к берегу вблизи корабля этого, поднял я лицо и призвал

воинов, находившихся на корабле этом. Воздал я хвалы на берегу владыке острова этого. Те, кто на нем, сделали подобное же. Плавание это совершили на север, к резиденции царя. Приблизились мы к родным берегам через два месяца, в соответствии со сказанным им. И пошел я к царю. Вот пришел я к нему и принес дары эти, доставленные с острова этого. Восхвалил он бога за меня перед Высшим Советом земли всей. Наградил он меня титулом «сопровождающий», получил я людей его...¹

В соответствии со сказанным им, повторила про себя Татьяна. Корабль тот пришел, как и предсказал он. И еще: Не успеет день дважды смениться ночью, один из вас умрет...

Она посмотрела на Оксану. Та дремала, прикрыв глаза рукой с аляповатым золотым браслетом. Ожог на ее бедре заметно побледнел.

— Ты поспи пока, — тихо сказала Татьяна, закрывая нутбук. — А я и вправду схожу прогуляюсь...

11

Вторая часть плана была технически проще первой. Но сил, как ни странно, потребовала гораздо больше. Может быть, потому, что почти все время, которым располагал Кольцов, ушло на схватку с Олегом.

Первым делом Максим подтащил безжизненное тело партнера к торчавшему из стены треугольному скальному выступу и с некоторым трудом перепилил об острый каменный край шланг высокого давления. Раздался довольно громкий хлопок, шланг разорвало пополам так, что края половинок распушились мелкой махрой. Из шланга ударил фонтан вскипающих пузырей. Воздух, сжатый в баллоне под давлением в двести атмосфер, вышел из него меньше чем за минуту.

Максим обнял Самойлова за плечи и выволок его из пещеры. Поглядел на приборную консоль: времени почти не

---

¹ «Сказка о потерпевшем кораблекрушение», XXI в. до н.э. Египет, эпоха Среднего Царства. Перевод Т.А. Шерковой.

оставалось. Он провел на глубине почти на десять минут дольше расчетного времени, теперь нужно было сделать две декомпрессионные остановки, а воздуха у него самого оставалось немного. «Не успеть», — мелькнула предательская мысль, но Кольцов тут же подавил приступ паники. Он с самого начала не собирался возвращаться через туннель, а планировал подняться на поверхность за пределами рифа, так чтобы его заметили с «Хатшепсут». Самое главное — не допустить ошибки сейчас, на последнем этапе плана.

Прежде всего следовало замести все следы. Собственно, вероятность того, что кто-то захочет провести расследование несчастного случая, произошедшего в территориальных водах Судана — страны, где давно уже правили бал коррупция и беззаконие, — была крайне невелика. Но Кольцов задумывал идеальное убийство и должен был предусмотреть любые случайности.

Он поднялся до площадки, на которой утром нашел рыбу-камень, и принялся стаскивать с Самойлова сбрую понибаллона. Пустой баллон с испорченным манометром повесил себе на спину, кое-как закрепив ремнем, а свой, с четырьмя литрами драгоценной газовой смеси, отдал мертвому бадди. На эту операцию ушло еще пять минут. Компьютер на консоли уже давно мигал красной лампочкой: пора всплывать! Воздух на исходе! Во рту ощущался характерный кисловатый привкус — «вкус последнего глотка», как шутят склонные к черному юмору дайверы.

Он обхватил Самойлова руками крест-накрест и, стравив остатки воздуха в БСД, начал медленно подниматься на поверхность.

12

— Вы назвали себя повелителем Пунта, — медленно произнесла Татьяна, глядя в немигающие глаза старика. — Пунт — это очень древнее слово.

— А мне очень много лет, леди, — ответил старик. На этот раз он курил кальян — роскошную медную башню, изукрашенную лазурью и серебром. Все прочие декорации оставались неизменными — противно скрипящее кресло-ка-

чалка, длинная и низкая лачуга на заднем плане, разбросанные по песку пустые банки из-под пива «Миллер».

— Вы знаете легенду о потерпевшем кораблекрушение? Это тоже очень древняя легенда. Там Змей говорит человеку: «Я — повелитель Пунта». Знаете?

Старик ответил не сразу. Затянулся ароматным дымом кальяна, отчего его пергаментная кожа еще теснее обтянула костистые скулы. Потом медленно сложил худые руки на впадной груди и принялся мерно раскачиваться в своем кресле.

— Это смешная сказка, леди. За многие тысячи лет было всего три человека, которым удалось вернуться с моего острова живыми. Потерпевший кораблекрушение был первым из них. От него люди услышали сказку о добром Змее.

— А другие два? — Татьяна вдруг почувствовала, что готова поверить старику. — Кто они были?

— Одного звали Моисей, — отозвался старик. — Он был жрецом солнечного бога. Имя второго никому не известно, он никогда не рассказывал о встрече со Змеем и ушел из мира вместе со своей тайной.

— Ничего себе, — сказала Татьяна по-русски. Старик удивленно поднял бровь, и она снова перешла на английский. — А почему не вернулись остальные? Повелитель Пунта их убивал?

— Нет, леди. Они все делали сами.

— Почему? Из-за сокровищ?

Старик усмехнулся.

— Посмотри вокруг, — предложил он. — Ты видишь здесь сокровища? Ты видишь мирру, хекену, иуцнеб, хесаит, тишелс, шаасех, черную краску для глаз, хвосты жирафов, слитки ладана, бивни слона, охотничьих собак, обезьян гемуф, обезьян киу? Видишь золото и серебро? Видишь скрижали, на которых записана древняя мудрость погибших племен?

— Ничего я здесь не вижу, — сказала Татьяна с раздражением. — Одни банки из-под пива.

— Каждый видит то, что хочет видеть. Кое-кто верил, что остров Ка хранит все сокровища Пунта. Кто-то приходил сюда, чтобы получить власть. Иные приплывали, чтобы удовлетворить жажду мести. Но все они приносили свою смерть с собой.

Татьяна напряглась. Наступило время задать главный вопрос.

— Вы умеете предсказывать будущее? Как тот, легендарный повелитель Пунта?

Молчание.

— Вы сказали, что один из нас умрет в ближайшие два дня. Сегодня Оксана... подруга делового партнера моего мужа... получила очень сильный ожог. Рыба-камень, знаете? Бородавчатка. Вы ее имели в виду? Она умрет?

— Она умрет, — не стал спорить старик. — Как и все вы. Но я имел в виду не ее. Тот человек... он уже мертв. Это твой муж.

Несколько секунд смысл слов старика не доходил до Самойловой — ей даже показалось, что он перестал говорить по-английски и перешел на тот самый свистяще-шипящий язык, который так поразил ее в прошлый раз.

А потом она поняла — и вскочила на ноги, словно укушенная скорпионом.

— Что вы врете! — закричала Татьяна. — Вы все врете! Мой муж жив! Он сейчас вернется и вобьет ваш лживый язык вам в глотку! Старый мерзавец!

На старика ее крик не произвел никакого впечатления. Он приник к кальяну, просто перестав обращать внимание на Самойлову. Татьяна хотела бросить ему в лицо что-нибудь особенно обидное, но не нашла слов, развернулась и побежала обратно в лагерь.

Там все было по-прежнему. Оксана все еще не просыпалась, пятно на ее бедре приобрело нежно-розовый оттенок и было по виду неотличимо от солнечного ожога. Часы показывали половину пятого, мужчины ушли в море почти час назад. Татьяна ощутила липкое прикосновение страха. Старик, конечно, был обыкновенным сумасшедшим, пусть даже и знатоком древнеегипетского фольклора, и верить в то, что он действительно умеет предсказывать будущее, могла бы только какая-нибудь дуручка вроде Оксаны. Но Олег и Максим уже должны были вернуться, шепнул Татьяне мерзкий внутренний голос. А их все еще нет...

«Жаль, что Олегу нельзя позвонить на мобильный», — подумала Татьяна и едва не рассмеялась истерическим смехом. Привыкла, что в Москве муж доступен в любую минуту,

даже на самом важном совещании никогда не отключает телефон, номер которого знает только она. У Олега не было от нее никаких тайн, он слишком дорожил их отношениями. Не позволял себе никаких мальчишников и саун со шлюхами, стандартных грешков деловых мужчин. И был всегда доступен по мобильному телефону, где бы ни находился. Но то — в Москве...

«Вернись, — попросила Татьяна, глядя на неподвижное зеркало лагуны, — пожалуйста, вернись. Я никогда больше не оставлю тебя одного, я буду нырять с этим дурацким акваلانгом столько раз, сколько ты захочешь, только, пожалуйста, вернись!»

Она смотрела на лагуну, боясь даже на мгновение отвести взгляд, как будто это могло разрушить что-то очень хрупкое и важное. Поэтому она не сразу обратила внимание на крики, доносившиеся со стороны «Хатшепсут». А когда наконец поняла, что матросы кричат по-арабски «Беда, беда!», целую минуту не могла заставить себя повернуться.

13

— Мы потеряли друг друга в лабиринте, — с трудом подбирая слова, проговорил Кольцов. Руки его дрожали — наливая себе и Татьяне коньяк в пластиковые стаканчики, полувину он разлил на песок. — Там... там сам черт ногу сломит. Я, как обычно, плыл впереди, потом увидел, что Олега за мной нет... вернулся к выходу... а его и там нет. Видимо, он повернул в какой-то из боковых коридоров. Я минут двадцать его искал. Ты же знаешь, по инструкции я должен был сразу вернуться на поверхность и ждать...

Это правда, тупо подумала Татьяна. Кто только придумал эти людоедские инструкции для дайверов? «Если вы потеряли вашего бадди под водой, ищите его не более пяти минут, а затем поднимайтесь на поверхность». Конечно, авторы инструкции исходили из принципа минимализации жертв. Но ей-то от этого не легче!

— У меня уже воздух кончился, когда я его нашел, — Кольцов выпил свой коньяк, как воду, даже не поморщившись. — Он застрял в таком длинном узком кармане, там и развернуться-то было негде... Я надеялся, конечно, что Олег

еще жив. Долго не мог поверить, Танюш... совал ему свой октопус... а он, понимаешь, он уже не мог...

Голос его прервался. Он схватил бутылку и сделал большой глоток прямо из горлышка.

— Прости, Танечка, прости... Олег — он для меня был как брат... Больше, чем брат...

«Больше, чем брат, — повторила про себя Татьяна. — А ведь правда, больше. Друг, старший партнер по бизнесу, бадди... Кто тебя вывел в люди, кому ты обязан всем, что сейчас имеешь? Олегу. А что толку, если ты даже спасти его не сумел?»

— Прекрати, — сказала она неожиданно резко. — Прекрати, пожалуйста, у меня болит голова.

«Что я такое говорю? — изумилась Самойлова. — Какая голова? Олежка погиб, муж мой, любовь моя, а у меня, видите ли, голова болит! Нет, это не я, это кто-то внутри меня говорит моим голосом, это какой-то паразит, забравшийся в мое тело, как в фильме «Чужой»...»

Максима, однако, ее слова совершенно не удивили. Он часто закивал и плеснул себе еще коньяка.

— Конечно, Танечка. Ты выпей таблетку и ложись спать. Я все устрою. Сейчас свяжемся с береговой охраной, сообщим о том, что у нас случилось,ждемся их, все формальности уладим и обратно в Египет. В Дахаб не пойдем, это долго, по такой жаре... ну, ты понимаешь. Высадимся сразу на границе, там до Асуана рукой подать, а в Асуане есть международный аэропорт. Послезавтра уже будем в Москве.

— Да, — механически, как кукла, повторила Татьяна. — Послезавтра будем в Москве.

«Вы все умрете», — сказал страшный старик. Теперь она знала, что он не был умалишенным. Он точно знал, что Олег мертв. Каким образом — Татьяна понять не могла. Но он знал. И если он предрек им всем смерть на этом острове, значит, ни один из них не вернется в Москву.

Вот только говорить об этом Кольцову не нужно.

— Иди, Максим. Я побуду тут... с Оксаной.

— Как она? — спросил Кольцов. Равнодушно, как будто судьба девушки его совсем не интересовала.

— Лучше уже. Спит только все время.

— Я ей вколол димедрол с тавегилом, — сказал Максим. — Может до утра продрыхнуть.

«Что-то не так, — подумала Татьяна беспомощно. — Как-то он странно говорит, только я не понимаю, в чем эта странность... Сейчас вот сосредоточусь и пойму...»

— Я возьму «Зодиак», — Кольцов поднялся резким, энергичным движением большого хищника. От его растерянности не осталось и следа. — Не волнуйся, я скоро вернусь.

«Он слишком спокоен, — поняла вдруг Самойлова. — Он играл, когда глотал слезы и проливал коньяк... На самом деле он совершенно спокоен, вот что показалось мне странным. Он рассуждает четко, по-деловому, как будто ведет заседание совета директоров. Или как будто все уже продумал... давным-давно...»

Она замерла, пораженная внезапно мелькнувшим подозрением. Даже перестала дышать. Кольцов шел по берегу, направляясь к привязанному к пальме «Зодиак». Высокий, широкоплечий, уверенный в себе. Слишком уверенный в себе.

«Это невозможно, — кричал ее рассудок, съезживаясь под ледяным взглядом поселившегося у нее внутри Чужого, — он бы никогда так не поступил! Он всем был обязан Олегу, без Олега он — никто! И потом, они же друзья, сколько раз они погружались вместе и вместе выпутывались из разных переделок... Ты ошибаешься, Максим не мог, не мог специально оставить его там умирать!»

«А ты проверь, — насмешливо ответил рассудку голос завладевшего ее телом паразита. — Ты ведь можешь кое-что проверить, так давай, сделай это! Довольно тешить себя иллюзиями!»

Татьяна откинула крышку ноутбука. Папка «Красное море, 24 октября». Фотографии и видеоролики, сделанные Олегом сегодня с утра.

Вот они спускаются по туннелю... Камера рыщет по гладким, словно отполированным стенам, время от времени в объектив попадает сама Татьяна — ее длинные ноги, туго затянутая в синий неопрен попка... Ну конечно, ничего удивительного — Олег, снимавший ролик, плыл за ней, вот и не упустил случая лишний раз запечатлеть любимую женушку для истории...

Татьяна вскрикнула и ткнула курсором в другой видео-файл.

Это был именно тот ролик, который она искала. Кольцов, чрезвычайно гордый собой, держит на ласте чудовищную бородавчатку. Позирует перед камерой, выпячивает грудь — не аквалангист, а живая скульптура «повелитель глубин». Но вот рыба-камень делает вялое движение хвостом... из распоротого бока ее поднимается темное облачко то ли крови, то ли яда, и Максим, мгновенно потеряв всякую важность, скидывает рыбу на дно. Уродина медленно опускается к подножию кораллового куста, а Кольцов, проворно отплыв в сторону, пытается вытереть ласту о песок. Олег продолжает зачем-то держать его в объективе камеры, и Таня вдруг понимает, что движение, которым Максим вытирает ласту, на самом деле всего лишь имитация движения — между плоскостью ласты и поверхностью дна отчетливо виден разрыв в несколько сантиметров.

Она прокрутила этот ролик несколько раз, пока окончательно не убедилась в том, что Кольцов и не думал вытирать яд рыбы-камня со своей ласты. Только делал вид. А выбравшись на берег, демонстративно швырнул ласты под ноги Оксане, прекрасно зная, что она так или иначе к ним притронется. А это означало...

«Теперь у тебя достаточно информации, — вновь прозвучал в ее голове голос Чужого. — Выводы делай сама».

Некоторое время она сидела неподвижно, пытаясь привыкнуть к открывшейся ей новой, отвратительной картине мира. Полными слез глазами смотрела на нарисованный яркими, щедрыми красками пейзаж райского острова, за которым проступало что-то невыразимо страшное, бесконечно чуждое. Таня видела темно-синюю плиту моря в белых крапинках бурунов, голубое, словно затянутое прозрачной дымкой, небо над ним, полоску вскипающего прибоя у первой линии рифов, плетеные стволы пальм с гнущимися по ветру желтовато-зелеными листьями. Видела косо взлетающих над волнами чаек, похожих на оторвавшиеся от полосы прибоя бурунчики. Видела застывшую на фоне окутанного дымкой неба белоснежную красавицу яхту и спешащую к ней надувную моторную лодку, у руля которой сидел убийца ее мужа. А за всей этой фальшивой красотой она каким-то внутрен-

ним зрением видела мертвое тело с посиневшим лицом, лежащее на палубе «Хатшепсут» и небрежно прикрытое куском парусины.

14

— Зачем ты пришла? — спросил старик по-русски. Таня обомлела. Она уже смирилась с тем, что хозяин острова может предсказывать будущее, но это было уже слишком.

— Я могу говорить на любом языке. Ты еще не поняла, кто я? Я — повелитель Пунта.

Она покорно склонила голову.

— Прошу вас простить меня... Я была не права, что не верила вам. Мой муж действительно погиб в море...

Старик ничего не ответил, но что-то в его холодном, немигающем взгляде подсказало Тане, что он ждет продолжения.

— Мне кажется, это не был несчастный случай.

И снова молчание.

— Вы ведь знаете все... скажите — это Кольцов его убил? Кольцов — его деловой партнер. Я думаю, что это сделал он. Скажите мне!

— Это что-то изменит? — поинтересовался старик. — Если я скажу тебе, что твоего мужа убил его товарищ, это вернет твоего мужа к жизни? Воскреснет он в гробнице своей?

Таня закусил губу и помотала головой.

— Нет. Но я хочу знать...

— Да, — сказал старик без всякого выражения. — Твоего мужа убили. Его товарищ напал на него сзади и убил. Стало ли тебе легче?

— Зачем? — прошептала Таня. — Зачем он это сделал?

И опять хозяин острова ответил не сразу.

— Ты уверена, что хочешь это узнать?

— Уверена. Скажите мне. Скажите мне все.

Луч закатного солнца отразился от блестящего зеркала лагуны и ударил старику в лицо. Старик прикрыл глаза рукой, и на мгновение Тане показалось, что она видит струящиеся переливы серебристой чешуи.

— Из-за тебя. Товарищ твоего мужа желал тебя. Он убе-

ждал себя в том, что хочет убить своего друга, чтобы завладеть его имуществом, его деньгами, присвоить себе компанию, которая принадлежала им обоим. Но на самом деле он хотел только тебя.

— Он бы не смог, — быстро сказала Таня. — Он бы не смог прибрать к рукам компанию, потому что на самом деле она принадлежала нам троим...

— Вот именно, — усмехнулся старик. — Вам троим. Убив твоего мужа, он делал первый шаг к тому, чтобы завладеть тобой. Вам пришлось бы вместе вести дела. Понемногу он окружил бы тебя заботой. Постарался бы сделать так, чтобы ты привыкла к нему, чтобы ты не могла без него обходиться. Он знал, что, когда боль утраты станет не такой острой, ты сама согласишься...

— Нет! — крикнула Таня. — Никогда! Он никогда не сможет...

И осеклась.

Поняла, что именно так все и случилось бы. Несмотря на то, что Максим никогда не нравился ей и не питал на этот счет никаких иллюзий. У нее просто не осталось бы другого выхода. Это Кольцов рассчитал очень четко.

Несколько минут она сидела молча, глядя в одну точку. Старик неторопливо раскачивался в кресле-качалке.

— Я хочу отомстить, — сказала она наконец. — Вы сможете мне помочь?

На этот раз молчание хозяина острова едва не раздавило ее. Тянулось бесконечное ожидание. Потом старик открыл наконец свой черный, похожий на пещеру рот.

— Я помогу тебе. Но тебе придется заплатить, и цена будет велика.

— Почему? — спросила Таня, чувствуя, как отпускает ее вцепившаяся в сердце безысходность. — Почему вы не потребовали никакой платы с потерпевшего кораблекрушение? Или это просто сказка?

— Нет, — голос повелителя Пунта прозвучал холодно и твердо. — Это не сказка. Тот, которого ты называешь потерпевшим кораблекрушение, ничего не просил у меня. Он просто хотел вернуться домой.

— А я, — сказала Таня решительно, — хочу, чтобы этот

подонок попал в ад. И для этого я готова сделать все, что потребуется.

— Потребуется немного, — успокоил ее старик. — Принеси мне тело своего мужа.

15

Оксана проснулась от холода.

Пока она спала, на остров спустилась ночь, но никто не позаботился укрыть ее хотя бы полотенцем. Теперь ее бил озноб, легкий ветерок, дувший с моря, казался ледяным. Бедо все еще болело, хотя и не так невыносимо, как раньше.

— Эй, — позвала Оксана слабым, охрипшим голосом. — Эй, кто-нибудь! Попить дайте!

Горло саднило так, словно его изнутри начистили наждаком. Ужасно хотелось горячего чая с лимоном. Но никто не спешил принести ей даже простой воды.

«Куда же все подевались? — подумала девушка. Сон еще не до конца выпустил ее из своих мягких лап, в голове была какая-то вата. — Ну, мужики, наверное, в море, хотя какие сейчас погружения, вон ночь на дворе... А где же Танька? Тут ведь сидела, рядышком...»

Она со стоном приподнялась на своем матрасе, увидела опрокинутый раскладной стульчик, косо воткнувшийся в песок ноутбук и ощутила острый укол тревоги. Похоже, Татьяна убежала, бросив ее на произвол судьбы. «Что-то случилось, — решила Оксана. — И не с Танькой, а с кем-то из мужиков».

Над раскинутыми веером верхушками пальм висела серебристая, неестественно яркая луна. В ее свете покрытая пупырышками кожа девушки отливала мертвенной синевой.

«Как покойница, честное слово! — ужаснулась Оксана, пытаясь встать на ноги. Получилось это у нее только с третьей попытки. — Вот же уроды, бросили голую на берегу, а сами куда-то свалили. Тоже мне, друзья называется...»

Лагерь был пуст. Ветер с моря трепал расстегнутые клапаны палаток. Тент, под которым спала Оксана, покосился, потому что одна из опор выскочила из песка, и вот-вот готов был рухнуть. Костер, судя по холодным углям, не разводили со вчерашнего вечера. «Они меня бросили, — подумала де-

вушка. — Уплыли на хрен на своей яхте, а меня бросили здесь. Одну на острове, с этим жутким сифилитиком...»

Не успела она как следует испугаться, как увидела огни «Хатшепсут» — яхта по-прежнему стояла на якоре недалеко от берега. Да и вряд ли ее компаньоны стали бы бросать на берегу дорогие палатки и снаряжение. По крайней мере, баулы с гидрокостюмами и баллонами они точно вряд ли оставили бы.

Оксана, бормоча под нос невнятные ругательства, рылась в вещах, пытаясь найти термос — она помнила, что перед утренним погружением заваривала чай на всю компанию. Термос она так и не нашла, но откопала джинсы и кофту, которые сразу же на себя и натянула. Стало немного теплее, чаю по-прежнему хотелось. В лунном свете что-то блеснуло, и Оксана, протянув руку, вытащила из песка бутылку «Хеннеси», в которой еще плескалось на два пальца коньяку.

— Коньяк, — проговорила она жалобно, — не чай, конечно, но тоже ничего...

Она запрокинула бутылку к небу и осушила ее одним большим глотком. Закашлялась.

Что-то огромное, черное закрыло собой блестящую монету луны. Сразу стало темно, сильный порыв ветра зашумел жесткими листьями пальм.

Оксана медленно, преодолевая рвущийся из глубины души страх, повернулась. Над перистыми кронами деревьев поднималась гибкая, как гигантский хлыст, тень. Тень поднялась в зенит, замерла, раскачиваясь, затем закрутилась черной спиралью и принялась опускаться. Оксана ожидала услышать хруст ломаемых, как спички, деревьев, но все происходило в полнейшей тишине. Только когда тень исчезла окончательно, со стороны лагуны донесся слабый плеск волн.

Оксана выронила пустую бутылку и, не обращая внимания на боль в обожженном бедре, бросилась к берегу. Где-то там должна была находиться надувная лодка, на которой можно будет добраться до яхты. Пусть ее компаньоны посчитают ее трусихой, пусть даже обвинят ее в том, что она забрала лодку, бросив всех на произвол судьбы, но на этом

страшном острове она больше не останется ни на минуту. Но где же эта чертова лодка?

«Зодиак» исчез. Оксана точно помнила, что Максим привязывал его крепким канатом к кривой, похожей на изогнутую саблю пальме. Теперь там не было ни лодки, ни каната. Берег был пуст. Лагерь брошен. Оксана окончательно уверилась: пока она спала, на острове произошло что-то страшное.

«Надо уходить, — повторяла она про себя, — надо немедленно уходить!» Но как? Добираться до яхты вплавь? Днем она, пожалуй, рискнула бы, но не сейчас, не в кромешной темноте, когда можно запросто разбить голову о рифы в полосе прилива. Что же делать? А что, если надеть акваланг и попробовать пройти под водой? Если сразу уйти на глубину, волны будут не страшны... А с полным баллоном можно, пожалуй, не только до яхты доплыть, но и до суданского берега...

Но для этого нужно было возвращаться в лагерь. Снаряжение осталось там... во всяком случае, два баула она видела точно. Вернуться?

Пока Оксана раздумывала, что ей предпринять, в серебряной полосе лунного света, протянувшейся между островом и яхтой, мелькнула какая-то черная точка. «Зодиак»? Нет, не слышно тарахтения мотора, разве что кто-то идет на вслах... Тогда что же это? Оксана приподнялась на цыпочки и принялась пристально всматриваться в даль. Точек, оказывается, было две, и они приближались к острову — не так быстро, как хотелось бы девушке, но все-таки приближались. Вскоре Оксане удалось различить появляющуюся над волнами маску аквалангиста — стекло поблескивало в лунном сиянии. Но за головой плывущего к острову дайвера двигался какой-то черный вытянутый предмет. Пока Оксана безуспешно старалась понять, что это такое, пловец свернул в сторону и покинул лунную дорожку. Вместе с ним пропал из зоны видимости и загадочный предмет.

Оксана запаниковала. Таинственный аквалангист явно не собирался выходить на берег там, где она его ждала. Судя по всему, он решил обогнуть остров с запада. Идти к нему навстречу? Но кто знает, что творится там, на обратной стороне острова, куда Оксана не удосужилась заглянуть и при свете дня? Это Татьяна, неугомная душа, успела облазить

весь остров, а Оксана, как порядочная, все время сидела в лагере с ракетницей на коленях...

Мысль о ракетнице неожиданно придала ей мужества. Ну конечно, как же она могла забыть! Сейчас она вернется в лагерь, отыщет ракетницу — какое-никакое, но оружие! — и отправится на поиски аквалангиста. А если не найдет, то по крайней мере сумеет подать сигнал на «Хатшепсут».

Ракетница лежала там, где она ее и оставила, — на пластиковом контейнере с грузовыми поясами, в их с Максимом палатке. Оксана припомнила инструкции Кольцова, проверила, заряжен ли пистолет, и, держа его перед собой, осторожно двинулась вдоль берега.

Песчаная полоска пляжа, по которой она шла, оказалась усеяна осколками кораллов, острыми раковинами и какими-то шипастыми шариками, которые искололи ей все пятки. С каждым шагом Оксана все больше жалела, что не задержалась в лагере еще на пару минут, чтобы найти фонарик. «А умная девочка к тому же надела бы нормальную обувь, а не таскалась бы по острову в дурацких вьетнамках», — мысленно обругала она себя. В следующую секунду она услышала впереди какой-то звук и резко остановилась.

За небольшой пальмовой рощицей, спускающейся почти к самой полосе прибоя, что-то двигалось. Оксана слышала чье-то прерывистое дыхание, шорох песка, невнятное бормотание — кто-то волок по песку что-то тяжелое, часто останавливаясь, ругаясь вполголоса, кашляя и отплевываясь. Почему-то эти звуки ужасно напугали Оксану — ей представилось, что там, за пальмами, ворочается какое-то огромное животное, что-то вроде медведя, хотя откуда взяться медведю на коралловом острове? Захотелось повернуться и бежать куда глаза глядят, но тут до Оксаны внезапно дошло, что голос, который она слышит, принадлежит женщине. Это открытие сразу успокоило ее. Сжимая обеими руками ракетницу, она решительно пересекла рощу и вышла на залитую луной прогалину.

Она увидела тонкую, гибкую фигуру, в которую вцепилась какая-то темная, бесформенная туша. В первое мгновение Оксане показалось, что туша тянет свою жертву к морю, и только увидев глубокую борозду, проложенную в мокром песке, она поняла, что все обстоит как раз наоборот: облада-

тельница стройной фигуры изо всех сил пыталась оттащить свою ношу в глубь острова.

— Тая? — неуверенно произнесла девушка. Фигура выпрямилась, темная туша безжизненно сползла к ее ногам.

— А, это ты, — казалось, Татьяна совсем не удивлена. — Очень вовремя. Помоги мне, пожалуйста, а то я одна не справлюсь.

Оксана осторожно приблизилась, по-прежнему держа пистолет на изготовку. Вгляделась в то, что черной грудой лежало у ног Татьяны, и едва сдержалась, чтобы не закрыть.

— Это Олег, — сказала Татьяна ровным голосом. — Он умер.

— Меня сейчас стошнит, — проговорила Оксана, стараясь не смотреть на распухшее, синее лицо Самойлова. — За чем ты его туда тащишь?

— Так надо. И ты мне сейчас поможешь.

— Я не могу, — прошептала Оксана. — Я боюсь мертвцов... Танечка, пожалуйста, не надо...

— Закинь его руку себе на шею, — скомандовала Татьяна, не обращая внимания на ее бормотание. — Стой, погоди, я сама. Не дергайся, стой спокойно. Да не дрожи так! Все, потащили. Видишь, вдвоем гораздо легче...

16

Максим сидел в каюте Саид-бей и ждал, пока тот закончит составлять протокол несчастного случая. Квалификация Саид-бей могла вызвать сомнения у любого нормального человека, но формально капитан считался руководителем сафари, а значит, составление юридических документов лежало именно на нем.

Писал Саид-бей по-арабски, время от времени зачитывая Кольцову отдельные абзацы и переводя их на английский. Максим записывал английский текст на отдельном листе бумаги, так что в итоге должно было получиться два протокола.

— Нарушив инструкцию, мистер Самойлов удалился от своего партнера, — переводил Саид-бей. — Он заплыл в опасное место, где получил повреждение шланга своего дыхательного аппарата... Вы записали?

— «Опасное место» — очень расплывчатый термин, — заметил Максим. — Я нашел его в расщелине, где было полно острых камней. Один из этих камней разорвал ему шланг. Это нужно обязательно отметить.

— Хорошо, — не стал спорить Саид-бей и что-то исправил в своей бумажке. — Так... получил повреждение шланга своего дыхательного аппарата... По неизвестным причинам — в скобках — по-видимому, находясь в состоянии стресса — мистер Самойлов не воспользовался своим пони-баллоном, хотя тот был в полном порядке...

Все оказалось даже проще, чем предполагал Максим. Капитан нес ответственность за безопасность участников сафари, поэтому протокол в любом случае был бы составлен так, чтобы возложить всю вину на самого погибшего. А суданская береговая охрана, с которой удалось связаться только с третьей попытки, наотрез отказалась высылать к острову катер, потребовав, чтобы «Хатшепсут» сама шла в ближайший порт.

«И зачем только я так заморачивался? — лениво подумал Кольцов. — Какое, к чертям, расследование? Никому ничего не надо... Но все-таки я молодец. Получилось у меня идеальное убийство!»

Однако прежнего возбуждения он от этой мысли не почувствовал. Восторг первых минут прошел, на душе было тяжело, как в душной и прокуренной комнате.

Кто-то с силой забарабанил в дверь каюты. Саид-бей недовольно отложил ручку, кряхтя, поднялся и откинул задвижку замка. На пороге стоял один из матросов — тот самый Ахметка, который ходил хвостом за Оксаной. Лицо у него было белое, как бронза.

Он что-то быстро залопотал по-арабски. Саид-бей задышал с присвистом, побагровел и вдруг громко гаркнул на Ахметку так, что того вынесло в коридор. Потом повернулся к Максиму и, запинаясь, проговорил:

— Матрос говорит, мистер Самойлов пропал...

Кольцову показалось, что он ослышался.

— Что значит — пропал? Он же мертвый!

На Саид-бея было жалко смотреть. Он стал совсем красным, на лбу его выступили крупные капли пота.

— Тело, — пробормотал он, подыскивая подходящее английское слово, — труп... труп мистера Самойлова пропал...

Кольцов выскочил из каюты и бросился на палубу. Кусок парусины, под которым все это время лежало тело Олега, был небрежно отброшен к фальшборту. Свет фонаря, раскачивавшегося на мачте, скользил по темному пятну на досках палубы — гидрокостюм с Самойлова снимать не стали, и воды под ним натекло изрядно. «И осталось от него одно мокрое место, — подумал Максим, — вот уж действительно...»

Куда делся труп, он понял почти сразу: достаточно было посветить фонарем, чтобы увидеть тянущийся к корме мокрый след. Кто-то отволол тело на корму и скинул его в воду. Вопрос только — зачем?

— Соберите команду, — приказал он Саид-бею. — Обыщите «Хатшепсут» — всю, до последнего закоулка. И выясните: может быть, это кто-то из ваших бездельников выкинул труп за борт. А я возьму «Зодиак» и обойду вокруг яхты. Утонуть он не мог, значит, болтается где-то поблизости.

Неприятности, однако, на этом не закончились. «Зодиак», принайтованный к борту «Хатшепсут» канатом, напомнил скомканную грудку тряпья. Кто-то проколол его боковые секции ножом, и теперь тяжелый мотор «Ямаха» полностью ушел в воду, борта лодки сдулись, и над волнами торчал только ее вздернутый нос.

Кольцов заскрипел зубами. Тот, кто похитил труп Самойлова, действовал по хорошо продуманному плану. А это означало...

... Что у него появился враг. Враг, который, возможно, догадывается о том, что Самойлов погиб не случайно. Правда, для чего врагу понадобилось тело Олега, Кольцов все равно не понимал. И это было хуже всего.

«Нужно уходить, — сказал себе Максим. — Нужно срочно забирать Таню и эту дуру Оксанку и уходить в ближайший суданский порт. Вот только как теперь эвакуировать лагерь без «Зодиака»?»

На яхте была еще маленькая, так называемая «капитанская» шлюпка, рассчитанная на двоих человек. Именно на ней Максима доставили на остров после того, как он поднялся на поверхность с телом Самойлова поблизости от «Хатшепсут». Правда, матрос, который отвез Кольцова на остров,

наотрез отказался подходить к самому берегу и рванул обратно к яхте сразу же, как только Максим, матерясь, прыгнул со шлюпки в воду. Чертовы египтяне суеверны, словно бабы! Все члены команды, включая Саид-бей, боялись острова, как чумы.

Капитанскую шлюпку Саид-бей отдавать не хотел. Ругался, брызгал слюной, жаловался, что русские принесли ему столько несчастий, сколько у него не было за всю жизнь. Остров проклят, кричал он, наливаясь дурной кровью и заходясь астматическим кашлем, к нему вообще нельзя было приближаться, а глупые русские ступили на его землю и навлекли на свою голову страшные кары... Он уже потерял «Зодиак», а ведь он стоит целое состояние! (Про то, что лодка была застрахована, Саид-бей, разумеется, не вспомнил.) Теперь у него хотят отобрать и шлюпку! Немыслимая наглость!

Перекричать капитана было нереально. Кольцов достал бумажник и начал выкладывать перед Саид-беем двадцатидолларовые банкноты. На десятой банкноте капитан несколько поугих, на двадцатой — замолчал совсем. Капитанскую шлюпку Кольцов получил в свое распоряжение за пятьсот долларов. Ему показалось, что Саид-бей включил в эту сумму и стоимость самой шлюпки — видимо, назад получить ее уже не рассчитывал.

Сопровождать его, разумеется, никто не захотел. Спустили шлюпку на воду — и на том спасибо. Берясь за весла, Кольцов остро пожалел о том, что из оружия при нем только подводный нож. В лагере, правда, лежит зачехленное гарпунное ружье, купленное на черном рынке в Дахабе. Но до него еще нужно добраться...

Он греб к острову, уверенный в том, что его таинственный враг ждет его там.

Тащить Самойлова пришлось не так уж и далеко, хотя Оксане этот путь показался бесконечным. Мертвое тело было просто нереально тяжелым, как хрупкая Таня смогла вытянуть его из воды, оставалось загадкой. Впрочем, Оксане было не до загадок. Ее трясло от страха, кофта, соприкасав-

шаяся с гидрокостюмом Олега, моментально промокла и прилипла к коже. «А что, если это кровь? — пугала себя Оксана. — Вдруг я уже вся в его крови перемазалась...»

Ей ужасно хотелось бросить труп и бежать куда глаза глядят, но она не могла. Стыдно было в этом признаваться, но она боялась Татьяну. В Самойловой что-то изменилось, как будто лопнула целлофановая кукла, и из разошедшейся оболочки выглянула совершенно другая женщина. И эта женщина имела над Оксаной какую-то загадочную власть.

Они проломились через какие-то кусты, оцарапавшие Оксане лицо и руки, и вышли к центральной лагуне. В неподвижной воде отражался круглый серебряный глаз луны. Неподалеку, метрах в тридцати, чернела под пальмами жалкая лачуга старика, похожая на собранный из подручных материалов ангар для лодки.

— Нам нужно отнести его туда, — сказала Татьяна, показывая на хижину. Сказала так буднично, словно отдавала распоряжение приготовить обед.

— Я не хочу, — пролепетала Оксана. — Там этот ужасный старик...

— Он не ужасный, — ответила Татьяна. — И не старик. И его там нет.

«Откуда ты знаешь?» — хотела спросить Оксана, но не смогла заставить себя открыть рот. Говорить с этой новой Татьяной было еще страшнее, чем тащить труп. Она знала что-то такое, чего Оксана предпочла бы не знать никогда в жизни.

Они немножко передохнули, снова подхватили мертвого Олега под мышки и потащили его к лачуге старика. Когда до хижины оставалось шагов пятнадцать, Оксана заметила, что в ней горит свет.

Нет, «горит» — это не то слово. Мертвенное, синеватое свечение едва сочилось из щелей лачуги, как будто там, внутри, на последнем издыхании работала кварцевая лампа. Песок, на который попадали отблески этого странного света, казался черным.

Оксана почувствовала, как у нее подгибаются колени. Ей представилось, как синий свет падает ей на лицо и оно на глазах чернеет, превращаясь в обугленную маску. Она от-

пустила руку мертвеца и рухнула на землю, всхлипывая и размазывая по щекам слезы.

— Не пойду дальше! — бессвязно бормотала она, молотя кулачками по песку. — Не пойду! Отпусти меня, Танечка, пожалуйста! Там ужас какой-то, я не хочу, не хочу туда идти!

Небрежно заткнутая за пояс ракетница вывалилась на песок, но Оксана этого не заметила. Ей хотелось только одного: чтобы ее оставили в покое. Она понимала, что если Татьяна сейчас скажет: «Хватит реветь, тряпка, вставай!», ей придется вставать и тащить труп дальше. К счастью, Татьяне, видно, надоели ее истерики.

— Как хочешь, — равнодушно отозвалась она. — Сама справлюсь.

Самойлова закинула обе руки трупа себе на шею и, покачиваясь под его тяжестью, побрела к хижине. Оксана, глотая слезы и сопли, смотрела ей вслед.

Она видела, как Татьяна свалила свою жуткую ношу на землю у самой двери лачуги. Как встала на колени перед этой дверью и несколько раз поклонилась ей — низко-низко. Смотреть на это было очень страшно, но заставить себя отвернуться Оксана не могла.

Потом дверь открылась, и на лоснящийся неопреновый костюм Татьяны упал отблеск синего света. У порога хижины произошло какое-то движение — Оксане показалось, что Самойлова заталкивает труп мужа в открывшуюся дверь. Мелькнуло что-то черное, похожее на шланг регулятора. В следующую секунду синий свет потускнел, дверь закрылась. Стало очень тихо. Оксана слышала, как вода в лагуне с едва различимым шелестом трется о берег.

Она стояла на четвереньках, глядя на слегка подсвеченный синим силуэт лачуги. Нужно было уходить, как можно скорее, пока не случилось что-то совсем уже кошмарное, что вот-вот — она чувствовала это — должно было случиться на этом острове. Уходить, убежать, добираться вплавь до яхты, умолять капитана скорее сниматься с якоря и возвращаться в Египет. Но она не могла даже пошевелиться.

«Божечка, — тихо скулила про себя Оксана, — божечка мой родненький, я плохая девочка, я знаю... Я в тебя не верила, родителей не слушала, уехала в эту чертову Москву, век бы ее не видать... Как будто дома плохо, ой, божечка, какая

ж я глупая! Но я правда больше не буду, я все эти глупости брошу, замуж выйду, ребеночка рожу... В церковь ходить буду хоть каждый день! Только, божечка, пожалуйста, сделай так, чтоб я жива осталась... Я так боюсь, так боюсь... Пожа-лей же меня, я ж тут совсем одна, на этом острове...»

Слезы стекали по ее щекам и падали на песок.

Слезы мешали ей видеть, застилали глаза пеленой. Потом Оксана услышала скрип старых досок, скрежет жести — и поняла, что дверь отворилась снова.

— Пойдем, — сказал в недосягаемой вышине голос Татьяны. — Вытри слезы и вставай. Он ждет тебя.

18

Провести лодку через рифы ночью оказалось чертовски сложным делом, но Кольцов справился. Причалил он в сотне метров от лагеря — на всякий случай. Он вытащил шлюпку на песок и забросал ее пальмовыми листьями. История с «Зодиаком» его многому научила.

Фонарь он включать не стал — луна давала достаточно света, чтобы без особого шума приблизиться к лагерю. Максим крался между пальмами, сжимая в руке нож и чувствуя себя совершенным идиотом. Кем бы ни был его загадочный противник, одну победу ему уже удалось одержать — он сломал четко выверенный сценарий Кольцова, превратил его из респектабельного туриста в какого-то нелепого диверсанта, вынужденного играть в казаки-разбойники. От кого он прячется на острове, где, кроме него и девчонок, живет только сумасшедший старик? От этого старика? Максим ни на минуту не допускал мысли, что у древней развалины хватит сил, чтобы доплыть до яхты, украсть труп Самойлова и напоследок дюжину раз продырявить «Зодиак». Но почему он так уверен, что старик живет на острове один? Он что, обошел весь этот дурацкий атолл? Да и хибара старика, если хо-рошенько подумать, с самого начала показалась ему непропорционально длинной для одного человека. Низкой, да, но очень длинной...

К тому моменту, когда Максим добрался до лагеря, он был практически уверен, что имеет дело с человеком, кото-рый все это время скрывался в хижине у лагуны. Новая игра

обретала хоть какой-то смысл: теперь Кольцову противостоял уже не бесплотный «призрак острова», а вполне реальный араб, Мустафа или Ибрагим, скрывавшийся здесь от суданских властей. Вот только для чего ему понадобился труп Самойлова?

Выходить на открытое место Кольцов не решился. Он тенью скользнул за свою палатку и осторожно, чтобы не производить лишнего шума, вспорол ножом прочную ткань. Жаль, конечно, вещь дорогая, но жизнь дороже. Отогнув разрезанный кусок, заглянул внутрь — палатка была пуста. Максим ужом заполз внутрь, встал на четвереньки и осмотрелся. Вещи вроде бы пребывали в относительном порядке, то есть в беспорядке, конечно, но таком, который не наводит на мысли об обыске или визите стаи обезьян. Кольцов зачем-то потрогал матрас Оксаны, покрутил в руках брошенное у изголовья зеркальце. Похоже, девушка в палатку не возвращалась.

Контейнер, в котором лежало гарпунное ружье, был на месте. Кольцов откинул крышку, вытащил тяжелый сверток, расчехлил оружие. Руки почти не дрожали. Зарядил ружье двухсотграммовым трезубцем, взвел пружину и поставил на предохранитель. Почувствовал, как успокаивается зачастившее было сердце.

«Ну, — мысленно сказал он невидимому противнику, — вот теперь поиграем...»

Покинул он палатку так же, как и вошел в нее, — ползком через проделанное в задней стенке отверстие. Уверенность уверенностью, а осторожность еще никому не вредила. К тому же гарпунное ружье — не автомат, очередь из него не дашь. В крайнем случае можно врезать по черепу...

Он обошел пляж по большой дуге, стараясь держаться в тени пальм. Убедился, что в лагере действительно никого нет, и только после этого рискнул подойти к покосившемуся тенту, под которым несколько часов назад оставил убитую горем Таню и спящую Оксану.

Если где и похозяйничала стая взбесившихся обезьян, то как раз под тентом. Все здесь было перевернуто вверх дном, раскрытый ноутбук валялся в песке, на экране застыл поставленный на паузу кадр утреннего видеоролика. Матрас, на котором спала Оксана, был отброшен почти к погасшему

костру, аптечка перевернута, лекарства раскиданы в радиусе двух метров. Валялась пустая бутылка из-под «Хеннеси» — а ведь Максим четко помнил, что не допил коньяк. Впрочем, это как раз могли сделать и сами девушки. Напились и устроили пьяный дебош? Кольцов скептически хмыкнул. Нет, похоже, здесь тоже побывал его таинственный враг. И хорошо, если девушкам удалось убежать...

При мысли о том, что Таня могла попасть в лапы какому-нибудь арабскому хмырю, у Максима противно засосало под ложечкой. Таня, такая гордая, такая неприступная... Все эти годы она хранила верность своему обожаемому мужу, своему Олежке, — это Кольцов знал точно, этот вопрос выясняли для него в Москве серьезные люди, привыкшие отвечать за свои слова. И Олега Кольцов заранее готов был ей простить — в конце концов, Олег уже заплатил ему ужасом своих последних секунд за все те годы, что Татьяна провела рядом с ним. Но представить, что его Таню насилует грязный араб, было выше его сил. Все равно что выиграть Самый Главный Приз на Самых Главных Соревнованиях и смотреть, как блестящий золотой кубок затаптывает в вонючую грязь толпа пьяных гогочущих уродов.

«Надо идти к хижине, — сказал он себе. — Таня, скорее всего, там, а если нет, надо брать старого мухомора за шиворот и вытряхивать из него всю правду».

Он уловил сзади какое-то движение, резко развернулся — и никого не увидел. Вроде бы что-то светлое мелькнуло между стволами пальм. Птица? Какой-нибудь зверек вроде лемура? Чушь, откуда здесь лемуры... Сердце колотилось, как будто Максим только что пробежал пятикилометровый кросс. Светлое пятно мелькнуло снова, на этот раз уже дальше. Это человек, понял вдруг Кольцов. Голый человек...

Он пригнулся и побежал вслед за удаляющимся светлым силуэтом.

Максим и забыл, каким, в сущности, маленьким был их коралловый остров. Он проскочил пальмовую рощу и вылетел на берег лагуны. Луна заливала пляж своим холодным сиянием, и холодным серебром светилась обнаженная кожа стоявшей на берегу девушки.

— Оксана? — проговорил Кольцов хрипло. — Оксана, девочка, что с тобой?

Девушка повернулась и посмотрела ему в глаза. Взгляд ее Максиму не понравился. Он уже видел однажды у нее такой взгляд — когда увозил Оксану из ночного клуба, где она слегка перебрала экстази.

— Со мной? — переспросила она непонимающе. — Со мной все в порядке, милый.

«Бред какой-то, — подумал Максим. — Неужели они действительно напились с горя и затеяли какие-нибудь русалочьи игрища?»

— Почему ты голая? Простудишься, холодно же! И где Татьяна?

— Простужусь? — Оксана улыбнулась, блеснув красивыми крепкими зубами. — Нет, милый, не беспокойся. Мне это не грозит.

Она вскинула руки, словно хотела снять с неба луну и бросить ее в лагуну. Двинулась навстречу Максиму, зазывно покачивая бедрами.

«Нализалась какой-нибудь гадости, — брезгливо подумал Кольцов. — Или нашла в аптечке таблетки... Закинулась и бегаешь теперь голая по острову...»

— Где Татьяна? — повторил он, повысив голос. — Ты ее видела?

Оксана рассмеялась и подошла к нему совсем близко. Стояла в двух шагах, дразня своей наготой, холодная и прекрасная.

— Видела, милый. С ней все хорошо. Пойдем купаться, а? Пойдем! Вода такая теплая...

Максим не шелохнулся, и тогда она положила руки ему на плечи. Руки у нее были ледяные.

— Ты совсем замерзла, — сказал он, стараясь говорить медленно и внятно, как разговаривают с пьяными или сумасшедшими. — Тебе нужно немедленно одеться и выпить чего-нибудь согревающего. Но прежде скажи мне, где Татьяна.

— А зачем она тебе, милый? Может быть, ты любишь ее больше, чем меня? А? Может быть, ты вообще приплыл на этот остров только ради нее? Я ведь права, Максим?

— Не мели чепухи, — Кольцов попытался отстраниться, но Оксана держала его крепко. — Я приехал за вами обеими. Мы плывем в Египет, немедленно. У меня нет времени на эти дурацкие выяснения отношений...

— Они совсем не дурачкие! — обиделась Оксана. — Я ведь правда думала, что ты меня любишь. Замуж за тебя хотела, хотя и знала, что ты на мне никогда не женишься. Но надеялась, знаешь, как надеялась!

Она прижалась к нему всем телом, обвила руками, ткнулась ледяными губами в ухо, торопливо зашептала:

— И все тебе прощала, даже то, что ты все это время любил Татьяну. Думаешь, не видела? Глупыш! Да я бы все тебе простила, только бы быть с тобой. А вот рыбу эту — извини, не прощу.

— Какую рыбу? — тупо спросил Кольцов и вдруг почувствовал боль. Словно дюжина раскаленных игл вонзилась ему в правую ногу. Он дернулся, взглянул вниз — и замер от ужаса и отвращения.

На бедре Оксаны багровым клеймом проступал давешний ожог. Нет, не просто ожог — там, где минуту назад была чистая, отшлифованная лунным серебром кожа, вспухали страшные волдыри, раскрывались кровоточащие язвы, лопались мерзкие гнойники. Сочившаяся из них сукровица, как кислота, прожгла его джинсы там, где они соприкасались с ногой девушки, и теперь разъедала его плоть.

— Мне тоже было больно, — доверительно шепнула ему Оксана. — Очень больно было, милый.

Кольцов рванулся, пытаясь освободиться, — безуспешно. Девушка будто приклеилась к нему, ее руки сомкнулись у него за спиной стальным капканом. Боль в ноге с каждой секундой становилась все невыносимей. Максим взвыл и изо всех сил ударил Оксану головой в лицо.

Хрустнула кость. Из носа Оксаны хлынула темная кровь, и девушка отпрянула, на мгновенье ослабив хватку. Кольцов оттолкнул ее и, прихрамывая, бросился бежать.

Добежав до лагуны, он обернулся. Оксана, всхлипывая, ползала по песку и в драку явно больше не рвалась. «Так тебе и надо, сука, — подумал Максим со злостью, — Скажи спасибо, что вообще не убил...»

Он вытащил нож и располосовал правую штанину от лодыжки до середины бедра. Нога выглядела так, будто на нее плеснули крутым кипятком.

— Ах ты, тварь, — растерянно пробормотал он, — как же ты меня так, а?

Вместо ответа Кольцов услышал громкий металлический щелчок. На этот раз боль пронзила левую ногу. Он закричал и, покачнувшись, упал на колени.

Из левой ноги Максима торчал металлический стержень — тот самый двухсотграммовый трезубец, которым он собственноручно зарядил гарпунное ружье. Ружье он, видимо, выронил, когда боролся с Оксаной. Вот что она искала, ползая на четвереньках!

Хитрая сука!

Кольцов попытался встать и не смог. Попытался вырвать трезубец из бедра — и чуть не потерял сознание от боли. В конце концов он пополз по песку, опираясь на руки и то и дело заваливаясь на правый бок, словно искалеченный рак-отшельник. Оксана приближалась к нему, сжимая в руках разряженное ружье.

«Она же с ума сошла, как я сразу не понял! — подумал Максим. — Сейчас забьет меня этим ружьем насмерть...»

Он полз по берегу, не замечая, что движется по направлению к хижине старика. Оксана медленно шла за ним, словно наслаждаясь его унижением и страхом. Лицо ее, залитое кровью, напоминало маску жестокой богини мщениа.

— Ксана, — прохрипел Кольцов, чувствуя, что силы оставляют его. — Ксана, девочка, я прошу тебя! Мы же не чужие друг другу люди! Давай прекратим все это безумие, ну пожалуйста! Я люблю тебя, девочка! Хочешь замуж — прекрасно. Вернемся в Москву и сразу же идем в ЗАГС. Я знаю, ты всегда хотела венчаться — мы повенчаемся. Полетим в свадебное путешествие на Сейшелы, в отель, где можно трахаться прямо над волнами... Только прошу тебя, брось это ружье и помоги мне. Я все для тебя сделаю, обещаю...

Он продолжал бормотать бессмысленные слова, а сам все отползал и отползал от надвигающейся на него обнаженной, окровавленной богини, пока не наткнулся спиной на что-то твердое, наполовину закопанное в песок. Камень? Нет, вроде бы металл. Кольцов со стоном повалился на бок, попытался дотянуться до твердого предмета. Пальцы сомкнулись на пластиковой рукоятке, нащупали металлическую скобу, спусковой крючок...

Ракетница.

«Благодарю тебя, господи!»

Времени на раздумья не оставалось. Оксана была уже в пяти шагах, уже поднимала ружье, чтобы ударить. Молясь, чтобы пистолет был заряжен, Кольцов выбросил вперед руку с ракетницей и потянул тугой крючок на себя.

Перед глазами у него вспыхнул огненный цветок. Ракета, шипя, прочертила короткую сверкающую дугу и ударила Оксану в живот.

Девушка закричала.

Кольцов, приподнявшись на локтях, смотрел, как она зажимает руками расплзающееся по животу темное пятно. Богиня мщения в одно мгновение превратилась в маленькую, смертельно напуганную девочку.

Смертельно, подумал Максим. Ключевое слово — смертельно.

Он смотрел, как его бывшая подруга корчится на песке, и не испытывал ничего, кроме холодного любопытства естествоиспытателя. Как выглядит смерть под водой, он уже видел. Теперь пришла пора посмотреть, как выглядит смерть на суше...

— Ты убил ее, — произнес чей-то голос у него за спиной. — Зачем ты убил ее, Максим?

Кольцов вывернул шею так, что хрустнули позвонки. Оказывается, он почти дополз до уродливой лачуги сумасшедшего старика — до нее оставалось от силы пятнадцать шагов. А на полпути между ним и хижинкой стояла Татьяна.

Она тоже была совершенно обнаженной. И выглядела куда соблазнительнее, чем Оксана. Но Максиму сейчас было не до эротических переживаний.

— Я защищался, — прохрипел он. — Видишь гарпун? Она стреляла в меня. Хотела убить...

— Хотела? — усмехнулась Самойлова, и Кольцов вдруг подумал, что если она дотронется до него, то ее руки будут такими же ледяными, как и у Оксаны. — Но убил ее ты. Как и моего мужа, да, Максим?

— Нет! — взвизгнул Кольцов. — Я не убивал Олега! Это был несчастный случай! Несчастный случай, понимаешь?

Татьяна подошла ближе и присела рядом с ним на корточки. Прямо перед собой Максим видел ее крепкие маленькие груди с выпуклыми коричневыми сосками. Кожа ее отливала голубым и казалась почти прозрачной.

— Ты ударил его в спину, — сказала она спокойно. — Олег всегда опасался, что ты сумеешь оказаться у него за спиной. Поэтому всегда шел вторым. Но ты перехитрил его.

Кольцову показалось, что в голосе ее промелькнуло что-то вроде уважения. Внезапно он понял, что врать больше не имеет смысла. Что все, что он сейчас может ей сказать, не будет иметь никакого значения. Все, кроме...

— Танечка, — задыхаясь от волнения, проговорил он, — Танечка, я люблю тебя. Я сделал это ради тебя. Я не мог выносить этого унижения, пойми! Он жил с тобой, спал с тобой, он сделал из тебя икону и молился на тебя... А какое он имел право? Ведь ты же для меня предназначена, ты же моя судьба, я люблю тебя, Танечка...

Татьяна негромко засмеялась.

— Пять минут назад ты признавался в любви Оксане. А потом застрелил ее.

Она снисходительно потрепала его по щеке и выпрямилась во весь рост.

— Может, ты и меня застрелишь, а, Макс? У тебя в ракетнице как раз остался один патрон.

Кольцова будто хлестнули по лицу мокрой тряпкой. Он приподнялся на локтях и швырнул пистолет прямо ей под ноги.

— Таня! Да как ты могла подумать! Я — тебя? Да я ради тебя весь мир на колени поставлю! Вот увидишь, это не просто слова. У тебя будет все, все, понимаешь? То, что тебе давал Олег, — пыль по сравнению с тем, что дам тебе я! Только будь со мной, Танечка! Я никогда никого не любил, кроме тебя!

— Как трогательно, — сказала Татьяна, поднимая ракетницу. — А я никогда не любила никого, кроме своего мужа. — Она направила пистолет на Максима и улыбнулась. — Если ты думаешь, что я не смогу выстрелить в тебя, ублюдок, то сильно ошибаешься. Я сделаю это с удовольствием. Но, поскольку ты так красиво говорил здесь о своих чувствах, то я, пожалуй, дам тебе шанс.

— Шанс? — растерянно переспросил Максим. Он не мог поверить, что так ошибся в этой женщине. Как ему могло показаться, что она на его стороне? Что она разгадала его за-

мысел, но не осуждает его, а даже в некоторой степени гордится им?

— Если ты сумеешь переплыть лагуну, я обещаю оставить тебе жизнь. Не буду преследовать тебя, не сдам тебя полиции. Живи, если сможешь. Но сначала ты должен переплыть лагуну.

— Я ранен, — быстро сказал Кольцов. — Как я поплыву с такой железкой в ноге?

Ствол ракетницы уперся ему в переносицу.

— А вот это меня уже не волнует. Ставки сделаны, как говорят в Лас-Вегасе. Ну же, я жду!

Максим неловко развернулся и пополз к воде. Правую ногу как будто поджаривали на адской сковородке, левую сводило судорогой каждый раз, когда торчавший из нее гарпун задевал за камень или втыкался в песок. «Ничего, — думал он, стараясь не закричать от боли, — я переплыть эту чертову лагуну. На одних руках переплыть. Подумаешь, гарпун...»

Оказалось, однако, что он недооценил все коварство Татьянинного замысла. Дно лагуны у самого берега состояло сплошь из острых, как бритва, кораллов и скользких камней. Руки Максима превратились в изрезанные и кровоточащие куски мяса, прежде чем он добрался до настоящей глубины.

Когда дно под ногами Кольцова наконец провалилось вниз, он сделал глубокий вдох и перевернулся на спину, едва сдерживаясь, чтобы не завывать от боли. Черный купол южного неба висел над ним, отражаясь в водах лагуны россыпью крупных звезд.

До берега было метров двадцать. «Спасен, — подумал Максим. — Даже если она сейчас выстрелит в меня, то наверняка не попадет».

Мысль эта не принесла ему никакой радости. Все, что происходило с ним в последние полчаса, казалось кошмарным сном, и единственным желанием Максима было поскорее проснуться.

Что-то с силой потянуло его вниз. Он глотнул соленой воды, вынырнул, отплеываясь, забил руками по неподвижному зеркалу лагуны.

И снова ушел под воду.

Максим был хорошим пловцом и неплохим ныряльщиком. Перед тем как уйти на глубину, он успел как следует

вдохнуть воздуха. Его тренированным легким этого должно было хватить минуты на полторы.

Сначала он ничего не увидел — подымавшаяся со дна илистая муть клубилась вокруг, словно дымовая завеса. Он чувствовал, что кто-то, вцепившийся сзади в пояс его джинсов, тянет его все глубже и глубже. Пытался извернуться, чтобы схватиться с невидимым врагом врукопашную, и не мог.

А потом хватка ослабла, и Максим все-таки повернулся к своему противнику.

У него за спиной скалился Олег. У Олега было посиневшее, раздувшееся лицо и мертвые, лишённые всякого выражения глаза.

Но он улыбался.

19

Старик сидит в своем кресле, скрипучем и древнем, отхлебывает из банки дрянное американское пиво и смотрит на воды лагуны. Он сидит так много, много дней. Так много, что уже не помнит, сколько их было. Не помнит, менялся ли узор созвездий над островом. Приплывали ли на остров корабли с изящными изогнутыми носами, с грузом мирры, золота и черных жемчужин, которые порой снятся ему в красочных снах.

Он не помнит, как его зовут. Он — повелитель Пунта, и этот ничего не значащий уже много тысяч лет титул заменяет ему имя.

Боги стареют, вот печальная истина, которую открывают для себя все бессмертные на этой земле. Боги становятся дряхлыми и забывчивыми. Они перестают вмешиваться в судьбы людей, предоставляя их самим себе. Когда-то старику казалось забавным играть с людьми, искажая или выпрямляя линии их судеб. Это время прошло. Теперь он устал и потерял интерес к играм. Если людям хочется играть, он не мешает им — только и всего.

Люди раз за разом приходят на остров, будто надеются найти здесь скрытые сокровища. Ведь его остров — это остров Ка, и не существует того, чего не было бы внутри его. «Наполнен он вещами всякими прекрасными», — говорил он

когда-то египетскому мореходу, и это была правда. Но не вся.

Не существует того, чего не было бы внутри его. Все, что находит свое отражение в душе человека, есть и на острове. В этом — вторая, ужасная часть правды острова Ка.

Старик смотрит на сонную гладь лагуны и грезит о кораблях с парусами, золотыми, как восходящее солнце.

Автор выражает глубокую признательность своему инструктору Ахмаду Мохаммеду из Макади-Бей — за профессиональную подготовку, своему другу Владимиру Смирнову — за своевременные консультации и ценные советы, а также своему бадди Кэтрин — за резервный источник воздуха.

ВРАЖДА

Leicht aufzuritzen ist das Reich der Geister;¹
Sie liegen wartend unter dünner Decke
Und, leise hörend, stürmen sie herauf.

Schiller

Царство духов где-то рядом — только
руку протяни;
Под тончайшим покрывалом притаились
они,
Но внезапно, словно буря, налетают,
атакуя.

Шиллер

«Одеоне» мсье Оффенбах дирижировал представлением «Прекрасной Елены», услаждая цвет маэзской публики своим волшебным мастерством. А как его встречали! Редкий индийский раджа столь величаво и торжественно возвращается с охоты на тигров — море живых цветов на вокзале, духовой оркестр кадетов мореходной школы! Целая процессия кабриолетов и колясок сопровождала маэстро до гостиницы.

О, в Маэне умеют принимать высоких гостей. И гонорары здесь солидные. Королевский золотой талер уважаем всюду, куда доплыли корабли цивилизованных наций и куда долетели снаряды их орудий, посланные меткими бестрепетными комендорами. Говорят, что дирекция «Одеона» намерена пригласить божественную Аделину Патти, а может быть, самого синьора Верди для постановки «Травиаты». Через год здесь зазвучит сопрано виртуозной итальянки, и мы увидим ее в роли Виолетты! или Верди покажет нам «Аиду»?.. от предвкушения захватывает дух. Пока утешимся парижской опереттой и веселенькими водевильчиками Поль де Кока.

Гертье через театральный бинокль изучал ножки Елены. За этими тряпками ни черта не разглядишь. Какая-то но-

венькая этуаль, содержанка Рахмана. В каком притоне Рахман ее отыскал? Златокудрая, как же... сорвать парик — окажется чернявой. Гертье взглянул в программку — «сьорэнн Мальвина Хансен». Лоретки и камелии — через одну Мальвины.

— Он прятал ее у себя в поместье, — скабречно нашептывал тем временем всезнайка Бабель, наклонившись к уху младшего приятеля. — Начинала на острове Свейн, шоколадницей, потом позировала в Академии искусств самому...

Услышав известное имя, Гертье поднял брови: «Неужели?!.»

— ...тут вдруг голосок прорезался. Возомнила о себе, стала искать богатенького покровителя, Рахман ее и сцапал. Теперь выпустил напоказ — вот, мол, чем владею.

Рахман, разумеется, расположился в бельэтаже. Гертье и его смерил испытующим взором бинокля. Надо полагать, у хозяина певички манишка и манжеты не съемные, а под жилетом — не голое брюхо, а сорочка из лучшего батиста. Перстни на волосатых пальцах, одутловатое застывшее лицо Будды.

Лицемерие Рахмана повергло Гертье в завистливую, злобную тоску. Сегодня он подписал вексель на пятьсот талеров, предъявив отцовскую доверенность, где собственной рукой Гертье были выведены слова: «Разрешаю моему сыну кавалеру Гертье ган Валлеродену выдать заемные письма, а также брать кредиты на сумму не свыше...», и подпись батюшки, и дата. Печать нотариуса спроворил Бабель, знавший в Маэне все входы и выходы. Как же Бабелю не хлопотать! им предстояло вместе тратить денюжки. И часть из этих пяти сотен уже ушла на уплату самых неотложных долгов.

Что прикажете делать, если отец родной промотал состояние Валлероденов, с шиком разъезжая по всемирным выставкам и игорным домам? На те гроши, которые с кряхтеньем скряги выдавал Гертье банк, можно лишь снимать квартиру на окраине и столоваться в матросской харчевне. А платье? А досуг, приличный не просто дворянину, но человеку, в чьих жилах течет 1/64 королевской крови?! Любопытный знаток родословных из герольдии подтвердит, что Гертье — потомок великой княжны и коннетабля в шестом колене!

Наконец, учеба в Кавалерском корпусе. Кавалькор —

университет для благородных юношей. Курсантам Кавалько-ра полагается повесничать, кутить, знать толк в шампанском и девицах-шансонетках, драться на дуэлях с гардемаринами и лупить студентов третьего сословия. Да, еще надо изучать механику и философию.

Гертье подумывал об отъезде в колонии. Сейчас деньги в кармане, а завтра вексель предъявят к оплате. Граф-отец крут на расправу. Лишить наследства не посмеет (нечего лишать!), но проклянет и отдаст банку распоряжение: «Кавалеру Гертье не платить ни цента!» Само собой напрашивалось решение — уплыть за линию экватора. Записаться под чужим именем в Восточную Его Величества Компанию, перетерпеть морскую болезнь и, разбогатев, вернуться лет через двадцать, как раз к батюшкиным похоронам.

Заодно отпадет необходимость соблюдать брачное обязательство, тем более не он его давал. Это феодальный пережиток — совершать помолвку мальчика с девчонкой. Что за нелепая традиция — сводить троюродных сестру и брата, добившись от церкви разрешения на брак! И год за годом устраивать им подневольные свидания, чтоб нареченные глядели друг на друга исподлобья, обоюдно терзаясь сознанием — «Как ужасно — ведь это мой будущий муж!», «Это моя, черт побери, жена!..»

С другой стороны, женитьба на Атталине могла стать для Гертье подлинным Эльдорадо. За ней давали сто пятьдесят тысяч золотом, четыреста привилегированных «адмиральных» акций Восточной Компании, земельную ренту в пять тысяч, имение с парком, конюшнями и штатом слуг... Только руку протяни и скажи у алтаря «да».

«Все так женятся, — поучал Бабель, искушенный в марьяжных делах. — Не зевай, хватай — само к тебе идет! Чего теряться? Разве тебя заставляют безвыездно жить в имении? Исполнил супружеский долг, ха-ха, на поезд — и сюда! С такими деньгами полсвета объездишь, а она пускай наследников растит!»

Но Гертье было достаточно вспомнить совершенный и холодный профиль Атталины, ее ровный бесчувственный голос и неподвижные глаза, чтобы его неудержимо повлекло к продажным девкам. Вырастили, называется, завидную невесту! Прежде она была худой и угловатой, но живой и непо-

средственной, а стала чем-то средним между Спящей Красавицей и Снежной Королевой. Поцелуем не разбудишь и слезами не смягчишь. Брак с Атталиной рисовался Гертье чем-то готическим и роковым, вроде обручения с Венерой Ильской по новелле мсье Мериме.

— Бабель, давай напьемся после оперетты! — буднично предложил Гертье. — В дым, в прах; я хочу превратиться в животное...

— Охотно! — поддержал его приятель. Он знал дорогу к Цирцее, обращающей мужей в свиней. Постоянно шныряя по этой тропе то туда, то оттуда, он отчасти утратил облик, данный человеку Богом, и выглядел почти дозревшим до скотства. Наливные щеки его цвели томатным румянцем, маленькие глаза горели беспутством и похотью, словно фонари у входа в бордель, на уме вечно были фривольные мыслишки, отвислый нос пьяно и жирно блестел салом, а толстый язык то и дело облизывал пухлые губы. На галстуке Бабеля виднелись пятнышки соуса, искусно прятавшиеся в узоре ткани. «Мой Фальстаф!» — говорил Гертье, словно давая другу титул. Тот охотно принимал прозвище, даже требовал орден в придачу к новому званию. Знаменитый брелок Бабеля в виде аметистового сердца всегда вызывал у куртизанок взрывы хохота, когда кутила доставал прозрачное лиловое сердечко и, целуя его, приговаривал: «Ну-ка, сделай чудо — спаси меня от пьянства!»

Почтово-пассажирский поезд № 106 загремел вдоль дамбы, проложенной сквозь болотистый лес. Тьма впереди и тьма по сторонам, лишь мощный керосиновый фонарь с вогнутым зеркалом, укрепленный спереди на паровозе, выхватывал из мрака рельсы колеи и редкие столбы на насыпи.

— Дамы и господа, — унылым голосом тянул проводник, проходя коридором вдоль вагона и позвякивая колокольцем, — следующая остановка — Маэн, конечная. Дамы и господа, прошу готовиться к выходу. Если изволите заказать носильщика в вагон, доплата за место багажа пять центов...

Печка не справлялась с обогревом, до того было студено снаружи. Проводник заправил печку остатками угля, чтоб хоть перед Маэном господам пассажирам стало потеплей и они не высказали жалоб железнодорожному начальству. Ну

кто мог подумать, что грянет такой холод! Запас угля взяли обычный, по погоде, но уже на полпути пришлось его пополнить, а ближе к Маэну угольщик так прямо и сказал: «Вы грешники на сто шестом — мороз привезли!» Оледеневшие усы угольщика топорщились сосульками, морда его лошадки покрылась иглистым инеем, а земля будто спеклась и железно звенела под тележными колесами.

— Дамы и господа... — нудил свое проводник, хотя в вагоне первого класса было занято только три купе из восьми. Адвокат с секретарем, какие-то насупленные дельцы-компаньоны, одинокая девица. Нехорошо, когда девушка разъезжает в одиночку. Серьезна, не легкомысленна, держит себя строго. Шляпка скромная, темное пальто-ольстер, платье небогатое, но теплое, добротное, а из багажа — только ридикюль. Попробуй разберись, с чего ее вздернуло путешествовать одной и без вещей. Может, из дома сбежала? Вроде бы не служанка — как-никак первым классом едет. Опасно это. Если ее некому встречать на вокзале, то найдутся ушлые молодчики, из-за которых девушек потом находят мертвыми и обесчещенными где-нибудь между склепов на Голодном кладбище. И даже очень просто — стоит им заметить, как она из лучшего вагона выйдет без сопровождающих.

Исполнив все, что полагалось сделать перед прибытием, проводник остановился у своего закутка. Есть немного свободного времени; можно у лампы почитать газету. Хотя — что утешительного там прочтешь? Катимся в пропасть, ничего хорошего ждать не приходится. В Бельгии социалисты, в Пруссии Бисмарк, Франция вооружается — хочет отплатить пруссакам за Седан, Дания вооружается, все вооружаются! кругом кошмар, анархисты — вот и погода собачья!

Не заработать ли на девушке лишний десятицентовик? Скажем, предложить ей: «Сьорэнн, если хотите, я найду крепкого, честного кучера. Он отведет вас к коляске прямо от вагона».

Он постучал в купе. Не услышав ответа, встревожился и сам открыл дверь.

Из темноты на него смотрели карие глаза под полями шляпки и большой, отнюдь не дамский револьвер, сжатый руками в зимних касторовых перчатках.

— Сьорэнн, я проводник! — вскричал он, испуганно подняв руки. — Ради бога, осторожней!

— Вы напугали меня, — девичий голос был сух и резок. — Больше так не делайте, ясно? И не бойтесь, — она проворно убрала оружие в свой ридикюль.

Желание помочь ей за небольшую плату улетучилось, словно его и не было. Вон как! с пистолетом! Пожалуй, к такой колючей никакой нахал не привяжется.

— Хотите получить четвертак? — спросила девушка спокойно, как будто не целилась в него мгновение назад.

— О!.. да; — у проводника отхлынуло от сердца.

— Вы знаете, где телеграфная контора в Мазне? Когда она закрывается? Как до нее добраться?

— Я видел на вокзале табличку — «Телеграф работает с 10.00 до 20.00». Должно быть, там есть пункт приема телеграмм.

— В котором часу мы прибываем?

— Через десять минут, сьорэнн... даже меньше того. У вас вполне хватит времени, чтобы отправить депешу. Спасибо, — с поклоном принял проводник монету. — Нижайше прошу вас простить меня за доставленное беспокойство.

— Ступайте, — девушка отвернулась к окну, где глухо постукивала тьма.

«Не сообщить ли в полицию? — грея в ладони четвертак, раздумывал проводник. — А то ишь ты — пистолетом грозить!.. Анархистка какая-то. Или вовсе — керосинщица!..» — ему вспомнились газетные статьи о коммунарях из Парижа, которые поджигали дома и требовали отрубить сто тысяч голов.

При мысли о керосине и пожаре ему как наяву предстала вспышка огня, на миг ослепившая глаза, — пришлось проморгаться, чтобы вернулось зрение, но и спустя минуту перед ним мерцали тающие сполохи багрового пламени, похожие на языки кукольных чертей из святочного вертепа. Мимолетное наваждение было столь ярким, что ему даже почудился запах гари.

У подъезда «Одеона» сгрудилось множество фиакров и собственных экипажей. В первый момент Гертье удивился белесому туману, колеблющемуся в газовом свете над стол-

потворением экипажей, но едва он шагнул на улицу, как его щеки стало покалывать, а дыхание вырвалось из губ клубящимся паром.

— Что за дурной каприз природы? — недовольно посапывая и фыркая, ворчал Бабель. — Окоченеть можно! Когда мы сюда прикатили, была прекрасная погодка!

Напротив, Гертье вдохнул сухой, бодрящий воздух с легкостью и радостью. Белое вино, выпитое в буфете, слегка кружило голову, и вечер казался чудесным. Дамы и девицы спрятали украшенные перьями токи и береты под капюшонами бурнусов; розовые личики в бело-пуховых воротниках бархатных ротонд были милы и лукавы, глазки загадочно отблескивали, а щебет тонких голосов волновал сердце. Хотя Бабель тащил его на край извозчичьего скопища, торопясь поймать свободную двуколку, Гертье успел подарить красавицам пару беглых комплиментов, отвесить несколько многозначительных поклонов и, подпрыгнув, послать воздушный поцелуй, при этом мастерски лавируя, чтоб никому не наступить на шлейф. Мысли о выгодном, но нежеланном браке покинули его. Слышались оклики знакомых по Кавалькору:

— С нами, Гертье! Едем в ресторан!

— Я с Бабелем! — вскинул Гертье руку с тростью, давая понять, что на нынешний вечер он обеспечен и весельем, и приятным обществом.

— Эй! — замахал тростью и Бабель, заметив незанятый фиакр. — За полталера на Свейн!

— Прибавьте центов десять, — охотно отозвался возница, привставая, — мигом домчу! Куда прикажете, светлейший князь?

Подкатила конка. Студенты и прочая небогатая публика с галерки повалила в вагон, сталкиваясь и вскрикивая на витой лестничке, ведущей на империал. Последний пассажир, повиснув на подножке, запалил бенгальскую свечу от папиросы и стал писать вензеля искрящимся огнем:

— Виват, мсье Оффенбах! Виват, сьорэнн Мальвина!

— Потаскуха!

— Еще раз посмеешь ее так назвать, Нардо, — я тебя сброшу! головой о мостовую!

— Слушайте, да это прямо какой-то *дьявольский* холодец!

И студиозусы бешеным хором хватили: «Не зря зовуся я Ахиллом — хилым, хилым, хилым!»

— Вот бы когда нам пригодился твой медвежий плащ, Гертье!.. Если я обращусь в ледышку, — бормотал Бабель, угнеживаясь на сиденье, — вели растереть меня ромом. Еще час на улице — и я пойму тех воришек, что крадут ротонды! Надо же им обогреться наконец!

— Надежней будет влить ром тебе в глотку! — Гертье ощутил, как неожиданно нагрянувший мороз пробирает его ноги в штиблетах и вкрадывается мурашками под панталонны. Может, в самом деле стоит побороть свою неприязнь к нареченной? Ведро угля стоит девять центов, а если холода продержатся, то уголь вздорожает и отопление квартиры влетит в копеечку. До какой же степени падения может довести дворянина нужда! Подделать доверенность — еще не горе; достаточно перезанять денег и погасить вексель, но — жениться потому, что твое жильё промерзло?! А как же честь и достоинство древнего рода?..

— Первым делом закажем пунш с лимонными цукатами, — Бабель спрятал почетный нос алкоголика в складках шарфа и поднятом воротнике пальто. — И шоколаду!

— Вот напасть, господа хорошие! — громко бросил через плечо возница. Он был из тех говорунов, которые молчание терпеть не могут. — Я вез таможенного комиссара от святого Готвина, так он сказал мне, что *залив стал замерзать!*

Девушка зябла; от проникающего извне мертвящего холода не спасало ни тяжелое сукно ольстера, ни застегнутый поверх платья казакин, ни слоистая пелена юбок, ни чулки с башмачками, ни тем более шарфик. Руки деревенели в перчатках. Она сама поражалась, как скованным пальцам удалось так быстро извлечь из сумочки массивный «гассер».

Ее убеждали, что пуля австрийского револьвера на близком расстоянии отбросит и повалит даже грузного циркового борца, одетого в кирасу. Хваленое оружие не прибавляло ей уверенности. Она больше надеялась на телеграф, хотя и это спасительное средство может подвести. Провода могут порваться, батареи — разрядиться, аппараты Юза — поломаться.

Ее терзали два серьезных обстоятельства. Она не знала,

откуда нагрянет опасность, и ей никогда не приходилось бывать в Мазне. Здесь у нее не было знакомых. Она взяла билет до Мазна потому, что это большой город, где множество людей. Есть хоть какой-то шанс затеряться...

...или встретить своих.

«Не обманывай себя, — одернула она трепещущие мысли. — Не следует на это полагаться».

Вокзал был грязным, суетливым, тесным и громоздким. Ей едва не подурнело от запахов, которые витали в воздухе, несмотря на холод. Многолюдье кишело здесь, дышало сотнями смрадных ртов, кашляло, отхаркивалось и галдело. Дым стелился вдоль дебаркадера, смешиваясь с резким духом керосина и отравно-сладким утаром светильного газа, сочащегося где-то из дырявой трубы. В плотно спертой атмосфере вокзала чувствовался душок картошки, пережаренной на постном масле, мясной чад, привкус нагретого сургуча и винные пары. Она постаралась пройти через зал ожидания затаив дыхание, отыскивая взглядом телеграфную контору.

— Я хочу послать телеграмму, — положила она пальцы на барьер, истертый множеством локтей.

— Пожалуйста, сьорэнн. Возьмите бланк; вот перо и чернильница, — равнодушно показал телеграфист.

Она долго дышала на руки, стараясь вернуть пальцам гибкость. Но главная трудность была впереди — *она забыла, как пишутся буквы*.

Какое коварство! перо тупо ковыряло бумагу, оставляя кривые безобразные следы вместо аккуратных E-R-L-L. Оставив попытки написать адрес как положено, она почти в ярости перешла на родной шрифт — и что же? строки послушно побежали, складываясь в письмо-крик. Нет, так нельзя. Скомкав бланк, она бросила его в корзину и торопливым шагом вернулась к барьеру.

— Месьер, можете ли вы написать за меня? Я...

Позорно вымолвить такое, но приходится. Могло быть гораздо хуже — если б она разучилась *говорить*.

— ...я неграмотна.

— Диктуйте, — не выказав никаких чувств, согласился человек за барьером.

— Эрль, улица Дикелен, дом пятнадцать, Манфреду Вернике в собственные руки, срочно. Скажи Цахариасу, что

Рагнхильд жестоко гонима и просит о помощи. Р., Маэн, вокзал Гуфарат, до востребования.

— До востребования кому? — впервые поднял скучающие глаза телеграфист.

— Вы там пометили в конце — литера R. R — это я.

— Этого недостаточно, сьорэнн. Вы можете не называть имя, но представьте, что сюда придет за телеграммой какой-нибудь Рудольф, тоже указавший для ответа свой инициал. Произойдет путаница. Укажите хотя бы девиз, — губы телеграфиста тронула улыбка; хотя кареглазая девушка выглядела сердито, это не портило ее миловидности. — Знаете, как делают в разделе предложений о женитьбе и замужестве.

— Какой девиз?! — возмутилась злая красотка. Темные глаза ее полыхнули, лицо расцвело гневом.

— Пароль, условная фраза.

— Ах, так... хорошо. Девиз будет — «Гром и молния».

— Звучит романтично. С вас два талера и восемьдесят семь центов.

— Отчего так дорого?

— За срочность, сьорэнн. Вы сказали — «Срочно».

— Когда телеграмму доставят?

— Сегодня, после восьми.

— То есть в эту пору вы уже закроетесь?..

— Увы и ах, но таков распорядок конторы.

Она едва не застонала. Значит, ответа придется ждать до завтра! Телеграф откроется в десять утра — а где устроиться на ночь?

Впрочем, есть гостиницы. Портовый город, узел железнодорожных путей, населенный больше, чем столица, — здесь должно быть много мест для ночлега. Другое дело, что ей никогда не приходилось искать крышу над головой.

И надо найти не крышу, а убежище!

— Что за дрянная погода! — пробурчал солидный господин в пальто с бобровым воротником, входя и потирая уши, слегка тронутые белизной обморожения. — Любезный, дайте-ка вашу бумажку!.. Я только что видел — воробей застыл на лету и упал, как деревянный! А ведь еще утром холодок был еле-еле, почти мягонький. У меня в гавани застрял корабль с товарами, — продолжал он, заполняя бланк, — можете себя вообразить? И я — понимаете?! — должен оправды-

ваться за задержку! Пришлось ехать в портовую контору и брать свидетельство, что таких заморозков не было полсотни лет. Они вызовут ледокольный пароход, ха! а сколько он будет сюда пробиваться?

— Птицы падают?.. — потерянно спросила девушка.

— Да-с! шмяк — и готова! Я все выведал, — господин с бобром на шее был горд тем, что всюду проник и выяснил наимельчайшие подробности. — Они собрались подрывать лед. На казенном заводе в Шарлахте солдаты грузят в вагоны порошок Нобеля и бумажный порох. Вот-вот загромыхает...

— Птицы падают... — повторила она обреченно.

В восемь вечера закроется телеграф. Потом — зал ожидания. Не уютиться же на вокзале тайком, как бродяжка... Неожиданно девушка поняла — прямо-таки кожей почувствовала, — как на Мазн с моря наползает смерть. Тот, кто не скроется с улиц, не сможет согреться, — погибнет. Завтра полиция будет подбирать трупы замерзших пьяниц. Тела, похожие на камни. Десятки тел.

Она ждала пальцы от бессилия, к глазам подступили жгучие слезы горя и ненависти.

Лишь бы не разрыдаться. Нельзя. Отчаиваться не позволено!

Даже если в кошельке осталось всего тринадцать центов.

Безветренный холод ровно и тихо веял над замерзшими просторами залива. Тьма простиралась и сгущалась над крепнувшим льдом. Ветер лился узким языком, подгоняя двоих мужчин, скользивших по льду стремительно и гладко, словно на норвежских лыжах или на стальных коньках. Двое были в серых цилиндрах и ладно сидящих приталенных пальто с пелеринами, в панталонах со штрипками и ботинках на высоких каблуках; руки в кожаных перчатках поигрывали дубовыми тростями с круглыми, серебряными с чернью набалдашниками. Ветер помогал идущим, дул в их спины, как в паруса. Вдали, за редким морозным туманом, виднелись огни набережных Мазна.

— Видимо, мы не успеем к прибытию поезда.

— Не страшно. Если дело обстоит так, как мы ожидаем, раньше половины десятого с Гуфарата ни один поезд не отправится. Кефас, как бы ты поступил на ее месте?

— Перерезал бы себе вены, — рассмеялся высокий, стройный Кефас.

— Ты говоришь глупости и накликаешь несчастье. Думай глубже!

— Телеграф. Для нее это единственный способ подать о себе весть. Но ближе Эрля у них нет ни одного доверенного человека.

— Эрль, затем замок Цахариаса... — задумчиво склонил голову тот, что задавал вопросы. Видно было, что вопросы — его привилегия. — Не близкий путь для плохих вестей. Цахариас не сможет прийти вовремя.

— Значит, мы обречены на успех, Гереон! — воскликнул Кефас.

— Я предпочел бы убедиться, что события развиваются должным образом.

Вокзал произвел на них не лучшее впечатление, чем на девушку. Гереон решил вовсе не входить. В здание отправился Кефас как младший.

— Месьер, телеграфная контора закрыта, — вежливо предупредил служащий явившегося позже 20.00 щеголя в прекрасно сшитом пальто и выбритого так гладко, что казалось — этот покоритель дамских сердец с бритвой вовсе незнаком. Молодчик в жемчужно-сером цилиндре даже не оглянулся на голос. Опрокинув тростью мусорную корзину, он брезгливо, но внимательно ворошил кончиком палки измятые бланки.

— Я попросил бы вас не нарушать порядок и покинуть учреждение.

— Здесь была девушка? — вместо ответа спросил гладкощекий золотоглазый юноша. Нос с еле заметной горбинкой, с висков спадают прядки светлых шелковистых волос; щеголь слегка походил на молодого и красивого еврея. — На полголовы ниже меня ростом, брюнетка, глаза карие, одета в иссиня-черный ольстер, ведет себя нервно. Она была?

— После закрытия я не обязан отвечать на ваши... — недовольно начал телеграфист, но тут незнакомец дунул на него, как бы желая погасить свечу. Телеграфист внезапно ослеп, словно его охватил сон. Оседая у стены, он шевелил губами, пытаясь звать на помощь, но язык ему не подчинялся. Сквозь мутную пелену он различал, как блондин поднял оа-

ну из мятых бумаг, разгладил в руках и улыбнулся. Затем странный гость зашел за барьер, покопался с шорохом на столе, радостно произнес вполголоса: «Есть!», вырвал и спрятал в кармане некий документ.

Задержавшись в дверях и нахмуренно обдумав что-то, блондин в пальто с пелериной на прощание еще раз дунул в сторону телеграфиста — и к тому начала возвращаться подвижность. Но не голос. Способность произносить слова он обрел через сутки, а как пишутся буквы, вспомнил лишь через неделю.

Мадам была непреклонна, словно оберегала невинность Христовых невест.

— Нет и еще раз нет, господа! Девочки не могут вас принять, не будем понапрасну тратить время на пустые разговоры.

— О, Магдалена, разве вы забыли нас?! — раскатисто пел Бабель, потирая замерзшие руки. — Я и граф Гертье...

— ...прекрасно помню; вы были у нас третьего дня. Но монсьер Бабель, посудите сами — до вас я отказала нескольким господам, чьи состоятельность и знатность столь же очевидны, как и ваши. У нас заведение для благородных, мы обязаны соблюдать чистоту и... — заботливая хозяйка нахмурилась, чтобы не ошибиться в произношении мудреного словечка, — *гигиену*. А водопроводные трубы промерзли! даже кран на улице заledenел. Чтоб раздобыть воды для умывания и утреннего кофея, швейцару придется откалывать лед пожарным топором. Не говоря уже о прочем! Девочки должны быть чистыми и свежими, как розочки, чтоб я могла допустить их к вам, — и никак иначе!

Это был четвертый по счету дом с девками, где приятелей завернули с порога. Окоченевший извозчик, успевший заломить цену до полутора талеров, предложил, стуча зубами, съездить на Сьеренборд к Голодному кладбищу, а не повезет — так на Висельный берег.

— Уж там-то обслужат! — заверял он как знаток. — Там девчонки — у-ух-х! не то что тутешние неженки. И прислуга расторопная — в момент котел воды нагреют.

Гертье, ежась под тощим пальто, живо представил себе безобразие, которое их ждет, — грязный, пьяный и прокуренный кабак в полуподвале, музыка расстроенной фисгар-

монии, кельнеры, похожие на карманных воров, измятые и осовевшие девушки с перегаром изо рта, портовая рвань за изрезанными и прожженными столами, скверное пойло вместо доброй выпивки, визгливый смех, скандал с дракой и битьем бутылок... Есть любители сойти на городское дно, но Гертье был не из их числа. Мысли о приятных посиделках с флиртом вымерзли, осталось одно желание — добраться до жилища, растопить печурку и зарыться в постель.

— Бабель, довольно дверные замки целовать. Едем ко мне! Посчитай, сколько ты прокатаешь, если отправишься домой, — и соглашайся.

— О, мой добрый камрад! я с тобой, рука об руку! пого-няй, Автомедон, наш верный колесничий! — Привстав, Бабель толкнул кучера кулаком в спину.

— Куда ехать изволите? — Извозчик, не сведущий в поэзии Гомера, за хорошую деньгу готов был стерпеть любое путешествие.

— Маргеланд, Вторая набережная.

— Эх ты!.. Ну, ваше сиятельство, с вас еще талер, всего два пятьдесят — и на том поладим.

— Грабитель! — Бабель возмутился. — Как ты смеешь требовать столько?! Обирала!

— Ничуть, светлейший князь, — я так понимаю, что на девках вы сегодня сэкономили, значит, на лошадку сможете потратиться...

— Резон, — согласился Гертье, залезая в фиакр. — Еще двадцать центов получишь, если будешь погонять как следует.

Чтоб скорей добраться на восточную приморскую окраину, смекалистый извозчик выбрал путь покорооче, по мостам через острова левобережья. Гулкая звездная ночь простиралась во все небо; дрожали и гасли огоньки в окнах. Цокот копыт и стук колес могли бы убаюкать ездоков, если б не пробирающий до костей холод, который все усиливался. Когда миновали церковь Марии Стелла Гратис, Бабель заухал, сильно хлопая в ладоши и подпрыгивая на сиденье, словно бесноватый.

— Как же! я! не подумал! надо! было! в аптеку!

— Зачем? — Гертье растирал щеки.

— Спирту! склянку! выпить! огнем бы зажгло!

— Не боишься? Проспиртованное тело может загореться от малейшей искры — один пепел останется.

— Ха! мне! ничуть не страшно!.. Лучше в пекло, чем стать снеговиком! А говоришь, медвежий плащ греет в самую лютую стужу? Он б-большой, м-можно д-двоим з-завернуться!

— Д-да, — клацал зубами и Гертье, — на охоте, на ночевке мы с батюшкой в нем как в мешке... мех толстый!

— О, не рассказывай! я сейчас завою!

На перекрестке с телеги сгружали деревянные плахи, а согбенный полицейский унтер в пальто с поднятым воротником, натянув фуражку околышем на уши, приплясывал у наваленных на мостовую дров, стараясь запалить спичку — те ломались в пальцах, шипели и не загорались. Рядом кутался младший чин, держа факел со смоляным набалдашником.

«Костры на улицах, — мелькнуло у Гертье, — как в старину... Когда это в последний раз было? Похвальная забота; наконец-то отцы города расстарались для бездомных... вон уже собираются», — пожухшие, бедно одетые фигуры стягивались к будущему кострищу, перешептываясь с надеждой при виде заполыхавшего факела.

Облитые керосином, плахи с треском вспыхнули, озаряя лохматым оранжевым пламенем заснеженную улицу, сугробы вдоль тротуаров, стены домов. Выглянув из-за поднятого фордека, Гертье увидел, как люди тянутся к огню, топчутся, отыскивая место поудобней, чтоб и не мерзнуть, и не обжигаться.

Впереди на тротуаре замаячила одинокая фигура женщины; с каждым поворотом колес она становилась ближе. Гертье различил аккуратную шляпку, оценил покрой просторного и вместе с тем изящного пальто, но было в ее фигуре нечто, обеспокоившее его. Спина сгорблена, плечи вздернуты, воротник поднят, а локти прижаты к бокам. Не шатаясь, молодая женщина (дамы в возрасте так не одеваются) шла медленной, нетвердой походкой, склонив голову.

— Бабель, тебе не кажется, что...

— Что?

— Эй, приятель, ну-ка останови! — Гертье спрыгнул на ходу и летучим прыжком ловко перемахнул через сугроб. Сзади раздалось запоздалое: «Тпр-р-ру!»

— Сьорэнн!.. — окликнул Гертье. Женщина сонно обернулась — лицо ее было белым, глаза застывшие, отсутствующие. — Извините, но, может быть, вам нужна помощь?

...Молодой человек, нагнавший Рагнхильд, был одет просто, но со вкусом, что выдавало в нем натуру, изощренную в умении наряжаться по средствам и при этом соответствовать богемной моде. На его охотничьем картузе красовалась малиновая лента-околыш (цвет Кавалькора — девичья погибель!). Серого сукна пальто-честерфильд с бархатным воротником в тон шарфу, панталоны в черную и серую полосу, черные суконные штиблеты с белыми металлическими пуговицами. Но в глаза Рагнхильд бросилось не платье, а его лицо — утонченное и столь чистое, словно его не касалась бритва, хотя рост и стать указывали на уже достаточно зрелый возраст, крепость мышц и привычку держаться независимо и смело. Улыбка на тонких и ярких губах мужчины была осторожной, нерешительной, а его светлые глаза внимательно и чуть встревоженно наблюдали за Рагнхильд.

— Я... — только и смогла вымолвить она. Пронизывающий холод сковывал ей лицо, сводил ноги судорогами, а язык едва мог выталкивать слова изо рта. Холод стягивался, как петля на горле, он искал ее — слепая неживая сила, направляемая чьей-то твердой волей.

С тринадцатую центами в Маэне можно было выпить стаканчик рома, съесть порцию жаркого с картофелем и согреться солидной чашкой кофе. Или взять три небольших пирожных. Или снять койку в ночлежке, перед тем насытившись благотворительной похлебкой, — тогда еще останется пять центов на завтра. Но Рагнхильд знала о существовании ночлежек лишь по книгам. Увидев это заведение, она скорее застрелилась бы, чем вошла туда. Умереть — но не поступиться гордостью, не замарать свою честь! Поэтому она прошла мимо кондитерских и харчевен, даже мимо приюта церкви Стелла Гратис, где на ночлег принимали бесплатно.

С каждым ударом часов на колокольне она все отчетливей осознавала, что не доживет до утра. Холод многих убьет нынешней ночью, но они — его случайные жертвы, потому что он ищет и замораживает ее одну. Те, кто насрал его, знают: она не станет просить приюта и искать спасения ценой унижения.

Осталось лишить их радости, не дать себя схватить. Волшебный конь, который унесет ее от погони, смиренно ждал в

ридикюле — когда же она сожмет его рукоять и взведет курок.

Но она не хотела делать это перед молодчиком в картузе и честерфильде.

— Уйдите, — проговорила она. — Уйдите прочь.

— Вам плохо? Я могу отвезти вас к врачу.

Рагнхильд еле справилась с застежкой ридикюля.

— О, нет, оставьте! Все расходы я беру на себя, — светлоглазый взволнованно приложил ладонь к сердцу в знак искренности. — Или доставить вас домой? Назовите адрес — экипаж к вашим услугам.

«А вдруг?.. — робко блеснула далекая вспышка в потемках тоски и безнадежности, сгустившихся вокруг Рагнхильд. — Нет, нет! Я не стану ни о чем просить!..» — мгновенный блеск погас, осталась только тлеющая где-то в глубине сердца крохотная искорка.

Она покачнулась, закрыв лицо рукой. Озабоченный Гертъе осторожно подхватил ее под локоть.

— Простите мою вольность — я без позволения... Клянусь честью, сьорэнн, я защищу вас от любой опасности. Кавалер Гертъе, ваш покорный слуга. Разрешите помочь...

— Да... я... разрешаю, — выдохнула Рагнхильд, слабея.

— Бог мой, Гертъе! — вытаращился Бабель, когда его молодой приятель подсаживал девицу в фиакр. — Кого ты подобрал?

— Замолкни, дружище, и перебирайся на подножку. Девушка совершенно замерзла, вот-вот лишится чувств. Приятель, гони! Бабель, как только приедем, беги наверх и растапливай печь, а я поведу барышню по лестнице.

Рагнхильд слушала их диалог еле-еле, в полуобмороке. Она старалась сжаться под ольстером, чтобы сохранить хоть малую толику тепла, доехать до жилья и — о, счастье! — до печки! Только бы оказаться в закрытом помещении, где есть очаг и дрова — или торф, или уголь, безразлично, — тут-то она сумеет согреться!

Холод немного ослабил хватку. Рагнхильд стало чуть легче. Но порой за звуками копыт и колес ей мерещился бесплотный голос: «Ты думаешь, это — спасение? Не радуйся раньше времени. Мы сломим тебя!» Из-за дуги кожаного Фордека, накрывшего пассажиров, словно раковина, на миг

показался чей-то прозрачный лик с острыми глазами-звездами, взглянув из стылого воздуха в лицо жертвы.

Заставив себя забыть о приличиях, Гертье обнял девушку за плечи, чуть прижав к себе, чтобы ей стало немного теплее.

— Мой дом совсем недалеко, скоро приедем. Постель, ужин... вино, если захотите. Когда оттаеет — скажете, кто вы и куда вас отвезти. Не бойтесь, мы — порядочные люди.

— О да! — важно фыркнул Бабель, потирая нос. — Мы — джентльмены!

— Мой милый джентльмен, мы будем спать на полу. Тюфяки и покрывала возьмем у консьержа.

— Если даст. Мне так и кажется, что он обложился всеми тюфяками, сколько у него есть.

— Думаю, уступит на ночь... по талеру за штуку. И вот еще — войди к нему и отвлеки внимание. Мне все равно, что старикан думает о нас, но репутация сьорэнн не может быть запятнана ни в коем случае. Она войдет и выйдет незамеченной, и так будет, даже если ради этого тебе придется отречься от пьянства, а мне — от наследства.

— Вот так оказия! — Кефас задумчиво поковырял плотно утоптаный снег наконечником трости. — А ведь мы почти настигли ее. И вдруг... словно улетела. Не думаю, что сейчас она способна быстро двигаться.

Герееон осматривал улицу с того места, где обрывался след. Девушка не могла исчезнуть, не оставив никаких примет. Скажем, отпечатки башмачков. На снегу, прорезанном ободьями тележных колес и смятом литыми каучуковыми шинами фиакров, виднелись оттиски подошв и каблучков, осели и твердо запечатлелись запахи. Герееон втянул едва ощутимый кислотоватый дух крепко выделанной воловьей и козлиной кожи, шерстяной аромат отлично промытого и окрашенного сукна, стальной привкус обувных подковок и железо конских подков.

— Уехала в экипаже. Она остановилась здесь, — указал Герееон тростью. — Кто-то приблизился к ней, она повернулась... Некоторое время они беседовали, затем вместе пошли к проходу между сугробами. И отправились в ту сторону, — трость показала на северо-восток.

Кефас провел глазами по траектории, описанной тростью Герееона, пригнувшись и присматриваясь.

— Ее увез мужчина, — уточнил он, поразмыслив. — Молодой; он немного надушен опопанаксом... духи из камеди, слышишь? А экипаж был наемный.

Вскоре они встретили пустой фиакр, ехавший с полуночной окраины к главным островам города. Извозчик остановил коня в надежде, что щегольски одетым господам потребуются экипаж, но двое в жемчужно-сером с обеих сторон заглянули в двуколку, пошевелили тростями под сиденьем, молча обменялись взглядами, и потом младший из них заговорил:

— Ты возил девушку и парня. Только что, не более получаса тому назад. Куда ты их отвез, где высадил?

— Запоматовав, — усмехнулся в ответ извозчик.

Кто знает, зачем они разыскивают парня и девчонку? Откуда им стало известно, что те двое встретились и укатили вместе?... Девушка может оказаться улизнувшей из родного дома; договорилась сбежать с милым — а ее дружок сердечный нарочно петлял по Мазну и морочил голову извозчику, чтобы в условленное время как бы случайно подхватить свою пассию на улице. Если их поймают — вроде сговора и не было, а кучер — свидетель. Или окажется, что она — служанка, утащила из ларца хозяйки бриллиантовую парюру, весь набор — кольца, серьги, фермуар и фероньерку! немислимых денег стоит! и, конечно, из-за слепой любви к молодчику. А он ее в висок свинчаткой — бац! и в прорубь. Всяко может статься — у жулья много разных затей!

В общем, как ни поверни, придется франтам раскошелиться за искренний рассказ.

— Морозно, знаете ли, господа! До нутра проняло; станешь ли тут запоминать?..

— Бывает еще холодней, — спокойно сказал старший денди, глядя извозчику в глаза. Возница вдруг понял, что щеголь и не мигает вовсе, а зрачки у него будто разгораются. Извозчик в полной растерянности повернулся к младшему франту, а он — о, мать Божия! — ну вылитый ночной кошмар!.. С перепугу кучер вздумал посильней тряхнуть вожжами, послать лошадей вскачь — но, оказалось, руки так сковало

мертвящим холодом, что они одеревенели по плечи и стали бесчувственными.

— Ты хочешь денег... — начал молодой франт, а старший закончил:

— ...или вернуться живым?

— Вторая набережная, — в ужасе забормотал извозчик, ощущая, как лед, обездвигивший руки, наползает, пробирается в грудь и останавливает дыхание, — на Маргеланде, двадцать седьмой дом...

Щеголи отвели глаза — и к рукам извозчика вернулась подвижность. Не медля, он хлестнул коня и поспешил уехать подальше от страшных встречных.

— Меня охватывают нехорошие предчувствия, — признался Кефас. — Вторая набережная... Этого не могло случиться!

— Как правило, Кефас, случается то, против чего не принято надежных мер, — мрачно ответил Гереон. — Надеюсь, ты заметил запах третьего ездока — рыхлый, полный мужчина, что натерся иссопом от прыщей и намазался кольдкремом. И у него талисман из аметиста.

— Не могу поверить, — Кефас поводил головой из стороны в сторону. — Нет, так не должно быть!..

— Бывают встречи, которых нельзя избежать, — напомнил Гереон о чем-то общеизвестном, но Кефас упорно отвергал его мудрость:

— Расстояние, вражда, полное неведение друг о друге! И чтобы первым встречным оказался именно...

— Хватит сетовать. Поспешим; еще не поздно вмешаться, — поторопил Гереон.

Поднимаясь по лестнице как можно тише и поддерживая незнакомку под локоть, Гертье задумался о том, какое мнение сложится у кареглазой красотки, когда она вступит в жилище кавалера дан Валлеродена. Ни швейцара, ни лакеев, принимающих в прихожей верхнее платье господ. Он сам велел кривой старухе-служанке не переставлять ни одной вещицы во время уборки; значит, все осталось так же, как было брошено утром.

Третий этаж — почти роскошно, не правда ли? В центре

Маэна за те же деньги сдадут комнатку на чердаке, под самым небом, и уголь для печки придется таскать самому.

Из комнатной тьмы дохнуло слабое дуновение тепла — последний вздох остывающей печурки. Служанка едва протопила жилье, бестолочь! Гертье поставил трость рядом с зонтом, бесшумно и ловко метнул свой картуз на крючок вешалки — и, как всегда, попал.

— Секунду. Скоро вы согреетесь. — Сняв ламповое стекло, он чиркнул спичкой, поджег фитиль и подвернул винт десятилинейки. Серный дымок и горячая вонь пиронафта противно защекотали ноздри. Посмотрев мельком на ведра с углем, стоявшие за дощатой загородкой у двери, Гертье с огорчением вспомнил, что поутру не дал старухе денег, чтоб она пополнила запас. Служанка, разумеется, и пальцем не пошевелила, поскольку, по ее любимой присказке, «задарма и прыщ не сядет». Итого осталось дай бог ведро с четвертью. И наверняка старая карга долго выступала перед сочувствующим консьержем с проповедью о пустоголовых ветрениках: «В тиятры ходить, пить-гулять — это они умеют, а о дровишках забывают господа-то наши расчудесные!»

Рагнхильд блаженно прикрыла глаза, наслаждаясь теплом; закоченевшие пальцы мало-помалу отогрелись. Над фитилем сиял язычок, похожий на пламенный ноготь, приветствуя ее и приглашая поднести к нему ладони, чтобы почуять живительный пыл огня. Она сделала несколько шагов к свету, нетерпеливыми рывками сдергивая перчатки, глаза ее блестели от радости. Дом казался Рагнхильд прекрасным и надежным, как старинная крепость в лучах зари.

— Прошу, не обращайтесь внимания на беспорядок, — с наигранным пренебрежением повел рукой Гертье, как бы оправдывая все, что обличало его в беспечном образе жизни.

Обстановка вовсе не подобала званию кавалера. Мебель, обитая дешевым полосатым тиком или протертым до залысин плисом, мутное зеркало в дверце платяного шкафа, грошовые бумажные обои с простейшим рисунком, мещанская кровать из грубых железных труб... никто не назвал бы квартиру шикарнейшей, но наблюдательный гость мог отметить, что в ней обитает человек с великосветскими претензиями. На жардиньерке вместо комнатных растений были расставлены в стиле натюрморта вещицы севрского и старого веджвуд-

ского фарфора, терракотовые фигурки, трубки, мельхиоровые спичечницы, пачки папиросных гильз и табака высших сортов. На полочках и крышках стола-бюро, под зеркалом столика-туалета тоже пестрели выставки изящных мелочей — пудреницы на ножках, настольные флаконы из малахита, мрамора и декорированного золотом стекла, даже чьи-то шляпные булавки. Просторный плед с бахромой повис на буковом венском стуле. Орнамент обоев разрывался акварелями и офортами в багетных рамках — ближе всех к Рагнхильд оказалась карикатура, где кайзер Вильгельм в образе Ганса-Колбасы, с хищной ухмылкой схватив за подол испуганную и возмущенную Францию, заносил над нею саблю. Интерьер довершали кофемолка с кофеваркой, спиртовка, ковш для пунша, шеренга пустых (и не пустых) бутылок и полки с множеством книг, а воздух жилища был напоен смешанными запахами впитавшегося в мебель табачного дыма, коньяка и благовонного стиракса.

Увидев, что гостя стала озираться, Гертье поспешно пошел к бюро и, держась как можно естественней, убрал в ящичек фотографический портрет Атталины и начатое позавчера письмо к невесте.

— Позвольте вам услужить?..

— Да. Вы весьма любезны, — губы Рагнхильд порозовели, и она заговорила не дрожащим, а обычным голосом. Правда, тон остался чрезвычайно сдержанным. Она под крышей, она в доме — да, но кто этот человек? кто его приятель? чего от них ждать, можно ли им доверять и насколько?..

Честной, а тем паче благородной девушке более чем предосудительно быть наедине с незнакомым мужчиной — в особенности ночью, в его доме, без ведома старших. И обычно, и суд на сей счет одинаково строги — такой поступок называется распутством, а юристами квалифицируется как безнравственное поведение и является законным поводом к расторжению помолвки, изгнанию из дома и лишению наследства. Быть застигнутой в подобном двусмысленном положении — позор и ужасный скандал, даже если между девицей и мужчиной ничего не произошло. Но что было делать? Ей не оставалось ничего другого, как положиться на слово кавалера.

Она позволила Гертье снять с нее ольстер, но старалась ни на минуту не выпускать из рук ридикюль.

— Я не стану расспрашивать, почему вы оказались одна и в таком бедственном положении. Вы поступите разумно и ничуть не обидите меня, если не назоветесь, — Гертье решил сразу обозначить свою позицию, чтоб незнакомка не тяготилась и не чувствовала себя неловко и тем более — чем-то обязанной ему. Конечно, его мучило любопытство, но для того и существует вежливость, чтобы разумные люди могли сами выбрать тот предел откровенности, который им кажется приемлемым. — Не могу предложить много удобств, но то, что у меня есть, — в полном вашем распоряжении. Нагретое вино, сыр, хлеб и грильяж — пожалуйста. Кофе, к моему глубокому сожалению, нет. Будете кушать?

Незнакомка! незнакомка в доме! Боже, как это горячит и волнует! Гертье не упустил ни одного мгновения, которое позволило бы незаметно задержать взгляд на ней — она еще скованна, смотрит сердито, но к лицу возвращаются краски, алеют щеки; еще недавно ледяные от замерзших слез, пленяют своей живостью глаза — чарующие очи темно-медового цвета. Поизящней застелив гнутый стул пледом, Гертье усадил гостью. Сняв честерфильд и оставшись в элегантно-полосчатой тройке, он принялся рассказывать по комнате, не прекращая разговора:

— Я учусь в Кавалькоре. Скоро у нас рождественская вакация — собираюсь ехать домой. Зимняя охота — не доводилось выезжать на зимнюю охоту? — Подпалив спиртовку, он налил в ковш вина. — Грог или пунш согревают куда лучше, но вам столь крепкий напиток будет вреден. А еще мы делаем жженку и пьем ее горящую, да! — Загрузив печку углем и капнув пиронафта из бутылки, он разжег огонь и закрыл дверцу печурки.

— Не люблю охоту, — тихо молвила Рагнхильд, глядя на ламповый огонь. — Она принесла мне большое горе.

— Кто-нибудь погиб? — спросил Гертье с печалью в голосе, но радуясь в душе, что гостья наконец отозвалась.

— Мой брат.

— Ужасно. На охоте бывают трагические случаи...

— Это не было случайностью, — проговорила Рагнхильд почти неслышно. Она не мигая смотрела в пламя.

— Я вам искренне сочувствую, сьорэнн....

— Рагна. Меня зовут Рагна.

— Рагенхильда? Чудесное имя! А знаете, на Свейне, где стоит Кавалькор, есть церковь Святой Рагенхильды — она небесная покровительница кавалеров корпуса...

— У нас говорят — Рагнхильд, — безразлично поправила девушка, а потом с нежностью прошептала, повернув ладони к лампе, совсем близко, отчего в комнате возникла тень, широкая, как занавес в театре: — Zhar...

— Вы из Ругии? ругинка? — Гертье, всыпав в вино сахар и корицу, помешивал питье серебряной ложкой. — По-ругски жар — это «пыл», или «тепло огня».

— Знаете ругский язык? — девушка была немного удивлена. — А я... мне показалось, вы из салического рода.

— Можно сказать, что так. — Польщенный вниманием Рагны к его родословной, Гертье счел благоразумным не называть свою прославленную в веках фамилию и ответить уклончиво, неопределенно... даже загадочно. Незачем открываться барышне-ругинке, чтобы она потом разносила по званным вечерам: «Валлеродены? те, у кого в шестом колене по отцу дед был архиепископом, а в пятом по материнской линии — коннетаблем и мужем великой княжны? так их отпрыск живет на окраине, в третьем этаже, а обедает с грязной матросней...» Рагна, Рагнхильд — у кого из соседей есть дочки с таким именем?... у Каллерсонов? или у Вихертов? нет, у Вихертов — Радегунда, а у Каллерсонов — Розалия... обе милашки, щеки яблоками. Видимо, Рагна из тех ругов-дворян, что с пришельцами-салисками не знают из-за восьмисотлетней антипатии. Но хороша! Едва не обморозилась, а в тепле вмиг расцвела, словно бутон шиповника. Так и пылет... воистину, zhar в крови. Невольно сравнил Рагну с Атталиной, Гертье не нашел у невесты явных преимуществ, а недостатков — массу. Высокомерна выше собственного роста, губы на замке, белоснежна, а вместо крови — укус.

Вслед за сравнением Гертье почувствовал стыд. Незачем разжигать в себе неприязнь к Атталине. Она не виновата в том, что выросла заносчивой гордячкой. Сложно сберечь дружелюбие, легкость манер и отзывчивость, если бонны, домашние учителя и слуги день и ночь твердят, что она — штучка с огромным приданым, а должна выйти за голодран-

да из дотла разорившихся Валлероденов. Сумели внушить теплые чувства к жениху, дьявол их съешь!

«Но отчего она ко мне переменялась? Я же помню, как мы играли, гуляли... даже целовались по-детски. Она была просто прелестна. И в какие-нибудь год-два стала совсем иной. Холодная, безмолвная и недоступная. Или кто-то запугал ее страшными сказками о женской доле и смерти в родах?..»

Рагна, всем телом вбирая тепло и согреваясь, минута за минутой чувствовала себя все лучше, но со свободным дыханием и гибкостью рук возвращался темный страх. Успеет ли прийти дядюшка Цахариас?.. Никто не отменил и не прекратил погони. Те, что ищут ее, по-прежнему идут по следу, и они доберутся до нее. Вопрос лишь в том, как скоро это случится.

Они могут двигаться быстрее призовых скакунов, но на людях этого показывать не станут. Хотя — ночью, в пустынном городе, когда мороз разогнал всех по домам... А тем более в поле, на равнине за городом — или над горами! Рагнхильд не просто ждала, а страстно жаждала услышать на улице грохот и увидеть спящую вспышку за окнами — знамение того, что пришел старый, угрюмый Цахариас. Но ночь была беззвучна, как зарытая могила.

И этот Гертье — настоящее ли имя он назвал? Здесь, в западных землях, царит галломания, здесь из пижонства коверкают имена — его крестное имя может звучать как Герард, Геррит, Герхард, для друзей — Герке. В Ругии она могла считать дюжину молодых дворянчиков по имени Герхард. И столько же, если не больше, неизвестны ей. Но почему черты его лица почти по-девичьи тонки? почему светлые волосы переливаются шелковым блеском?.. Случайна ли встреча? Вдруг это ловушка? Заманив ее в дом, он будет ждать, когда придут те, преследующие.

— Мы не встречались раньше? — с невинным лукавством начала она, в душе сохраняя твердость и решимость.

«Если хоть что-то покажется мне подозрительным... я смогу оборониться».

— Я выезжала на балы. Валка Вузель, Корва Долена, Ярига, Балтова Глень — не приходилось там бывать?

Знакомые названия родного края заставили Гертье нос-

тальгически улыбнуться. Усадьбы рогов, как же — Волчий Узел, Кривая Долина... Салисков туда не зовут.

— Нет, в этих местах я не танцевал. На вакациях посещаю кое-кого из соседей, но дольше двух недель в своем поместье не задерживаюсь. Давно ли вы приехали?

— Сегодня. Вечером, — сухо ответила Рагна, наблюдая, как сверкает пламя в щели между окантовкой и дверцей печи. Кавалер Гертье щедро напоил огонь, но уголь не спешит разгореться сильно, с настоящим жаром, почему-то истлевает — словно тает впустую. Странно... и зловеще это выглядит. Будто огонь чем-то подавлен, болен, не способен разгуляться.

— Следовало точнее договориться с теми, кто должен был принять вас в Маэне. И не приезжать одной... — Ставя перед ней стакан с глинтвейном, Гертье бегло, но пытливо заглянул в лицо Рагны, но девушка была сурово замкнута, и выражение лица ее напоминало дверь на запоре.

Со стуком ввалился Бабель с тростью под мышкой, несущий в обнимку два пухлых тюфяка и пару толстых одеял:

— Уф-ф! и в жар, и в холод! Еле-еле в цене сошелся, ты представляешь, Гертье?! Оборот не отдавал меньше чем за три талера! Живодер — вот он кто!.. Сьорэнн, нижайше прошу прощения за столь нескромное вторжение, но... ба! печка! Да она еле тлеет, так мы до утра будем зубами лязгать!..

— Не вздумай плескать пиронафт на огонь, — предостерег Гертье. — Полыхнет в лицо, брови опалит.

— Расположиться следует у печки, — Бабель примеривался, куда плюхнуть тюфяки. Он даже в комнате не снял пальто — его так прохватило на морозе, что и раздеваться не хотелось. На спиртовку он посмотрел с укоризной, как бы желая сказать: «Ох, напрасная трата! Лучше б внутри!» — Боком или головой к печи ляжем?

Пока приятели возились с импровизированными лежачками, пока Гертье вытаскивал из бельевого шкафа стопки постельных принадлежностей, Рагнхильд улучила момент и, протянув руку в сторону печки, быстро прошептала:

— Ogenjdesh!

Пламя в печи ярко вспыхнуло и загудело, прорываясь язычками в щель.

Голос ее был достаточно тих, но Гертье оглянулся с изумлением, сперва на гостью, а затем на печурку.

— Как вы сказали? Огеньдеш?..

— Что?.. я ничего не говорила, — безмятежно ответствовала Рагна, непринужденно отпивая глоток горячего, пряно пахнущего сладкого вина. Между тем в ее душе взбудораженно метались противоречивые мысли и чувства: «Он услышал... он понял! Быть не может! Как мне себя вести? Делать вид, что ничего не случилось. Да! Будь он из них — и ухом не повел бы, прикинулся бы глухим и глупым. А он от неожиданности даже встрепенулся. Не притворщик! о, как хорошо!.. Он дворянин; мне нечего бояться. Наделенный столь тонким слухом должен обладать умением молчать — да, должен, должен!..»

У Гертье сразу возникла масса вопросов, но если девушка утверждает, что не произносила тех или иных слов, публично уверять ее в обратном — недостойное кавалера занятие. Он сдержанно промолчал — однако, пораженный и восхищенный, смотрел на Рагну так, словно впервые увидел ее.

— Что это значит? — с интересом закрутил головой и Бабель. — А, Гертье? Почему так загорелось?

Рука Рагнхильд дрогнула, когда ставила стакан на стол. Она встретила глазами с кавалером и изо всех сил постаралась, чтоб ее взгляд стал говорящим. Чтобы он угадал ее волю и подчинился.

«Надеюсь, сударь, вы не станете приписывать мне ничего из тех басен, которые именуют фольклором?» — подумала она, высоко держа голову, и на лице ее было написано требовательное ожидание того, что Гертье ответит согласием.

Гертье изучал гостью, пытаясь отыскать какие-нибудь тайные знаки. Но перед ним сидела миловидная и разрумянившаяся девушка — пожалуй, чрезмерно строгая и властная на вид, но ничем, кроме красоты, не связанная с искусством чарованья.

— И все-таки — в чем дело?.. — Бабель недоумевал, но надеялся докопаться до истины.

«Сударь, я не хотела бы, чтоб мое имя связывалось с... нелепыми фантазиями рогов! — мысленно настаивала Рагнхильд. — Боже мой, почему вы застыли?! Скажите что-нибудь!..»

— Ничего, — Гертье вышел из столбняка. — Я вместе с углем бросил в печку коробок спичек, и они занялись все разом. Сьорэнн, сыр, хлеб и орехи — что подать? Вам понравился глентвейн?

— Очень вкусный напиток, — кивнула Рагна снисходительно, про себя искренне поблагодарив Гертье за находчивость. Напряженное беспокойство стало понемногу покидать ее.

В дверь осторожно постучали. Гертье указал Рагнхильд на ширму, отгораживающую кровать от комнаты, и зашептал:

— Сьорэнн, ради вашего блага — скройтесь! И ни звука, прошу вас! Бабель, убери тюфяки! Открой и спроси, что надо! Я... я сделаю вид, будто ложусь спать, — следом за Рагнхильд он отступил за ширму.

Бабель отворил — за порогом топтался хмурый консьерж, побуревший от морских ветров и рома, с обгрызенной погасшей трубкой в рыжих зубах, от холода обмотавший голову фуляровым платком и завернувшийся в одеяло. Свет десятилинейки превратил лицо консьержа в деревянную резную маску, где живыми казались одни влажные глаза в старческих жилках и мокрая синеватая губа, вывернутая вниз мундштуком.

— Монсьер Бабель, там внизу... какие-то приличные господа очень настойчиво просят выйти к ним кого-нибудь из вашей квартиры.

— А вы не ошиблись, милейший? А эти господа не пьяны? — допытывался Бабель. Он в толк взять не мог, кому они с Гертье сейчас понадобились. Ночь на дворе! Какая такая забота выгнала людей на улицу в жутчайший холод и заставила их добираться на край света, до Второй набережной?

— В точности вас требуют. Они ясно сказали — девятая квартира, где проживает кавалер Гертье, — прожевал консьерж, покусывая трубку.

— Гертье! — окликнул друга Бабель. — Я спущусь и выясню, что этим... приличным господам угодно.

— Да! — притворно зевнул Гертье, пытаясь догадаться, что вынудило господ искать его общества — или что они имеют передать ему. Если б пришла полиция или судебный исполнитель — консьерж так бы и сказал. Но пока векселью не вышел срок, стражам закона незачем являться. — Бабель,

раз уж ты идешь — возьми-ка заодно ведро и принеси угля. У тебя должно быть десять центов... Консьерж! Откройте ему ларь, пусть наберет!

Быть другом знатного кавалера — нелегкая доля. Надев цилиндр и захватив порожнее черное ведро, Бабель удалился.

Рагна сжалась, держа ридикюль обеими руками, словно опять оказалась на ледяной улице. В глазах ее трепетал страх.

— Кто это пришел? Вы их знаете? — шепотом спросила она, прислушиваясь к далеким, слабеющим звукам за дверью — консьерж спускался по ступеням, гулко стуча подошвами, а Бабель с частым топотом и жестяным звяканьем ведра катился впереди.

— Почему вы шепчете? — так же шепотом ответил Гертъе встречным вопросом. — Здесь нет посторонних.

— Мне что-то показалось, — она заговорила громче. — Наверно, от вина.

— Красное эрльское, вполне обычное. Жаль, что я не могу предложить лучшего.

— Кавалер, я не хотела сказать о вашем угощении ничего дурного.

«Огеньдеш, — вертелось у Гертъе на языке. — Или «дух огня», я прав? Черт побери, как славно за одну ночь узнать сразу две истины — во-первых, что у вечерних костров егеря и ловчие рассказывали отнюдь не пустые байки!.. а во-вторых, что если ругинка — то уж непременно ведьма... и красавица».

— Знай я заранее, что встречу вас, сьорэнн, — припас бы провизии для настоящего ужина. Можете удивляться, но я неплохо готовлю — правда, лишь те блюда, что можно сделать на бивуаке, разведя костер. Жаркое из косули, пальчики оближете. И не бывало так, чтоб мы оказались вечером без дичи — я стреляю без промаха. Батюшка тоже, да и дед... у нас это умение в крови, от предков.

— Умение ваше — еще полбеды, — Рагнхильд вновь посуровела, раздосадованная его похвальбой, и взглянула на Гертъе недобро. — Иных тянет проверить свою меткость на всем живом. Не выношу я таких... удальцов!

...Бабель выглянул на улицу, дрожа от почти нестерпимого холода. Тело тотчас покрылось мурашками, жесткими, как бисеринки, а дыхание потекло по верхней губе каплями и набухло слизью в ноздрях. Едва завидев обещанных «господ», он захотел унырнуть назад и захлопнуть дверь, но тот из джентльменов в жемчужно-сером, кто был постарше, остановил его негромким вопросом. Певучий голос прозвучал так, что Бабель почувствовал себя виновным, заслужившим наказание:

— Ты не узнал нас?

— Нет, почему же, — Бабеля трясло, как желе. — Очень даже узнал. Здравствуйте.

Мороз на прищельцев не действовал, они держались величаво и свободно, как если б стояли вдвоем на пьедестале, отлитые из серебра, и слабый звездный свет мертвыми бликами лежал на пелеринах их пальто и цилиндрах. Со статуями их роднил и тот знобящий душу факт, что из носа и губ у них не выходил пар. Будто они сдерживались, чтобы не осквернить дыхание городским воздухом. Глаза их зеркально мерцали, завораживая Бабеля.

— Твой приятель Гертье дома?

— М-м-м... Да! Он... готовится ко сну!

— Он привез с собой девушку.

— Ну что вы! — задрезжал Бабель трусливым неискренним смехом. — Кавалер их к себе не возит. Он к ним ездит!

— Мы платим за то, чтобы ты служил *нам*, а не *ему*, — тоном повелителя напомнил старший. — Мы можем рассердиться на тебя. Кефас, напомни ему, как выглядит наш гнев.

— Я помню, помню! — Бабель умоляюще затрепыхал руками, поскольку молодой красавчик, черты которого неуловимо и как-то ужасающе исказились, стал всматриваться в лицо Бабеля, и у того начал подниматься изнутри к сердцу давящий, неживой лед. — Не надо, пожалуйста!.. Я все вам расскажу. Да, верно! он приволок какую-то девчонку. Довольно чистенькая. Он подобрал ее на улице, совсем замерзшую.

Кефас, выдавив неразборчивое проклятие, яростно ударил наконечником трости о каменную ступень. Бабель с содроганием увидел, что от камня с шипением полетели белые

искры, каждая с горошину. Старший с осуждением покосился на младшего.

— Вексель, — Гереон протянул руку.

— Что-с? — пролепетал Бабель.

— Вексель, который он подписал. После полудня ты телеграфировал посреднику, что Гертье взял деньги в кредит по фиктивной доверенности. Ты ленив и не успел отправить нам бумаги почтой — значит, они при тебе. Это весьма кстати. Давай их сюда.

— Господа... — боязливо вручая улики, Бабель съезжился с видом Иуды, протянувшего расписку за тридцать серебряников. — Когда он узнает, что я... с ним... для вас...

— Вот уж не думал, что у тебя есть совесть, — презрительно процедил Гереон, словно увидев нечто гадкое. — Любым способом уговори Гертье покинуть дом. Если преуспеешь, сто талеров золотом — твои. Иди и помни: ты должен устроить так, чтоб он ушел. Делай, что велено, да поживей!

Бабель торопливо поклонился хозяевам с заискивающей улыбкой и шмыгнул в подъезд.

— Единственный человек, — бормотал Кефас, вскинув голову и наблюдая за окнами третьего этажа, — единственный в городе, кто в состоянии ее укрыть, — и она в его доме!.. Гереон, что нам делать?! Его надо устранить во что бы то ни стало!

— Только заставить уйти. Больше никак, — отрезал Гереон.

— А где уголь? — спросил Гертье, увидев Бабеля пришедшим без ведра.

— Идем, — поманил Бабель, маяча в дверях. — Надо поговорить, это важно.

— Какие секреты? — Гертье с досадой дернул плечами. — Говори здесь.

Но Бабель с таинственными ужимками звал его за собой, подмигивал и причмокивал. Поняв, что он не утомонится, пока не выскажет наедине своих дурацких тайн, недовольный Гертье двинулся к нему.

— Кавалер! — окликнула Рагнхильда. — Что случилось?

— Я вынужден ненадолго покинуть вас, сьорэнн, — за-

держался Гертъе на выходе, сделав извиняющийся жест. — Ни о чем не тревожьтесь, я сейчас вернусь.

— Но...

Дверь захлопнулась, и Рагнхильд осталась в одиночестве. Она почти перестала дышать, пытаясь расслышать голоса за дверной филенкой, но Бабель намеренно говорил шепотом, вынуждая делать то же и Гертъе.

Прятели оказались тет-а-тет на промерзшей лестничной площадке между маршами уходящих вниз и вверх ступеней. Света здесь было мало, но Гертъе неплохо видел в темноте и заметил, что Бабель выглядит слишком бледно и понуро; ljubому другому Бабель представился бы безликим, сдавленно дышащим силуэтом, чей колышущийся объем смутно проступает из темноты при жестикуляции.

— Ну, и зачем ты выволок меня?

— Сейчас же собирайся и уходи из дома черным ходом.

— Почему это?!

— Тише! Не так громко... Послушай, Гертъе, ты много сделал для меня, мы славно проводили время, и я не хочу остаться в твоей памяти гнусной свиньей.

— Хм! Ты выдумал странный способ прощаться. Из-за чего ты решил срочно абонировать теплое местечко в моих воспоминаниях? И затем — кто дожидался тебя там, внизу?

— Тс-с-с!.. именно о них я веду речь. Ты можешь вклеить мне пощечину, Гертъе... или две, как захочешь. Я заслужил. Они наняли меня, чтоб я повсюду с тобой шлялся, водил по значным местам...

Гертъе перестал замечать холод. Он впился глазами в раскисшую физиономию приятеля и старался не пропустить ни слова из его покаянных речей. Внешний холод для Гертъе исчез — зато душа оледенела, и по ней двигались стальные резцы, выцарапывая глубокие, незаживающие раны-борозды. Неожиданно он до болезненной ясности понял, что означает фраза «сердце истекает кровью».

— Ударь, — плаксиво канючил Бабель, и в его просьбе не было ни грана криводушия. — Мне легче будет, ударь. Да, я подлец. Это профессия, я уже насквозь ею пророс, мне поздно переучиваться. Знаешь, когда катишься вниз, схватишься за любое предложение... Ведь я не кто попало — я окончил Хартес, практику свою имел, у меня был диплом, патент но-

тариуса... Что мне было — отказаться от всего, переехать с вещами на Висельный берег? Оттуда на лучшие улицы не возвращаются. А в колонии надо ехать смолоду, без семьи. Вот и взялся. Платили гроши. От тебя я больше получал...

— Кто они? — железным голосом спросил Гертье.

— Не знаю, — Бабель вконец осип или боялся говорить о нанимателях. — Я их всего три раза видел; нынче — четвертый. Беги от них, Гертье, беги не глядя. Они хуже чертей. Убьют походя, как одуванчик тросточкой сшибут.

— Что им надо от меня?

— Чтоб ты по уши залез в долги, — открылся Бабель. — Теперь пришли чего-то требовать. Беги, пока не поздно. Оденься — и улепетьвай что есть духу.

— Они внизу?

— Да. Не вздумай к ним сойти! Я говорю — черным ходом, а потом быстренько на вокзал! И первым поездом — домой, в Ругию. Граф-отец поймет, он простит, я уверен!

— Убирайся, — коротко бросил Гертье, навсегда отсекая от себя все связанное с Бабелем.

— Не выходи к ним, Гертье! — бочком обходя бывшего друга, молил Бабель. — Христом-богом заклинаю! Они не помилуют. Только бежать, только бежать... Уйдем вместе, а? Зайди, скажи ей что-нибудь, чтоб не волновалась, одевайся — и на Гуфарат. Пусть ее ждет, зачем она тебе! с ней ничего не сделается. А ты — ту-ту-у!.. — изобразил он паровозный гудок. — Только, пожалуйста, вынеси мою трость...

Гертье сгреб Бабеля за грудки так, что тот запищал. У студента, с малых лет верхом охотившегося в лесах, была железная хватка.

— Проваливай, и побыстрее, гадина. Иначе на Висельном берегу тебя будут звать Нос-В-Лепешку.

Дважды просить Бабеля не потребовалось — он понесся по лестнице со скоростью, опровергающей все толки о том, что-де пузаны — народ неповоротливый. Внизу его подстергал консьерж, которому уже надоело караулить раскрытый угольный ларь:

— Месьер Бабель, да что я, из-за вас тут должен до утра на холоду стоять? Набирайте-ка свое ведро и денежку гоните. Разбудили меня, вытащили из кровати, а сами...

Проскочив мимо, Бабель вскинул щеколду задней двери,

вылетел из дома на манер артиллерийской бомбы, покидающей дуло пушки, и припустился по набережной.

— Он не преуспел, — констатировал Кефас. — Войдем?

Консьерж диву дался — парадная дверь открылась сама по себе, без ключа и скрипа. Вошедшие господа — те, что домогались встречи с кавалером или его убежавшим приятелем, — вели себя в подъезде как домовладельцы, даже не заметили консьержа, и это его рассердило.

— Позвольте, господа, позвольте! Здесь вам не галантерейный магазин, чтоб без спроса заходить; тут частный дом, а не публичный! Ежели вас не принимают, так разрешите вас наружу проводить! Не время для визитов — полночь темная!..

После этого язык консьержа окостенел во рту, словно кляп, и старому привратнику показалось, что его подняло и бросило во внезапно раскрывшуюся дверь каморки, зашвырнув прямым в кровать, где его плотно обняли одеяла. Затем он провалился в непроглядный, черный сон беспамятства.

Геренон с легкой гримасой помял пальцами что-то невидимое и отбросил, будто скомкал ненужную бумажку.

Безмолвный и подавленный Гертье остался на площадке.

Когда рушатся иллюзии, их обломки ранят душу, а прозревшие глаза жестоко режет свет обнаженной правды. За какую-то пару минут полунищая, но веселая студенческая жизнь предстала ему в подлинном виде — камрад оказался наемным шутком, предателем всех тайн Гертье, свидетелем его поступков, по чьему-то наущению коварно завлекавшим графского сынка в паутину долгов, как в ведьмин лес, откуда нет выхода. Душа, растянутая между бедностью и желаниями, надрывалась — и дала тонкую трещину, которую Бабель расширил разговорами о вольготном житье в кредит... затем последовал намек, как добыть денег путем почти невинной махинации. Ни слова о том, что это — преступление. «Ловкость», «находчивость», «удобный случай» — Бабель-искуситель использовал весь лексикон соблазна, чтобы Гертье воспринял трюк с векселем как приключение, где нужны выдержка и гибкость ума. Когда веришь в то, чего хочешь, — поверишь и в ложь. Оп-ля! и вот они, монетки!..

Даже в конце своей миссии Бабель ломал комедию, изображая приступ дружеского участия.

Но с какой целью была соткана паутина? Кто хотел запутать Гертье и привести его к подлогу?

Ответа он не знал. Но по шагам, доносившимся снизу, Гертье догадался, что ответ близится. В колодце пустоты, обвитом ступенчатой спиралью лестничных маршей, он увидел две неторопливо восходящие фигуры.

Вид этих двоих, поднявшихся на лестничную площадку, немного смутил его.

Они были похожи на него самого... даже, скорей, на него и батюшку, стоящих рядом. Разве что щегольские пальто и цилиндры были не того фасона, какой носили Валлеродены. А вот лица, осанка, уверенная надменность показались Гертье знакомыми.

— Монсьер Гертье дан Валлероден? — нарочито громко, но вежливо спросил старший.

— Это я. С кем имею честь? — взведенный беседой с Бабелем до звона, как часовая пружина, Гертье тем не менее вел себя с подчеркнутой церемонной сухостью.

— Гереон, — старший слегка наклонил цилиндр.

— Кефас, — представился младший, который вполне мог быть двоюродным братом Гертье, если б у его тетушки хоть раз родился мальчик.

— Что вам угодно?

— Пожалуй, это не лучший час для встречи, — плавно начал старший гость, спокойно и пытливо изучая Гертье, — но так вышло, что мы не имели возможности явиться раньше. У нас, кавалер, есть разговор щепетильного свойства, непосредственно касающийся вас.

— Час в самом деле поздний, когда в гости не ходят, — категорично заявил Гертье. — Если у вас ко мне дело, его можно перенести на другой день. Завтра... то есть уже сегодня после завтрака я смогу вас выслушать. Надеюсь, это вас устроит.

— Отнюдь нет, — Гереон умел настаивать. — Дело должно быть решено безотлагательно и чем скорее, тем лучше. Разговор не займет много времени — не дольше получаса, я аумаю. Но говорить о личном... даже о глубоко личном на ле-

стничной площадке не следует. Было бы уместней продолжить беседу в квартире. У вас.

— Нет, — сразу и решительно отказал Гертье. Довольно и того, что приятель, сосавший его деньги как пиявка, после каждого кутежа докладывал этим блондинам о всех тратах и долгах кавалера дан Валлеродена. Честное имя девушки не может быть запятнано, никто посторонний не увидит ее в его доме. Нет сомнения, что Бабель все выложил своим хозяевам о госте кавалера, но болтовня проходимца — опустившегося бывшего нотариуса и поверенного без диплома — это одно, а личное свидетельство двух приличных господ — совсем другое.

— Видите ли, монсьер дан Валлероден, — афронт не обескуражил терпеливого гостя, — ваша будущность под угрозой, и мы стремимся уберечь вас от опасности. Поверьте, мы руководствуемся самыми искренними побуждениями. Так может быть, мы вместе пройдем в квартиру?

— Нет, — твердо повторил Гертье. — Мы с вами незнакомы, и, признаюсь, я чрезвычайно удивлен тем, что вы так обо мне печетесь.

— Мы — ваши родственники, и наш интерес к вашей судьбе вполне объясним. Мы действуем по праву кровного родства, — ответил Гереон.

— Я вас не знаю. — Мысль о каком-то дальнем родстве с незваными гостями не была совершенно чужда сознанию Гертье, но их визит выходил за рамки вежливости, принятой у порядочных людей.

О родичах с подобными именами он никогда не слышал. Какая-то побочная ветвь, отколовшаяся и затерявшаяся в колониях или в Америке?.. В родне всегда найдутся отщепенцы, опорочившие фамилию и скрывшиеся от суда за океаном.

Невольно примерив к себе последнюю мысль об отщепенцах, Гертье с тревогой понял, что она вот-вот придется ему впору, как платье брата-близнеца. Для чего эти, с фамильной внешностью, подводят под него мину? На что они надеются? Пригрозить разоблачением и предъявить права на наследство Ваалероденов? На титул и земли?.. Немного же им достанется. Но если в субституции отцовского завещания назван какой-нибудь заморский Гереон, блондинам

выгодней, чтобы Гертье попросту исчез. Сменил имя, присоединился к авантюристам, сгинул где-то в тропиках... А как деликатно подбираются: «стремимся уберечь вас», «по праву кровного родства». Нет, пока не предъявят доказательств, уступить им ни в чем нельзя.

— Вы никогда не приезжали в поместье батюшки.

— Приезжали, только вы нас не видели. Вы спали.

— Что же мешало вам приехать днем, когда все бодрствуют?

— Ряд обстоятельств, которых вы не поймете.

— Можете их перечислить, у меня хорошее образование.

— Эти причины не входят в круг гимназических и университетских дисциплин.

— Иными словами, вы ничем не можете подтвердить свое родство со мной. Не смею вас дольше задерживать. Будьте здоровы.

— Монсьер дан Валлероден, я советую вам хорошенько подумать, прежде чем наотрез отказываться от беседы с нами. Мы можем обождать вашего решения... скажем, около часа. Но не дольше. Вы сами можете назвать срок.

— По-моему, я свободен располагать своим временем, как мне угодно, и не обязан принимать в расчет сроки, назначаемые вами, — Гертье заговорил речку.

— Все зависит от погоды, — туманно заметил Гереон. — Итак, мы хотим услышать, какой срок больше подходит вам.

— Я дам ответ, как только выпью кофе, — сказал Гертье, про себя решив, что, поскольку в квартире нет ни одного кофейного зерна, исполнить обещание он все равно не сможет, но обманывать гостей не стоит — утром можно послать служанку в лавку колониальных товаров, и тогда... А вот дождутся ли господа ответа на крепнущем морозе — это их заботы, не его.

— Что ж, нас это устраивает. Мы прогуляемся по улице и вскоре возвратимся.

Когда Гертье вошел в комнату, на лице его было выражение, которое можно наблюдать лишь у гренадеров, несущих караул при гробе государя. Но оно вмиг сменилось неприкрытым удивлением, едва он увидел, что Рагна — откуда что взялось?! — держит нацеленный ему в грудь увесистый ре-

вольвер. Девушка выглядела дико, словно прибежала сюда в слезах после душераздирающей семейной сцены, а вслед ей несло: «Ты мне больше не дочь! Вон из дома, мерзавка!» Бабель после переговоров с жемчужно-серыми блондинами был бледен и подрагивал, но Рагна выглядела куда хуже — блее свежее выпавшего снега, а револьвер в ее руках трясся крупной дрожью, как телега на ухабах.

— Вы! — крикнула она ломающимся от душевной боли голосом. — Не приближайтесь! Я выстрелю!

— Сьорэнн, да вы не в себе, — подойдя, Гертье с большой осторожностью вывернул оружие из стиснутых пальцев девушки, следя за тем, чтобы ствол был направлен в сторону. — Эта штука не для дамских рук. Отдайте, пожалуйста.

— Почему вы... почему вы не назвались? — обезоруженная, она держалась так же нервно и дерзко.

— Отчего же? Я сказал вам свое имя.

— Но не фамилию! Вы — Валлероден! я все слышала!

— А что в этом такого? Действительно, я — дан Валлероден.

— Я не могу! я не желаю оставаться рядом с вами ни секунды! Подайте мне пальто. Я уйду. Кто к вам приходил? Их было двое — Гереон и Кефас, да? Я так и думала! Вы заодно — ну как же, родичи! — В последнем слове прозвучала ненависть крайней степени. — Но я не позволю, слышите, не позволю вывести меня к ним за руку. Я выйду — сама... и кинусь в лестничный пролет!.. живой я им не достанусь! никогда!!!

— Э, постоит-ка, — Гертье цепко удержал ее за руку, когда она попыталась рвануться к двери, до затмения рассудка взвинченная своей идеей, — я вас не понимаю. Что значит — «не достанусь»? Они что-то замышляют против вас? Они вас преследуют?

Рагна ошарашенно замерла, даже не попытавшись высвободить руку или хотя бы возмутиться его непочтительным обращением, вскрикнув: «Что вы себе позволяете?!» Глаза ее округлились.

— Как... Вы не... не знаете, почему...

— Рагнхильд, я знаком с вами всего пару часов, а с теми господами — меньше четверти часа. До сего дня я не встречал ни их, ни вас. Я не знаю за собою никакой вины, из-за

которой вы могли бы целиться в меня. Тем более я не состою с этими Кефасом и Гереоном в сговоре. И наконец, у вас короткая память, сьорэнн: я поклялся, что оберегу вас от любой опасности — а Валлеродены словами не бросаются.

— Вы будете защищать меня?.. — в полной растерянности проговорила Рагна. — Ведь вам ничего обо мне не известно!..

— Какое это имеет значение? Слово есть слово.

— Отпустите мою руку, — попросила она тихо. — Вы не можете обо мне заботиться. Вам нельзя. Я — ваш враг.

— Не смешите меня, Рагнхильд, — Гертье осмотрел револьвер. Хм, заряжен!.. После родичей-блондинов, посвященных в его секреты, — девушка с оружием и некоей безумной враждой к Валлероденам. Будь ты вдвойне душевно крепок, и то голова кругом пойдет. Однако если встреча с Рагной явно случайна, те двое шли по адресу, который знали точно — от Бабеля. Во всем этом следует разобраться. — Лучше расскажите, кто эти двое, — кажется, вы с ними знакомы куда больше моего.

— Черт бы побрал их обоих, — в голос Рагны вернулся холодок самообладания. — С меня достаточно, что я помню их имена, а их лица — хоть бы и вовсе не видеть! Они в самом деле ваши родственники... не улыбайтесь! Я говорю серьезно. И то, что я враждебна вам, — чистая правда. Я... — Она сжала губы, обдумывая, говорить ей дальше или нет. — Как это отвратительно, что я с вами встретилась...

— Боюсь, без этой встречи вы замерзли бы насмерть.

— О, не переживайте — они не позволили бы мне умереть. Я нужна им. Слушайте, кавалер дан Валлероден, вы еще готовы мне помочь?

— Всегда. Но вы рассказываете мне нечто бессвязное. У меня складывается впечатление, что один из нас помешался. Я начал сомневаться в том, что вижу и слышу. Так вы говорили о вражде... продолжайте!

Узел загадок скручивался все туже. Оказывается, блондины шли и к нему, и за ней! И с каждым шагом вопросов больше, чем ответов.

— Должно быть, между нами возникла связь, — задумчиво произнесла Рагна, бессознательно теребя складки своего платья, — чего я не предвидела... стгоряча... ах, зачем, зачем

так случилось!.. Кавалер, это давняя история. Тому уже четырнадцать лет. Я была маленькой. Отец вашей невесты охотился; его земли граничат с нашими. А мой брат... в общем, он гулял... в необычном виде. Барон Освальд застрелил его, приняв за... ну, это не важно. Короче говоря, — взглянула она в глаза Гертье, — тогда я прокляла вашу невесту насмерть. Атталину дан Лейц. А меня зовут Рагнхильд Брандесьер. Если вы верны слову — дайте мне нож. Или верните пистолет.

Брандесьеры! Гертье словно водой окатили — это соседнее семейство ругов, чьи владения вплотную примыкают к имению Лейцев — и чью границу, как говорила Атталина еще в детстве, запрещено переступать. Почему? Нипочему, просто нет с ними ни дружбы, ни каких-то других отношений. Ручей и рубеж, проходящий по лесам, пересекают только браконьеры и зверье, да еще государственные землемеры, сверяя межи господских владений с картой. Сколько детей у Брандесьеров и какого они возраста, Гертье никогда не интересовало. Сказываются восемьсот лет вражды ругов и салисков.

— А нож вам для чего? — вырвалось у Гертье, оторопевшего от признаний Рагны.

— Нарезать сыру, — буднично ответила Рагна, но во взгляде ее читалось иное, страшное намерение.

— Чушь какая-то... Атталина жива! Она здорова, ничего с ней не случилось...

— Все впереди. Скоро ваша свадьба, вот тогда исполнится проклятие. Мне... я старалась причинить Лейцам как можно больше зла и боли, — Рагна сжала кулачки, — потому что у меня был брат! любимый! Если бы вы увидели своего родного брата с грудью, разорванной пулей?! Я его помню живым как наяву. Мне до сих пор больно. И я сделала так, чтоб Лейцы страдали годами, а в конце пусть их ждут муки дочери, смерть и погребение. Я сказала... — Рагна в жестоком упоении вскинула голову: — Огеньдеш на Атталину дан Лейц! Пусть он падет на новобрачную в день ее счастья и она вспыхнет как факел! Барон Освальд, прими отмщение от Рагнхильд Брандесьер! Я своих слов обратно не возьму!

Голос ее погас в тишине комнаты. Гертье показалось, что

он слышит, как оконные стекла с медленным шорохом затягивают морозный узор.

— Я не метила в вас, — глухо выговорила Рагна после долгой паузы. — Так получилось... Теперь-то вы меня выгоните?

— Холодает, — невпопад сказал Гертье. — Печь почти утасла...

— Немудрено, — Рагна вздохнула. — Ваша родня старается. Они лишили меня силы — и теперь будут нагонять холод, пока мы не окоченеем. Впрочем... вы можете уйти. Тогда они войдут, ведь я здесь — не хозяйка жилья и огня.

— Почему они вас преследуют?

— Я же все объяснила! Может, мне по-ругски повторить, чтоб вы поняли? Они хотят, чтобы проклятие исчезло... вместе со мной.

— А вы ничего не можете сделать? — спросил Гертье громко. — Снять его, отменить...

— И не могу, и не хочу. Пусть горит.

Гертье, хотя он был смятен и угнетен обрушившимися на него откровениями, машинально примечал какие-то мелкие, но необычные перемены в комнате. С момента, когда он вернулся после беседы с Гереоном, окна сильно затянуло морозными узорами. Дыхание Рагны начало вырываться из ее ноздрей и рта полупрозрачным паром — да и у губ самого Гертье пар явственно за клубился слабым тающим облачком. Понемногу становилось все холодней. Подойдя к умывальнику, Гертье обнаружил, что вода в нем покрылась ледяной каймой. Льдистые иглы вытягивались от краев посуды, обрастая хрупкими перемычками, соединяясь ими и расширяя кольцо наледи.

— Чертовщина, — вырвалось у него. — Сплю я, что ли?.. Что происходит?!

— Холод стягивается к нам, — Рагна, озябнув, обхватила себя руками, положив ладони на плечи. — Они собирают его в шар. Мы будем в центре. Уходите, кавалер; еще не поздно. Они могут пожертвовать вами; в конце концов, найдут другого жениха для Атталины. Без проклятия, без меня она спокойно выйдет замуж.

— «Найдут»? Что вы этим хотели сказать? — Гертье ки-

нулся к угольным ведром, заглянул — осталось мало... и печь горит так, будто умирает.

— А вы не знали?.. Ну конечно, вам знать не обязательно. Они сводят вас и женят, чтобы их порода не угасла. Сохраняют кровь. Радетели!

«Обычай жениться на троюродных кузинах, — блеснуло у Гертье новое открытие. — Будто племенное скотоводство!.. Бедняжка Атталиа — и бедняга я, куда влип!»

Он ссыпал весь уголь в одно ведро и переставил к печке.

— Ничего, согреемся. Пиронафтом оболью — разгорится как в аду!

— Бесплезно, — голос Рагны слабел то ли от холода, то ли от предсмертного уныния. — Они крадут тепло, оно уходит к ним.

— Если вы можете управляться с огнем, — свирепо выпрямился Гертье, — то пусть от вас будет хоть какая-то польза. Насылайте, если жить охота! Сюда, — показал он пальцем на печку.

Теперь он целиком и полностью поверил в сказки о ругинках, заклинающих огонь, воду, раны, дождь и волков. К тому же и фамилия! Не надо ни догадок, ни заумных толкований — истина лежала на поверхности, на виду у всех. Люди ленились напрячься, чтобы понять: Брандесьер — Пожар-Господин. Ну и достались Лейцам соседи!..

— Зачем вы стараетесь? — с упреком в голосе спросила Рагна. — Все напрасно! Вам с ними не сладить. Вы — полукровка, а они — чистокровные...

— Ничего, потягемся и с чистокровными. А насчет полукровок — выражайтесь осторожней, милая, это звучит оскорбительно. Разжигайте.

— У вас нет угля! Это последний!

— Что-нибудь придумаем.

— Прекратите издеваться надо мной! Или выставьте меня — или уходите!

— Не дождетесь. Я вас не выпущу, даже если вы захотите уйти.

— Да вы... с ума сошли от вашей феодальной гордости!

— Благодарю за комплимент. Я постараюсь сохранить этот предрассудок. Так вы будете разжигать?

— Я вас ненавижу! И вы должны ненавидеть меня!

— Мало ли как я к вам отношусь. Есть понятия выше личной неприязни. Короче, договоримся так: вы не совершаете никаких глупостей и поддерживаете огонь в печи до моего возвращения.

— Куда вы?! — всполошилась Рагна.

— Ах да... забыл кое-что. Позвольте-ка надеть на вас ольстер. Так теплее.

— Нет, вы ответьте мне — куда вы собрались? — Рагна лихорадочно застегивала пуговицы, поскольку служанки тут не было. — Вы обязаны сказать!

— Почему — обязан? — Гертье засунул револьвер за пояс.

— Потому что я так хочу! — она негодуяще топнула каблучком.

— Хорошо — я иду за дровами. Довольны?

— Да, да. Только...

— Что?

— ...поскорее, — прошептала она, но затем гневно блеснула глазами: — И не вздумайте хитрить! Иначе я разобью бутылку с пиронафтом об пол и подожгу.

— Себя вы не жалеете, так вспомните о тех, которые спят в доме; их-то за что? Не беснуйтесь и ограничьтесь пока печкой.

На площадке первого этажа Гертье снял со щита пожарный топор с крюком на прочном топорнице. Ларь с углем оказался закрыт на замок и весь заиндевел. Попытки сбить замок топором ни к чему не привели — ларь будто окаменел или весь был сделан из железа. Оглядевшись, Гертье убедился, что инеем покрываются и стены подъезда, и перила, и ступени — седой налет стелился белой накипью, снежным пухом, нарастал рыхлыми свисающими прядями. Топор и револьвер показались Гертье ненужным железом — куда стрелять, кого рубить, если враг разлит в воздухе и поступь его видна лишь на термометре как понижение красного спиртового столбика?.. Наскоро проверив, хорошо ли заперты двери дома, он побежал вверх, боясь, что замок и щеколда — не преграда и жемчужно-серые уже входят в квартиру, невидимо обогнув его с потоком холода.

К счастью, опасения его не оправдались. Крюком, что

торчал на обухе топора, он зацепил кровать за верхнюю трубу спинки и с грохотом подтащил почти вплотную к печке.

— Забирайтесь в постель, — велел он Рагне, с треском обрушив топор на венский стул. — Нет, погодите! сперва тюфяк. Вторым накроетесь. Прячьтесь с головой, как в нору. Вот еще покрывало вдобавок, — отставив топор, Гертье достал из шкафа длинный и просторный плащ, подбитый тяжелым медвежьим мехом. — Завернитесь в него и укладывайтесь.

— В пальто?.. — Рагна колебалась, не решаясь поступить вразрез с приличиями.

— И в обуви! Сейчас не до этикета.

— Ogenjdes! — призвала она, указывая на печь, набитую обломками букового дерева. Дух, с трудом очнувшись от усыпавших его чар, воспламенил топливо, и огонь в печи загорелся жарко и ярко. Скованными движениями Рагна взвалила тюфяки на кровать, замоталась в медвежий плащ и кое-как влезла между пышными объемами тюфяков. Прикончив и второй стул, Гертье отрицательно покачал головой:

— Не так. У вас ноги снаружи. Сьорэнн, вам придется смириться с тем, что я вас разую. Представьте, что я — паж... Снимайте шарф, — он снял свой, затем взял пару полотенец.

— Я обойдусь без вашей помощи, — пробормотала Рагна сердито, путаясь в шнуровке башмачков. — Что вы надумали? зачем шарф?

— Вместо портянок. Ботинки тесные, ноги в них скорей замерзнут, поэтому надо чем-нибудь обернуть ступни.

— Не дотрагивайтесь до меня!

— Рагна, для препирательств и смущения у нас нет времени. Вы не умеете защищаться от холода. Предоставьте это мне. Поверьте, мне сейчас куда важнее выжить, чем любоваться вашими ногами.

Она перестала противиться. Ступни ее сильно прозябли в чулках и — тут Гертье испугался по-настоящему — никак не отвечали на его прикосновения.

— Вы их чувствуете? Вы чувствуете свои ноги? Рагна!

— Да. Вроде бы. Укройте меня побыстрее.

— Согните колени, — он подвернул юбки так, чтобы они закрыли поджатые ноги, а ниже подоткнул край медвежьего плаща. Только теперь он заметил, как застыли его собствен-

ные руки — пальцы едва гнулись, а кожа рук заметно побелела. Гертье плеснул на ладони спирта из спиртовки и стал растирать кисти, пока они не согрелись; тогда он надел перчатки.

Рагна сложила верхнюю кромку плаща в подобие капюшона; из мехового кулька выглядывал ее носик и моргали настороженные глаза. Дрова из стульев прогорали слишком быстро, давая мало тепла. Сдернув скатерть со стола, Гертье примерился, как будет удобнее рубить его. Для начала расколол на три части трость Бабея.

Лопаясь, тихо звякнула промерзшая бутылка с вином.

Со звоном треснуло от холода оконное стекло.

Гертье взмах за взмахом посылал лезвие топора в неподатливое дерево, превращая работу столяров в щепу и обломки. Он старался ударить сильнее, размахнуться шире, чтобы движения мышц грели тело изнутри, как у дровосека. Он вымел из головы все иные соображения, кроме своей цели — добыть из обстановки комнаты как можно больше дров для чудовищно прожорливой и почти не согревающей печи. За столом в горящий зев последуют диван и жардиньерка, потом туалет (зеркало — разбить крюком топора, чтоб не возиться, вынимая его), затем — бюро. Книги? нет, никогда. Хотя... может статься, настанет и их черед. А вот привезенный из дома кофр сгодится однозначно.

— Кавалер... — робко позвала Рагнхильд из своего мехового гнезда.

— Да? Что такое?

— Вы... продержитесь до утра?

— Трудно сказать, — Гертье утер пот, и стоило ему остановиться, как холод стал смыкать тиски, опалая кожу ледяным дыханием. Пальцы свело на топорнице, он лишь с усилием смог разжать их. — Термометр больше не работает, спирт опустился ниже шкалы.

— Вы не заснете?

— Ну уж нет! — На душе было тоскливо, но Гертье все-таки усмехнулся. — Если заснуть — не проснешься. Лучше следите за собой, сьорэнн. Лежа в тюфяках скорее задремлешь.

— Мне не до сна. Поймите, я совсем не против вас...

— Ба! а как же вражда?

— О, она всегда со мной! Я не отступлюсь. Я только хотела сказать, что... я не знала, кто именно станет ее женихом. Вас-то проклятие не касается, понимаете? Вам не обязательно жениться на Атталине. Ведь это задумано нарочно, чтоб у нее родились дети от вас. А она вас не любит и замуж не хочет... вы что, не догадываетесь, как поступить?

Топор Гертье звучно хрястнул, разваливая крышку стола.

— Вы предлагаете расторгнуть помолвку — или сбежать из-под венца. Мило, очень мило. Но теперь... — Наметившись, Гертье ударил, разрубая сухое дерево, и по лакировке молнией пробежал бело-желтый косой раскол. — Теперь я проникся чувствами Атталины. Вы же не хотите умереть, верно? Вот и она не хочет. И боится меня. Любой другой жених принесет ей то же самое. Приятное ожидание замужества, не так ли?.. Но я не просто нареченный — я ее троюродный брат. Я не оставлю сестру в опасности. Это было бы постыдно, съорэнн. И я ни за... — прицелился он топором в крупный кусок столешницы, где трещинами обозначились ее составные части. — Что!.. — топор клином расщепил плотно пригнанные доски. — Не покину ее. Запомните это.

Он до жгучей боли ясно представил, что значат слова «вспыхнет, как факел», прозвучавшие в проклятии. Как факел... Огонь может наброситься в любой момент. Падающая свеча в церкви. Прикосновение кисейным рукавом к ночнику у брачного ложа. Отлетевшая головка спички. Скольких женщин и девиц окутал огненный саван внезапно загоревшегося платья! И нет спасения. Обожженное тело цвета мяса, слезающая мокрой кровавистой пленкой кожа, спаленные до корней волосы, смерть в невыразимых муках. Разве что забытые смилуется, избавит от адской пытки.

Гертье вообразил себе, как Атталина при свете мирной лампы разглядывает свое лицо в зеркале и думает: «Мои ресницы, мои губы, мои ушки — неужели они только пища огня? А мои драгоценные глаза? они помутнеют, словно у вареной рыбы? А мои волосы, мои чудесные локоны — разве они обречены в жертву пламени?..» Она — дочь барона, она тверда; нельзя позволить страху исказить черты лица, плаксиво искривить дрожащий рот. Но по сторонам точеного носа появляются блестящие дорожки медленных слез: «Стать кем угодно — ивой у пруда, птицей на ветвях, летним обла-

ком, черной монахиной — только не снохой дан Валлеродена, не женой Гертье!..»

И годами жить, зная о проклятии, с каждым годом, каждым днем приближаясь к роковой развязке!.. Сьорэнн Брандесьер сумела состряпать мщение по высшему разряду, ни с какой стороны не объедешь. Если только... Гертье ощупал пальцами гладкое, крепкое топориче. Один удар! Всего один! Главное — своими руками. Иначе отчего Рагна так стремилась умереть сама, по собственной воле? Не от рук его родителей, распоряжающихся холодом как оружием... Убийство тоже подчинено правилам. Убить оскорбителя на дуэли — значит смыть бесчестие, а если его сбросит лошадь, если он споткнется на лестнице, утонет, отравится, повесится — сатисфакции не будет, уязвленная честь навсегда останется неудовлетворенной. Но получение сатисфакции можно передоверить — прежде всего единокровным родичам; на этом основаны все процедуры кровной мести — все сеньориальные файды и вендетты.

Видимо, Рагна что-то заподозрила в его остановившемся взгляде и топоре, замершем в наполовину поднятой руке. Она не проронила ни звука, но глаза ее наполнились слезами.

Двуручный пожарный топор тяжел и остер. Сила, с какой Гертье делал из мебели дрова, была велика. Взмах, блеск — и проклятие рассеется, разлетится теплыми алыми брызгами, сольется с постели на пол дымящейся, замерзающей вишнево-красной стружкой. Атталина с улыбкой пойдет под венец, больше не боясь объятий огня.

«Я погибла», — подумала Рагна, ощущая неотвратимую близость смерти. Каменный взгляд Гертье приказывал не уворачиваться и не шевелиться, чтобы все удалось с одного удара.

Подняв топор — Рагна ахнула, спрятав лицо в ладонях, — Гертье всадил его в доски пола.

— Становится прохладно. Я, пожалуй, оденусь.

Надевая честерфильд и картуз, он с трудом двигал руками и туго поворачивался застывшим туловищем. Он всегда относился к холоду легко, даже любил прохладную погоду и считал умение переносить мороз семейным свойством наряду с ночным зрением и тонким слухом, но сегодня это свойство начало изменять ему. Холод охватывал тело, прони-

кая вглубь, от кожи в плоть. Гертье разминал пальцы, но это почти не помогало от нарастающей скованности. Поводив глазами, он отметил, что инеистый пушок начал появляться на обоях и на потолке комнаты. Сонливая усталость подкрадывалась, наливая тяжестью руки и ноги, заставляя веки смыкаться, а голову — клониться под весом дремоты.

Он очнулся и поднял глаза, услышав деликатный, негромкий стук в дверь. Вырвав из пола топор, он оглянулся на Рагну — та совершенно зарылась в покрывала и тонко всхлипывала. Поразмыслив, Гертье отставил топор, но расстегнул пальто, чтобы удобней было достать револьвер.

Герееон и Кефас стояли в шаге от порога, такие же свежие и нечувствительные к морозу, как и в прошлый раз. Похоже, замки и засовы не могли их удержать — они ждали только приглашения, чтобы переступить рубеж.

— Вы что-нибудь надумали, монсьер дан Валлероден? Времени у вас было вполне достаточно, чтобы выпить кофе.

— Если оно есть. А поскольку у меня нет кофе, я не могу его выпить и, следовательно, не дам вам ответа.

— Ах вот в чем причина... Это поправимо, — Герееон протянул ему мешочек, пахнувший хорошо обжаренными кофейными зернами. — Примите в подарок. Преподносим от души, как близкому родственнику. Пейте — и отвечайте.

— Я не обещал пить немедленно, — Гертье нашел в себе солидный запас дерзости, хотя холод уверенно одолевал его. — Возможно, вам придется ждать до утра.

— Боюсь, к утру вы уже не сможете ни пить кофе, ни отвечать, ни вообще делать что бы то ни было, свойственное живым людям, — жестко молвил Герееон. — Монсьер Гертье, советую вам умерить свое упрямство. Полагаю, что вы уже сделали ряд интересных и неприятных открытий по части родословной и дел между соседями.

— Да, вы на сей счет неплохо постарались.

— Что вам еще надо узнать сверх того? Теперь вам известно, кто та молодая особа, которую вы скрываете...

— Вы ошибаетесь, — высокомерно ответил Гертье. — Я проживаю один; никаких гостей в квартире нет.

— Полноте, кавалер, — Герееон стал чуть фамильярней, — не отрицайте очевидного. Вы не хотите компрометировать

девушку? Поверьте, ваше доброе отношение к ней совершенно излишне. Она не та, чью честь и репутацию вам следует оберегать.

— Позвольте мне самому решать, кого оберегать, а кого — нет. Вас не касается, находится или не находится кто-то в моем доме, а ваше утверждение о молодой особе по меньшей мере бестактно. На первый раз прощаю, но — не испытывайте мое терпение, оно не бесконечно.

— Я уверен, что она вам назвалась, — продолжал Гереон как ни в чем не бывало, — и не смолчала об отношениях, которые связывают ее с семейством Лейцев. Она гордится тем, что натворила. Вы поступили разумно, обезоружив ее. То, что она хочет сделать с собой, должны совершить мы... или вы сами. Только тогда проклятие утратит силу. Решайтесь, кавалер. На карту поставлена судьба ваших детей.

— Ничто не заставит меня изменить своему слову, — помедлив, твердо промолвил Гертье.

Он сделал движение, чтобы вернуться в квартиру, но тут Гереон достал вексель и доверенность. Подъезд был освещен почти никак, но глаза Гертье различали все до мелочей — и он увидел, какие именно бумаги предъявляет ему жемчужно-серый господин.

— Простите, кавалер, но если вы — вы один — сейчас не покинете квартиру, эти улики окажутся в руках полиции. И вы отправитесь в тюрьму за подлог. Но прежде мы вызовем полицейских и будем понятыми при обыске. Надеюсь, вам известно, что по обвинениям в убийстве, государственной измене, изготовлении фальшивых денег и безнравственности полиция имеет право вторгаться в жилище без судебной санкции. Вашу гостью выведут из квартиры как шлюху, и ей придется объяснять судье, как и почему она ночевала у мужчины. Вам известно слово «позор»?

— А вам — слово «честь»? — Удар не пошатнул Гертье — напротив, прибавил ему стойкости, поскольку дело дошло до крайностей. — Вы шантажируете меня, как мелкий подонок.

— Сударь!!! — Гереон умел и рычать, но Гертье устоял, даже не шелохнувшись:

— Ваш следующий шаг будет попыткой войти без разрешения. Думаете, я не смогу вас остановить?

Гереон быстро укротил порыв гнева, вернувшись в позу серебряной статуи.

— Я против дузлей между родственниками, — произнес он ровным тоном. — А то бы вы недолго прожили.

— Как знать; я метко стреляю. Родственные чувства не помешают мне принять ваш вызов. Можете присылать картуль, в делах чести я всегда к вашим услугам. Будьте уверены — я научу вас биться на равных.

— Чему вы можете научить нас? — Гереон свел брови, уставив на Гертье немигающий взор. — Вы настолько молоды, сударь, что вам чужда забота о своем роде и потомстве.

— А вы, монсьер, настолько стары, что ваша кровь остыла. Чтобы выжить, вы снисходите до браков с нами, молодыми и горячими, иначе угаснете, как догоревшие свечи.

Осанка Гереона не изменилась, но на лице под внешним лоском проявилось нечто устрашающее, словно с величавого господина спала маска, обнажив доселе скрытый лик древности, — и горькая, бездонная печаль звучала в его стихшем голосе:

— Вы даже отчета себе не отдаете в том, сколь жестоки ваши слова, кавалер Гертье. Поступайте как знаете, а мы продолжим добиваться своего.

— Я тоже, — войдя в квартиру, Гертье хлопнул дверью.

— Наша кровь, — отметил Кефас не без гордости.

— Он готов умереть за то, что сказал горяча, — вздохнул Гереон. — Что ж, друг мой, примемся за дело! Утро близится, а наши усилия пока безуспешны.

— К чему ваше самопожертвование? — укоризненно спросила Рагна. — Поймите, кавалер, — я все равно не изменю проклятие.

— Незачем повторять, я это уже слышал, — Гертье ходил по промерзающей комнате, то хлопая себя по плечам, то энергично потирая руки. Пальцы почти потеряли чувствительность, да и нос едва ощущался, если его тронуть. Самое подходящее — присесть у печки, приблизив лицо и ладони к огню, но при сидении на корточках начинали коченеть ноги и туловище. Тряхнув чернильницу, Гертье вполголоса выругался — и чернила замерзли! Керосиновая лампа горела кое-как, крохотным изнемогающим огоньком. Достав некон-

ценное письмо к Атталине, Гертье поставил чернильницу на спиртовку — может, содержимое отгадет.

— Зачем вы так делаете? — не унималась Рагна. Гертье догадался, что она продолжает вести беседу, чтобы он отвечал. Когда воцарится гробовое молчание, родственники войдут.

— Вы можете меня не отвлекать? Я пишу невесте. На всякий случай хочу вас попросить о небольшой услуге — отправьте письмо, если я не смогу. Обещаете?

Сняв перчатки, Гертье долго дышал на пальцы и пробовал согреть их во рту.

Начатое третьего дня послание к Атталине никуда не годилось. Оно выглядело лживым, насквозь неискренним. Порвав его и бросив в печку, Гертье принялся за новое:

Дорогая моя Атталина!

Извините за скверный почерк, но иначе при таком холоде писать невозможно. Лишь сегодня я узнал причину Вашей не любви ко мне — всему виной проклятие, наложенное дочерью Брандесьеров. Милая, я всецело понимаю Ваше нежелание выходить замуж. Поэтому я приму как должное Ваш отказ, ибо речь идет о Вашей жизни или смерти. Если мне суждено сегодня остаться в живых, я употреблю все свои силы на то, чтобы избавить Вас от проклятия. Знайте, что я не отказываюсь от нашей свадьбы и готов отложить ее на любой срок, необходимый для Вашего спасения...

Закончив, он растопил на спиртовке палочку сургуча, запечатал письмо и приложил к сургучной кляксе перстень с гербом первого сына-наследника Валлероденов. Пятизубцовая фигура на нем означала, что еще жив дед Марей. Оказалось, что среди вещиц, вытряхнутых в угол из ящичков пущенного на дрова бюро, нет почтовых марок. Тогда Гертье поставил еще одно сургучное пятно и прилепил к нему два десятицентовика.

— Здесь — плата за пересылку, — показал он письмо Рагне.

— У вас пальцы посинели, — тихо сказала она.

— Пустяки, — Гертье поводил ладонью над пламенем спиртовки, как бы пробуя себя на роль Муция Сцеволы, но

не почувствовал огня. «Плохо дело», — со снежным шорохом пришла тревожная мысль.

— Идите ко мне, — решившись, Рагна приподняла тюфяк, служивший ей одеялом, и край медвежьего плаща. — Слышите? забирайтесь в постель!

— Простите, Рагнхильд, но я с вами не лягу.

— Боже, что вы себе вообразили?! Я вас ненавижу, да — но не хочу, чтобы вы умерли. Сами же сказали — не время для приличий. Перестаньте делать вид, что мы с вами расшаркиваемся в салоне. Полезайте сюда... я прошу вас! пожалуйста, Гертье! не заставляйте меня унижаться! Я сама себе противна за то, что говорю, — а тут еще вы со своей гордостью!..

— Жаль, нет меча, чтобы положить его между вами и мной, — пробормотал Гертье, устраиваясь в нагретом Рагнай гнезде среди тюфяков и путаясь в полах ее пальто и рыхлом ворохе юбок.

— Обнимите меня, — сурово велела Рагна. — Покрепче. Так будет теплее. Накроемся с головами, чтоб ни отдушины не было.

— Как нелепо то, что с нами происходит, — во тьме губы Гертье были совсем близко. Рагна старалась держаться подальше от них; его дыхание ласкало ее лицо. — Вряд ли кто-нибудь сейчас сможет понять, каковы наши истинные отношения. Признаться, если б мы увиделись в салоне или в театральном фойе, я бы попробовал за вами приударить.

— А я бы отвергла ваши ухаживания.

— Из-за внешности?

— Да. Ваш род приметный. Вы отличаетесь тонкой красотой — и дамы, и мужчины.

— Не сочтите ответной любезностью, но вы не менее красивы. Барышня с огоньком... — голос Гертье зазвучал как-то сжато и принужденно.

— Что с вами? вам больно?

— Пальцы ломит, — нехотя признался Гертье. — Кажется, я все-таки их отморозил.

— Дайте мне ваши ладони, — властно потребовала Рагна. Трогая его пальцы, охваченные сильной болью, она что-то шептала, потом заговорила, и тон был невеселым: — Да, крепко вам досталось от родни. Через полдня-день станет яс-

но, чего ждать — омертвения или исцеления. Тут я бессильна. От холода, который они насылают, нет лекарства.

Она подумала, что ее могло так же хватить морозом по рукам, если бы не... Следом пришла волна тяжкого, пламенного стыда за все — за свою слабость, за помощь от вражеского рода. За то, что будущей ночью пальцы Гертье опухнут, станут красно-синими, кожа отслоится от них кровавыми пузырями и полопается, истекая сукровицей. Кожа сойдет, обнажая черные пятна умирающей плоти, затем безжизненная чернота иссохнет до костей, и пальцы начнут отваливаться. Калека с култышками вместо рук, без ушей, с дырой на месте носа — ради нее? для того, чтобы она жила? согласно клятве, сказанной, быть может, ради красного словца?..

Раны от мороза так похожи на ожоги!

— Я не могу ничего сделать. Я не могу... не могу!

— Эй, успокойтесь-ка, сьорэнн. Хватит оправдываться; нам бы рассвета дожждаться.

— А все ваш предок, этот Эрвей! Мало ему было знатных девушек и деревенских девок! понесло искать себе подружку там, куда и заходить нельзя!..

— О, вы знакомы с нашими фамильными анналами! — Гертье пытался говорить непринужденно, преодолевая невыносимую боль в пальцах.

— Историю врагов надо знать лучше, чем свою.

— А я полагал, что вражда началась у вас с Лейцами, не раньше.

— Куда раньше, чем вы думаете. Но сильные роды стараются держаться врозь, не сталкиваясь. Нам с вами и так тесно на этой земле.

Гертье боролся с болью и надеялся, что она не позволит ему уснуть. Последние слова Рагны пробудили в нем небывало сильное чувство — его можно смело назвать великой любовью, если напрочь отрешиться от вечной игры мужчин и женщин. Внезапно ему предстала черед предков, уходящая в темное начало рыцарских времен — к основателю рода Эрвею, посадившему перед собой на спину коня девушку с золотыми глазами и светлыми шелковистыми косами. Его взор сиял восторгом, ее — был нежен и таил в себе невысказанный вопрос. Достоин ли избранник? любит ли он ее больше жизни? пронесут ли потомки его доблесть по дороге веков?

Во тьме под покрывалами для Рагны забрезжил слабый, призрачный свет — он лился из зрачков Гертье.

И Гертье увидел, как дыхание исходит из губ Рагны едва видимым прозрачным пламенем.

— Я попытаюсь, — неуверенно проговорила она, распознав во враге истинного наследника по крови и вновь взяв его руки в свои. — Если не сможете терпеть — скажите. Не бойтесь.

Огонь изо рта ее стал ярче, он сгустился и обрел осязаемую теплоту. Она сдерживала мощь выдоха, выпуская пламя тихими, плавно струящимися языками, бережно обвивавшими пальцы так, чтоб не лизнуть кожу. Резь в пальцах стала почти нестерпимой, заставляя Гертье до скрипа сжимать зубы, — но, достигнув предела, стала отступать, бледнеть, рассеиваясь в воздухе.

— Теперь уши.

Закрыв глаза, Гертье выжидал, пока она оевала пламенным дыханием его виски и щеки. Он слышал глухое, мерное шипение, долгие звуки «х-х-ха-а-а-а». Временами его ноздрей касался странный запах, в котором не было ни легкости птичьего пера, ни звериного шерстяного духа, ни бархатистого оттенка людской кожи — но слышался накаленный и живой металл. Он таил в себе глубинный пыл надежно укрощенного огня, гибкую гладкость чешуи и упругий пульс тугих жил, несущих тяжелую, вязкую, черную кровь.

— И нос.

Они сблизились лицами почти вплотную, их разделяла длина двух ногтей. Гертье осмелился посмотреть ей в глаза — и подивился, увидев ее розовое, свежее лицо освещенным, но не трепетно-огненным, а ровным, будто лунным светом. Во влажных зеркалах ее очей он узрел себя — и тогда понял, откуда этот свет.

Дверь не просто открылась — в нее ударили снаружи, не кулаком и не ногой, а словно могучим порывом ветра; затем послышались шаги. Отбросив плащ и тюфяк, Гертье выметнулся из постели, держа наготове револьвер, но замер.

Печь давно угасла, потухли и десятилинейка, и спиртовка, но сквозь замерзшие окна в комнату пробивалось настойчивое бело-голубое зимнее утро. Безмолвный дом ожи-

вал — где-то за стенами, над потолком, под полом слышались бормочущие голоса, вскрики, шум передвигаемой мебели. Квартира в свете утра являла собой безобразное зрелище погрома — ничто из мебели не уцелело под ударами топора, даже доски из пола были кое-где выломаны. Вещи валялись по углам в хаотическом нагромождении, а железный лист, на котором стояла печка, был скрыт грудой пепла, похожей на курган в миниатюре. Иней, наросший на потолке и стенах, темнел мокрыми пятнами и таял, пропитывая обои. Холод исчез.

Где-то очень, очень далеко раздавалось неясное громыханье, словно в небесах резвилась гроза.

У порога стояли двое вошедших, в черном с головы до пят — черные шапки с шелковыми отворотами, пристегнутыми к тулье пуговицами, черные длиннопольные сюртуки с необычно высокой талией и обшлагами до середины предплечий на крупных застежках. Черные брюки их были заправлены в лоснящиеся ваксой сапоги; в руках они держали толстые трости с набалдашниками в виде волчьих голов — и блеск этих наверху вполне мог быть золотым. Одетые в черное были весьма высоки ростом и широки в кости, лица их выглядели вырубленными из желтоватого дерева. Молодой носил черные усы, а у старшего седые усы переходили в бакенбарды, и белые брови его выступали козырьками. По платью и наружности в них легко было распознать богатого ругского помещика из глуши — редкая в больших городах птица! — и его то ли племянника, то ли сынка.

— Рагнхильд, дитяtko, с тобою все благополучно? — хрипловатым басом спросил пожилой великан на ругском языке, не меняя грозного выражения лица.

— Дядюшка! — радостно вскрикнув, Рагна мигом выбралась из постели. Она бросилась к седоусому и повисла у него на шее.

Ободряюще похлопывая Рагнхильд по спине, сумрачный старый здоровяк обводил комнату взглядом из-под щетинистых бровей. Все, что здесь происходило ночью, он различал так же ясно, как если бы события были описаны в раскрытой перед ним книге.

— Не плачь, деточка, все невзгоды позади.

— Я услышала гром — прогремело вдали — и подумала, что это — вы; но потом опять и опять...

— Взрывают лед в гавани, чтобы дать ход кораблям. Под канонаду и мы незаметно пришли.

— Дядя Цахариас, это... — обернувшись, Рагна посмотрела на Гертье.

— Вижу.

— Он...

— Знаю. Милостивый государь, — гулко обратился Цахариас к Гертье на официальном языке королевства, — вам нет надобности представляться нам и объясняться. Вы принадлежите к издревле уважаемой семье, и в вашем благонравии нет и не может быть сомнений. Мы чтим долг, а посему вы вправе пожелать любой мыслимой награды и возмещения убытков. Я внимательно вас слушаю.

— Благодарю за предложение, монсьер Цахариас, но мне ничего не надо, — ответил Гертье вежливо и непреклонно. — Я вас не задерживаю. Будьте счастливы... как я.

Цахариас в раздражении пошевелил усами. Рагна отвернулась, а лицо черноусого богатыря стало враждебным.

— Не могу принять такого пожелания. Я догадываюсь, что вам стало известно... но сказанного об Аггалине не вернешь.

— Вот и я не стану провожать вас по-другому. Может быть, это отучит вас приравнивать временную боль утраты к ожиданию неминуемой и страшной смерти. Я скажу и во второй, и в третий раз — будьте счастливы как...

— Постойте! — Цахариас предостерегающе вскинул руку. — Будьте осторожнее в речах!

— Скажите это сэрэнн Рагнхильд.

— Каждый страдает своей болью, — зло проговорила Рагна, — и никто не хочет понять чужую. Я сравняла счет утрат, и справедливо сравняла — невиновную за невиновного, смерть за смерть. Кавалер, таков закон мести!

— Я стою за свой род — это тоже закон.

— Всю минувшую ночь вы стояли за нас, — молвил Цахариас, понизив свой мощный голос.

— Так сложились обстоятельства.

— Не воздать за это было бы бесчестно, — Цахариас тревовательно посмотрел на Рагну.

— Дядюшка, дайте ему денег на починку квартиры и новую меблировку.

— А исправить твоё заклинание?

— Невозможно, — Рагна сокрушенно поникла.

Наступила тишина. Склонивший голову Цахариас, казалось, глубоко задумался или прислушивался к чему-то. Наконец он поднял лицо:

— Пусть отменить слова нельзя, но в моей власти к ним прибавить и тем самым изменить грядущий ход событий. Итак, внимайте — *«Как он победил стужу, так он победит и жар»*.

— Что это значит? — недоверчиво спросил Гертье.

— Сие мне неизвестно, — Цахариас искренне развел руками. — Я вещаю по наитию, как то было явлено извне, из вечного мира. Не требуйте от меня большего, кавалер. Мы ждем, как вы распрощаетесь с нами.

— Что ж... Будьте счастливы — и доброго вам пути.

— Благодарю вас, — склонил голову Цахариас. Черноусый повторил за ним движение, а Рагнхильд сделала на прощание книксен. Она после ночевки под тюфяком выглядела помятой и растрепанной, но черноусый обвел ее тростью по ходу солнца, заключая в незримую овальную раму. Гертье успел заметить, как платье и волосы Рагны сами собой пришли в порядок. Затем черноусый без слов подошел к кавалеру, протянул ладонь — и Гертье вложил в нее ставший бесполезным револьвер. Наследнику Валлероденов стало ясно, что одетых в черные долгополые сюртуки гостей пули не возьмут, хотя под их верхним платьем нет ни кольчуг, ни кирас. Только меч их сразит, да и то не простой. Zhar невидимо клубился у их уст, как марево над костром, словно намек на готовность выдохнуть струю палящего огня.

Церемония расставания состоялась, но гордая рутинка не спешила уйти. Предчувствуя, что больше она с Гертье не увидится, Рагнхильд хотела высказать последнее, что лежало на душе и предназначалось кавалеру.

— Прощайте, — бесчувственно сказала она, приближаясь и отводя взгляд. — Я подумала, что... ваши ноги, должно быть, обморозились.

— Надеюсь, не слишком. Кажется, вы прогрели меня насквозь.

— И разбудила вас, — то ли с сожалением, то ли с сомнением Рагна поджала губы. — Встреча с нами не проходит бесследно... как и встреча с вами. Во мне что-то изменилось. Не знаю, к добру ли эта перемена.

— Всего лишь одна встреча на пути старой вражды — что она может изменить?

— О, многое! Впредь я воздержусь атаковать Властителей Зимы — и огнем, и словом, все равно. Если только вы не нападете первыми; тогда берегитесь.

— А я стану спрашивать — не состоит ли мой противник в родстве с Господами Огня. Тех, кто скажет «да», я буду склонять к мировой.

На улице молодой Кефас ловил ладонью капли, падавшие с края крыши. Несмотря на пасмурное настроение, лицо его освещала улыбка — как не радоваться солнцу, голубому небу и оттепели, чудесно нагрывавшей в город. Подумать только — пять часов назад над улицей трещал мороз, стояла немая иссиня-черная ночь, а с рассветом прилетел на теплых крыльях южный ветер и продул оледеневшие улицы, выметая прочь кусачий холод и гнетущую тьму.

Герен смотрел вдоль Второй набережной — становилось шумно, люди на тротуарах мелькали в своей внешне бессмысленной муравьиной суете. Но его зоркий глаз усматривал в беспорядочном перемещении фигур зловещий порядок смерти — вот выносят из дома стонущего, а вон там прорывается плач по умершему; подъезжает фура, и полицейский чин распоряжается, как класть на телегу труп, и дворник накрывает застывшее, скрюченное тело мешковиной. Холодная беда многих обморозила, а иных убила — особенно малоимущих людишек, что ютились в плохо отапливаемых мезонинах. Господин в бархатном пальто, выйдя из пролетки, изумлялся рассказу приказчика:

— Всю ночь разве?.. верно, вечером был морозец, но потом стало мягче.

— Нет же, месьер, уверяю вас — ночь напролет калило, мы едва не обратились в сосульки.

— Ну, не преувеличивай!

— А вон смотрите — насмерть поморозились!

Полусонный, продрогший консьерж, кланяясь, отворил

дверь высоким и сильным ругам, сопровождающим кареглазую девицу в сине-черном ольстере. Старый привратник никак не мог припомнить — когда он впустил в дом эту тройцу?.. Десять центов, опущенные ему в ладонь черноусым ругом, заставили консьержа забыть о сомнениях. Видно, что господа из глубокой провинции, но понимают в том, как благодарить за услуги.

Поравнявшись с Кефасом и Гереоном, Цахариас и черноусый в знак почтения наклонили голову и приложили пальцы к отворотам шапок. Жемчужно-серые ответили легкими полупоклонами, немного приподняв свои цилиндры.

— Рад видеть вас в добром здравии, монсьер Цахариас.

— Взаимно рад, монсьер Гереон. Прекрасная погода, не правда ли?

— Если бы погоду можно было делать, я сказал бы, что она сделана мастерски. Можно поздравить автора погоды.

— Есть мастера куда более искусные — скажем, по части отнятия природных дарований. Как по-вашему — возможно ли, не прикасаясь, избавить человека от навыка правописания или умения бегать и прыгать?

— Так же легко, как вернуть утраченное, — Гереон с невозмутимым лицом (надо уметь достойно проигрывать) по часовой стрелке обвел серебряным набалдашником трости воображаемый овал вокруг Рагнхильд, разрушая результат кропотливого труда.

— Премного вам обязан, монсьер Гереон.

— Не стоит благодарности.

— Я высказался о том, что вас заботит.

— Я все слышал. Вы поступили достойно.

— Всего вам наилучшего, господа, — руги и ругинка скрылись в подворотне. Спустя пару минут за домом грохнуло, как если б выпалила пушка, а над крышей быстро сверкнуло зарево. Господин в бархатном пальто вздрогнул и порывисто обернулся:

— Эт-то что такое?! Прямо у берега взрывают, что ли?.. Так ведь и стекла повышибет!

Гереон проводил взглядом то, что могли видеть лишь они с Кефасом, — три стремительных тела, взвившиеся в зенит и затем крутым поворотом «все вдруг» перешедшие в горизонтальный полет.

— Пора подняться и поговорить с ним, — нерешительно предложил Кефас.

— Трудно будет толковать ему, что мы действовали исключительно в его интересах, — Гереон был грустен. — Особенно в том, что касается денежных дел.

— Надеюсь, он поймет — мы только пытались удержать его и заставить жениться. И еще... Гереон, мы увидим не того, кто ночью не пускал нас в дом. Она *дышала* на него, и даже в лицо. Превжний Гертъе сгорел.

Снег сошел, и расцвели сады, опал вешний цвет, и налились колосья и плоды. С приходом осени, богатой яблоками и вином, усадьба Свенхольм стала прихорашиваться, готовясь к свадьбе.

Барон Освальд дан Лейц принимает гостей. В Свенхольм съезжаются родственники, добрые знакомые, соседи дальние и ближние, их дочки на выданье, их сынки с мечтами о славе и богатстве, какие-то вытщенные из чулана сказочные горбатые бабушки и зловещие деды, скрипящие на ходу, с перекошенными параличом лицами. По господскому дому, вырываясь из окон и эхом отдаваясь меж хозяйственных пристроек, гуляет громкий голос графа Гальдемара. Этот длинный и неугомонно подвижный родич, без пяти минут сват Освальда, с утра в подпитии, но никто не в состоянии понять, насколько пьян сьер дан Валлероден. И трезвый, и хмельной, он одинаково быстро шагает на ногах-ходулях, горланит, машет руками, как огородное пугало на ветру, целует в мокрые носы охотничьих псов, нахваливает стати лошадей и готов на пари с кем угодно стрелять по мишеням.

В иные времена граф Гальдемар отправился бы через море на спор, что первым водрузит знамя с крестом на главной мечети Иерусалима — причем, скорей всего, он позабыл бы поставить домашних в известность о своем поспешном отъезде.

Старый граф Марей дан Валлероден приехал из своего имения со штатом слуг — двое дюжих молодцев носили его в резном кресле с мягкими подушечками, лектриса читала ему из Белой книги, а мальчик опахалом отгонял мух от графской персоны.

После утонченного и модного житья в Маэне вновь по-

пав в захолустное общество, Гертье недоумевал — как он мог здесь родиться и жить? Как вообще можно жить среди помешанных на псовой охоте фанфаронов, пропойц, сдобных безмозглых девиц и паяцев, непрестанно дергающихся от наследственных нервных болезней? Гертье старался не оказаться в компании, не попасть кому-нибудь лишний раз на глаза, чтобы не вызвать шквала глупейших вопросов и плоских свадебных острот о первой брачной ночи. Впрочем, и за глаза его склоняли почему зря, и он это точно знал. Помогал слух — и от природы чрезвычайно острый, он стал необычайно чутким после того, как ушей коснулся огонь Рагнхильда.

Он слышал, что говорят за стеной, любое слово, каждый вздох.

— Жених изысканно одет, прямо-таки красавец.

— И каждая его пуговица куплена на деньги тестя.

— Похоже, барон оплатил также наряды свата и сваты.

— Обеднели Валлеродены... Одно спасение — богатая женитьба. Видели Атталину?

— Мимоходом. Лица нет на несчастной. Каково ей выходить за неимущего? Только название что студент и кавалер, а за душой ни цента.

— Троюродные. Наплодят дегенератов.

— Вдобавок она — лунатичка.

— Да что вы?!

— Так и есть. За ней много чего замечали...

— Она... о, пресвятые угодники... до брака?

— Это бы еще ладно. А ходить ночами по лугам в одной рубашке — это, по-вашему, нормально?

С горьким осадком в душе уходил Гертье в другую комнату, а там слышались беседы из лакейской. Нет-нет да и мелькнет феодальное желание вырвать прислуге язык.

— Бедняжка наша, птичка наша! Отец родной отдал на погибель. Что бы ему на палец выше не взять, мимо выпалить, чем попасть в отродье Брандесьеров...

— Сьер Освальд бьет без промаха, с зарокотом — если нацелился, то пли!

— Пропадет ни за что наша хозяйка, совсем молоденька!

— Дурацкий твой ум!.. Может, так лучше — пых, и нету. Чем вечность гореть в пекле, легче краткий миг мученьев претерпеть. Это расплата за родство проклятое, за то, что по ночам бродила...

...Атталины сидела напротив зеркала, вглядываясь в свое отражение. Что будет вместо лица завтра? Сожженная, сочащаяся кровью алая маска боли...

Даже если вся родня, посещавшая Свенхольм при свете звезд, соберется вокруг как заслон, это не поможет. Огонь везде — в лампах, свечах, спичках, папиросах, трубках и сигарах, в бутылках с пиронафтом. Придет ночь — и огонь будет зажжен, чтобы прогнать темень. А настанет зима — он будет дарить тепло. Пишут про «русский свет», какие-то беспламенные свечи, горящие от электричества, — но и от них будет веять зяб, сила огоньдеша.

Пришел последний день, настал последний час.

Все собрались, все ждут ее выхода. Так парижская чернь ожидала восхождения Марии Антуанетты на эшафот. Нельзя споткнуться, нельзя опустить голову, нельзя дрожать — поведение приносимой в жертву должно быть безупречным. Лейцы — славный и почтенный род; гости будут судить об их достоинстве по тому, как она пройдет все ступени обряда. Она обязана скрыть свои истинные чувства, чтобы история сгоревшей невесты стала легендой, возвеличивающей баронское семейство.

— Сегодня сподобимся чудес, — предвкушали гости.

— Воистину чудо — имея полтораста тысяч приданого, выйти за Валлеродена.

Шутка удачна, кругом хихикают. Расходы на свадьбу — за счет Освальда. Граф Гальдемар смог обеспечить лишь свое с супругой блестящее присутствие.

Белая невеста вышла под вздохи восхищения и стоны зависти. Вся — белизна! платье, фата, перчатки, даже кожа — белые. Гертве взял ее руку и свел Атталину вниз по ступеням.

Перед тем как сесть в черно-лаковое ландо и поехать в церковь, надо вытерпеть ритуал Лейцев, о котором ходит много толков. Освальд, как ныне старший в роду, как владетельный сьер и мировой судья *околы*, сиречь *округи*, должен зарубить свинью. Священник при сем не присутствует ни в коем случае, хотя, наверно, втайне очень хочет. Свенхольм — Свиной, а может и Святой, то есть идоложертвенный Холм, некогда был местом поклонения языческим богам. «Чтобы дом стоял, чтобы дети родились», хозяин посвящает лучшую свинью ревнивым духам земли. Не задобришь их — жди беды.

Прошептал себе под нос: «Мясо и жир — дедам на пир, кровь солона — чаша вина. Деды, берите, добром одарите. Жениху, невесте — целый век жить вместе. Да будет их деток, что на ели веток!» — барон взмахнул широкой старинной саблей. Гости, все как один примерные христиане, толкаясь, полезли к еще вздрагивающей свиной туше, чтобы омочить пальцы в горячей крови, — но первыми допустили жениха с невестой. Втихомолку судачили о тех, на кого попали брызги в момент отсечения головы, — этим везучим до Рождества обеспечены достаток и удача.

Такие вот обычаи живы в эпоху пара, телеграфа и Суэцкого канала. Они рядом — стоит заехать чуть глубже в Ругию, погруженную в тысячелетний сон забвения, сон темных чащоб, сон мшистых и бездонных топей.

— Мимо, — едва слышно сорвалось с губ Атталины, стоявшей с отсутствующим видом. Плохой знак — на нее кровь не брызнула, кипенно-белое платье осталось девственно чистым. Земляные деды отказали ей в покровительстве.

В толчее у свиного тела Гертье заметил странных гостей. Люди двигались плотным месивом, склоняясь и протягивая руки к остывающей луже, и среди рук высывались шерстистые кабаньи головы с красными глазками — разрывая копытами и тупоносими мордами пропитанную кровью землю, они чавкали, пожирая ее.

— Приняли, — тихо сказал он, чтобы услышала одна Атталины.

— Да? — В ее взгляде блеснула надежда, но слезная пелена отчаяния затмила огонек мимолетной радости.

Они пошли к ландо, где на козлах восседал парадно одетый кучер, а на запятках стояли украшенные бантами и лентами грумы в цилиндрах, великолепных сюртуках и панталонах. Девочки-малютки несли шлейф невесты. Идущая сквозь зыбкий кошмар Атталины вдруг обрела опору — верную, твердую руку Гертье. Пальцы невесты впились в ладонь жениха.

— Не так заметно, милая. На нас смотрят.

— Гертье, вы что-нибудь знаете?

— Нельзя говорить. Крепитесь. Улыбайтесь людям.

— Что там было? О ком вы сказали: «Приняли»?

— Кабаны ели кровавую землю. Они довольны.

— О, мать Божия... Гертье, Гертье, кто еще вам показался? ну скажите мне! скажите! Днем мой дар покидает меня, а вы — видите...

— Пока ничего явного, — Гертье настороженно повел глазами. Если бы что-то чуждое выглянуло, он бы заметил. Скверно, что все попрятались и затаились, словно перед грозой. Одни кабаны пришли на кровавую приманку, соблаговолители показать себя, но это — слабое утешение. И неживое, и живое, и нездешнее — все боится духа огня; значит, он близко. Надо каждую минуту быть начеку.

Рука Атталины была напряжена и холодна. В глазах стояли ледяные слезы, застывшие и потому не вытекавшие. Она и верила, и не верила в своего спутника, который явился, чтобы проводить ее к костру. Или чтобы защитить?

Бьют колокола. Цокают копыта свадебных коней. Атталины сидела в ландо, немного опустив лицо, а из памяти выплывали строки баллады о загубленной невесте:

Звон над полями протяжен и мрачен,
Колокола не трезвонят, а плачут,
Мертвую деву в гробницу несут...

Едва заставила себя войти в церковь. Здесь столько огня!.. Любой огонь — глаз, метящий в нее, содержащий в себе пламенный луч, подобный струе из огнедышащей пасти. Но огни горели ровно и чинно, не колеблясь, и потаенный дух-убийца позволил совершить таинство брака как должно. Свадебный поезд направился обратно в Свенхольм, на большой семейный праздник. Пиршество и фейерверк, да здравствуют молодые!

— Ну-с, сьер кавалер, отныне вы — женатый человек! — батюшка хлопнул Гертье по плечу. От графа Гальдемара на сажень разило ругским самогоном — где успел нахлестаться?.. — И Атталины с сего дня зовется — сьорэ кавальера! Однажды меня не станет, — батюшка всплакнул, роняя сивушную слезу, — и вы закажете себе перстень с гербом без зубцовой фигуры, так-то!

— Батюшка, загасите сигару, — строго попросил Гертье, за день научившийся примечать малейший zhag ближе чем в трех метрах от фаты и шлейфа Атталины.

— О, кстати — ссудите батюшку на сигары; вы теперь человек со средствами! Верну с первого дохода от имения.

— Через два года. Батюшка, вы забыли — я могу пользоваться приданным только по достижении...

— Ах да! память подводит. Ничего, я буду наезжать к вам в имение, гостить иногда. Устроим охоту!

Атталину еле держали ноги. За сутки непрерывного страха она так устала, что едва находила силы озираться с опаской и держаться подалеже от каждой лампы. В опочивальню для новобрачных она вошла как в полусне, немного пошатываясь. Наконец-то их оставили вдвоем, наедине с судьбой.

«Гнездышко для голубка и горлицы» было устроено со всей возможной пышностью и выглядело как декорация к манерной пасторали прошлого века. Здесь тоже все принадлежало Лейцам, кроме медвежьего плаща — Гертье за годы охотничьих приключений и житья в холодной квартире на Маргеланде оценил его теплоту и мягкость. Он решил постелить меховое покрывало под ноги новобрачной; пусть ей будет сладко ступать босыми ножками по медвежьей шкуре. До свадьбы Гертье позаботился отдать плащ на реставрацию, распорядившись заменить сукно бархатом; мех просушили, вычистили и щеткой вычесали выпадающие шерстинки.

— Неужели все кончилось? — не понимая, как миновал самый трудный день в жизни, Атталина шла напрямиком к кровати, пытаясь вынуть булавки, удерживающие фату.

Гертье не успел открыть рот для ответа, как вдруг почувствовал тревожную боль в пальцах.

Боль от холода. Что это?

А Атталина шла и шла, ее будто вело на столик, где горел...

«Кто поставил сюда ночник? я же запретил!..» — мысль ослепила Гертье.

Огонь лампы манил, зазывал, шептал: «Ближе... еще шаг... ко мне!»

— Милый, я... — Атталина обернулась как во сне, покачнулась. Ее рука, отыскивая, на что опереться, вскинула фату, и невесомая ткань накрыла скромный ночник, поджидавший на столике. — Гертье!!! — завопила Атталина.

Огонь жадно побежал по фате. Атталина заметалась, и горящая фата коснулась платья, тотчас занявшегося ярким пламенем. То был багровый, проворный и хищный огонь, ярый огонь-пожиратель. Его языки были как руки, смыкаю-

щиеся на Атталине, а всполох над фатой смеялся разинутым ртом и глазами.

Гертье прорвал оцепенение и бросился к жене.

Он действовал мгновенно, не раздумывая. Пригнувшись, Гертье подхватил с пола медвежий плащ и в развороте накинул его громадным крылом на жену, охватив ее плащом всю.

Зажатый медвежьей шкурой, огонь умер сразу, остался лишь запах горелой материи и жженого волоса. Стремглав убедившись, что ни язычка пламени не осталось, Гертье позволил плащу упасть к ногам.

— Гертье... Гертье... Гертье... — лепетала Атталина как безумная, изо всех сил прижимаясь к мужу и держась за него так, словно он мог исчезнуть. Но он был рядом. В глазах его остывал лунный свет, и с каждым ударом сердца тот фосфорический воин ярости, что ринулся ей на помощь, все больше походил на человека. Седой пылью мотыльковых крыл опадал свет на складки медвежьего плаща и опаленное, покрытое выгоревшими черными разводьями платье. Из раскаленных добела глаз уходил свет каплями чистых слез, а локонь Гертье, взметнувшиеся в броске, как вымпелы на копьях летящей конницы, стекали на ее горячее лицо.

— О Гертье! как я тебя люблю! — воскликнула она, и губы их встретились. Пыл, с которым Атталина целовала мужа, ошеломил его; так внезапен был переход от панического ужаса к всеохватному и упоительному счастью. Гертье не принадлежал к числу девственников, но то, что он испытал в этот миг, было во много крат сильнее всех вместе взятых поцелуев, которые он дарил и принимал до сих пор. Ему довелось пережить пробуждение, когда он вдыхал пламя Рагнхильд, — а теперь проснулось сердце Атталины. Где та закрытая снежная дева, куда она делась? В объятиях Гертье была самая огневая из красавиц, страсть которой способна испепелять сердца.

Когда их скрепленные долгим поцелуем уста разомкнулись, ненадолго насытившись негой, известной лишь влюбленным, супруги смогли с неведомым доселе наслаждением полюбоваться друг другом.

Глаза их светились, как звезды, жаждущие стать созвездием, а на губах был вкус огня.

РАССКАЗЫ

ЗАКОПАЙ ПОГЛУБЖЕ

Нарак вздымался передо мной, будто дом — пожира-
тель людей из ночного кошмара. Да так оно, собст-
венно говоря, и было. В эту двухэтажную хибару с
заколоченными окнами только попади! Большой
удачей будет, если назад выйдешь. Тем не менее я собирался
именно войти. Более того, я собирался и выйти из него. Жи-
вым и по возможности невредимым.

Попрыгал на месте, попробовал, легко ли ходят кинжа-
лы в ножнах, снял «моссберг» с предохранителя и спросил
Мурку:

— Готова, девочка?

Мурка посмотрела на меня из-под черных косм и как
будто кивнула.

— Тогда входим. — Я зажег укрепленный на лбу фонарь,
натянул респиратор и открыл тяжелую, обитую изнутри
кошмой дверь. — Да пребудет с нами ярость!

Мурка одобрительно рыкнула и рванулась вперед. Яро-
сти ей не занимать.

Внутри пахло мокрой землей. Облупившаяся штукатур-
ка, могильная темень, какие-то звуки, напоминающие посту-
кивание тысяч крошечных коготков, — все как всегда. Ника-
ких неожиданностей. Это хорошо. Мы с Муркой не из тех,
кто любит неожиданности на охоте.

Первый кровосос попался нам сразу же, в коридоре. Не-
смотря на позднее утро, он еще не спал. Как ни странно, сре-
ди упырей тоже имеются бедолаги, неспособные к здорово-
му сну в каморке уютного гроба. Частью это новообращен-
ные, а частью, наоборот, старцы, мучающиеся бессонницей.
Был ли этот старым или молодым, во тьме барака не разо-
брать.

Да нам и неважно.

Наверное, это все-таки был желторотик. Опытная тварь почуяла бы нас заранее, а этот лишь хлюпнул, когда Муркины клыки разорвали его жилистую шею. Сделав дело, Мурка отпрыгнула в сторону. Из дыры в глотке кровососа ударила струя горячего пара. Издыхающий упырь буквально выкипел дочиста, и через пару секунд его опустевшая одежда шлепнулась на пол мокрым комком. Даже сквозь респиратор я ощутил жуткую вонь тухлятины. Бедная Мурка, каково сейчас ей, с ее нежным обонянием!

Впрочем, моя четвероногая напарница не стала ждать окончания процесса, а метнулась по лестнице на второй этаж. Следовать за ней смысла не было. Обычно наверху скрываются самые малахольные кровососы. Те, которые в четкой вурдалачьей иерархии соответствуют армейским «духам». «Старики» и «дедушки» спят внизу. «Сержанты» и «старшины» — в подвале. «Офицеры» же, называемые также патриархами и матриархами, в таких хибарах не обитают никогда. Честно говоря, мне пока не приходилось с ними сталкиваться, чему я очень рад. Даже «старшины» — чертовски опасные противники. Что уж говорить об упырях, способных расхаживать под солнцем и неслышимым пением приманивать жертвы пряником себе на ужин.

Первый наш крестник, сдохнув, переполошил, понятно, весь гадючник. Не успел я решить, в какую дверь зайти сначала, как выбор был сделан за меня. Из квартиры с сохранившимся номером три выперло нечто огромное, пузатое, однако довольно проворное. Определенно женского пола. В руке у толстухи был кривой, как ятаган, обломок стекла, и орудовала она им, будто заправский башибузук. Два раза крест-накрест рубанула зубастая тетка, и всякий раз кончик стеклянной сабли проходил в каких-то сантиметрах от моего лица. Оба раза я уклонялся играючи: реакции мне не занимать, да и ловкости тоже. Но мы ведь не на арене цирка, верно? К тому же клоунессе могли прийти на подмогу другие артисты. Поэтому, когда она махнула стекляшкой в третий раз, я поднырнул под ее руку и перехватил кисть. Под пальцами оказалась субстанция, мало похожая на человеческую плоть. Что-то вроде пластилина, и только кости, сухожилия да суставы были на ощупь вполне твердыми.

Это ненадолго. По опыту знаю.

Вместе с кулаком противницы я повернул острое стекляннoй сабли на сто восемьдесят градусов и толкнул толстуху-кровопийцу от себя. Сопротивляясь, она подалась вперед — и наделась горлом на стекло, как каплун на вертел. Я едва успел отскочить в сторону. Гейзер горячего пара, в который превратилась упыриха, шипя, взметнулся до потолка.

Не слишком верьте, когда вам говорят, что вурдалака можно прикончить только серебром да осиновым колом. Чем угодно можно. Главное — знать, куда всадить клинок или пую. Или клыки. Мы с Муркой знаем.

Следующие две квартиры оказались пустыми. Лишь следы когтей на стенах и полу да кучи тряпья в углах.

Зато за дверью с номером один меня ждал весьма теплый прием. Сразу две твари, находившиеся в превосходной форме — худые, подвижные, зубастые, — рванулись на меня с разных сторон. Одна прыгнула с чудом сохранившегося шкафа, другая — из ближнего угла. Должно быть, намеревались привести в замешательство внезапностью нападения. Если бы у меня нашлось немного времени, я, возможно, даже пожалел бы их. За отсутствие изобретательности. Как уже говорилось, упыри всегда действуют однообразно.

Но времени у меня не нашлось.

Я выбросил правую руку с ружьем навстречу тому монстру, что прыгнул сверху. «Моссберг» рывкнул. Свинцовая сорокаграммовая пилюля с начинкой из химически чистой ртути влетела клыкастому прыгуну прямо в пасть. Башку ему разнесло, как фарфоровой кукле, попавшей под трамвай.

Второй тем временем успел не только добраться до меня, но и получить по морде сапогом. Человека такой удар отправил бы в нокаут, упырю же хоть бы хны. Впился в икру зубами и начал грызть. Не будь на мне сапог с укрепленными кевларом голенищами, остался бы без ноги. Однако кевлар — замечательная штука, не напрасно его используют в бронезилетах. Пока тварь безрезультатно слюнявила сапог, я пригвоздил ее кинжалом к полу. Проделывать это пришлось практически наугад. Первый упырь уже вовсю превращался в пар, и даже сильный фонарь не мог толком рассеять туман, заполнивший квартиру. Видимо, поэтому я попал кровососу в плечо. Он дико заверещал и начал скрести пальца-

ми по кинжалу, по полу и по себе самому, отрывая от пола щепки, а от себя клочья гнилой кожи.

Пристрелить его было делом поистине милосердным. Что я немедленно и проделал.

Дождавшись, пока пар несколько рассеется, я выдернул кинжал из пола и обтер его специально припасенной губкой. Губка была смочена в ружейном масле. Лучший дезинфицирующий состав в данных обстоятельствах.

Первый этаж зачищен. В подпол без Мурки соваться мне было неохота. Я, конечно, парень резкий и настоящий профи по части истребления нежити, но, когда имеешь дело с вурдалачьими «сержантами», лучше перестраховаться. У них резкости не меньше. Да и другие козыри в рукаве припасены.

— Мурка! — крикнул я, выйдя в коридор. — Где ты пропала? Жива?

Последний вопрос был, конечно, риторическим. Росомаха, разорвавшая раз в двадцать больше упырей, чем я имел подружек, вряд ли могла испытать затруднение с парой-другой кровососов-новобранцев.

Однако ледящего душу воя, который означал: «Все путем, чувак, моя часть работы выполнена на пять с плюсом», почему-то не раздалось.

Полный скверных предчувствий, я устремился наверх. Квартира наверху уцелела лишь одна. Остальные переборки обрушились, завалив этаж обломками досок, кусками штукатурки, обрывками обоев. Окна были заколочены и завешены многими слоями одеял и матрасов. Среди мусора исходили остатками пара две мокрые кучи одежды — останки убитых Муркой упырей. Больше ничего.

И никого.

Я вломился в уцелевшую квартиру... и едва не полетел вниз головой. В полу была огромная дыра. На первом этаже, точно под дырой, находилось небольшое помещение, что-то вроде чулана. Как я его проглядел, находясь внизу, ума не приложу. Наверное, вход туда был тщательно замаскирован. Кровососы, несмотря на общую тупость, иногда проявляют чудеса сообразительности.

По чулану медленно кружились, выбирая момент для

броска, два ночных хищника. Лесной и городской. Росомаха и упырь.

В том, что тварь является «сержантом», а то и «старшиной», сомнений не оставалось. Голый, с синевато-серой, пупырчатой, как кирзовый сапог, кожей. Удлиненный череп, резко выступающая вперед нижняя челюсть, почти полное отсутствие носа и волос, зато гигантские хрящеватые уши. Резко выпирающие лопатки, похожие на заготовки для крыльев. Непомерно раздутые суставы плеч, коленей и локтей. А главное — манера двигаться, напоминающая не то птичью, не то змеиную. Неожиданные ускорения, замедления и порывистые, словно клюющие, перемещения головы. Когти.

Опасный, очень опасный противник.

Почти такой же опасный, как Мурка. Даже, может быть, такой же, как я.

Опустившись на одно колено, я стал ждать. Когда крадущийся по кругу «сержант» оказался на линии огня, потянул спусковой крючок.

Помповое ружье двенадцатого калибра — страшно убойной силы вещь. Особенно на малых расстояниях. Упыря будто лавиной снесло. Он опрокинулся на пол и заелозил там, пытаясь подняться на четвереньки. Из простреленной грудины толчками выплескивалась пенящаяся жидкость, чертовски похожая на темное пиво. Издыхать он, похоже, не собирался. Как не собиралась и Мурка доделывать начатое мною.

Умная девочка, знает, что в нашем деле спешка хуже паники.

Я мягко соскочил в чулан. Передернул затвор. Прицелился в голову упырю.

И тут он прыгнул. Только что валялся на спине, еле шевелился и, казалось, был вполне готов к отправке в ад — и вот бросился. Стремительно. Такие впечатляющие броски мало кто, кроме нас с Муркой, видал, и слава богу. Выполнить их способны только раненые кровососы высшего ранга. А раненый упырь, как любой раненый хищник, опасней вдвойне.

В начале полета поджарое тело «сержанта» съежилось в комок, а в конце — разжалось. Лапы со скрюченными когтями замолотили по воздуху, точно лопасти промышленного вентилятора. Каждый удар, попади он в цель, разорвал бы меня надвое. Однако я ждал этого прыжка, поэтому за мгно-

вание до него нырнул в сторону и вниз. Упырь врезался в стену. Стена, оказавшаяся всего лишь тонкой дощатой перегородкой, рухнула. Полетела пыль.

Кровосос, нелепый и страшный, как огромное насекомое, кинулся прочь. Зигзагом. Я выстрелил вдогонку, но промазал. Преследовать его смысла не было. Все равно вернется. Наружу ему нельзя, стгорит, как бенгальская свеча. Единственный шанс сохранить — не жизнь, нет, существование — это попытаться расправиться с нами. А потом дожидаться ночи и отправиться за единственным лекарством, которое требуется упырю.

Он вернулся.

Он был страшен. Ничего человеческого в нем больше не осталось. Семьдесят килограммов перерожденной плоти и сто семьдесят лошадиных сил дикой ярости. Он даже двигался по-звериному, на четырех конечностях. И двигался с такой скоростью, что казалось, бестий здесь как минимум две.

Выставив вперед ружейный ствол, я прижался спиной к стене барака. Мурка молча скалилась рядом. Упырь тенью метнулся вверх, на миг прилип к потолку, а когда я выстрелил, оттолкнулся и полетел на нас. Это было почти красиво. Гигантская тварь с широко растопыренными лапами и разинутой пастью, несущаяся по воздуху со скоростью атакующего орла. Рассматривать такое зрелище в убогом мерцании горняцкого фонаря? Кошунство.

Локтем и ногой я ударил назад.

Гвозди я предусмотрительно вытащил еще перед началом операции. Доски, которыми было заколочено окно, держались только на честном слове. Щит-ставня вывалился наружу. В барак хлынул утренний свет солнца.

Мы с Муркой прыснули в разные стороны. Вспыхнувший синеватым огнем упырь с пронзительным визгом вылетел в окно и упал на растрескавшийся асфальт тротуара.

Горел он недолго. Зато чадно, с треском и обилием искр.

Наружу мы вышли, как воспитанные господа, через дверь.

Добравшись до машины, я прежде всего разоружился и сбросил амуницию: шлем с фонарем, респиратор, японские доспехи для кэндо, сапоги. Потом напоил Мурку, умылся под

переносным рукомошкой и напился сам. И лишь после этого достал мобильник и позвонил. Ответили сразу.

— Александр Романович, — сказал я, — это Колун.

Идиотский псевдоним, по-настоящему идиотский. Но если судить о собственной физиономии объективно, то довольно точный. Не говоря уж о фамилии. Фамилия у меня Раскольник. Угадайте с двух попыток имя. Впрочем, достаточно и одной.

— Здравствуйте, Колун. Чем порадуете?

— Дело сделано, — сказал я. — Было семь штук, полный прайд. «Сержант», баба-«маркитантка» и пять «солдат» разного возраста. Все испарилась. Высылайте уборщиков.

— Вы в порядке?

— В полном.

— Отлично. Гарантируете, что все чисто?

— На все сто.

— Принято. Уборщики выезжают. Благодарим, Родион. И погладите за нас Мурку.

— Весь свет желает, чтоб меня все-таки сожрали. Не упыри, так напарница, — сказал я. — Сами погладите при случае. Если руки не жалко.

Александр Романович довольно заржал и отсоединился.

— Пора мотать отсюда, — объявил я Мурке, побросал вещички в машину и сел за руль.

Росомаха устроилась по соседству, выставила башку в боковое окно. Требовать от нее пристегнуть ремень безопасности — совершенно бесперспективное занятие. Знаю по опыту.

Сладкая парочка — я и Мурка — картина еще та. Крупный мужик с лицом, зверское выражение которого не способна облагородить даже шкиперская борода, плюс росомаха. Считается, что приручить или выдрессировать росомаху невозможно в принципе. Это самый коварный, злобный и независимый хищник на свете, хуже гиен и ягуаров. Так оно и есть. Мурка — коварная, злая, не приручаемая. Да я никогда и не делал попыток приручить ее или выдрессировать. Все гораздо проще. Или сложнее, как посмотреть.

Мы дружим, сотрудничаем, мы целиком и полностью равны.

Началось все до банальности просто: я нашел в лесу тяжело раненную росомаху. Другой бы бросил подыхать или добил, а я решил дать ей шанс. Сильное животное, по-своему красивое; редкое, Пусть со скверной репутацией, но ведь и моя собственная — не из тех, что ставят в пример подрастающему поколению. К тому же росомаха пострадала в явно неравной схватке. Кроме огнестрельной раны, на теле имелись множественные следы от зубов. Я решил, что погрызла ее охотничья собака.

От потери крови будущая Мурка настолько ослабела, что не могла даже огрызнуться, когда я наскоро ее бинтовал. Только приподнимала губу и еле слышно шипела. Наверное, ей казалось, что она скалится и грозно рычит. Закончив перевязку, я отвез ее домой, где знакомый ветеринар залатал ее уже всерьез. Собственно, он только извлек картечины, наложил швы да обматерил меня за идею выходить зверюгу, которая непременно перегрызет мне глотку, если выживет. Впрочем, он был уверен, что росомаха не выживет.

Она выжила. И, едва набравшись сил, сполна отплатила мне за милосердие и уход.

Тогда моя карьера истребителя упырей только начиналась. Был я хорош. Разъезжал на мотоцикле «Урал», в кожаном плаще, порыжевшем от времени, высоких шнурованных ботинках и танкистском шлеме. Волосы у меня были до лопаток, на боку казацкая шашка, а за поясом — двуствольный обрез. Еще имелся топорик, закрепленный на правом бедре. С таким-то именем да без топора?

Меня не принимали в расчет ни патриархи самих кровососов, ни те *большие люди*, которые следят за поголовьем «ночного племени». Обе стороны считали, что в самое ближайшее время Родю либо прикончат, либо инфицируют, покусав. Таких ухарей, решивших, что их святое предназначение — истреблять нежить, появляется ежегодно приличное количество. Причины у всех различные. Для кого месть, для кого идея, для кого желание экстремальных развлечений. Для многих — деньги. Сам я как раз из последних. С небольшой, бодрящей примесью идейности.

Будучи восторженным идиотом (тогда преобладало желание поразвлечься «на грани»), я натворил глупостей. Выбил прайд не полностью. И без того семейка была куцая, всего

четыре члена, так я еще умудрился проморгать маркитантку и «сержанта». Обитали упыри в единственной избенке заброшенной деревни. Питались коровьей кровью: недалеко располагалась животноводческая ферма. Скотовод меня и нанял за какие-то смешные деньги.

В логово я вошел в полдень, предварительно сорвав с окон ставни и выломав дверь. Без особого труда пристрелил двоих новобранцев, решил, что больше никого нету, и подпалил избу. Дом сгорел быстро, заодно с дворовыми постройками, на которые перекинулся пожар. А две твари в погребе уцелели. Бока им подкоптило, но это только добавило им злости. Они дождались ночи и, руководствуясь нюхом, помчались мстить. Войти в дом незваными упыри не могут, тут известное поверье справедливо... только вот спал я по летнему времени в гамаке, на свежем воздухе.

Разбудил меня громогласный вой и рык — это прикончившая обоих мстителей Мурка торжествовала победу. Впрочем, имени у нее тогда еще не было.

Она осталась жить со мной. И охотиться. У нее с кровососами собственные счета. Те рваные раны на боку были именно от вурдалачьих зубов — это я понял позже. Что же касается картечи... Патриархи почти никогда не пользуются на промысле клыками и когтями. Зато огнестрельным оружием — постоянно.

А кровь крупного лесного хищника является для них настоящим деликатесом.

Возле пересечения проселка и шоссе я должен был встретить колонну уборщиков и показать им дорогу на объект, растолковать, что там да как. Одна из традиций, которую я не совсем понимаю. Можно подумать, уборщики спустились в наши края с облачка и без сопровождающего немедленно забредут в какое-нибудь болото. Однако так принято. А непписанные законы следует соблюдать, это притягивает удачу.

Доехал и стал ждать, наслаждаясь мягким сентябрьским теплом. Мурка, неприхотливое создание, перебралась на заднее сиденье и успела задремать.

Наконец показалась колонна. Впереди милицейский «бобик» с включенной мигалкой, за ним две пожарные машины. «Газель» с разнорабочими, два тягача: на платформах — гу-

сеничный бульдозер и стенобитная машина с чугунным шаром. Потом колесный экскаватор и самосвал. Замыкал колонну еще один «бобик».

Я помахал рукой. Колонна стала.

— Здорово, орлы! — поприветствовал я вышедших ментов.

Один из парней мне уже встречался несколько раз. Сержант Ильясов — ему я пожал руку. Другой был совершенно незнаком. Молоденький старший лейтенант со строгим, но по-юношески румяным лицом. Румянец сводил на нет всю старательно изображаемую лейтенантом суровость. Наверное, он об этом не догадывался, иначе давно перестал бы ммурить бровки и сжимать губы в ниточку.

— Ну че? — спросил Ильяс быстро. — Куда ехать? Туда? — Он махнул рукой в сторону проселка.

— Ага. Слушайте, ребята, зачем такая делегация? Хватило бы вас да пожарки.

— Это не вам решать, — процедил старлей. — Ваше дело указать дорогу. Дальнейшее вне вашей компетенции. Кстати, я бы предпочел знать, с кем беседую. Представьтесь, пожалуйста.

Я повернулся к Ильясу и мотнул головой на лейтенанта:

— Чего он? Изображает министра внутренних дел?

Румяный бурно возмутился:

— Почему вы говорите обо мне как об отсутствующем?

— Потому что ты для меня пока что пустое место. Усек, лейтенант?

— Старший лейтенант!

— Мне без разницы. Страшный, так страшный.

Начинающий беситься старлей переключился на Ильяса:

— Хайруллин, объясните, кто это такой?

Ильяс растерянно заморгал. Ему явно не хотелось рассказывать обо мне, не получив на то одобрения от высокого начальства. Но и перечить старлею казалось неразумным.

— Ладно, сам представляюсь, — сказал я. — Родион Раскольник, сторож коллективного сада номер шестнадцать. В настоящее время нахожусь здесь по заданию партии, правительства и лично полковника Рыкова, чтобы указать воинской колонне дорогу на Берлин.

— Прекратите кривляться, — с досадой проговорил стар-

ший лейтенант. — Хайруллин, повторяю вопрос, что это за человек?

— Так это... он же сказал, — протараторил Ильяс. — Родион. Сторож шестнадцатого сада. У моей мамки там участок. Фамилия Раскольник. Его товарищ полковник лично знает.

Старлей хмыкнул с сомнением. Похоже, полковник Рыков не являлся для него очень уж крупным авторитетом.

— Ну а теперь мне хотелось бы знать, с кем имею честь беседовать. — Я прищурился.

— Старший лейтенант Куклин, — сухо сказал румяный. — Ответственный за рейд. А теперь, гражданин Раскольник, сообщите все, что считаете существенным.

Вообще-то парень я незлобивый и на контакт иду легко. Просто не люблю, когда передо мной начинают выкаблучиваться. Особенно такие Куклины — молодые, да ранние. Я поскреб пальцем бородку и заговорил:

— Поедете по этой дороге. Километров через восемь будет населенный пункт. Только уже без населения. Десяток двухэтажных бараков и бывшая кирпичная фабрика. Здания деревянные, из бруса. Гнилье. Ваша цель — дом номер два, слева по ходу. Табличка сохранилась, не ошибетесь. Если интересно мое мнение, барак лучше сжечь.

— Ваше мнение не интересно, — отчеканил Куклин. — Вообще не понимаю, зачем мы теряем время, выслушивая то, что уже известно. Можете быть свободны, гражданин Раскольник.

— Премного благодарен, ваше благородие, — сказал я ему и шутовски поклонился. Ильясову кивнул: — Увидимся!

Тот хитро подмигнул и полез обратно в «бобик».

Я не зря предложил уборщикам спалить барак. Любые логова стоило бы сжигать сразу, даже не входя внутрь. И уж тем более не затевая стрельб и размахиваний холодным оружием. В том, чтоб действовать против упырей огнем, нет ничего сложного. Чаще всего их обиталища находятся поодаль от населенных мест. Имея продуманную организацию дела, пожары можно локализовать, а информацию о них — скрывать.

Однако в свое время мне четко дали понять, что такой

подход неприемлем по многим причинам. Например, ответственности трудно объяснить, с какой целью государственные структуры варварски уничтожают заброшенные строения вместо того, чтобы аккуратно разбирать по бревнышку. Почему из сжигаемых домов выскакивают горящие люди? Кто они — бомжи, беспризорники или кто-нибудь еще? Неужели правительство одобряет геноцид этих неизвестных людей? И так далее. Множество причин — и ни одна из них не является по-настоящему существенной. Что ясно говорит о том, что главная причина крайне цинична. Уверен, существование определенного количества кровососов выгодно очень многим.

Именно поэтому я иногда «работаю» индивидуально, не ставя в известность милицейского полковника Рыкова и Александра Романовича, моего куратора из отдела «У» при МЧС. Удивляться тому, что отдел «У» приписан именно к МЧС, не стоит. Взрывное увеличение числа низших кровососов, происходящее в последнее время, — ситуация самая что ни на есть чрезвычайная. Докопаться до корней ее возникновения охотникам вроде меня не позволяют. Но прорезивать число упырей мне по силам.

Наверно, такая самостоятельность когда-нибудь выйдет боком. Однако, как я уже говорил, частичка идейности во мне сохранилась. Она-то и заставляет время от времени отправляться туда, куда меня никто не посылал, и уничтожать кровососов без одобрения свыше. Притом совершенно безвозмездно.

Поверьте, именно эти рейды приносят мне наибольшее удовлетворение.

Подождав, пока колонна пройдет мимо, я сел за руль и покатил прямым ходом домой.

На крылечке моего дома сидела очаровательная особа женского пола и грызла морковку. Зубки у нее были — хоть сейчас на тюбик зубной пасты. Волосы светлые, глаза ярко-синие, а губы ярко-алые. Фигурка превыше всяких похвал. Лет ей, думаю, было побольше двадцати пяти.

Я вылез из машины, прошагал напрямиком к ней и сказал:

— Войдите-ка в дом, прекрасная незнакомка. Да поскорей.

— Что за спешка? — спросила она чрезвычайно приятным голосом. У меня от таких модуляций даже легкая щекотка возникла в животе. Я положил девушке на талию ладонь и мягко подтолкнул к двери.

— Видите зверя на заднем сиденье? Росомаха. Успевайте внутрь, пока дремлет.

— Это и есть знаменитая Мурка?

— Она самая. Жутко раздражительная особа. На незнакомых людей реагирует крайне нервно. Особенно на красивых женщин.

— Ревнует, — заключила девушка и вошла-таки в дом.

— Безусловно, — согласился я, входя следом. — Представляться нужно?

— Вам нет. А я представляюсь. Корреспондент «Вечернего проспекта» Вера Рыкова.

— Рад знакомству с вами, Вера, — улыбнулся я. Окажись на месте этой милашки какой-нибудь журналюга с хитрой рожей или старая кляча с плохо промытыми волосами и папиросой в зубах, я бы отреагировал куда менее благосклонно. Но корреспондент Рыкова была чертовски хороша. — Милости прошу. Устраивайтесь, где покажется удобней. Рекомендую бордовое кресло. Выглядит не ахти, но комфорт неописуемый.

Она уселась, забросив ножку на ножку. Если бы на ней были не бриджи с футболкой, а платице, мне немедленно потребовался бы ледяной душ. Впрочем, он мне и так не повредил бы. Но как оставишь гостью одну, когда по окрестностям рыщет ревнивая росомаха, верно?

Однако чуточку холодной жидкости внутрь все-таки пойдет на пользу, решил я. Достал из холодильника бутылку минеральной воды, разлил по стаканам.

— Вы полковнику Рыкову случаем родственницей не приходитесь?

— Даже не однофамилица, — засмеялась девушка.

— Значит, дочь.

— Не угадали.

— Племянница.

— Снова не угадали. — Вера покачала отрицательно пальчиком. — Жена.

— Ах вот оно что, — протянул я.

Настроение слегка упало. Вообще-то я ничего не имею против чужих жен. Даже наоборот. Но супруга крупного миллионерского чина, к тому же пусть косвенного, но начальника, — это вам не супруга садовода.

— Так что же вас привело сюда, Вера Рыкова? — спросил я без былой игривости.

— Хочу написать о вас статью для газеты.

— Что во мне замечательного? Рядовой сторож рядового коллективного сада. Живу, никого не обижаю. Зверь у меня редкий, но есть ведь люди, которые крокодилов разводят. Или страусов. Напишите о них.

Вера посмотрела на меня изучающим взглядом.

— О крокодилах неинтересно. Другое дело — вурдалаки. Как думаете?

Честно говоря, в тот момент я подумал, что полковнику Рыкову стоило бы кое-что несколько укоротить. Болтливый язык имеется в виду.

— Вы зря пришли, Вера, — покачал я головой. — Интервью не получится. Я не понимаю, о чем вы говорите. Вурдалаков не существует. Или знаете что? Обратитесь в Институт исследований таинственных существ. Там вам поведают о вампирах и оборотнях, о том, что среди нас живут эльфы и пришельцы из морских бездн. Чего попросите, о том и расскажут. А из меня выдумщик как из колуна пловец, — выдав эту одному мне понятную шутку, я улыбнулся. — Конечно, это не значит, что я вас выпроваживаю. Будете чай?

— Буду, — сказала Вера. — Родион, почему вы не хотите мне ничего рассказать?

До чего ж настырная особа!

— Так ведь нечего рассказывать. Тема закрыта как лженаучная. И вообще, милая барышня, кончайте морочить мне голову. Какая связь между мной и упырями? Я понимаю, вам, газетчикам, всякое лыко в строку. Вы и чих соседской кошки с тихоокеанским ураганом в два счета свяжете, лишь бы статейку настрочить. Но я-то...

Вера прервала меня довольно бесцеремонно: приложив ладошку к моим губам. Ладошка была замечательная, теплая, мягкая — такие только целовать.

Я и поцеловал, а что? Сама спровоцировала.

Она покачала головой, не то укоризненно, не то снисхо-

дительно. А потом запустила другую руку в тесный карман бриджиков, что-то оттуда выудила и бросила на столик. Звук раздался, будто от игральные кости. Вера отняла ладошку от моего рта и сказала:

— А это как прокомментируете, Родион?

Я скосил глаза. На столике и впрямь лежали кости. Только не игральные. Да и не вполне кости. Это были зубы.

Четыре великолепных упыриных клыка.

— Дьявольщина! — помимо воли сорвалось с языка.

Сказать, что Вера меня ошеломила, значит не сказать ничего. Кровососы, с которыми я имел дело, никогда не оставляли после себя ни скелета, ни волос, ни клыков. Попав на солнце, они мгновенно сгорали дотла. Получив заряд картечи или пулю, будучи проткнуты клинком или растерзаны зубами Мурки, они целиком превращались в густое облако смрадного горячего пара. Да иногда оставался ком мокрой одежды.

Клыки же значили одно. «Верховного». Патриарха или матриарха. О, эти твари и появляются-то иначе, чем рядовые упыри. Никаких укусов, никаких заражений через шприцы и переливания крови. Для того чтобы сделаться патриархом, соискателю следует убить одного из «офицеров» и съесть его сердце и печень. А также, простите за неаппетитные подробности, половые железы. Хотя бы по кусочку. После чего вырвать клыки и предъявить Конклаву Ночи. Если Конклав решит принять неофита в свои ряды, клыки оставят ему. К нему же переходит имя и титул погибшего кровососа, а также право владения крепостными «низшими». Если же нет — смерть. Медленная, мучительная. Упыри в заплочных делах обладают многотысячелетним опытом. И любят пытки беспрельдно. Ведь там льется кровь.

— Где ты взяла *это*? — спросил я.

— Думала, ты сообразительней. — Она тоже решила перейти на «ты». — У Славика, разумеется. — Взглянув на мое непонимающее лицо, уточнила: — Ну, у мужа. У полковника Рыкова.

И тут меня скрутил приступ смеха. Конечно, это было нервное, но удержаться я не мог. Полковник Рыков, человек, который едва ли не за ручку привел меня в ряды профессиональных охотников, раскрыл передо мной тонкости истреб-

ления кровососов и поведал мне базовые знания о нежити, — не был человеком! Он был патриархом! Реальным оборотнем в погонах. Как тут не заржать?

Отсмеявшись, я поинтересовался:

— Ну а от меня-то чего тебе нужно? Хранит твой Славик какие-то зубки, и что? Может, это палеонтологическая находка. Клыки древней акулы или саблезубого тигра. Желаете получить объяснения, спрашивай у него.

— Не прикидывайся кретином, Родион. И не держи за дуру меня. Я хочу, чтоб ты его прикончил.

— Кого? — вздрогнул я.

— Рыкова. Убей Рыкова, Раскольников.

— Просто Раскольник, без «ов», — механически поправил я. — А зачем, Верочка? Он хороший дядька. Служака отличный. Солнца не боится. По-моему, ты фантазируешь.

— Он высший. Скажешь, тебе неизвестно, кто они такие?

Я с самым правдивым видом помотал головой. Вера хмыкнула и заговорила:

— Высшие упыри, они же патриархи и матриархи. Аристократия кровососов. Теплокровные создания, имеющие иммунитет к ультрафиолету. Высшие — не чета бледным ночным уродам. Гемоглобин получают без насилия. Людей на пищу не убивают, при укусах даже не заражают. Владели множеством способностей. В частности, умеют командовать людьми и рядовыми вурдалаками, которых считают за рабочий скот. Из высших состоит Конклав Ночи, который оказывает громадное влияние на человеческую политику и экономику. Держит в руках прессу, телевидение, Интернет. Внутри Конклава существует несколько группировок, идет постоянная холодная война за расширение сфер влияния. Когда холодная война переходит в «теплую», на поле боя выходят солдаты. Те самые вампиры, о которых снято столько фильмов и написано книг. Иногда, помимо солдат, патриархи используют охотников на упырей. Таких, как ты, Родион. Ну как, продолжать или уже достаточно?

— Спасибо, хватит, — пробормотал я, пораженный обширными познаниями Веры. И добавил: — Насколько мне известно, охотниками руководят все-таки люди.

— А откуда тебе это известно, Родион? — спросила Вера с сарказмом.

— От полковника... Блин! И все равно, на кой тебе его убивать? Разойдись — и все дела. Суду скажешь, дескать, не удовлетворяет как мужчина. Или еще чего-нибудь.

— Например, что пьет у меня кровь. Не фигурально, а взаправду.

— погоди, — сказал я и взял Веру за плечи. — Ты что, всерьез?

— Конечно. Рыков жрет мою кровь, Родион!

Я отстранился и посмотрел на нее внимательно, изучая. Однако ни анемической бледности, ни следов от укусов или донорских игл на руках не обнаружил. Конечно, есть и другие места... Почему, например, она в брючках?

Она истолковала мой взгляд верно. Расстегнула пуговку и стянула бриджи. Трусики у нее были тонюсенькие, розовые, с изображением черного большеухого котенка спереди. Бедра и ноги — идеальные. У меня сразу вылетели из головы все вурдалаки на свете.

Вера повернулась, демонстрируя ноги в тех местах, куда обычно загоняют иглы или клыки. Тоже чисто.

— Зря ищешь, Родион. Рыков меня не кусает. Даже не колет. Он ведь любит меня. — Вера сделала паузу и вдруг ткнула пальцем в низ живота. Точно в черного котенка на трусиках. — Он другой кровью лакомится.

Мы пили остывший чай и молчали. Мне нужно было очень и очень хорошо взвесить все «за» и «против». Помочь Верочке — святой долг настоящего мужчины, тем более охотника на нежить. Однако нападение на высшего Конклав Ночи без последствий не оставит. Им даже не придется действовать самостоятельно. Достаточно натравить на меня человеческое следствие. За убийство полковника милиции шкуру с меня спустят в два счета.

Стало быть, если соглашусь, в первую очередь придется подумать, как избавиться от трупа. Если разобраться, ликвидация тела упокоенного патриарха — задачка копеечная. Всего-то и нужно извлечь сердце с печенью и яичками да выдрать клыки. Дальше отработает физиология. Высший испарится так же стремительно, как обычный вурдалачий солдатик первого года службы.

Одна незадача. Тот, кто удалит патриарху клыки, автома-

тически перейдет в категорию соискателей на титул высшего. Со всеми вытекающими радостями. Сперва суд Конклава, а после — либо пыточная, либо упыриный титул, вечная жажда крови и умение управлять живыми существами и нежитью. А в перспективе — встреча с тем, кто, в свою очередь, захочет добраться до его внутренних органов и зубов.

Допускаю, кому-то возможность заделаться долгоживущим существом покажется заманчивой. Мне — нет. Слишком уж кардинально придется изменить жизненные принципы. А я пусть и аморальный тип, но не настолько же!

Тогда какой выход? Болото, сказал я себе. Главное — со стопроцентной уверенностью знать, что погребенный в трясине труп не захочет выкарабкаться оттуда для мести обидчику. Сложно? Еще бы. Но это уже сложности технические, а не нравственные.

Мысль о том, что убивать придется не какую-то постороннюю тварь, а отличного мужика Рыкова, я старательно гнал. В конце концов, эта сволочь несколько лет манипулировала мною. Нет сомнений, что низшие кровопийцы, которых я уничтожал с его подачи, были крепостными противников Рыкова в Конклаве. Вера права, холодная война среди упырей-патриархов не прекращается с начала времен. И действуют эти твари помимо прочего человеческими руками.

Я в два больших глотка допил воду и сказал:

— Хорошо, предложение принимается. Поговорим об оплате.

Вера вскинула на меня синие глаза. На лице ее появилось выражение несправедливо обиженного ребенка.

— Об оплате? — тихо сказала она. Тон был такой, что становилось совершенно ясно — мои слова стали для нее неожиданностью. Страшной, горькой неожиданностью.

Я внутренне заплодировал. Превосходная актриса!

— Милая Верочка, имейте в виду, профессионалы задаром не работают.

— И сколько нынче берет профессионал Раскольник?

— Договоримся. Полагаю, полковничьей вдове обручальное кольцо продавать не придется. Все будет зависеть от сложности операции. Окончательный расчет произведем по факту. Но аванс пожалуйста вперед. Десять тысяч вечнозеленых единиц.

— Грабеж, — констатировала она. — Родион, ты, оказывается, и сам кровосос.

— Работа накладывает определенный отпечаток, — усмехнулся я.

— Скидки предусмотрены? — Вера нежно взяла мою кисть в свои руки.

— А то! — Я отбросил ногой столик. — Постоянным клиентам существенные.

Ближе к вечеру, хорошенько отдохнув и подкрепившись, я вновь погрузился в «УАЗ». После того как договор с Верочкой Рыковой был заключен и скреплен многими... гм... печатями (хочется верить, не иудиними), у меня появились кое-какие неотложные дела. Провернуть их следовало до наступления ночи.

Мурка где-то гуляла, и слава богу. Там, куда я направлялся, ее присутствие было крайне нежелательно.

Я вывел машину за ворота, церемонно раскланялся с садоводами на автобусной обстановке, получил от пожилой семейной пары бидончик облепихи, а от близко знакомой разведки Лилии осуждающий и одновременно пылкий взгляд — и покатил в город.

Час пик еще не наступил, поэтому до школы № 32, старейшей школы Северо-Восточного района города, я добрался за каких-нибудь сорок минут.

Она и впрямь была чрезвычайно стара: кирпичное трехэтажное здание с двускатной крышей, окруженное неухоженным сквером. Слева и справа возвышались уродливые пристройки — спортзал и мастерские трудового обучения. Из-за спортзала виднелась длинная черная труба котельной. Такие храмы знаний строили, должно быть, еще до рождения моих родителей. Впрочем, школа меня интересовала мало. Мне был нужен здешний истопник, а по совместительству ведущий стрелковой секции. Фамилия истопника была Игнатьев. По имени-отчеству он являлся моим полным тезкой.

Загнав машину на хозяйственный двор, я заглушил двигатель и осмотрелся. На двери кочегарки висел замок, зато вход в подвал был открыт. Я направился туда.

Сойдя вниз, прислушался. Слева доносились хлесткие су-

хия щелчки. Это в тире стреляли из пневматических винтовок. Игнатъев был, разумеется, там. Я пошагал на звук.

Увидев меня, Родион Кириллович заулыбался, блестя металлическими коронками, и скоренько свернул занятие. Вы проводил стрелков, сгонял меня закрыть подвал изнутри, а когда вернулся, спросил:

— Ну, чего тебе, тетка?

— Да ты ведь уже догадываешься, Кирилыч.

Он досадливо поморщился и кивнул. Конечно, он догадывался.

— Пришла пора платить по векселям?

— Точно, — сказал я, — пришла.

Уверен, окажись на месте Игнатьева любой другой человек, он постоянно служил бы мишенью для подростковых шуточек и злых розыгрышей. Он как будто нарочно был создан для этого: худенький, низенький горбун с огромными полупрозрачными ушами, вислым сиреневым носом пьяницы и хромающей походкой.

Любой другой человек.

Да только Игнатъев не был человеком — и дети это наверняка чувствовали.

Игнатъев был высшим упырем.

Впрочем, не совсем высшим. И, кажется, не совсем упырем. Когда-то, более полувека назад, молодой комбайнер Родя Игнатъев прикончил матриарха. Героиню Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР и проч., и проч. Собственного председателя колхоза.

Председательница была падка до молодой мужской плоти в любых проявлениях. Родион изобразил, что снедаем бешеной страстью, заманил кровопийцу на ток и там стрельнул из двустволки самодельными серебряными жаканами ей в грудь. Потом отсек косою голову. Распотрошил. От сердца кусочек съел. И от печени съел. А от яичников не смог, сколько ни пытался. Проблевался Игнатъев, вырвал у председательницы клыки, понаблюдал, как «пар ушел в свисток», и поехал в город на председательском «Виллисе».

Новых сородичей он уже чувствовал нутром.

Суд областного Конклава Ночи не признал его своим. Дело было отнюдь не в нарушении Игнатьевым правил убийства матриарха. Клан, к которому относилась покойная героиня

ня труда, обладал в нашей местности подавляющим большинством голосов. Приговор был закономерен: медленное умерщвление. Очень медленное.

Новоиспеченного вурдалака начали терзать. Высшие упыри живучи, но в конце концов его замучили бы. Однако поспела кончина товарища Сталина. Последующий расстрел патриарха патриархов, Лаврентия Берия, спровоцировал в вурдалачьей верхушке грандиозную грызню за власть. Механизатор Родя Игнатъев, прикончивший авторитетного патриарха бериевского клана, в одночасье из разменной пешки превратился в фигуру для совсем другой игры. В козырного валета. Он вдруг сделался едва ли не примером для подражания. Его выпустили, обласкали и вмиг забыли. Искалеченного, постаревшего, с удаленными клыками. Ему предстояло долгое, очень долгое существование в шкуре инвалида и доходяги.

Он ушел в подполье. Где и пребывал по сию пору.

— Родя, — сказал Игнатъев, начав составлять винтовки в ружейный шкаф. — Я тебе уже говорил, что ты дурачок?

— Много раз.

— Почему же ты до сих пор не поумнел? — Он закрыл дверцу, опечатал и повернулся ко мне. — Почему, мальчик?

— А смысл? Ты вот, Кирилыч, умный — аж страх берет. Всю вурдалачью историю за пять тысяч лет знаешь, всю человеческую — за три. Но прибытку тебе от этого ноль. Сидишь тут, как гриб, плесневеешь. Ни славы, ни почета.

— Ошибаешься. Выгода самая прямая. Спокойствие! Ты этого пока не понимаешь, потому я и говорю: ду-ра-чок! А если получишь то, за чем пришел, рискуешь и вовсе не дожить до понимания.

— Спасибо, дяденька. Приму во внимание. Где она?

— Кто она? — Игнатъев хитро прищурился. — Ты все-таки уточни, тезка, чего тебе от меня нужно. А то я ж пожилой. Соображалка плохо функционирует.

— Книга Рафли, — четко произнес я. — Кодекс высших упырей, по преданию написанный самим Чернобогом.

— Так ведь такой книги не существует! Она ж на дне Океан-моря, под Алатырь-камнем схоронена. Или под Сухаревской башней Кремля. Я что-то толком и не припомню.

— Мне не до шуток, Кирилыч. Книга у тебя. Ты пробол-

тался, когда окосел от крови того торчка, которого зарезала Мурка. Героин — страшно вредная штука. Даже для высших.

— Понятно, — протянул Игнатъев. — Ну, тогда, серьезный мой, возьмешь ее сам.

— Далеко ехать? Я на машине.

— Ножками дотопаешь. А далеко или близко — это как получится.

— То шутки у тебя, то загадки.

— Никаких загадок. Сплошная диалектика. Единство и борьба противоположностей, а также переход количественных изменений в качественные.

Он присел на корточки возле лежанки для стрельбы и с неожиданной силой сдвинул ее в сторону. Потом пальцем очертил на открывшемся пыльном прямоугольнике пола фигуру вроде эллипса. Пробормотал что-то и надавил открытой ладонью внутрь получившегося контура.

С душераздирающим звуком, напоминающим стон издыхающего слона, пол, очерченный эллипсом, исчез. Из открывшегося черного проема потянуло холодом.

— В добрый путь, тезка.

— Мне понадобится фонарь, — сказал я, замороженно всматриваясь в этот жуткий колодец.

— Нет. Либо ты идешь так, либо мы прощаемся.

— Ох, дьявол.

— Дьявол? Возможно, вы встретитесь, — скверно ухмыльнулся Игнатъев.

Какое-то время я висел на руках, набираясь решимости разжать пальцы. Глубина ямы могла оказаться любой, а переломать ноги хватит и трех метров. Особенно если внизу набросана какая-нибудь дрянь вроде кирпичей. Мне запоздало пришло в голову множество разумных мыслей. Например: как я стану выбираться? Или: надо быть не просто дурачком, а настоящим идиотом, чтобы поверить упырю. Вдруг он попросту решил избавиться от надоедливового человечешки? В конце концов, что нас связывает? Дружба? Очень сомневаюсь. Деловые отношения? Тоже не факт. Тот наркоман был единственным блюдом, которое я преподнес Кирилычу. Да вдобавок и неживым уже — едва теплым трупом.

Я поднял глаза. Подкованные каблуки игнатьевских сапог находились рядышком с моими пальцами.

— Пособить? — невинно осведомился он и качнулся с пятки на носок.

Руки разжались сами собой.

Приземлился почти сразу же, и полуметра не пролетел — однако светлый эллипс над головой исчез, будто не бывало. Под ногами чувствовалось что-то мягкое, пружинящее. Потрогал. Не то мох, не то лишайник. Влажный, прохладный. Я пошарил руками вокруг. С трех сторон нащупал стены, покрытые тем же лишайником. Справа преграда отсутствовала.

Тишина стояла — гробовая.

Я встал и, ведя пальцами левой руки по стене, чтоб не потерять хотя бы этот ориентир, сделал крохотный шаг. Потом еще один. Потом остановился. Мне вдруг показалось, что мои шаги вызвали какое-то движение впереди. Движение, сопровождаемое легчайшим шорохом. Слово десятки мелких змеек начали расползаться по стенам, цепляясь чешуйками за мох.

Прислушался. Так и есть, шуршание. Не приближается и не отдаляется. Как будто то, что издает звуки, ждет. Меня ждет. Я наклонился и достал из-за голенища армейского ботинка нож. Старый добрый нож последнего шанса. Засапозный клинок с простой деревянной рукояткой и лезвием «лист ивы», выкованным из двух зубьев бороны. По древнему русскому поверью, именно зуб бороны — лучшее оружие против упырей.

Испытано на практике. Поверье право.

Стиснув зубы, я двинулся вперед. Чем дальше шел, тем больше казалось, что тьма понемногу рассеивается. Что в глубине мха мелькают слабенькие зеленоватые блики. Я поиграл ножом и с отчаянной решимостью гаркнул:

— Кирилыч, хватит баловаться! Свет, живо!

И тут же лишайники — на полу, на стенах, на потолке, с которого свисали клочковатыми бородами, — засветились. Напитались неверным мерцанием, в котором я с отвращением разглядел то, что издавало звуки.

Это была сеть. Решетка. Она полностью перегораживала коридор, она шевелилась. Ее ячейки то растягивались, то сжимались, постоянно меняли форму, издавая тот самый ше-

лест. Все потому, что состояла сеть из тысяч ухверток. Некоторые насекомые были обыкновенными, некоторые — поистине гигантскими. С палец, а то и крупнее. Они ползали друг по другу, стригли хвостами-клешнями, падали на пол и вновь взбирались вверх. Смотреть на это копошение было непередаваемо гадко. Настоящая, мать ее, ухверть!

Нас разделяло каких-нибудь пять-шесть шагов.

Позади сети коридор расширялся, образуя значительных размеров помещение. Пожалуй, при желании в нем можно было устроить баскетбольную площадку. Правда, для зрителей места почти не осталось бы.

Я нервно облизнулся, наклонил голову, прикрыл локтем лицо, выставил вперед руку с ножом и пошел на штурм мерзостной преграды.

Четыре, три, два шага, последний прыжок — и вот уже на меня обрушился сухо шелестящий дождь. Насекомые скребли цепкими конечностями по коже, извивались в волосах, щипались и кусались. Я замотал головой, выронил нож и принялся с бешеной скоростью стряхивать их с себя. Сброшенные твари немедленно устремлялись обратно к горловине коридора и вновь начинали строить свою пугающую ухверть.

Наконец я стряхнул всех. Пошарил во мху, разыскал нож и как был, на корточках, осмотрелся. Помещение оказалось даже больше, чем виделось из коридора. Высокий потолок, закругленные углы — и пустота. Лишь возле дальней стены вздымалась какая-то кочка. Она тоже была целиком затянута мхами-лишайниками — но совсем другого цвета. Если мшистые бороды на потолке и стенах, если влажный ковер на полу имели преимущественно темно-зеленый окрас, то кочка была серовато-желтой. Будто огромный гнойник.

Разумеется, Кодексу упырей было в этом гнойнике самое место.

Я встал и двинулся к нему. Вблизи выяснилось, что высота кочки почти мне по грудь. То, что я принял за лишайники, лишайниками не являлось. Это были все те же ухвертки. Бесцветные полупрозрачные букашки — внутри каждой пульсировала светящаяся желтоватая жилка. Они вцепились челюстями в камень, на котором лежал предмет, отдаленно напоминавший небольшой противень с крышкой. Точнее ра-

зобрать форму и вид предмета не представлялось возможным. Насекомые облепили его сплошь. Наружу торчали только брюшки с угрожающе шевелящимися крючками.

Пробормотав десятка два наиболее энергичных проклятий и набравшись решимости, я начал счищать ухверток ножом.

Что тут началось! Насекомые взбесились. Они молотили лапками, изгибались, словно через них пропускали электричество, и стригли, стригли, стригли воздух своими страшенькими «ножницами» на концах тел. А потом начали лопаться. Светящиеся внутренности бесцветных ухверток разлетались брызгами — и обжигали подобно слабенькой кислоте. Кожа рук терпела, но что будет, если капля едкой гадости угодит в глаз?

Недолго думая, я сшиб то, что могло оказаться Книгой Рафли, на пол. Ногами отскреб останки членистоногих стражей. Стало видно, что это и впрямь книга, заключенная в корки из черепаховых панцирей и застегнутая на два медных замка. Я завернул книгу в стянутую с себя куртку и лишь после этого смог наконец перевести дух.

Всего через мгновение выяснилось, что расслабляться было рано.

Мох зашевелился и начал отслаиваться. Сначала небольшими клоками, в основном с потолка и верхней части стен. Однако вскоре стали обнажаться средняя и нижняя части стен и даже пол. А потом — потом мох оторвался сплошным пластом, образовал чудовищное подобие бесформенной лапы и попытался меня схватить! К счастью, это образование было довольно неповоротливым.

Чего не скажешь обо мне. Я задал деру.

Как миновал ухверть, откровенно говоря, не заметил. За спиной шлепало и чавкало огромное, мокрое, мохнатое. Наверняка кровожадное. Поэтому сеточку из копошащихся букашек, способную по-настоящему напугать разве что нервных школьников, я проскочил вмиг. Лишайники приходили в движение уже повсюду. Ноги засасывало все сильнее, на плечи и голову валились отвратительно хлюпающие ошметки.

Коридор вился, то шел под уклон, то изгибался буграми. Ничего подобного при движении туда я не замечал. Похоже, подземелье просто-напросто не желало меня выпустать. Вдо-

бавок я стал слышать за спиной тяжелую по́ступь и шумное дыхание. Был ли это отзвук моих собственных шагов или какое-то существо действительно вышло из тайного лаза, выяснять не хотелось абсолютно. Становилось все темней, свечение в лишайниках угасало. Чересчур быстро угасало! Наконец меня охватил полный мрак... и коридор закончился.

От стены, в которую я с ужасающим грохотом врезался, пахло ржавчиной. Кажется, то была железная дверь. Переполняемый ужасом, я свирепо заколотил по ней кулаками. Через считанные секунды в глаза ударил ослепительный свет, и я прыгнул в это слепящее сияние, крича страшным голосом: «Закрывай!!!»

Да и как было не орать? За мгновение до того, как железная дверь распахнулась, мне почудилось, что до спины моей что-то дотронулось. Легко, почти нежно. Но уверен, прикосновения этого я не забуду до самой смерти. Потому что это было прикосновение вечности — той, которая ждет наши тела в покойной глубине могилы.

Дверь с лязгом захлопнулась. Я проморгался. Передо мной стоял Игнатьев. Удивительное дело, мы находились во все не в тире, откуда начался мой поход за Книгой Рафли, а рядом с лестницей, ведущей к выходу из подвала. Обернувшись, я выяснил, что железная дверь принадлежала «Складу хозяйственного инвентаря», об этом извещала аккуратная фанерная табличка.

Игнатьев смотрел на меня, как еретик на Великого Инквизитора, со смесью уважения и испуга.

— Думал, не выберусь, — мрачно заключил я.

Он утвердительно кивнул.

— Сволочь ты, Кирилыч. Мог бы предупредить.

— О чем? Клянусь, понятия не имею, что с тобой произошло. Когда сам спускался туда, кроме заплесневелых географических карт да связок старых классных журналов, не заметил ничего.

— Каких, на хрен, карт, Кирилыч?! Там лишайники-каннибалы и насекомые, которых в наших краях не бывает. Да и вообще не бывает!

— Это видел ты, Родя, — мягко проговорил Игнатьев. — Я предупреждал, каждый находит там разное. Например, наш дворник — только лопаты да метлы.

С этими словами Кирилыч вновь распахнул дверь «склада хозяйственного инвентаря». Помимо воли я отпрыгнул назад... и тут же нервно хохотнул. Действительно, инвентарь. И каморка-то крошечная, три на четыре метра. Никаких вам ухверток, светящихся мхов. Никакого коридора, где бродит чудовище, дышащее *вечностью*, и прочего пугающего добра. Вернее, зла. Только носилки, лопаты, метлы да тачка без колеса.

Я мотнул головой:

— Запирай.

Игнатъев закрыл дверь, повесил замок. На сверток у меня под мышкой он старался не смотреть. Но время от времени помимо воли косил-таки глазом.

— Хочешь взглянуть?

— Нет. — Он замотал головой, словно эпилептик. — И тебе не советую. Лучше было вообще ее не трогать. Если высшие проведуют, что Кодекс у тебя, я за твою жизнь и мышиного трупика не дам. — Кирилыч помолчал и добавил: — Меня ведь, Родя, даже не столько за Председательницу пытали, сколько за эту книгу. Хотели, чтоб отдал. А я, дурак, молчал. Думал, она мне власть дарует. Да только ни черта она не дарует. Зато отнимает многое. Почти все.

— Это действительно подлинник Книги Рафли?

— Копия, конечно. Даже не первая. Но ценность ее от этого ничуть не меньше. И вред тоже. Зачем она тебе... — Кирилыч пожевал губами и выдавил, как пощечину ответил: — ...человечек?

— Не грузись чужими проблемами, старый. Обещаю вскорости вернуть твою прелес-с-сть.

— Да чего там, — отмахнулся Игнатъев. — Это ты не грузись, тезка. Книга ко мне сама вернется. Не в первый раз.

— Что?

— Она меня выбрала, Родя. Признала владельцем. А может, хранителем. И вернется все равно. С тобой или, — он гаденько хихикнул, — без тебя.

— Типун тебе на язык, кровосос, — пробормотал я.

Весила Книга Рафли килограмма три. Как я уже упоминал, обложена она была плоскими черепашьими панцирями. Панцири скреплялись между собой медными кольцами. На

кольцах имелись насечки, но такие мелкие, что я и в лупу не смог разобрать, письмена это, рисунки или просто орнамент. Страницы выглядели как пергаментные; все проложены тонкими листами материала вроде слюды. От раскрытия книгу оберегали два хитрых, тоже медных, замочка. Думаю, при желании сломать их не составило бы труда.

Соблазн полистать одну из знаменитых *отреченных книг* был, конечно, огромным. Не исключено, что именно этот манускрипт входил в пропавшую библиотеку Ивана Грозного. Что именно в нем безумный царь видел лица или имена бояр, которых считал заговорщиками, посягающими на его власть. Разумеется, то не было правдой ни на йоту.

Если Книгу Рафли впрямь написал Чернобог, каждый знак в ней, каждая точка, каждая виньетка на миниатюрах была пропитана ложью. Достоверной, как самая чистая правда, убедительной — и от этого еще более страшной — ложью.

Что текст? Даже переплет ее таил в себе угрозу. С первого взгляда на него создавалось ощущение: роговые пластины на черепаших панцирях располагаются таким образом, что узор непременно что-то означает. Казалось, стоит внимательно посмотреть на него минуту-другую, и откроется некий тайный код. Но минуты шли, код не открывался, увиденные образы через мгновение оборачивались обыкновенным переплетением линий. Зато росло какое-то тупое раздражение. Появлялось острейшее желание того, чтобы вот сейчас кто-нибудь вошел, помешал изучать не поддающиеся расшифровке узоры. И тогда-то, в конце концов, нашлось бы на ком сорвать злобу.

Поймав себя на этой гадостной мысли в очередной раз, я ругнулся, набросил на проклятый манускрипт мешковину, перевязал шпагатом и сунул сверток в оружейный сейф.

Раздражение, однако, не прошло.

Не знаю, как у других, а у меня для успокоения нервов имеется надежнейшее средство. Нужно заняться снаряжением боеприпасов и уходом за оружием.

Первым делом я поправил на оселке ножи, топорик и казаккую шашку. Вообще-то шашка — почти идеальное оружие для ближнего боя. Тело низшего упыря сравнительно некрепко. Рассечь его от шеи до седалища или смахнуть голову сможет и подросток. Но в тесных помещениях и подва-

лах, где приходится орудовать чаще всего, длинный клинок оказывается скорее обузой. Поэтому с некоторой поры я переключился на кинжалы.

Их у меня два, оба выкованы на заказ из зубьев старинной бороны. У них тридцатисантиметровые лезвия; слегка загнутые, отточенные с обеих сторон концы; крепкие овальные гарды и рукоятки из лосиного рога. Гвозди ими рубить, может, и нельзя, но конечности у кровососов отсекаются без проблем. И черепа пробиваются как тыквы. Проверено.

Покончив с холодным оружием, я взялся за огнестрельное. Сначала почистил старый двуствольный обрез «тулки», потом «моссберг», оба зарядил. Семьи у меня нет, поэтому ружья держу с патронами в стволах. Привычка хоть и грубо нарушающая технику безопасности, но для моей профессии чрезвычайно полезная.

На сладкое взялся за любимый процесс изготовления пуль. Классическая пуля «федерал» для помпового ружья свинцовая, я же использую сплав. Семьдесят процентов свинца и тридцать серебра. Конечно, заряд обыкновенной свинцовой картечи, угодивший в голову или грудь, не оставляет кровососу ни единого шанса дожидаться следующего заката. Однако «сержанты» дьявольски быстры. Далеко не всегда удается попасть, куда хотелось бы. И тут-то серебро в боеприпасе оказывается тем волшебным семечком, что запускает реакцию испарения упыря.

Только мне и этого мало. Сердцевину пуль я начинаю ртутью. Вот уж это для упырей — полный напад! Хуже термоядерного удара. Грамм ртути способен заменить полкило серебра — и этим все сказано.

Через полчаса дело было сделано. Фирменные снаряды «нарцисс» для вас и ваших ночных кошмаров! Попав в цель, пуля раскроется как цветок (отсюда название), ртуть выплеснется, а кровосос, получивший гостинец, молниеносно превратится в пар. Во всяком случае, любой низший упырь — точно. Сохранится ли эффект при попадании в патриарха, мне предстояло выяснить очень скоро.

Отлив двадцать пять «нарциссов», я решил, что пока достаточно.

Как и следовало ожидать, нервы за время работы пришли в порядок. Чтобы окончательно вернуть себе доброе распо-

ложение духа, я затопил баню и позвонил так странно смотревшей на меня давеча разведенке Лилии.

— Привет, цветочек, — сказал я, когда Лиля взяла трубку. — Спорим на коробку шампузо, что тебе безумно хочется этой ночью посмотреть на звезды в мой телескоп?

— Продаул, — сухо ответила Лиля. — Выигрыш заберу завтра.

В трубке издевательски захохотали короткие гудки.

Вздыхая, я отправился в гараж. Нужно было сгонять за уважаемой мною «Столичной», пока не закрылся алкомаркет. И за проигранным шампанским. Лиля любит полусладкое. Как все они. Как все эти разведенки, одиночки и просто несчастные в браке женщины. С прочими мне почему-то никогда не везло.

По пути я набрал на мобильнике номер, который оставила Вера Рыкова.

— Слушаю, — ответила она почти сразу.

— Любишь полусладкое шампанское, красавица?

— Терпеть не могу.

— А водку?

— Безусловно, да.

— «Столичная» завода «Кристалл», — сказал я. — Холодная. А еще баня, жаркая. Гитара... ну, немножко расстроенная. И я. Сама знаешь какой.

— Жди, — сказала она.

Разбудил меня телефон. Звякнул, вырвал из сна — и затих, зараза. Было без четырех минут час ночи. Час! Египетские казни!

Голова, как ни странно, была ясная. Глаза, конечно, слипались. Спал я от силы двадцать минут: До водки со щами мы так и не добрались. Как и до гитары. Сразу из бани под одной махровой простыней отправились в спальню. Разумеется, жалеть о пропущенном ужине я не помышлял.

Я погладил теплое Верино плечо, не удержался и повел ладонь дальше.

Телефон опять забренчал. Ругнувшись сквозь зубы, я схватил трубку, зашипел сердито:

— Слушаю, блин!

— Это я тебя слушаю, блин!

Меня продрало до самой селезенки. Пот мгновенно выступил по всему телу, точно прессом выдавили. Голос полковника Рыкова, чья драгоценная половина, голая как младенец, дрыхла рядышком со мной, перепутать с любым другим было воистину невозможно. Фамилия ему подходила идеально.

— Что случилось? — спросил я.

— Где эта сучка, Раскольник? Где! Эта! Мать ее! Сучья! Мать ее! Сука!

— Рядом лежит, — пробормотал я, набравшись мужества. — Разбудить?

— Ты что, трам-тарарам, издеваешься?! — Рыков заорал так, что меня почти контузило. — Кто рядом лежит? Твоя ро-сомаха? Ты что, трам-тарарам, зоофил, Родя?

— Так вам Мурка нужна?

Облегчение — слишком незначительное слово, чтобы передать ту душевную благодать, которая снизошла на меня, когда я понял, что грозный полковник ищет вовсе не свою легкомысленную женушку.

— Сообразил наконец-то, — несколько спокойней и уже без мата сказал Рыков. — Ну да, зверюга твоя. Кто же еще? Ты в курсе, что она натворила?

— Откуда, товарищ полковник. Вы ж только кричите.

— Тут закричишь. Короче так. Живо на машину и дуй сюда. Сквер возле памятника Челюскинцам, где шлюхи тусуются. Я тут, у самого входа. Пулей, Родя.

— Оружие брать? — спросил я, но Рыков уже отключился.

Сквер возле памятника Челюскинцам, наверное, никогда еще не видывал такого количества ответственных лиц. «Скорая помощь», штук пять разнокалиберных милицейских машин, два здоровенных «Лендровера» МЧС. Шикарные тачки, судя по номерам, принадлежащие большим городским начальникам. Мигалки разных цветов пульсировали, точно прожектора на концерте поп-музыки. Желтые ленты с косыми черными полосами трепетали, будто серпантин. Мундиров было как грязи. Словом, имел место форменный карнавал. Только невеселый.

Меня с моим «УАЗом» не подпустили к массовке и на квартал. Меня бы вообще не подпустили, но Рыков, видимо,

дал необходимые указания. Откуда ни возьмись, появился старый знакомый — милицейский сержант Ильяс Какой-то там. Схватил меня за рукав, поволок за собой. На мои вопросы он не отвечал, только бормотал что-то вроде «ты офигенно попал, Раскольник, офигенно, тебе кирдык».

Притащил в сквер.

Народ стоял небольшими кучками. Морды у всех были значительными, с оттенком трагичности. В одной компании я заметил моего куратора от МЧС Александра Романовича. Виду, само собой, не подал. Он, впрочем, тоже. Конспирация!

На асфальтовой дорожке, по которой днем прохаживаются мамочки да бабушки с колясками, а вечером девушки без комплексов, виднелось огромное кровавое пятно. Тела уже не было, зато имелся меловой контур. Кровь, судя по очертаниям, натекла из горла погибшего.

Ох, беда, подумал я.

Подошел Рыков, решительный и мрачный, как какое-нибудь древнее божество стихийных бедствий. На нем была камуфляжная форма, в кобуре — пистолет. Я помимо воли поежился. Конечно, сейчас Вера уже находится дома — и, как положено преданной жене, греет супружеское ложе в ожидании мужа и повелителя. Но совесть...

Но пистолет...

— Отойдем-ка, — сказал полковник.

Мы отошли, присели на скамейку. Рядом возвышалась куча строительной арматуры, гора песка и щебня. В сквере что-то ремонтировали или строили.

Рыков закурил. Я косился на него и думал, что ничуть этот крупный, краснолицый и явственно озабоченный серьезными проблемами мужик не похож на кровососа. Даже на высшего. Обыкновенный замотанный милицейский полковник. Впрочем, доверять внешности было по меньшей мере глупо. Например, горбатенький тщедушный Игнатьев походил на упыря еще меньше.

— Видишь, что натворила твоя скотина? — спросил наконец Рыков.

— Ну, вижу. Только ведь не факт, что это Муркина работа.

— Не факт, говоришь? — Он искренне удивился.

— Вы же знаете, товарищ полковник, она на людей не

нападает. Ни при каких обстоятельствах. Только на ночных, из которых вся жидкость паром улетучивается. А тут — кровица. Или... — я решил подбросить аккуратно замаскированный крючок, — ...или она завалила высшего? Кто это был?

— Хох Степан Виленович. — Рыков посмотрел на мре недоуменное лицо и объяснил: — Директор издательского концерна «ТХТ». Крупная столичная птица. С самим премьером знаком. Школьный, блин, однокашник. Приехал к нам по приглашению мэра. Журнал какой-то организовывать или типа того.

— В два часа ночи, — сказал я ехидно. — В сквере, где проститутки собираются. Без охраны. Хороший, видно, должен был получиться журнальчик! С веселыми картинками. Жалко, если сейчас такой многообещающий проект закроют. Кстати, вы мне не ответили, товарищ полковник. Этот ваш Хенде Хох был высшим? Из-за того здесь и МЧС?

— Не был, не был он высшим! И никакой он не мой, понял, парень? А чрезвычайники тут потому, что сначала была версия... — Рыков хмыкнул: — Ну, ты понял. Когда у трупа глотка разорвана, центральная версия всегда одна.

— Сначала, значит, была центральная версия, — пробормотал я. — А потом отпала. И крайней оказалась почему-то моя Мурка. Почему, товарищ полковник?

— Потому что есть свидетель.

— Здорово! И надежный? Или так, потас... э-э... девушка какая-нибудь?

— Свидетель надежный. Мой собственный сотрудник. Да ты видел его вчера. Старший лейтенант Ку克林. Рулил командой уборщиков. Румяный такой.

— И чего он тут забыл? — спросил я удивленно. — Он сутенер? Или мальчик для...

— Задолбали твои тупые шутки, Раскольник! — рявкнул полковник. — Спортсмен он, ясно? Совершал пробежку перед сном и увидел, как на человека напало хищное животное. Опознал росомаху. Попытался помочь — так она и его цапнула. А потом скрылась. Хох умер у него на руках.

— Где сейчас этот герой? В больнице?

— Нет, дома, В больницу ехать отказался наотрез. Раны, говорит, пустяковые. Карьерист хренов! — с внезапным разражением добавил Рыков.

— Под вас копает, — понял я гнев полковника.

— Сопля он еще под меня копать. Хоть и выдвигенец кое-чей. Ты вот что, в сторону не уводи. Короче так. Росомаху надо уничтожить.

— Кому надо? — окрысился я.

— Всем, — веско сказал полковник. — И тебе в первую очередь, Родион. Убитая она будет просто дохлым зверем. Ничьим, диким животным. А пока живая — она твоя. И сто, блин, человек с радостью подтвердят это под присягой. Могут и такие отыскаться, которые слухи о прежних убийствах людей росомахой вспомнят. Понятно?

Я кивнул. Конечно, можно было начать объяснять, что Мурка вовсе не моя. Что она — существо независимое. Но кто бы меня послушал?

— Ладно. Разберемся.

— Не «разберемся», Родя. Ты должен сказать: «Есть, товарищ полковник, пристрелить бешеное животное!»

— Слушай, Рыков, — отчетливо проговорил я, уставившись ему в переносицу стеклянным взглядом. — Ты тоже брось тупые солдафонские шутки. Можешь своими ментами командовать. Или женой. А мне ты, в общем-то, никто. Уяснил?

— Вон ты какой, оказывается! — неприятно удивился Рыков.

— Что, не знал?

— Да знал я, Родя, — он расстроено покачал головой. — Но и ты пойми меня! Куклин, сволочь такая, за это дело зубами уцепится. Ты правильно подметил, у него цель ясная — меня в невыгодном свете выставить. Мне ж его нарочно подсунули, хлыща московского. А он не промах, лезет везде. В каждой бочке затычка. Он уже в курсе, что ты, типа, мой протеже. Что я покрывал тебя, когда слухи поползли, будто росомаха бомжей и наркоманов убивает. Да я не удивлюсь, если Мурка его поцарапала, когда он целоваться на радостях полез. Такой подарок от нее получил!

Я слушал Рыкова, и у меня мало-помалу созрела одна очень любопытная мыслишка. Прямо-таки до крайности любопытная. А если учесть некоторые обстоятельства, то и многообещающая.

— Эй, — он пихнул меня в бок. — Ты чего лыбишься? Я что-то смешное сказал?

— А? А-а, нет... Товарищ полковник, вам, как я понимаю, нужно сейчас обелиться перед начальством. Например, найди настоящего преступника, упыря. Чтобы Куклин со своей выдумкой про росомаху-людоеда оказался полным идиотом. Так?

— Да хрен я уже сейчас обелюсь. Преступник мне тем более не нужен. Я ж за бешеных зверей не отвечаю, на это СЭС существует. А вот маньяк в районе — это уже серьезно. Нет, парень, выслужиться для меня теперь уже нереально. Погоди, — спохватился он. — Ты сказал — *упыря*?

— Ага. Высшего, — забросил я следующий крючок. — Наверняка ведь у вас имеется на примете высший, которого хочется прикончить. За патриарха вам не только издателя порнухи простят, но и орден дадут. Или звездочку. Главное, знать, куда обратиться с его трупом. Если не знаете, подсказу. — Я стрельнул глазами в сторону эмчезсников.

— Предлагаешь с огнем поиграть, Родя? Патриарх — это не шуточки. Даже самый завалищий.

— Да вы и без того всей задницей в костер угодили.

— Это точно. Ну, положим, я бы решился. Сразу возникает несколько проблем. Первая и самая основательная: я не знаю ни одного высшего. Ты знаешь? Имеешь точные списки? Могу ручаться, тоже нет.

Ручается он! Ну и змея.

— Ерунда. Отлично обойдемся без списков, фотографий и прочего барахла. Сами явятся, стоит свистнуть. Как миленькие прибегут. У меня — Книга Рафли.

— Ч-что? — спросил Рыков враз осипшим голосом. — Какая книга?

— Книга Рафли, — повторил я хладнокровно. — Кровосос, в чьих руках окажется эта штука, может однокашников премьера вроде Хоха каждый день на завтрак кушать. А возможно, и самим премьером на Вальпургиеву ночь полакомиться. — Я усмехнулся. — Ну как, играете ва-банк, товарищ полковник?

— Да, — твердо сказал Рыков. — С этим джокером можно и рискнуть. Где книжка?

Я заговорщически прижал палец к губам и ушел.

Росомаха поджидала меня дома, пряталась под порогом. Морда и лапы у нее были вымазаны в крови. На мой взгляд, недостаточно обильно — ведь лужа в сквере была просто огромной. Еще один факт Муркиной невинности. Хотя при той скорости, с которой она орудует лапами и зубами, крови на ней вообще не должно было остаться.

— Ну, и как ты объяснишь случившееся?

Мурка, естественно, промолчала. Заметно было, что ей не по себе. Она мелко подрагивала и странно поводила головой — так, будто ей что-то мешало. Что-то, воткнувшееся в шею. Вроде занозы.

— Тебя ранили, девочка? Стой смирно, посмотрю.

Честно говоря, мне жутко не хотелось смотреть, что ей мешает. Даже самая преданная собака вряд ли вытерпит, когда хозяин начнет прикасаться к больному месту. Росомаха тем более. Приговаривая «тихо, тихо, моя радость», я осторожно раздвигал пальцами шерсть, стараясь не дотрагиваться до кожи. Мурка терпела. Несколько раз она принималась урчать — но без угрозы, скорей подбадривая. Наконец я увидел источник ее неудобства. Это был зуб. Обломленный зуб высшего упыря.

— Интересно, кто же мне врал, полковник или лейтенант? — буркнул я, разглядывая белую, как сахар, «занозу». Ответ мне был, в общем-то, известен. Главная проблема — разобраться, правильный ли это ответ.

Сходя в гараж, я взял пассатижи, вернулся к пациентке и сказал:

— Мурочка, сейчас будет немного больно. Ты, пожалуйста, попробуй не кусать меня, ладно? Я постараюсь управиться буквально одним духом. Ты же знаешь, милая, Родя не сделает тебе ничего плохого. Знаешь, правда? Вот и славно. Приготовься... Терпи!

Когда я рванул зуб, она коротко рывкнула — и только. Потом я унес пассатижи, аккуратно присыпал ранку порошком стрептоцида и показал росомахе на «УАЗ»:

— Прыгай! Поедем в пампасы, как можно дальше.

Она переступила с лапы на лапу и вдруг легла. Уезжать ей явно не хотелось.

— Что, — спросил я, — удивлена? Считаешь, перетрусил и поэтому гоню? Зря так думаешь. На тебя объявлена охота.

подружка. Этот мужик, которого ты видела зарезанным, оказался очень важной шишкой. Вернее, для многих больших людей и упырей вдруг очень важной стала его гибель. Одним так, другим эдак — но всем появление этого покойника оказалось на руку. Так вот, пока они разбираются и грызутся, ты пересидишь в лесу. Соображаешь?

Мурка смотрела на меня, не мигая.

— Надеюсь, соображаешь, — сказал я и полез в машину. Она запрыгнула на излюбленное место рядом со мной.

Конечно, из соображений конспирации и маскировки ее следовало бы загнать в багажник да вдобавок забросить какой-нибудь дерюгой... Но я решил воздержаться от крайних мер. И без того чувствовал себя далеко не самым лучшим образом.

— Гадская политика, — сказал я с ненавистью и завел двигатель.

Переночевал там же, где высадил Мурку, в лесу. Идея провести ночь дома, постоянно ожидая, что Рыков или кто-нибудь еще явится, чтоб с пристрастием расспросить меня, где спрятана Книга Рафли, показалась мне не самой здоровой. Я вытащил из багажника спальный мешок, завернулся в него и отменно выпался. Знал: моя лохматая девочка стережет покой напарника надежней, чем любые замки и запоры.

На следующий день коллективный сад № 16 стал чертовски популярным местом. Ко мне валом валили журналисты, мелкие чиновники из всяких там «Обществ защиты животных» и просто придурки, желающие посмотреть на росомуху-людоеда. О том, что кровожадный зверь вполне может пополнить список жертв именно ими, любопытные граждане, похоже, не догадывались.

Представители силовых структур своим вниманием меня покамест не баловали. Думаю, милицейских ищеек придержал Рыков, а волкодавов из МЧС, безопасности и тому подобных контор — Александр Романович.

На все вопросы посетителей ответы у меня были заготовлены. Да, говорил я, в прошлом году содержал росомуху. Нашел в лесу раненной, выходил, а после просто куражился. Считал, что хищный зверь на цепи — это круто. Сначала животное дичилось, потом стало смирным. В конце концов оно

мне надоело. Слишком много требуется свежего мяса для кормежки. Пришлось выпустить. Росомаха некоторое время еще наведывалась сюда. Видимо, по старой памяти. Рассчитывала, что снова появится мясо. Однако в последний месяц или даже два не видел ее ни разу. Что-то, вы утверждаете, будто я лгу? А на каком основании? Ах, имеете показания очевидцев... Ну так пусть вам эти очевидцы и дальше рассказывают небылицы. Смотрите-ка, превосходные стихи получились! Предлагаю вынести их в заголовок вашей статьи. Желаю здравствовать.

Ближе к вечеру навестил Александр Романович. На нем был дорогой свитер, дорогие джинсы и желтые мокасины. Поверх свитера висела золотая цепочка с кулоном в виде индейского божка Кукулькана. Такой костюм, очевидно, должен был показать, что общение нам предстоит полностью неофициальное. Примерно о том же извещало его поведение — обходительные манеры престарелого гомосексуалиста, вкрадчивая речь, обращение «дорогой мой». Собственно, он и был гомосексуалистом. Впрочем, личную жизнь со служебной Александр Романович никогда не путал. Поэтому голубизна его мне ничуть не мешала.

Я пригласил его пить чай. Он согласился.

Разговор куратор начал не сразу. Долго ходил вокруг да около, делал туманные намеки. Выслушав очередную историю о «гражданине имярек, который не совсем правильно понимал стоящие перед всеми нами задачи», я потерял терпение.

— Александр Романович, вступление слишком затянулось. Говорите конкретно, что нужно. Чтобы я грохнул Мурку?

— Да ни в коем случае, дорогой вы мой. К чему подобное живодерство? Такой красивый зверь. Кстати, где она сейчас?

— Убежала, — сказал я бесстрастно. — Со вчерашнего утра в глаза не видел.

— Замечательно, очень удачно. Знаете, дорогуша, мне кажется, вы не видели ее еще дольше. А может быть, вообще никогда. Домыслы сплетников вряд ли могут считаться серьезными фактами того, что вы владели этим зверем.

«Н-да, — подумал я, — отдел «У» полностью солидарен с Рыковым. Отсутствует Мурка — отсутствуют доказательства. Только полковник прямо велел пристрелить, а этот — тонко намекнул. Дипломат хренов».

— Вы правы, шеф. Пересуды обывателей о какой-то ручной росомaxe — полная чушь. Эти бестии не приручаются в принципе, любой дрессировщик скажет.

— Очень верное понимание ситуации. Родион, вы умница! Мы помолчали, прихлебывая чай. Через минуту я объявил:

— Александр Романович, мне нужен отдых. Месяца на два. Устал.

Он закивал с видимым облегчением.

— Конечно, конечно. Сам намеревался предложить нечто подобное. Более того, мы готовы выплатить вам отпускные. И вычеркнуть вас из своих списков. Временно, разумеется. Чтобы какой-нибудь излишне рьяный функционер не побеспокоил вас в течение этих двух-трех месяцев. Понимаете, дорогой вы мой?

Само собой, я понимал. Руководство отдела «У» не желало иметь ничего общего с человеком, который вляпался в двусмысленную историю. Да и буй с ними.

— Понимаю. Рад, что мы нашли общий язык, — сказал я.

— Мы всегда его находили, — проворковал теперь уже бывший куратор. — Отдохните хорошенько, дорогой вы мой Колун.

— Просто Родион, — усмехнулся я... и внезапно почувствовал себя мастерски изнасилованным.

Александр Романович с притворным огорчением постукал себя по лбу и начал прощаться. Я проводил его до ворот сада, пообещал непременно звонить, помахал вслед ручкой. Мерзкое ощущение использованной и выброшенной вещи не только не проходило, а даже усилилось.

Содрогаясь от отвращения к самому себе, вернулся домой. Там уже заливался телефон. Звонила Вера. Голос ее звучал взволнованно:

— Родион... Относительно нашего договора. Я должна это видеть. Должна обязательно присутствовать. Иначе мне не будет покоя. Буду все время бояться и думать, что он вернется.

— Надеюсь, у тебя достаточно крепкий желудок. Сцена обещает быть неаппетитной.

— Приму противорвотное. Но ты-то не против?

— Желание клиента для меня закон. Только имей в виду, красавица, окончательная стоимость возрастет.

— Договоримся, — сказала она, как я когда-то, и положила трубку.

Не успел я привести мысли в порядок, телефон зазвонил снова.

— Здорово, Родя. Рыков на линии. Проверка канала на прослушку включена, все чисто, так что не мандражи. Относительно ночной беседы. Что ты хочешь взамен?

«Твою шкуру, офицер», — подумал я.

— Сущую малость, господин полковник. Первое: вы быстрым темпом и навсегда заминаете дурацкую версию, что столичного порнографа задрала Мурка. На самом деле виноваты бродячие собаки, которых развелось великое множество.

— Не вопрос, уже делается. Дальше.

— Второе. Если Книга Рафли действительно поможет составить список кровососов, то полная, без купюр копия списка должна появиться у меня.

— Ты храбрый парень, Родя. Я всегда это знал. Годится, замечано.

— Ну и третье. Немного наличных. Из МЧС меня полчасика назад рассчитали, а жить на что-то нужно.

— Сумма?

— Договоримся. — Дьявольщина, до чего ж прилипчивое словечко!

— Когда и где встречаемся?

— Завтра в полдень. На Тещином болоте. Возьмите джип, дорога дрянная, настоящая канава. Доезжаете до ее конца, там уже будет стоять моя машина. Слева увидите тропку, она ведет в кусты. Пешком двигаетесь по ней метров пятьсот. Там будет еще один отворот налево, я помечу красной тряпочкой. По нему — метров двести ходу. Выйдете на поляну, там и стану ждать. Сходить с тропинки не советую, можете ухнуть в грязь по маковку.

— Понято, — сказал Рыков, ничуть не удивленный странным местом встречи. — Увидимся!

Было пасмурно, с неба сыпалась водяная пыль. Я туго затянул пояс и под горло застегнул плащ. К сожалению, с ним скоро придется расстаться — плащ сковывал движения. Португеза с оружием и ранец с Книгой были у меня надеты под ним.

Полянка, определенная для встречи с Рыковым, представляла собой неправильный четырехугольник двадцать на сорок метров. С трех сторон ее охватывали густые заросли осокорей и ольхи, с третьей, наименьшей, открывалась топь. Там громоздились разномастные кочки, возвышались гнилые стволы березок, а чуть дальше поблескивали торфяной водицей «окна». Дна у них не было.

Отыскав в кустарнике сухое поваленное дерево, я велел Вере сесть на него и ждать. Думать о том, что полковник сумеет почуять ее запах, я себе запретил. Перед делом — никаких сомнений. К тому же испарения сероводорода — достаточно вонючая штука, чтобы перебить запах женского тела. А парфюмерией по моему распоряжению она сегодня не воспользовалась.

— Мне кажется, здесь есть комары, — сказала Вера, когда я уходил. — Разреши использовать хотя бы «Комарэкс».

— Странно жене настоящего кровососа бояться комаров. Она захихикала. Пришлось погрозить пальчиком.

Рыков пришел ровно в двенадцать, хоть часы проверяй.

— Для чего ты взял саблю, Родя? — спросил полковник, приближаясь и протягивая для пожатия руку. — Камыши рубить? Или опасаясь нашествия ночных?

— Ага. Вроде того.

— Так ведь сейчас день.

— И впрямь, — сказал я. Затем крепко сжал ладонь Рыкова в правом кулаке, а левым, с надетым на него бронзовым кастетом, ударил полковника в висок.

Он охнул и повалился ничком. Я снял кастет, спрятал в карман штанов, вытянул из ножен шашку. Примерился по лежащему телу — и с маху рубанул. Потом еще раз. Шашка, на исходе движения воткнувшись в топкую почву, звучно чавкнула. Тогда я стянул с себя плащ и набросил на тело. Обернулся к кустам, где скрывалась Вера.

— Выходи. Полковника Синей Бороды больше нету.

Она вышла. Бледная, ссутулившаяся, но губы решительно сжаты и руки-ноги не трясутся.

— Уже все? Он мертв? Совсем?

— Основная работа сделана. И, смею утверждать, сделана хорошо. Для того чтобы докончить дельце, нужно вырезать ему кое-какие внутренние органы, отхватить кое-какие

наружные и выбить зубы. Тогда — точно крышка. Инструменты нужны?

— Какие инструменты?

— Кусачки, скальпель. Молоток. — Я посмотрел на Веру в упор. — Ты ведь не просто так хотела присутствовать во время кончины муженька. Собиралась стать высшей. Разве нет?

— Да, — сказала она с вызовом.

— Тогда приступай. — Я снял с плеч ранец, выудил садовые ножницы, складной нож — и протянул ей.

— А ты... Ты не можешь сделать это для меня?

Покачав головой, я бросил инструменты поверх плаща и сделал шаг назад.

— Потроши сама. Захоти ты въехать на моем горбу в рай, я бы, может, и не возражал. Но в ад — уволь!

— А что у тебя еще в сумке?.. — спросила она с фальшивым интересом.

Вера явно тянула время, дожидаясь чего-то. Или кого-то. Но лицедействовала сегодня куда паршивее, чем во время нашей первой встречи. Все-таки казнь супруга — зрелище шокирующее. Даже для такой крепкой особы.

— В сумке у меня то, за чем пришел Рыков, — сказал я нарочно громко. Пусть тот, кого мы ждем, услышит наверняка. — Книга Рафли.

— Да не может быть! — раздался мужской голос.

«Дождались», — подумал я с облегчением. Все-таки было у меня опасение, что Вера действует по собственной инициативе.

Кусты расступились. На полянку шагнул человек в ярком спортивном костюме и пижонских серебристых сапогах. Голова у него была перебинтована, глаза скрыты за синими противосолнечными очками. На щеках играл полупрозрачный юношеский румянец.

Старший лейтенант Куклин, герой борьбы с дикими росомахами собственной персоной.

— Книга Рафли! — повторил он благоговейно. — Кровь господня, а ведь я догадывался, что старый нетопырь ни на что другое не клюнет.

— Наконец-то все в сборе, — буркнул я, отступая к самому краю твердой почвы. Ранец перекочевал обратно за пле-

чи. Зато в руке у меня возникла граната. — Можно начинать сеанс черной магии с ее последующим разоблачением. Сознаться, Вера, ты с самого начала была в сговоре с этим младым кровососом? Он подговорил тебя пожаловаться на Рыкова мне?

Вера, насупившись, безмолвствовала.

— Ну, не молчи, красавица! — подбадривал я. — Неужели ты, такая сообразительная, не понимала, что ему просто нужно было спихнуть полковника чужими руками? Думаешь, ты ему интересна? Не обольщайся. Патриархи и матриархи предпочитают живых, человеческих партнеров. Если б он даже позволил тебе стать высшей, то лишь затем, чтобы потом прикончить. Знаешь, красавица, эти упыри — забавные существа. Вроде американских индейцев, коллекционировавших скальпы. Только собирают не волосы, а клыки сородичей. Чем богаче коллекция, тем влиятельней обладатель. Но не думаю, что лейтенант дал бы тебе шанс присвоить зубы полковника Рыкова. Слишком лакомый кусочек. Скальп вождя, понимаешь?

— Брось заговаривать зубы, мартышка, — презрительно сказал Куклин. — Давай сюда Книгу — и останешься жив.

— Минуту терпения, клоп-переросток, — огрызнулся я и подбросил на руке гранату. — Отдам. В обмен на информацию.

— Наглый какой. Ну, хрен с тобой, спрашивай.

— Зачем ты убил Хоха, офицер?

— Весь город знает, что его загрызли бродячие псы.

— Так мы каши не сварим, лейтенант. Похоже, тебе все-таки придется нырять за Кодексом в самую трясины. — Я снова подбросил гранату. — И собирать ее там по клочкам.

— Это была месть, — прошипел взбешенный Куклин. — Восстановление справедливости. Лет семь назад Хох был редактором издательства, которым сейчас руководит. Руководил. Я — человечком. Я принес ему рукопись романа. Отличного романа, гениального. Я вложил в него всю душу. А этот негодяй сначала тянул время, скрывался от меня за своими секретаршами, не отвечал на телефонные звонки и письма, а потом — отказал. Меня даже на порог не пустили, когда я хотел выяснить причину отказа!

— Успокойся, милый, — подала голос Вера.

— В ярости я сжег роман, — продолжал страстно говорить Куклин. — О чем до сих пор чудовищно жалею. Увидев Хоха здесь, понял, что его смерть будет полезна для моего служебного роста. И это — помимо мести. Я перервал ему глотку с упоением. Жаль, насладиться зрелищем агонии помешала росомаха. Она у тебя настоящая бестия, Раскольник. Я хотел бы попробовать ее крови! Теперь давай Кодекс.

— Нет, Куклин. Знаешь, я передумал. Ты недостойн его. Ты же обыкновенный нытик, интеллигентиска. Роман! Генциальность! Мечь! Тьфу. Владелец Книги Рафли должен быть хладнокровен, целеустремлен и бесстрастен. Вера, иди сюда. Я отдам ее тебе. И даже помогу распотрошить Рыкова.

Вера растерянно оглянулась на Куклина.

— Иди, иди, — подбодрил тот. Видно, считал, что отнять Кодекс у женщины будет проще. Неужели считал меня абсолютным идиотом?

Когда Вера приблизилась, я надел на нее ранец. Оттолкнул. Куклин дернулся к ней, но тут же замер. Глубокое, как здешняя топь, дуло «моссберга» смотрело ему точно в грудь.

— Свинец, — сказал я. — Серебро. И ртуть. Адская смесь, лейтенант, просто адская. Пять пуль по сорок граммов каждая. Итого — полфунта самого губительного на свете и во тьме вещества. Сделай один шаг, упырь, и я превращу тебя в пар. Кстати, очаровательные сапожки. Когда сдохнешь, подарю их одному знакомому голубенькому. Он наверняка будет счастлив. Дьявол, да я мечтаю, чтоб ты пошевелился!

Тем временем Вера крошечными шажками двигалась к укрытому моим плащом телу мужа. Казалось, кто-то осторожно тянет женщину за невидимую веревочку, а она не в силах сопротивляться.

Из-под плаща выставлялась рука. Указательный палец плавно двигался, приманивая женщину. Вера сделала последний шаг, почти наступив на этот палец. И тогда плащ взвился в воздух, отброшенный стремительным движением, а возле женщины встал Рыков. Огромный, улыбающийся. Невредимый.

— Ты молодец, Родя, — сказал он. — Не подвел меня. А теперь убей сопляка!

Вот так мне посчастливилось услышать первый в жизни приказ высшего упыря. Да не какого-нибудь свежеиспечен-

ного офицера, а матерого патриарха. Противиться ему — невозможно. Я еще дослушать не успел эту команду, а ружье уже выстрелило. Промахнуться на таком расстоянии казалось нереальным.

Я промахнулся четырежды. Пятая, последняя пуля сшибла Куклина с ног.

Он шлепнулся на живот, но тут же поднялся на четвереньки и вдруг словно вывернулся наизнанку. Одежда и повязка с головы разлетелись сотней грязных лоскутов. Вместо Куклина возникло кошмарное существо. Мертвенно-бледная кожа, сильные конечности с цепкими пальцами, кожистый гребень вдоль хребта, гигантские половые органы и толстая, складчатая, как у игуаны, шея. Головы — не было. Действительно не было. Шея оканчивалась пастью. ПАСТЬЮ. В эту жуткую дыру без труда вошел бы футбольный мяч. Два ряда треугольных зубов двигались в противофазе, будто зубцы газонокосилки. В ярко-алой с желтыми разводами глотке что-то пульсировало. Не то клубок змей, не то десяток языков. Рана от пули — на груди — быстро затягивалась.

Вурдалак обратил пасть к небу, издал вой и прыгнул. На меня.

Я встретил его взмахом шашки. От первого удара он увернулся, вторым я его достал. Кончик клинка чиркнул по гени-талиям. Упырь завизжал и сделал длинный скачок в сторону. Еще один. Повалился, перевернулся на спину и начал с остервенением не то грызть, не то лизать поврежденные органы. Не успел я приблизиться, чтоб довершить дело, как он вновь оказался на четырех лапах. Прижался брюхом к земле. Омерзительно виляя задом, словно гуляющая кошка, и так же противно мяукая, попятился.

А потом втянул шею-пасть в костистые плечи — чтобы через мгновение, подав ее резко вперед, плюнуть. Клубком не то змей, не то языков.

Когда харкотина врезалась мне в лицо, оказалось, что это пиявки. Огромные и очень проворные. Они тут же впились в щеки, лоб, в губы; а одна — в левое веко. Было чудовищно больно — точно на меня плеснули кипятком. Я сразу потерял ориентацию в пространстве. Выронив шашку, принялся с диким ревом сдирать ногтями извивающихся паразитов.казалось, они отрываются вместе с кожей и мясом. Кусочком

сознания, чудом сохранившим трезвость мысли, я понимал, что являюсь сейчас легкой добычей для вурдалака Куклина. Поэтому отступал назад, брыкаясь вслепую ногами.

Упырь все не нападал.

Выцарапав последнюю пиявку, я приоткрыл один глаз.

Чудовище тонуло. Из взбаламученного «окна» топи выставлялась только мучительно вытянутая шея с разинутой пастью да скрюченная кисть.

— О-ом-мохы-ы-ы-ы, — вырывался из пасти почти человеческий стон.

Рядом, на травяной кочке, сидела Мурка и внимательно наблюдала за гибнущим вурдалаком.

— Ты едва не опоздала, девочка, — пробормотал я окровавленным ртом.

Мурка неодобрительно скосила на меня глаз.

— Отличная работа! — победоносно заорал Рыков. — Иди сюда, я обниму тебя, Родька!

— С гребаными упырями обниматься...

Он услышал и захохотал. Потом резко оборвал смех и повторил, выговаривая слова заботливо и душевно:

— Подойди, Раскольник. Ты же кровью истечешь. А я в секунду остановлю кровотечение. Подойди ко мне.

И вновь тело перестало слушаться разума; ноги сами собой понесли меня к проклятому патриарху. Глаза залило кровью из ран на лбу, я не видел, куда ступаю, спотыкался, матерился, но шел. Приблизился. Он сказал «замри, мальчик» — и принялся *вылизывать* мое лицо горячим мокрым язычком. Начал со рта.

— Сейчас вырвет, — предупредил я, едва Рыков оставил в покое мои губы и взялся за глаз.

— Перетерпишь. Иначе заставлю сожрать все, что попадет на меня.

Пришлось терпеть. Зато когда он закончил омерзительные процедуры, рожа моя стала как новенькая. Возможно, на ней остались язвочки от челюстей пиявок, но боль прошла совершенно. И кровь больше не сочилась.

— Вот почти и все, — объявил полковник, с любовью поглядывая на рюкзачок. — Осталось решить вопрос с докучливым лейтенантом. Почему-то он все еще не утонул. Может, упихнуть его палкой? Или пальнуть в глотку из ружья?

— Как выяснилось, вы вообще живучие твари, — сказал я. — Поэтому у меня есть предложение получше.

— Граната! — весело воскликнул Рыков. Настроение у него было замечательное. — Но где же она?

Я мотнул головой:

— Сунул в рюкзак, когда передавал его Вере. Нужно было освободить руки для ружья. Повернись-ка, красавица.

Вера, все еще безмолвная и заторможенная, будто соннамбула, медленно повернулась. Когда полковник понял, что я собираюсь сделать, было уже поздно. Упершись левой рукой между лопаток Веры, я с силой дернул рюкзачок на себя. «Липучки» на лямках расстегнулись.

— Стой! — жутко закричал Рыков.

— Мурка! — скомаңдовал я.

Росомаха, давно уже подкравшаяся сзади, сшибла полковника на землю. Затем несильным ударом лапы хлопнула его по затылку.

— Это предупреждение, — сказал я. — Не вздумай проверять ее реакцию, полковник. Переломить упырю шею для Мурки легче, чем для тебя — вылизать мой глаз.

И все-таки отходил с опаской. По пути подобрал шашку, обтер о штаны, сунул в ножны. После чего, прыгая с кочки на кочку, подобрался к не желающему тонуть Куклину. Подсунул под когтистые пальцы рюкзачок с Книгой Рафли. Пальцы судорожно сжались, дернулись — и упырь, будто только того и дожидался, ухнул в трясину целиком. Лишь на месте широко разинутой пасти закрутилась воронка жидкой грязи.

В эту воронку я и метнул гранату. Изо всех сил рванулся обратно, прыгнул, закрывая голову руками, вжался в мокрую траву и почувствовал, как вздрогнула земля. На спину и затылок упало несколько ошметков грязи.

Рыков зарыдал в голос, словно единственного ребенка потерял.

Я встал, развернулся. На взбаламученную поверхность болота поднимались пузыри.

— Вот теперь действительно все, — тихо проговорил я и крикнул: — Мурка, девочка, отпусти полковника. Его время еще не наступило. А ты, Рыков, не забывай наш договор.

— Какой договор, гаденыш? — всхлипывая, провыл тот. — Книгу-то ты уничтожил.

— Зато жизнь тебе сохранил, ночной. Если это можно назвать жизнью. И жену. Если это можно назвать женой. Пошли, Мурка.

На земле валялись противосолнечные очки с синими стеклами. Одна дужка была погнута. Сначала я хотел наступить на них, но потом раздумал и перешагнул.

Уже заведя машину, вспомнил, что мой боевой плащ так и остался валяться на болоте. Возвращаться за ним жутко не хотелось.

Я и не стал.

Возле коллективного сада № 16 меня поджидали.

— Здравствуй, Родион, — сказала Лиля, закрывая зонт. Дрожала она буквально как цуцик. Должно быть, стояла тут долго. — Я за шампанским. Мой выигрыш, помнишь?

— Садись, — пригласил я ее в машину.

— Зачем? Сто метров и пешком пройду. — Она направилась открывать ворота.

— Слушай, Лилька, — сказал я, подъехав к ней. — А что, если часть шампани мы с тобой вместе выдуем? Сейчас. У меня ананас имеется и коробка конфет.

— Ты же не любишь шампанское, — удивилась она. — Бабский напиток. Лимонад.

— Приоритеты меняются. Хочется мне, Лилька, в Париж мотнуть. Пока огородный сезон не закончился, сторож тут не особо нужен. В крайнем случае, Мурка постережет. А во Франции ведь ничего, кроме шампузо, не наливают. Надо потренироваться.

Лиля слабо усмехнулась. Для нее всегда было загадкой, шучу я или нет.

— И знаешь что, — я заглушил мотор и посмотрел ей в глаза, — поехали вместе.

— Разыгрываешь, — проговорила она глухим от обиды голосом.

— Да ничуть, — сказал я, привлек ее к себе и поцеловал.

Мурка ткнула меня башкой в бок и одобрительно рыкнула.

СНОВА ОСЕНЬ

Здесь громады домов будто скалы,
А щетина антенн — лесом копий.
И угрюмый прохожий устало
Режет вены во тьме подворотни.

Сюрреалистический блюз

Лророва гудят под ветром. Натягиваются. Дрожат. Ветер холодный. На улице — плюс пять градусов. Желтый свет от фонарей падает наискосок. И шуршат на земле желтые листья. Я не люблю осень, не люблю проклятый нудный дождь, который идет здесь каждую ночь. Все время.

Я сижу на лавочке и развлекаюсь: сплевываю шелуху от семечек на асфальт. Поблизости суетятся воробьи, склеивают пустые кожурки. Мелкие наглые твари.

— Пшли! — пихаю воробьев ногой. — Ничего вам не дам, понятно?

Встаю, высыпаю семечки в урну, засовываю руки в карманы. Я не люблю семечки.

Ледяной ветер забирается за воротник, заставляет ежиться.

— Алпчи! — Я чихаю, размазываю по лицу сопли. Мерзкая осень. Скоро — смотрю на часы — придет ночь, а вместе с ней — дождь. Он примется стучать по крыше, течь по стеклу грязными струйками, просачиваться сквозь трещины в потолке и капать в загадя подставленное ведро.

Сначала звук будет громким, очень громким. Бац! — тяжелые мутные капли одна за другой станут шлепаться о жестяное дно. Потом звук притихнет, изменит тональность. Бульк, бульк, словно пузыри кто пускает. Чертово ведро придется выносить раз пять: оно слишком быстро наполняется.

В соседнем квартале начинают гаснуть фонари, значит, вечер кончился. Пора идти в дом. Я не спешу. Ворошу мокрые, не успевающие высохнуть за день листья. Думаю: почему? Никогда не перестаю задавать себе этот вопрос. Фонарь над головой гаснет.

Темнота.

Продвигаюсь на ощупь к входной двери. Налетаю на урну, она со скрежетом опрокидывается, придавив мне ногу. Мусор вываливается на склизкие листья. Сволочные воробы (да, их возбужденное чириканье хорошо слышно) жадно возятся на земле, клюют семечки. Мои семечки. Пусть я их и не люблю.

— Ну что за гадство! — ору я. В досаде пинаю урну. Получи! Н-на! Хотел бы я встретить того, кто подстроил всю эту хренотень. Я бы объяснил ублюдку, что осень — не самое подходящее время года. И я отнюдь не разделяю восторги моей бывшей девушки насчет прекрасной поры, которая, как сказал поэт, очей очарованье. А Катька бы подтвердила. Жаль, она уже не сможет это сделать.

Кап — раздаётся шорох. Кап, кап. Поднимаю голову. Холодные капли на лице похожи на слезы. Я не плачу. Теперь. Я и раньше не плакал.

— Да пошли вы все, — говорю я, нашаривая ручку двери.

Кап — частит за спиной. Кап, кап, кап.

Начинается дождь.

* * *

Город большой, унылый и опасный. В чем таится опасность, я не знаю. Но надо быть готовым ко всему. Ржавая арматура в руке совсем не похожа на меч доблестного рыцаря, зато придает уверенность. В чем? Я не знаю...

Как же меня угораздило? Пытаюсь сообразить и не нахожу ответа. Голова трещит, во рту горький металлический вкус — будто свинца нажрался. Зубы стучат: холодно. Тонкий свитерок, джинсы, летние сандалии — плохая защита от осенней непогоды. Особенно сандалии. Я уже оступился, черпанул воды из лужи. И мокрый носок неприятно липнет к коже.

— Какого дьявола?! — надрываюсь я. — Почему осень? Вчера было лето!

Никто не отвечает. Тихо, удивительно тихо вокруг.

Иду по улице; мрачные панельные дома провожают меня взглядом темных окон. Людей нет. Одинокие тополя с кучьми, словно обрубленными кронами тревожно шелестят на

ветру. Желто-бурые листочки на ветках то и дело срываются, планируют вниз — на грязный асфальт. Ветер гонит листья по мостовой, сбивает в кучи. Вдоль бордюров по обе стороны проезжей части их скопилось довольно много. В воздухе разлит сладковатый, гниlostный запах прели и разложения.

Я шумно, с присвистом дышу. Близоруко щурюсь, всматриваясь в окна — тюль, занавески, цветочки, сохнувшее на балконах белье.

— Эй, есть кто-нибудь? — слабо бормочу. — Это шутка? Она не смешная.

Ребристый пруток оставляет на взмокших ладонях ржавые разводы. Сердце частит, в животе противно ноет; я обвожу языком пересохшие губы — мне страшно. Я не понимаю, как очутился тут. Почему? Что это за место? Помню только, что сильно напился вчера, поругавшись с Катькиной мамой, и... лег спать. Проснулся уже здесь.

* * *

Я иду в магазин. Одеваюсь, беру пакет. Помню, раньше, в первые дни, таскался с рюкзаком. Волочил на горбу целую кучу продуктов. Затем уяснил — ни к чему. Вот минералку можно захватить, бутылок шесть. Если ночью захочется пить, а ведь обязательно захочется — замаешься с ведром взад-вперед бегать, выплескивать, — минералка ой как пригодится.

Выхожу на лестничную клетку, двери соседних квартир еле угадываются. Зыбкие, нечеткие контуры; синяя краска стен мешается с грязно-белой известкой потолка. Ну разумеется, снаружи-то неизвестный мастер постарался, воспроизвел в точности. Окна, цветы на подоконниках... А внутри — напортачил. Тяп-ляп на скорую руку. Коз-зел.

Ну, магазин — это отдельная тема. Хорошо вышел, и предъявить-то нечего. Но вот квартирка моя на втором этаже... Кособокие стол и стулья. Визгливая кровать с тонким матрасом и жесткими пружинами. Тяжелые, болотного цвета шторы. Спасибо хоть не из брезента. Тьфу! — сплевываю в сердцах, пинком открываю дверь подъезда. Воробы — вот

чмырениши! — еще копошатся возле перевернутой урны. Интересно, птицы те же, вчерашние? Или другие?

— Чтоб вы сдохли! — приветствую я пернатых тварей.

Они оголтело чирикают в ответ, наверно, желают того же самого.

И я мечтаю о ружье, тяжелом, гладкоствольном. Об охотничьей берданке. С патронами, заряженными картечью. О громком звуке выстрела. Ба-бах! — дробь ударит из ствола, рассыплется веером. Приклад толкнет в плечо, и в воздухе закружатся серые перья. Ветер подхватит их, понесет в игривом танце. Перьев будет много, очень много, они повалят, будто из вспоротой подушки, а капельки крови расцветут на желтых листьях ярко-алыми точками.

Мечты, мечты... Наверное, Город тоже чья-то мечта. Глупая, идиотская мечта об осени. Но при чем тут я?!

— Кыш! — вытворяюсь на воробьев. — Паскудники!

Они улетают.

До магазина метров триста. Мимо детской площадки с грибками песочниц и сломанными качелями, мимо рюмочной на углу, кстати, весьма похожа. Но одной детали не хватает, самой важной — запаха. Паров, мать-перемать, алкогольных да пьяных, дышащих перегаром голосов. Мимо автобусной остановки; на фонарном столбе болтается замызганная табличка — «Маршрут № 2, 11, 17, 49».

— Эй, шеф, — криво ухмыляюсь. — Покатаемся? Я хочу уехать отсюда на хрен и никогда-никогда не возвращаться.

Светофор горит красным, запрещающим светом, и я нарочито медленно перехожу дорогу. Ну, где вы, машины? Какого рожна мигает эта кретинская штука? Красный, желтый, зеленый. Да хоть фиолетовый! Автомобилей-то нет.

Магазин на той, противоположной стороне. В витринах отражается утреннее солнце; пошлые рисунки на стеклах — булочки, молоко, мясо, овощи, — как всегда, раздражают. Еда здесь только консервированная. Ладно, не привыкать, один фиг готовить не умею. Хихикаю: да если б и умел? Газовой плиты нет. Еще в магазине можно разжиться одеждой; мне чертовски повезло, что *тогда* я наткнулся на него, всего час проблуждав по Городу.

Замерзший, голодный, с мокрыми ногами. Есть в жизни счастье, подумал я, решительно сжимая в руке арматуру и

готовясь разбить витрину. Ха-ха, дверь оказалась открытой. Да, в тот день я наелся от пуза, а потом заснул в подсобке на мягких пыльных мешках. Довольный, будто кот, сожравший банку сметаны.

Оказывается, чтобы чувствовать себя по-настоящему счастливым, не обязательно быть миллионером. Достаточно набить брюхо, одеться потеплее и крепко выспаться..

* * *

Не возьмусь утверждать, что моя квартира — одна такая. Но в этом районе — таки да. Я все тут облазил. Домик, конечно, неказистый, двухэтажный, зато крепкий. Повезло, короче. Чисто случайно ее обнаружил, а то до сих пор жил бы в магазине. Неудобно там, да и большой он; а по ночам страшновато бывало: звуки всякие, шумы, скрипы. Дождь за стеклом — бам, бам, словно рота по плацу шагает. В квартире — тише, в квартире — занавески, можно укутаться одеялом с головой и представить, что ничего этого нет — дождя, Города, одиночества.

Ой плохо мне было, ой хреново в первые-то дни. Тыкался слепым щенком: туда, сюда. Люди, где вы?! Ответьте! Обвык позднее. Сейчас даже смешно. Вспоминаю: бледный, всклокоченный, пруток где-то ржавый подобрал. Иду, озираюсь по сторонам, страшно до чертиков. И ни фига не понимаю. Впрочем, и теперь — не понимаю. Знаю — что, где, как. Не могу уразуметь — зачем?

Кто ты, Город? Что ты? Откуда? Где твой хозяин? Или ты сам по себе?

Я тоже хочу быть сам по себе. Давай так: ты в одну сторону, я — в другую. Я не нужен тебе, а ты — мне. Разбежимся? Гуд бай, будь здоров, не кашляй. Гуляй под руку с осенью, не возражаю, но верни меня в лето. Видишь — я ложусь спать, закрываю глаза. Это только сон, правда? Пусть холодная дождливая ночь станет последней, станет мостом — из осени в лето.

Я прикрываю веки. Сплю. Продолжая надеяться в глубине души.

Но в самом глубоком, потаенном ее уголке дремлет глухое разочарование завтрашнего утра.

Я знаю. Я много-много дней играю в эту игру.

Однако человек, сказавший «Надежда — это та сука, которая умирает последней», весьма мне симпатичен. Прорвемся. Главное — не сдаваться.

* * *

Встаю, хмуро потягиваюсь, зеваю. Солнце настырно лезет в комнату — сквозь шторы. Обычно тусклое, сегодня оно налилось ярким чахоточным румянцем, но небо по-прежнему выцветшее, линияло. Гнусного бледно-голубоватого оттенка. Чертово небо похоже на застиранный домашний халат, перепачканный яичным желтком.

Сплюываю на пол. Ну что за дерьмо! Гляжу на свои электронные часики «Montana» — девять двадцать. Утро, мать его. Ни хрена не выспался. Дождь, с-скотина, лил и лил, ведро пришлось выносить раз десять, а надежда в очередной раз сдохла. Странное чувство, оно — как Феникс. Вновь и вновь возрождается из пепла. Сегодня вечером все повторится. Прочту, блин, ритуальный свой монолог и завалюсь спать. Чудак человек — верит в несуществующее, в Бога, например, в то, что где-то есть лето.

Я одеваюсь, задумчиво меряю шагами комнату. Большая, да, а толку? Ни кухни, ни ванной с туалетом. Стены в розовых с цветочками обоях, скрипучая кровать, стол, два стула, пыльная люстра. Мятое железное ведро.

Не-на-ви-жу, раздельно, по слогам, произношу я. Ненавижу! Пинаю ведро, добавляя еще одну вмятину. Оно с грохотом катится по коридору. Второе ведро стоит неподалеку от входной двери, воняет, зар-раза. А куда прикажете ночью нужду справлять? Не под дождем же. Ладно, сейчас вынесу. Попою и...

Беру со стола полупустую бутылку минералки. Делаю глоток, облизываю потрескавшиеся, обветренные губы. Плещу воду на руки, умываюсь, протираю глаза. Пожрать бы. Но еды нет — утром она всегда исчезает, сколько ни приноси из магазина. А вода остается. Я понял это на третий день. То, что Город фальшивый, я понял гораздо раньше.

Термометр за окном показывает +15. Безусловно, врет — нагрелся на солнце, тупая стекляшка. По правде не больше

семи-восьми градусов. Днем теплеет, но утром и вечером — жуткая холодина. Бр-р. Одна радость — центральное отопление работает исправно, а то бы давно протянул ноги. Замерз как бобик.

Я вообще не понимаю, откуда здесь это — горячие трубы, магазин с едой и одеждой, фонари на улице. Наглые юркие воробьи. Что они жрут, гады? Насекомых ведь нет! Нет! Теряющие листву тополя, клены и березки давно должны стоять голыми. Ни фига! Ш-ш-ш — листья падают, как из рога изобилия. Они что, вырастают заново? Сухими и пожелтевшими? А треклятый дождь, льющий по ночам, почему он не затопил все к чертовой матери? Тысячи вопросов толкаются в голове. Миллионы. Будто стайка сперматозоидов, рвущихся оплодотворить яйцеклетку. Когда они достигнут цели — родится ответ.

Я и так знаю его.

Город — ненастоящий! Муляж! Бетонные блоки с нарисованными дверями и окнами — словно кубики в детском конструкторе. Кто-то построил из кубиков дома, школы, офисы, кинотеатры. Натянул сверху синее полотнище — небо, запустил в него желтый шар солнца и поселил тут... меня. Этот «кто-то» — мерзкий вонючий ублюдок. Изошренная сука. Надо полагать, с тонким чувством юмора. В Городе царит вечная осень, опавшие листья кружат по мостовой, стылый ветер пронизывает насквозь, в лужах с грязноватой водой отражаются неопрятные космы облаков, а ночью все окрест взрывается мириадами пузырей. Постоянной, нескончаемой пыткой отверзшихся небес. Боже Всемогущий, ты свалил в отпуск на Канары и забыл закрыть кран? Старый маразматик.

Назойливое «кап-кап-кап» скоро сведет меня с ума.

Я не люблю осень. Не люблю облака, лужи, ветер и дождь.

Я их ненавижу.

* * *

День начался скверно, а продолжился еще хуже. Гулял я, значит, по улицам шатался, маясь от безделья. Забрался неведь куда. Дома — незнакомые, улицы — неизменно пустынные. Дворы мрачные. Только солнце блестит надраен-

ным пятаком, усиливает контраст. Неизвестный какой-то район. Существовал ли он вчера? Впрочем, я во многих районах не был. Так что — без разницы.

Ну, послонялся, стало быть. Ничего особенного и полезного не нашел. Собрался уж домой валить. Все хорошо в меру, знаете ли. И тут... увидел ее.

Девушка сидела на скамейке, бросала хлебные крошки суемящимся подле воробьям. Те радостно копались в прелой листве и мерзко чирикали.

Маленькие засранцы, выругался я, облегчив душу. Ненавижу. Ладно, хрен с вами. Все-таки здорово, что я встретил другого человека, что не один здесь.

— Э-эй! — завопил, привлекая внимание. Замахал руками.

Девушка обернулась.

Около минуты я напряженно вглядывался в такое знакомое — до боли! до скрежета зубовного! — лицо.

— Ты-ы... — протянул разочарованно. — Уродская осень и так стоит поперек горла, а тут еще ты!

Я не удивился — это же Город. Встретиться мне мумия фараона, я бы просто-напросто буркнул «здрасьте» и потопал дальше.

Катька встала, взяла со скамейки книжку в строгой черной обложке. Подошла ко мне, задумчиво склонила голову набок. Миниатюрная рыжеволосая девчонка, с веснушками и длинными пушистыми ресницами. С пухлыми чувственными губами. Помню, раньше я любил целовать их.

— Валерк... — прошептала она. — Как хорошо, что ты здесь. Я так рада.

Солнце падало на рыжие волосы, подсвечивало сказочным ореолом. Нимбом... Ветер трепал подол легкого ситцевого плаття. Задирает его, оголяя сильные загорелые ноги с длинными пальцами и нежным пушком на щиколотках. Розовые босоножки с пряжками в виде бантиков оставались сухими и чистыми, хотя я отчетливо видел, как она шла по грязи этой, по лужам, среди месива гниющих листьев.

— Валерка, — Катька провела рукой по моей щеке. — Милый, любимый. Ты ведь не виноват, правда?

— Конечно, — сказал я, отстраняясь. — С чего бы мне быть виноватым? Если такая невнимательная, рассеянная

дуреха, как ты, не смотрит по сторонам, перебегая дорогу, то какого дьявола нужно считать меня виноватым?!

— Я не считаю, — опечалилась девушка. — Просто... хотела быть рядом с тобой. Всегда... Вместе...

— Ты, — процедил я. — Неужели это... все ты?

— Что?

— Это все! — заорал я. — Вот! Вот! И вот! Это все подстроила ты!!!

* * *

Расстались мы недавно, примерно месяц назад. Хорошо помню тот день, ее зареванное лицо; Катька плакала и говорила: «Я же люблю тебя, люблю». А матушка ее, училка средней школы, рвала и метала не хуже портового грузчика. Короче, скандал дикий. А ниче потом, устаканилось. В гости даже заходил. Иногда.

Они внешне смирились, но тем не менее старались охмурить. Жаждали до умопомрачения, чтоб мой паспорт украсился фиолетовым штемпелем в графе «семейное положение». Может, у Катеньки ребенок будет, хитро прищурился глаз, заявляла Зоя Степановна. Не будет, возражал я и доставал из кармана пачку презервативов. Что я — дурак какой? Видите — электронный контроль, спермицидная смазка. Фирма опять же гарантирует. Знаете, сколько стоят? Я ими постоянно пользуюсь. Училка краснела, смущенно прятала глаза.

В воскресенье, кажется, четырнадцатого июля — или тринадцатого? впрочем, неважно, — Катька позвонила, звала в гости. Долго нудила в телефонную трубку тонким извиняющимся голоском. Просила: Валер, зайди, пожалуйста. Черт меня дернул. Согласился. Ну и что в итоге? Рассорились, как обычно. На самом деле Катька просто невыносима. Я нагрубил ей, наговорил кучу гадостей и громко хлопнул дверью напоследок. Когда уже выходил из подъезда, на лестнице слышались торопливые шаги.

— Валера! — ее голос нагнал меня во дворе. — Подожди, слышишь? Не уходи!

Я угрюмо шел дальше. Руки в карманах сжались в кулаки. Еще бы — разозлился жутко, как никогда. Не девчонка, а

тряпка. Сейчас виться станет, увещевать, зубы заговаривать. Окруживать, короче. Скажет: прости, это я во всем виновата.

Бип! — машины на дороге неслись сплошным потоком. Я не стал дожидаться зеленого, перебежал перед самым носом белой тарахтящей «Оки». Ругнулся на водителя, мол, куда прешь, козел. Старался оторваться от Катьки, чтоб не догнала. Нужна ты мне, ага. Как же. С булочками своими, с тортиками. С очкастой мамой-училкой. Две набитые дуры. Интеллигентки, блин.

Угораздило же познакомиться на дискотеке. Наверное, ты первый раз здесь, спросил я тогда. И угадал, в яблочко самое попал. Мать, старая клуша, дрожала над дочкой, словно та была бриллиантом в десять карат. А я был булыжником, хе-хе, такие часто валяются в придорожной пыли. Обыкновенный рабочий парень. Пьяный и добродушный — принял, естественно, на грудь по случаю дискотеки. Небрежно обнял ее за талию, бросил: девушка, разрешите вас пригласить? Валерий, представился. А вас как? Катя, пролепетала она, пытаюсь стряхнуть мою руку. Ты мне нравишься, Катька, с чувством произнес я и поцеловал ее в щеку. Она, видимо, не ожидала, даже не уклонилась.

Ну вот, так и стали встречаться. Мамаша, Зоя Степановна, разумеется, стервозничала поначалу. Ворчала: да кто он такой? Слесарь на заводе. Но позже ничего, успокоилась. Нравились ей дорогие подарки — кольца, сережки. Я мог себе это позволить. А Катька простой оказалась, скромной. Но малость шизанутой. На стихах повернутой, на высокой литературе, музыке. Что там еще? Меня все пыталась в это болото затащить. В книжный клуб, ага. Вот смехота.

Ни хрена у нее не вышло. Зато я затащил ее в постель. К моему удивлению, Катька в свои девятнадцать умудрилась сохранить девственность. Она визжала, царапалась, кричала «нет!». Бесплезно. Я ломал и не такие бастионы. После секса, как ни странно, она еще больше в меня втюрилась. А мне, честно говоря, эти муси-пуси уже надоели. Я ей так и сказал. Не люблю скрытничать. Т-ты, ты разве на мне не женишься? — едва не разревелась она. Конечно, нет, дуреха, рассмеялся я. Ладно, бывай. Звони, если захочешь перепихнуться, но не чаще раза в месяц.

Ну, расстались и расстались — нет, названивала постоян-

но. Докучала. Вот и тогда, четырнадцатого. Я вообще с друзьями на шашлыки собирался ехать. Дзинь — брякнул телефон. Дзи-инь. Валер, приди, пожалуйста, если сможешь. Че-ерт. Зачем согласился? Попил, блин, чайку да плюшками побаловался, ага — разругался в пух и прах. Мамашу чуть на три буквы не послал. В общем, полный пэ.

Я злобно уставился на яркий оранжевый мяч, подкатившийся к ногам. Малыши, игравшие на детской площадке, кричали:

— Дядя, дядя, кинь мячик!

Пнул со всей дури.

— Валерка! — неслось со спины. — Прости меня!

Гудели сновавшие по проезжей части машины.

Я ускорил шаг, побежал почти. Сзади раздался визг тормозов, протяжные завывания клаксонов, скрежет сминаемого металла. Чей-то пронзительный вскрик. Затем все утонуло в невообразимой какофонии звуков — мат-перемат, рычание моторов, нетерпеливые гудки, галдеж, бабские ахи-причитания. Даже собачий лай.

Авария, решил я. Человека сбили. Или столкнулись меж собой. Точно. Ну и район. М-мать! Не стал оборачиваться, пошел себе — в новостях городских потом можно посмотреть. Мимо, по улице Гаврилова, спеша к перекрестку, промчалась «Скорая». Надсадный вой сирены еще долго преследовал меня. Вот дебилы! Приехали, а выключить не озаботились.

Вечером позвонила Катькина мама. Сначала я думал, что это Катька. В трубке долго молчали, хлюпали носом. Наконец охрипший, зареванный голос сказал:

— Гад ты, Валерка. Сволочь. Из-за тебя Катюху машина сбила. «КамАЗ». Слышишь меня?!

— Слышу-слышу, — успокоил я несостоявшуюся тещу. — Только я-то при чем? Я домой шел.

— Скотина! Она в реанимации сейчас. Если не умрет, на всю жизнь останется инвалидом.

— Сочувствую вам, Зоя Степановна, сочувствую, — произнес равнодушно. — Ну? Что-то еще? Зачем вы позвонили?

— Ах ты... ах... — задохнулась училка. — Проклинаю тебя! Проклинаю!!! Чтоб ты сдох, мерзавец! Чтоб...

Я просто повесил трубку.

* * *

— Тебе не нравится осень? — спросила Катька. — Ах да, извини, забыла.

— Не нравится?! — прорычал я. — Да ты!.. ты!..

— Я ничего не подстраивала, — она качнула головой. — Нет. Помню... машина... большая, гудящая. Я... потеряла сознание. Очнулась здесь.

— Врешь! Врешь! — я не слушал ее. Кричал, брызжа слюной.

— А я мечтала. Всегда. В раю, наверное, тоже вечная осень.

— В аду! В гробу самое место этой дерьмовой непогоде!

— Природа успокаивается, замирает. Люди собирают урожай после летней страды; на морских курортах — бархатный сезон.

— Отвратительное, сволочное время года. — Я немного успокоился. Чуть-чуть. — Будь оно проклято!

— Посмотри на синее бездонное небо, на яркое ласковое солнце. Видишь — золотая осень вокруг, бабье лето. Как вкусно пахнут палые листья, — она нагнулась, подхватила в охапку бурый осклизлый ком, прижала к лицу.

Меня передернуло от омерзения.

— Дождь, — сказал я. — Поганый ливень хлещет по крыше и не дает спать. Жирные комья грязи липнут к ботинкам.

— Взгляни на чистые, безукоризненно умытые окна домов, на радужные блики стекол. А свежесть, разлитая в воздухе? Чувствуешь? Асфальт — мокрый, глянцевоый, нет пыли и жары. Как прекрасно.

— Везде лужи. Воняет гнилью, и губы трескаются от ледяного ветра. Он гудит в водосточных трубах, раскачивает провода; лампы в фонарях трещат и мигают.

— Мягкий теплый вечер кружевной шалью ниспадает на плечи домов; осколки звезд, словно крупные кристаллы соли на темной скатерке неба. Луна улыбается, чертит косые дорожки на мостовых и тротуарах; окутанные молочным туманом деревья сверкают платиновыми прожилками червленых листьев.

— Воробьи. Маленькие сученыши гадят на подоконник. Прыгают по узловатым веткам клена напротив подъезда. Косят злым глазом, роются в урне.

— Так светло ночью, можно сесть у окна и читать. Слейпой мелкий дождик — да, я знаю, слепым называют дождь, который идет днем, при свете солнца, но чем луна хуже? — он будет тихо пришептывать, смывая усталость с крон деревьев, и оборачиваться каплями росы поутру. Я выйду на улицу, закружусь в невесомом танце среди терпко благоухающих кустов жасмина и сирени. Звуки «Осенней сонаты» разольются округ, заполнят мир тысячей хрустальных колокольчиков; одинокий тополь-дебютант, притворившись опытным дирижером, взмахнет руками-ветками. Призрачный хор цикад плавно вступит в основную партию, эфемерные скрипки и печальный голос флейты добавят в звучание минорную ноту. Я буду петь, смеяться, плакать навзрыд, Город исчезнет, растворится, и я, обессилев, присяду на шелковистую луговую траву. Васильки, ромашки, анютины глазки будут приветливо кивать мне венчиками. Любопытная полевка высунется из норы, забавно поведет усатой мордочкой, звонко чихнет и вновь скроется в своем жилище. А я... я опять продолжу этот безумный волшебный танец.

— Холодно. В дрянном магазине совсем нет перчаток. И варежек там нет. Нет теплых курток, одни ветровки. Я напяливаю два свитера и две пары носков. Я плохо сплю ночью, я совершенно не сплю. Ведро чересчур быстро наполняется, тяжелое жестяное ведро. Я бегаю по лестнице — вверх-вниз, проливая воду на ноги. Трещина в потолке расширяется, от нее ответвляются новые. Когда дождь падает отвесной стеной, приходится подставлять второе ведро — с фекалиями и мочой. С потолка льются мутные струйки, брызги летят во все стороны. Я хватаю заляпанную нечистотами ручку, кривлюсь и морщусь, но его тоже нужно выносить. Вонь шибает в нос, а к горлу подступает тошнота.

— Деревья похожи на костры — горят, плавятся ярким огнем, рассеивая дым листьев. Соломенный зрачок солнца в ясном окоеме неба с добродушием взирает на слегка приувядшие краски. Хоровод пастельных тонов и пряных запахов кружит голову. Под моей подушкой спрятан томик Пастернака, я достану его, открою на любой странице, не буду смотреть, что там, — давно выучила наизусть. Прорекламирую...

— Тучи. Комковатые, бесформенные. Серый свинец не-

ба. Уныние, безнадежность, депрессия. Острое лезвие у за-
пястья. Тусклый блик хищного жала. Ванной нет, я бы наполнил
ее теплой водой. Без воды слишком больно. Муторно без
воды. В луже не получится, понимаешь, ты, сука?! Вода в лу-
же чересчур холодная.

— ...Еще пышней и бесшабашней шумите, осыпайтесь,
листья, и чашу горечи вчерашней сегодняшней тоской пре-
высьте.

— Дура, — прошипел я. — Сумасшедшая. Хватит гру-
зить! Ты специально, да? На твои нелепые ужимки не пове-
дется даже самый последний лох. Отвали! Отстань от меня!
Да хоть сдохни еще раз. Снова. Иди в рай, в ад, куда угодно,
но перестань мозолить глаза! Не раздражай меня, слы-
шишь?! Прекрати, немедленно прекрати читать стихи. Кто
это? Лермонтов? Я не люблю Лермонтова!

* * *

Она стояла посреди улицы, тонкая и хрупкая, как дерев-
це в степи. Слезы в глазах, уголки рта печально опущены.
Прижимала к груди книжку. «Пастернак» — надпись на об-
ложке тисненными серебряными буквами.

— К черту! — выкрикнул я. «У-у», — отозвалось эхо. —
Провались со своей осенью!

Из-за угла вывернул грузовик, покотил, набирая оборо-
ты, к девушке. За лобовым стеклом болталась прикрепленная
к зеркалу заднего вида игрушка. Эти уродские игрушки спе-
циально продают в магазинах, чтобы тупые дебилы вроде во-
дителя этого «КамАЗа» вешали их на зеркала. Дерьмо! — вы-
ругался я. Откуда в Городе машина? В фальшивом, нарисо-
ванном Городе — настоящая, пахнущая бензином и маслом
машина?

Грузовик приближался. Катька не оборачивалась. Не
слышала, что ли? Может, в протрацию впала? Предупре-
дить? Я рассмеялся. Нет, не стану предупреждать. Сейчас ее
собьют, размышлял я почти злорадно. Расплющат в лепешку.
Да. Точно. Так ей и надо. Глупая плаксивая дура. Никто боль-
ше не будет приставать ко мне с идиотскими бреднями о
любви и прочей лабудени. Нудеть с утра до вечера, шумно
дышать в трубку телефона, плакать на кухне. Восторгаться

красотой и очарованием осени, читать стихи тоже никто не будет. Пушкин? Бродский? На хрен! Мне это не нужно. Я терпеть не могу стихи, слышишь, маленькая дрянь? Дави ее, водитель. Я сяду с тобой в машину, и мы вместе уедем из этой гребаной осени.

Грузовик неожиданно вильнул, объезжая Катюку.

Черный дым из выхлопной трубы.

Солнечные зайчики на ветровом стекле.

Рев мотора.

Ах ты, сука, только и подумал я. Время набухло киселем, замедлилось.

Я и смерть друг напротив друга. Двадцать метров. Пятнадцать. Восемь... Дурацкая игрушка вихляется туда-сюда, мешает сосредоточиться, отпрыгнуть в сторону. Ускользнуть.

Свет выключенных фар режет глаза — злостью, болью, равнодушием. Они, тысячекратно отразившись и преломившись, вернулись назад, к хозяину.

Не-е-ет!!! — хотел крикнуть я. Я ненавижу осень! Я не хочу!..

Удар...

* * *

За окном шуршит дождь. Барабанит по подоконнику, брызжет на стекло, оставляя мокрые разводы. Сколько ни задергивай занавески, между ними всегда остается крохотная щелочка, сквозь которую видны низкое серое небо и косяе жлещущие струи. Проклятый ливень идет день и ночь.

Кап — отдается в ушах. Кап. Бульк. Потолок протекает, капли падают в подставленное ведро. Чертова посуда скоро наполнится, и придется хватать ее за скользкую ручку, выбегать на улицу, выплескивать мутную, с крошками извести, влагу.

— Апчи! — оглушительно чихаю я. Мне плохо. Знобит. Наверняка поднялась температура. Слабость во всем теле. А таблеток нет. Ничего нет. Вообще.

Магазин закрыт, там второй день висит табличка «Учет», на полках — пустота. С деревьев облетели последние листья; клены с тополями тянут вверх корявые ветви, скрипят-жалуются на пробирающем до костей ветру. Даже мерзавцы во-

робьи больше не устраивают гвалт по утрам — улетели. На улицах — паводок: вода течет, бурлит, пенится. С каждым днем ее уровень поднимается; скоро вода перехлестнет бордюр тротуара, подберется к подъезду, ворвется на лестничную клетку первого этажа. Быть может, хлынет в подвал. Или здесь уже нет подвала? Лишь нарисованная дверь — намек на прежнюю, скрипучую, с полуоторванной ручкой. Черт, вчера подвал был, точно был. Вот дерьмо!

Я лежу на кровати и думаю. О зиме, лете и о весне тоже. Иногда я думаю о Катьке. А что еще остается?

Ведь я теперь совсем-совсем один.

Я и осень.

СКЛЕЙКА

запомни самое главное!

Володя, бессменный завмуз нашего театра, нервно глянул на часы. Директриса, в своей излюбленной роли злодейки-судьбы, в кои-то веки раздобыла для него горящую путевку аккурат под Новый год.

В областных театрах с судьбою спорят редко, и сейчас Володя спешно обучал меня азам звукооператорской профессии, в просторечии «радист».

Ни он, бывший диджей клуба филофонистов, ни я, недавний дембель, тогда и не предполагали, что завтра изменится многое. Мой сменщик, пожилой люмпен Анвар, нечувствительно запыет, и тут же заболеет Петр Фадеич, центральная фигура представления. В результате наш театр кукол останется без Деда Мороза и с одним звукооператором-стажером накануне новогодней кампании. А это — две недели по четыре елочных представления в день.

— Запомни: никакого навесного монтажа! Все склейки ленты — только на монтажном станке. Иначе будет рваться.

Володя сунул мне под нос станок — узкий пенал со стальными зажимами для ленты. С одной стороны обрывок фонограммы, с другой — полоска цветной ленты-ракорда. Полоснул лезвием под сорок пять градусов — наложил кусочек скотча. Щелк! — зажимы отскочили, и завмуз вручил мне ленту, надежно склеенную с ракордом.

— И только так! — отечески напутствовал он. После чего умчался на вокзал, чтобы успеть к отходу поезда.

А я остался один на один со звукооператорской, набитой проводами, усилителями и древними катушечными магнитофонами всех времен и народов.

...К тому времени я проработал в театре уже неделю.

Ремесло театрального радиста нехитрое: после фразы актера либо смены картины включаешь очередной фрагмент фонограммы спектакля. Катушка крутится, пока не покажется цветной ракорд следующего фрагмента. Жмешь на магнитофоне «паузу», лениво слушаешь в наушниках происходящее на сцене и занимаешься своими делами в ожидании очередной контрольной фразы.

Как правило, во время спектакля я предпочитал сладострастно откручивать детали со старой аппаратуры — здорово успокаивает нервы после репетиций с нашими оглашенными режиссерами. И уже к концу недели скопил приличный набор плашек, гаечек и другой полезной чепухи.

Поэтому, узнав наутро, что Анвар запил и мне предстоит крутить по четыре елки в день, я поначалу не сильно расстроился. К тому же Карабасовна — так за глаза прозывали директрису актеры — туманно намекнула на перспективу получения двойной ставки. И я приступил к репетиции нового представления. До него оставалось два дня, и нужно было погонять елочную интермедию и срочно ввести в спектакль нового Деда Мороза.

Его наш администратор сманил на время елочной кампании из клубно-заводской самодеятельности. И он того стоил!

Заводской Властелин метелей и пурги выглядел на все сто даже без грима. Николай Степаныч с невероятной фамилией Морозов оказался плечистым, кряжистым и кустистым по части бровей мужчиной. При такой потрясной фактуре он вдобавок обладал звучным, раскатистым голосом, от которого на репетициях поначалу вздрагивали не только пираты, черти, империалисты и прочая ряженая нечисть, но даже сторонники добрых сил в лице зайцев, пионеров, снежинок и буратин.

Снегурочка, пожилая, но опытная и заслуженная Софья Пална, тоже задумчиво косилась на громоподобного напарника. Зато играть с ним оказалось одно удовольствие. Николай Степаныч был поистине великий партнер. Он все делал сам.

Достаточно было увидеть, как он торжественно появляется из дверей гримерной, потрясая посохом и потряхивая мешком с подарками, как ты сразу проникался к нему благо-

говением. Оно пробирало тебя до костей, подобно лесному морозцу, несмотря на текст, который порой звучал из его заиндевелых уст.

Морозов оказался большой фрондер и творчески относился к сценарию, позволяя себе вносить правки в сюжет. Единственно, на чем настоял бледневший с каждой минутой режиссер, — это на стихотворных моментах, которые несли основную идеологическую нагрузку.

Завершался восемьдесят четвертый год, генсеки начали сменяться с головокружительной быстротой, и всю идеологию в елочном сценарии скрупулезно отслеживал парторг театра с честным прозвищем Чекист. Фамилию его я так и не сумел запомнить. Чекист, разумеется, был в курсе своего прозвища, сдержанно гордился им и курировал новогодние спектакли, привнося в сюжет злобу политического дня.

Вот и сейчас Николай Степаныч, прохаживаясь окрест елки и милостиво кивая жавшимся к стволу Бабе Яге с Кошчем, мощно басил из-под бороды:

Я летел на крыльях ветра мно-о-о-го тысяч километров!
Над великою страной, где мосты как в сказке строят!
Я спешил, ребята, к вам — моим маленьким друзьям!

После чего покосился на Чекиста, который, по своему обыкновению, стоял во тьме коридора и задумчиво улыбался. Режиссер сделал отчаянное лицо, Николай Степаныч крикнул и на той же интонации, с пафосом и неподдельным чувством заложил очередной вираж:

Скоро форум коммунистов, съезд откроется в Москве.
Будем жить под небом чистым, скажем дружно: нет — войне!

Дальше от текста у меня просто завяли уши. Я вообще остерегался заглядывать в этот сценарий, предпочитая лаконичный список фраз.

И я побрел в звукооператорскую, на ходу мурлыкая собственный вариант:

— Скажем дружно, на хер нужно...

Но, разумеется, пианиссимо, поскольку театральные стены всегда имеют немало чутких ушей с невероятно тонким слухом. Талантливые люди талантливы во всем!

Репетиция прошла на подъеме благодаря приглашенной звезде, уверенно руководившей актерами. Режиссер тихо

мел и закрывал глаза на мелкие правки Мороза. К тому же Николай Степаныч был скрупулезен во всем, что касалось главного: я видел, как в перерыве он на глаз прикидывал расстояние от центра фойе, где стояла наряженная елка, до дверей зрительного зала. Этим путем после театрализованной интермедии помреж и скоморохи уводили из фойе весь ребячий хоровод в зал. Там всех ожидал спектаклик, как правило, короткий и скромный.

Окончив работу, я отправился домой. Но случайно услышал в гримерной знакомый звучный бас. И в ответ тут же раздался оживленный гул многих голосов.

Это было что-то новенькое. За неделю службы в театре я прочно усвоил традицию: после работы актеры не задерживаются. И я осторожно потянул дверную ручку.

Примерка была полна народу, собрались все занятые в интермедии. На меня покосился лишь Николай Степаныч.

— Это Вадик, наш радист. Он еще новенький, Степаныч, — сообщил Данил Потехин. У него были очень добрые и грустные глаза, поскольку он всю жизнь играл в театре Второго Зайца без всякой перспективы выбиться в Первые.

— Ладно, — кивнул Мороз Степаныч, как я мысленно окрестил этого матерого человечища.

Я приткнулся в уголке и весь обратился в слух. Говорили о вещах неслыханных, и лестно было ощущать себя частичкой актерского братства, замыслившего маленькое жульство. Верховодил, разумеется, Мороз Степаныч, который меньше всего походил на новичка.

— Я тут засекаю время последнего прогона, — солидно изрек он. — Аккурат один час десять минут. А как у нас с расписанием?

— Оглашаю, — кивнул помреж Саша Карпухин, бригадир скоморохов, которые своей деловитостью на елочных хорОВОдах напоминали судебных исполнителей. Саша знал все, что от него требовалось, был на отличном счету у начальства и притом умудрялся не скатиться до стукачества. Актеры его уважали. — Новогодние представления пройдут с двадцать шестого декабря по десятое января включительно. С перерывом на первое января. Тридцать первого — только утренний и, возможно, дневной спектакль.

— А расписание? — жалобно пискнула травести Майечка, исполнявшая роли пионеров и вызывавшая в родителях искреннюю жалость своими тощими ножками.

— Оглашаю! — кивнул Саша. — Начало новогодних представлений — в десять, двенадцать, шестнадцать и семнадцать часов тридцать минут.

— А последнее на четырнадцать перенести не могли? — раздался чей-то возмущенный голос.

— Перерыв на обед, по трудовому законодательству, — невозмутимо произнес Саша. — Кроме того, в обеденное время предусмотрен резерв на возможные левые елки.

И он почтительно посмотрел почему-то на Степаныча. Как тот успел за полдня создать себе такой могучий авторитет? Поистине, какое-то первобытное, языческое обаяние исходило от этого человека!

— Значит, загвоздка в последнем, вечернем спектакле, — постановил Степаныч. — Положим, представление мы найграем, подсократим маленько. Но вопрос — до какой степени? Перед последним выходом у нас остается пока в теории лишь двадцать минут передыху. А туда еще надо спектакль впихнуть!

— И как только они расписание составляют, фашисты... — по-бабьи всплакнул толсторожий пожилой пират Авксентий Антропыч.

— Начальству виднее, — примирительно откликнулся маленький буратино Павел с античным отчеством Лисистратович. Впрочем, все его в театре дружно звали Лизоблюдович, и было за что.

— Отставить прения, — по-военному скомандовал Мороз. — Начальство тоже не дураки, понимают, что интермедия найграется, усохнет. Наша задача — подсократить ее разумно, до необходимых пределов.

— Простите, необходимых — кому? — плаксиво уточнил Антропыч.

С минуту Николай Степаныч задумчиво глядел на пирата, так что тот чувствовал себя неуютно и все норовил спрятаться за широкую спину помрежа Саши. После чего неожиданно тихо ответил:

— Тебе. — А потом прибавил: — И всем нам. Всем время понадобится. Если что...

Тут вся актерская братия поутихла. Будто холодный сквознячок подул в гримерной. Что-то было в словах этого человека, глубокое и пронзительное одновременно. И я вдруг ощутил тихий, осторожный укол в сердце. Словно предчувствие надвигающейся беды, невесть откуда.

А потом все исчезло. И актеры дружно загомонили, как на партсобрании.

В итоге решено было постепенно сократить интермедию минут на пять. А лучше — на десять. Иначе перед последним спектаклем актеры элементарно не успевали отдохнуть и освежить грим.

После чего Мороз Степаныч подошел ко мне. Смерил взглядом, точно царапнул душу тонким лезвием. Примеряя к ней собственный ракорд.

— Как фонограмма, все в порядке?

Тон его был доброжелателен, но я его, казалось, мало интересовал в тот миг.

— Все нормально, — пожал плечами я. И неожиданно для себя прибавил: — Правда, я тут послушал... И тоже есть одна мыслишка.

— Отлично, — кивнул он. — Но это все позже... позже... Пока все складывается неплохо.

И принялся надевать шубу.

Я понял, что разговор окончен.

По дороге домой решил прогуляться пешком. У меня и в самом деле родилась одна симпатичная идея.

Назавтра актеры приступили к последним репетициям. Все работали с энтузиазмом, вокруг елки царило оживление, и режиссер был доволен. Он даже удалился в свой кабинет выпить чашечку кофе в компании с главрежем и завлитом. А оттачивать последние штрихи в репетиции было поручено помрежу.

Тут-то и закипела работа.

Саша стоял с хронометром и поглядывал на циферблат. Николай Степаныч энергично прошел к елке, еще в дверях декламируя приветственный спич. Царственно развернулся и отечески приобнял Снегурку. Софья Пална в мгновение ока растаяла, расцвела, серебристым колокольчиком рассыпала свой монолог. И пошло-поехало!

Баба Яга на пару с Кощеем трещали как сороки. Снежинки порхали точно заведенные, пираты с чертями отплясывали чечетку, дробно стуча об пол бутафорскими саблями, кинжалами и хвостами на проволочных каркасах. И даже империалисты курили фальшивые сигары с удвоенной скоростью, попутно перебрасываясь, как завзятые баскетболисты, набитыми мешочками со стилизованным изображением хищного капиталистического дензнака.

Казалось, актеры наперебой соревновались, кто отыграет свой выход быстрее, ловчее и при этом не скатившись в окончательный гротеск. Хотя такому сценарию не помешала бы самая отчаянная фантазмагория!

— Минус десять минут и двадцать три секунды, — торжественно сообщил после прогона Саша.

— Стоп машина! — скомандовал раскрасневшийся Степаныч. — Чуток перебор. Сбавить обороты пиратам, империалисты — больше достоинства. Да и мы со Снегуркой частим немилосердно.

И он вновь легонько обнял партнершу, которая тут же принялась млеть в его объятиях. И сомлела бы, не вернись режиссер. Объявили перерыв, после чего был последний прогон — без сучка без задоринки.

Режиссер распустил всех до завтра, а я сверил часы. Теперь интермедия заняла час и пять минут. Прогресс был налицо, и здравый смысл в сюжете соблюден, насколько это позволял сценарий, напичканный форумами коммунистов, лозунгами и призывами. Что поделаешь!

Между тем с успехом прошло первое представление, за ним второе, и пятое миновало. Мы перевалили через новогоднюю ночь, денек передохнули и продолжили свою елочную вахту.

Николай Степаныч по-прежнему дирижировал постановкой на правах главного персонажа, чутко держа руку на пульсе действия. Третий на дню спектакль мы всякий раз играли на пять, а то и десять минут быстрее, выкраивая перед последней елкой минуты отдыха.

Правда, теперь в это негласное соцсоревнование за сэкономленные секунды включился и я. Тому было банальное объяснение.

Дело в том, что уже к десятому представлению новогод-ня интермедия нам порядком осточертела. И если актерам обрыдло все это играть, то мне — даже просто крутить и слушать фонограмму. Елки шли по четыре в день, и от этой нескончаемой жвачки с картонной интригой, деловитыми хороводами и перевоспитанием наиболее плохих персонажей у меня уже болела голова.

И я решил тоже внести вклад в общее дело. Мало-помалу, от спектакля к спектаклю, я стал понемногу сокращать фонограмму. И разошелся на славу. То вступительную увертюру урежу, то Чайковского к ритуальному «ну-ка-елочка-зажгись!» смикширую. Она ведь все равно уже горит, к чему лишняя музыка?

Дошло до того, что я замахнулся на святое: «В лесу родилась елочка» у меня добралась лишь до лошадки мохноногой. И куда она бежала-торопилась, так для всего хоровода и осталось тайной.

Поначалу актеры подтрунивали надо мной, а потом почувствовали — реальная экономия, несколько минут передыха я им выкраивал. Даже Николай Степаныч в итоге удостоил меня скупой морозной похвалы.

— Шустрый, — проворчал он. — Есть в тебе этакое рвение-горение. Огонек махонький... Не застудись только. Сыровато чего-то в здешних стенах...

В итоге нам неплохо работалось, а потом все кончилось крахом.

Однажды на предпоследний спектакль появился Чекист, как всегда задумчиво улыбаясь в полутьме коридора. Но потом перестал улыбаться, резко развернулся и рысью метнулся в кабинет директрисы. Никто этого, понятное дело, не заметил.

В композиции и сценических условиях Чекист не разбирался; его задачей было вовремя учуять любую подозрительность и немедленно известить руководство. Он и известил.

На нашу беду, Карабасовна была у себя. Она живо кликнула главрежа, завлита, завпоста и главного художника театра. Вся эта свора на цыпочках подобралась к фойе и мигом зафиксировала все наши сокращения, урезки, усушки и утруски сценария. К тому времени, чего греха таить, усушке

были подвергнуты и сообщение о скором пришествии форума коммунистов, и прочие сведения, столь же ценные для умов пятилетних детишек.

По меткому ленинскому выражению, это было само творчество масс. И при виде его Карабасовна натурально взбеленилась. После финальной елки состоялось общее построение творческой группы, и нам устроили грандиозный разнос.

Обман и обмен — явления одного порядка. Поэтому Карабасовна предложила нам добровольно выдать зачинщиков «возмутительной профанации чудесной и поучительной пьесы». Мы дружно ответили мрачным и тупым молчанием. Только Лизоблюдович горестно ерзал и маялся, трагически не соответствуя моменту.

Но и Карабасовна не первый год барабасила в театре. В ее кабинет были вызваны Николай Степаныч, помреж Саша и я, чьи акустические безобразия были на слуху более всего.

Нам поставили на вид, сделали сокрушительный втык и гневно довели до сведения, что о прибавке к жалованью можно забыть. Напоследок пригрозили лишением премии, выговором в трудовую книжку и пообещали позже разобратся во всем и окончательно вывести нас на чистую воду. И в театре ощутимо повеяло тлением и безнадегой грядущей реакции.

О времена, о на фиг!

Настало восьмое января.

Как на беду, еще навалилась сверхплановая елка в 14.00, и все просто вымотались. К тому же после вчерашнего народ был мрачен и неразговорчив.

В 15.40 я заглянул в фойе и ужаснулся. Детей пришло целых семьдесят пять, и поэтому родителей не пустили наверх, дабы не создавать хороводу толчеи. Крайне недовольные, папы и мамы жались на лестницах или пробавлялись пустым чаем в буфете. Наиболее предприимчивые уже получили подарки и теперь гоняли чай по-дворянски — с конфетами.

Нас ожидали еще две елки, а в актерских рядах и без того царило уныние. Напрасно я крутил в фойе задорные песенки, а Николай Степаныч изредка подкреплял боевой дух труппы ядреным словцом.

Не помогла даже моя вылазка под елку, где ожидали своего выхода большие ростовые куклы козы и медведя. Обоим бутафорским животным я незаметно сложил лапы в кукиши — это удобно, поскольку на поролоновых руках ростовых кукол обычно делают всего три пальца; видимо, считается, что их вполне достаточно для любой жестикуляции в детских спектаклях.

Помреж Саша обнаружил мою шутку, но даже не улыбнулся, задумчиво возвращая кукольные пальцы в пристойное состояние. Тут я увидел в дверях Мороза. И обомлел.

Повелитель пурги был вне себя: его лицо выражало отчаяние и такую безнадегу, что я рысцой бросился к нему.

— А, Огонек... — прошептал он, не сводя глаз с елки. — Плохо наше дело.

— Что случилось, Николай Степаныч? — пролепетал я.

— Еще не случилось, — покачал он головой. — Но чувствует мое сердце — уже грядет. А что — не знаю.

Он обвел тоскливым взором фойе и несколько раз закусил губу. Я еще никогда не видел, чтобы человек сделал это пять раз подряд!

— Вот что, Огонек, — сказал он. У Степаныча сейчас были страшные глаза — холодные, больные, как у снулой рыбы. В них совсем не было огня Деда Мороза! — Будь там готов, у себя, — велел он. — Играть будем по-старому. Без лукавства и лишних слов.

Я опасливо оглянулся. И вовремя: в коридорах, как голодные волки, прогуливалась вся придворная камарилья с Карабасихой во главе. Я мысленно примерил им папье-маше волчьих и лисьих масок — убедительно получилось.

— Не сносить нам голов, Николай Степаныч, — покачал я своей.

Он зыркнул на меня бешеным глазом, точно впервые увидел.

— То не беда, — возразил он, прислушиваясь к первому звонку. — Просто будь готов ко всему. И вот что еще, Огонек... — Он вдруг положил руку в красной рукавице мне на плечи, подбоченился. — Никогда не просил, теперь прошу. Коль не дрейфишь — помоги. Не все актеры нынче со мной будут. Поэтому крути музыку, как раньше крутил. Ничего

объяснить не могу сейчас, сам еще не ведаю. Но что-то неладное сердце чувствует. Помоги, лады?

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. За это время я мысленно попрощался с премией, зарплатой и всей театральной карьерой. Но — удивительное дело! — у меня и в мыслях не было не исполнить веление Морозова. И потому я лишь качнул негнущейся шеей.

— Ну, вот и славно...

Его взор потеплел, Степаныч кивнул мне на прощание и поспешно скрылся в гримерной. Уже голосил второй звонок.

Такого спектакля я не припомню за всю новогоднюю кампанию.

Половина труппы усердно гнала свой текст, заискивающе косясь на коридоры, где алчно горели волчьи и лисьи глаза.

Сторонники же Степаныча работали достойно, без лукавства, общаясь с детьми на их языке и позабыв о лозунгах и форумах. Отринул суету и я, видя, как конформисты затягивают действие. Решительно обрезал «хвосты», уводил долгие фанфары, сокращал музыку на выходы и спокойно микшировал последние куплеты.

«Елочка» добралась опять лишь до мохноногого непарнокопытного; танец утят плавно перешел в куплеты скоморохов; госпожа Метелица кружила лишь пятнадцать секунд «Магнитных полей» Жан-Мишеля Жарра, и даже на выход империалистов я зарезал половину роскошного черного джаза Диззи Гиллеспи.

В мою дверь уже давно скреблись лисы, колотили и ломались начальственные волки, а из пустого покуда зала в окошко требовательно постукивала сама Карабасовна.

Но дверь и окошко звукооператорской были на замке и шпингалете — я сам запер их недрогнувшей рукой. Все происходившее в фойе я слушал через наушники, мне помогали чувствительные микрофоны над елкой.

Этой же рукой я уверенно вел фонограмму интермедии к финалу. А свою карьеру — к ее логическому концу. Но перед моими глазами все время стоял Николай Степаныч. Просто стоял и смотрел на меня, одобрительно кивая, и мне было легко и спокойно, и плевать на все остальное.

Наконец интермедия завершилась. Я слышал, как шумел ребячий хоровод, ведомый Сашей и скоморохами в зал, где всех ждал кукольный спектакль на сцене. Стук в мою дверь уже давно прекратился, но иллюзий я не питал. Открыв окошко, я смотрел, как в зал входили первые дети, рассаживаясь по местам под бдительным оком администраторов. Мелькнула у сцены Карабасовна, но даже не глянула в мою сторону. Небось отправилась вершить расправу в актерские гримерные.

Саша со скоморошей ватагой, молодцы, быстро заводили зрителей. Пожалуй, минуты через две можно было начинать спектакль. Я зарядил его бобину на верном друге — магнитофоне «Илеть», рассеянно прислушиваясь к голосам и шарканью ног в фойе. Спустя несколько лет, после парада суверенитетов «Илеть» скоренько переименовали в «Санду», якобы потому, что на языке воспрянувшего поволжского народа, всегда производившего этот симпатичный магнитофон, «Илеть» означало весьма неприличное слово.

Я уже собрался переключить коммутатор на стационарном усилке «Бриг» с «фойе» на «зал», как вдруг...

В «ушах» раздался страшный грохот, что-то тяжело упало на пол, покатилося, затем еще и еще. Это было так громко, ужасно и невероятно, что в первую минуту я просто возмутился. Что они там творят в фойе, идиоты?!

Я поскорее отпер замок и помчался за угол, в фойе. Но тут же остановился, не веря своим глазам!

Над фойе обвалился потолок. По всей площади пола, очевидно, лежали обломки.

Но трудно было наверняка разглядеть хоть что-то, вокруг висели облака пыли, а фойе густо завалило камнем и штукатуркой. В желтом тумане я как сомнамбула перешагнул через елку — она лежала на полу, сломанная, с расщепленным комлем, от которого исходил тревожный запах смолы. И замер в растерянности.

Я не понимал, куда же подевались семьдесят пять детей, которые только что с песнями и смехом водили здесь хоровод!

В тот же миг отворилась дверь зрительного зала, и оттуда опасно выглянул Саша.

— Закрывай дверь! — благим матом заорал кто-то из на-

чальства, тоже выглядывая из-за угла. — И начинайте спектакль немедленно, слышишь?!

Дверь тут же захлопнулась. Я помчался обратно, включать музыку в зал. А по лестнице, снизу, прорвав кордон Чекиста и завлита, уже остервенело лезли в фойе обезумевшие родители.

— Можно только богу молиться, что Карпухин и администраторы успели завести детей в зал, — завершила свое выступление Карабасовна. — Еще каких-нибудь пара минут, и в фойе было бы просто... — Она замолчала, подбирая нужное, вкусное слово. — Просто месиво! — с чувством выразилась директриса.

На этом наша экстренная летучка и закончилась. Выяснилось, что действительно обвалился потолок над большей частью фойе. И при этом ни одна душа не пострадала! Саша успел-таки к тому времени завести всех детей в зал. Спасло от многочисленных жертв еще и то, что на эту елку пришло слишком много ребят и родителей в фойе не пустили.

Спектакль кое-как доиграли, а потом зрителей, осторожных ступавших по разбитым доскам, вывели на лестницу. Театр закрывался на ремонт, и новогодняя кампания, таким образом, завершилась досрочно. Подведение же итогов Карабасовна многозначительно обещала после нашего вынужденного отпуска.

В этот миг я поймал на себе взгляд Николая Степаныча. На его лице уже угасла былая тревога, и оно выражало лишь усталость, как у человека, только что завершившего порученное ему очень важное дело. Но к тому времени мне было не до Морозова.

Странная, невероятная мысль не давала мне покоя в течение всего собрания. И, едва дождавшись окончания летучки, я опрометью кинулся в свою комнату. Там я вновь закрылся, уже второй раз за сегодня, с твердым намерением никому не открывать, пока...

Я еще и сам точно не знал, что будет потом. Нужно было все досконально проверить. Я рывком сдернул бобину спектакля, заправил фонограмму интермедии и перемотал на начало. Потом взял часы, придвинул к себе карандаш с блокнотом, надел «уши» и включил воспроизведение.

Мимо кабинки радиста проходили работники театра, переговаривались, обменивались мнениями. В фойе, наверное, уже работала милиция, следователь прокуратуры. Но я не слышал никого и ничего. Я вымерял каждый фрагмент фонограммы, от первого звука до очередного цветного рапорта. С точностью до секунды. А потом минусовал длительность музыки, которую я сегодня сокращал по просьбе Николая Степановича и по собственному желанию.

Я прекрасно знал все эти лишние, на мой взгляд, куплеты и кусочки музыки, которые уже привык урезать, покуда нас не застучало начальство. Поэтому я вновь и вновь перематывал назад каждый фрагмент, высчитывая отдельно время фонограммы, которая сегодня не прозвучала. Именно сегодня.

Я вспоминал интермедию, реплики актеров в «наушниках», наплывающие фоны и стихающие аккорды фанфар. Я не потерял в подсчете ни секунды. И в отдельном столбике расчерченного блокнотного листа понемногу вырастала колонка цифр. А я смотрел на нее с нарастающим трепетом и страхом.

Наконец пленка кончилась. Четыре минуты семнадцать секунд — это было время, на которое я сократил сегодня последнюю елку.

Потом я долго смотрел в замерзшее окно, за которым давно сгустились январские сумерки. Мне было холодно, душа казалась пустой и прозрачной, как вымытое окно. Я думал о тех двух минутах, за которые помреж Карпухин сегодня увел детей в зрительный зал. Ну, может, их было две с половиной. Об остальных двух минутах, в течение которых хоровод оставался бы еще в фойе, не сократи я фонограмму, я изо всех сил старался не думать. Но получалось плохо.

И тогда в дверь моей комнатки постучали. Негромко, но уверенно. Словно знали, что я здесь. А мне было уже все равно.

Я отпер звукооператорскую.

На пороге стоял Николай Степаныч.

— Огонек... — тихо сказал он. Но мне показалось, что в пустом коридоре его слова вдруг прогремели на весь театр. И театр вздрогнул и содрогнулся всеми стенами и потолками. И лишь сцена осталась незыблемой. Потому что сцены видали всякое.

— Спасибо тебе, — сказал Степаныч. И вдруг... поклонился. Низко, с достоинством.

В тот же миг кончики его волос, брови и даже ресницы вдруг осеребрило! Сверкнул морозный иней на пуговицах шубы, по ней весело разбежались тонкие ледяные иголочки. А в глазах ожили яркие и веселые огоньки. Ну, наверное, вроде того, как он называл меня, уж не знаю почему. Только у Степаныча их было два.

Я так и обмер, чувствуя, что крыша едет уже бесповоротно.

— Кто вы?!

Он усмехнулся, шагнул ко мне и неожиданно подмигнул. А потом приложил палец к губам и шепнул доверительно:

— Тс-с-с...

Быстро, почти воровато оглянулся, точно кто-то мог нас увидеть и услышать в темноте пустого фойе. И затем медленно, тщательно выговаривая слова, Николай Степанович произнес, словно припомнив давно забытую детскую считалку:

Я летел на крыльях ветра мно-о-о-го тысяч километров!
Над великою странюю, где мосты как в сказке строят!
Я спешил, ребята, к вам — моим маленьким друзьям!

— Мороз Степаныч... — выдохнул я.

И дальше уже не мог выговорить ни слова.

Николай Степаныч хлопнул меня по плечу и тихо прибавил:

— Пора мне. А ты оставайся. Спасибо еще раз. И... побереги свой огонек, приятель! Мало ли что...

Потом повернулся и просто шагнул во тьму. И она не замедлила укрыть его под своими сводами.

Вот и все. Остается добавить немногое.

Николая Степановича я с тех пор больше не встречал. В театр он не вернулся, в городе его не видели, а вскоре и я уволился. С собой на память я захватил из театра только коробку с цветными лентами ракордов, сам не знаю зачем. Она и сейчас пылится на книжной полке.

Спустя годы, вычитав в журнале, что прообразом мифического Деда Мороза принято считать в том числе и реально-го святого Николая, я даже не удивился. После того памятно-

го спектакля в нашем кукольном театре меня вообще уже трудно чем-либо удивить.

И вы, наверное, не удивитесь, узнав, что эта новогодняя история случилась на самом деле? Честно-честно! И персонажи ее реальные, все, за исключением одного. Ну, вы поняли...

Хотя мне и сейчас кажется, что среди нас он — как раз самый реальный. Единственный из всех.

Во всяком случае, я в этом никогда не сомневался. Чего и вам желаю.

НОЧЬ НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

а отдраенным иллюминатором — его писатель, как человек сухопутный, считал открытым окном — плыла ночь. И плыли берега — хотя их почти не было видно. Левый, ближний, во многих местах вздымающийся высокими отрогами, еще как-то чувствовался. На звезды (на те, что не догадались забраться на небесном своде в безопасное место, поближе к зениту), — на эти недалеко-видные звезды напозлали черные силуэты утесов. Звезды исчезали — словно там, в небесной выси, завелось огромное мрачное чудовище, пожирающее их. Потом появлялись снова, целые и невредимые, словно прожорливое чудовище облагодало весьма слабым пищеварением. Улыбнувшись такому сравнению, писатель отвернулся от окна, которое на самом деле называлось иллюминатором.

Каюта была роскошная — мореный дуб, сафьян, бархат, слоновая кость, серебро. Поначалу писатель чувствовал себя в ней неудобно — но чувство это слабело по мере того, как убывало вино в покрытой паутиной бутылке. Кончились они одновременно — и «Божоле Луизьон», и писательская неловкость. Впрочем, его спутник и собеседник откупоривал уже вторую — открывал сам, встреча старых знакомых проходила тет-а-тет, без стюарда и прочей вышколенной прислуги.

— Странно, что ты совсем не пьешь виски, — сказал писатель. — Почему-то мне представлялось, что ты обязательно пьешь виски.

— Пробовал много раз. Тут же лезет обратно, — коротко и мрачно ответил Хозяин.

Он действительно был хозяином и этого судна, и еще много чего. Матросы, и прислуга, и даже сам капитан звали

его не шефом и не боссом, а именно Хозяином¹. Звучало это с неподдельным уважением и как бы с большой буквы — будто имя собственное. Писатель решил, что надо быть весьма и весьма незаурядным человеком, чтобы тебя называли так даже за глаза, — и, по неистребимой своей писательской привычке, подумал: вставляю куда-нибудь.

Будем называть владельца судна (и не только судна) Хозяином и мы. А писателя... ладно, писателя будем звать Писателем — тоже с большой буквы. Пусть ему будет приятно — тем более что к тридцати девяти годам известности он добился изрядной.

— Наверное, мой папаша заодно вылакал и то виски, что судьбой было отмерено на мою долю, — добавил Хозяин, разливая.

Вино лилось тонкой струйкой, ударялось о хрусталь бокала и в свете свечей казалось... — Писатель мысленно замылся, поняв, что не может с лету подобрать сравнения — не затертого, яркого, свежего — *писательского*.

— За Санкт-Петербург, — провозгласил Хозяин уже третий сегодня тост за родной город. — За его юбилей. Семьдесят лет — не шутка, что и говорить. Странное дело, Сэмми, где я только не бывал, попадал в красивые по-настоящему места, но до сих пор мне порой снится этот занюханный, сонный и вонючий городишко, где, по большому счету, ничего хорошего я не видел.

— Это, Берри, и называется — ностальгия... — сказал Писатель. Произнес он на французский манер: «ностальжи».

— Теперь я тоже знаю, что такое ностальгия, — кивнула Хозяин. — Мне было тридцать с лишним лет, и я заплатил кучу хорошеньких кругленьких долларов, чтобы узнать это и другие похожие слова. И что же? Ничего не изменилось, когда на душе скребут кошки — назови это хоть по-французски, хоть по-китайски, а тебе все так же паршиво... Теперь вот мы плывем вверх по реке, а мне кажется, что вокруг не вода, а время... Время, понимаешь, Сэмми? А мы плывем ему встречь... Кажется, что снаружи — стоит выйти из каюты — все по-прежнему. И меня, одетого в лохмотья юнца, выши-

---

¹ В оригинальной речи персонажей слово «Хозяин» звучало не как boss, но как master.

бут пинками с палубы первого класса и вообще с парохода... Нет, Сэмми, что ни говори, а Санкт-Петербург — маленькая паршивая дыра. И хорошо, что его юбилей бывают не часто.

— Зато на завтрашнем торжестве ты будешь первым человеком, Берри. Вот если бы ты родился, скажем, в Бостоне, то на его юбилее затерялся бы в толпе знаменитых уроженцев. А так именно тебе предстоит открывать памятник Уильяму Смоулу... Я, кстати, до сих пор не понимаю, как тот похожий на армянина-ростовщика скульптор сумел уболтать отцов города и добиться возведения эдакого бронзового чудища... Да и не Смоул это вовсе. Я сильно сомневаюсь, что старина Билли семьдесят лет назад — когда он вылез из фургона на берегу Миссисипи и сказал: «Строить будем здесь!» — был в треуголке, камзоле и высоченных ботфортах. Скорее в соломенной шляпе, домотканой блузе и башмаках с деревянными подошвами. И в руках держал не трость, а обычный кнут, которым погонял лошадей... Ты, Берри, видел эскизы памятника? Это же не фронтирьер, а какой-то хлыщ из Нью-Амстердама!

— Что там эскизы, Сэмми. Смоула-основателя отливали на моем заводе в Цинциннати и везли в Санкт-Петербург на моей барже. Мне он, между прочим, понравился. Большой, внушительный. А что одет не так — и сейчас-то его никто не помнит, а еще через семьдесят лет не будет и тех, кто слышал рассказы отцов и дедов о старине Билли. И он останется для людей таким, каким мы его изобразим. В треуголке и ботфортах... Но кое в чем ты ошибся. Памятник мы будем открывать вместе, стоя рядом. Потому что более никого, достойного такой чести, Сан-Питер не породил. Гордись. — И Хозяин вновь наполнил бокалы.

Писатель гордиться не стал. Сказал задумчиво:

— А ведь странно... Ведь кем мы были среди сверстников? Я — незаметный в любой компании середнячок... А ты... Ну, не мне рассказывать, кем ты был тогда. Мне всегда казалось, что добьются успеха и прославятся или Джо, или Томми, или... Но никак не мы.

— Джо действительно мог прославиться, — подтвердил Хозяин. — Отчаянный был парень. В войну записался в Белый легион Миссисипи, потом стал одним из лучших кавалерийских офицеров в армии генерала Ли. Готовился приказ

о присвоении Джо чина полковника, когда он погиб под Геттисбергом. Глупо погиб — два эскадрона послали в разведку боем, фактически на убой. Джо добровольно заменил лейтенанта, что должен был командовать смертниками, — к тому накануне приехала невеста... Кстати, в Санкт-Петербурге есть улица капитана Джозефа Гарпера. Ты не знал?

Писатель знал, но покачал головой.

— Тоже почти слава... — сказал Хозяин. — Правда, через двадцать лет и не вспомнят, кто это такой...

Они, не чокаясь, выпили за упокой души Джо Кровавой Руки — так в детских играх именовал себя их товарищ, подставивший грудь под картечь федератов. Подставивший за другого, точно так же, как когда-то — с презрительным спокойствием — принимал за чужие грехи розги от мистера Доббинса, учителя, очень не любившего детей.

Помолчали. Хозяин в той войне принимал участие косвенно — занимался поставками в армию северян. А Писатель... Ему довелось взять в руки оружие. Но — как-то не всерьез, какая-то оперетка получилась. С компанией друзей-сверстников вступил в Миссурийский иррегулярный эскадрон — с шутками-прибаутками, казалось, продолжают игры в Кровавую Руку и Черного Мстителя испанских морей на Индейском острове... Затем — неожиданно — полилась кровь. Настоящая. Понял — не для него. Уехал в Теннесси, в самую глушь, занялся журналистикой. И война прогрохотала мимо. Потом убедил себя — так и надо было: кто-то воюет саблей, кто-то пером... Но не любил, когда при нем вспоминали Джо Гарпера.

Чтобы сменить тему, Писатель сказал:

— А помнишь Томми? Вот уж кто, все думали, прославит Санкт-Петербург. И вон как все получилось...

Хозяин согласно кивнул:

— Да, голова у него варилась... Я всегда говорил: если уж наш Томми до чего-то додуматься не может, так и никто не додумается. Я в Вашингтоне поначалу-то по делам бывал, все думал: найду в какой департамент, а там он — в большом кресле сидит, клерками командует... А Томми как смылся с той смазливой блондиночкой, так ни слышу ни духу...

— Так ты что, — медленно и тяжело сказал Писатель, — не слышал?..

— Что не слышал? Нашелся наш Томми?

— Нашли... Год назад... Вернее, сначала нашли залежи руд — ну, знаешь, для этого новомодного металла, как он там называется...

— Алюминий, Сэмми, — мягко подсказал Хозяин. Новомодный металл уже принес ему немалые деньги.

— Вот-вот... Нашли аккурат под Кардифской горой, начали разработку. И одна штольня натолкнулась на естественный грот. На какое-то дальнейшее ответвление пещеры Макдугала — милях в четырех от ее главного входа. Там они и отыскались...

— Кто — они? — не понял Хозяин.

— Они. Томми и дочь старика Тэтчера. Ну, тогда-то он был не старик, когда...

— Подожди-подожди... То есть — они не сбежали? Заблудились в пещере? И все годы их скелеты лежали там?

— Не скелеты, Берри. Мумии. Такой уж в той пещере воздух... Ты знаешь, я всегда стараюсь заскочить в Сан-Питер, когда бываю проездом неподалеку. И через два месяца после той находки встретил старого судью... Не узнал. За полгода до того был представительный пожилой джентльмен — волосы «соль с перцем», спина прямая, походка твердая... А тут — седой как лунь, сгорбленный, едва ноги волочит. Он ведь двадцать пять лет надеялся — жива его Ребекка, жива, растит внуков где-то, просто на глаза показаться боится. Самое страшное — они там просидели живыми не меньше недели. По крайней мере Бекки неделю вела записи.

— Записи? Она взяла с собой чернила и бумагу? Лучше бы прихватила клубок бечевки, да побольше.

— Не было ни чернил, ни бумаги. Нашелся свинцовый карандаш, они отрывали клочки ткани от ее юбки, от рубашки Томми, и Бекки на них писала. Кошмарный получился дневник...

— Ты его читал? — спросил Хозяин с долей скепсиса.

— Нет, *это* почти никто не читал. Надеюсь, судья Тетчер его сжег. Никому не надо читать такие вещи — и незачем. Но мне рассказывал Бен Роджерс — ты должен его помнить, он сейчас окружной коронер... Так вот, он читал. И, говорит, не спал потом две ночи. Они... Они умирали от голода, Берри. Вода там откуда-то сочилась. У них была с собой малень-

какая корзиночка для пикников — пирог, что-то еще из продуктов... Растягивали, как могли, Томми уверял, что их ищут и обязательно найдут. А сам слабел и через неделю умер первым. Она нащупала рядом сверток со всеми его порциями... Томми до конца надеялся, что Бекки дождется помощи. Она написала большими неровными буквами, свечи давно кончились: ЛЮБЛЮ ЕГО. НЕ ХОЧУ ЖИТЬ. И больше дневник не вела, сколько еще прожила, никто не знает... Мне порой хочется написать про них — но с хорошим концом, чтобы они спаслись, выбрались, чтобы жили долго и счастливо, чтобы она родила ему пятерых детей...

— Напиши. А то история действительно поганая, — сказал Хозяин. — Но... знаешь, Сэмми, я даже не помню лица девчонки. И имя — Бекки — вспомнил, только когда ты его назвал. Звучит для меня все как сказка, — страшная, но сказка... Надеюсь, Томми успел, пока оставались силы, попользоваться ее любовью.

Прошедшие годы изрядно добавили ему цинизма.

— Как ты догадался? — неприятно удивился Писатель. — Я ведь не хотел тебе говорить...

— Нашел загадку... Чем еще может заняться четырнадцатилетний парень с ровесницей — если темно, идти некуда и надо чем-то задавить страх смерти? Мне тоже было четырнадцать, когда...

Хозяин неожиданно замолчал. Писатель отметил странную вещь: лицо у его старого приятеля стало другим — мрачным, темным. Суставы пальцев, сжимавших бокал, побелели. А ведь про заблудившихся в пещере слушал гораздо спокойнее. Вспомнил свою страшную сказку?

Хозяин встал. Сделал шаг к иллюминатору. Постоял, глядя на круглый проем — Писатель мог поклясться, что звездного неба Хозяин не видит. Потом — два шага к двери. Застыл снова. Потом — быстро, уверенно — раскрыл отделанный слоновой костью погребец, ухватил сразу две бутылки. Поискал глазами штопор... Не увидел, и — резко — горлышком о край стола.

Писатель вздрогнул. Стекло хрустнуло. На палисандре столешницы появилась глубокая вмятина — она была видна даже сквозь накрахмаленную скатерть.

Вино — то, что не выплеснулось при ударе, — хлынуло в

бокалы кроваво-красной струей. На скатерти набухали лужицы...

Сейчас расскажет все, думал Писатель с холодным удовлетворением. Расскажет, куда не денется, — потому что дернул за какую-то дверцу в своей памяти, к которой прикасаться совсем не стоило. Пусть расскажет, а я послушаю. Может, куда-нибудь вставлю.

Прошедшие годы изрядно добавили цинизма и ему.

Но знания жизни добавили тоже. Писатель оказался прав. Хозяин рассказал все. Причем — Писатель удивился — речь его изменилась разительно, словно и не платил старый знакомый кучу хорошеньких кругленьких долларов своим педагогам, словно действительно пароход плыл вверх по реке времени, словно рассказывал эту историю парнишка в лохмотьях, сидящий на старом бочонке, покуривающий трубочку из маисового початка и временами лихо сплевывающий сквозь зубы...

* * *

Это случилось в то лето, когда меня убили. Меня и моего папашу. Помнишь, Сэмми, ту историю? Я думаю, что в Сан-Питере о ней толковали долго.

Так вот, в то лето мой старик допился до белой горячки. Вроде бы обычное для него дело, да не совсем. На этот раз вместо розовых тараканов или зеленых утопленников на папашу напустился сам Ангел Смерти. Причем мнится ему, что Ангел — это я. Ну, старик мой за топор и давай отбиваться. Хибарка у нас была — семь футов в ширину, десять в длину, дверь заперта, в окошечко разве что кошка проскочит. Вижу — конец пришел. Ни увернуться, ни убежать — разделает, как баранью тушу. Хорошо, успел я... В общем... Короче говоря, споткнулся старикан о бочонок с солониной — и на пол рухнул. А там как раз мой ножик фирмы «Барлоу» валялся, и...

И осиротел я, Сэмми, в четырнадцать лет. Горько мне стало, муторно. Сижу, думаю: вот папашка мой всю жизнь пил... Все, что под руку подворачивалось, крал, вечно рядом со свиньями на старой кожевне пьяным валялся... А ведь никто мне руку не пожмет, спасибо не скажет за то, что если не

веревку, то уж ведро смолы и старую пери́ну городу точно сэкономил. Нет, сэр! Сразу вспомнят, что был он каким-никаким, а гражданином Соединенных Штатов, и упекут меня в кутузку. Могут, правда, туда и не довести, по дороге повесить — другим строптивым сыновьям для острастки.

И решил я сказать «прощай» штату Миссури. Но так, чтобы меня потом не ловили и не искали. Ну, и обставил дело соответственно — будто кто-то дверь снаружи топором изрубил, нас с папашей прикончил, а мой труп до реки дотащил — и в воду.

Короче говоря, загрузил в лодку все, что в хибаре ценного нашлось, и на Индейский остров. Затаился, день сижу, другой сижу — самого сомнения гложут. Поверили моей выдумке? Нет? Дай, думаю, сплаваю на миссурийский берег. Подкрадусь-подползу к пристани, может, и узнаю чего... Дождался темноты, поплыл. Едва причалил в сторонке — слышу: шум, крики, лай собачий. Факелы мелькают, пальнули пару раз из ружья вроде как... Нет, думаю, не судьба, в другой раз как-нибудь. Стал отчаливать — из кустов человек. И прыг ко мне в лодку! Гляжу — негр! Здоровенный, зараза, пахать на таком можно. Ну вот, думаю, сейчас моя придумка правдой обернется — и поплывет мой труп вниз по матушке-Миссисипи...

Но негр вроде мирный: чуть не на колени хлопается — спаси, мол, масса, не дай безвинно погибнуть. Линчевать его, видишь ли, собрались. Но мне-то что до его проблем? Своих куча. Да только пока я его из лодочки выпихивать буду — тут обоих и повяжут. Ладно, говорю, садись на весла. Как он греб, Сэмми, как он греб! Борта трещат, весла гнутся. Даром что негр, а висеть тоже не хочет. Стрелой отплыли мили две — тут луна из-за туч. Негр лицо мое разглядел — и чуть за борт не сиганул. Да не смог — сомлел, отнялись руки-ноги. Тут и я его признал: Джим же это, его сестра старой вдовы Локхид к нам привезла, когда погостить приехала, да на три года и застряла. Что, говорю, весла-то бросил, греби давай к тому берегу. А он: не тронь меня, не тронь, я мертвецов не трогал никогда, и ты меня не тронь...

Ну, отвесил я ему затрещину, чтоб прочувствовал, какой я мертвец. Помогло. Выяснилось: линчевать Джима собрались не за что-нибудь — за убийство мое и папаша. Он в тот

вечер за дровами поехал, как раз неподалеку от нашей хибарки рубил. Ну, видел его кто-то там, потом вспомнил — и пошла потеха. В Миссури, сам знаешь, даже сейчас негру лучше не мелькать возле места, где белого убили. А уж тогда...

Ладно, думаю, негра от себя отпускать нельзя. Никому он не должен проболтаться, что я еще по этому свету разгуливаю... Тут он меня за рукав: пойдём, дескать, расскажешь, что я не убивал тебя вовсе... Говорю ему в ответ так спокойненько: мол, папашка мой, думаешь, тоже придет — и пятерней на Библию, что не ты его на ножик насадил?

Призадумался черномазый. Да и я в затылке чешу. А лодочку мою помаленьку течением сносит.

В результате всех раздумий получается, что сидим мы с Джимом в одной лодке. И в прямом смысле, и в переносном. Если его линчеватели поймают и он все расскажет — конец моей привольной загробной жизни. А если я попадусь — придется на него убийство папашки навесить, нет другого выхода. Так что лучше нам друг другу помочь унести ноги из тамошних мест.

В общем, поплыли мы в сторону устья Огайо вместе: Джим в свободные штаты податься решил, а мне все равно куда, лишь бы от дома подальше. Ночами плывем, днем отсыпаемся, питаемся чем бог пошлет. Пошлет курицу — едим курицу, пошлет коптильню незапертую у берега — едим окорок, поле с молодым маисом пошлет — и за это богу спасибо. Рыбу еще ловили. Папаша мой, наверное, в гробу ворочался — если, конечно, ему городская казна на гроб расщедрилась. Сам-то он был рвань рванью, но белым цветом кожи крайне гордился. А тут сынок его единственный с негром связался, из одного котелка с ним пьет-ест, в одном шалаше спит, одной циновкой укрывается... Мне и самому дико поначалу казалось. Потом ничего, привык. Да и к Джиму пригляделся получше — все почти как у людей у него. Не совсем, конечно, но очень похоже. Жену он свою вспоминал, дочек, сына — плакал даже. А со мной — я когда понял это, чуть за борт не свалился, — со мной просто подружился. Хуже того, я и сам стал как-то... не знаю, как сказать... в общем, никогда не думал, что я за какого-то негра так тревожиться буду, когда нас у Сен-Луи чуть охотники за беглыми рабами

не прихватили. Не того испугался, что все он обо мне расскажет, ничего бы он не рассказал, — за него самого.

Тем временем бог нас не забывал. Послал весьма удачно лавочку скобяную, плохо запертую. И стали мы с Джимом богачами — по шестнадцать с лишним долларов на брата, не шутка. Купили у плотовщиков за полдоллара звено плота, палатку там капитальную установили, парусиной обтянутую — чтоб не возиться с шалашом на каждом новом месте. Да и вообще, плот не челнок — на том целую ночь плыть тяжело, ни встать, ни пройти, ноги не размять. На плоту же — иное дело. Медленнее, конечно, ну да нам спешить некуда.

В общем, плывем вольготно, как короли или герцоги. Обленились, ночью по берегам не пиратствуем, еду покупаем. Одежду себе новую справили... Тогда-то я на всю жизнь и понял, что главное в этой стране — капитал заиметь...

...В свободные штаты мы не попали. Вместо этого ночью в тумане угодил плот наш под колесо парохода. Они там, как положено, в колокол били, но в тумане, знаешь, звуки странно расходятся — казалось, мимо пароход проскочит... Не проскочил.

Короче, что получилось: плот вдребезги, пароход своей дорогой уплыл, мы на берег выбрались — без ничего и до нитки мокрые. Вокруг тьма, ни огонечка, лишь звезды над головами. Вдруг — копыта «цок-цок-цок»: всадники. Подъехали, окружили, все с оружием... Дверцу фонаря распахнули, в лицо мне светят — на старину Джима никто и внимания не обратил. Все, думаю, конец, догнали нас все-таки... Думал, к миссурийским линчевателям в лапы попал. Но попал я к Монтгомери, канзасским плантаторам. И до сих пор иногда сомневаюсь: может, к линчевателям лучше было бы, может, столкнулся бы с ними как-нибудь...

* * *

Полковник Роджер Монтгомери оказался настоящим джентльменом, Сэмми. Мой старикан говорил, что для джентльмена самое главное — порода, хотя сам папаша был не породистой подзаборной дворняжки. Уже ведь в немалых годах был полковник — но высокий, стройный, как юноша. Всегда чисто выбрит, каждый божий день — свежая рубашка. Гово-

рил негромко и мало, но когда начинал говорить — все замолкали.

Вся семья — такая же. Джентльмены. Полковник овдовел лет десять назад, три сына с ним жили — Питер, Бакстон и Роджер-младший. Старшим — Питу с Баком — лет под тридцать, Род мой ровесник. И дочь у полковника была, Эммелина, восемнадцатый год ей шел. Ну и еще — «сестренки» и «братцы», но про них чуть позже.

Дом у полковника стоял большой, внушительный. Двухэтажный, у входа восемь колонн — деревянные, но гипсом обложены, от камня не отличить. Вместительный, пять таких семей разместить можно, но... Но вот чем-то не понравился мне сразу дом тот. А чем — не пойму. Только смотрю на него, Сэмми, и нехорошо на душе как-то. Муторно. Словно за окно глядишь в ноябрьский день, когда все серое и жить не хочется... Хотя лето в тот год стояло солнечное.

Вот... Комнат в полковничьем доме было чуть не тридцать. Ладно спальня у каждого своя, ладно кабинет у полковника отдельный, ладно гостиная без единой кровати (а в те годы и в городах-то такое редко у кого увидишь) — так там еще и курительная комната оказалась! У меня — тогдашнего — такое просто в голове не укладывалось. Ну и комнаты для гостей, понятно, — в одной из них меня поселили. А Джим где-то при конюшне ночевал, с другими неграми.

Я ведь какую историю полковнику рассказал: дескать, была у моего отца плантация небольшая в Миссури, негры были, там и жил я с семьей, пока не пришла эпидемия оспы. Родные все померли, плантацию банкиры-янки за долги забрали, а я с единственным негром моим оставшимся на плоту в Луизиану плыл, потому что денег даже на билет третьего класса не осталось... В Новом Орлеане у меня, дескать, родня дальняя — примет ли, нет, неизвестно, — но больше податься не к кому. Ну а дальше все по правде — про туман, про парокход.

Тогда думал — ловко это я про банкиров-янки вернул, плантаторы их всех поголовно грабителями с большой дороги считали... Лишь годы спустя понял: едва ли старый Монтомери сказочке моей поверил. Какой уж из меня плантаторский сынок — сразу видно: белая рвань. Но виду полковник не подал. Живу я у него в гостях неделю, вторую, третью —

никто меня гнать не собирается. Кушаю за-столом со всей семьей, словно родственник, негры ихние ко мне уважительно: «масса Джордж». Я на всякий случай полковнику Джорджем Джексонем назвался — вдруг в Миссури все-таки меня в розыск объявили...

А один «братец» — Джоб его звали — надо мной как бы опеку установил. Надо думать, по просьбе полковника. Если я за столом что не так сделаю или еще где, полковник и сыновья вроде как и не заметят, а братец Джоб мне потом наедине тихонечко объясняет: так, мол, и так поступить надо было, мистер Джексон. И ничего, пообтесался я за то лето...

Кто такие «братцы»? Ну как попроще объяснить, Сэмми... Десятка два их там жило, если с «сестрицами» вместе считать, самому младшему лет двадцать пять уже. В общем, это тоже дети полковника оказались — но от мулаток, от квартиронок, грешен был старик в молодости, хотя совсем черными женщинами брезговал. На вид эти братцы-сестренки почти совсем как люди — от орлеанских креолов и не отличишь. Жили, понятно, не с неграми в хижинах, в доме, но в двух общих спальнях. И на плантациях спину не гнули: один слугами черными командовал, второй счетами да бумагами всякими занимался (они же все грамоте были обучены, что ты думаешь), еще несколько за полевыми работами надзирали... Сестренки же просто без дела болтались — продать их у полковника рука не поднималась, а замуж кто возьмет... В общем, ни то, ни се — ни люди, ни негры.

Как утро — полковник с сыновьями на коней и поля свои осматривать или на охоту. А я к этим делам непривычный, в доме остаюсь. Хожу как по музею — все в диковинку. Картины висят, гравюры старинные — хотя я много позже узнал, что это именно гравюры, но все равно красиво. Статуи опять же — целых три, не гипс какой-нибудь, натуральный мрамор. Хожу, смотрю — нигде ничего не заперто, даже спальни хозяйские — но туда-то я не совался. Только вот одна дверь... На первом этаже ее нашел, в неприметном коридорчике у черного хода — я тот закуток не сразу и заметил. Толстенная, дубовая, с коваными накладками — и два замка врезаны, а третий сверху висит. Интересно, интересно... Дом снаружи обошел — дай, думаю, в окно загляну, что там такое... Не вышло — нет окон в том месте. Решил: может, ка-

морка какая, где полковник капиталы свои держит? Этаж шагами измерил — ан нет, не каморка, здоровенная комната получается, чуть не больше гостиной. Монтгомери, понятно, не из бедняков был, но и ему под казну что-то больно просторно выходит...

В общем, загадка. Тайна. Всякие мысли в голову лезут. А тут еще братец Джоб меня грамоте учить затеял — и успешно, я ведь все всегда на лету схватывал. По книжке детской учил — картинки там были, буквы крупные. Хитрую методу придумал — начнет какую сказку читать, до самого интересного места дойдет, я от любопытства разрываюсь, до того узнать хочется, чем дело кончилось. А он: стоп, давай-ка сам дальше — ну, я и пыхчу, слова из букв складываю... Одолели мы таким манером сказку про Синюю Бороду. И в башку мою дурная мысль втемяшилась: а ну как у полковника там комната, как у той Бороды? С мулатками-квартиреркамиarezанными?

Сам понимаю, что глупость, но из головы не выходит.

А как разузнать доподлинно — не знаю. Не спросишь же полковника: что это, мол, вы тут, мистер, от честного народа прячете? Но в закуток тот порой заглядывал вроде как невзначай — вдруг да увижу, как кто входит-выходит. И увиделтаки! Дважды туда Мамочка при мне заходила да выходила один раз.

Кто такая Мамочка?

Это, Сэмми, негритянка была. Я таких, скажу честно, ни до, ни после не видал. Ростом — на голову выше меня теперешнего. Толстенная — не обхватишь. Старая-престарая, лет сто на вид, не меньше, но совсем даже не усохла, как со старухами бывает. И вполне бодро так по дому шныряет.

Ее полковник Монтгомери откуда-то лет пять назад привез. Причем не купил, а... Не знаю, смутная там какая-то история вышла, мне так толком и не объяснили. Но вроде как ее, Мамочку, продать нельзя, если сама к другому хозяину уйти не пожелает. Что — странно? Мне и самому, Сэмми, тогда странным это показалось — чтоб на Юге, да в те годы, да негритянка сама решала, у какого хозяина жить... Но такие слухи ходили.

Вот... А привез полковник Мамочку не просто так. Я уже говорил — дочка у него росла, единственная, Эммелина, по-

просту если — Эмми. Красивая девчонка — тоненькая, бледная, хрупкая, на «сестриц» пышнотелых вовсе непохожая. И с самого детства талант имела. Стихи писала, картинки всякие рисовала — и карандашом, и маслом, и водяными красками... Видел я те картинки и стихи в альбоме читал — благо крупными буквами, как печатными, написаны оказались. Хорошие стихи и рисунки тоже, но... Мрачные какие-то. Все про смерть да про разлуку. Но талант от бога был, это точно.

Только недаром говорят: кому бог много дает — в смысле души, не денег, — того к себе и прибрать норовит поскорее. В тринадцать лет заболела Эмми — на глазах чахнет, слабеет, врачи руками разводят, ничего понять не могут. Старик Монтгомери денег не жалел — из Мемфиса докторов привозил, из Сен-Луи. Один даже из Орлеана профессор приехал. Да все без толку. Осмотрел Эммелину профессор, руки вымыл, говорит: мужайтесь, полковник, но жить дочке вашей не больше месяца.

Тогда-то в доме Монтгомери и появилась Мамочка. Поскольку среди негров слухи ходили — знахарка она, силу великую имеет, хоть мертвого на ноги поставит. Слухи и есть слухи, тем более между черными. Кто же к белому больному негритянку-то подпустит? Но полковнику тогда уже не до приличий было.

И что ты думаешь, Сэмми? Вылечила Эмми старуха. Каким способом — никто не знал и, кроме полковника, не видел. А тот никому не рассказывал. Стала дочка здоровее прежнего, однако рисовать и стихи писать перестала. Напрочь. Словно жилка художественная в мозгу от болезни лопнула... Но полковник и без того рад был безмерно.

Мамочка же так в доме у него и осталась. При Эммелине. Вроде как прислуга личная, только никакая не прислуга, хотя много времени рядом с Эмми проводила. Знаешь, сейчас я ее бы назвал наблюдающим врачом. А тогда... Врач-негритянка? Смешно...

А теперь, значит, выясняется, что и в тайную комнату полковника старуха допущена. Меня пуще прежнего любопытство разбирает. Решил у негров что-нибудь вызнать — через Джима, понятно. Его, лентяя этакого, в поле работать не гоняли, он ведь моим негром считался... Иногда, если я ку-

да прокатиться-прогуляться на бричке соберусь — он на козлы, а так в основном бездельничает. Питается от пуза, раздобрел, животик уже наметился... Ну ладно, провел я через него разведку. Выяснилось: ничегошеньки про то, что внутри тайной комнаты, негры не знают. С приездом Мамочки окна там кирпичом заложили, в дверь замки врезали, — и никому туда хода нет. Саму же Мамочку, между прочим, негры до смерти боятся. Полковник, дескать, ни одного негра не продаст и не купит, с ней раньше не посоветовавшись. А продавать-покупать в последние годы стал отчего-то постоянно, зачастили к полковнику работоторговцы. Причем как-то странно все происходит: сегодня партию рабов полковник продаст, завтра — примерно такую же купит, словно не хочет, чтобы черные у него на плантациях долго задерживались. Дворовых слуг, с которыми Джим общался, это не касалось, хотя и они порой под горячую руку попадали — и отправлялись на продажу. Но этих-то хоть за дело, за провинности какие-нибудь...

В общем, тайна осталась тайной.

И лишь в конце лета я ее разгадал. Вернее, показалось мне, что разгадал.

А тогда, в июле, на время загадка той комнаты у меня из головы вылетела. Потому что со мной другое происшествие случилось.

* * *

Месяц я где-то у Монтгомери прожил, может, чуть больше. И вот как-то утром, перед тем как в поля отправиться, приглашает меня полковник, негромко и вежливо: не угодно ли вам, мистер Джексон, проследовать в мой кабинет для серьезного разговора.

Я не против, в кабинет так в кабинет. Хотя у самого мыслишка — скажет сейчас мне полковник: загостился, мол, парень, пора и честь знать. Одна надежда — может, денег на пароход до Луизианы предложит.

Ладно, прошли в кабинет, полковник за стол свой усаживается, на столе бумаги какие-то. Мне сесть предлагает и начинается разговор свой серьезный.

Для начала документ мне протягивает — возьмите, мол,

мистер Джексон, ознакомьтесь. Я ознакомился — но не все понял, а лишь где буквы печатные были.

Полковник объясняет, что мне негра моего, Джима, без документов везти в Луизиану никак невозможно, и продать нельзя — отберут попросту. А это, значит, купчая: дескать, купил я его у полковника вполне законно, и все приметы Джима там изложены.

Так-так, думаю, угадал: пришла пора прощаться. Слушаю, что дальше Монтгомери скажет. А он спрашивает этак по-простому: чем вы в жизни заняться собираетесь, мистер Джексон? Как равного спрашивает, как взрослого. А мне всего-то пятнадцатый год идет, хоть ростом и удался, на пару лет старше выгляжу, но сам — пацан пацаном.

Призадумался я: чем, действительно, в жизни заняться? Ну и вспомнил, как папашка мой однажды торговца хлопком ограбил и не попался — и полгода себе ни в чем не отказывал. Жил в Сен-Луи в лучшей гостинице — за три доллара в день, не шутка! Сигары курил дорожные и хлестал вина, аж из Европы привезенные. Да еще устриц на закуску требовал — правда, без толку, никто таких зверей в Сен-Луи и в глаза не видел. Потом-то старик все спустил, конечно, но случай мне запомнился.

В общем, я солидно так отвечаю, что хочу заняться хлопковым бизнесом.

Прекрасно, говорит полковник, тогда я напишу письмо моим старым друзьям в Новый Орлеан, в торговый дом «Монлезье-Руж» — чтобы, значит, они вас, мистер Джексон, приняли и к делу этому пристроили.

И что ты думаешь, Сэмми, — взял перо и тут же написал. Мне отдал, потом еще одну бумажку заполнил. Тоже мне протягивает.

Вот, говорит, мой вексель к Монлезье, на тысячу долларов, — чтобы вы, мистер Джексон, не просто наемным работником стали, но младшим партнером. А четверть прибыли, что на эти деньги причитаться будет, мне пойдет, пока весь долг не покроете.

Ну, тут я обобдел просто. В те времена тысяча долларов ого-го какими деньгами была, а уж для меня...

Так и это не все. Вручает мне полковник восемьдесят долларов наличными — на проезд в Орлеан и на прочие рас-

ходы. Ну дела... Уж не ждал, что Монтгомери так по-царски меня выпроводит. Благодарю его, откланиваться собираюсь. Ан нет, разговор не закончен еще.

Теперь, говорит, когда я помог вам из стесненного положения выпутаться и свобода выбора у вас, мистер Джексон, появилась, делаю вам от чистой души предложение: оставайтесь жить с нами. Вы нам, дескать, понравились, да и вам здесь вроде неплохо — будете, значит, как член семьи нашей. Ну а не хотите — так вольному воля, пожелаю вам удачи во всех начинаниях.

Удивил, ничего не скажешь. Озадачил.

По уму, ясное дело, хватать надо было деньги и документы да бежать, пока полковник не передумал. Когда еще такая удача подвалит?

А я бумаги взял — но остался. Почему, спрашиваешь?

Все очень просто. Я к тому времени влюбился в Эммелину Монтгомери. Запал. Втюрился. Втрескался. По самые по уши втрескался.

* * *

История, конечно, глупейшая, как в дешевом романе. Боясь, голодранец — и положил глаз на дочку богатого плантатора.

Но что делать? Сердцу-то не прикажешь... Сердце, как Эммелину увижу, норовит из груди выпрыгнуть и ускакать куда-то, будто лягушка какая. На пятнадцатом году жизни только так и бывает.

Она, Эмми, не каждый раз к обеду или ужину спускалась. Да и когда спускалась — поклюет чуть-чуть, точно птичка, непонятно даже, как прожить можно на таком питании. Но у меня вообще кусок в горло не лезет. Сижу дураком, чувствую лишь, что уши огнем польхают. Ночью порой до утра ворочаюсь, представляю: как подойду к ней, что скажу... Но днем увижу — и стою одеревеневший, двух слов связать не могу. А если услышу, как на втором этаже она на клавикордах заиграет (к музыке способность у Эмми осталась), что-нибудь грустное такое, так просто места себе не нахожу. Выбегу из дому подальше, лицом в траву упаду, а мелодия все равно где-то там в голове звучит — и не пони-

маю я: не то мне петь под нее хочется, не то к реке пойти и утопиться. Дела...

Не поверишь, Сэмми, даже стихи писать пробовал — хотя только-только карандаш в руке держать выучился. Ничего не получилось, понятно.

Полковник Монтгомери, как я думаю, все заметил и все понял. Он, по-моему, вообще все замечал. И понимал... Потому что в тот же день, как мы с ним в кабинете побеседовали и я остаться согласился, ко мне в комнату, уже затемно, пришла...

Хотя нет, сначала про другое рассказать надо.

Полковник, со мной поговорив, плантации объезжать отправился. С сыновьями, как обычно. А ко мне в комнату братец Джоб заходит — ну, тот, что и грамоте меня учил, и другому...

Тоже разговор задушевный начинает — такое уж утро, богатое разговорами, получилось. Вам, спрашивает, мистер Джексон, наверное, полковник предложил здесь насовсем поселиться? Не иначе как у дверей подслушивал, морда квартеронская. Я молчу, даже не киваю. Он тогда мне так тихонько, чуть не шепотом: прежде чем вы решение примете, хочу вам кое-что поведать о жизни здешней. Если, конечно, весь разговор наш в тайне останется.

А я всегда страсть какой любопытный был. Помереть мне, говорю, на месте, если проболтаюсь кому.

Ну и начал он рассказывать.

Раз уж, говорит, вас полковник усыновить решил, не мешает вам узнать об одной семейной традиции.

Я перебиваю: как усыновить? С какой такой радости? У него и своих сыновей-наследников хватает.

И тут выясняется, что родной сын у Монтгомери один — Роджер-младший. А Питер и Бакстон — приемные. Хотя родила в свое время покойная миссис Монтгомери ни много ни мало — девятых сыновей, а десятую дочку, Эммелину. И шесть мальчиков от детских болезней не умерли, выросли, возмужали...

Где ж они все? — спрашиваю. Оспа, что ли, случилась?

Да нет, говорит, поубивали всех...

Оказалось, что Монтгомери и еще несколько семейств, с ними в родстве состоящих, издавна враждуют с Шепперву-

дами, — тоже кланом богатым и не маленьким. Кровная месть. Вендетта. Лет уж сорок тянется, а то и больше. Из-за чего началось, разве что старики помнят, но стреляют друг в друга Монтгомери и Шеппервуды регулярно. Каждый год кого-нибудь и у тех, и у других хоронят. В смысле убитых, не своей смертью померших...

Вот оно что, думаю. Я краем уха слышал что-то про вражду с Шеппервудами, но и знать не знал, что тут война натуральная. То-то я удивлялся: чего это полковник и сыновья по-ля свои осматривать ездят, по ружью да по паре пистолетов на каждого прихватив, — словно там за каждым кустом команчи засели...

Как же, спрашиваю, эти господа еще не закончились все? За сорок лет-то?

Объясняет братец Джоб: палят они друг в друга не абы как, а только по правилам. Нельзя, например, застрелить противника в его доме, или в церкви, или на кладбище, или когда он с женой своей или ребенком. А если праздники какие, или война с индейцами, или наводнение — то перемирие наступает. И, опять же, стараются Монтгомери с Шеппервудами делать так, чтобы случайно — в лесу или на реке — пореже сталкиваться. Потому как тогда — хочешь не хочешь — стрелять надо. Родовая честь обязывает.

Ну и, само собой, вендетта — занятие для джентльменов. Неграм и «братцам» вмешиваться не положено.

Рассказал мне все это братец Джоб — и ушел.

А я сижу, думаю: ну спасибо, господин полковник, за честь великую. Это что же, и мне в Шеппервудов стрелять придется? Дудки, нечего мне делить с ними. Понимаю: надо брать Джима да бумаги, полковником написанные, и дай бог ноги. Ну вас к черту с вендеттами вашими и с дверьми секретными запертыми... Уж как-нибудь сам по себе проживу. И, знаешь, Сэмми, даже собираться начал. Пожитки, что у Монтгомери нажил, в тючок стал укладывать.

Но тут наверху Эммелина на клавикордах заиграла.

И я остался.

* * *

Я уже говорил: полковник, старая лиса, наверняка понял, что я на Эммелину неровно задышал. И — принял меры. Хотя, может, все случайно совпало...

А произошло вот что.

Тем вечером гроза случилась, в июле не редкость. Я спать лег, — а за окном грохочет, сверкает... Вдруг — между ударами грома — «тук-тук-тук» в дверь тихонько. Сестричка Молли на пороге — со свечой, в одной ночной рубашке. Было ей лет двадцать семь или двадцать восемь — полногрудая такая смугляночка, кровь с молоком. Я удивиться еще не успел, как она мне говорит: страшно, мол, грозы боюсь до смерти... Задула свечку — и юрк под мое одеяло.

Ну и...

В общем, стал я мужчиной — под гром и молнию. Молли в этом деле большой искусницей оказалась — когда ушла и уснуть мне наконец довелось, спал крепко, без всяких тебе до утра ворочаний. На другую ночь грозы не было — но сестричка снова ко мне... Не скажу, что мне все это не понравилось, наоборот... Но мысль об Эммелине все равно в голове гвоздем сидела — даже когда Молли самые свои заветные умения показывала.

И началась у меня жизнь странная. Раздвоенная.

Ночью с сестричкой кувыркаюсь, а днем по Эммелине все так же сохну — но, правда, чуть уже поспокойнее. Аппетит вернулся, и стихов писать больше не пробую.

Порой мысль в голову приходит: нельзя так, надо что-то решить, определиться как-то... Но ничего не делаю, живу как живется.

А потом все рухнуло.

В одночасье.

* * *

В августе все случилось, в конце месяца где-то — как сейчас помню, жара не кончилась, но клены у дома полковничьего уже желтеть начали. Хотя тополя еще зеленые стояли...

В воскресенье мы все в церковь отправились — и семья полковника, и другие его родственники. И Эммелина. Ну, и я с ними. Шеппервуды тоже были — сидят на левых скамьях, Монтгомери на правых. Посматривают друг на друга недружелюбно — но все тихо, пристойно. Там, слева, и Ларри Шеппервуд сидел, красивый такой молодой человек лет двадцати

пяти. Но я его и не заметил, во все глаза на Эммелину глядел. И думал... В общем, не очень подходящие для церкви мысли думал. После близкого знакомства с Молли у меня вообще мысли не особо возвышенные часто в голове бродили. У нас, кстати, с сестричкой отношения странные были — за все время и полусотней слов не обменялись; днем она со мной держалась так, словно и незнакома вовсе, ну а ночью я старался языку воли не давать — чтобы не назвать ее «Эмми» случайно. Потому как — что уж скрывать — всегда Эммелину представлял на ее месте.

Служба закончилась, все по домам разъехались, и мы тоже. Отобедали — и старик с домочадцами вздремнуть прилегли, был у них такой обычай. Я в своей комнате сижу, чем заняться, не знаю.

Вдруг в дверь кто-то тихонечко поскребся. Словно ногтем царапнул.

Открываю, и — гроб моей мамочки! — Эммелина. Первый раз ко мне заглянула. До того все мои вздохи-страдания она и не замечала вроде бы — и держалась со мной, прямо скажем, как с мальчишкой. Как с младшим братом примерно.

Я стою, язык проглотил, то в жар бросает, то в холод. Но мыслишка где-то шевелится: а ну как она навроде Молли пришла... Ну как днем в жару одна спать боится?

Эммелина вошла и меня спрашивает: а как я, собственно, к ней отношусь? Вот так вопрос... Ну, я что-то пробормотал-выдавил: дескать, лучше всех к ней отношусь, ни к кому, мол, так не относился и относиться в жизни не буду... Глупо, наверное, все звучало.

Тогда она ко мне шагнула и говорит, что забыла в церкви свой молитвенник, на скамье оставила. И не мог бы я за ним сходить и принести, да не рассказывать никому про это...

А я, честно говоря, стою такой ошалевший, что ее слова до меня с трудом доходят. Молчу — ни да, ни нет. Хотя по ее просьбе не то что милю до церкви — во Флориду и обратно готов был сбежать.

Она еще ближе ко мне придвинулась. Руку на плечо положила. И говорит спокойно так: хочешь, поцелую тебя за это?

Хочу ли, ха... Только вот сказала она это опять же как

братишке младшему — словно в лобик. на ночь его поцеловать собралась.

Но я, спасибо сестричке Молли, уже не мальчик был. Притянул Эмми к себе да и поцеловал в губы — по-настоящему, долго, пока дыхания хватило, да со всеми сестричкими поцелуйными штучками...

И странное дело, Сэмми, она вроде мне как и отвечает, но...

Показалось мне отчего-то, что губы у нее холодные, неживые какие-то — словно я сдуру статую в полковничьей гостиной поцеловать решил. Причем именно *показалось* — так-то чувствую, что нормальные губы, теплые...

Все это я потом понял — когда вспоминал тот момент раз этак, наверное, с тысячу. А тогда все внутри играло и пело — ну как же, сбылись мечты! И — снова Молли спасибо — вся робость делась куда-то, и я в ход уже не только губы, но и руки пустил...

Однако сломалось между нами что-то. Она мне и не мешает вроде, но опять же — кажется, что взялся за мраморные сиськи у статуи. Хотя вроде грудь нормальная, упругая... Я попробовал еще немного ее хоть как-то расшевелить — ни в какую. Руки у меня и опустились... Стою дурак дураком.

А она говорит тихонько: не надо. Сейчас — не надо. Выполни просьбу мою — и, если захочешь, приду к тебе завтра, отец на два дня по делам уезжает...

Ух, я обрадовался. Значит, не безразличен я ей все-таки. Значит, лишь отца опасается — и за меня небось опасается: прихватит полковник за таким делом с дочкой — мало не покажется...

В церковь пулей домчался. Гляжу — есть молитвенник, лежит на скамейке. Подхватил, обратно тороплюсь — и тут какой-то листок из книги выпадает, к полу кружится. И что-то на нем написано. Поднял, а прочесть не могу — только печатным буквам научился...

Вернулся, и к ней в комнату сразу — впервые за все время, кстати. Она у дверей встречает, сразу молитвенник берет и на листок тот смотрит. Я возьми да спроси: что за бумажка, мол, а то чуть не выпала, не затерялась... Просто закладка, отвечает Эмми, да псалмы на ней кое-какие отмечены, чтобы не искать долго.

Отложила и книгу, и листок, снова меня поцеловала — и к двери легонько толкает, шепчет: завтра.

Я по лестнице спускаюсь, сам от счастья не свой. А на встречу — Мамочка. Вперила буркалы свои в меня, говорит: пойдём, молодой масса, погадаю тебе.

С чего бы? Никогда ни с чем ко мне не обращалась. Может, засекала нас с Эммелиной сегодня? Ну, пошел я с ней.

Завела в каморку свою — жила Мамочка тоже в доме. На стенах какие-то растения сухие развешаны, на полках бутылки с чем-то мутным. На столике штучки разные — деревяшки странного вида, два барабанчика маленьких, погремушки из тыкв высушенных... А еще — череп. Не человеческий, здоровенный такой, вытянутый — вроде как конский, а пригляделся — и не конский вовсе.

Стала мне Мамочка гадать. Странно гадать — без карт, без бобов, без шара волосяного. Подожгла от свечи две палочки — не горят, но дымят, тлеют. На меня уставилась — глаза в глаза. И молчит. Я тоже молчу, только слышно, как палочки дымящие потрескивают.

А потом что-то непонятное получилось. Что-то со стенами ее каморки твориться начало — то надвинутся они на меня, то обратно разъедутся. Я это только краем глаза видел — от Мамочки взгляд не оторвать было. Глазищи у нее огромные стали — словно площадки с дегтем.

Потом заговорила — странным голосом, чуть не басом. Суждено тебе, говорит, быть богатым и счастливым, ни в чем себе не отказывать, прожить до глубокой старости, детей иметь и внуков и умереть в почете и уважении. Но для этого придется тебе любимую убить и друга предать, иначе не сбудется ничего. А теперь, говорит, уходи.

И — отпустило меня. Стены нормальные стоят, глаза у Мамочки тоже обычные стали. Хотел что-то я спросить у нее, да она как рывкнет: УХОДИ!!! Аж пучки травяные со стен посыпались.

Меня из каморки будто ветром выдуло, чуть в штаны не напустил.

Пошел к себе, стал думать: что же мне старая ведьма напроорочила? Гадания-то разные бывают. Одни тютелька в тютельку сбудутся, а другие цента ломаного не стоят — плюнуть да растереть.

Понял: все наврала Мамочка. Потому как я уже богатый — вексель полковника никуда не делся, в комнате у меня припрятан, и — братец Джоб мне объяснил — бессрочная бумажка эта, хоть сейчас пользуйся, хоть через пять лет. И счастлив я уже — а завтра еще счастливее стану. Если, конечно, полковник поездку не отменит. Так что все сбылось — и не надо мне Монтгомери (а какие у меня еще друзья тут?) предавать и Эмми убивать не надо. Даже Молли — незачем.

Светло на душе стало, радостно. До завтрашнего дня часы считаю — и кажется мне, что ждать целую вечность. Подумал: может, сестричке сказать, чтоб не приходила? Усну — глядишь, и ночь пролетит незаметно. Но не сказал, запомнил.

А тем вечером и тайна запертой комнаты раскрылась. Я тогда подумал — раскрылась. Только совершенно тому не обрадовался — голова другим занята была.

Дело в том, что к полковнику опять работорговец приехал, уже затемно. Негров пригнал, десятка полтора — за его фургоном топали, цепями звенели. Ну, их принимают, расковылают, суета на заднем дворе, факелы горят... Я как раз по улице бродил после ужина — совсем не сиделось на месте что-то, сам не свой стал. Вижу: от фургона торговца, на отшибе стоящего, две фигуры в темноте к дому идут. И — с черного хода внутрь. Скрытно прошли, незаметно. Мамочку я сразу узнал — эту глыбу ни с кем не спутаешь. А рядом вроде как другая женщина, в покрывало закутана... Не Эмми и не из сестричек — те вальяжно выступают, по-хозяйски, а эта робко семенит, неуверенно... Любопытно мне стало. Вошел тихонько следом — дверью не хлопнул, ступенькой не скрипнул. В доме темно, но я слышу — ключи в замках громяют. Как раз там, у потайной комнаты.

Э-э-э, смеаю, вот в чем дело... Все понятно. Ларчик-то просто открывался, стоило ли голову ломать...

Бак и Пит, думаю, мужчины в самом соку — но пока неженатые. И пошли по стопам папашиним — по мулаточкам-квартироночкам. А Мамочка при них сводней. То-то работорговцы сюда зачастили. Надоест ребятам очередная красота — продают, а в клетку без окон новую пташку сажают. И не мне их судить, в своем праве люди.

Скучно как-то загадка решилась...

И пошел я спать. Сначала, понятно, с Молли поигравшись.

* * *

А утром грянуло.

Проснулся — за окнами едва брезжит. Слышу — шум, на улице голоса громкие, ржание конское... Что такое? Потом как стукнуло: не иначе вендетта проклятушая. Ох, не вовремя. Оделся быстренько, и — на всякий случай — бумаги полковничьи в кожаный мешочек и на грудь. Вдруг Шеппервуды нагрянут, смываться быстро придется... Мало ли что у них врагов в их домах убивать не положено. Любое правило нарушить можно. Я бы лично так и сделал. Перестрелял бы всех ночью, в постелях, да и покончил бы навсегда с этой кровной глупостью.

Выхожу из комнаты тихонько. Навстречу — Молли, одетая уже. Хотела шмыгнуть мимо — я ее за ворот. Что, мол, за переполох? А она мне: мисс Эммелина сбежала! С молодым Ларри Шеппервудом! Любовь у них, не иначе. Сейчас все Монтгомери в погоню поскачут...

Ну, дела... Но я-то вроде как не Монтгомери? Мне-то скакать вроде как не обязательно?

И тут — сам полковник. К комнате моей шагает размашисто. Молли тут же испарилась, была — и нету. А полковник мне говорит: ну что, мистер Джексон, пора решать. Вы под моим кровом спали, хлеб мой ели, а теперь вот беда пришла, надо за ружья браться. С нами вы или нет? Невольно не буду, откажетесь — негры вас отвезут на пристань, парохода дождетесь — и будьте счастливы.

Ну что тут ответить? По уму надо бы распрощаться — да и к пристани. Только чувствую: если так сделаю, всю жизнь буду ходить как дерьмом облитый. Сам к себе принохиваясь. Сам от себя нос морща. И не потому, что полковник меня последней дрянью считать будет, нет. А потому, что вовек себе не прощу, как эта вертихвостка меня обманула. Как своими руками я ее побегу помог — дураку ведь ясно, что за псалмы на том листке были...

Да и еще одна мыслишка копошится. Если не врал братец Джоб и действительно меня Монтгомери в семью свою принять хочет, так можно же и не сыном. Можно и зятем. Если именно мне посчастливится первым их догнать да Ларри-подлеца подстрелить, то...

В общем, размечтался я сдуру. Даже за эти секунды поду-

★ мать успел, что супружницу в большой строгости держать буду — примерно как папашка мой мамашу-покойницу. Он, бывало, сантиментов не разводил — лупцевал до потери сознания тем, что под руку подвернется. Старой закалки был человек.

Всего этого, понятно, не сказал я полковнику. Я с вами, говорю. И ничего больше.

Отправились в погоню ввосемьмером — полковник, сыновей трое, да еще трое родственников. Ну и я с ними. Как и все, с ружьем.

* * *

А как из ворот выезжали — только тут я понял, что шутки кончились. Потому что висел на воротах братец Джоб собственной персоной — голова набок, язык наружу, сам страшный, аж кони шарахаются.

За что его? — у Рода спрашиваю. А он зубы скалит: за шею, парень, за шею! Не узнать старину Рода — нормальный был мальчишка, а тут стал весь дерганный, лицо кривит, в глазах черти пляшут. Но объяснил: через Джоба, мол, любовь вся у них и закрутилась. Зол был тот, дескать, на полковника — и нагадил, как сумел.

Думаю: и чего же человеку не хватало? Ну, пусть не человеку, пусть квартиру, но все равно? Даже часы имел на цепочке... Но разговор тот я замял — у самого рыльце в пушку. Не хотел на ворота, к братцу в компанию. Да и поскакали мы так, что не до разговоров стало.

До пристани, где пароходы причаливали и куда парочка могла направиться, — миль восемь примерно. Можно успеть перехватить было. Да и дождись еще парохода, расписание лишь на бумаге исполнялось — пять-шесть часов никто и за опоздание не считал.

Ладно, скачем мы по дороге, потом скачем по лесной просеке — изгиб реки срезаем. А из меня наездник-то аховый, таким галопом в жизни мчаться не приходилось, — задницу отбил быстро и капитально. Но креплюсь — спасибо папаше-покойнику, эта часть тела у меня закаленная...

К берегу вылетаем — видим: негры, штук тридцать, лес

корчуют. Шалаши стоят — ночевали здесь же. Мы к ним: проезжал, мол, кто?

Надсмотрщик-мулат объясняет: было дело, проскакали трое в сторону пристани — двое мужчин и женщина. Быстро скакали, словно черти за ними гнались. Еще кто был? Ну и еще одна парочка, на двуколке катила в другую сторону, к Зеленой косе вроде, — но те медленно, спокойно, не торопясь. Когда те трое проезжали? А откуда он знает, часов не имеет, недавно вроде...

Понеслись мы к пристани. Мили две еще проскакали — глядь, лошадь дохлая валяется. Нога сломана, голова прострелена... Ага, втроем на двух лошадях быстро не поедешь... Мы еще наддали.

Тут я вижу — лошади у других от этой скачки сдавать начали. А моя кобыла этак бодро топает, вперед вырвалась. И — Роджер-младший рядом. У Монтгомери мужчины все как на подбор крупные, мы их раза в полтора меньше весили...

Никак, думаю, и вправду суждено отличиться. Про опасность позабыл, азартное дело — погоня!

И тут — показались конные впереди! Мужчина и женщина на одной лошади — и еще один всадник. Платье Эммины я узнал сразу, сто раз его видел. Оглянулись они, нас увидели, поняли — не уйти. Конь двоих еле тащит.

Так они что придумали: женщину на круп второго коня пересадили, тот посвежее был. Видать, на нем сам Ларри Шеппервуд ехал — потому что с Эмми дальше поскакал. А второй мужчина развернулся — и нам навстречу. Скачет, в руке ружье — и в нас с Родом целит. Прижался я к гриве конской, только подумать успел: эх, зря мне такая резвая лошадка досталась...

Бах! — что-то над нами свистнуло. А всадник тут же свернул — и в лес, между деревьев запетлял. Думал, видно, за ним кинутся. Да просчитался — Род лишь пальнул на ходу в его сторону, вроде коня зацепил, не разглядел я толком...

Догоняем мы парочку, догоняем! Сердце о ребра бьется, ору что-то громкое и самому непонятное. И — обхожу Рода! На полкорпуса, на корпус, на два...

На берегу, среди деревьев, хибарка какая-то, хижина бревенчатая. Те двое с коня соскочили — и за нее. Тут я под-

скакал, сзади Род нагоняет, еще дальше — остальные наши растянулись. Я с коня спрыгнул, на ружье курок взвел, за угол хижины заворачиваю... И едва не обделался.

Потому что вижу — прямо в лицо мне ружейное дуло смотрит. Широоченное со страху показалось, как пушка. А держит ружье моя Эмми.

Только через секунду понял — не она вовсе, парень какой-то в ее платье шагах в десяти стоит. Молодой, едва усики пробиваются. Не знаю, отчего он с выстрелом промедлил. Может, удивился, что совсем пацан против него оказался. А я про свое ружье вообще не вспомнил, будто и нет его.

Парень первым опомнился — и в голову мне выстрелил. Осечка! Ах так, ну погоди... Пальнул я тоже. Стрелок из меня примерно как наездник. И ружье мне картечью зарядили — убить труднее, но попасть легче.

Грохнуло ружье, по плечу врезало. Дымом вонючим все затянуло, но ненадолго. Вижу — попал. Зацепила картечь парня, правда самым краем. К стволу древесному откинула, а на платье белом, справа, пятнышки красные набухают — два пятна на груди и на рукаве тоже... Я стою — и что делать, не знаю...

Но это я рассказываю долго. А на самом деле все быстро вышло. Еще дым не рассеялся — из-за угла Род. Ружье вскинул — а оно не стреляет. Забыл перезарядить впопыхах. Так он к парню подскочил — и прикладом. По голове. Раскололась, как спелый арбуз. Звук, по-моему, за милю был слышен...

Тогда и остальные подскакали, спешились. Я полковнику на парня в женском платье показываю. Хотел спросить: где же Эмми-то настоящая? Да не успел.

Нас тут как раз убивать начали.

* * *

Обманули нас Шеппервуды. Провели.

Пустили погоню по ложному следу и засаду устроили. А как наши в кучу собрались — со всех сторон стрелять по нам стали.

Но не такие люди были Монтгомери, чтоб дать перебить себя как кроликов. У полковника ружье двухствольное:

бах! — в одну сторону, бах! — в другую. Попал — застонал в кустах кто-то. Ну и остальные наши пальбу открыли — кто от первого залпа уцелел.

А я так даже и не понял, зацепили меня или нет. В ушах грохот стоит, ноги подкашиваются. Рухнул на землю на всякий случай, прижался. Кто-то на меня сверху навалился, лежит, не шевелится. Надо мной — выстрелы, выстрелы, выстрелы. Ружейные, пистолетные... Потом стихли вроде. Слышу: хрип, ругань, дерется кто-то с кем-то. Потом и это стихло. Полежал еще — и встаю осторожно. На мне, оказывается, Роджер-младший лежал. Мертвый. Костюм весь мне кровью залил, новый, полковником подаренный...

Гляжу — вокруг одни трупы, никого живых. Да неужто, думаю, они все тут друг друга до единого истребили? Но нет, слышу: топот конский, удирает кто-то. Потом полковника увидел. Весь в крови, лицо от пороха черное. Хрипит мне: одни, мол, мы уцелели... Ты ранен, сынок? А я ему так небрежно: пустяк, дескать, царапина. Но сам чувствую — ничего мне не сделалось, цел, слава богу.

Он говорит: тогда поспешим. И в кусты меня ведет — там кони Шеппервудов привязаны, свежие, наши-то уже никуда не годились.

Полковник в седло, и я в седло. Хотя сам думаю — ему сейчас разве что к врачу поспешать, едва на коне держится.

Однако держится. И поскакали мы обратно — по берегу, мимо негров-корчевщиков — к Зеленой косе. Моя задница уж и болеть перестала — будто нет ее, будто конец хребта о седло бьется — и боль от него по всему телу разбегается.

Примчались мы на косу. И опоздали. Видим — двуколка пустая. Да лодка на реке — двое негров-гребцов и мужчина с женщиной. Далеко, лиц не разобрать, но знаем — она, Эммелина. Больше некому. Тут и пароход из-за косы — чух-чух-чух. Мужчина ему тряпкой какой-то машет — знать, заранее уговор с капитаном был.

Полковник сгоряча двухстволку свою вскинул, да опустил без выстрела — не достать уже.

Застыл на берегу, как памятник, смотрит, как трап опускают и парочка на борт поднимается. И я смотрю — а что еще тут сделаешь? Даже название парохода запомнил: «Ан-

риетта». Не иначе как с низовьев был, там любят своим корытам такие имена давать...

Ну и поплыл себе пароход дальше. Думаю: все, конец истории. Но, как оказалось, ошибся. Я тебе больше, Сэмми, скажу: самое странное и страшное после случилось. Такое, чему и поверить трудно. Я порой сам сомневаюсь: может, и не было ничего? Может, меня пуля у той хижины по черепушке чиркнула — и привиделось в бреду все?..

Сам себя уговариваю — а память, проклятая, мне твердит: было, было, было...

Жила бы, Сэмми, у меня собака, назойливая, как память, — я бы ее отравил.

* * *

Честно сказать, я не понимал, зачем полковник к усадьбе своей торопится. Дочь сбежала — ничего теперь не поделаешь. Но сыновья-то на берегу валяются, убитые, прибраться бы надо. Негоже парням из рода Монтгомери ворон кормить. Я, Сэмми, к тому моменту себя уже вполне членом семьи считал. И на усыновление был согласный. Другие-то нас следнички — тю-тю...

Ладно, полковник скачет, я рядом. Железный он, что ли? — думаю. Кровь из ран сочит и сочит, другой бы свалился давно, а этот лишь побледнел как смерть — и все.

Проскакали мы в ворота — братец Джоб там так и болтается. Только кто-то штаны с покойника стащил, хорошие штаны были, выходные, почти новые. Вороватые тут негры, думаю. Ну да ничего, наведу еще порядок. А вендетту замну как-нибудь — дурное это занятие, если честно.

Полковник с седла спрыгнул — и в дом. Я, чуть поотстав, за ним. И слышу: впереди перебранка. Орет на полковника кто-то — голос неприятный, словно ворона каркает. Подхожу поближе — Мамочка! Дорогу хозяину загородила, не пускает. А полковник, между прочим, прямо в тот коридорчик рвется, где дверь секретная. Интересные дела, думаю...

Ну, он старуху отталкивает. А такую тушу сдвинь попробуй. Но полковник попробовал — и отлетела она, как кегля сбитая. Вскочила кошкой — не ждал я такой прыти от старой рухляди. Из одежек своих разноцветных нож выдернула.

Во-о-от такенный — туши свиные хорошо разделявать. Но и человека порубить можно так, что любо-дорого. И с тесачищем этим — на полковника.

У него двустволка за спиной висела. Я и не думал, что так быстро с ней управиться можно — одним движением полковник ружье вперед перебросил, курки взвел, приложился — бах! бах!

Стрелок он был не мне чета. Оба выстрела — ровнехонько в голову. Только пули, похоже, у полковника еще на берегу закончились. Картечью зарядил или дробью крупной. А она, если почти в упор стрелять, плотной кучей летит, страшное дело. Короче, была у Мамочки голова — и не стало. Разлетелась мелкими ошметками.

А туша — стоит и тесак сжимает! Ну, дела...

Полковник мимо нее — и уже ключами в замках гремит. Я чуть задержался — на Мамочку смотрю, и жутко мне, и любопытно. Она все стоит. Головы нет, вместо шеи лохмотья красные — но стоит! И, странное дело, вроде бы кровь должна хлестать из жил разорванных — а не хлещет!

Не по себе мне стало. Толкнул Мамочку в брюхо толстое стволом ружейным. Осела она — словно человек живой, смертельно уставший. А я — за полковником, он уже в комнату секретную входит.

А там...

А того, что там, лучше бы, Сэмми, никому и никогда не видеть. Идолы какие-то стоят кружком, из дерева черного. Человеку по пояс будут. Скалятся мерзко. Губы чем-то измазаны, на черном не понять чем, но подумалось мне, что совсем не кленовой патокой... А на стенах... На стенах головы! Настоящие самые головы! Женские — негритянок, мулаток, квартернонок! Пара сотен, не меньше. Одни свежие, другие ссохлись, сморщились, кожа черепа обтянула, глаза высохли, внутрь запали — как гнилые изюмины виднеются. Но трупным запахом не тянет, лишь дымком пованивает, тем самым, под который гадала мне Мамочка.

Я так и сел. Натурально задницей на пол шлепнулся. Думал, стошнит сейчас, но удержался как-то.

С большим трудом от голов этих взгляд оторвал. Но там и остальное не лучше было. Всего я разглядеть не успел, да и темновато — весь свет от свеч шел, они в виде звезды шести-

угольной на полу стояли. Идолы как раз звезду ту и окружали — охраняли словно бы.

В центре звезды что-то небольшое лежало. Ну... примерно с руку мою до локтя. А что — не рассмотрел я сразу. Свеч вроде и много, но все из черного воска и горят как-то не по-людски — темным пламенем, не дают почти света.

Кресло я чуть позже увидел. Потому как высоко стояло, чуть не под потолком, на глыбе квадратной каменной. Нормальные люди так мебель не ставят.

А в кресле — девушка! Пригляделся — нет, квартеронка. Чуть шевельнулась — никак живая? Оторвал я от пола задницу и к глыбе и креслу тому поближе направился.

Полковник тем временем к идолам и к звезде из свеч идет. Только странно идет как-то, Сэмми... Всего шагов пять-шесть надо сделать — а он согнулся весь и по дюйму едва вперед продвигается. Словно ураган ему встречь дует. Но в комнате — ни сквозняка, ни ветерочка.

Я к креслу подковылял — тоже медленно, ноги что-то ослабли. И разглядел: точно, на нем квартеронка молоденькая. Сидит, ремнями притянута. На левом запястье ранка небольшая кровит. От подлокотника желобок — поверху тянется, на цепочках к потолку подвешен. Через всю комнату — и ровнехонько над центром звезды обрывается. И с него — кап, кап, кап — кровь вниз капает, почти черной от свечей этих дурных кажется...

И тогда наконец я увидел, что там, между свечей, лежит...
Эмелина там лежала!

Крохотная, с фут длиной, — но как живая. Из воска, наверное, была вылеплена и раскрашена — но будь размером побольше, я точно подумал бы, что никуда Эмми не сбегала. Лицо — ее, фигура — ее, волосы — ее, одежда — тоже ее. Даже ожерелье на шейке такое же, но уменьшенное. Серезки в ушах знакомые, синими камушками поблескивают — но крохотные-крохотные, скорее догадался про них, чем разглядел.

А кровь сверху — прямо на нее капает. Но что удивительно — должна бы маленькая Эмми при таких делах все липкая и заляпанная быть — ан нет! Лежит чистенькая, нарядненькая, на платице — ни пятнышка. Вижу ведь, как капли на

нее попадают — но исчезают тут же, словно испаряются. Чудеса...

А полковник тем временем почти уже до идолов добрался — рукой дотянуться можно. Но не успел он ни дотянуться, ни чего иного сделать... Шаги сзади затопали. Тяжелые, грузные.

Обернулся я — и натурально обделался! Полные штаны наложил. И ничуть не стыжусь. Другой на моем месте вообще бы от ужаса помер.

Мамочка к нам шагает!

Как была — без головы! И тесак в руке занесен!

Тут все, что я до того момента повидал, показалось мне пикником младшего класса воскресной школы. А уж денек выдался на зрелища богатый. Но до того все пусть и страшно было, и мерзко, но... как-то жизненно, что ли... А тут...

Окаменел я. К месту прирос. В голове пусто. Мыслей нет. Совершенно. Исчезли куда-то мысли. Потому что человек в присутствии *такого* мыслить не может. Может лишь с ума сходить — причем очень быстро. Чем я и занялся. Мыслей-то нет, но чувства остались. Хорошо мне так стало, тепло и расслабленно — словно я в бадье с горячей водой нежусь, а Молли мне спинку трет, и не только спинку — бывали и такие у нас развлекашки. И совсем мне все равно, что дальше со мной будет.

Не знаю, как уж там полковник — думал что-нибудь в тот момент или нет. Скорее он на направленное оружие без всяких мыслей реагировал. Тело само по привычке что надо делало.

В общем, когда Mamochka попыталась его тесаком рубануть, полковник ствол ружья подставил. Дзинк! — только искры полетели. Она снова, да быстро так. И еще. И еще. Дзинк! Дзинк! Дзинк! — не поддается полковник. И орет что-то.

Что именно — я не понимаю. И вовсе мне безразлично, чем эта кошмарная дуэль закончится.

А они по комнате кружат, места хватает там. Дзинк! Дзинк! Дзинк! Дзинк! Полковник едва прикрываться успевает, самому и не ударить никак. Да и что толку бить труп безголовый? Мертвее все равно не станет. И кричит, кричит все время что-то.. Да нет, не труп кричит — Монтомери.

И докричался-таки. До меня докричался. Услышал я. Пробудился от безмыслия своего. Разбей ее! — вот что полковник кричал. И я как-то сразу понял, кого разбить надо. Эммелину восковую. В ней вся пружина этой свистопляски. Ладно, разобью...

Но это легче оказалось подумать, чем сделать. Шагаю я к идолам — точь-в-точь как полковник давеча. Чувствую как бы, что бреду я в реке из липкой патоки — причем против течения. Давит, отталкивает что-то. А сзади все: дзинк! дзинк! дзинк!

Через плечо глянул — гроб моей мамочки! Трупешник-то старухин до меня теперь добирается! Полковник из последних сил спину мне прикрывает. Стиснул я зубы, шагаю, по ногам дерьмо теплое стекает — потом думал не раз, что про героев все в газетах пишут, лишь про подштанники их после подвига — ни словечка.

Оскалы идольские все ближе, но чувствую — не дойти. Кончатся силушки. И тут как надоумил кто. Ружье-то у меня в руке оставалось, протянул я его — и тык идола ближайшего прямо в рожу!

Помнишь, Сэмми, на ярмарке в Сан-Питере один чудаков фокусы показывал с банками лейденскими? Так здесь то же самое вышло. словно голой рукой за ту банку схватился. Тряхнуло аж до печенок, и рука онемела. И потом три года еще немела время от времени...

Но идол упал с грохотом. И — все. Нет патоки, нет течения встречного. Слышу сзади не то вой, не то рев какой. Оглянулся скорей — неохота тесаком получить по затылку.

А это Мамочка трубит гудком пароходным. Стоит, замерла, тесаком не машет больше — а из шеи разлохмаченной вой несется и струи кровавые фонтанами — чуть не до потолка достают.

Ага, не нравится! Свалил я еще двух идолов — и ничего, никаких тебе лейденских банок. Сквозь строй их протиснулся, свечи перешагнул. Над Эмmeliной помедлил немного — красивая все же была, и как живая. Затем — сапогом сверху: хрясь!!! Разлетелась на куски. Я и куски топтать давай... Но не успел в мелкую крошку растоптать. Пол чуть не дыбом встал, я на ногах не удержался. И обратно провалился. И снова — дыбом. словно не дом тут, а пароход и угодил тот паро-

ход в самую страшную бурю. Лишь много спустя я узнал, что и с домами такое бывает — узнал, когда в Калифорнии в землетрясение попал.

Ну, головы со стен попадали, как тыквы по полу покатались. Идолы, что еще стояли, свалились. Кресло с квартеронкой рухнуло — я это не видел уже, лишь услышал, — свечи упали и погасли почти все. Что с полковником и с Мамочкой происходит — не видать. Да и некогда всматриваться, выбирать скорее надо, похоже, дом развалиться собирается. Я на карачках к двери — как пьяный матрос в шторм по палубе. Пол все в свои игры играет, сверху дрянь какая-то сыплется — штукатурка, еще что-то. Вижу — светлее стало, по наружной стене трещины сквозные поползли. Все, думаю, конец — сложится сейчас особняк полковника, как домик карточный. Но кое-как в коридорчик вытряхнулся, к черному ходу ползу...

И все кончилось.

Для меня кончилось — доской тук по темечку, только через два дня оклемался. Открыл глаза: темно, лежу вроде как на полу, на груде тряпок всяких. А пол не утомонился, все качается — правда, едва-едва уже. Но тут я плеск волн услышал — понял, что опять на плоту плывем.

Джим, оказывается, не только пузо у Монтгомери отъедал — он плот новый потихоньку сколотил, как чуял, что добром житье тамошнее не кончится.

Как спасся я из дома рухнувшего? Джим же и вытащил. Услыхал он выстрелы полковника и в дом вошел. Не сразу, но вошел. Один он только на это и отважился, все братцы и сестрички разбежались-попрятались. В комнату потайную Джим лезть побоялся, но из-под перекрытий падающих меня выдернул.

А дом не просто на куски рассыпался — даже руины дотла сгорели. Джим говорил: необычным пламенем горело, никогда он такого не видел. Не горит так дерево, хоть бы и нефтью политое.

Тем и закончилась история. Вот только не спрашивай, Сэмми, как вся эта чертовщина происходила. Как Мамочка Эмми спасла и жизнь в ней поддерживала, медленно две сотни чернокожих девчонок загубив. Не знаю и знать не хочу. Я и то, что своими глазами видел, позабыть бы хотел. Да не

получается никак... До сих пор глаза ее голубые помню. И ложь ее проклятую...

Нет, нет, Сэмми, насчет судьбы Эмmeliны Монтгомери ты ошибаешься — кое-что я о ней узнал. Очень не скоро, через десять с лишним лет, но узнал.

Я пароход тот, «Анриетту», купил. Не особо в нем нуждался — но название вспомнил и купил. Крепкое оказалось корыто, потом машину заменили — до сих пор плавает.

Кое-кто там из экипажа десятилетней давности оставался. И странную историю они любили после стаканчика рассказывать. О том, как забронировала каюту первого класса — третью по левому борту — молодая супружеская парочка. С тем, чтобы подсесть по дороге. Ну, подсели — на лодке подгребли. И сразу в каюту — нырк. И ни слуху ни духу. Прислуга все понимает — то да се, медовый месяц. Но одной любовью сыт не будешь. А эти два дня взаперти сидят — ни глотка воды, ни корочки хлеба не заказывают. Постучались к ним — звуки из каюты какие-то странные.

И что ты, Сэмми, думаешь? Когда дверь в конце концов сломали — не было там молодой парочки. Мужчина был — седой, голый, ничего не говорит, мычит, слюни пускает. С ума сдвинулся. По слухам, через год в психушке умер.

А еще в каюте труп нашли — совершенно сгнивший. На вид — тринадцатилетней девочки. Вот как оно бывает...

Конечно, парочка записалась как мистер и миссис Джон Смит — но если это были не подлец Ларри Шеппервуд и не проклятая потаскушка Эмmeliна Монтгомери, то тогда нет, Сэмми, справедливости. Ни на земле нет, ни на небе...

* * *

Сквозь задраенный иллюминатор — который Писатель, как человек сухопутный, продолжал считать закрытым окном, — пробивались первые лучи рассветного солнца. В каюте стояло сизое марево. Пепельницу переполняли сигарные окурки. Роскошный ковер был завален бутылками с отбитыми горлышками. Писатель отстал на середине дистанции — окончательная победа над содержимым погребца была достигнута трудами одного лишь Хозяина.

Но странное дело, пьяным он не казался. Говорил тихо и мечтательно:

— Знаешь, Сэмми, я человек, по большому счету, не злопамятный. Иногда я думаю, что раздавил восковую Эмми как раз в тот момент, когда настоящая впервые улеглась в койку с подонком Шеппервудом, — и мысленно прощаю им все их подлости. Пусть покоятся в мире.

После долгой паузы Писатель сказал:

— Берри, я, пожалуй, выйду на палубу. Душно тут, глотну свежего воздуха. А потом попробую поспать... Когда мы прибудем в Санкт-Петербург?

— Часа через четыре, не раньше. Но ты спи спокойно, без нас все равно не начнут. Подождут, никуда не денутся. Когда проспишься — загляни сюда, в мою каюту. Тогда и сойдем на берег. А я лягу здесь, проветрю — и лягу. Привык я к этим стенам...

— Загляну, — усталым голосом пообещал Писатель. Шагнул к двери, что-то вспомнил, обернулся. — Послушай, Берри... Если ты не против, то я, может быть, когда-нибудь использую твою историю...

— Используй, — сказал Хозяин равнодушно. — Только измени фамилии. И, пожалуйста, припиши другой финал. Чтобы все были счастливы...

— Постараюсь. Но тогда еще один вопрос: а что стало в конце концов с Джимом? Тоже ведь немаловажный персонаж. Он добрался до свободных штатов?

— Нет, Сэмми. Устье Огайо, Каир и участок кентуккийского берега он и не заметил — плот проскочил мимо, когда старина Джим ухаживал за мной, лежавшим без сознания. Вместо этого мы попали в Новый Орлеан — благо с бумагой полковника бояться охотников за беглыми рабами не стоило. А там... О, там Джим оказал мне бесценную помощь в первых шагах моей карьеры. Без него я просто никем бы не стал, Сэмми...

— Ты взял в компаньоны *черного*? — приятно удивился Писатель. — Тогда? В Луизиане?

— Ну что ты, Сэмми... Дело в том, что вексель полковника после его смерти ничего не стоил, в отличие от рекомендательного письма. Мне позарез нужен был стартовый капитал. Я продал Джима на хлопковую плантацию — за такого

здоровьяка мне отвалили девятьсот долларов. Года через три попытался выкупить, денег уже хватало. Не сложилось. Сам знаешь, какой недолгий был век у негров на хлопке... Но ты иди, Сэмми, поспи. Что-то вид у тебя совсем тусклый.

Писатель понял, что ему стоит поспешить на палубу. И глотнуть свежего воздуха. Немедленно. Пошатываясь, вышла из каюты. Потом вдруг вспомнил, что не помнит ее номера. Как, впрочем, и названия парохода — на борт они с Хозяином взошли два дня назад уже изрядно навеселе.

Обернулся, посмотрел на роскошную дверь красного дерева. Цифр там не было. Тогда Писатель стал отсчитывать двери от начала коридора.

Каюта оказалась третьей. По левому борту.

Совпадение, конечно, совпадение, не мог же Берри и в самом деле... — твердил себе Писатель, шагая на свежий воздух.

На палубе он вцепился в фальшборт, перегнулся вниз и долго разбирал перевернутые — с его позиции — буквы на борту, не замечая висевших неподалеку спасательных кругов, тоже украшенных названием парохода.

На середине процесса Писателя стошнило. Он смахнул с губ вязкую горькую жидкость, подышал широко распахнутым ртом. Перегнулся снова — и узнал-таки, на каком судне плывет.

Пароход назывался «ЭММЕЛИНА». Но Писателю показалось, что сквозь слои белой краски легчайшим намеком проступает другое название.

Тоже женское имя...

ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

ткрой, Володенька, — шелестит мрак по ту сторону запертой на засов двери голосом Горбатого. — Открой, Володенька, я ведь тебя зубами загрызу.

Знаем, видели мы ваши зубы. И в действии, и так... Лучше уж я тут, за дверью, свои от голода на полочку сложу, нежели открою.

— А не хочу-у-у, волки позорные, — воет в голос Промокашка. Но даже его полужвериный вопль не способен заглушить неумолимый, беспрекословный приказ Зова, вплетенного красной нитью даже не в шепот — шорох голоса Горбатого.

— Открой, Володенька. По-хорошему открой...

Старая песня — проходили. Своей монотонной повторяющейся командой хрена с чесноком ты меня вытянешь из-за заговоренного железа двери, Карпуша.

А хороша была затея с ярким светом по глазам — не иначе Огнелов выдумал. И образок на двери опять же...

— Открой-открой-открой, — вкрадчиво вползает в уши уже бессловесный, сплетенный из одной только воли Приказ. И если Огнелов ничего, кроме дверцы и иконки, не припас, я могу и сдать — воля Горбатого против моей? Как говорится, бабка надвое да вилами по воде. А ведь с ним еще прихвостни его разномастные... Булочник этот, колобок-переросток — хлебный голем. Мелкий бес с родимым пятном в форме Числа Зверя на всю рожу поганую. Промокашка, конечно, — вон, визжит уже, выворотень паскудный. Ну, пара мелких упырей, инициированных лично Карпом, но едва ли способных потягаться с Горбатым силой. Да еще азиат этот странно знакомый, львиный перевертыш, — как он-то к ним в шайку попал?

— Зубами, Володенька... Зубами загрызу, падла!

А это ты зря, Карпуша, — мне с моей психообработкой нужен непрерывный Приказ, а ты сам, пусть ненадолго, ослабил воздействие Зова.

Хотя кто ж знает твои таланты, старый упырь? Не зря ведь Горбатым прозвали — от тебя ведь пошла приговорка, мол, Горбатого могила исправит. Уж она тебя правила-правила, правила-правила...

— Граждане упыри! — подобный праздничному фейерверку в пугающем мраке ночи, нарушает оглушительную тишину, до тех пор заполненную только Зовом Горбатого и его зубастыми угрозами, долгожданный, усиленный рупором голос Огнелова — Огненного Ловчего, начальника местного Управления упыриного розыска. — Вы окружены! Предлагаю сдать! Выходить по одному, у двери бросать оружие и артефакты на землю!

— Это кто там твякает? — наглеет напоследок Карп, одновременно скребя когтями железо разделяющей нас двери — та держит.

— С тобой, рожа нетопыря, не твякает, а р-разговаривает начальник Управления упыриного розыска! Огненный Ловчий — может, слышал?

А кто ж не слышал? Глеб гордится своим прозвищем по праву, и Карп должен понимать, что ловить ему уже нечего. Разве что меня, но я за дверью, которая пока держит — и его, и меня... Но чертов упыриный Зов! Я ведь могу и не выдержать, Глеб! Ты уж быстрее их вяжи!

— А мусорка своего отдашь нам на съедение? — рычит Горбатый, параллельно вплетая новые паутинки-ниточки-канаты в волну Зова — и как ему удастся?

Помимо воли — моей воли! недели психообработки! — руки мои тянутся к засову — открыть, впустить, выйти... «В белом венчике из роз впереди Исус Христос...» Блок! Блок! Удастся — наполовину, но удастся! Психокод «Воск Улисса» — отключает слух на трех уровнях, в том числе и на том, по которому идет Зов. Но с Карпом «Воск Одиссея» не проходит — вернее, проходит лишь частично. Глохну на одно ухо, упираюсь с трудом послушной пока правой рукой в стену, пытаюсь удержать себя на месте. А левая, подчиняясь Приказу упыря, тянется, тянется послушно к засову...

«Иди-иди-иди-иди...» — пульсирует возле самого беспорядочно бьющегося, мечущегося во все стороны сразу сердца, грозя и так ополовиненный «Воск» нейтрализовать полностью.

Пальцы правой натыкаются на ребристую рукоять пистолета — и я с истерическим каким-то остервенением паляю прямо сквозь дверь, нутром чуя, как пули с серебряной сердцевинкой и стальным наконечником проходят через неодолимую для упыря с той стороны преграду, находя со смачными всхлипами неживую плоть...

Зов смолкает — но на чудо можно не надеяться. Конечно, Горбатый жив, и шавки его пока целы. Так, царапины плюс удивлен, ошарашен таким отпором старый упырь.

— Хрен тебе с чесноком, а не Шарاپова! — тоже услышав выстрелы, откликается Огнелов. — А теперь выходи по одному! И быстро — я устал упрашивать и ждать!

— Дождетесь вы у меня, — шепчет мне с той стороны Карп, и уже громко — Огнелову: — Твоя взяла, начальник! Мы выходим!

Нащупав запасную обойму, вгоняю ее в пистолет — мало ли чего могут выкинуть эти обреченные на скорый и справедливый суд упыри. «Я ведь тебя зубами загрызу, Володенька», говоришь, Карпуша? Спаси бог, не надо мне этого.

Но они выходят — сдаются.

— А теперь Гор-р-рбатый! — радуется слух надсадная хрипотца Огненного Ловчего. — Я сказал — Гор-р-рбатый!

— Зубами, Володенька... — шелестит мрак на прощание, и старый вампир беззвучно скользит к выходу, где его встретит Глеб с бригадой.

Интересно, остался еще кто за дверью из шайки?

— Выходи, Шарапov, — знакомо хрипит с той стороны. — Все свои...

Знаем мы ваши шутки замогильные.

— Как ты Кирпича брал, Огнелов? — спрашиваю, направив ствол на предусмотрительно закрытую пока дверь.

— Я этому голему глиняному кошелек незавязанный с серебряными монетами за ворот кинул, — смеется Глеб, довольный моей осторожностью. — Моя школа! Выползай! Хорош мурко водить!

Выползаю.

Свет.

Жизнь...

— Хорошо-то как! — говорю.

Огненный Ловчий хлопает меня по плечу и, дружески приобняв, выводит наружу.

— Молодец, — хвалит сдержанно. — Молодец!

И ребята улыбаются.

Только что-то не так — и круглолицый азиат Чен Ко, видно выходявший последним из членов банды, прямо в руках конвоиров оборачивается могучей кошкой с солнечной гривой и, никого, что странно, не покалечив, в три прыжка преодолевает расстояние до стены близлежащего склада.

— Уйдет ведь!.. — кричу, хватаясь за оружие.

— Уйдет, — чуть придержав меня, едва слышно произносит Глеб. И вдруг улыбается хитро. — Он ведь с тобой шел — банду сдавать, — одними губами выдыхает. — Теперь еще куда-нибудь внедрится — может, еще встретиться.

Нет уж, спасибо. Лучше вы к нам. Работа внедренного агента — не для меня! Хотя...

* * *

— Заходи, Шараров, — рыкнуло из-за двери. Поражаюсь этому умению Огнедова — угадывать, кто стоит за дверью. И как ему удается? Слух, верно, на зависть многим перевертышам.

Спеша воспользоваться своевременным приглашением, делаю-таки два шага, отделявшие меня от обитой черным дерматином двери, толкаю ее и вхожу.

Глеб с мрачным видом развлекает себя тушением свечи с трех метров — нарочно для этого приспустил огромную, на девяносто свечей, чугунную люстру из-под потолка и теперь злыми взмахами один за одним сбивает трепещущие огоньки, причем даже не становясь в позу, без всяких видимых усилий — а огоньки в трех метрах от его рук срываются с фитилей и пропадают. Заметив, что я уже вошел, Глеб сжимает в кулак правую пятерню и бьет наотмашь воздух между собой и люстрой, отчего гаснет сразу шесть или семь свечей и еще две, словно подумав, мгновением позже.

— Экономить надо, — не без скрытого бахвальства ком-

ментирует свои действия Глеб. — Материальный отдел все жалуется, что на нас много свечей уходит.

— Стул у тебя в кабинете именно поэтому только один? — спрашиваю, усаживаясь на краешек стола — я сегодня не на дежурстве, так что мне можно, трупов не будет. Хотя в приметы эти я не верю, конечно. — Экономить?

— Ага, — кивает. — Экономил. Остальные поломались. Обо всяких тут разных...

Сэкономленный стул, на котором восседает, разумеется, хозяин кабинета, выполнен из замечательной цельной осины. Для всяких там разных — в целях экономии. И мебель, и оружие в одном флаконе.

Несмотря на показуху со свечками — подозреваю, устроенную нарочно для меня: мол, учись, пока я жив, — Огненный наш Ловчий явно не в духе, потому некоторое время, которого ему хватает, чтобы вновь подтянуть к потолку тяжеленную люстру, мы молчим слаженным дуэтом. Что называется, в унисон. Нам бы концерты давать — художественного молчания дуэтом. На подобном представлении никто не скажет, мол, и я так могу, а ты вот «Мурку»...

— Как думаешь, Шараров, — покончить наконец со своим подсвечником, бурчит Глеб, — почему горбатого упыря Карпом прозвали?

— Потому что зеркальный? — выдаю первую пришедшую в голову и, по-моему, единственно возможную ассоциацию.

— А с чего бы вампиру зеркальным быть? — словно хваля мою сообразительность, задает следующий вопрос Огнелов.

— У него что — отражение есть? — предполагаю несмело.

— Ага, — хмыкает, — вон, у тебя за спиной...

Прямо со стола, на углу которого так удобно расположился, ухожу перекатом в сторону, одновременно дергая из запячленной кобуры пистолет. Едва не открыл пальбу по ни в чем не повинному овалу зеркала.

— Шуточки у тебя, Глеб! — обижаюсь.

Ловчий смеется, хоть и не особенно весело. Зеркало слева от его стола спокойно и деловито отражает мою надутую

от досады физиономию — никаких упырей в нем нет и вроде бы быть не должно.

— А вот это ты зря, — качает головой Глеб. — У нашего неисправимо горбатого друга и впрямь было отражение.

Вот тебе и раз — выпал снег!

— В смысле? — то ли не понимаю, то ли не верю.

Оказывается, когда наши пилаты проводили опознание Горбатого — все как положено, в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, — наш «заключенный друг» (возможен также вариант — «кровный друг») вдруг отразился в односторонне прозрачном зеркале, у которого их выстроили, — и шагнул навстречу своему двойнику в глубине стекла...

— И что? — спрашиваю.

— И все, — вздыхает Глеб. — Ни Горбатого, ни его отражения... Кто ж мог предполагать — там же амальгама, вроде бы на серебряной основе.

Я снова, уже с неприкрытой опаской оборачиваюсь к зеркалу, и мне чудится, будто успеваю заметить лишнее отражение там, в самой глубине ненадежного отныне стекла.

— Не паникуй, Шараров, — успокаивает меня Огненный Ловчий и рубит раздраженно ребром ладони воздух, отчего гаснет пара свеч на люстре под пятиметровым потолком. — Аналитики уже работают, опять же остальных из шайки ребята поспрашивали с пристрастием — ему не все зеркала подвластны. Сам понимаешь, серебро все-таки...

— То есть он ушел? — окончательно доходит до меня.

— Нет, хрен с чесноком! — рывкает Глеб. — Тебя ждет, говорит, пока не увидится — ни ногой из здания Управы!

Молчим.

— В общем, вот тебе пара образков и крестик особый натальный — сам Патриарх Всея освящал. Кроме того — строгая изоляция до...

— До чего? — взрываюсь. — Пока Карпуша меня зубами не загрызет, как обещал? Почему его сразу осиною не нашпиговали?!

— По кочану, — совершенно спокойно парирует Глеб. — Потому что если мы преступим Закон...

Надо же, Огненный Ловчий про Закон вспомнил! Как серебро голему кирпичному за ворот сыпануть в трамвае пере-

полненным или Лиса-оборотня с моей помощью подловить на записочку, так пожалуйста, а тут...

— Не рефлексируй, поймаем мы его, — обещает Глеб. — И без тебя поймаем, — добавляет, но тут же прикусывает язык, понимая, насколько двусмысленно прозвучало это его «и без тебя». — С тобой, конечно, Шарапов. Только ты до окончания операции из Управы ни ногой. Иначе — сам понимать должен.

Понимаю, не дурак. Иначе одна нога — здесь, другая — там, голову вообще не нашли... «Я ведь тебя зубами загрызу, Володенька...» — вспоминаю шепот-шелест из мрака.

— Он придет за мной, Глеб, — понимаю. — Обязательно придет. И за Лиса поквитаться, и за себя...

— Я знаю, Шарапов, — глядя чуть исподлобья, кивает Огненный Ловчий. — Я знаю.

* * *

— Чеснока многовато! — позволяю себе покапризничать на пятый день вынужденной изоляции, принимая от дежурного очередной обед.

— Жри давай, — добродушно советует Гоша, гордящийся своими кулинарными способностями и внешностью. Сегодня он опять привычно гладко выбрит, не то что последние четыре дня, когда ходил, явно стесняясь неопрятной щетины. — Зато никакой упыряка не позарится, если, конечно, зубы и желудок чистить не будешь.

Умиляюсь заботливости товарища. Хорошо хоть осиной и серебром не потчует — чтоб уж наверняка никакой мертвяк не позарился.

— Где Глеб? — дежурно интересуюсь отсутствием новостей. Чесночная диета и вынужденная изоляция — не лучший способ быть в курсе событий.

— Ловит, — пожимает плечами Гоша, не меньше меня тяготясь своей ролью сиделки. — А я вот тут с тобой...

Молча жую, глотая досаду с ядреным чесночным привкусом. Обидно ему, понимаешь, в тягость за товарищем присмотреть! Небось нарочно чеснока не жалеет — отыгрывается на моем несчастном пищеварении.

— Наши, должно быть, уже берут мертвяка зеркально-

го, — задумчиво так вздыхает Гоша, отчего очень хочется со гласиться, поддакнуть...

— Хрен им, — говорю, — с редькой на серебряном блюде. Карп точно где-то здесь — меня ищет наш упырь. Я ведь ему первейший враг — и Лиса, и его самого со всей шайкой... В обиде на меня Горбатый.

— На обиженных воду возят, — задумчиво изрекает Гоша, сам неосторожно вкушая в мечтательной своей и откровенной задумчивости с моего блюда. Кривится и смотрит на меня с неподдельным, как мне тогда показалось, уважением — мол, как ты можешь это в себя?..

Это было не уважение — отвращение. Природное, естественное.

— Больно гладко выбрит, — замечаю, демонстративно отправляя в рот очередное не пойми что, похожее на галету.

Вздыхает — как-то даже сочувственно.

— Умный? — спрашивает, сплевывая с нескрываемым отвращением насквозь прочесоченную дрянь. — Умный да?..

Потом следует безобразная сцена отнюдь не беспорядочной стрельбы в четыре руки. Спасибо Гоше — его тело, видимо, все же противится воле подселившегося и трансформирующегося сейчас Горбатого — упырь так ни разу и не попал. А я не промахнулся...

* * *

— Как ты догадался? — интересуется Огнелов, изучая беснующегося упыря, преобразовавшего-таки чужой облик в свой, родной, до сих пор невозможно живого, хорошо хотя упакованного в серебряные цепи. Оказывается, Глеб лично все пять дней сидел безвылазно в потайной каморке у своего кабинета — ждал явления нашего заклятого, или, если хотите, кровного врага. Ну и меня стерег, понятно, пока бригада по городу рыскала в бессмысленном поиске.

— Выбрит он был больно гладко, — объясняю. — А потом Гоша умудрился-таки, воспользовавшись его задумчивостью или еще чем, сунуть ему в пасть собственной стряпни. А там же чеснок сплошной — какой упырь проглотит? Его чуть не стошнило...

— Понятно, — кивает Ловчий. Потом коротко бьет по воздуху между собой и Горбатым. Глаза того, только что налитые красным, гаснут, словно свечки. «Мне бы так», — завидую. Глебу завидую, а не вампиру, схлопотавшему от Огнелова, — тому сейчас не больно-то позавидуешь.

— Жалко Гошу, — кривится Глеб. — Его ведь теперь от этого не отделить, — кивок, как плевок, в сторону погашенного упыря. И уже деловым тоном добавляет: — Кстати, готовься, Шарапов. Командировка в Африку. Твой друг Чен Ко уже там — внедряется в шайку местных перевертышей-людоедов. Ты будешь от нашей Управы в качестве специалиста-консультанта по работе с внедренными агентами. На рожон не лезть — тамошние выворотни тебя вмиг раскусят... — Поняв излишнюю недвусмысленность своего «раскусят», умолкает на миг, но тут же, звеня серебром в голосе, напоминает: — Только кабинетная работа! Чисто консультативная помощь! Все остальное сделают Чен Ко и тамошние силовики!

— А почему я-то вообще? — то ли удивляюсь, то ли возмущаюсь я — сам для себя пока не решил.

— Ну, во-первых, Чен Ко просил — понравилось ему с тобой в связке работать.

«Эй, полоняне, берегите глотки — облизнулись золотые львы», — пришла на ум строчка из старой песни.

— А во-вторых?

— Ты че, Шарапов? — вытаращился Глеб. — Фамилие свое забыл? Ну тогда в зеркало глянь — думаю, уже можно...

Помню я «свое фамилие», Ловчий мог бы и не напоминать. Шарапов — вроде сокращения от «шар арапов». Шар — идеальная форма, в данном случае — форма ауры. Максимальная защищенность, максимальная приспособляемость и т.д., и т.п., и др., и пр. Ну а какого цвета на лицо арапы, думаю, жителям страны, где родился, жил, летал и погиб в воздушной дуэли Пушкин-ас, объяснять не нужно. Черен я лицом от природы, но, в силу идеальной формы ауры, способен к смене характерных расовых признаков. Непонятно? Я — человек-оборотень или расовый выворотень — как угодно. В зверя-то не превращусь, а вот пигментация кожи и волоса, фигура, разрез глаз, нос, губы, надбровные дуги там...

— Только здесь не меняйся, — просит Глеб, не привычный еще к таким способностям у людей. У нечисти, нежити

и нелюди это привычно, у них это — зло, если, конечно, как в случае с Чен Ко, не обращено во благо. А вот у просто людей чтобы — мало кто привык. Даже Глеб, Огненный Ловчий. — Не люблю, — добавил, невольно скривившись.

Вежливо приостанавливаю обратную трансформацию на середине. Хоть «а то меня стошнит» не говорит, как в первый день знакомства, — и на том спаси бог.

— Встретимся еще, — протягиваю ему уже почти черную ладонь.

— Ну и рожа у тебя, Шарапов! — хмыкает, пожимая мою руку, Глеб. — Встретимся, конечно.

А где, не уговариваемся. Известно ведь, что место встречи изменить нельзя.

ПАМЯТЬЮ КРОВИ

Квoзь шум дождя, столь обычного для осени в Нормандии, прорвалось, постепенно становясь все громче, мягкое гудение автомобильного двигателя. Зашуршали по бетону шины — ближе, еще ближе, и вот машина замерла в паре метров от окон большой, немного аляповатой старой фермы.

Тогда лев, лежавший на вытертом ковре в холле первого этажа, ненадолго поднял голову и вздохнул. За дверью раздался голоса.

— Похоже, он совсем плох, мсье. Ветеринар уехал час назад, мсье, и он говорил, что сделать уже ничего нельзя — Гийом слишком стар... львы, как он сказал, столько вообще не живут.

— Мы знали, что это должно случиться, Луи. Он ел что-нибудь?

— Сегодня ни крошки, мсье.

— Ну, что ж, заставить его нам вряд ли удастся...

Скрипнула дверь — темная, выкрашенная некогда коричневой краской, давно уже растрескавшейся от старости и сырости. Лев поднял веки и глянул на вошедшего. Высокий мужчина в шуршащем плаще и клетчатой кепке, не раздеваясь, присел возле зверя на корточки. Его рука, обтянутая желтой автомобильной перчаткой, ласково коснулась все еще густой гривы.

— Как ты, дружище?

Бернар Брезе, парижский финансист и подрядчик, обо-жал цирк с детства. Его отец, известный в свое время художник-иллюстратор, любил путешествовать с сыном на автомобиле — и стоило их маленькой «Симке» въехать в очередной городок, намеченный для ночлега, Бернар тут же принимался ерзать на заднем сиденье.

— Знаю, знаю, — добродушно ворчал в ответ отец, — сейчас спросим у портье в гостинице. Они всегда все знают.

И если в городке по случаю оказывался какой-либо из бродячих цирков, во множестве колесивших по дорогам прекрасной — той еще, действительно прекрасной! — Франции, они обязательно шли смотреть представление. Конечно, Бернару нравились и акробаты, выделяющиеся невероятные фокусы под полосатым куполом шапито, и маги, невесть как выуживающие золотые часы из карманов восхищенных буржуа в первом ряду, но по-настоящему счастлив он бывал лишь тогда, когда в составе труппы оказывались укротители диких зверей. Однажды в Реймсе ему посчастливилось увидеть выступление знаменитого в те годы немца Райнхарда Гольца. Как замороженный, смотрел он на пару львов, стремительно повинующихся каждому щелчку бича, пляшущего в руке дрессировщика — длинного, кажущегося из-за своей худобы неловким мужчины в черном кожаном костюме. Когда представление закончилось и Гольц заставил своих львов поклониться публике, Бернар вдруг понял, что один из них, тот, что стоял слева, смотрит прямо на него. И в глазах могучего льва мальчишка прочел муку...

В тот день Бернар дал себе слово стать дрессировщиком — но не таким, как Гольц, а другим... Он хотел, чтобы львы, грациозные и безжалостные, ощутили его своим другом, приняли в стаю, признав его силу не из страха боли: иначе. Правда, пока он еще не знал как...

Оказавшись в Париже, Бернар попросил родителей приобрести ему кота.

Брезе-старший, с младых ногтей отличавшийся изрядной эксцентричностью, лишь поднял бровь и рассмеялся, но мать, упрямая, костлявая голландка из Роттердама, пришла от подобного заявления в неистовство.

— Что за блажь правит в этом доме? — поинтересовалась она. — Где это видано, чтобы тринадцатилетние оболтусы таскались с какими-то котами? И потом, ты хоть представляешь себе, сколько стоит приличный породистый котенок?

— Зачем мне породистый? — резонно возразил Бернар.

Примирителем, как всегда, выступил отец. Съездив в Нормандию, где дед Бернара держал большую ферму, он

вскоре вернулся с корзинкой, из которой торчала любопытная мордочка месячного котенка.

Своего нового друга Бернар окрестил Леоном.

...Плавные движения руки заставили льва погрузиться в дрему.

И видения пришли вновь. В общем-то, они и не оставляли его уже много лет, с тех самых пор, как из забавного котенка он превратился в молодого льва. Стоило ему уснуть, ощущая тепло и безопасность, как откуда-то из неведомых глубин всплывали удивительные картины, яркие и завораживающие. Сперва он только *видел* — позже пришли запахи и ощущения. Шелест ветра, играющего с травами саванны, бешенство белого солнца, пробивающегося сквозь прикрытые веки, топот копыт антилопы, пытающейся уйти от погони.

Он спал — и он жил.

Днем все начиналось заново. Папаша Морис с неизменным запахом дешевого вина, просовывающий сквозь прутья клетки ломоть лежалого мяса, надетый на кусок толстой проволоки. Злобные взрыкивания его партнера Арлу, тупого и всегда раздраженного. Репетиции: хозяин и хозяйка, гибкие, не знающие усталости. Гийому было смешно: Арлу не то чтобы не хотел прыгать сквозь блестящее металлическое кольцо — он просто боялся, сам не зная чего. С ним же хозяева почти не занимались. Ему достаточно было все объяснить да потрепать за ушами, и ближайшие полчаса Гийом не скучал. Потом ему все надоедало, и тогда хозяева переключались на Арлу.

А ночью приходила другая жизнь. В какой-то момент Гийом стал понимать, что это чужая жизнь, уже прожитая кем-то, потому что иногда, осенью, он переживал смерть. Точнее, смерти...

Они были разными: иногда он, лишенный сил и порядком облезлый, умирал от слабости и голода, иногда точку в давно прожитой кем-то судьбе ставили молодые самцы, пришедшие, чтобы захватить чужой прайд. Однажды он познал неведомый ранее страх. Сумерки, и слабое движение травы, отчетливо различимое для его зрения: ощущение опасности, непонятной, но от того не менее реальной; потом вдруг короткий укол боли, маленькие фигурки, не похожие ни на ан-

тилоп, ни на шакалов, ни на трусливых обезьян, — маленькие, назойливые... слабость, слепота.

Смерть.

В то утро Гийом отказался выполнять команды хозяев. Не помогло ни свежее, пахнущее кровью мясо, ни ласки хозяйки — он просто лежал и не реагировал на слова. К нему приходили какие-то люди, источавшие острые неприятные ароматы; потом короткий хлопок — и знакомый уже укол.

Снова слабость и слепота.

Но смерть не пришла. Он очнулся в грязной вонючей клетке; где-то неподалеку испуганно всхрапывали лошади.

Гийома продали.

— ...Ну же, Леон! Алле... ап!

Котенок зевнул и, повернувшись к Бернару хвостом, неторопливо забрался на диван. Бернар вздохнул. Леон рос на удивление бестолковым, и максимум дрессуры, которого Брезе-младшему все же удалось добиться, — это привычка кота ходить в свой особый сортир. На большее его артист оказался не способен.

Да и дружбы у них отчего-то не получалось: Леон вообще вел себя так, словно никого в упор не видел. В конце концов он сбежал, и Бернар, немного удивляясь самому себе, не стал слишком переживать по этому поводу. Тем более что в то лето к ним в гости приехал один из родственников матери, известный голландский адвокат. Дядюшка Ханс рассказывал такие удивительные истории из своей жизни и деловой практики, что Бернар вдруг решил поступать на факультет права. Родители, конечно же, пришли в восторг.

На какое-то время детские мечты о цирке покинули его, тем более что вскоре в жизни студента появилось нечто не менее захватывающее: один из новых приятелей привел его в аэроклуб. Занятия стоили немалых денег, но семейство Брезе могло позволить себе подобные траты, благо мать считала, что общение с представителями «золотой молодежи», проводящими время рядом с самолетами, поможет молодому юристу в будущем. В семье матери, уехавшей некогда из Трансвааля из-за туманной ссоры с самим папашей Крюгером, твердость духа только поощрялась — и Бернар летал. Годы Сорбонны промчались столь быстро, что он даже не ус-

пел их заметить: а впрочем, ему было некогда отвлекаться на такие глупости.

Однажды — дело было за несколько дней до получения степени, означавшей конец вольной студенческой жизни, — Бернар, возвращаясь в свою съемную квартирку на набережной Сены, решил, что сегодня, учитывая пляшущее во круг лето, не грех раскупорить бутылочку кальвадоса. Он остановил мотоцикл возле ближайшей лавки, взял с прилавка плотный бумажный пакет и вышел на бульвар. Из дверей кабачка напротив доносились звуки аккордеона и взрывы веселого смеха.

— М-мяу, — вопросительно произнес кто-то.

— Что? — удивился Бернар (впоследствии он не раз со смехом вспоминал о том, что умудрился заговорить с подошедшим к нему животным).

Рядом с ним, задрав вверх голову и смешно щурясь, стоял серый полосатый котенок.

— М-мя, — повторил он.

Бернар присел на корточки. Котенок совсем не выглядел уличным: наоборот, от него даже припахивало дешевыми дамскими духами.

— Тебя как зовут? — поинтересовался Бернар.

— Пьер-ро, — промурлыкал котенок и неожиданно потянулся мордочкой к его руке.

— Ну ничего себе! — изумился Бернар. — Так что, ты хочешь сказать, что я должен взять тебя с собой?

— Мя-мя, — закивал котенок.

Так у него появился настоящий друг. А потом лето закончилось — слишком резко и трагично.

...Запах опилок, смешанный с болью от ударов длинной гибкой палкой, извивающейся в руках крупного седебородого мужчины. Гийом покорялся, но тому было мало. Удар следовал за любой косой взгляд. И лишь вечером, на арене, слыша восторженные крики публики, лев отходил от ощущения безысходности, не оставлявшей его с того момента, как он проснулся после укола в новой для себя, давно не чищенной клетке нищего бродячего цирка. Ночные видения оставили его. Засыпая, он теперь проваливался в черное ничто, несущее в себе лишь неизбежность завтрашнего дня.

Но однажды все изменилось.

Выступление закончилось. Помахав публике хвостом, Гийом без лишних понуканий протрусил по проволочному коридору в свою клетку и со вздохом лег на тронутые гнилью доски пола. Незаметно на него опустилась легкая дрема. Мимо клетки сновали уже пьяные рабочие, и никому не было до него никакого дела. Но потом вдруг раздались шаги... незнакомые шаги... и Гийом открыл глаза. К его клетке шли трое: новый хозяин со своей неизменной палкой в руке, а рядом с ним — молодой мужчина с резкими, неприятными чертами лица, держащий за руку маленькую девочку. В пару косичек по бокам ее головы были вплетены голубые ленты. Люди подошли к клетке, и девочка решительно вырвала ладошку из руки отца.

Их глаза встретились.

— Почему ты такой грустный? — тихо спросила девочка. — Ты ведь хороший, правда?

Гийом тяжело вздохнул и отвернулся. Ему стало больно, но он не знал почему.

То, что он увидел ночью, заставило его проснуться от ужаса, судорожно подергивая лапами.

Он был маленьким котенком... над ним шумела трава, рядом тихо посапывал его брат, такой же толстопузый и круглоухий. Они лежали в узенькой ложине, внимательно прислушиваясь к происходящему. Они знали: смерть рядом, и единственное, что может их спасти, — это неподвижность. В подсознании Гийома мелкой жилкой бился слабый шум, издаваемый парой приближающихся молодых львов. Львы всегда убивают потомство прежнего хозяина прайда, таков закон саванны, и он знал это, не нуждаясь в понимании.

Они были все ближе и ближе, и тогда его брат, не выдержав напряжения и ужаса, шумно напустил прямо под себя. Тот, кто был сейчас Гийомом, тот котенок поднял голову и успел увидеть, как темная стремительная тень накрывает отчаянно кричащего братика. И тогда он прыгнул в сторону, но второй самец оказался куда проворнее и навис над ним, щерясь в отвратительной победной ухмылке. Из его пасти ударила волна смутно знакомого запаха — так пахла кровь их отца.

Где-то далеко, невесть в каком из миров раздался короткий сухой гром... и это было все.

На годы.

— ...Ваши странности, су-лейтенант, уже сидят у меня в кишках. Я понимаю, у всех свои талисманы, но все-таки брать с собой кота — это, по-моему, слишком. Он что, толчется в кабине у вас под ногами? Вы понимаете, чем это может закончиться?

— Мой майор, Пьеро всегда остается у меня на плече. Даже в бою. Более того, не знаю как, но он подсказывает мне направление атакующего истребителя быстрее, чем это делают стрелки. Если вы мне не верите, можете поинтересоваться на этот счет у сержанта Клери. Или у Пуссена. Они скажут вам то же самое.

Майор Кордье — на голову ниже Бернара — поднял глаза и с интересом посмотрел на поджарого молодого кота, спокойно сидящего у су-лейтенанта на плече.

— Ваш Пьеро... — вздохнул он.

— М-мя, — произнес кот и дернул хвостом.

— Ладно, прикажу взять его на довольствие, — пожал плечами Кордье. — Что с вами еще делать... вы ведь у меня последний из «стариков». И вот еще что, Брезе: сегодня у вас двадцать шестой вылет. Вы пойдете с полной нагрузкой... и да поможет вам бог!

Командир группы резко повернулся и зашагал в сторону штабного барака. Бернар проводил его взглядом, после чего задумчиво провел рукой по голове кота, все так же смиренно сидевшего на его правом плече.

— Вот так-то, Пьеро, ты понял? Двадцать шестой вылет и полная нагрузка...

Кот повернул голову и с явным презрением посмотрел на неуклюжий двухмоторный «Амье», на борту которого красовался его собственный портрет, мастерски выполненный одним из техников эскадрильи.

Войдя в свою палатку, Бернар стряхнул с себя Пьеро, бросил на складной парусиновый стульчик синий китель и устало опустился на койку.

— Надо поспать, братан, — сказал он коту. — Кто вообще знает, вернемся ли мы сегодня ночью?

Пьеро запрыгнул на койку, ласково потерся щекой о щеку Бернара, а потом свернулся клубком возле его живота и тихонько замурчал.

В синих майских сумерках тяжело загруженный 250-килограммовыми фугасами «Амье» начал неспешный разбег по грунтовой полосе аэродрома. В середине полосы Бернар дал полный газ, и от рева звездообразных «Гном-Ронов» Пьеро недовольно поджал уши. Но вот наконец наполовину скрытые обтекателями колеса шасси оторвались от земли. Черно-коричневый бомбардировщик медленно полез в темнеющее небо...

...Он снова видел саванну. Снова ощущал восхитительную охотничью ярость короткой погони, снова окутывался запахом горячего свежего мяса только что задранной антилопы, а потом — ароматом течной львицы, обещающим ему продолжение рода. Так шли годы, годы в бестолковом и малоприбыльном бродячем цирке. Иногда еду не давали по два три дня, но Гийом смирился с судьбой. Единственное, что радовало его по-настоящему, — это визг детишек, сидящих вокруг засыпанной опилками арены. Сам не зная почему, он работал только для них и часто, завершив очередную серию прыжков, всматривался в раскрасневшиеся счастливые лица, ища среди них невесту чьи глаза...

Но однажды, гулкой осенней грозой, Гийом увидел то, о чем предпочел бы забыть навеки.

Уже наклонившийся к нему молодой лев странно содрогнулся и рухнул набок. Его приятель, только что расправившийся со вторым котенком, прижал уши и неожиданно бросился наутек. Чудом выживший малыш прижался к земле, не понимая, что теперь делать. Матери, равно как и ее подруг, рядом не было — это он чувствовал совершенно отчетливо, и, растерянный, перепуганный, он вдруг заплакал. Смерть была бы избавлением от непонятного, но она гуляла где-то в другом месте, отчего страх становился совсем невыносимым.

К нему приближались. Он не знал кто, однако на всякий случай перестал плакать и замер в полной неподвижности. Неподвижность давала шанс, но он не мог знать, что зрение тех, кто идет к нему, устроено совершенно иначе и застывшие предметы они различают ничуть не хуже движущихся.

Непривычно тяжелые шаги сотрясали саванну. Потом раздались голоса: низкие, рыкающие. Он никогда не слышал ничего подобного, и ему казалось, что сердце сейчас вылетит из груди. И вот небо накрыла тень, не похожая ни на что из виденного им ранее.

Маленького испуганного котенка бесцеремонно схватили за шкуру, он скрючился и замолотил по воздуху лапами.

...И снова Пьеро первым заметил крохотные оранжевые шарики, медленно — как казалось — поднимающиеся им наперез с земли.

— Зенитки! — заорал Бернар, стоило ему ощутить давно знакомый шлепок кошачьей лапы по макушке, обтянутой кожаными летным шлемом. — Зенитки!

— Вижу! — отозвался из передней кабины его штурман Раймон Клери. — До цели три!

Подчиняясь инстинкту, Бернар рванул обе рукоятки управления двигателями и что было сил потянул штурвал, уводя тяжелую машину вверх. В это мгновение темное небо по левому борту озарилось ослепительной алой вспышкой. Бомбардировщик вздрогнул.

— Это «четверка»! — выкрикнул стрелок-радист Пуссен.

— Бедный Качиньски, — пробормотал Бернар. — Вот и ему не повезло.

Теперь их осталось только двое. Два устаревших тихоходных бомбера, под завязку загруженные фугасками и в бомбоотсеке, и на внешней подвеске. Три тонны смерти на двоих, в любую секунду грозящей превратиться в их собственную.

— Боевой курс! — рявкнул Клери.

Пьеро наострил уши и с силой хлопнул лапой по левому плечу Бернара. Шерсть на спине кота встала дыбом, хвост мелко рубил воздух.

Поняв, что от него требуется, Бернар повернул машину влево. Ведомый, давно привыкший повторять все маневры командира, сделал то же самое.

— Опять ошибка? — процедил сквозь зубы Клери, прикивая лицом к резиновой маске прицела. — Вижу цель! — завопил он секундой позже.

Его палец лег на выпуклую кнопку сброса. Бомбардиров-

щик качнуло, и он, облегченный, тут же пошел вверх. Внизу расцвели дымные розы горящих цистерн с солярой.

Бернар взял южнее, надеясь обойти зенитное прикрытие. Пьеро недовольно заворчал. Минуту спустя небо пронзили ослепительные белые столбы.

— Фоше отстал! — доложил Пуссен сквозь грохот разрывов.

— Пускай возвращается сам, — фыркнул Бернар, с трудом удерживая рвущийся из рук штурвал.

Самолет трянуло сильнее обычного, и стрелка на датчике давления масла правого двигателя быстро пошла к нулю. Пьеро предупреждающе зашипел, но Бернару и так все было ясно. До линии фронта оставалось не более двух-трех минут. Если движок не загорится, то экипаж сможет выбраться с парашютами, а он, возможно... на одном двигателе, учитывая его изношенность, «Амье» до базы не дойдет. Бернар выключил правый мотор. Держать самолет на курсе становилось все труднее: он с надеждой смотрел на высотометр и горько прикидывал, сколько еще протянет на полном газу левый «Гном», давно уже выработавший положенные ему моточасы.

— Всем покинуть машину! — приказал наконец Бернар.

— А ты? — спросил Клери.

— Некогда! Прыгайте, пока есть высота.

Штурман и оба стрелка ушли вниз. Теперь все зависело только от Пьеро. Бернар медленно снижался, повинувшись командам кота: «правее», «прямо», «еще правее». Из живого еще двигателя выбило струю масла, тахометр дернул стрелку влево. Включив посадочные фары, Бернар опустил ее до пятидесяти метров; вот Пьеро, нервно ерзающий у него на шее, ударил его лапой по затылку. Су-лейтенант Брезе послушно отдал штурвал от себя. Через пару секунд бомбардировщик тяжело хлопнулся на пшеничное поле и, сразу упав на правое крыло из-за подломившейся стойки шасси, потащился к виднеющейся впереди церквушке.

Они встали в двух метрах от ограды небольшого старого кладбища.

...Испуг маленького львенка скоро прошел. Единственное, что доставляло некоторые неудобства, — это размеры деревянного вольера, в котором он теперь жил. Десять ша-

гов, всего десять шагов. Но зато каждый день к нему приходила девочка, дочка хозяина фермы, и приносила с собой кусочки вкусной требухи и обязательную миску молока. Джимми — так она назвала его — быстро толстел и позволял чесать себя за ухом.

Однажды девочка надела на него прочный кожаный ошейник с веревкой и вывела во двор. Черные голые люди, и до того не решавшиеся подходить к его жилищу, тотчас же прижались к бревенчатой изгороди. От них пахло ужасом. Девочка что-то прокричала, заставив Джимми прижать уши. Из большого деревянного строения на краю двора вышел человек в высоких, неприятно пахнущих сапогах. Львенок узнал его: это был тот самый человек, что убил льва, готового наброситься на Джимми тогда, в саванне. От обрушившегося на него страха львенок прижался к земле и жалобно пискнул.

— Ну не бойся, малыш, — ласково заговорила девочка. — Он такой милый, правда, дядя Карл?

Сапоги приблизились к львенку. Мужчина присел на корточки, осторожно потрепал его по загривку.

— Да, но он вырастет настоящим зверем. И что ты будешь делать тогда, а, Лотта?

Джимми ощутил спокойную уверенную силу, исходящую от этого человека, и успокоился. В его груди зашевелилось вдруг чувство, незнакомое ранее ни ему, ни сотням поколений его предков. Благодарность. Он не мог понять, что с ним происходит, но ему отчего-то хотелось встать на задние лапы и потереться щекой о руку Карла: Джимми слишком хорошо знал, что случилось бы с ним, не появившись тот со своими людьми в саванне...

Теперь Гийом с нетерпением ждал видений, превращающих его в Джимми. И еще — вечерами, лениво прыгая с тумбы на тумбу в ослепительном свете прожекторов, он скользил глазами по рядам зрителей, терзаемый смутной надеждой встретить там синие глаза той самой Лотты. Он знал, что это невозможно, но все же ложь бывает иногда такой сладкой!

...Двенадцатого мая «Москито» майора Брезе приземлился на авиабазе в Реймсе. Прежде чем Бернар и его неизменный штурман лейтенант Клери покинули машину, на крыло

грациозно прыгнул огромный серо-полосатый кот с белым шрамом на спине. Подошедшие к самолету люди с некоторым удивлением заметили, что широченная физиономия кота как две капли воды походит на злобную оскаленную морду, украшающую потертый борт бомбардировщика.

— Машину доставил, — доложил Бернар молодцеватому генералу, который внимательно рассматривал кота, уже занявшего свое привычное место на плече хозяина.

— Я много слышал про вашего молодца, — щурясь, ответил генерал. — Но не думал, что увижу его воочию. Да и, честно говоря, не слишком верил...

— Это вы про сержанта Пьеро? — осклабился Клери. — Многие тоже не хотели верить, мой генерал. Но он, знаете, умеет внушать доверие. Когда хочет, конечно.

— Сержанта? — поднял брови генерал. — Ну вот, а я хотел его погладить.

— Лучше не надо, — помотал головой Бернар. — Со временем у него испортился характер, и он не подпускает к себе решительно никого, кроме нас с Раймоном.

Пьеро умер сырым майским вечером ровно через два года после того, как последний раз поднялся в воздух. Бернар сидел возле окна, за которым мягко шептал теплый дождь, пил виски и смотрел на тело друга, минуту тому назад прошептавшего ему «ор-ревуар, мон ами...». В смерти Пьеро стал как будто меньше, вновь превратившись в маленького серого котенка, смешно щурящегося в глаза молодому студенту...

Позади было все, решительно все. Первые парижские ячейки маки, расстрел родителей на небольшой площади в Сен-Дени, бегство в Англию на крохотной рыбацкой лодке, учеба в летной школе в Бристоле, невыносимо долгие вечера в ожидании, когда его зачислят наконец в боевую эскадрилью. Десятки раз их «Москито»-патфайндер прорывался сквозь зенитки к германским городам, чтобы сбросить светящиеся бомбы, указывающие путь армаде тяжелых «Ланкастеров», идущих следом, и благополучно возвращался назад. Их везению поразились все.

Но однажды, августовской ночью, крохотный осколок, прошив тонкую стенку кабины, разорвал Пьеро спину и цапнул по позвоночнику. Рана казалась несерьезной, после

недолгого лечения кот снова занял свое место на плече хозяина. Да, тогда она казалась несерьезной... А через год после окончания войны Бернар заметил, что Пьеро стал прихрамывать. Он возил его к лучшим ветеринарам, но те, стоило им увидеть шрам и услышать о его происхождении, только разводили руками. Пьеро боролся как мог, но осколок оказался неумолим.

Бернар зарыл Пьеро в саду своего особняка и позвонил старому скульптору, другу отца. Услышав его просьбу, тот не удивился.

...Когда Джимми подросток, Лотта стала брать его с собой на прогулки вокруг фермы. Иногда с ним гулял и Карл. Глянцевокожие черные люди, что работали в полях, уже привыкли к присутствию молодого льва и перестали пугаться. Иногда они даже подходили ближе, опасливо заглядывая в блестящие глаза зверя.

Джимми вполне устраивала его жизнь, но иногда по ночам к нему приходили неведомые прежде желания, заставлявшие его тихонько скулить, глядя на висящий в небе белый диск луны. Однажды в таком виде его застал Карл, мучившийся бессонницей.

— Да ты уже вырос, мой мальчик, — заметил он, усаживаясь подле льва на корточки. — Скоро вам придется расстаться — Лотта уезжает в Кейптаун в пансион для девочек. Жаль, я не успел подготовить тебя к самостоятельной жизни.

Джимми всхлипнул и потерял носом о его штанину.

После отъезда Лотты в его жизни наступила пустота. Он не хотел вспоминать сцену прощания, поэтому не увидел ее и Гийом. Но, живя в своих видениях жизнью того юного льва, он ощущал боль, терзавшую дух Джимми, его отчаянные попытки уловить хотя бы тень привычного запаха девушки — и снова принимался искать Лотту среди улыбающихся лиц вокруг арены.

Постепенно видения стали приходить реже, да и выглядели они какими-то тусклыми. Гийом понял, что к нему мягко подкралась старость. Его тело, прежде безусловно гибкое и сильное, теперь болезненно реагировало на осенние дожди. У него выпал зуб, потом другой. Он продолжал работать на арене, но по взглядам хозяина понимал, что конец карьеры.

еры не за горами. Гийом не знал, что станет с ним в тот неизбежный день, когда он больше не сможет потешать публику, но догадывался, что ничего хорошего ему не светит.

...Годы спустя колонель Раймон Клери, выйдя наконец в отставку, написал книгу «Хвост укажет цель», посвященную удивительной дружбе человека и кота, не раз спасавшего ему жизнь. Прием, посвященный ее выходу, решено было провести в особняке видного финансиста мсье Брезе, майора в отставке и одного из главных героев книги.

Колонель Клери долго стоял в саду особняка, вытянув руки по швам, глядя на странный памятник, зачем-то установленный там: огромный кот, подняв к небу щекастую морду, сидит на спинке пилотского кресла. Потом двое молодых офицеров в синей форме установили перед памятником венок и отдали коту честь. Клери отошел в сторону: на глазах у него блестели слезы.

В тот вечер к Бернару подошел человек в поношенном пиджаке с кожаными накладками на локтях.

— Мы с вами встречались в префектуре, мсье, — начал он.

— Да, — кивнул Бернар, отвечая на рукопожатие. — Вас зовут Шони, если не ошибаюсь?

— Да-да, Шони... у меня к вам немного необычная просьба, мсье Брезе. Один мой приятель — владелец небольшого цирка. Бродячего цирка. Так вот, у него есть лев, совсем уже старый, работать почти не может, а усыплять его жалко. Я знаю, у вас связи решительно везде, так вы... вы не могли бы помочь устроить его в какой-нибудь зоопарк? Лев такой славный, совершенно ручной, с ним не будет никаких проблем...

— Лев? — что-то вдруг пребольно кольнуло Бернара под левой лопаткой. — Ну вы даёте, мсье Шони... Впрочем, давайте сделаем так: у вас есть визитка?

Той ночью Бернар, утомленный количеством поглощенного с Раймоном Клери кальвадоса, долго ворочался в постели. Едва он уснул, как перед ним появилась умильная мордочка маленького серого котенка, и мсье Брезе, видный финансист, боевой пилот и майор в отставке, беззвучно зарыдал во сне.

Следующим вечером его «Кадиллак» остановился возле каких-то облупившихся складов в парижском пригороде.

— Ну, показывайте вашего льва, — приказал он.

Шони и хозяин цирка мсье Робер провели его длинным, воняющим навозом коридором в большое помещение с крашеными зелеными стенами. Мсье Робер отдернул край полога, накрывавшего клетку. Брезе подошел ближе.

На дощатом полу, робко моргая от бьющего в глаза света, сидел старый, облезлый, как древний плюшевый диван, лев в широком кожаном ошейнике. Бернар встал вплотную к прутьям и поймал вдруг взгляд зверя. В этот миг он понял, что у льва отчаянно колотится сердце; он хотел что-то сказать ему, даже приоткрыл немного рот, но не решился, так и замер с чуть высунутым языком.

— Как его зовут? — отрывисто спросил Бернар, не оборачиваясь.

— Гийом, мсье, — с готовностью ответил Шони.

— Очень хорошо. Анна, — Бернар повернулся к секретарше, стоявшей у двери, зажимая нос надушенным платочком, — распорядитесь насчет купчей. И сегодня же закажите приличный вольер.

— Купчей? — растерялся хозяин цирка.

— Ну да, купчей. Я забираю его. Или вы не хотите его продавать?

...Видел он уже плохо, но зрение почти не потребовалось. В тот миг, когда в глаза Гийома ударил свет, заставивший его очнуться от дремы, он понял, что нашел то, что искал столько лет. Высокий человек, стоящий перед клеткой, имел внутри себя нечто объединявшее его с друзьями почти забытого уже львенка Джимми — Лоттой и Карлом. Гийом не знал, что именно, да, собственно, подобное знание и не несло в себе какого-либо смысла. Он чувствовал, и этого было достаточно.

Его сердце заколотилось, как после долгой погони. Гийом вдруг испугался, что умрет прямо здесь: ему надо было многое рассказать этому человеку, но он не знал как...

На следующий же день он оказался в грузовике, и его долго куда-то везли.

Гийом прожил еще достаточно долго. Ему было хорошо:

часто, погружаясь в старческую дрему, он ощущал себя юным львом Джимми, окруженным прежде незнакомой человеческой любовью. Хозяин, Бернар, часто приезжал на старую нормандскую ферму, чтобы посидеть с рюмочкой рядом со львом, которого по такому случаю приводили из чистого просторного вольера в дом, пахнувший теплом множества поколений. Он, проживший внутри себя десятки чужих жизней, жизней своих предков, ощущал это тепло, и оно несло ему умиротворение.

В один из вечеров Гийом понял, что жизнь подошла к концу. Старый лев уснул — и вновь ощутил себя посреди саванны. Он опять, как когда-то, стал Джимми; но не тем львенком, которого подобрал бур по имени Карл, а взрослым зверем, давно уже живущим собственной жизнью.

Что-то беспокоило его, и это беспокойство, свербящее затылок, с каждым шагом становилось все сильнее. Не понимая, зачем он это делает, лев бросился вперед. Взлетев на невысокий холм с плоской, будто срезанной вершиной, он словно окаменел. Прямо на его глазах творилось нечто невозможное, необъяснимое.

Но еще раньше его ноздри поймали легкий горячий ветер, принесший с собой запах — чужеродный настолько, что бока Джимми нервно вздулись и опали в растерянности. А потом он увидел Карла. В том, что это именно Карл, а не другой белый, не могло быть ни малейших сомнений: Джимми мог узнать его хоть днем, хоть ночью. Но что-то было здесь не так... Две блестящие фигурки, внешне похожие на человеческие, но на самом деле абсолютно чуждые этому миру, стояли в двух прыжках от замершего, нелепо скорчившегося Карла, издающего странные всхлипывающие звуки. Неожиданно Карл повернул голову. Их глаза встретились, и отчаянная немая мука, сверкнувшая в подсознании Джимми, заставила его, не раздумывая, броситься вниз с холма.

При виде несущегося на них льва серебристые фигурки нелепо задергались из стороны в сторону. Вскрикнув, Карл распрямылся и тут же попятился: чужаки потеряли свою власть над ним, он вновь обрел способность двигаться.

Джимми взревел. Ему оставалось два прыжка. Теперь — один!

Что-то ударило его по глазам, и он с изумлением понял,

что серебристые исчезли в плеснувшем с неба алом луче — пропали, словно их никогда и не было.

Судорожно крестясь, Карл упал на колени. Джимми, все еще смущенный исчезновением серебристых, осторожно подошел к нему и басовито муркнул. Не поднимаясь с колен, Карл обнял его правой рукой, зарывшись лицом в спутанную гриву. Лев улегся рядом с ним и прикрыл глаза.

...Гийом вздохнул и попытался встать. Задние лапы почему-то не хотели держать его, и тогда он пополз, загибая под себя ковер передними.

— Что ты? — вскинулся Брезе. — Тебе плохо?

Лев подполз к Бернару, устало опустил тяжелую голову у его ног и едва слышно мяукнул. Потом его сердце ударило в последний раз, и Гийом навсегда вернулся в залитую белым солнцем саванну.

ДОМ НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

Квину считал свою жизнь апологией серости. На протяжении многих лет в ней не обнаруживалось ничего заслуживающего внимания — ни чужого, ни его собственного. Он коптил небо строго в отведенных для этого судьбой местах: по будням — на маленьком заводе, где работал технологом (по девять часов в день его слух бесплатно услаждала злобная и подлинно индустриальная музыка в исполнении металлорежущих станков и зудящее пение стружки), по выходным и по ночам — в квартире многоэтажки, торчавшей на окраине города, с видом на грандиозную мусоросжигательную печь, которая навевала бесформенные мысли о концлагере и вполне реальный дым. В этом дыме, уплывающем в никуда, угадывалась не только его сторевавшая молодость; он мог бы показать желающим еще по крайней мере тысяч двадцать таких же счастливицков. Но кого интересовала эта безликая толпа?

В иные дни он, случалось, коротал вечера в бильярдной под перестук шаров и тихий интеллигентный мат, и совсем уж редко его заносило в местный театр, где Квинт никак не мог решить, что хуже — неизбежное клеймо провинциализма или снобизм заезжих столичных штучек.

При этом он вполне осознавал, что жизнь бывает и хуже. Намного хуже. С возрастом он научился ценить то, что имел. Обывательский комфорт — совсем не плохая штука, особенно когда возвращаешься из холодной сырой темноты.

Друзей-приятелей у него не было. Постоянной подружки — тоже. При зарождении каждого нового романа он почему-то заранее знал, что это ненадолго. Убийственное начало для прочных отношений, не правда ли? Книги заменяли Квинту почти все. И почти всех. С ними ему было спокойнее, чем с людьми — с живыми людьми, конечно. Квинт частень-

ко жалел о том, что некоторых типов нельзя свести к набору букв, спрятав их между страницами. В конце концов, плохую книгу всегда можно было отложить или выбросить в мусорное ведро. Затем она превращалась в дым, который плыл над западной окраиной и временами застилал даль.

Хорошие книги, хорошая музыка вызывали у Квинта двойственное чувство. С одной стороны, в них была тайна и запредельность, в которые ему не дано было проникнуть, с другой — он испытывал горечь и сожаление — нечто похожее на детскую обиду, когда понимаешь, что всего лишь еще раз побывал в Диснейленде для взрослых, позволил воображению вдоволь поиздеваться над собой, застрявшим в тупом углу реальности.

И все-таки Квинт не мог и двух дней прожить без очередной дозы интеллектуального наркотика. Компьютеры, Интернет, аудиокниги и прочие современные игрушки его не увлекали. Он признавал лишь добрые старые прошитые томики, в которых находил подтверждение тому, что, по большому счету, ничего не меняется, а значит, черпал утешение, разделяемое всеми, не оставляющими следа.

На тряпки и еду он тратил мало, поэтому у него всегда водилась лишняя сотня в кармане. Вместо того чтобы пропивать излишки образования, как это делали многие из его ровесников — и, может быть, поступали мудро (разве Хайям не твердил о том же?), — Квинт предпочитал покупать книги. Страсть, ошибки, устремления и, самое главное, понимание в одном флаконе. Если вдуматься, перечисленное обходилось ему совсем дешево. Только иногда он спрашивал себя, глядя вслед уходящему поезду: где же его собственная жизнь?

В книжном магазинчике с незамысловатым названием «ВООКашка» была продавщица по имени Маргарита, с которой у Квинта установились приятельские отношения, основанные исключительно на схожих литературных пристрастиях. Марго много курила, поглощала кофе в непостижимых количествах и была поведена на тему смерти. Какой-то злой шутник из заезжего балагана однажды сказал ей, что она умрет молодой. Предсказание стало чем-то вроде раковой опухоли. Возможно, оно не убивало ее медленно (или быстро — как посмотреть), но, во всяком случае, сильно затемняло горизонт. Порой Квинту начинало казаться, что в

голове у Маргариты тикает часовой механизм и эту тощую девицу с преждевременно посеревершим лицом вот-вот размажет взрывом по стенам, стеллажам и книгам. Впрочем, впечатление бывало секундным, а до и после они могли мило и откровенно беседовать о чем угодно. В том числе и об адских машинках в мозгах некоторых людей. И о смерти, конечно, тоже.

Эти беседы нередко затягивались на несколько часов. Квинт имел обыкновение заходить в «ВООКашку» вечером, незадолго до закрытия. У него оставалось время ознакомиться с книжными новинками, а потом Марго запирала дверь, и они устраивались в маленьком уютном кабинете в задней части магазина, где к их услугам была пара уютных кресел, а самое главное — огромное количество объектов общего интереса, стоило лишь сделать несколько шагов и протянуть руку.

Пару раз они засиживались далеко за полночь, а однажды даже провели подобным образом новогоднюю ночь. Когда Квинт возвращался домой, он чувствовал все тот же холод самоотчуждения. Оба были одиноки, но это их не сблизило по-настоящему. Квинта она не возбуждала. Возможно, что-то отталкивало его на подсознательном уровне. Они обсудили и это — запретных тем у них не было. Квинт понимал, что, вероятно, и сам отмечен таким же невидимым клеймом. Другие люди садились с ним рядом лишь тогда, когда не оставалось других вариантов, да и он с трудом выдерживал компанию подавляющего большинства себе подобных. Зато калеки, собаки и кошки ничего не имели против него. Маргарита, кстати, держала дома тритона.

В общем, их не тянуло друг к другу, если не считать потребности в эпизодических бесполом отношениях. В некотором смысле разговоры в задней комнате магазина были трепом идеальных читателей, не отягощенных попытками выставить себя в выгодном свете и преуспеть на поприще самоутверждения. Впрочем, иногда они подолгу молчали, глядя на догорающие свечи или на догорающую вечернюю зарю — в зависимости от времени года.

Казалось, так будет и впредь, по крайней мере ни Квинт, ни Марго не захотели бы ничего менять по своей воле. Инстинкт подсказывал, что серая жизнь имеет огромный запас

устойчивости — в подавляющем большинстве случаев. Но не всегда. Равновесие было нарушено в последнюю субботу октября.

* * *

Квинт появился в «ВООКашке», имея при себе бутылку сухого вина и твердое намерение обеспечить себя чтивом на грядущий выходной. Заметив три-четыре фигуры между стеллажами, он поприветствовал Маргариту издали. В ответ она предъявила ему улыбку с сильно смещенным центром тяжести. Марго перешла на толстые сигары. У Квинта это вызвало предположения в духе папаши Фрейда, которые он решил пока оставить при себе. Он двинулся вдоль стеллажей, высматривая добычу, а Маргарита тем временем обслуживала крупногабаритную даму, покупавшую всего «Гарри Поттера».

Находясь в свободном поиске, Квинт вполне доверял своей интуиции. Она его редко подводила. Он почти не глядел на обложки и никогда не читал аннотаций. Блуждающая правая рука сама обнаруживала цель. Квинту оставалось лишь следовать игре, об истинных правилах которой он имел самое смутное понятие.

В тот вечер, совершая обычный ритуал, он наткнулся на «Эхо проклятия», открыл книгу на первой странице и понял, что воскресенье не пропадет зря. Прихватив с собой еще и DVD с энциклопедией средневековой японской живописи, Квинт направился к кассе. Марго уже выпроводила толстуху и теперь сквозь зубы отвечала молодому человеку, который, похоже, не знал, чего хочет. Квинт подождал в сторонке, глядя через витринное стекло на улицу. Там скользила неясная череда теней, как будто ад уже наступил, поднялся подобно темному континенту из глубин тотальной летаргии — тяжелый мутный сон, завоевавший явь без единого звука. Электрический свет был последней надеждой существ, навеки утративших звезды...

Звякнул колокольчик над дверью. Юнец удалился. Квинт ринулся на свой обитаемый остров, ощутив желание поскорее переместить вино из бутылки в желудок, но на полпути его остановила Марго.

— Сегодня смываюсь раньше, — сказала она, надевая плащ, и быстро пересчитала деньги в кошельке.

— Ладно.

Он не сильно огорчился. У него уже было все, чтобы хорошо провести этот вечер.

— На, прочти, если интересно. — Уже возле двери Марго сунула ему какую-то карточку, размером чуть больше обыкновенной визитки, а сама занялась сигнализацией.

При свете фонаря, горевшего над входом в магазин, Квинт прочел запись, явно сделанную наспех ее рукой, словно под диктовку с чьих-то слов: «Программа «Последний свидетель». Переживите чужую смерть, как свою собственную, и ощутите вкус жизни заново. Глубокий психотерапевтический эффект. Не виртуальные технологии. Не галлюциногены. Только для совершеннолетних». В самом низу мелким почерком был записан адрес и номер мобильного телефона.

Квинт криво усмехнулся. Марго, чей способ мышления иногда напоминал ему кристаллическую решетку, в которой заблудились призраки позапрошлого столетия, имела как минимум одно слабое место. «Смерть» — это было, конечно, ключевое слово. Услышав или увидев его, Маргарита превращалась в животное на ночном шоссе, ослепленное фарами тяжелого грузовика. До сих пор грузовики проезжали мимо. Но Квинт отчего-то был уверен, что так будет не всегда. И она, должно быть, тоже предчувствовала это.

— Ну, что скажешь? — бросила Марго на ходу, устремляясь к стоянке такси. Квинту пришлось ее догонять. Он не делал бы и этого, если бы не возникшая слабая искра интереса.

— Херня какая-то.

— Посмотрим.

— Что за контора?

— Увидишь.

Она была полна решимости. Он подумал: почему бы и не развлечься? Чтобы нанести цветной мазок на однообразно серый фон, вполне сойдет и «Последний свидетель». Насчет «нового вкуса жизни» — конечно, дешевка. Квинт считал, что жизнь имеет в лучшем случае пресный вкус овсянки, в

худшем — дерьма. И если не хочешь жрать дерьмо, довольствуйся овсянкой.

Похоже, вялая философия сочеталась у него со столь же вялым чувством долга. Марго могла влипнуть в неприятную историю, проще говоря, в то самое дерьмо. Дело было в указанном в карточке адресе. Улица на Лысой Горе. Одно это название тотчас вызывало у Квинта наплыв воспоминаний не самого приятного свойства.

* * *

Лысая Гора — это была северная окраина города, когда-то действительно безлесный холм, затем район respectable особняков, который ныне пришел в упадок по не совсем понятным причинам. Лет тридцать назад здешние обитатели — публика вполне благополучная — ни с того ни с сего принялись вымирать с пугающей и необъяснимой быстротой. Большинство оставшихся предпочло переселиться, бросив шикарные по средним городским меркам дома. И лишь немногие продолжали испытывать судьбу. Впрочем, рак, шизофрения, психозы, самоубийства и прочие смертоносные факторы грозили вскоре выкосить последних упорствующих.

Недостатка в предположениях не было. Среди них хватало и научно обоснованных, и совсем уж фантастических вроде того, что Лысая Гора — никакая не гора, а могильник Древних или место крушения инопланетного корабля. Независимо ни от чего территория площадью в несколько десятков квадратных километров уже лет двадцать как превратилась в идеальную декорацию для съемок постапокалиптических фильмов.

Поскольку аномальная зона не обнаруживала тенденции к разрастанию и была достаточно четко очерчена, городские власти были вынуждены смириться с ее существованием. Время от времени Лысая Гора попадала в фокус внимания исследовательских групп и, соответственно, прессы разной степени желтизны, но из-за отсутствия внятных результатов каждая новая волна шумихи была чуть слабее предыдущей и быстро сходила на нет.

Квинт побывал на Лысой Горе дважды. Впервые — когда

ему было лет тринадцать. Он отправился туда со своим школьным дружкой, склонным к авантюрам и впоследствии плохо кончившим. Оба начитались Эдгара По, а щекочущие нервы слухи только начинали распространяться. Во время восьмичасовой экспедиции приятели многократно нарушили границы частных владений, но не обнаружили ничего достойного их возбужденного Эдгаром По воображения, если не считать дохлой кошки в колодце на заднем дворе пустого особняка. Дружок Квинта был наказан за длительное отсутствие потерявшими терпение предками, а сам Квинт нимало не пострадал — тетка, у которой он жил, исповедовала передовой принцип, согласно которому лучшее воспитание состояло в его отсутствии.

Второе посещение Лысой Горы состоялось в гораздо более зрелом возрасте. И что, как не взывавшие гормоны, могло заставить Квинта сделать глупость? Ему казалось, что он без памяти влюблен, его тогдашняя подруга, по-видимому, тоже пребывала в подобной приятной иллюзии. Во всяком случае, они решили устроить пикник на вершине Горы, откуда теоретически открывался прекрасный вид на город.

Обоим было по двадцать пять. Наверное, сказала задержка в развитии, но тогда Квинт, помнится, еще был способен на дурацкие подвиги ради любви и совершил противоправное деяние, угнав мотоцикл. Подруга оценила такую личность и отдалась ему сначала на открытом воздухе под заходящим солнцем, затем на шикарной, хотя и чрезвычайно пыльной постели размером с вертолетную площадку в доме, облицованном розовым мрамором и принадлежавшем когда-то местному преступному авторитету. Позже они переходили из комнаты в комнату и занимались любовью под покрытыми странной лиловой плесенью картинами и фресками, среди засохших цветов и напольных часов с неподвижными стрелками и маятниками.

...Солнце угасало, мрамор наливался кровью, холодный ветер проникал через разбитые стекла, дом оживал с приходом темноты, и в этом не было ничего приятного. Правда, до определенного момента Квинт мало что замечал вокруг, вернее, замечал ровно столько, чтобы осознать: такое случается раз в жизни. Девушка предавалась сексу самозабвенно, и в этом деле для нее не существовало запретов; любовники,

которые вкушали роскошь первой ночи, были целиком поглощены друг другом и не обращали внимания на знаки, а между тем божок расплаты уже ухмылялся вовсю.

Водопровод, как ни странно, оказался исправен, и они вдоволь побарахтались в бассейне. Хотя секс в невесомости не слишком впечатлил Квинта, он, по крайней мере, мог сказать, что испробовал и это. Потом они проголодались, но легкий ужин не притупил другого аппетита. Квинт вдоволь напился шампанского из ее впадин; она продемонстрировала ему, каким может быть оргазм, массируя пальчиком его простату. Ему также врезался в память зимний сад — он лежал на полу, подруга была сверху, а вокруг нее размытым ореолом шевелились силуэты орхидей, за которыми вроде бы некому было ухаживать... Тогда-то и начался кошмар.

В тот день и особенно в ту ночь Квинт узнал много нового о сексе, о себе и о Лысой Горе. Достаточно, чтобы это навсегда отбило у него охоту бывать там и убедило в преимуществах тихой спокойной жизни без всяких приключений.

Он вернулся домой под утро. Пешком. Один.

Труп его подруги так и не нашли.

* * *

Устроившись рядом с Маргаритой на заднем сиденье такси, Квинт пытался понять, какого черта он здесь делает. Таксист согласился везти их только до Крутой площади, от которой начинался Розовый бульвар — когда-то центральная улица Лысой Горы. Маршрут, как видно, был для него привычным — парочки нередко искали уединения в пустующих домах. При этом все отлично знали границу, дальше которой углубляться не стоило.

Но поскольку Квинт собирался вслед за Маргаритой пересечь запретную черту, он спрашивал себя — зачем. Ему не было свойственно извращенное любопытство, а как женщина Марго его абсолютно не волновала. Конечно, он до сих пор ощущал какую-то смутную рудиментарную вину — иногда ему снились плохие сны, в которых он снова оказывался в доме на Горе и, что хуже всего, не один. И снова шевелились тени орхидей на фоне разбитых окон и падающего закатного неба, и кровь заливала розовый мрамор, и вкрадчи-

вый плеск воды в бассейне оборачивался то темным приливом страха, то звуками шагов, то шепотом в голове, от которого было одно спасение — загнать десятисантиметровые гвозди себе в уши.

Таким образом, ему оставалось посмотреть в глаза не очень красивой правде: он решил воспользоваться подвернувшимся случаем и выбрал весьма опасный способ избавиться от своих кошмаров. Ну а кто и когда видел красивую правду? Все складывалось гладко: инстинкт жертвы увлекал Маргариту навстречу неизбежному концу, а Квинт всего лишь сопровождал ее до входа в лабиринт, словно девушку, приготовленную для Минотавра. Правда, по слухам, Минотавр жрал не только девушек...

Что-то подсказывало Квинту: отговаривать Марго бесполезно, для нее это важно, намного важнее всего, что было и случалось раньше. Кроме того, ему не хотелось выглядеть малодушным — пусть даже в глазах не вполне здоровой женщины. И если заявленная «Программа» окажется просто чьей-то дурацкой шуткой, они оба потеряют разве что пару часов. Еще останется время вернуться в «ВООКашку» и напиться.

* * *

Когда Квинт очутился на Круглой площади и поднял глаза на темную громаду Лысой Горы, решимости у него поубавилось. Задние огни такси быстро удалялись — момент прыгнуть обратно в машину он явно упустил. Но, честно говоря, он готов был и пешком топтать прочь отсюда — черт с ними, с лужами и дождем, с разбитыми дорогами и октябрьской грязью. Тем не менее, помедлив секунд десять, он поплелся вслед за Марго, будто Данте за тенью мертвеца, — в то самое место, которое вполне могло снова оказаться для него адом на земле.

Правило «не оборачиваться» он нарушил дважды. Городишко сиял внизу россыпями электрических огней, которым разлитая в воздухе сырость придавала слезоточивое свойство. Но вскоре бульвар обнял Квинта своими черными ветвящимися руками и прижал к своей черной асфальтовой груди, так что он больше не видел смысла пялиться назад, в

светлеющий проем между деревьями. Кроны разрослись и порвали провода, в двух местах пришлось перешагивать через поваленные ветром стволы. Декоративные живые ограды, некогда аккуратно подстриженные, теперь достигали трехметровой высоты и, если бы не облетевшие листья, полностью скрывали бы постройки. Сквозь плотный часток кол ветвей можно было разглядеть ветшающие крыши, каминные трубы, покосившиеся антенны, белеющие беседки, детские качели. Все изменилось почти до неузнаваемости, впрочем, в прошлый раз Квинту было не до знакомства со здешними достопримечательностями. Зато подкатывало свинцовое чувство, хорошо знакомое ему по дурным снам: лед в кишках и гнетущая тревога. Вдобавок не хватало то ли воздуха, то ли слюны.

Марго, даже если и попала под гипноз этого места, ничем не выдала смятения. Как оказалось, она успела заранее посмотреть старую городскую карту и теперь более или менее уверенно ориентировалась на местности. Дело несколько облегчалось тем, что кое-где на заборах и воротах еще сохранились номера домов. Побег дикого винограда сплетались в хитрые вензеля, сквозь которые проступали цифры, будто скрытые образы прошлого, и можно было только гадать, во что превратятся здешние головоломки лет через пятьдесят.

Они дошли до перекрестка, и Квинт оглянулся опять. Стало ясно, что забрались они не так уж далеко, просто каждый шаг давался ценой определенного напряжения. И чем дальше, тем больше оно нарастало — ожидание худшего, выносимое до тех пор, пока не зазвенело в ушах. Откуда тут мог взяться треснувший церковный колокол? Его и не было.

Остановившись, Квинт схватил и потянул Маргариту за руку. Она странно посмотрела на него и сказала:

— Правильно, уже пришли. Вот это место.

Только теперь он осознал, что было не так на самом деле: слабое свечение, которое немислимим образом легло на ее лицо, словно тень. Пепельно-серый свет проникал из окон ближайшего особняка сквозь плотные шторы. Этот свет чем-то напоминал паутину — такой же эфемерный и почти незаметный до того момента, пока Квинт не обнаружил его источник, а потом оставалось только удивляться тому, что так долго и тщетно вглядывался в темноту. Но возможно, все

объяснялось гораздо проще: свет в особняке зажёгся минуту назад.

Ясно было, что этот дом в отличие от соседних обитаем — пока или уже? — и хозяин поддерживает его в сносном состоянии. Конечно, признаки упадка были заметны и здесь, парк одичал, невысокая ограда и южная стена сплошь заросли диким виноградом, однако чья-то рука определенно и не без умысла придавала медленному умиранию ностальгический оттенок, в котором, по мнению Квинта, заключалось несомненное очарование. Настоянный на осенней горечи воздух был почти неподвижен. В узкой аллее, ведущей от калитки к дому, сплошным ковром лежали листья — скорее всего, не по причине хозяйской лени.

Кованые ворота отлично сохранились — обращал на себя внимание сложный символ на обеих створках, зашитый в абстрактный узор. В углу двора торчал флагшток, на котором повис флаг неразличимых цветов. Тускло поблескивали влажные каменные скамейки и стол.

Маргарита уже протянула руку к кнопке электрического звонка, когда на улице раздался едва слышный скрип. Квинт быстро обернулся. Звук стал громче. К ним приближалась темная тощая фигура на старом несмазанном велосипеде. Человек в дождевике неспешно проехал мимо, не обратив на гостей ни малейшего внимания. Им так и не удалось разглядеть его лица под капюшоном.

Велосипедист представлял собой исключительно мирное зрелище, однако Квинту сделалось не по себе. В движении тощего всадника было что-то сомнамбулическое, едва ли не бредовое. Его кажущаяся нелепость ни на секунду не выглядела забавной и была будто позаимствована из какого-нибудь сюрреалистического фильма. Спустя всего минуту после того, как затих скрип ржавой цепи, Квинт не поручился бы, что велосипедист не был плодом его воображения.

Он повернулся к своей спутнице. В ответ на его недоуменный взгляд Марго пожала плечами и сказала:

— Не бери в голову.

Звонок прозвучал приглушенно и мелодично, напомнив Квинту китайский «поющий ветер». Из дома вышел человек, который при ближайшем рассмотрении оказался молодым и улыбчивым. Он был одет во все черное, только шею окайм-

лял белый воротничок, из-за чего парень смахивал на католического священника — современный прогрессивный вариант святого отца, имеющего возможность в любой момент связаться с богом по мобильному телефону. Голос у него был глубокий и низкий, а тон уверенный.

— Вы, должно быть, Маргарита. — Не дожидаясь подтверждения, он представился: — Меня зовут Рауль, я ассистент профессора Леонарда. Добро пожаловать. — Он распахнул калитку и подкрепил свои слова приглашающим жестом.

«Еще и профессор на мою голову», — подумал Квинт. Марго опередила его на несколько шагов. Он украдкой посмотрел, на чем держится калитка, и с некоторым удовлетворением убедился, что держится она на соплях.

Ковер из листьев заглушал звуки шагов. По обе стороны аллеи стояли кадки, в которых когда-то что-то росло, а теперь торчали белесые скелетики. Квинт двигался медленно, по возможности изучая обстановку. Рауль держался в метре позади него. Увидев, что Маргарита остановилась перед дверью, «ассистент» сказал:

— Входите. Профессор вас уже ждет.

Квинт напрялся. Ему не понравилось, что Марго не предупредила его о назначенной по телефону встрече, хотя это ничего не меняло.

Внутри особняк ничем не напоминал роскошные интерьеры дома на Горе. Квинт даже поймал себя на том, что не возражал бы, если бы так выглядело его собственное жилище. Это был просторный и основательный дом без намека на всякую паранормальную чушь из обожаемых Маргаритой мистических триллеров. Обилие дерева, стены и потолки пастельных тонов, приглушенный и не раздражающий глаз свет ламп, зажженный камин и неплохие пейзажи в кабинете профессора, куда препроводил гостей услужливый Рауль. И, конечно, книги. Множество книг в добротных старых шкафах. Квинт обратил внимание на полное отсутствие фотографий. Единственным необычным предметом была установленная посреди кабинета четырехгранная воронка из какого-то темного материала на ажурной стальной раме, обращенная раструбом к письменному столу, за которым восседал хозяин.

Квинт обратил на него свой предвзятый взгляд. Придаться было не к чему. Внешне профессор Леонард оказался само благообразие. Темный костюм был безупречен. Манеры и голос также производили самое лучшее впечатление. Состоялось краткое знакомство. Квинт не выносил прикосновения влажных ладоней при рукопожатии. Рука у профессора была сухая и твердая.

С его позволения Квинт расположился в одном из кресел справа от стола, а Марго — на диванчике, напоминавшем анекдотическую кушетку психоаналитика. Рауль тихо удалился.

— Благодарю вас за то, что согласились принять участие в эксперименте.

Поскольку профессор явно обращался к ним обоим, Квинт решил дать понять, что он хоть и заинтересованное лицо, но все же занимает позицию стороннего наблюдателя.

— О каком эксперименте идет речь?

— Вы, безусловно, имеете право получить исчерпывающую предварительную информацию. Эксперимент состоит в следующем. Вы приобретаете новое качество жизни путем временного внедрения в чужое сознание. Я нашел способ присоединить вас — не в физическом смысле, конечно, — к обреченному человеку. Таким образом, вы сможете сопровождать его до последнего мгновения и даже... м-м-м... немного дальше.

— К какому именно человеку? — спросила Марго. Квинт видел, что при слове «обреченному» у нее загорелись глаза.

— В некотором смысле это зависит от вас. Заранее указать конкретный объект невозможно, но уверяю вас: все это люди, которые действительно обречены. Жить им осталось не более суток. Вы проведете эти сутки вместе с ними.

— Смертельно больные? — подал голос Квинт.

— Не обязательно. Среди них есть и те, которые не ведают о скором конце. Например, будущие жертвы авткатастроф.

— Тогда зачем... — Квинт осекся.

— Хотите сказать, какая польза от такого взаимодействия? Для вас — вполне ощутимая. В большинстве случаев объект не подозревает о близости смерти или не в состоянии адекватно воспринять ее неизбежность. Но вы-то предупре-

ждены. Согласитесь, это многое меняет. Уверяю вас, эффект глубочайший.

— Откуда вы знаете?

— Уже испробовал на себе.

— Значит, мы первые подопытные?

— Я же сказал: первым был я.

— У вас не возникало желания вмешаться? — неожиданно спросила Маргарита.

Профессор пристально посмотрел на нее. По мнению Квинта, этот вопрос должен был окончательно убедить Леонарда в том, что девица с прибабахом.

— Если под вмешательством вы подразумеваете попытки изменить судьбу обреченных, то это совершенно исключено. Вы станете именно свидетелями, а не участниками событий — если согласитесь, конечно. Поток информации, воспринимаемой объектом и передаваемой вам, имеет сугубо однонаправленный характер. Это принципиальное свойство открытого мной метода, иначе я навлек бы на себя гнев того, чья заявка имеет абсолютный приоритет.

Квинту пришло в голову, что профессор выражается чересчур витиевато. Кроме того, от последнего замечания потянуло ненавистным ему мистическим душком.

— Поймите, — продолжал Леонард, — тут не должно быть места ложному состраданию. Дни и часы этих людей уже сочтены. Никто не в силах им помочь. Единственное, что вы в состоянии сделать, — это использовать чужую смерть, чтобы продолжать жить. Звучит немного цинично, но так оно и есть. Учиться жить никогда не поздно. Я, конечно, имею в виду полноценную жизнь.

— Я не знаю, что это такое, — вставил Квинт.

— Правильно, иначе вас бы здесь не было, — тотчас отозвался профессор. — Не хочу показаться самодовольным, но если речь идет об ограниченном времени, мой метод представляется мне единственно действенным и быстрым способом радикального изменения сути нашего бытия. Обычно все мы понимаем, что жили не так, как надо, когда уже слишком поздно. Таким образом, мы узнаем истину, ставшую к тому моменту бесполезной и даже болезненной. Профилактическое лекарство существует, и оно доступно буквально каждому, однако мы отделены от него завесой, сотканной

нашим сознанием. Это самая изощренная и смертельная ловушка из всех, которые мне известны.

— Ну а вам-то что за дело? — прямо и грубо спросил Квинт. Маргарита бросила на него гневный взгляд, но он продолжил: — Надеюсь, вы не станете убеждать нас, что занимаетесь благотворительностью или спасением заблудшего человечества?

— Боже упаси. — Профессора Леонарда эти вопросы, похоже, нимало не задели и даже немного позабавили. — Вам предлагается участвовать в промежуточной стадии эксперимента. Как вы понимаете, предела совершенству нет. Лично я собираюсь пойти гораздо дальше.

— Куда уж дальше, — пробурчал Квинт, собираясь с мыслями. Объяснения Леонарда звучали бредово, но в этот бред Квинт уже поверил. От слова «дальше» на него повеяло неземным холодком. В то же время оставалось непонятным, зачем профессору вообще нужны добровольцы, если эксперимент совершенно безопасен.

Маргарита по-прежнему взирала на Квинта враждебно. В ее взгляде явно читалось: «Какого черта тянешь волюнку, кретин? Не нравится — вали отсюда!» Квинта это не удивляло — потенциальные жертвы не ведают сомнений. Он стал демонстративно разглядывать мебель. Проследив за его взглядом, Леонард, похоже, решил воспользоваться моментом, чтобы разрядить обстановку.

— Прекрасный дом, не правда ли? И обошелся до смешного дешево. Мне показалось, прежние хозяева были рады от него избавиться. Ну, теперь-то я понимаю почему.

— Вы могли бы и не покупать.

— Мог бы, но купил и не жалею. Видите ли, я люблю тишину и уединение. Там, откуда я приехал, не было ни того, ни другого. А здесь идеальное место для моих исследований. Я могу заниматься ими без помех, шума и суеты. Особенно по ночам.

Квинт вслух усомнился, что и днем на Лысой Горе царит оживление.

— Ваш друг большой скептик, — заметил Леонард, обращаясь к Маргарите.

Та пожала плечами:

— Никто никому ничего не должен. Лично я по-прежнему хочу попробовать.

Тон Леонарда сразу стал деловым и похолодел градусов на двадцать:

— Отлично. Тогда, если не возражаете, молодой человек, Рауль вас проводит...

Квинт попытался представить, как все это выглядит со стороны. И озвучил в отрезвляюще простых выражениях. Некий тип, называющий себя профессором, заманивает к себе одержимую смертью дурочку со своим дружком, у которого не хватило духу отказаться. Интересно, кстати, как этот Леонард вообще узнал о ее существовании. Скорее всего, побывал в «ВООКашке» и, поговорив с Марго, сразу смекнул, с кем имеет дело. Далее: профессор рассказывает своим гостям о якобы открытом им способе сопровождать без пяти минут мертвеца до могилы. Занятие в высшей степени облагораживающее и, если верить Леонарду, эффективно прочищающее мозги. А теперь позвольте вопрос на засыпку: кто из этих троих псих? Ответ: как минимум двое. И Квинт вроде бы не собирался становиться третьим. А если так, то что ему остается? Правильно — послать профессора к черту.

Что он и сделал.

Напоследок он повернулся к Маргарите и спросил на всякий случай:

— Ты идешь?

— Нет.

Ему показалось, что теперь она смотрит на него с презрением. Ну, этими штучками его не проймешь.

Он направился к выходу, внутренне готовый к худшему. Рауль не выглядел здоровяком, но на всякий случай Квинт по пути прихватил кочергу. Она ему не понадобилась.

Он без помех выбрался на улицу и быстро зашагал в сторону Круглой площади. Он глубоко дышал, словно пытался избавиться от последнего кубика отравленного воздуха в легких. Обратная дорога показалась вчетверо короче. На часах было без двадцати одиннадцать, когда он пересек незримую границу между тревожным ожиданием и относительной безопасностью. Так закончился для него третий визит на Лысую Гору.

Но закончились ли сны о Доме на Горе?

В этом он не был уверен.

* * *

Об исчезновении Маргариты он узнал следующим вечером, когда отправился в «ВООКашку». Магазин был заперт. Нельзя сказать, что это явилось для Квинта полной неожиданностью. Но прежде была ночь и был день, и ночью ему снились странные вещи. Это было какое-то новое измерение снов — все происходящее казалось абсолютно реальным и в то же время лежало за гранью устоявшихся представлений Квинта о допустимой реальности.

Сначала он обнаружил себя стоящим в тумане по щиколотку в черной траве. Все вокруг было влажным, холодным, тяжелым. Ветви деревьев словно прорастали прямо из плотной серой пелены. Он долго озирался по сторонам, выбирая направление. Если не считать того, что он стоял на пологом склоне, все стороны света, а вернее, тьмы выглядели одинаково. Нельзя было даже понять, утро теперь или вечер. Квинт склонялся к тому, что попал в безвременье. Есть сны, которые поджидают, будто капканы, в ночи и никогда не меняются...

Затем туман начал постепенно рассеиваться. Стали видны дома, столбы, деревья — силуэты с размытыми краями, что не давало точного представления о расстоянии. Но Квинт уже знал: он попал на Лысую Гору. И двинулся к ближайшему дому.

Джинсы намокли, впитывая обильную росу. Склон сменился горизонтальным участком. В темноте Квинт едва не свалился в бассейн, доверху наполненный дождевой водой. И немудрено — почти сплошь воду укрывали почерневшие листья. А там, где осталась полынья, виделось что-то бледное и неподвижное, как живот дохлой рыбы.

Квинт предпочел обойти бассейн с другой стороны и приблизился к особняку. Он мог бы поклясться, что видит этот дом впервые. Спутниковая антенна была направлена в землю. Окна, затянутые черной пленкой, наводили на мысль о пораженных катарактой глазах. Под ногами были плотно прилегавшие одна к другой многоугольные плиты. Сколько Квинт ни пытался, он не сумел уловить закономерности мозаики, а то, что все плиты могут быть разными, почему-то казалось ему вопиющей и раздражающей нелепостью. Потом он вспомнил, что явился сюда из мира прочно устоявшихся

стереотипов. Едва заметные и вроде бы безобидные отличия заставили его еще сильнее почувствовать свою чужеродность.

Он увидел дыру в пленке и подошел, чтобы заглянуть внутрь. Вогнутая поверхность лоснилась от влаги и напоминала ему что-то. От дыры разбегались радиальные морщины — казалось, огромный, непроницаемо черный зрачок взирал на него из мертвого дома.

Вдруг он понял, что воронка профессора Леонарда все-таки заманила его в ловушку, расставленную посреди сновидения. И, конечно, понял он это слишком поздно. Неодолимая сила не дала ему отпрянуть, выдернула его из тумана, из преддверия пустоты, а заодно из тела, оставшегося неподвижно торчать на затерянной земле, как пугало для лунатиков, скульптура из плоти посреди декораций кошмарных воспоминаний. Причем даже не его воспоминаний — от тех сохранились лишь вялые обезличенные образы, окончательно утратившие притяжение чьего-либо сознания...

Квинт несся сквозь тьму, перемежаемую срезами жизней. Это была решетка из вибрирующих от ужаса прутьев — вечная и безвыходная тюрьма вселенной. Ее камеры были обиты мягкой материей упований. Упругим слоем служили надежда, милосердие, любовь, вера в Бога, созидание, продолжение рода. Слой был ровно такой толщины, чтобы узники не расшибали себе головы о стены. А под ним — нержавеющая сталь.

Прав был этот проклятый Леонард: только теперь до Квинта стало доходить, насколько чудовищно заблуждение, в котором он пребывал до сих пор, — заблуждение худшее, чем слепота, уродство и все смертные грехи, вместе взятые. Однако это осознание не освободило его — по крайней мере пока не освободило. Он по-прежнему был сгустком чего-то сомнительного, вдыхаемым или выдыхаемым невероятной глоткой, но механизм того, как происходит опыление смертью, постигнуть ему было не дано.

В какой-то момент он вдруг оказался в салоне машины, которая летела по ночному шоссе. Грохотал рок, способный вынуть душу из тела, если бы это уже не свершилось с ним. Человеку за рулем, похоже, никакая музыка не казалась слишком громкой — не иначе, тот пытался сбежать от реву-

щей тишины. Квинт «видел» его из точки, которая находилась где-то за левым плечом чуть выше уха. Очевидно, водитель что-то почувствовал — он вздрогнул и невольно оглянулся. Квинт понял, что тот неведомым образом ощутил его бесплотное присутствие. Замешательство длилось всего пару секунд. Этого оказалось достаточно.

Впереди вспыхнул свет. Слишком яркий свет последней истины. За мгновение до столкновения со встречным автомобилем человек в машине, наполненной роком, тоже был ослеплен этим светом. Потом все померкло.

Во второй серии сна Квинт скитался рука об руку с мертвецом в лабиринтах смерти, и там не нашлось ни единого слова, ни единой ассоциации или откровения, которые он смог бы захватить с собой, вернувшись в эту неправильную, омраченную, противоестественную явь.

* * *

Прошло трое суток. Маргарита так и не появилась на работе. Квинт знал, где она живет, и наведаясь к ней домой. Некоторое время он обманывал себя, наблюдая за темными окнами. Как и двадцать лет назад, у него даже мысли не возникло заявить об исчезновении человека. Из свидетеля он автоматически и очень быстро превратился бы в единственного подозреваемого. Он не задумывался над тем, что им руководило в большей степени — благоразумие или эгоизм. Но трусом он не был точно. Хотя бы потому, что неделю спустя снова собрался на Лысую Гору. И в этом своем глупейшем намерении он не пытался искать мотив. Так же, как не пытался обзавестись оружием.

На этот раз он не брал такси, а доехал на автобусе до конечной. Преодолев пешком пару километров, он вышел на Круглую площадь. Старухи и старички выглядывали из окон и настороженно смотрели ему вслед, напоминая своим присутствием о том, что никто не хочет жить по соседству с Лысой Горой и близлежащие районы тоже постепенно вымирают.

Шагая по Розовому бульвару, он испытывал странные, трудносочетаемые чувства. Ему пришло в голову, что он, кажется, сомневается в том, выполнила ли некая сила, поже-

лавшая принять облик профессора Леонарда, условия заключенной сделки.

Он отправился на Гору среди бела дня, но чем выше поднимался, тем глубже становились сумерки, как будто глаза постепенно теряли способность видеть свет. В этих неестественных сумерках он двигался уже знакомым маршрутом по взломанному растениями тротуару мимо домов, которые поджидали лунатиков, сбжавших за край ночи, мимо тишины, заключающей в себе всю невнятную азбуку глухонемого божка Горы, мимо фонарных столбов с развешанными на них призраками света. Его сердце наливалось соком проклятия.

Услышав ржавый скрип за спиной, он не удивился и решил не оглядываться. На этот раз велосипедистов было трое. Они обогнали его, без труда крутя педали, хотя дорога была разбитая и шла в гору. Краем глаза он успел заметить только бледные лбы и носы — остальное было скрыто под капюшонами и длинными плащами. Ему показалось, что двое из троих — женщины. Впрочем, это не имело значения.

Свернув в переулок, он вскоре увидел дом, где их с Маргаритой принимал профессор Леонард. Само собой разумеется, дом был заброшен и полуразрушен — возможно, даже в большей степени, чем особняки, стоявшие по соседству. На ум приходила старуха, дорого заплатившая за операцию по омолаживанию.

Квинт открыл калитку, висевшую на ржавых петлях, и прошел по наплывам земли и песка, оставшимся после дождей. Дверь была заколочена, но он без особых усилий сорвал прогнившие доски. Изнутри на него дохнуло сыростью и тленом. Без сомнения, это была резиденция Леонарда, только пришедшая в полное запустение. Относительно сухие углы были затянуты серым бархатом паутины. В тех местах, над которыми прохудилась крыша, стояли невысыхающие лужи.

Квинт ступил на вспученный паркет и ощутил, что пол колеблется под ногами; при каждом шаге из щелей выплескивалась грязь. Он все-таки прошел в кабинет, где картина была примерно такой же: покрытые плесенью стены, диван со вспоротым брюхом, покосившиеся кресла, испорченные холсты. Неплохо сохранилась только таинственная воронка

на подставке из нержавеющей стали. Она была обращена раструбом к стене и чем-то напоминала забытый реквизит для ретрофильма.

Квинт, конечно, не стал испытывать судьбу.

* * *

Его покинула тревога, но не было и подлинной удовлетворенности. Пустота поселилась внутри прочно и надолго. Минуло время жутких чудес. Снова воцарилась спасительная серость.

Квинт не ждал ничего возвращения. Жертвоприношение на Лысой Горе — это был билет в один конец, даже если все было подано как эксперимент с пересадкой сознания и одобрено интеллигентной беседой. Он остался со своей неподвижной жизнью, книгами, работой и ночной тишиной. Иногда он заходит в «ВООКашку» и покупает книги у продавщицы, которая сменила Маргариту. За все время они не обменялись и десятком фраз. Им не о чем говорить друг с другом.

Квинт окончательно закрыл вопрос о смысле своего существования. Возможно, он был единственным, кто извлек пользу из всей этой истории. Во всяком случае, ему больше никогда не снились кошмары о Доме на Лысой Горе. Правда, иногда он видит мертвых девушек, которые медленно катят на велосипедах по шоссе из нигде в никуда. Он точно знает, что это девушки, но образы их лиц ускользают, и то, что ему, посланнику смерти, отказано в таком пустяке — узнавать приговоренных, — наполняет его невыразимой скорбью. Внезапно ощутив его присутствие, они оглядываются через плечо, шарахаются в сторону и гибнут под колесами тяжелых грузовиков, которые мчатся по встречной полосе.

ТЕНИ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ

нашел этот текст в кладовке квартиры, купленной не для себя. Тридцать восемь листов, вырванных из разных тетрадей, — в клеточку, в линейку, с перфорацией и без оной, мятые и ровные — всякие. Они были завернуты в «Литературную газету»: профиль Пушкина — словно портрет на суперобложке.

Литературка-то меня и привлекла — я люблю читать старые газеты. Я развернул ее — и увидел эту стопку. Начал просматривать — и уже не мог оторваться.

Это был дневник.

Очень странный дневник.

Странный дневник странного человека.

Да и человека ли?..

Вот пишу — и понимаю, что выгляжу сейчас дико неоригинальным. Как можно начинать повествование с такого стандартного хода? Избитый прием, заезженный штамп, пошлятина — где только литераторы не находили чужие рукописи: и в бутылке, и в ванне, и в кармане...

У меня вот — в кладовке, на полке, заваленной старыми ботинками, заставленной пыльными банками и бутылками.

Но что делать, если все, что я рассказываю, — правда?!

Вернее, почти все.

Что-то — совсем небольшое — я домыслил. Многое поправил. Еще больше выкинул.

Но суть не изменилась.

Вот эти листы. Сейчас я смотрю на них, я касаюсь их. Они лежат возле клавиатуры компьютера, и мне хочется отодвинуть их подальше, придавить чем-нибудь тяжелым. А лучше — убраться в ящик стола, на самое дно. И забыть об их существовании.

Я так и сделаю — но лишь после того, как закончу этот рассказ.

Мне жутко. Очень жутко.

Потому, что я верю: в этих бумагах — правда.

Запись первая

Зачем я ее послушал? Почему я всегда ее слушаю, хотя, казалось бы, кто она такая? Бывшая жена, чужая жена — раздраженный голос в телефонной трубке. Я даже не знаю, как она сейчас выглядит.

Она велела разменять трехкомнатную квартиру.

И я был не против — действительно, зачем мне большая квартира? Мне достаточно и однокомнатной, пусть только будет просторная кухня — такая, чтобы можно было там поставить диван. Кухня с диваном — это больше чем кухня. Это уже настоящая комната.

Я давно хотел кухню с диваном.

А жене нужны были деньги.

«Продай квартиру, — сказала она холодным ровным голосом. — Нам с Машей нужны деньги».

Маша — это моя дочь. Она уже большая. И я не знаю, как она сейчас выглядит.

«Купишь себе что-нибудь поскромней, — сказала жена. — А остаток денег перешли нам».

Я никогда не умел с ней спорить. Даже когда она стала чужой.

Я продал квартиру.

Вернее, лишился ее. Вот уже вторые сутки я ночую на вокзале.

Дурак! — отчаянно ругаю себя, и морщусь, и трясую головой. — Знал же о риске! Но не захотел лишней беготни, доверился напористому улыбчивому человеку, пришедшему по объявлению. Дурак, дурак, дурак! Что теперь? Куда теперь? В милиции сделать ничего не могут, так они мне объяснили. Все документы чистые — я сам их подписал, безо всякого принуждения. А улыбчивый покупатель больше мне не улыбается. Он страшный человек — как же я сразу этого не заметил?!

Господи, ну что я за дурак!

Завтра опять пойду туда, к нему. И пусть будет что будет...

Запись вторая

На третий этаж поднимался долго — будто по ступеням эшафота шел. Встретил соседку, перекинулся парой слов, хоть совсем не хотел разговаривать. Какой у нее был взгляд! Видимо, все уже знает.

Наверное, весь дом уже в курсе случившегося со мной.

Ну и пусть!

Позвонил в квартиру. Кнопка возле двери моя, а голос звонка чужой, переливчатый, насмешливый. Вышел новый хозяин: в шелковом халате, босой, бритый, в зубах спичка. Привалился к косяку, глянул сквозь меня:

— Че?

— Поймите, — говорю ему жалостливо, забыв поздороваться. — Мне совсем негде жить. Вы обманули меня, совсем обманули. Ну купите мне хоть дом в деревне. Какую-нибудь развалюху с печным отоплением. Я не могу без крыши... — тороплюсь, видя, как мутнеют его глаза. И ненавижу себя за слабину в голосе, за дрожь, за неуверенность. — Пожалуйста! Пока лето, я еще как-нибудь. Но ведь осень, зима — как же я буду?..

— Я те говорил, чтоб ты больше здесь не показывался? — Его пальцы сжимаются. — Говорил. Я тебя предупреждал, что урою, если еще раз увижу? — Он делает шаг вперед, прикрывает дверь. — Предупреждал!

Я отступаю, лепечу что-то. Он сильнее меня, моложе, тяжелей. Но это не главное. Я знаю, что он страшный человек, что у него много друзей — они все такие же бритые, молодые, здоровые. Я знаю, что у него есть оружие, знаю, что он уже убивал — он хищник, он людоед. А я? Кто такой я? Слабовольный хилый неудачник.

Удар бросает меня на ступени лестницы.

Я задыхаюсь, в животе горячо — но я еще пытаюсь ему что-то доказать.

Мне дико, мне чудно и обидно — меня бьют в моем доме, меня не пускают в мою квартиру.

Очередной удар отзывается звоном в ушах. Я почти слепну. Во рту — вкус крови. Губы горячие, большие, мягкие. Я уже ничего не понимаю, ничего не вижу, закрываюсь руками, пытаюсь спрятаться от ленивых сильных ударов.

Какое счастье, что не встретил никого знакомого, пока катился с лестницы.

Только в самом низу, в тамбуре подъезда мне почудилось шевеление теней под лестницей, где стояли старые детские коляски.

— Это из двадцать восьмой, — послышался мне сиплый голос.

Кто там был?..

Запись третья

Как пес, зализываю раны, отлеживаюсь. Пробую языком шатающиеся зубы. Нянчу больную руку. Ругаю себя.

Кажется, у меня поднялась температура. То знобит, то в жар бросает. Сознание вялое, растекающееся. Грежу. Запрещаю себе думать о плохом и потому вспоминаю прошлое — все хорошее теперь только там.

Студенческие годы вспоминаю, поездки в колхоз на картошку, веселую жизнь в общежитии. Стройотряд астраханский, который свел меня с Верой — моей будущей женой. Свадьба...

Двенадцать лет жили душа в душу. А потом вдруг все начало рушиться. Страна, работа, семья. Все, все развалилось, рассыпалось в прах...

Стоп! Нельзя думать о плохом. Думай о хорошем, вспоминай, мечтай.

Дочка Алenuшка. Чистый светлый человечек, нуждающийся в заботе. Как смешно она боялась разных пустяков — старинной иконы, стоящей в шкафу, оленьей головы, висящей в прихожей, ночной темноты и кладовки в маленькой комнате.

Она уже в школу ходила, но еще верила в буку, живущего за дверью кладовки. В страхе своем не признавалась, стеснялась его, но иной раз, проснувшись ночью, вскрикивала негромко и звала меня — отца, способного защитить...

Как быстро все переменялось, как скоро я стал ненужным и жалким. Теперь я пугаю ее больше, чем тот безликий бука.

Самое ужасное в том, что я ее понимаю.

Как же она, наверное, выросла. Совсем взрослая уже, должно быть. Кто теперь ее защищает? Что, если какой-нибудь молодчик вроде того, что занял нашу квартиру? На-

глый, бритый, татуированный, с машиной, с пистолетом, с деньгами.

И что теперь я? Пустое место!

Запись четвертая

Днем ходил в свой двор. Надеялся встретить знакомых, чтобы попросить хоть немного денег. Видел соседку — но она сделала вид, что меня не знает. А я не решился к ней подойти. Возле мусорных баков нашел сумку с бутылками. Сдал, купил аспирин и булку. Сходил за водой на соседнюю улицу, там есть колонка. Умылся.

Хочу в ванную! Боже, как же я хочу забраться в ванну или хотя бы встать под горячий душ!

Нашел бритву, кое-как побрился. Рука почти уже не болит, но на ноге вылез огромный чирей — мешает ходить.

Нельзя, нельзя опускаться!

Постирал носки и рубашку.

Ближе к вечеру обнаружил, что сарай, в котором я отлеживался несколько последних дней, облюбовали подозрительные молодые ребята, похоже наркоманы.

Ушел от греха подальше.

Переночую на улице. Ночи стоят на удивление теплые.

Запись пятая

Как же я, оказывается, одинок! Раньше этого не замечал. Но вот случилось несчастье — и кому я нужен, кто мне поможет? Старые соседи ссуживают иногда небольшие деньги — но я стесняюсь их брать, а они стесняются давать. Физически ощущаю, что им неприятно меня видеть, — но несколько их не осуждаю.

А что стал бы делать я, если бы на улице оказался кто-то из них? Пустил бы жить к себе? Конечно, нет. Смущался бы, при встрече опускал глаза, торопился бы дать мелочь или мятую десятку, откупиться от встречи, от разговора, от совести — точно как они сейчас.

Я уже почти и не хожу к ним. И знакомых стесняюсь, и обманувшего меня человека боюсь. Он ведь не просто квартиры меня лишил. Он документы мои отобрал, все вещи куда-то вывез — уничтожил любое напоминание обо мне. А стану мешаться — так и меня уничтожит.

Решил — переживу зиму и уеду. В глушь, в деревню. Тихо поселюсь в брошенном доме, расскажу сердобольным бабушкам свою историю, попрошу на развод картошку, лук, дыщят попрошу. За грибами стану ходить, рыбу ловить...

Глупо начинать в таком возрасте новую жизнь! Но что еще остается? Обитать в городе, словно бездомный пес, питаться с помоек, ночевать на вокзале — и паршиветь, дичать, опускаться?..

Только сейчас понял, что я еще чего-то жду, еще на что-то надеюсь. Потому стараюсь не уходить далеко от знакомых мест.

Как же трудно расстаться с прошлым!

Нашел укромное место в кустах за теплотрассой. Притащил со стройки два листа пенопласта, на помойке нашел лист шифера и много картонных коробок — из всего этого соорудил подобие шалаша. В десяти шагах ходят люди — но им меня не видно. Здесь можно жить, будто в логове, — но только до холодов.

Думаю, что делать дальше...

Запись шестая

Не вытерпел — зашел в свой подъезд. Поднялся до своей квартиры. Дверь уже другая, бронированная — чужая. А кнопка звонка все та же — моя.

Что теперь там внутри? Посмотреть бы. Найти бы свое.

Единственное место, где я был счастлив, — вот что такое моя квартира. Потому так и тянет сюда...

Меня спугнул шум за дверью.

Странно. Я точно знал, что в квартире никого нет. И тем не менее я отчетливо слышал шум — будто кто-то, особенно не скрываясь, подошел к двери с той стороны, щелкнул крышечкой дорогого глазка и, громко сопя, на меня уставился.

Я испугался.

Внезапно я вспомнил буку, которого так боялась дочка. Я почти его увидел — стоящего возле дверного глазка, в полушаге от меня.

Глупость, конечно. Нервы. Разыгравшееся воображение. Или... Нет, нет, нет!

Я сбежал, чудом не упав по дороге, не поломав ноги и не пробив голову.

И снова во мраке под лестницей мне почудилось движение. И опять я услышал голос:

— Скоро будет наш.

«Наш-ш-ш», — будто змеи клубились там среди ржавых колясок.

Никогда не нравилось мне то темное место. Всегда, войдя в подъезд, я торопился его миновать. Оттуда ощутимо веяло угрозой, там могли прятаться грабители или... Или кто похуже.

Что за чушь лезет мне в голову?! Может, я болен?

Наверное, почти наверняка — я болен, я в расстройстве, у меня расшаталась психика. Мне бы нужно какое-нибудь лекарство — валерьянка? ноотропил? — я не силен в медицине и потому пью настойку боярышника, аптечными дозами пью — алкоголь немного успокаивает, я крепче сплю, меньше тревожусь.

Так легче...

Сбился. Отвлекся. Слегка пьян...

На улице я посмотрел вверх, на окна своей бывшей квартиры. И — клянусь! — увидел, как дрогнула занавеска на окне.

Там кто-то был.

Он стоял за дверью, когда я к ней подошел. Он следил за мной, когда я спустился вниз.

Кто?! Кто?! — это не дает мне покоя.

Запись седьмая

Чувствуется близкая осень. Ночами холодно. Я успел привыкнуть жить на улице — но теперь мерзну. Натаскал в свою берлогу рваных матрасов и прочего тряпья, устраиваюсь на них, как в гнезде. Содрал с теплотрассы изоляцию, теперь жду, когда включат отопление. И успокаиваю себя, разговариваю с собой: тебе, говорю, грех жаловаться. Вчера на вокзале видел нищего, он босой сидел на бетонном перроне. Подошел, спросил, где он живет. Оказалось, здесь же — под этой же бетонной плитой, в норе-расщелине, забитой мусором и газетами.

У меня-то лучше. У меня почти дом. Почти лачуга.

Вчера весь день ходил по городу. И поражался, сколько же кругом нищих. Раньше и не видел их, не замечал. Пробежал мимо, отворачиваясь. А теперь — будто глаза открылись.

Поговорил еще с двумя — помимо того, что сидел на перроне. Они даже милостыню не кланчат, говорят — бесполезно. Живут как бродячие псы.

Невыносимо смотреть на таких людей.

Когда поеду в деревню, попробую уговорить их отправиться со мной. Хотя вижу, что им это не нужно, они не мыслят уже другой жизни.

Я не такой, нет. Я пишу, связано излагаю свои мысли — я не отупел. Я стараюсь мыться, стараюсь стирать одежду. А еще у меня есть дом — крохотная лачуга из картона и пенопласта. Она куда уютней туристической палатки. А я ничем не хуже отдыхающего в лесу туриста.

Запись восьмая

Схожу с ума?

Происходит что-то невообразимое, что-то невозможное. Я начинаю видеть странные вещи. То, что раньше составляло мою жизнь, теперь ушло на второй план, словно дымкой подернулось, размылось, поблекло. И сквозь этот мутный фон начинает проступать нечто совершенно мне незнакомое, пугающее, страшное.

Не верю своим глазам, своим ушам — всем своим чувствам. Галлюцинации! Да, галлюцинации!

Я болен, я сильно болен — больше не знаю, чем объяснить происходящее со мной.

Запись девятая

Два дня лежал в берлоге, никуда не ходил, лечился боярышником. Кажется, мне чуть лучше. Но — черт возьми! — я начинаю бояться большого мира. С ним определенно что-то происходит.

Сегодня пойду в свой дом кланчить деньги у соседей. Стыдно. А, впрочем, ладно! Не обеднеют. Я же не по сто рублей прошу. Десятка — это максимум, на который я рассчитываю.

Вот только наберусь храбрости — и сразу отправлюсь.

Запись десятая

Это невыносимо! Это невозможно!

Я видел их! Я говорил с ними!

Напьюсь! Сейчас же! Только бы забыть эти лица!
Неужели со мной все кончено?
Не верю, не верю, не верю...

Запись одиннадцатая

Теперь пьян. Так лучше. Могу рассказать, что произошло. Должен рассказать. А то эти истерики на бумаге мне самому неприятны. Так хоть будет ясно, почему я взвинчен.

Итак, сегодня после полудня я отправился обходить знакомых. Двери открыли только трое. Они смотрели сквозь меня, когда я просил у них денег, будто не могли сфокусировать на мне плавающий взгляд. Их лица были похожи на обмылки. Кажется, они с трудом меня понимали.

Но дали сорок рублей.

На четвертом этаже на окне лестничной площадки подобрал пять пивных бутылок, сунул в пакет, который теперь всегда ношу с собой.

Постоял у своей квартиры, испытывая жгучее желание позвонить. Знал, что хозяина нет, но предчувствовал, что звонок мой заставит кого-то зашевелиться.

Кого?

Не подобного ли тем, что живут под лестницей?

Стоп! Забегаю вперед...

Постоял у двери и побрел вниз. Наткнулся на соседку с пятого этажа. Поздоровался. Она повела себя странно: вздрогнула, дернулась и заторопилась — почти побежала по ступенькам.

А потом я услышал песню.

«Вставайте, товарищи, все по местам, последний парад наступает...»

Галлюцинация, решил я. Но, спустившись ниже, вдруг понял, что песня доносится из-под лестницы, где мне уже не раз чудилось движение.

И я заглянул туда — за коляски и ржавые санки.

Там оказалось больше пространства, чем я всегда думал. Там в глубокой тьме тлел крохотный огонек, а вокруг него сидели люди.

Впрочем, нет, не совсем люди.

Там сидели *существа*, похожие на уродливых людей. Они были невысокого роста, горбатые, колченогие. Их блед-

ные лица были раздуты и напоминали неровные комки теста. Волосы — у некоторых как грязная пакля, у других как звериная шерсть. Одежда — сплошь рвань.

«...Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»...»

— Привет, — сказала одно из этих существ, поворачиваясь ко мне. — Водка есть?

— Нет, — на автомате ответил я.

— Будет, приходи, — сказала оно.

— А вы кто? — очумело спросил я.

— А то не видишь. Живем мы тут...

Они действительно там жили. — и, кажется, довольно давно. Как же я раньше их не замечал? Почему их не гонят отсюда? Почему им позволяют здесь находиться?

Все это промелькнуло в моей голове в одно мгновение.

Второе мгновение дало разгадку — никого тут нет. Это лишь моя галлюцинация. И живет она не под лестницей, а в моем больном мозгу.

Запись двенадцатая

Я вижу их все больше, все чаще. Они всюду. Уродливые и страшные. Отвратительные, отталкивающие. Они сидят на тротуарах, роются в урнах, справляют нужду в кустах, в лифтах, за гаражами. Они ютятся под лестницами, они оккупируют дома-развалюхи, они обитают в подвалах и на чердаках. Они всюду, буквально везде — в парках они ловят собак, на свалках ищут одежду и прочее барахло, с помоек тащат еду, на рынках воруют кошельки. Они паразиты, как клопы, как тараканы. Но клопов и тараканов можно увидеть, включив ночью свет, их можно поймать и раздавить, а эти — совершенно неуловимы, абсолютно невидимы.

Я один их вижу.

Всюду.

Это потому, что я постепенно становлюсь таким же, как они.

Запись тринадцатая

Это не галлюцинации. Теперь я в этом уверен. Эти существа абсолютно реальны. Все они когда-то были обычными людьми, но потом их жизнь сломалась — и они изменились.

Они опустились — и оказались на самом дне мира, куда взгляд обычного человека не может проникнуть.

Это словно параллельные пространства. Да, да! Именно так! Мы здесь, рядом, мы живем в одном мире, но в разных его плоскостях.

Когда-то я читал, что пчелы не замечают, не воспринимают людей, не знают об их существовании. Так уж они устроены.

А благополучное человечество не подозревает о существовании другой вселенной — вселенной изгоев.

Вчера я, уже ничего не боясь, ходил к своей квартире — и нос к носу столкнулся с новым ее хозяином. Он не увидел меня. Он прошел рядом — я мог бы его пнуть, мог бы толкнуть, подставить ногу, ударить по голове.

Наверное, он даже ничего не понял бы.

Как же я его ненавижу!

Другие люди тоже не замечают меня. Не все. Но большинство.

Вчера я воспользовался этим и украл бумажник.

Нет, мне не стыдно. Документы я вернул — подбросил к двери. А денег там было сто тридцать рублей. Я никого не разорил.

Нужно бояться собак. Они нас чувят.

Еще я опасаясь милиционеров. Многие из них меня все еще замечают. Думаю, это временно.

Дна я пока что не достиг.

Но я туда стремлюсь.

У меня есть план...

Запись четырнадцатая

Наблюдаю. Анализирую.

Они разные. У них существует определенная иерархия (очень долго вспоминал это слово — чувствую, что тупею). Те, что обитают на улице, — низшие. Они держатся стаями и воюют с другими подобными стаями. Из-за помоек воюют, из-за еды, из-за пространства. Другие селятся в домах — в подвалах, в подъездах, на чердаках. Их меньше, они образуют подобие семей. Они обычно сильнее тех, что живут на улице, хитрее и умнее. Но выше их стоят «домовые» — живущие в квартире бок о бок с обычными людьми. Эти поль-

зуются всеми благами, не знают проблем с едой и даже с домашними животными находят общий язык.

За последнюю неделю обошел все окрестности. Трижды дрался. Они слабы. В подвале дома номер десять на Минской улице легко одолел троих мужчин.

В иерархии я стою выше их. Физически я более развит. И мой ум гораздо острее.

Эти, уличные, — почти животные.

Мое место не с ними.

Экспериментировал. Подсаживался к обычным людям, придвигался в упор, заглядывал им в лицо. Они меня не замечают, но какое-то чувство заставляет их отодвигаться. Если я их касаюсь, они вздрагивают и либо начинают чесаться, либо ищут на себе насекомых. Одного я сильно ударил в лоб — и тогда он меня увидел.

Делаю вывод: надо вести себя тихо.

Странно: в зеркалах и в витринах я с трудом различаю свое отражение. Приходится напрягать глаза и всматриваться.

Осталось подождать немного.

Нестерпимо хочу домой.

Запись пятнадцатая

Привык к зиме. Морозов почти не ощущаю. Когда очень холодно, иду с водкой в подъезд под лестницу. Разговариваю о разном, много поем. Они глупые, но лучшей компании мне не нужно. Узнаю много нового о жизни.

А пишу все реже и реже. Заставляю себя, голова должна работать. Но вроде не о чем писать. Зато много читаю, когда светло. Люди теперь выбрасывают много разных книг. Особенно нравится читать цветные журналы.

Когда не очень холодно, живу в своем доме. Как эскимос. Как чукча. Снега навалило много, дом завалило с крыши. Получилась такая снежная избушка. Забыл, как называется. Внутри тепло — особенно если прижаться к трубе.

Ем совсем немного. Но всегда сыт. Даже чудно.

Хорошо живу. Жду весну.

Запись шестнадцатая

С крыш капает. Слякоть и неприятно.

Самое время.

Вчера ходил на разведку. Разговаривал с домовым через дверь. Его зовут Саша, он уже старый. Помнит мою дочку. Говорит, она его несколько раз видела. Маленькие дети нас могут увидеть, я знаю.

Меня тоже помнит. И жену.

Я ему угрожал. Велел убираться.

Он просил неделю. Хочет перебраться к соседке. Там пока свободно.

Боится меня.

Еще бы — я хозяин.

Разрешил ему. Вернись домой через семь дней.

Скорее бы!

Запись семнадцатая

Сегодня!

Собираюсь. Вещей почти нет. Складываю эти записи.

Избушку оставляю Вадику. Он из уличных, но совсем не глуп. Просто слабый. И много пьет.

Даже жалко все бросать. Уж вроде и привык.

Нет! Хочу домой! Там есть телевизор, и ванна, и диван.

Там лучше.

Сейчас иду...

Вот сейчас...

Запись восемнадцатая

Как все просто. Позвонил. Он открыл. Наверно, думал, мальчишки балуют. Выглянул, посмотрел вниз по лестнице. Никого не увидел.

А я спокойно боком прошел мимо. Вошел в квартиру.

В свою квартиру.

В прихожей другие обои и мебель другая. Оленьей головы нет. Зеркало напротив двери, его раньше не было. И тумбочки не было. Ничего моего не осталось. И так везде — во всех комнатах, на кухне и даже на балконе. Но все равно это моя квартира. Я ее знаю. Я помню, какой она была, когда здесь жила моя семья.

Я вернулся домой.

В кладовке много места. Поселюсь там.

Но я не собираюсь торчать в ней все время.

Запись девятнадцатая

Он чужой!

Не могу жить с ним рядом. Не хочу.

Ненавижу! Ненавижу!

Сегодня ночью я подошел к нему и долго смотрел, как он спит.

Он отвратителен.

Я многое о нем узнал. К нему часто приходят друзья, и они говорят о делах — мне противно их слушать. Еще они говорят о развлечениях. Они мучают молодых девушек, а потом хвастаются этим. Вспоминаю дочку. Может, у нее такой же друг?

Я решусь.

Честное слово, решусь.

Вчера они гуляли втроем. До утра шумели. Приходил милиционер, но сразу ушел. Они грозились узнать, кто его вызвал. Потом опять были женщины.

Как же это все мерзко...

Запись двадцатая

Я словно в раю. Когда никого нет дома, я смотрю телевизор. Я снова стал читать хорошие книги. Откуда они у этого недочеловека, зачем? Я принимаю душ. В холодильнике всегда есть еда. Впрочем, я не сильно в ней нуждаюсь. Я очень изменился. Боюсь признаться себе в этом — но, кажется, я больше не человек. Я кто-то другой. Вылупившийся из старой оболочки — так бабочка выходит из кокона.

Я — человек-невидимка.

Я могу все. Мне все дозволено.

Не боюсь его больше.

Вчера облил его красным вином. Позавчера выкинул в окно бутылку водки. Одному из его дружков отрезал волосы.

Не могу удержаться. Хоть и ругаю себя каждый раз за это.

Он приглашал попа. Тот махал кадиллом и кропил святой водой. Обрызгал и меня. Что толку? Я не черт. Я — хозяин этой квартиры.

Запись двадцать первая

По ночам наваливаюсь на него сверху и душу. Не даю двинуться. В полночь включаю телевизор на полную гром-

кость. Сбрасываю с полки книги. Рву простыни. Рисую на зеркале разные знаки и буквы.

Он боится, я это вижу.

Когда ложится, оставляет свет в других комнатах. Под подушкой прячет пистолет и фонарик. Все чаще вызывает себе подружек — при них я веду себя тихо. А сегодня он врезал замок в дверь спальни комнаты. Что ж, даже если он сумеет там без меня запереться, я все равно смогу стучать и царапать дверь.

Я здесь хозяин!

Я заставлю его отсюда съехать.

Не будет ему никакой жизни!

Запись двадцать вторая

Перестарался.

Но ничуть не жалею.

Только холодок в груди — я убил человека.

Да, он, наверное, заслуживал смерти. Но сейчас мне как-то неуютно, и тошно, и муторно.

Я лишь хотел выгнать его из квартиры, как он сделал это со мной.

Этой ночью он заперся в спальне, но я уже был там. В два часа ночи я сел ему на грудь. Я душил его и чувствовал, что ему снится кошмар. Потом он проснулся. Вокруг была непроглядная тьма, хотя вечером он оставлял включенной лампу на тумбочке. Он захрипел, задыхаясь, вырвал правую руку из-под одеяла. Ударил ладонью по невидимой кнопке. Но лампа не зажглась. Я выдернул ее из розетки.

Он задергался, пытаясь меня скинуть. Но я крепко держался.

Он вытащил пистолет из-под подушки. Но я увернулся от выстрела и выбил оружие из его руки.

И тогда он выхватил фонарь.

Луч света ударил меня в лицо. Я совершенно ослеп, я ослабил хватку. Но он уже не пытался вырваться. Он вдруг весь обмяк, и воздух вышел из него, как из проколотой шины.

У него не выдержало сердце.

Думаю, я знаю почему. Уверен.

Он увидел меня.

И умер от ужаса.

Запись двадцать третья

Наконец-то все кончилось: шум, сутолока, милиция, чужие люди.

Теперь я один. В своей квартире.

Теперь у меня все хорошо.

Жду. Знаю, что рано или поздно у меня появятся новые жильцы. Я не собираюсь им мешать. Опять займу кладовку.

Стану жить тихо, ничем себя не выдавая.

Если, конечно, они будут хорошие люди.

Ну а если нет... Что ж...

Тогда придется напомнить им, кто здесь хозяин.

ТА, ЧТО ПРИХОДИТ
ВОПРЕКИ

1

Нартовское солнце играло в стеклах буфета радужными рыбками. Димур сидел у окна и листал книгу. Время от времени он поглядывал в окно, проверяя: ничего не изменилось?

Двор пересекала тройная цепочка следов. Она решительно, словно нож раскройщика, сворачивала к подъезду, а затем бросалась прочь. Девушка в черном топталась у мусорных баков, не отваживаясь войти.

— Давай уж, решайся, гил, — бросил Димур вполголоса, — чай прогорчит.

И девушка услышала его. Беспомощно повея плечиком, зашагала к подъезду — словно в омут бросилась.

Димур налил чаю: себе в пиалу с летучими мышами, гостю в кружку. За спиной уютно гудел холодильник. На белой эмали его дремал игрушечный щенок с магнитами в лапах. К щенку этому гости относились загадочно. Не один, так другой подвешивал зверька на краю пропасти: передние лапы на крышке, задние в воздухе.

Люди опытные скажут, что это крик о помощи.

Димур же считал, что его гости забыли порох господ.

Звонить гостю не стала. Она топталась под дверью, не решаясь войти.

— Открыто, — позвал Димур. — Входи-да, не бойся. Я-человек говорю.

Замок щелкнул.

— Здрасьте. — Гостю придержала сползающий с плеча рюкзачок. — А я к вам. Можно?

Робость различается по возрастам. Бывает детская — озорная, щенячья. Годам к шестнадцати она становится хмурой и насупленной, чтобы смениться очаровательной сутулостью двадцатилетия. Вот как сейчас.

— Мне сказали, кроме вас, никто не поможет. Это правда, да?

— Правда. Садись, гил, — Димур протянул кружку с чаем. — Звать-то тебя как?

— Тамой. Томкой только не зовите, — предупредила она сердито. — Я вам не собака.

Снег таял на шубке, заставляя мех топорщиться черными иглами. Димур разглядывал гостью. Скуластое лицо, удивительно белая кожа, волосы в тон шубке... вернее, наоборот. И — вызывающе розовая прядь надо лбом. И — черные тонкие колготки (хотя по мартовским погодам лучше бы джинсы).

— Тама, — проговорил он. — Утро начинается с доброй удачи. Ты ведь не знаешь этого слова, маленькая гил?

Ресницы вверх-вниз. Тама пожалала плечиками и беспомощно улыбнулась.

— Садись, Тама, я-человек говорю. Когда ты сбежала из дому?

— Сегодня... сейчас то есть. — Она взяла кружку и осторожно отпила. — Да! — вдруг выпалила она. — Вы же не знаете! Я ночью все поняла. Ну... что я особенная. И куда идти сразу поняла.

Веки Тама чернила густо-густо — видимо, так полагалось в ее представлении женщинам-вамп. Утром она ревела, и на щеках остались едва заметные черные полосы.

— А чему вы будете меня учить? — спросила она деловито. — Против вампиров, да?.. Или, — понизила голос, — вы темный? Я и темной могу, не думайте! У меня даже вон...

Она схватилась за рюкзачок. Рукав шубки мазнул Димура по пальцам, выбивая пиалу.

— Ой!..

Движения его Тама не заметила — таким быстрым оно было. На рукаве Димура, там, куда плеснул кипяток, расплылось влажное пятно. Спасенная пиала дымилась в руке.

— Цы-ыпа. — Тама потрясенно выдохнула: — Вы ее поймали! Но как?!

Димур не ответил. Поставил пиалу на подоконник — подалее от края, от непредсказуемой гостью — и взял со стола чайничек.

— Она у вас любимая, да? Учитель подарил?

— Учитель... Я ее украл. У Ян... у одной гил вроде тебя.

— Значит, любимая, — отрезала Тама. — А на вид такая уродская, с мышами... — И спохватилась: — Слушайте, а чему вы меня учить будете? Боевке? Ну, в смысле магии боевой?

Обожженное колено саднило. Димур покачал пиалу в пальцах (летучие мыши укоризненно взмахнули крыльями) и приказал:

— Раздевайся.

— Чего?..

— Раздевайся, говорю. Это первый урок.

Пальцы Тамы потянулись к верхней пуговице шубки и замерли. Глаза подозрительно блеснули:

— Вы... серьезно?!

— Совершенно. И не реви, опять тушь потечет.

Напоминание про тушь и про «опять» подействовало. Тама растерялась. Стянув черный с розовым свитер, она застыла, зябко обнимая себя за плечи.

— Юбку... тоже?..

— Юбку оставь пока. И бюстгальтер не надо, с ним ясно все, вот сапогиними. — Фразы ложились барабанной дробью. В их ритме билась жестокая сила приказа. — Стань у стола, где свет.

Димур осмотрел шубку и с сожалением бросил на стол. Поднес к глазам свитер; ткань затрещала искрами статического электричества.

— Мне холодно!

— Стой-жди, маленькая гил. Я-человек говорю.

«Цыпа, — дернула плечом Тама. — Словно с армейским барабаном разговариваешь».

Димур обошел вокруг Тамы, разглядывая мочки ее ушей. Заставил вытянуть в стороны руки и осмотрел пальцы.

— Порох господа... без ауры, да. Выворачивай карманы.

До сих пор Тама крепилась. Но тут уж, конечно, не выдержала:

— Как это — без ауры?! Я что — мертвячка?! И карманов у меня нету!

— Ц-ц-ц, маленькая гил. Нет так нет, рюкзачок покажи.

— Не стану! — она прижала рюкзак к груди. И вдруг рванула завязки: — Да на, подавись! А то, что у меня миссия... что я с детства всем чужая... это плевать?! Да?..

На стол посыпалась разная мелочевка, что обычно копится в девчачьих рюкзаках: просроченные билеты, фломастеры, монетки. Помаду и духи Димур отложил сразу. Поколебавшись, добавил к ним фонарик. На «дерринджере» его взгляд задержался:

— Бандитов боишься?

— Одного, — хмуро отозвалась Тама. — Который пистолет подарил.

— А пули — почему серебряные?

Девушка засопела. Весь вчерашний вечер она убила на возню с серебрянкой. Тогда эта идея казалась превосходной. А сейчас... Куча отвергнутых вещей росла: билеты, грубо оструганный колышек, флакон с мутной водой.

— Это зачем? «Ты тринадцать картечин козьей шерстью забей»... — Димур щелчком отправил в кучу патрон двенадцатого калибра. — На оборотней охотишься?

— Слышь, ты, — разозлилась Тама, — хва издеваться, да? Декольте мерзнет.

Димур протянул ей свитер:

— Одевайся, маленькая гил. Спасибо тебе.

— Че спасибо-то? — опешила Тама.

Димур вытащил из горки вещей головку чеснока.

— За это, храбрая, безрассудная гил. — Жесткие ритмы в его интонации понемногу смягчались. — Это послание без надежды. «Тама» на языке моего народа. Доставила ты его быстро, я-человек говорю. И чья-то добрая жизнь вернулась в руку господу. Стой-жди здесь.

— Цы-ыпа... Эй, стой!

— Да?

— Димур, слушай... — Девушка сдула со лба непослушную прядь. — А послание — куда?.. И почему послание, когда это чеснок?.. — Она нервно сгребла со стола «дерринджер», затем бросила обратно. Прижала ладони к груди: — Димчик... У меня же миссия!..

— Вот твоя миссия, — Димур показал чеснок. — Другой не будет. Извини.

— Как это?.. Я, значит, как дура... перлась... — губы ее задрожали.

Димур не дослушал и вышел из кухни.

...К девушкам на Земле обращаются по-разному: «мисс», «донья», «мадемуазель», «эй ты». Обращения «гил» Тама что-то не припоминала. Хоть выглядел Димур вполне обыденно: невысокий, белобрысый, на носу веснушки, но Тама не обманывалась. Он странный! Жаль, цвет глаз не запомнила... наверное, голубые. Должны быть голубыми или серо-стальными. Что еще? Джинсы вытерты на внутренней стороне голени. Потому что ноги кривые. Как у кавалериста.

Девушка прошлась по кухне. Взяла с подоконника книгу, перелистала. В первый миг буквы показались ей незнакомыми. Затем они перетекали друг в друга, складываясь по-особому, и Тама прочитала: «Послания из Слаг-Равина. Пилообразная зеленая аура (рис. 74). Денеб — фиолетовая аура и кремевая кайма с невыраженной фрактальной структурой. Денеб-1 и Денеб-3 отличаются лишь частотой пиков (рис. 75)». На той же странице переливались объемные картинки: гелевая ручка «Fogrus» в зеленой ауре (как было обещано) и голый мальчишка с равнодушным отталкивающим лицом.

Девушка испуганно оглянулась на дверь. К счастью, Димур возился в соседней комнате, так что Тама спокойно могла рассмотреть глупую картинку.

Позавчера она села на диету. А вчера (четырнадцатого, только не февраля, а марта) к ней пришел Валентин.

Ввалился он в три часа пополудни, что, говоря прямо, и вчерашним-то не считается. Несло от него селедкой и «Джек Дэнизлсом». В сортах виски Тама разбиралась слабо, зато она прекрасно разбиралась в Валентине.

— Чего тебе, цыпа? — начала она и осеклась.

Из-под полы пальто торчали стебли. Колючие, темно-зеленые, изломанные по самое не могу. В Валькином шарфе запутался сморщенный махровый бутон — словно ломтик розовой ветчины. Из кармана выглядывала банка шпрот.

— Том-м-м-м, — мелодично промышчал Валентин. Собравшись с духом, он начал расстегивать пуговицы пальто. Из-под пальцев вывалился неопрятный комочек, в котором с трудом угадывалась обгоревшая долларовая купюра. — А я того... с влюблюбле... тебя...

— Спасибо.

— Да, Томусь. Я того... п-предложение шел д-делать... — Он полез в карман. — От кторого невозможно...

Обнаруженная в кармане банка шпрот поразила его до глубины души. Он тряс ее, словно надеясь, что та превратится в бархатный футляр, и заискивающе поглядывал на Таму, приглашая разделить с ним изумление.

— С днем, Томусь! Я тебя люблю. Люблю как... как сорок тысяч...

— Долларов?

— Б-братьев. Я, может, к твоим ногам...

И заснул. Тут же, на коврике. Тама, как могла, втащила его на диван, а могла она плохо. Сидящая на диете двадцатилетняя девчонка вообще мало что может. Ни коня остановить, ни в избу.

Утром ее накрыл зов. Она ушла из дома, накрепко решив больше сюда никогда не возвращаться.

...Он вообще неплохой человек, Валька-то. Можно сказать — цыпа. Но бандит. Тама о нем только хорошее слышала: и Робин Гуд он, и вообще. Однажды Леньку Кибенематика дедовским «шварцмессером» порезал. Они об анимэ поспорили, и Ленька сказал, будто «Унесенные духами» Миядзаки — это мура для баб. Ну ерунда, правда? С «Унесенными ветром» перепутал.

Ленька провалялся в больнице два месяца. А Валентина с тех пор уголовники прозвали «Миядзаки».

Комната, куда ушел Димур, выглядела бедно. Радужное зеркало на стене, тюфяк, компьютерный стол с помигивающим лампочками кибернетическим монстром, этажерка, вся уставленная разномастными шахматными конями.

— Стой на месте, гил, — не оборачиваясь, приказал Димур. — Ты и так зашла далеко.

«У него что, глаза на затылке?» — удивилась Тама.

Димур подошел к компьютеру и отщелкал на клавиатуре сложный ритм. Радуга сошла с зеркала, открывая черное заткатное небо и витые шпили замка. От неожиданности Тама ахнула.

Димур размахнулся и швырнул чеснок в зеркало. Пробив невидимую границу, тот расправил крылья и нетопырем умчался к замку.

— Цы-ыпа... — только и смогла сказать Тама.

— Вот твоя награда, гил. — Димур протянул девушке пач-

ку денег и блюдце со щепоткой крупной сероватой соли. — Выйдешь отсюда, не оглядывайся. Соль господа разъест твою память, я-человек говорю. Ты проживешь счастливую жизнь.

— Нет.

— Почему?

— Не хочу. — Тама демонстративно уселась на пол. — Не хочу я счастливой жизни. Думаешь, пнул под зад и все, да?! А вот фиг тебе. — И добавила устало: — Мне некуда идти.

— Почему, гил?

Тама вздохнула и призналась:

— Я слабая. Я у одного мерзавца в... в... — она поискала слово, но не нашла, — в общем, он на меня глаз положил. И все. Парни как чумную обходят. Один вообще без вести пропал — в день святого Валентина. Понимаешь? — Она на четвереньках подползла к Димуру и схватила его за руку. — Слушай... Ты не хочешь учить, ладно. А может, — она с надеждой кивнула в сторону зеркала, — там научат? Мне сила вот так нужна!.. Валент, он ведь никто и звать никем!.. Но живет как заговоренный. И все его боятся. А я — ненавижу! Сильнее жизни ненавижу!!!

Димур поднял девушку с пола. Та не сопротивлялась.

— Помоги! Прошу тебя!

— Ты забыла руки господа, гил. Что ж... Я расскажу тебе. Слушай и слушай.

Туман затянул зеркало. Скрылся замок под тусклым свечением жидкого олова, исчезли шпильки, погасло небо цвета мазутного пламени.

— Порой случается, что зов о помощи не может дойти. Людей разделяют океаны, лиги и мили пути, века или чужие миры. А от того, дойдет послание или нет, зависят чьи-то жизни. И тогда человек отправляет таму. На языке Браваты, моего народа, — «то, что дойдет вопреки». Это может быть бутылка с письмом, брошенная в океан, стрела, отданная на волю ветра, пес, несущий пакет за ошейником.

Рано или поздно все они попадают на Землю. Сперва в виде неясного беспокойства, обрывка души — ищут человека, способного воспринять их, сделать явными. Потом обретают форму. Слово «там» вашего языка — искаженное браватийское. Как и слово «томиться».

Но не каждый способен вынести бремя тамы. Тоска о не-

сбившемся слишком сильна. Она лишает покоя и сна, толкает на необдуманные поступки. Слабые торопятся избавиться от непосильной ноши: кто-то превращает ее в песню, в книгу, кто-то ищет утешения в играх. Некоторые упиваются нытьем и жалобами; таких тама покидает раньше всего.

Лишь самые упорные идут до конца. Рано или поздно они оказываются у этого зеркала: ведь я живу во всех городах мира. Ты зря отказалась от соли господа, гил. Тяжело жить, зная, что ты — всего лишь почтовый голубь в клетке.

— Но... Но, Димчик, ведь миссия... Я же чувствовала, что я — особенная!

— Прими мою печаль.

— Ни фига, — Тама зло сдула со лба розовую прядь. — Это не может быть так. Ты ведь что-то недоговариваешь, да? А если кто не отдаст?

— Иногда человек забывает порох господа и присваивает таму. Тогда сила, запертая в ней, творит чудеса.

— Ага. Например, банку шпрот — в «Ролекс».

— Что-что?..

— Ничего, я так.

— Так... На время обманщик получает небывалое могущество. Но порох господа горит быстро. Рано или поздно тама сожрет упрянца.

— А отправленную таму вернуть можно?

— Нет.

— Ясненько. — Чтобы Димур не видел ее лица, девушка отвернулась. — Ну, спасибо за участие. Огромненькое! Я пойду?

Отчаянно горбясь, она потянулась за рюкзачком. «Мне бы только отсюда выбраться, — мелькнуло в голове. — А там до реки — и все».

О том, что Москва-река еще подо льдом, Тама старалась не думать.

Ох, она дура. Приперла чесночок, идиотка. Сама, своими руками силу отдала!

Миссия у нее, блин!

Уже на кухне, когда она кидала в рюкзак ставшую ненужной мелочевку, ее настиг голос Димура:

— Постой, гил. Не взяла деньги, возьми другое.

— ?

— Ты можешь отправить таму. Отсюда она дойдет мгновенно.

— Таму?! — Она выпрямилась. — Кому?

— Кому угодно.

— А если... — Она облизала внезапно пересохшие губы. Кричать из комнаты в комнату показалось ей ужасно глупым. — А если я потеряла этого человека? Ну... его месяц уже как нет?..

— Это неважно.

— И... и я увижу его в зеркале?! — В комнату с шахматными конями девушка просто ворвалась.

— Конечно. Отдай мне свою самую ценную вещь. И пиши письмо, которое хочешь переслать.

Ломая ногти о застежку, Тама рванула с запястья золотой браслет.

— Вот, держи! Я... я сейчас!..

Димур с интересом осмотрел переданные ему часы. «Rolex Lady Oyster». Сапфировое стекло, циферблат «шампань» с сахаринками бриллиантов. Он нечасто покидал свою квартиру, но кое-что о мире людей знал. От часов несло чванством и большими деньгами.

На оборотной стороне черными искорками вспыхивала гравировка: «Принцессе Тамаре от властелина Лапуты». Неведомый даритель обожал японские мультфильмы.

— Написала?

— Да.

Димур бесцеремонно пробежал записку глазами. Для любовного письма в ней было слишком мало слов и много зачеркиваний. А еще от листка веяло опасностью.

— Ты рискуешь, гил. Это письмо нарушит нопу — ход вещей.

— Да засунь эту нопу себе в жопу!!! — взвилась Тама. — Понял?! И мне вообще на вас плевать, ур-родов!

Она подбросила на ладони часы с защелкнутым застежкой письмом и швырнула их в зеркало.

Отскочив от стекла, часы упали на пол.

Повисла звонкая тишина.

— Эти часы... — Димур пошевелил браслет носком ботинка. — Это ведь ли-ша, вещь без цены. Ты хотела меня обмануть, гил.

— Сволочь, — прошептала Тама побелевшими губами. — Какая же ты сволочь... — Она бросилась на Димура с кулаками: — Ты!!! Ты просто не хотел отправлять!.. Потому что Стэн... Стэна...

И разревелась.

Димур пожал плечами. Женские истерики его мало трогали. Девчонка пыталась отправить таму мертвецу. Мало того — в послании хотела предупредить, как тот погибнет. И, наконец, использовала для отправки письма ли-шу. А это уж совсем недопустимо.

Тама состоит из двух частей: послания (браватийцы зовут его «сага») и носителя-артеака. Одно без другого бессмысленно. Бросьте письмо в океан без бутылки: далеко оно уплывет? Бросьте одну бутылку — дождетесь ли вы помощи?

На пути к адресату посланию приходится пересекать много миров. Переходя из одного в другой, артеак меняется, подчиняет своей воле окружающих, творит чудеса. Чтобы послание дошло, нужно много силы. Поэтому артеаком может стать лишь действительно ценная вещь.

Святой порох господа! Часы эти — вещь, конечно, дорогая. Но для Тама стоят не больше пушинки на свитере. Разве есть в них сила?

А неудавшаяся тама — вещь опасная. Записку надо сжечь как можно быстрее, а то натворит дел. Димур нагнулся за часами. Хлопнула входная дверь, но он даже не оглянулся девушке вслед.

Белый прямоугольничек письма куда-то исчез. Димур еще раз проверил браслет. Записки не было. Значить это могло только одно: в последний миг Тама нашла и инициировала другой артеак.

Сама, без его, Димура, помощи.

— Клянусь револьверами господа, — проговорил он вполголоса, — это чудо. Расскажи мне кто другой, я-человек сказал бы: «Ты лжец и забыл порох всевышнего».

Он ненадолго задумался. Потом подошел к окну, раскрыл его и выбросил часы в синеющий московский вечер.

Шубку Тама забыла у Димура. Вернуться она не могла, даже если бы захотела. Адрес выгорел в Таминой памяти.

Но это и к лучшему. По крайней мере, дурацкие мысли

отвязались. Топиться идти, надо же!.. Анна Каренина нашла. В горле застыл ком, затылок томило предчувствием простуды. Зато при одной мысли о ледяной воде Тама начало мутить.

Раз утонуть отменилось, с взрослой рассудительностью решила она, это как бы новая жизнь. И отпраздновать ее надо чем-то особенным. Таким, чего никогда в жизни не было.

Так что она купила в киоске бутылку дешевого «кьянти» и, гордо хлюпая носом, отправилась на мост.

Промозглый ветер лез под свитер нахальными Валькиными руками. Лед у опор моста смерзся глыбами; глядя на них, Тама подумала, что утопиться здесь можно, лишь пригнав баржу динамита.

Порывшись в рюкзачке, она достала «кьянти». Бутылка эта в Таминой жизни была первой, так что о штопоре девушки не подумала. Пришлось бить горлышко о камни.

Стерев осколки носовым платком, она сделала первый глоток.

Ну! И! Дрянь!

Как вообще это пьют?!

Ладно. Домой она все рано не пойдет. Квартиру подарил Валентин, а она, дурочка, приняла. Еще нос задирала, цыпа. Валент-то, конечно, не вампир (при мысли о вчерашних глупостях с серебрянкой Тама покраснела), но что-то с ним не чисто.

Уж больно легко ему все сходит с рук. Ленька Кибенематик — не авторитет, но с уголкой якшается. А Валька его в шмакутъя. И ни одна цыпа не чирикнула.

Почему?

Тама наверняка знала, что Валька — ботаник. Лет пять назад, еще в прошлой жизни, до Стэна, она как-то повстречала его в Сокольниках. Ну цыпа же: куртешка кургузая, на щеке крем для бритъя, и рубля на какую-то перумовщину не хватает.

Тама и одолжила. Пожалела бедолагу.

Когда Валентин ее отыскал через несколько лет (и как запомнил утенка-то гадкого?!), она его не узнала. Не ботаник, настоящий зоолог — по волкам да шакалам. И взгляд соответственный. Принц на белом «Ламборджини».

Ежась от ледяного ветра, она вновь отхлебнула из бутыл-

ки. Машины неслись мимо нее равнодушным потоком. Мосты строят поперек рек, сбивчиво подумала Тама, а почему-то получается вдоль. Вот она, настоящая река: течет и течет себе, а она, Тама, сидит на берегу и не знает, куда податься.

А и в самом деле, куда? К родителям нельзя. Там Валент ее на раз-два отыщет. И к подругам нельзя, зачем им неприятности?

Куда же?

В другой город?

В другой город — это правильно. Стэнька мечтал повидать мир, это будет ему прощальным салютом. А там, накопив сил, можно и с Валентом посчитаться. Потому что жизни тот все равно не даст.

Вот только для этого понадобятся союзники. И зря Димурчик нос воротил. Не хотел по-хорошему, будет по-плохому!

Девушка покопалась в рюкзачке и достала пиалу с летучими мышами. Ее она приручила у колдуна... или «стамила» — как она сама говорила. С пиалой в руках Тама вскарабкалась на перила моста. В голове шумело, камень скользил под каблуками сапог. Москва-река серебрилась под ногами — соль господ, боль забвения.

— Диму-ур!!! — крикнула Тама, протягивая пиалу пятнистой громаде города. — Помоги мне! Слышишь?! Я ведь ее выброшу, честно!

Город молчал. Лишь заунывно ревели машины за спиной.

— Ну, как знаешь! Получай!!! — Тама неловко размахнулась.

Ветер, до этого дувший ей в лицо, резко изменил направление. Мягкое крыло толкнуло девушку в спину. Взвизгнув, она плюхнулась задом на камень. Долю секунды балансировала над белой солью реки, уже понимая, что срывается и...

...сильные руки подхватили ее.

— Психованная, — слова эти прозвучали для Тамы небесной музыкой. — Ты что? До свиданья, мой любимый город?

Спаситель рывком втянул ее на перила. Развернул к себе.

— Я почти попала в хроники твои, — заплетающимся языком ответила Тама. — Ожиданье... как там дальше?..

— Самый скучный повод.

— Стэн!.. зануда ты мой!..

Когда человека бросает из безнадежности в счастье слишком быстро, случается, что он не успевает понять, что произошло. Тама закрыла глаза и уткнулась носом в плечо спасителя. Пластиковая пряжка расцарапала щеку.

— Живой... хороший мой!.. — шептала она, комкая в кулаке синтетику дурацкой Стэновой «аляски». — Как же я измучилась без тебя!..

Стэнова «аляска» оказалась не только дурацкой, но и теплой. Даже в безопасности квартиры, стянув свитер и вымокшую от сидения на мосту юбку, Тама не захотела с ней расстаться.

Залитое ночной смолюю окно бесстыдно отражало диван-сарайчик и счастливую девчонку с распухшим от простуды носом. Еще отражался буфет, на нем — Тамина фотография («Стэну, Стэнчику, Стэненку!..» на обороте), пиала с летучими мышами. Остальное съела голодная луна.

— Прикинь, Там? — кричал с кухни Стэн. — Иду, а под ногами блестит!.. А я...

Слова тонули в шуме льющейся воды и грохоте посуды. Тама вынырнула из блаженного забытья, слезла с дивана и отправилась на кухню.

— Чего кричишь? — спросила она сердито.

— Рассказываю, как тебя нашел. Вот смотри, — сквозь пальцы блеснуло золото. — Это в снегу. Я за ними, а автобус — опачки! Ну, я через мост...

В Тамину ладонь легли золотые часы.

Те самые.

Станька еще долго что-то рассказывал о том, как заметил в сугробе блеск, как опоздал на автобус, как... Тама не слушала. Она перевернула часы; гравировку съедало темное, почти коричневое пятно, но все-таки она была.

Сердце тревожно зачастило.

— Станька, — она прижалась раскаленным лбом ко лбу Стэна, — занудик мой любимый. Выбрось ты их, а? Ну пожалуйста!..

Тот надулся. На год младше Тамы, он был чуть ниже ее ростом. И ужасно не любил, когда его звали Станькой или Станчиком. Станислав — что за имя? Размазня какая-то. Вот Стэн — другое дело, солидно и мужественно.

— Не дуйся, лапа, — Тама пригладила его мягкие пушистые (ой, немужественные!) вихры. — У меня предчувствие дурное. Выброси.

— Ладно. Только я историю читал... Ну, типа у мужика «Ролекс» был, а он его угробить хотел. С вышки прыгал, тряс, все такое. А потом — в кастрюлю и кипятить. Полчаса кипятит, час — ничего.

— И?..

— Ну, остановились. Мужик сразу: в компанию письмо, дистрибьютору письмо, в швейцарское консульство письмо. Мол, часы стали, моральный ущерб охрененный.

— А те?

— Без проблем, говорят. Мы вам заплатим, только скажите, ради бога, что вы с ними сделали? Выплачивают компенсацию, чин чина, новые часы дают. Он думает: «О, халява прилетела!» Потом зырь в инструкцию, а там строчку добавили: «Кипятить больше часа строжайше запрещено».

— Здорово! — Тама хихикнула.

Станька заулыбался:

— Вот я и хочю проверить: эти час протянут?

— Давай!

Тама сама набрала воду в кастрюлю и включила огонь. Часы обреченно булькнули.

Стэн склонился над кастрюлей.

— Идут. — Лоб его собрался озадаченными складками. — А вдруг это не подделка?

— Это ли-ша, — уверено отозвалась Тама. — В сто раз хуже любой подделки.

Стоять над кастрюлей показалось ей ужасно скучно. И она утащила Стэна в комнату с буфетом, под насмешливый взгляд голодной луны.

...Когда через полчаса Стэн голышом выскочил на кухню, вода в кастрюльке била ключом.

— Ну что? — высунулась следом всклокоченная Тамина голова.

— Идут.

— Обадеть! — Она деловито зашлепала к плите.

Стэн оглянулся:

— С ума сошла? Ты простуженная! Брысь в постель!

— О да! Лечи, лечи же меня, мой повелитель!

Тама лежала под колючим одеялом, вдыхая острый запах верблюжьей шерсти. Простыня сбилась куда-то под диван, но искать ее не хотелось. За окном по-утреннему деловито собачились коты, выясняя, кто из них орел, а кто — мокрая курица.

Вот уже бог знает сколько дней Тама определяла время по кошачьему ору. «Ролекс» все-таки сварился, и счастливые не наблюдали ни часов, ни календаря.

Тама потянулась. Стэн отправился на лекции, заучка. Обещал вернуться к обеду, принести чего-нибудь вкусненького. Сама-то она решила лежать, пока не захочется в туалет, а потом уж встать окончательно.

Утреннее солнце заглянуло в комнату. За окном захлопали птичьи крылья, и Тама вдруг вспомнила.

Ей опять снилась стена из кирпича. Самая обычная стена, вот только кладка слишком свежая. Раньше сон этот приходил чуть ли не каждую ночь — с тех пор, как пропал Стэн, — потом исчез и вот сегодня вернулся вновь. Что в этой стене такого жуткого, Тама не знала. Но всякий раз, увидев ее во сне, она просыпалась с тяжелым сердцем.

Солнечный луч передвинулся, зажигая искру на фаянсовом боку Димуровой пиалы. Крылья летучих мышей преудреждающе поднялись.

«Гил... — ворвалось в голову Тамы, — опасность... порох господа...»

— Иди на все четыре полдня! — Тама вскочила и принялась сердито одеваться. Повалялась, называется! Еще придурок этот в голову лезет.

«Это важно, гил! Порох господа...»

— Отвянь!

В этот миг в дверь позвонили.

— Кто там? — Девушка бросилась в прихожую. — Стэнчик, ты?

Дверь отозвалась нетерпеливым лязгом. Тама насторожилась. Стэн тоже дергал ручку, но не так требовательно.

— Кто там? — повторила она.

— Телеграмма, — отозвался казенный голос. — Откройте.

Сердце пропустило два удара и заколотилось с бешеной скоростью. За дверью стоял Анатолий Павленко, телохрани-

тель Валентина. Рассказывали, что как-то он бежал с лесоповала и две недели пер сквозь тайгу, питаясь мясом убитой им сторожевой овчарки. Байка эта была сродни историям булгаковского Бегемота, но почему-то Толика все звали профессором Павловым.

Не отрывая взгляда от дергающейся ручки, Тама потянулась за рюкзачком. Возня за дверь усилилась. Вместо того чтобы выломать фанеру, Павлов зачем-то принялсяковыряться в замке. «Домушником себя мнит», — решила Тама. У уголовников тоже есть свои комплексы.

«Дерринджер» куда-то запропастился. Тама подняла рюкзак и вытряхнула его на пол. Оружие загремело по линолеуму, куваркаясь, и в этот миг дверь сорвало с петель.

Ослепительный свет залил комнату. Тяжелая рука сграбастала девушку за ворот («мамочки! мамочки! мамочки!») и швырнула на диван.

— Что, овца? Беды не нюхала?!

От удара у Тамы из глаз посыпались искры.

— Полегче, Толик. Она мне целой нужна.

«И Валентин здесь, — обмерла Тама. — Ну, сейчас начнется...»

— Да ты че, Миядзаки? Ты гля на лярву! Она ж с козлом этим и в рот, и в грот, и в красную армию!

— Стал здесь. Умер. Понял?

Валентин подошел к Таме. Поправил на ее груди разорванную рубашку:

— Ну здравствуй, девочка моя. Что ж ты? Гуляешь с кем попало, от жениха бегаешь...

— Кто еще жених?! Ты, что ли?

Разбитый глаз уже начал заплывать. Тама потрогала его пальцем и подтянула колени к груди. Будущее виделось ей все более и более расплывчатым.

— Тома...

— Слышь, бугор, — перебил Павлов, — а может, ее того... с нежностью?

— Пасть закрой с нежностью. И фильтруй базло. — Валентин повернулся к Таме: — Не жених, говоришь... Ты подарки брала? Брала. За красивые глаза, думаешь?

Тама хотела было объяснить за что, но пороуху не хватило. Пришлось отмолчаться.

— Вот, сама видишь. Но я гордый, навязываться не буду. Часы верни, и в расчете. Ну? Что молчим?

— Нет у меня... часов...

— Правильно. Вот они.

В его руке мелькнул «Ролекс». Тама сжалась. Глядя на ее лицо, Валентин смягчился:

— Жив, жив твой гаденыш, не бойся. Я просто так не убиваю... Но тебе многое придется рассказать. — Взгляд его упал на пиалу: — Вот об этом, например.

Павлов с осторожностью коснулся пиалы пальцем. Отдернул. Покопался на Валентина:

— Это его, что ли?.. Колдуна твоего?

— Да, Толик. Видишь, как вышло? А теперь оставь нас наедине.

Когда телохранитель ушел, Валентин присел на диван рядом с девушкой:

— Тома, слушай. Твой парень жив и в общем-то невредим. Я...

— Так в общем или невредим?!

— Да ты дослушай, дура! — обозлился он. — Пара ребер, фингал... Ничего особенного. Давай лучше о Димуре поговорим.

— Ты и о нем знаешь.

— Я многое знаю, Тома. Не о том речь. Ты была у него, а значит, все мелкие обиды, — он подкинул в ладони «Ролекс», — в сторону.

Девушка насупилась, а Валентин продолжил:

— Он ведь тебе рассказывал, кто он, зачем?.. Вижу, что рассказывал. Димур — это сила. Письма куда угодно. Мгновенно. Понимаешь? А если послание не отдать — оно наполняется магией. Магией... — Валентин вытер испарину на лбу. — Я ведь когда-то фэнтези любил. Все снами жил, мечтаниями. А самая магия здесь, — он с хрустом сжал кулак. — Вот она. Толик любому назгулу сто очков форы даст. Короче, Тамара, нам нужна твоя помощь.

— В чем именно?

— Забьешь Димуру стрелку. Так, мол, и так, пиала твоя у меня, хочешь ее обратно — выходи, потолкуем.

— Он не станет с вами разговаривать.

— Знаю. Разговаривать мы и не будем. Я был у Димура

два раза. Мог бы и третий, да вот не сложилось. И знаешь, что я увидел? Царапину на щеке — от бритвы. А раз его можно ранить, значит, и убить можно.

С деланным равнодушием Валентин откатал штанину и вытащил из ножен «шварцмессер».

«Сейчас будет ногти чистить», — решила Тама.

Так оно и вышло.

— Нам квартира его нужна. Зеркало. Сам-то колдун — союзник ненадежный. Морок наведет, магией ударит, хрена ли? Мне требуется кто-то вместо него. А на кону — жизнь твоего парня.

— Понимаю, — Тама облизнула пересохшие губы, — А если... — она чуть помедлила, — твое бандитье не справится?

— Тогда, милая, все будет зависеть только от тебя.

Грязные московские улицы слились в один гремющий, вопящий, воющий моторами водоворот. Тонированные стекла «Лендровера» серебрились весенними брызгами. Тама скорчилась на заднем сиденье, прижимая к груди пиалу.

Джип вел Павлов. Рядом сутулился кадыкастый нескладеха с моноклем в глазу. Валентин сидел за его спиной. Они неспешно переговаривались на тягучем воровском аргю. Для Тамы их болтовня была, что Каинова «трека калач ела» для филолога, — сплошные загадки.

— Теперь направо, — сказала она.

— Здесь поворота нет, — не оборачиваясь, бросил Павлов.

— Давай, Толян, жми, — отозвался Миядзаки. — А то пусть Денди за руль сядет.

Кадыкастый Денди ослабился. За руль его сажать было никак нельзя: под Новый год его раздухарило и он обещал своей подруге, что будет бить по машине в месяц. Зачем, никто не знал. Но две машины уже скончались (обе краденые), а март близился к концу. От Денди следовало ждать любых подвигов.

А Таму вело. Чувство избранности вновь захватило ее. Путь к Димурю она нашла бы с закрытыми глазами.

Эх, если бы утром она не отмахнулась от голоса...

«Димур! — мысленно крикнула она, стискивая потными ладонями пиалу. — Димур, в бога порох, откликнись! Тебя ищут!»

Летучие мыши помалкивали. Не интересны были колдуну ни запутавшаяся в тридцати несчастьях гил, ни его собственная пиала.

— Налево теперь, — буркнула Тама.

Валентин поднял бровь:

— Парня тебе не жаль. Думаешь, я не знаю, где колдун живет? Шкурой чую, каждым миллиметром.

— А чего сам не штурманишь?

— Нельзя мне к нему. Есть причины.

Джип тряхнуло, и Тама увидела вокруг Валентина сияние. Зеленое, с ершистым «заборчиком» по краю. «Послания Слаг-Равина, — откуда-то прорезалось в памяти. — Пилообразная зеленая аура».

Ее осенило.

Так вот откуда Валентин столько о Димуре знает. Вот откуда его сила. Присвоил таму, и запертое в нашем мире послание бунтует. Звенит перегретым паром в котле, цепным псом ярится — ищет, как бы сбежать.

Каково, интересно, сейчас Валентину? Каждую ночь видеть во сне чужие миры, томиться, рваться туда, куда путь заказан, зная, что навеки обречен жить здесь и сейчас, наедине с постылым могуществом? Глупый бедный властелин уголовников!

— Здесь останови. — Валентин искоса глянул на Таму: — Места узнаешь?

— Узнаю.

— Вот и славненько. Значит, не заблудишься. Сейчас выйдешь во двор, позовешь Димура.

— Нам следом? — настороженно спросил Денди.

— Нет. Ты засядешь на чердаке. Увидишь колдуна, стреляй при первой возможности. Если промахнешься, считай себя трупом.

— За лоха держишь? — удивился тот. — Как этот Димур снайпера-то со двора снимет? Святым духом?

— Он тебя на беду посадит. Понял? — И повернулся к Павлову: — Теперь ты за главного. Расставляй ребят и дальше по плану.

С этими словами Валентин вышел из машины и растворился в воздухе. Отправился за Стэнном, поняла Тама.

За прошедшие дни двор изменился мало. Полотно снега, раскroенное когда-то одиноким Таминым следом, так и осталось нетронутым. В синем небе клоком сахарной ваты застряло облако.

Тама вошла во двор, чувствуя себя в перекрестье прицелов. Где-то на крыше затаился снайпер Денди. За поленницей, у мусорных баков тоже прятались люди — Толик постарался на славу. Сам он шел чуть впереди, настороженно озираясь по сторонам.

— Здесь остановись, — приказал он. — Пришли мы.

— Зачем? А Валентин сказал...

— Заткнись. — Толик достал портсигар и протянул Та-ме: — Будешь?

Та помотала головой.

— А вот я буду, — он закурил и поморщился. — Тебе правду надо знать. Хреново, если овцой сдохнешь... Не знаю я, что у вас там с Миядзаки, но ни как жена, ни как варюха ты ему не нужна.

— Кто-кто?

— Варюха, любовница. Слышь, девка... Я ведь раньше ни во что не верил. В колдунов не верил, в шмагию... А Валент мне доказал. Ты уже четвертая, кого он с малявами гоняет. — Толик затыкнулся, выпустил дым. — Четвертый раз я здесь. А дорогу хоть убей не помню. Специально искал — ну нет, нету этого двора нигде! Как-то он, Валент, вас чует, гонцов. И тебя почуял. И первую... землю ей синтепоном.

Ноги ослабли, сделавшись мягкими, непослушными. Синтепоновыми. Только сейчас Тама заметила, что вторую руку Толик держит в кармане куртки. Будь у него там пистолет, смотрел бы точнехонько Тама в бок.

— Как это... синтепоном?

— Пошли, на скамеечку присядем, — предложил Толик. — Колдун этот как? Он ведь за гонцов отвечает. И за малявы тоже. Если какая пропадет, видать, начальство его крепко вздрючит. Первую овцу мы в Нескучном отловили. Валент сказал ее раздеть, маляву искал. Думал, больше маляв соберет, силы больше. А по мне — хрень это все, морока одна...

— И что дальше-то?

— Что-что... Колдун объявился. Как раз когда Миядзаки бабу на беду посадил. — Тама вспомнилось, что бедой уго-

ловники зовут нож. — Мулька у него такая, у колдуна: каждый свою маляву должен сам нести. Типа Иисуса. И вот картина: кровяца бэлтимором, а этот бабу на руки, тряпье в охапку — и ноги. И с каждым шагом все прозрачнее делается. Мы стрелять, да попади в него! Ваську, кента моего, похода уработал. Ствол у него чудной, антиковый... Вот с тех пор на живца и ловим. А живцом нынче ты у нас.

Тама сидела неподвижно, успокаивая звонкое колотье в груди. Во рту сделалось сухо-сухо. Все ведь одно к одному. Толик говорит, будто здесь не первый раз, а дорогу не помнит.

А она — с ходу нашла.

И Валька нашел. Но это потому, что у него тама.

Означает это одно: она несет новое послание и находится под защитой Димура.

«До подъезда рукой подать», — мелькнуло в голове. Там Димур, там бандиты не найдут. Вот только для нее это «рукой подать» как до Слаг-Равина. Что же, придется умирать?

Толик докурил и с сожалением бросил окурок в снег.

— Ты-то посильнее прежних будешь. Миядзаки чуял, что ты к колдуну с малявой сорвешься. Уж как мы тебя пасли, а все равно выломалась. И парня своего вытянула. Извини, подруга. Ничего личного.

— Стой... — сипло сказала Тама. — Ты это... Покурить дай.

— Ты же не куришь вроде?

— То раньше. А сейчас без разницы.

Толик хмыкнул и полез в карман за портсигаром. Глаза он опустил лишь на долю секунды. Но этого хватило. Тама влепила ему в лоб Димуровой пиалой.

Уголовник увернулся, и зацепило его лишь краем. Пиала вырвалась из Таминой руки и покатила по снегу.

— Ах ты, сука! — Толик зажал расцарапанный висок. — Я ж по-человечески... Не, ну бабы!

И потянул руку из кармана.

— Стой, мян, — прозвучало за его спиной. — Подожди.

Толик мгновенно обернулся. Его «глок» прыгнул, уставясь в переносицу Димура.

— Т-ты!..

— Поддай мне пиалу. Я-человек скажу тебе спасибо.

Толик озадаченно хмыкнул. Колдун давно должен был валяться с дырой в черепе. Спит Денди, что ли?.. Но смелость чужака ему определенно нравилась.

— «Спасибо» не булькает, колдун, — сказал он, поднимая пиалу. Ствол «глока» уткнулся Димуру в живот. — С тебя кубло чифира.

— Я-человек говорю: спасибо. А вот мой ответный дар.

В ладонь бандита лег забрызганный бурым крутяшок в серебряной оправе.

Монокль.

Тама такой у Денди видела, только без дыры в центре.

— Су-ука... — тихо выдохнул Павлов. И заорал: — Мочи его, братаны!!!

Миг этот навсегда впечатался в Тамины сны. Грязная пастила снега. Грохот автоматных очередей. Спинка скамьи, пулями разметанная в лучину. Стрелки видели Димура, он их нет, но роли это не играло. В руке Димура тускло блеснул револьвер; колдун ударил ребром ладони по курку, и оружие отозвалось пламенем и ревом.

Начался бой.

Таму оглушило и отбросило. В снег порхнула синяя стрекоза — разбитая пулей заколка.

Следом обрушилась тишина.

Девушка стояла, тупо глядя на побоище. В ушах звенело. Расплывались пахнувшие фейерверками синеватые облака дыма. Толик полулежал среди щепок, неловко подогнув ногу. Штанина его намочила темным; там где она касалась снега, расплывалось брусничное пятно.

В руке бандита матово поблескивал «глок».

— Не оборачивайся, анчутка, — прохрипел Толик, глядя на Димура. — Христом-богом молю: не оборачивайся!

— Ты можешь еще уйти, мян. Я-человек говорю.

Солнечная полоса, накрывавшая Димура, сместилась влево. Ни Толик, ни Тама не уловили движения, однако стоял колдун уже не там, где раньше.

— Чур меня, чур! — зачастил уголовник, отодвигаясь. — Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий... помилуй раба грешного!.. Я ведь выстрелы считал! И ствол у тебя один!

— Лишь Господь носит два револьвера, мян.

Безумными глазами Толик посмотрел на зажатый в руке

«глок». Потом бросил в снег. Тамин «дерринджер» отправился следом.

— Господи, Господи, Господи! — бормотал Толик, отползая. — Прости святотатца, Господи! Свечки... Дом отпишу...

— Пойдем, гил, — Димур повернулся к Таме. — Для нас эта часть истории уже закончилась.

Девушка отступила на шаг.

Вид стрелка был страшен. Рубашка и левая штанина джинсов влажно поблескивали темным. Рукав топорщился лохмотьями, лицо побелело.

— Ты помоги мне, гил. Один я не дойду.

Тама торопливо кивнула. «Кровь алая, значит, перебитая артерия, — стучало в висках. — Человека было бы не спасти... Но это браватиец! А там Стэн...»

Подбежав к Димуру, она подставила плечо. Стрелок навалился всей тяжестью, едва не сбив девушку с ног.

— Ты человек кости, маленькая гил, — прошептал он.

— Молчи. Береги силы!

«Стэн! Стэненок!» — стучало в груди.

— Теперь все... зависит только от тебя...

Услышав это, Тама закусил губу. Тащить Димура было тяжело, но она терпела. Возле скамейки она присела и подобрала «дерринджер».

Сколько Димур провел в беспамятстве, Тама не знала. Однажды она сдуру записалась в санитарки хосписа. Произошло это где-то между первым сексом, первым падением с лошади и первой кражей в универмаге. Тама всегда жила по принципу «Человек должен испытать все».

В хосписе она продержалась месяц. Оттуда она вынесла кипу обрывочных медицинских сведений и неумемное отвращение к смерти. Сепсис, пневмоторакс, гемоторакс — раненого подстерегает много опасностей. Тама меняла повязки, перестилала Димуру постель, кипятила настои из немногих знакомых трав, что нашла на кухне.

И думала, думала, думала, силясь найти выход.

Иногда становилось совсем плохо. Тогда Тама доставала «дерринджер» и смотрела на мечущегося в бреду Димура. Ей представлялось, как она накрывает лицо раненого одеялом,

жмет на курок — и прочь. К Валентину и Стэну, подальше от места нет-и-не-будет.

Бог знает, что останавливало ее. Валентину она не верила. Кроме того, ей страшно было покидать безвременье, царившее в доме Димура. За порогом время текло как обычно, и она боялась, что не успеет.

Когда это случилось последний раз, в дверь позвонили. Спрятав оружие, Тама выбежала в прихожую. За дверью стоял хмурый мешковатый мальчишка лет пятнадцати.

— А это... — деловито произнес он. — К рыцарям сорока островов отсюда отправляют?

— Куда-куда?

— Ясно...

Вокруг гостя кружились темно-синие искорки. Больше всего их было вокруг рукояти старой истертой шпаги, спортивного эспадрона.

— Ты входи, — Тама посторонилась, пропуская мальчишку. — Сейчас что-нибудь сообразим.

Выяснилось, что прибыл он из девяносто пятого. С благоговейным ужасом в глазах слушал он рассказы о Москве будущего. «World of Warcraft», третий «Doom», мобильники, возня с Плутоном, mp3-шки — его интересовало все.

Тама отдала ему на растерзание свой мобильник, а сама быстренько перелистала справочник. Оказалось, что темно-синяя аура с блочной зубцовкой — это послание на Альтаир.

Обломок спортивного эспадрона, которым был вооружен мальчишка, отправился в портал. Чувствуя неловкость, Тама рассказала гостю о посланиях. Узнав, что мир мечты заканчивается Димуровой кухней, мальчишка позорно разревелся. Далее случилась знакомая сцена. Мальчишка набивался в юнги, в оруженосцы, посудомойки, наконец. Грозил, лстыл, умолял. Тама была непреклонна. Уже на пороге он обернулся.

— Вам хорошо... — сдерживая слезы, сказал он. — У вас вон приключения на каждом шагу, а я?.. Это несправедливо!

Когда дверь за гостем закрылась, Тама рассмеялась. В смехе этом уходило напряжение последних дней, боль и страх за Стэна, тягучее одиночество безвременья. И, словно откликаясь на этот смех, заворочался на тюфяке Димур:

— Ты здесь, гил? Хорошо. Свари чаю.

Тама опрометью бросилась на кухню. Игрушечный ще-

нок на холодильнике из последних сил цеплялся лапами за край, и Тама пересадила его в безопасное место.

— Скорей. Скорей, — подбадривала она себя. — Сейчас все решится.

Чаев у Димура было много. Банку с «Гилеанским маком» Тама на всякий случай отодвинула. И «Хохотушку илама» тоже. Ишь, дыпа. Интересные чаечки у него водятся... «Гриб полетани», «Отрав твар»... или как-то по-другому? А вот «Темный пустошанг» заварим. Кружки, чайник на поднос — и пулей господней обратно.

За то время, что Тама возилась на кухне, Димур ожил. Уселся, уютно скрестив ноги, по уши закутался в одеяло. Таме он напоминал гипсового Будду из магазинчика «Путь к себе».

— Садись, не стой, да-я говорю. Пей, гил Тама.

Девушка покорно уселась рядом с колдуном. Несколько соломинок кружились в медном с прозеленью настое. От чая ощутимо тянуло багульником. Некоторое время они сидели рядом и сосредоточенно прихлебывали «пустошанг». Когда молчание стало невыносимым, Тама сказала:

— Он приказал мне вас убить.

— Я знаю.

— А иначе он Стэна... Стэн...

— И это знаю. Что ты решила? Убьешь?

— Теперь уже нет. Наверное... Димур, а может быть, ты сможешь? Ты ведь мастер! Ты же из револьвера — бац-бац, ваших нет! — Она прищурилась и помахала в воздухе указательным пальцем. — Пожалуйста!

— Не могу. Валентин несет таму. Он под моей защитой — как и ты.

— Но это же несправедливо!

— А справедливости не существует. Есть лишь стрелки с хорошей реакцией. Ты помнишь, как пришла ко мне в первый раз?

— Да.

— Ты хотела спасти своего мяна. Это нарушало все на свете — нопу, закон, здравый смысл, — но ты действительно любишь его, маленькая безрассудная гил. Любовь — это то, что приходит вопреки.

— Так письмо дошло?

— Да.

— Но ведь ли-ша! Я же сама видела, как часы — об пол!

— Посмотри в зеркало, гил. Что ты там видишь?

Тама подошла к зеркалу. Оловянная гладь протаяла, впуская в себя комнату, часть стены и саму Таму.

Ох и видик... Синячище, губа рассечена. А прическа-то! Она потянулась за расческой и замерла. Вокруг отражения колыхалось золотистое марево с редкими лучиками протуберанцев. Даже без Димуровой книги было ясно, что это аура Земли.

Свечение не было привязано ни к какому предмету. «Так вот почему в перестрелке меня не зацепило. Только заколку расплющило...» — с удивлением подумала она.

И все стало на свои места. Послание, предупредившее Стэна о бандитской засаде, — вот оно, перед зеркалом. Сама Тама. Только оно еще не отправлено. А для колдовской почты Димура времени не существует. Прыгни она в портал сейчас, через год, через двадцать — все равно окажется рядом со Стэном в нужный момент.

Изображение в зеркале затянулось дымкой. Тама поежилась.

— А что будет, если я — туда?

— Не знаю. Обычно артеак разрушается. Иногда превращается во что-нибудь интересное. Но прежним не остается никогда. Если хочешь, я дам знать на Бравату. Мастера судьбы с радостью окажут тебе гостеприимство.

Другой мир! Как она мечтала об этом когда-то...

— А Стэн — я точно окажусь рядом с ним?

— Да.

— Тогда я иду к нему.

— Подожди. У меня для тебя есть подарок. — Димур вытащил что-то из-под подушки, пошептал, а потом протянул Таме. — Я-человек молю о прощении, гил.

— За что, мян Димур?

— Я усомнился в тебе. Те, кто любит по-настоящему, несут жизнь, а не смерть. Ты вернула меня на дорогу, и я-человек говорю: спасибо тебе.

В Тамину ладонь упали два патрона от «дерринджера». Не веря своим глазами, она вытащила пистолет: разряжен!

Но как? Когда?!

Головки пуль горели белыми искрами. Не краска, настоящее серебро; металл этот был сродни металлу зеркала.

— Теперь все. Заходи в гости, если окажешься на Бравате. Да и просто так заходи.

— Обязательно, мян Димур!

Тама перезарядила оружие и шагнула в портал.

Радуга миров подхватила ее. Альтаир и Денеб, Проксима и Слаг-Равин — все они пронеслись сквозь девушку, оставляя частичку себя, словно приглашение вернуться.

Последней оказалась Земля.

С мрачной веселостью Тама смотрела, как летят к чертям бандитские планы. Ожидавшая Стэна шпана ни с того ни с сего ввязалась в драку с приبلудами из чужого района; черный «бумер» врезался в столб, ослепленный невесть откуда взявшимся светом; снайпер выпрыгнул в окно, увидев призрака — девчонку в золотом сиянии, с «дерринджером» в руке.

Когда срывалось одно нападение, Валентин затевал другое. Тама уж отчаялась выбраться из этой кутерьмы, как вдруг все закончилось.

Московские улицы рывком исчезли, и девушка очутилась в сереньком скучном подвале. Полки, заваленные всяким хламом, уютное сияние свечи, запах селедки и «Джека Дэнизлса».

И кирпичная стена. Та самая, из снов.

В центре ее зияла огромная дыра. За ней открывался крохотный глухой закуток, заставляющий вспомнить о фамильных призраках, ночном глинтвейне и звоне цепей. Похоже, хозяин подвала затеял ремонт. В углу сгрудились стройматериалы: кирпичи, мешки цемента, ведра с остатками песка. Чуть поодаль стояла огромная бадья, заляпанная раствором. Юноша с разбитым лицом без энтузиазма бултыхал в ней мастерком.

— Стэн!

Скорчившийся на табурете Валентин вздрогнул. Юноша поднял голову. Тама бросилась к нему, не в силах поверить, что все наконец закончилось.

— Стэн... Стэнчик!.. — шептала она. — Ты жив!..

— Тамка!!! — Юноша неловко прижал ее к себе одной рукой. Вторая была прикована наручниками к бадье.

Валентин недовольно пошевелился, закрывая книгу.

— Могла бы и поздороваться, милая. — Встал с табурета и подошел к бадье. — Как ты сюда попала?

— Не твое дело! Меня Димур отправил.

— Значит, он жив. Жаль... О судьбе моих ребят, полагаю, спрашивать бесполезно?

Тама презрительно дернула плечом. Принц воров, называется! Сам бросил, и сам еще спрашивает!

— Впрочем, — продолжал Валентин, — теперь это не имеет значения. — Он задрал штанину и вытащил из ножен «шварцмессер». — Димур хороший стрелок, но до бога ему не хватает одного револьвера. Рано или поздно я его достану.

Тут Тама не выдержала:

— Ну за что?! За что ты его так ненавидишь? Он же тебя защищал!

— Конечно. Когда братва подписалась за Леньку, устроил им баню. И все-таки я его ненавижу. — Валентин зашагал по подвалу: — Ненавижу. Я ведь тоже не дурак... Я в Нескучном своим человеком был. Эти мальчишки, девочки — они бог знает где живут, только не здесь. Все мечтают. Где-то кто-то их ждет, кто-то любит... принцев-принцесс хреновых. А нет никаких миров, понимаешь? Есть рефлекс. Где-то кто-то писульку черкнет, а у голубков наших почтовых перышки встопорщатся. — Он резко остановился. — Вот за это и ненавижу. Понимаешь, Томка? Он мечту мою отобрал. Если бы не он, не тамы его — ох, каким бы я человеком был!

— Бандитом, например, — вполголоса сказала Тама.

— Да хоть и бандитом. Но все ж не слизняком убогим... Так что пойми: я его убью все равно. Чтобы других не мутил. Помнишь Этанор, эльфийку? Да где тебе... молода еще. Сгерилась наша Этанор. Отправилась искать свой мир. Из-за него.

У Тамы перехватило дыхание.

Вот это да! — бабочкой вспорхнула мысль.

Он же не коддуна убить собрался. Мечту! Дух приключений, то, что срывает людей с места, отправляет на поиски нового, странного. И пусть поиски эти временами превращают-

ся в бегство от себя, что с того? А книги? Песни? А огонь, горящий в глазах искателей?

— Ты псих, Валент. Ну ты и псих...

Она выхватила пистолет и шагнула к Валентину. От грехота выстрела заложило уши. Пули ударили в Валентинов свитер и бессильно плюхнулись в бадью с раствором.

Тама смотрела на оружие, не веря своим глазам. Вокруг пуль, упавших в строительный раствор, расплывались серебряные змейки. Чем-то они напоминали туманные разводы, бегущие в зеркале портала.

Но как же так?

Димур ведь не предатель!

Этого не может быть!..

— Бедная девочка... — Валентин покачал головой. — Ты поверила ему, да? Димур будет защищать меня, пока я не доставлю таму. Или пока не умрет.

Клинок «шварцмессера» окутался зеленым сиянием.

— Прощайся со своим дружком, милая. Знаешь, я все-таки вам завидую... Сам-то я остаюсь здесь и сейчас.

Тама опустила на пол рядом со Стэном. «Ничего, — мелькнула мысль. — Зато я подарила ему месяц жизни. А он целую неделю был рядом — только со мной, только для меня».

— Тама, знаешь что? — шепнул он. — Я тебя люблю.

— Я тебя тоже люблю. Нет, без всяких тоже. А теперь не шевелись.

Тама потянулась губами к губам Стэна. Смешно: мужественный, ершистый Стэн закрыл глаза. Словно девчонка. Валентин деликатно отвел взгляд; целуясь, Тама зачерпнула из бадьи грязи и вlepила ему в лицо.

— На раз-два! — звонко крикнула она. — Вперед!

Вцепившись в край бадьи, они толкнули ее под ноги Валентину. Тот потерял равновесие и рухнул прямиком в раствор. Пульсирующий зеленой аурой кинжал без плеска ушел на дно.

Побежали неясные волны. Там, где сталь коснулась отравленного Димуровым серебром раствора, туман бледнел, открывая путь в другой мир.

Земля, покрытая лесами и горами, — с птичьего полета. Плывут облака, и меж ними лавирует обломок скалы — весь в мраморе дворцов и зелени виноградных плетей.

Летающий остров Лапута.

Тама-кинжал захлопала крыльями, становясь почтовым вороном.

Валентин вцепился в стенки бадьи. Пальцы скользили в растворе, срываясь, ветер пробивался в воссозданный Тамой портал, унося затхлый воздух подземелья. С отчаянным криком Валентин-Миядзаки сорвался и улетел вниз.

— Е-мое! — Стэн вытер щеки грязной рукой. — Он все-таки попал туда.

— Вот что значит мечтать по-настоящему!

И они рассмеялись. Рассмеялись так, как умеют смеяться лишь люди, живущие здесь и сейчас, и где-то еще, и там, где ничего нет и быть не может — одни только мечты.

Сияющее окно в Слаг-Равин затягивало грязью. Человек, пытавшийся убить то, что приходит вопреки, исчез, как и не было его никогда.

Ключи от наручников, правда, он унес с собою. Даже после смерти навредил. Тама отыскала обломок ножовки, и они со Стэном принялись пилить ручку бадьи, поочередно меняясь.

— Слушай... — Тама сдула с потного лба розовую прядь. — Димур меня в Бравату приглашал. А если мы туда махнем, ба-дья что, за нами двинет?

— Вряд ли. Пробуем?

— Давай!

ПОСЕТИ МЕНЯ В МОЕМ ОДИНОЧЕСТВЕ...

Tribute to Roger Zelazny

Сегодня опять никто не пришел.

Лодочник вздохнул, докурил трубку и встал с чурбачка. Для вечерних посиделок он всегда выносил к берегу чурбачок, ставил под ивой, садился, закуривал и смотрел на воду. Табак он выращивал сам, в огороде, за грядкой укропа и двумя кустами красной смородины. Он много чего делал сам, потому что помощников здесь не водилось.

Только он — и те, кого требовалось перевезти на другой берег.

С недавних пор он остался один.

С давних, поправился лодочник. С давних, приятель. Никому больше не надо плыть через твою дурацкую реку. Мир изменился. Никто не приходит, а ты ждешь, как дурак. Готов поклясться, ты и завтра явишься сюда — ждать. Сотня дел по дому, тысяча забот по хозяйству, а ты, выкроив по минутке от каждого часа, станешь бегать к реке, как мальчишка, и глазеть по сторонам, сопя от огорчения.

Ага, так и будет, и никак иначе.

Тонкие ветви ивы купались в черной воде. В бочаге плеснула рыба. Луна, белесая, как рыбий пузырь, качалась в смутном небе. Вдали, за рекой, выла собака. Отражаясь от луны, вой дробился, расслаивался, летел над коврами маков и диких лилий. Казалось, воет не один пес, а по меньшей мере три.

— Хватит, дурачок, — шепнул лодочник, словно несчастный зверь мог его услышать. — Хватит. Не трави душу. Ну, луна, понимаю. А их все равно нет, хоть вой, хоть рвись с цепи...

Он знал, что на той стороне реки тоже никого нет. Нескольким раз он садился в лодку — без пассажиров, хотя это

было противоестественно! — и плыл на другой берег. Оставив лодку на песчаной косе, он шел и шел, углубляясь в дикие, безлюдные земли. Крепкие, хотя и непривычные к долгой ходьбе ноги мерили пространство. Зоркие, несмотря на возраст, глаза шарили вокруг, слезясь от надежды. По дороге он волновался, что лодку могут украсть.

Иногда он кричал:

— Э-эй! Эге-ге-гей!

Ему не отвечало даже эхо. Здесь не было эха, хоть в бубен стучи.

Время лодочник рассчитывал так, чтобы успеть вернуться к вечеру, переплыть обратно и ночевать в хижине, а не под открытым небом. Иногда, по пути домой, он думал, что стоило бы хорошенько запастись провизией — и уйти в поход дней на пять или на неделю. А вдруг там, за рекой, кто-то остался? Затаился в пещере, укрылся в лесу, спрятался за скалой и боится выглянуть... Не все так общительны, как некий брошенный на произвол судьбы лодочник.

В конце концов, если они перестали являться на этот берег, то им совершенно необязательно исчезать сразу по обе стороны реки! Надо взять сыра, и лепешек, и курева, и воды в бурдюке, набрав ее из родника, потому что из реки пить нельзя, и пойти куда-нибудь, куда угодно. Может быть, даже туда, откуда они приходили раньше. Найти их, спросить, почему столько времени никого нет...

Ясное дело, он тешил себя иллюзиями, но есть ситуации, в которых тебе остаются лишь иллюзии. Он знал, что не уйдет ни на пять дней, ни тем более на неделю. Он не мог так долго оставлять лодку без присмотра.

Взяв чурбачок под мышку, он побрел к хижине. «Они ушли, — думал лодочник по дороге. — Они ушли, и я не понимаю — куда. Они забыли дорогу к реке, и я не знаю — почему. Это началось давно, но я не помню — когда именно. Что мне осталось? Лодка, река и славный табачок. Пожалуй, немало. Я знаю многих, кто с удовольствием поменялся бы со мной местами».

Раньше, везя пассажиров через реку, он иногда в шутку спрашивал: не хочет ли кто-то поменяться с ним местами? Желающие, как ни странно, встречались редко. Но кое-кто

соглашался. Если сосчитать всех давших согласие, выйдет вполне пристойная компания.

Многие — это немногие, умноженные на время.

Лодочник улыбнулся, вспоминая, как предлагал хитрецам сесть на весла. Лодка через минуту начинала вертеться, вода хлюпала через борт. Хитрецы тщетно орудовали веслами, бранясь и всхлипывая, остальные пассажиры вопили от страха... Когда он наконец возвращался на законное место, его благодарили. Крохотный мир лодки на мгновение забывал, где они, кто они и куда плывут. Оставалась лишь шутка, и глупость, и страх, и спасение.

Вполне достаточно.

Высаживаясь, каждый давал ему монетку. Возвращаясь домой, отдыхать или за новой партией желающих переправиться, он останавливал пустую лодку на середине реки и бросал монетки в воду: одну за другой. Какой-то пассажир, грустный человек с влажными глазами навывкате, задержавшись на переправе, потому что в тот день пришло много народу, сказал ему:

— Так делают, чтобы вернуться. Куда хотите вернуться вы, лодочник?

— Я хочу вернуться на свою реку, — ответил он.

Грустный пассажир удивился:

— Неужели? Разве вы когда-нибудь покидали эти места?

— Нет, — ответил он. — Никогда. А разве для того, чтобы хотеть вернуться, непременно надо сперва уйти?

— Вы философ, — засмеялся грустный пассажир. Смех у него был под стать облику: тихий и невеселый. — Тогда сделайте одолжение, киньте монетку и за меня. Я тоже хочу однажды вернуться. Февральский снег, рыхлый и ноздреватый, вкус свежего хлеба... Крики галок над колокольней. Да, я очень хочу вернуться. Я бы кинул сам, но свою монетку я только что отдал вам.

Лодочник, извиняясь, развел руками:

— Ничего не получится. Простите, если обидел, но я не умею лгать. Такие, как вы, не возвращаются. Зачем зря тратить монету?

«Зачем зря тратить желание?» — хотел добавить он, но промолчал. Монетка что, ерунда — бульк, и нету, а хорошее

желание всегда пригодится. Даже на той стороне, где маки и лилии.

— А такие, как вы, не уезжают, — подвел итог грустный. — Ладно, я пойду. Удачи!

На середине реки лодочник все-таки кинул в воду монетку за этого пассажира. На всякий случай. Монетка, конечно же, пропала даром. Впрочем, остальные монеты утонули со смыслом вряд ли большим, а значит, беспокоиться было не о чем.

Сейчас, в сумерках возвращаясь к хижине, лодочник вспомнил грустного пассажира. Жаль, что он не вернулся. Сидели бы вдвоем, на двух чурбачках, курили и болтали бы о пустяках. Грустный научился бы грести, и конопатить лодку, и ухаживать за курами...

Лодочник остановился.

У него перехватило сердце. На лбу выступили крупные капли пота. От волнения ему показалось, что возле хижины стоит грустный пассажир с влажными глазами навывкате. Лишь спустя два томительно долгих удара сердца он понял, что ошибся.

У хижины стояла женщина.

Он ускорил шаг, но быстро опомнился. Негоже бежать навстречу случайной гостье, словно ты — сопливый мальчишка. Мало ли, что здесь давно никто не появлялся. Возможно, с завтрашнего утра они пойдут толпами — только успевай перевозить. Надо будет заново просмолить лодку и разобратся с уклучинами. И укрепить причал: случались дни, когда третья справа доска не выдерживала.

Он уже и забыл, когда они случались, такие дни.

— Добрый вечер, — сказала женщина, дождавшись, пока он поднимется по тропинке. — Я понимаю, что некстати... Вы разрешите мне переночевать в хижине? Поверьте, я не стесню.

Высокая, стройная, она была в годах, но не выглядела старухой. Уж точно не старше лодочника. Ветер трепал подол черного платья, шелестел на белых кружевах воротничка и рукавов. Ноги, открытые до колен, казались изящными и сильными. Чувствовалось, что женщине доводится много ходить пешком и она знает толк в удобной обуви.

В правой руке женщина держала серп.

— Разве вам не надо на тот берег? — удивился лодочник.

— Мне? Нет. А что, там кто-нибудь есть?

— Нет. Я думал...

Он хотел сказать, что перевезет ее и с этой минуты на том берегу будет она, а дальше, глядишь, все опять наладится, станет как раньше... И не сказал. Вой собаки стих, луна поднялась выше. В наступившей тишине стало слышно, как внизу плещет река.

— Уже поздно, — лодочник поставил чурбачок на землю. — Давайте ужинать. У меня есть сыр, лепешки, и сушеная рыба, и вода из родника. Еще на леднике яйца, пять штук. Мои куры хорошо несутся. Вы как любите, вкрутую или «в мешочек»?

— Я люблю яичницу, — ответила женщина. — У вас найдется сковородка?

Сковородка нашлась. Вскоре на ней зашкворчала грудинка, которую гостя извлекла из дорожной котомки. Яйца растеклись между поджаренными ломтиками, застывая и уплотняясь. Сушеная рыба быстро превратилась в набор из маслянистых ребрышек, жирной спинки и тускло-красноватой, слезящейся икры. Сыр расплавился на подогретых лепешках, а сверху женщина насыпала горсточку мелко порубленного укропа.

— Царский ужин, — сказал она. — Спасибо.

— Это вам спасибо...

Все это время лодочник сидел на чурбачке, курил вторую за вечер трубку и смотрел, как она стряпает. Чудесное зрелище. В самом начале он сунулся было помочь, но женщина решительно отстранила его, велев принести воды и отдыхать. «Уверена, что вы устали, — сказала она. — Я что, я просто шла и глазела по сторонам, а у вас река, и лодка, и хозяйство, и вообще...»

Он не стал спорить. Хотелось, конечно, возразить: дескать, вы целый день шли, а может, и не день, и даже не неделю, пока я бездельничал на бережку... Но грудинка пахла так вкусно, а лепешки с сыром и зеленью выглядели так красиво, что любой спор заканчивался, не начавшись.

— У вас есть инструменты? — спросила она после ужина.

Он встревожился. Сейчас женщина попросит иголку и

нитки, а костяная игла и моток суровых ниток вряд ли уместны, если возникла нужда пришить оторвавшееся кружево.

— Что вам нужно?

Вопрос прозвучал грубовато. Он покраснел от стыда. К счастью, сумерки скрыли его неловкость. Вечером все они бледны, как говорил один пассажир, мрачный и неприветливый.

— Я хочу привести в порядок мой серп. Хорошо бы точильный камень и наждак...

— Конечно! У меня есть даже ножовка по металлу...

Он снова покраснел. Хвастается, как мальчишка! Но женщина благодарила его со всей искренностью, а ножовка привела ее в восхищение. Через десять минут, доедая от нечего делать последнюю лепешку, он с удовольствием наблюдал, как она возится с серпом. Чем-то это напоминало его возню с веслами. Привычка, за много лет не утратившая оттенок любовности.

Темнота не была женщине помехой. Ей вполне хватало света луны.

— Я бы мог смастерить вам новую рукоять для серпа, — сказал он. — Здесь рядом есть буковая роща. Ваша старушка, конечно, еще послужит. Но всегда хорошо иметь под рукой запас.

Она улыбнулась.

— Вы очень любезны.

Лодочник понял, что это отказ, но рискнул еще раз:

— Я умею работать с деревом. С металлом — не очень, а с деревом умею. Я сам делаю себе весла. Хотите посмотреть?

— Уверена, что у вас чудесные весла, — засмеялась она. — И золотые руки. Просто мне не хотелось бы обременять вас пустой работой. Если я ухаживаю за серпом по привычке, это не значит, что и вы должны делать то же самое. Но если случится чудо и у меня возникнет нужда в новой рукояти, вы будете первым, к кому я обращусь.

— Хорошо, — серьезно кивнул лодочник. — Пусть я буду первым.

Женщина вдруг отложила серп в сторону.

— Знаете, что я скажу? Я удивляюсь, почему вообще не выбросила эту железяку. Кому она теперь нужна? Разве что

мне. И то как память. Одни хранят любовные письма, другие — медальон с локоном волос, а я — этот серп.

— А я — лодку.

Слова вырвались сами, непроизвольно. В следующий миг он уже пожалел о сказанном. И чтобы скрыть замешательство, задал вопрос — главный, мучительный, который терзал его день за днем, пока он ждал на берегу:

— Скажите, там, откуда вы пришли... Там и впрямь больше никого нет?

— Никого, — ответила женщина.

— Совсем?

— Совсем.

— И никто больше не придет к переправе?

— Думаю, что так. Я искала — может, хоть кто-то остался... Я очень долго искала. Там, откуда я пришла, есть много заповедных уголков — в джунглях, в горах, на островах. Не скажу, что обошла их все, но...

Она не договорила, бесцельно играя серпом.

«Я их всех перевез, — подумал он. — Всех. До единого». Ему казалось, эта мысль должна принести покой и удовлетворение, но он ошибся. На сердце скребли кошки, руки, словно чужие, лежали на коленях. Сейчас он был лодкой, брошенной на произвол судьбы.

— А зачем вы пришли сюда?

— Я вам надоела? — Она кокетливо оправила платье.

— Нет, что вы! Я просто... я хотел спросить... Ну, вам же не надо на тот берег!

— Простите, я не думала вас смутить. Понимаете, когда я убедилась, что нигде никого не осталось, я задала себе вопрос: а на том берегу? Мне захотелось переплыть реку, пройтись по землям, где я раньше не бывала, найти хоть кого-то, кто скажет мне, что я еще существую, что я — не бесплотная тень... Теперь я понимаю, как это было глупо.

Лодочник нахмурился, чувствуя, что к горлу подкатывает ком, и решил:

— Вы — не тень. Вы существуете. Хотите, я скажу вам это сто раз подряд?

— Хочу, — ответила она. — Но уже очень поздно. Пора ложиться спать.

...Утром женщина ушла. Лодочник предлагал свозить ее за реку, погулять, нарвать букет лилий... Ничего не получилось. Женщина сказала, что вернется, откуда пришла, и продолжит поиски. Что остались еще укромные места, где вполне мог бы кто-то сохраниться.

Что минутная слабость ничего не значит.

Когда она скрылась за буковой рощей, лодочник долго смотрел ей вслед. Стройная, легконогая, в черном платье с белыми кружевами, с серпом в руке, она почти бежала, словно боялась: умерь она шаг, и ее потянет назад.

До обеда он возился в огороде. Потом чинил лодку. Потом вытащил лодку подальше на берег, под навес. Весла завернул в дерюгу и положил рядом. Вернулся в дом и собрался в дорогу. Она не могла уйти далеко. Если он поспешит, он успеет ее догнать. А если даже и не догонит сейчас, то обязательно найдет после. Со временем. Уж чего-чего, а времени у него навалом.

Он знает, где ее искать. В укромных местах. В заповедных уголках. Не может быть, чтобы двое не встретились там, где не осталось никого, кроме них, Адама и Евы нового мира.

И она еще нестарая.

В любом случае младше его.

«Надо будет потом вернуться за собакой, — думал лодочник, уходя и не оглядываясь. — Хорошая собака всегда пригодится в хозяйстве. Вернуться, привести лодку в порядок, переплыть на тот берег и забрать Кербера с собой. Старик заслужил это. Да, и не забыть ножовку по металлу — боюсь, пес до сих пор на цепи...»

На дне покинутой реки блестели камешки.

Словно мириады монеток.

ДОМ НА ОТШИБЕ

ерного человека Анна Николаевна увидела, когда поздно вечером возвращалась домой с дальнего ягодника.

— А я и гляжу, — рассказывала она всем на следующий день, делая круглые глаза и промокая слюнявый рот углом головного платка, — чужой. Не наш. И одет чудно. Здравствуйтесь, говорю ему. А он так странно повернулся, будто шею выкрутил, — и вроде бы зашипел на меня, неслышно так. Я пригляделась — батюшки! — а через него окошко видно. Степановых дома окошко — просвечивает. Тут уж мне будто в голову тягнуло — и не помню ничего. Ужас! Очнулась в избе. Занавески задернула, на печь забралась, лежу, думаю: стукнет сейчас кто в окно или в дверь — сразу со страху и помру.

— Так это отец Гермоген был, — важно сказал дед Артемий, выслушав соседку. — Он и раньше появлялся. Я, было дело, видел его как-то. Точно как ты говоришь: большой, огурузлый, в черной рясе, и видно сквозь него.

А вот Василий Дранников бабке не поверил. Заметил рассудительно, как и положено человеку с высшим образованием:

— В сумерках чего только не привидится. Ты бы уж народ не смешила. Придумала тоже: черный человек.

А жена его, Светка, улыбнувшись, добавила:

— Ты у нас чисто сорока, баба Аня. Все через тебя узнаем. То черная машина, то черный человек. Что дальше-то будет?

На «сороку» Анна Николаевна обиделась. Буркнула:

— Смейтесь, смейтесь. Про машину тоже говорили, что привиделась...

Черный джип Анна Николаевна заметила два дня назад. Рано утром, еще затемно, отправилась в лес за черникой и,

проходя мимо каменного, давно заброшенного дома, увидела за кустами плоскую лакированную крышу автомобиля. Удивилась, кто бы это мог быть, подумала сперва, что, наверное, городские заехали в одичалый безнадзорный сад. Да только ведь не сезон: малины почти нет, терновник не вызрел, яблоки вообще не уродились, да и рано еще для яблок-то.

Так чего же им тут надо?

Подкралась Анна Николаевна ближе. Подивилась на невиданную машину, внутри которой, наверное, десять человек могли спокойно рассестись. По налипшей грязи да по следам поняла, почему никто не слышал, как приехало в деревню это железное чудище: прибыло оно с неезженной стороны, по старой дороге, что шла мимо кладбища и терялась в лесу. Когда-то это был короткий путь в соседний район; теперь тут разве на танке проехать можно.

Ну или на такой вот громадине: вон колеса-то, шире тракторных.

В доме что-то громыхнуло — будто железяку какую уронили или специально бросили, и Анна Николаевна вздрогнула. Вспомнилось, как лет пять назад вот такие же вот заезжие убили старушку в соседнем Ивашеве, вынесли из дома все иконы и фарфоровый сервиз.

Много людей сейчас повадилось по заброшенным деревням ездить: одни полы в заброшенных избах снимают, другие по чердакам разное старье ищут, третьи просто хулиганят — оставшуюся мебель крушат, стекла бьют, печи раскурочивают. Забавы ради могут целую деревню подпалить.

А этим-то что надо? Почему тихо приехали, ночью, с заброшенной стороны? Заблудились, настоящей дороги не знали или таятся?

В заколоченном окне мелькнуло что-то, и Анна Николаевна совсем перепугалась. Забыв о ягодах, пригнулась, повернула назад. Сперва быстро шагала, оглядываясь, потом не выдержала, побежала. Пока добралась до крайней жилой избы, все прокляла: и себя, старую, неуклюжую, и сапоги неудобные, и портянки некстати сбившиеся, и тропку неровную. Ворвалась в деревню красная, задыхающаяся, едва живая. Переполошила спавших еще Степановых: забарабанила им в окно, крича сама не понимая что, торопясь высказать все сразу, а оттого сбиваясь, впусую тараторя.

Ну чисто сорока.

Иван Степанов вышел на крыльцо с ружьем. В трусах, фуфайке на голое тело — и с заряженным ружьем на руках. Спросил, колко оглядывая округу из-под седых бровей:

— Что?

И Анна Николаевна вдруг сообразила, до чего смешны и надуманны ее страхи, потерянно махнула рукой и, чувствуя, как отнимаются ноги, опустила на скамью, что была вкопана еще отцом нынешнего хозяина...

Ближе к вечеру собравшиеся мужики все же сходили посмотреть, кто это приехал в заброшенный дом. Степановское ружье пока решили не брать. А вернувшись, доложили:

— Из города. Трое. Один как бы за главного. Говорит, что хочет дом купить.

— Председателев дом? — удивился дед Артемий, с мужиками не ходивший. — Каменный, на самом отшибе?

— Его.

Дед нахмурился, покачал головой:

— Ох, как бы не вышло чего. В том доме уж сколько лет никто не живет. И неспроста...

* * *

Историю этого дома в Матвейцеве знал каждый. Построен он был в первые годы советской власти, во времена смутные и непонятные, когда приезжие чужаки рушили старый уклад и призывали идти в новую светлую жизнь.

Мишка Карнаухов, непутевый сын Петра Ивановича Карнаухова, вернулся в деревню после трех лет безвестного отсутствия. Был он одет в кожаную куртку и военного образца шаровары, рукав у него был обвязан кумачовой полосой, а на голове красовался лихо сдвинутый на затылок картуз. Имелись у Мишки наган в самодельной липовой кобуре и целая стопка разных бумаг, писем и декретов, из которых получалось, что он, Михаил Петрович, является всей местной властью и представителем пославшей его партии.

Первым делом организовал Мишка комитет деревенской бедноты.

Потом сослал в Сибирь Федора Незнанцева, у которого, было дело, батрачил мальчишкой.

А после этого рьяно взялся бороться с поповским мракобесием, отчего вскоре получил намертво прилипшее прозвище Окаянный.

Кончилась эта борьба большим взрывом и пролитой кровью.

По специальному запросу прислали из города ящик взрывчатки. Под самый фундамент заложил Окаянный Мишка заряды. В набат колотя, собрал народ поглядеть, как рухнет, подрубленный взрывом, местный лукоголовый оплот мракобесия. Только вот незадача — заперся, забаррикадировался в церкви поп Гермоген с попадьею и малолетним поповичем.

Недолго уговаривал их выйти Мишка. Злой, как черт, пообещал им прямую дорогу в ихний рай, да и запалил фитили.

Как из преисподней полыхнуло пламя, лизнуло белые стены храма, дотянулось до червленной маковки, до золоченого креста — и опало. Громыкнуло так, что в ближайших избах из окон стекла повывлетали.

Но устояла церковь. Только трещинами вся покрылась, на несколько частей раскололась.

И тогда красный Мишка приказал народу братья за топоры, ломы да кувалды. По кирпичику, по досточке велел разобрать церковь, а изувеченные тела поповской семьи распорядился схоронить в лесу.

Не все послушались Окаянного, хоть и угрожал он револьвером. Но нашлись люди, что помогли Мишке. А он уже новое дело задумал: из останков церкви, из старинных кирпичей решил построить себе дом. Место выбрал на отшибе, недалеко от кладбища, подальше от людей. Вызвал в помощь артель строителей, сказавшись, что строит общественный клуб с читальней.

За полтора месяца возвел он себе каменные хоромы с жестяной крышей и башенкой. Переехал на новое место из тесной отцовской избы. Но не заладилась у него тут жизнь. Видели люди, что изменился Мишка: притих, лицом побледнел, похудал сильно. Каждую ночь светились окна каменного дома — пугала Окаянного Мишку темнота. И разное стали поговаривать в деревне: то вроде бы кто-то крики слышал, доносящиеся из стоящего на отшибе дома, то будто кто-то видел черную фигуру, похожую на отца Гермогена, сидящую на жестяной крыше возле башенки.

Через год Мишка Карнаухов из каменного дома съехал.

А вскоре грянула коллективизация, и Мишка, ставший председателем колхоза «Ленинский завет», велел устроить правление в оставленном им доме. Почти каждый день сидел он в своем кабинете, но никогда не задерживался здесь до ночи. Видели люди — боится Михаил Петрович темноты, и даже заряженный наган от этого страха его не спасает.

Семь лет просуществовал «Ленинский завет». Семь лет председательствовал Мишка Карнаухов. А потом пришла директива из области, и на базе нескольких колхозов за считанные недели был создан крупный животноводческий совхоз «Ленинский путь». Опустело ненужное больше правление. Освободившийся от должности Мишка, грозясь вскоре вернуться, поспешно уехал в район, где занял какое-то новое место и получил казенную квартиру.

А дом, построенный из кирпичей порушенной церкви, так и остался брошенным. С годами недобрая слава его крепла, и все больше жутких историй складывали местные жители про стоящее на отшибе каменное здание, не забывая помянуть Окаянного Мишку Карнаухова и убитую взрывом семью отца Гермогена.

* * *

Приезжие показались на следующий день. Они прошли через всю деревню, осматривая избы и порой останавливаясь, чтобы перекинуться парой слов с попадающимися навстречу селянами. Говорили они скупно, будто слова берегли или боялись ляпнуть что-то лишнее. Здоровались, спрашивали, как обстоят дела, и, выслушав обычно короткий ответ, с делано скучающим видом следовали дальше.

Василий Дранников пригласил заезжих гостей в дом. Те переглянулись, немо поиграли лицами — и согласились.

Стол Василий накрыл в прохладной горнице. Скрепя сердце выставил бутылку «Пшеничной» водки, с советских еще запасов, и банку самогона. Жена его, Светлана, принесла закуску: огурцы соленые, картошку, на постном масле жаренную, две банки кильки в томатном соусе и желтое, нарезанное тонкими ломтиками сало.

Гости много не ели: то ли брезговали, то ли пища такая

была им непривычна. А вот бутылку «Пшеничной» уговорили быстро. Потом и за мутный самогон, на можжéвёловом корне настоящий, взялись.

И странный разговор у них у всех получился.

Василий, хитро щурясь, ненавязчиво пытался втолковать чужакам, что затея их бестолковая и ненужная. Дом этот старый, нехороший, стоит на отшибе, кладбище опять же рядом. Да и деревенька-то их, Матвейцево, хоть и не шибко далеко от райцентра находится, но все же край захудалый и вымирающий. Нет тут никакого будущего, еще лет двадцать — и все избы зарастут крапивой да иван-чаем по самые окна. Зачем же дом покупать в таком бесперспективном месте? Почто впустую деньги тратить?

Раскраснелся Василий со спиртного, разошелся, раздухался: историю дома рассказал, про явление черного человека вспомнил, хоть сам в страшилку эту не верил. Почти уже угрожать начал, что, мол, если купите дом этот, то ничего хорошего не ждите...

Гости внимательно его слушали. И странный блеск в их глазах появился, когда хозяин фамилию Окаянного Мишки назвал. Переглянулись они, ухмыльнулись, закивали бритыми головами понимающе: знаем, мол, почему ты нас гонишь отсюда. И тоже угрожать взялись: если вы нам мешать в чем-то станете, то несдобровать вам. А коли разузнаем, что взяли вы из того дома, что вам не положено было брать... Верните лучше, не доводите до греха. Улыбались, угрожая, но слова какие-то в свою речь вворачивали незнакомые, неуютные, а, как ни странно, понятные: блатные на таком напористом языке говорят, любого говоруна своей феней заткнут.

Ушли гости. На прощание главный их, Михой назвавшийся, будто бы невзначай продемонстрировал пистолет, спрятанный под навывпуск надетой рубахой.

А Василий еще долго сидел в холодной горнице, катал по столешнице пустую бутылку и, хмуясь, гадал: сами дошли гости до идеи, которую он давно в голове держал, или надумил их кто.

Горько вздыхал Василий, с досады хлопал ладонью по столу. Украли! Пришли непрошеные — и разом все планы поломали! Иначе зачем бы им председателей дом потребовался?..

Чувствовал Василий себя так, будто чужаки эти городские белым днем при всем народе обворовали его, да так хитро, что ни правды, ни управы на них теперь ни за что не сыскать.

* * *

Василий Дранников был мужиком работающим, хозяйственным и очень аккуратным. Во дворе у него всегда все по полочкам разложено было. Стога он ставил по отвесу, ровно, и так их граблями вычесывал, что они вроде бы даже лосниться начинали. Да и дом его был — загляденье. Наличники новые, резные, двери всегда свежеразкрашенные, на печной трубе жестяной петух носом показывает, откуда ветер дует.

Односельчане относились к Василию по-всякому, но плохого слова никто про него сказать не мог. Ну и что с того, что странный он немного? Мало ли у кого какие странности бывают? Вон Измайлова бабка на старости лет фантики из-под конфет стала собирать. Ей бы деньги на похороны копить, а она цветные бумажки утюгом гладит да в сундук складывает.

У Василия странность была другая: он с детства мечтал о разном. Из-за этих своих мечтаний даже в армию не пошел. Врачиха сказала, что у него с головой не все в порядке. Хотя это как посмотреть. Таких ясных голов еще поискать надо.

Лет пятнадцать назад сделал Василий ветряк с электрическим генератором, провел свет в курятник — так у него курицы нестись стали в два раза лучше соседских.

А десять лет назад соорудил он позади двора железный ящик, подвел к нему трубы, пустил их в дом. Теперь из навоза да помоев получает газ, баллоны ему больше не нужны, да и на дровах экономит.

Не все, конечно, удавалось Василию. Как-то задумал он построить летательный аппарат, чтоб по воздуху в любое бездорожье до райцентра летать. Не вышло у него ничего из этой затеи, только денег кучу потратил и сам едва насмерть не разбился. Зато, из больницы выйдя, смастерил он вскоре аэросани с двухметровым березовым пропеллером и тракторным пускатом вместо двигателя. Ревели эти сани так, что слышно их было за несколько километров, — но ведь ездили, и быстро! И дорога им не требовалась, был бы только снег.

Внедорожную машину Василий потом продал знакомому из райцентра. На новые затеи требовались деньги, а нормальной работы в деревне уже не было. Крутился Василий, как мог: скотину выращивал на мясо, металлолом собирал для сдачи, рыбу на продажу самоловными удочками добывал. И все размышлял, как бы в родную деревню новую жизнь вдохнуть — в тетрадки мысли свои записывал, на рыжих листах миллиметровки планы чертил.

Выходило у него, что на месте Матвейцева нужно создать место отдыха. И требовалось для этого речку Ухтому перегородить плотиной, дабы около деревни образовалось водохранилище. С плотины бы пошло дешевое электричество, а на берегах можно было бы организовать песчаные пляжи. Получившийся водоем следовало обрыбить: щука и карась расплодятся бы сами, а вот карпа надо завезти. Заезжим рыбакам можно продавать недорогие лицензии, зимой и летом сдавать под жилье маленькие бревенчатые домики. Организовать походы по окрестностям: за ягодами и грибами, да и просто красивые места поглядеть, их тут много, а городской житель до этого дела жадный. Ну и, конечно, надо бы построить достопримечательности, чтоб и заграничный гость сюда ехал, и своему вдвойне интересно было: восстановить взорванную церковь, сделать музей, а лучше несколько, бани построить — особые, русские, детский парк разбить. Ну и, конечно, дорогу необходимо поправить. И рекламу дать.

— Есть такая штука Интернет, — говорил Василий. — Вот мне бы еще компьютер с модемом, я за неделю бы сайт смастерил. А это реклама на весь мир!

Куда только не ездил Василий со своими планами: и в район, и в область. Даже в Москву, в министерства письма писал. Кое-кто отвечал: отдел по развитию туризма обещал свою помощь, если найдутся инвесторы; епархия положительно отнеслась к идее возрождения храма, обязалась прислать рабочих, если Василий сумеет собрать денег на благое начинание; сам губернатор прислал письмо, в котором давал слово следить за ходом строительства, когда оно начнется.

Чудилось Василию, что в его силах сдвинуть великое дело. И обидно ему стало, когда заподозрил, что с покупки

председателя дома городские чужаки начнут воплощать его тщательно проработанный план.

Потому и отговаривал их Василий.

Потому и стращал.

Сам все хотел сделать — как всегда делал.

* * *

Ночью случилась стрельба.

Черный джип, буравя тьму дужиной фар, рокоча и сигналя, несколько раз прокатил по деревне из конца в конец. Остановился возле колодца, едва не своротив его установленной на бампере лебедкой. Из машины вывалились пьяные чужаки, загорланили, матом ругаясь:

— Выходи строиться!

Не обращая внимания на злобный собачий лай, обошли ближайšie избы, тяжелыми ботинками попинали запертые двери, разбили несколько окон.

— Мы вам покажем! Пугать нас вздумали!

Потом прозвучали выстрелы — будто в ладоши кто-то несколько раз хлопнул.

Мужики на рожон не лезли. Не зажигая свет, тихо покидали дома, вооружались топорами да вилами, собирались в темноте на задворках. Вышли к разбуянившимся гостям толпой человек в двадцать. Первым шагал Иван Степанов с ружьем в руках.

Увидев селян, чужаки притихли, отступили к похожему на крепость джипу.

— Чего шумите? — с ходу спросил Иван.

— А вы чего нам спать не даете? — огрызнулся на него бритоголовый Миха. — Попугать нас решили? Или шутки у вас тут такие?

Плечистый товарищ его, выдвинувшись вперед, глянул на охотничье ружье, сплюнул сквозь зубы:

— Убери, отец, свой шпалер. А то завтра здесь пять машин с бойцами будут.

— А ты меня бойцами не пугай, — зыркнул на него Иван, и сам мужик крепкий, немалого размера. — Мы тут на своей земле, управу на вас найдем.

— Видно будет, кто на кого управу найдет, — ощерился Миха.

— Идите-ка вы лучше проспитеесь, мужики, — миролюбиво сказал Тимофей Галкин, пряча за спину большой хлебный нож. — Никому до вас дела нет. Чудите в своем доме, что хотите, только нам здесь не мешайте. И мы вам мешать не будем.

— То-то же... — процедил Миха, тяжелым взглядом обводя мужиков. — Да я вас за такие шутки...

Обошлось без драки. Городские гости скрылись в джипе, а мужики, поболтавшись для порядка на улице, минут через двадцать разошлись. Остаток ночи прошел спокойно, хотя в деревне уже глаз никто не сомкнул. До самого утра простоял возле колодца черный автомобиль. Несколько раз выбирались из него чужаки, ходили кругами по деревне, уже не шумя. Догадывались, что много человек следят сейчас за ними. Озирались, оглядывались затравленно. Боялись чего-то. А как стало светать, завели машину и укатили в сторону кладбища, вернулись в каменный дом.

Было о чем поговорить селянам утром.

Было что послушать.

— Говорил же! — гордо восклицал дед Артемий, потрясая клюкой. — Предупреждал — не вышло бы что! Нету добра от тово дома. И никогда не было.

Ежеминутно крестящаяся Анна Николаевна кивала, соглашаясь с дедом, и говорила шепотом, что видела из окна, как по пятам за троицей пьяных чужаков следовал большой человек в черной рясе.

* * *

После обеда к Василию ввалились гости. Прошли, не разуваясь, в дом, встали, загородив выход. Хозяин на тот момент отдыхал, лежал на продавленном диване, сквозь дрему смотрел телевизор.

Испуганная Светка, ойкнув, исчезла на кухне, спряталась за печкой, притихла, в тяжелую кочергу вцепившись.

— Небогато живешь, — хрипло сказал привалившийся к косяку Миха.

Василий торопливо поднялся. На ноги вставать не стал, сел только, лицом повернувшись к гостям. Кивнул:

— Не с чего мне богатеть.

— Ладно, если так... А может, спрячешь ты богатство-то? — Взгляд гостя сделался цепким, внимательным.

Василий хмыкнул:

— Ну да... Прячу... Ищи давай. Найдешь, так со мной поделишься. Рад буду.

— Ты с нами не шути... Мы тут подумали, решили, что это ты ночью ряженный приходил. А кто еще? Вчера пугал, истории про привидения рассказывал, гнал нас из деревни. Вот и пришел...

— Ряженный? Ночью?

— Ты не придуряйся. Еще раз явишься, точно пулю в лоб получишь, понял?

— Да не ходил я к вам, мужики! Правду говорю!

— Ну-ну... Говори, почему не хочешь, чтоб я дом купил? Утащил из него что-то, боишься, что откроется?

— Да нет же! Что там утащить-то можно? Давно все разворовано, сами, чай, видели.

Гости переглянулись.

— Смотри у меня! — погрозил кургузым пальцем Миша. — Я тут, надо будет, все вверх дном переверну. Дай срок!

Чужаки помолчали тяжело, дыша перегаром, потом развернулись дружно, как по команде, и вышли один за одним.

Простонали под ботинками половицы. Хлопнула дверь. Мелькнули за окном тени; широкая ладонь легла на стекло, сжалась в кулак — и исчезла.

— Да что же это делается, Вася? — жалобно спросила жена, заглядывая в комнату.

— Из-за денег все, Света... — сказал Василий, слепо глядя в телевизор. — Почуяли волки поживу... Эх, не успел я... Чуть-чуть не успел...

* * *

Вечером того же дня черный человек явился всей деревне. Вышел он из леса, с той стороны, где вроде бы был похоронен отец Гермоген со своей семьей. Зина Горшкова как

раз отвязывала козу, что паслась у кустов. Выпрямилась с веревкой в руках, глянула — и аж затряслась.

Черная фигура словно плыла над травой. А сквозь нее тускло просвечивали белые березовые стволы.

Вдовая Танюша Смолкина, живущая на краю деревни, вышла запереть рассеявшихся по насестам куриц. Увидела бредущего мимо человека в рясе, поняла, кто это, взвизгнула — и осеклась, вмиг онемев. Три дня потом еще заикалась.

Алексей Злобин, заядлый рыбак, вытащил из пруда проволочную вершу, вынул пяток карасиков, на чешуе которых отсвечивала вечерняя заря, повернулся к стоящему сзади ведру — и остолбенел, открыв рот.

По обкошенной тропке бесшумно двигалась черная одутловатая фигура. Вместо лица — мутное пятно с дырами глазниц, колючие травяные стебли босые ноги пронзают, а с белой, словно из прозрачного воска вылепленной руки кровь алой струйкой на землю течет — будто нить вьется.

Вдоль всей деревни прошел призрак.

Медленно шел, будто каждому хотел показаться.

Видели его и Захарьевы, и Прокопьевы, и Измайлова бабка, и дед Кондратенков. Видел его и Василий Дранников.

Обмирали от страха люди, немели. Кого-то холодом обдавало, кто-то, наоборот, мелкой испариной от накатившего жара покрывался. Никто не решался потревожить призрака. Один только дед Артемий, собравшись с духом, чуть слышно окликнул Гермогена по имени. Тот приостановился, повернулся медленно. И вроде бы всхлипнул. Дед потом клялся и божился, что видел, как бесформенное серое лицо на миг обрело человеческие очертания.

Страшное, говорил, это было лицо...

Последним черного человека видел Иван Степанов.

— Меня напугать трудно, — рассказывал он после. — Но тут сердце словно в живот провалилось и замерло там. Волосы дыбом встали — и будто кто невидимый ледяной ладонью по голове провел...

Прошел черный человек возле Степанового дома, высокого забора не заметив, и пропал за кустами.

Всем было ясно, куда он направляется.

* * *

Новость о том, что каменный дом ночью рухнул, принесла Анна Николаевна. Утром она, как обычно, отправилась за ягодами. Свернула чуть с дороги, обходя кладбище, поднялась на холм, глянула — а председателява дома-то и не видать. Только черный джип лакированной спиной поблескивает.

Развалился дом, рассыпался — будто взрывом его тряхнуло, а то и не одним.

Да только не было ночью никакого взрыва. Тихая была ночь.

С лопатами, с ломом сбежались мужики на развалины. Разобрали поломанную крышу, оттащили в сторону, взялись за кирпичные завалы, да быстро поняли, что с работой этой им одним не управиться.

— Без техники тут не обойтись, — сказал, отдуваясь, Иван Степанов. — Хуже бы не сделать. Да и милицию прежде надо дожидаться.

— А люди как же? — спросил сердобольный Тимофей Галкин.

— А что люди? Ты погляди, это ж натуральная могила. Нет там живых. Всех, кто там был, сразу задавило... Пошлика домой, мужики. А то как бы чего не вышло...

Потихоньку разбрелись мужики. Остался на развалинах один Василий Дранников. Не давала ему, человеку с высшим образованием, случившаяся мистика покоя. Как же так может быть? Восемьдесят лет стоял крепкий дом, а потом вдруг в один миг по кирпичику рассыпался. Может, действительно взорвалось что-то? Газ, может, в подвале скопился? Но почему тогда никто ничего не слышал?..

Долго бродил Василий по останкам дома, с собой разговаривая, высматривая сам не зная что. Ковырял ломом куски цемента, переворачивал кирпичи, ворошил ногами каменное крошево. О планах своих думал; смущаясь сдержанной радости своей, судьбу за второй шанс благодарил. Решал, с чего же начать планы свои реализовывать: запруду ли строить или церковь начать восстанавливать.

Чтоб самую маленькую плотину поставить, кучу разных бумаг надо подписать, множество кабинетов необходимо обойти. С церковью вроде бы куда проще. Епархия поможет, обещала. А стройматериал — так вот же он, под ногами. На фундамент точно хватит. Хоть сейчас стройку затевай.

Эх, денег бы еще чуть...

Мысок его сапога ткнулся во что-то тяжелое, отозвавшееся глухим бряцанием.

Василий наклонился. Отодвинул обломок стены. Отбросил пластину застывшего цемента.

Из завала торчал мешок. Или что-то, очень на мешок похожее.

Василий еще раз пнул находку, проверяя, не труп ли это. Нет.

Он присел. Пощупал прелую ткань. Потянул ее — и подгнившие волокна легко разошлись.

Василий обмер.

На цементную пыль, на кирпичное крошево из прорехи полился сверкающий металл: старинные монеты, цепочки, браслеты, кольца. Охнул Василий, ладонями зажимая дыру, почувствовал, сколько еще драгоценностей прячется в мешке. Обернулся, зыркнул по сторонам.

Никого!

Что же теперь делать?

Да чего тут думать, дурачина?! Денег хотел? Так вот — пожалуйста! Только шустрее теперь надо, шустрее! Но с оглядкой! Мешок вытащить, мелочь по карманам распахать, крупное поблизости перепрятать.

Ах, нехорошо!

Ну а как иначе-то? Как?..

Он горстью подхватил просыпавшееся золото, пихнул в глубокий карман. Неуклюжими пальцами подцепил две серебряные монетки, крестик с зеленым камушком, цепочку с кулоном.

Будет, будет в Матвейцеве теперь церковь! Вроде бы новая. Но как старая.

Все теперь правильно. Все теперь сходится.

Все теперь будет...

* * *

Через месяц после этих странных событий вернувшийся из райцентра дед Артемий с нескрываемым удовольствием рассказывал селянам все, что удалось ему выведать через работающего в милиции внучатого племянника Гришку:

— Троица эта была из Ярославля. Братья они, двоюродные, что ли, — не знаю точно. Искали они тут клад. При них письмо старое нашли, там все написано было. А письмо-то знаете чье? — дед Артемий хитро шурился. — Мишки Окаянного. Он, комиссарничая, золотишка-то, видно, изрядно понахватал. Ну и спрятал у себя дома. Разное золотишко — и с раскулаченных, на каторгу сосланных, и церковное. Вот эти трое его тут и искали. Да так ретиво искали, что дом обрушили.

— Ну да?

— Ага... Я вот тоже с этим не согласен, племяннику прямо так и сказал. Но милиции ведь надо грамотну бумагу написать. Вот они и решили: копали клад да засыпались.

— Так золото-то нашли?

— Да какое тут золото! — отмахивался дед. — Мишка небось в незапамятные времена его отсюда вывез. Поди теперь найди концы, время-то уж сколько прошло... Да и черт с ним, с золотом! Вы самое главное слушайте: троих-то этих с Ярославля знаете как звали?

— Ну?

— Карнауховы они. Все. А Миха-то этот так и вовсе — Михаил Петрович. Точно как Мишка Окаянный. Понятно теперь, откуда у них письмо про клад взялось? То-то! Родственники они, правнуки его или праправнуки. Вот я и думаю, мужики, что дом-то неспроста рухнул. Вот не газ это, как Васька говорит. Это мертвый отец Гермоген за семью свою Мишке Окаянному отомстил. Самого убивца не достал, так на родственниках его отыгрался. Вот оно, значит, как выходит. Вот она какая, правда-то получается...

ТУМАНЫ СЕНТЯБРЯ

оля... Коля... Коля...» — выводит палец на запотевшей поверхности.

«Коля...»

Нет, это не стекло. Но похоже, да. Напоминает... Как и сама ты будешь напоминать человека. Потом. Надо лишь дожждаться, просто дожждаться. Только дожждаться!

Когда-то, очень-очень давно, так давно, что уже и не вспомнить, не представить ясно и зримо, не ощутить те холодно-влажные прикосновения подушечками пальцев... Да, когда-то ты стояла у окна. Настоящего, с деревянной двустворчатой рамой, маленькой форточкой и широким подоконником. Ждала. Рисовала пронзенные стрелой сердечки, кольца, бессмысленные завитушки, собственные инициалы. Поглядывала на часы, что тихонько тикали на стене. Секундная стрелка тягуче-медленно тащилась по циферблату — круг, второй, третий, — тянула за собой стрелку минутную, длинную, прищелкивающую при переходе с деления на деление, а та уже влекла часовую, ленивую и апатичную толстую. Вечность дробилась на отрезки — большие, маленькие, совсем крохотные. Доли, частички, мгновения... И ты ждала; ждала, боясь, что шесть вечера никогда не наступит, что стрелки просто не достигнут этой заветной цифры, как в известной апории Зенона про Ахиллеса и черепаху.

Без десяти шесть.

Без пяти шесть.

Шесть ровно.

Десять... двадцать минут седьмого. Его нет. Нет! Он не пришел! Понимание обрушивается хищной птицей из поднебесья, валит с ног. Чтобы не упасть, хватаешься за сдвинутую к краю окна шторку. Нечаянно задеваешь горшок с геранью, и он летит на пол, разбиваясь вдребезги, рассыпая

вокруг рыхлый чернозем, испятнанный кроваво-красными лепестками. Будто разорвался в гуще сражения артиллерийский снаряд, взметнул и перемешал землю, технику, людей... Щедро окропил багрянцем.

«Коля...» — выводит палец.

Часы издевательски быстро отмеривают время; секундная стрелка, кажется, возомнила себя метеором — так и носится по кругу, сливаясь в мелькающие светлые полосы, так и...

Полвосьмого. За окном колышется, тянет ввысь жадные щупальца туман. Протискивается в щели.

Битые черепки под ногами противно хрустят.

Коли нет.

Черная, с белой грудкой и белыми носочками на лапках собака выбрела из-за торгующего пивом и сигаретами ларька — одного из многих в серой массе таких же угловатых ларьков на этом небольшом базарчике. Народ, толпившийся на остановке с противоположной стороны улицы, не обратил на животное никакого внимания. Люди дожидались маршрутку, они, черт возьми, опаздывали на работу, и на пса им было просто-напросто начхать. Его даже не заметили. Знаете, сколько здесь таких бегают? Прорва. Наблюдать за ними? Следить? Удостоить хотя бы мимолетного взгляда? Зачем? Да тьфу — плюнуть и растереть, на свете есть более интересные вещи. Вон и автобус едет, никак девятый? И опять битком? Да что такое, в конце концов! Непременно надо втиснуться, взгромоздиться на подножку — на работу ж! спешим! пройдите вперед, товарищи, ну еще немножечко, а? — и уехать, раствориться в прозрачно-прохладной дымке осеннего утра, лишь взревет напоследок мотор, и гулкое эхо затеряется в панельных многоэтажках. Сизый бензиновый выхлоп осенит пожилого дворника, сгребющего палую листву, и он задумчиво воззрится вслед исчезающему за поворотом «пазику». Сплюнет затем, одернет фартук и вновь зашаркает метлой по асфальту; окрасится алым горизонт на востоке, а остановка примет новые толпы торопливо снующего люда...

Обычное утро обычного дня.

Так было — до поры. Так будет — потом.

Сейчас на той, другой стороне дороги, рядом с закрытой покамест торговой палаткой творилось странное. Собака вы-

тянула хвост, пригнулась и, прижав уши к голове, зашла в пронзительном кашле. Из ее глотки вылетали осезаемо плотные облачка пара, они не таяли в воздухе, отнюдь нет, наоборот — становились больше. Росли, ширились, расплывались окрест; белесая мгла оседала на землю, натекала под железные и затянутые в пластиковый сайдинг ларьки, стлалась по тротуару, скапливалась в низинках и проходах. Дворник озадаченно смотрел на ненормальное поведение животного, пока внезапный порыв ветра не разметал аккуратно сметенную к поребрику кучу листьев и мусора. Дворник витиевато выругался и, лихорадочно размахивая метлой, принялся восстанавливать нарушенный порядок. Ветер усилился, он ровно и мощно дул к базару, подхватывал молочно-белый пар, рвал в клочья, относя его все дальше и дальше.

Собака кашляла. Ей точно вставили в пасть зажженную сигарету, и она теперь дымила, как завзятый курильщик, как гейзер, извергающий фонтаны горячей воды и пара. Псина с трудом держалась на подгибающихся лапах, тело ее содрогалось, сквозь впалую грудь отчетливо выпирали ребра, а в слезящихся глазах проступали тоска и обреченность.

Народ на остановке с подозрением и беспокойством косился на малахольную дворнягу, окутанную туманными клубами. «Может, ветслужбу вызвать? — неуверенно предположил седобородый мужчина в очках с толстыми линзами. — Вдруг зараза какая? Никто номер не подскажет?» Присутствующие вяло откликнулись: нет, мол, сами не припомним. Звони ноль-два, посоветовал кто-то, пусть менты разбираются. Или это, ноль-один лучше, пожарники — они вроде как эмчезсниками стали. Менты пошлют, да и все, возразил бордач. А пожарники уж вообще...

Тут к остановке подъехал очередной автобус, за ним еще один — толпа ломанулась к дверям. Дворник сосредоточенно пихал мусор в мешок, поеживаясь от дуновений не по-сентябрьски студеного ветра. Марево возле базарчика рассеивалось; барбос куда-то запропал — в толкотне и суматохе, когда люди штурмовали переполненные маршрутки, дворник упустил его из виду, поэтому не смог бы поручиться: оклемалась шавка и умотала по своим собачьим делам или уползла-заныкалась в узкий проход между ларьками и там благополучно издохла.

Приказ об эвакуации настиг Ксению Стрельцову в кафе «Эспрессо», что напротив «Аки-банка». Она как раз зашла сюда с подружкой Людой перекусить и выпить чашечку кофе — многие сотрудники ее отдела обедали здесь: собственной столовой в фирме, где работала Ксюша, не имелось. Присев за столик, девушка достала зеркалаще, легким движением поправила растрепавшуюся прическу и убрала зеркало в сумочку. Люда в это время заняла очередь.

Томный голосок ведущей «Европы-плюс», которая пространно рассуждала об искусстве составления букетов, был оборван надсадным воем сирен. Радио захрипело, закашлялось, и мужской бас, грубый и прокуренный, заявил: «В городе объявлено чрезвычайное положение. События, произошедшие час назад в десятом микрорайоне и ошибочно принятые за крупный пожар с выбросом ядовитых веществ на заводе «Химфармпрепараты»...»

Бармен нервно переключил несколько каналов: все радиостанции крутили раз за разом одно и то же.

— Облако тумана распространяется в южном и восточном направлениях со скоростью до километра в минуту. Срочно покиньте захваченную зону, двигайтесь перпендикулярно к направлению...

Пронзительно закричал мальчишка лет десяти за крайним столиком: он тыкал пальцем в окно, лицо его искажилось в испуге. Люди в кафе повскакивали, опрокидывая столы и стулья, загомонили, кинулись к выходу. Снаружи клубилась белая с серым дымка, и темные фигуры растворялись в ней, как кусочки сахара в горячем чае. Туман возник ниоткуда. Сразу. Точно был здесь всегда.

— Отключите свет, газ, воду. Возьмите документы, деньги, продукты, воду, медикаменты. Предупредите соседей, окажите помощь больным и престарелым. Сбор на эвакуационных пунктах Северного и Западного районов, вывоз из которых будет осуществляться железнодорожным и автомобильным транспортом. Также будут организованы пешие колонны. Сам туман, предположительно, не опасен, угрозу представляют неизвестные формы жизни, обнаруженные...

Ксюша растерянно вглядывалась в стелющуюся за окнами мглу. За спиной шумно дышала Люда.

— Там... — Она всхлипнула, — Там...

— ...повторяю: враждебные человеку формы...

Ксюша не видела, что — там. Но ей было страшно, страшно до оглушительно звонкой, вибрирующей пустоты в голове, ватных, негнущихся ног и противного, вяжущего привкуса во рту.

— Пойдем! — истерически взвизгнула Люда. — Пойдем, ради бога, пока они не пришли и...

Кто «они»? — хотела спросить Ксюша, а ноги уже несли ее вперед.

«...лено чрезвычайное положение! — гремело в динамиках, когда девушки выбегали из здания навстречу бурлящей толпе, мгновенно образовавшимся пробкам и гибели привычно-обыденного. — Соблюдайте спокойствие и порядок. При невозможности эвакуации...»

Девушки двигались в непроницаемой для света, ощутимо вязкой мути, как в киселе, как в дурном сне, нескончаемом кошмаре, когда хочется проснуться, когда за то, чтобы проснуться, можно отдать полжизни, но сил не хватает, хуже — их совершенно нет, силы давно иссякли, последний отчаянный рывок забрал эти крошечные остатки сил, но вместо того, чтобы вывести из кошмара, погрузил в новый, еще более отвратительный, в котором наконец-то появились... они. Да! пусть! наконец-то. Ты устала бояться, устала шарахаться от каждого встречного, где они, неизвестные и враждебные формы? Где враг?!

И они появились. Медлительные, размыто-кисейные, похожие на медуз, на рыб, вообще ни на что не похожие. Они плавно кружили над ополоумевшей, неменяемой от ужаса толпой и неторопливо, разборчиво выхватывали то одну, то другую жертву...

После те, кто выжил, рассказывали о ртутно блестящих, переползающих с места на место лужах — пластунах; о пепельных сгустках, напоминающих воздушные шары; о тихом шорохе разворачивающегося и скользящего со змеиной грацией «серпантина». Тем, кто выжил, катастрофически не хватало слов, и они называли все эти ленты, и сгустки, и шары первым, что приходило в голову. Ведь как-то нужно было их называть. Все это было после, а тогда... никто не ощущал ничего, кроме страха.

Туман напал на город, окутывал, оплетал жуткой се-

тью, его рыхлые молочные пласты погребали под собой людей, машины, улицы. В вышине белесая дымка истончалась, и крыши домов сливались с серой известкой неба. В навалившейся в одночасье мгле мелькали бледные чужеродные тени.

Городом владела паника.

Я никогда не брошу тебя, сказал он давным-давно, в прошлой, досентябрьской жизни. Даже если умру.

«Даже если умру», — пишешь ты на невидимом стекле. Оно давит, давит со всех сторон, если писать — становится не так тяжело, и кажется, что давление слабеет, исчезает.

«Коля...» — палец скользит по твердой, слегка упругой поверхности.

«Коля...»

Ты — мушка в янтаре, в доисторическом янтаре. Прекрасно сохранившийся осколок эпохи. Время бежит тебя, и твой удел — ждать, ждать, ждать, пока однажды...

«Ты прекрасна, возлюбленная моя», — говорил он, смеясь.

«Песнь песней?» — узнавала ты.

«Как лента алая губы твои, — продолжал он. — Глаза твои голубиные под кудрями твоими».

И ты счастливо жмурилась, думая: еще, говори еще, не останавливайся, пожалуйста, мне так приятно слышать это.

«Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей, — говорил Коля и тут же шутливо предлагал: — Выходи за меня замуж».

Это у вас была такая игра. На самом деле до свадьбы оставалось всего ничего. Ее, посоветовавшись с родственниками, назначили на октябрь. Уже и заявление в ЗАГС подали: очередь там, загодя надо. А Коля раз за разом все просил твоей руки.

И ты с радостью подыгрывала ему. Обещала, отказывала, дразнила. Но тогда, в тот незабываемо долгий августовский вечер — вы еще бродили в парке, сидели на скамеечке возле фонтана, и струи воды, бьющие из гранитной чаши, искрились в лучах предзакатного солнца, — он, внезапно посерьезнев, сказал: я никогда не брошу тебя.

Ты лишь крепче обняла его, прошептала: зачем... давать такие обязательства? А вдруг...

«Думаешь, любовь — это только свобода? — Он гладил твои волосы, и тебе было — так хорошо, так... — Ещё и ответственность».

Я тоже не брошу тебя, пообещала ты. Никогда.

Случай, лежавший у бортика фонтана и притворявшийся лохматой дворнягой, зыркнул на влюбленных желтыми глазами и что-то отметил для себя: за неимением блокнота — когтями на фигурной брусчатке. Случай знал: клин вышибают исключительно клином. Случаю предстояло собрать еще много свобод и ответственностей, как можно больше. И, накопив критическую массу, бросить их против другой, иной свободы. Ведь любая свобода кончается там, где начинается чужая.

С Колей они столкнулись на площади Циолковского: он схватил ее за руку, Ксюша сначала и не поняла — кто это? Вообще не понимала, что происходит: металась в обезумевшем людском потоке, потом... Потом они бежали. Долго. До колотья в боку, потерянных туфель, сбитых ног и темноты в глазах. Наручные часы показывали два, по ощущениям казалось — все девять.

Сквозь туман, искаженные многократным эхо, пробивались голоса репродукторов. «Всем, кто не может самостоятельно покинуть город. Всем, кто не успевает прибыть в указанные штабом ГО эвакуационные пункты...» Из скудных обрывков сообщения стало ясно — спасение в домах. Забраться на верхние этажи, где нет проклятого тумана и тех, кто живет в нем. Закрыть окна и двери. Переждать. Называлось и время — ориентировочно шесть часов вечера. Только продержитесь, только не бросайтесь никуда очертя голову. Запритесь и ждите, на подходе спасатели, армия, техника...

Коля оставил ее в одной из шестнадцатизэтажек, что ровными свечками вонзались в плывущие по небу облака. Казалось, туман добрался и туда и старается взять город в клещи. Многие квартиры в доме были не заперты, на лестнице валялись игрушки, одежда, сломанная мебель. Хрустели под подошвами упаковки с сухими завтраками. То ли хозяйева, едва услышав об эвакуации, покидали квартиры в страшной спешке, то ли здесь уже успели побывать мародеры.

Лифт не работал; прыгая через две ступеньки, Коля та-

щил ее за собой и наконец втолкнул в прихожую с обоями в цветочек и низкими антресолями, с которых тут же сверзились, подняв кучу пыли, толстые стопки давнишних газет и журналов. Коля велел ждать, сказал, что должен вернуться за родителями, которые живут в совсем другом районе, что ждать придется долго, но ты уж дождись, пожалуйста. И ушел.

Руководство гражданской обороны ошибалось: спасение было не в домах, не в напряженном сидении в забаррикадированной квартире — лишь в немедленной эвакуации. И отчасти в движении, пусть бестолковым и суматошном. Те, кто явился с туманом, двигались медленно, гораздо медленнее людей. От них можно было убежать, но не спрятаться. Ни закрытые окна, ни двери, ни даже стены не помогали. Не выручили никого из оставшихся.

Дав неверную оценку происходящему, штаб ГО ошибся и в возможностях: техники не хватало, спасатели опаздывали, отдельный мотопехотный батальон развернулся и закрепился на подступах к городу далеко за полночь. К утру усилиями руководства ГО и военных население эвакуировали. К утру же исчез, сгинул туман; и город, пустой и безмолвный, с выбоинами от пуль и снарядов на стенах зданий, с развороченным взрывами асфальтом, утрюмо пялился выбитыми окнами на перебежавших от угла к углу вооруженных людей в камуфляже, на дула пушек и спаренных пулеметов движущихся следом БМП.

Специальная комиссия, долго выяснявшая обстоятельства этих более чем странных событий, так ничего и не установила. Батальон расквартировали поблизости — мало ли что; город наводнили военспецы и жуткая обстановка секретности, которая через пару месяцев сошла на нет. Город вздохнул с облегчением и зажил прежней, как будто спокойной жизнью. Весь понесенный ущерб жителям возместили, а на площади Циолковского на выделенные мэрией средства и народные пожертвования воздвигли мемориальную плиту — без вести пропавшими числились около тысячи человек.

«Коля... Коля...»

Незримая, видишь его. С недавних пор — постоянно, ежечасно. Раньше... тебя словно не было, ты словно спала, и вечность баюкала тебя на коленях. Но что-то прервало ле-

таргию, пробудило тебя от спячки. Огромное, властное. Как бурлящий стремительный поток. Захватило, понесло и...

Видишь Колю, площадь, здание театра напротив и одновременно — струящиеся мутные потоки, завихрения, кольца; они пересекаются, расходятся, вновь сплетаются меж собой. Не задевая тебя. Не трогая.

Видишь, как две картинки совмещаются, проникают друг в друга. Тебе неприятно смотреть на серые дымные полосы и темные, мелькающие в их глубине пятна — на тех, кто утащил твою счастливую юную жизнь в свою, которая для тебя все равно что не-жизнь, не-существование. Утащил низачем. Беспричинно. Просто потому, что так сложилось.

Отстраняешься от двойного восприятия, отодвигаешь на самые дальние задворки все несущественное. Тебе важна площадь, и здание театра, и бегущие по небу облака, и солнце, настоящее желтое солнце! И буквы, вспыхивающие в горячих солнечных лучах. Буквы, которые...

Коля стоит у мемориальной плиты. Коля беззвучно плачет, глаза его — два пересохших колодца. Коля неотрывно глядит на высеченные в камне строки; губы его бледны, весь красный цвет будто вобрали в себя гвоздики, что он принес... для тебя. Три завернутых в целлофан цветка. Он неловко кладет гвоздики к десяткам других букетов, и одуряюще сладкий гвоздичный запах... кажется, он проникает к тебе. Оттуда — сюда.

Коля отворачивается и уходит.

Тянешься к нему, но не можешь достать, не можешь дотянуться. Руки натываются на неразличимую, но прочную преграду. Если долго-долго «дышать» на это прозрачное «стекло», оно немного мутнеет, превращая окружающий мир из глянцевого, играющего яркими красками в чуточку блеклый, матовый.

«Коля...» — выводит палец.

У тебя нет пальцев, ты знаешь. Нет легких, способных насытить организм кислородом, да и не нужен он тебе. Со всем. Грудь твоя не вздымается и не опускается, и ураганной силы ветер никогда не нарушит прическу. Ты не живешь здесь, а только ждешь, ждешь, ждешь.

Ты чувствуешь: скоро. Сейчас?

Сейчас — откликается Случай. Здесь. И готов отразить

угрозу. Как и год назад, ровно год. Тогда он чуял опасность, готовился к ней заранее... Но не смог, не успел помешать — не хватило ни свободы, ни ответственности. Он проиграл, едва ввязавшись в бой, был повержен и использован. И как ни обидно осознавать, что тот, иной случай, иная, чужеродная свобода вторгаются в мир через тебя же, ничего с этим не поделаешь. Однако можно помешать. Воспротивиться. Дать отпор.

Ведь те, кто ждет, на его стороне. И пусть в этот раз не получится. Пусть. Но в следующий... Третий-четвертый-пятый...

Коля идет по тротуару, минует подворотню, каких много на Карла Маркса; впереди маячит остановка.

И ты вдруг понимаешь: сюда проникают запахи! и звуки! Тебе это вовсе не кажется! И что есть силы налегаешь грудью на непрочные — да! уже! — стены темницы. И видишь, как... Коля пристально разглядывает очередную грязную и темную подворотню, откуда на свет божий выбралась рыжая, с подпалинами собака. В ее свалывшейся густой шерсти запутались паутина и мелкий мусор, и столько пыли скопилось в этой шерсти, что хочется немедленно взять и выбить-выколотить пса, как какой-нибудь палас или коврик.

В глазах дворняги, печальных карих глазах, слыла неимоверная усталость и безысходность. Собака понурила кудлатую голову, припала к земле, подогнув передние лапы, и с трудом, будто через силу гавкнула. Хрипло, надсадно. Верхняя губа задралась, да так и не опустилась, отчего казалось, что пес злобно щерится. Один из желтоватых клыков был обломан. Собака гавкнула еще раз, потом вдруг взвизгнула, как щенок, напуганный здоровенным кобелем, и глухо, утробно зарычала. Из пасти ее потекли тонкие мглисто-дымные струйки, собиравшиеся в туманные клубы. Белые поначалу, они приобретали сероватый оттенок, становились гуще, непроницаемей. Дворняга тяжело дышала, тощие ее бока ходили ходуном, лапы дрожали. Она надрывно скулила и скулила, пока наконец не заперхала, задыхаясь то ли от дыма, исторгавшегося из ее глотки, то ли от недостатка воздуха. Кашель душил пса, глаза его налились кровью, и с кончика черного мокрого носа, пятная асфальт рдяными капельками, тоже текла кровь. Вокруг стлалась белесая непроглядная муть, в

которой уже водили бесовские свои хороводы крошечники, непокойцы, пластуны и иные обитатели Мари-Хмары...

Сентябрь близился к концу, на город надвигался туман, и «мертвые» — те, кто не выжил тогда, кто исчез, растворился вместе с забравшим их туманом, кто не смог, не сумел, кого не удалось спасти, но кто давал обещание ждать, и вернуться, и всегда быть рядом... «мертвые» восставали ото сна, долгого, длинного сна, от томительного ожидания, от небытия, серого и вязкого, обретали на краткий миг плоть и кровь и, разбивая стеклянно звонкие стены «саркофагов», рвались в прежний, вещный мир, в здесь и сейчас, чтобы защитить живых. Друзей. Родных. Близких. Оберечь, не дать повториться тому, что случилось с ними.

— Уоля-я! — кричишь ты, ломая вмиг ставшую хрупкой преграду. — Ко-оля-а!

Протягиваешь руки.

— Ксюша?.. — он удивленно оборачивается. — Ксюша?!

Бежишь навстречу.

Пеннорожденная Афродита, сотканная из мельчайших капелек тумана. Осеннего. Сентябрьского.

Тумана-врага. Тумана-друга.

И не надо больше выводить милое имя на скользкой «стеклянной» поверхности. Незачем. Пусть даже у тебя есть пальцы. И руки. И туловище. И голос.

У тебя! Есть! Голос!

Поэтому можно громко и радостно закричать, заорать на всю улицу:

— Ко-оля-а!

— Ксю-уша-а! — Он тоже бежит навстречу. Он плачет, не веря неожиданному счастью.

— Любимый...

— Любимая...

Марево со всхлипом раздается в стороны, огибая двух целующихся людей, надежно укрытых, как мушки янтарем, коконом безвременья. Марево-Мара, злосчастный призрак наступающей осени. Инфернальный зародыш, спора, отзвук чужого мира — немыслимого, чудовищного мира, по непонятным причинам выбившегося из накатанной колеи предопределения, зацепившего соседей, вторгшегося на порубе-

жье. Мира, пошедшего вразнос и крутящегося теперь бешеным волчком.

Период — год, место соприкосновения — этот небольшой город, продолжительность — восемь—двадцать часов. Дата — конец сентября.

Осень.

Ты прекрасна, возлюбленная моя...

Туман.

Глаза твои голубиные под кудрями твоими...

Необычное утро необычного дня.

Как лента алая губы твои...

Так не было — раньше. Так не будет — потом.

Но так есть — сейчас.

И уста твои любезны; как половинки гранатового яблока — ланиты твои...

Счастье и несчастье, слитые воедино.

Это агрессия? Нет, какая еще, к дьяволу, агрессия?! Вы не правы, и я, возможно, тоже. Правы они — те двое. Ксюша и Коля.

— Я буду ждать.

— Я буду ждать.

Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Анастасия Парфенова. СЕСТРА МОЕГО БРАТА	7
Кирилл Бенедиктов. КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВ	122
Людмила и Александр Белаш. ВРАЖДА	193

РАССКАЗЫ

Александр Сивинских. ЗАКОПАЙ ПОГЛУБЖЕ	261
Артем Белоглазов. СНОВА ОСЕНЬ	309
Сергей Челяев. СКЛЕЙКА	325
Виктор Точинов. НОЧЬ НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	341
Владимир Рогач. ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ	379
Алексей Бессонов. ПАМЯТЬЮ КРОВИ	389
Андрей Дашков. ДОМ НА ЛЫСОЙ ГОРЕ	406
Михаил Кликин. ТЕНИ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ	427
Андрей Басирин. ТА, ЧТО ПРИХОДИТ ВОПРОКИ	443
Генри Лайон Олди. ПОСЕТИ МЕНЯ В МОЕМ ОДИНОЧЕСТВЕ...	473
Михаил Кликин. ДОМ НА ОТШИБЕ	481
Артем Белоглазов. ТУМАНЫ СЕНТЯБРЯ	496

Литературно-художественное издание

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ — 2008

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Н. Скибина*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 14.12.2007.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 12 100 экз. Заказ № 2591.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-58 доб. 2598.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Серия

«АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

Основана в 1996 году

В течение 10 лет – одна из самых популярных серий отечественной фантастики, в которой издано более 300 книг

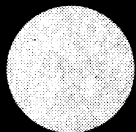
С начала 2007 года в серии изданы:

- Михаил АХМАНОВ «Страж фараона»
«Меч над пропастью»
«Вторжение»
- Алексей БЕССОНОВ «Пройдя сквозь дым»
- Владимир БРАЙТ «Королевства, проигранные в карты»
«Королева Семи Палачей»
- Василий ГОЛОВACHEВ «Ведич»
«Мир приключений»
«Посторонним вход воспрещен»
- Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ «Обратная сторона времени»
- Алексей КАЛУГИН «Подземелья Эйтана»
- Андрей ЛИВАДНЫЙ «Форпост»
«Последний рубеж»
- Андрей МАКСИМУШКИН «Белый реванш»
- Андрей УЛАНОВ «Крест на башне»
- Вячеслав ШАЛЫГИН «Инстинкт гнева»
«Черно-белое знамя Земли»
- Сборник «ЗАКОНЫ ДАЛЬНЕГО КОСМОСА»

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ ПРОТИВ СКУКИ И ПЛОХОГО НАСТРОЕНИЯ!

Серия

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

С НАЧАЛА 2007 ГОДА В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- Роман Афанасьев «Стервятники звездных дорог»
- Виктор Бурцев «Очередь за солнцем»
- Роман Глушков «Боевые псы Одиума», «Аварийная команда»
- Александр Громов «Змееныш», «Крылья черепахи»
- Владислав Крапивин «Ампула Грина»
- Олег Курылев «Невозвращенец»
- Игорь Огай «Уровень атаки»
- Сергей Осипов «Демоны вне расписания», «Ночная охотница»
- Роман Папсуев «Цейтнот»
- Андрей Плеханов «Слепое письмо»
- Вадим Проскурин «Прививка от космоса», «Небесные воины»
- Виталий Романов «Вариант «Зомби», «Разум чудовища»
- Вячеслав Рыбаков «Звезда Полярный»
- Вячеслав Силин «Монополия на чудеса»
- Александр Сухов «Танец на лезвии ножа»
- Сборник «Академия Шекли»

**Лучшие произведения русской фантастики
в одной серии!**

www.eksmo.ru

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ 2008

Большинство драматических событий, происходящих ежедневно в современном мегаполисе и его окрестностях, загадочным образом скрыто от наших глаз. Рассказывают, что по ночам на центральных улицах орудуют кровожадные вампиры, противостоять которым способны лишь опытные истребители нечисти. По слухам, при помощи магии вуду и невинной крови можно обмануть саму смерть. Под лестницами в подъездах обитают оставшиеся без жилплощади домовые, из другого мира приходит и опускается на город хищный туман, в котором живут души умерших, через зеркала проникают в закрытые помещения опасные астральные преступники. И мчится высоко над крышами панельных новостроек Дикая Охота древних кельтских магических кланов...

Об этих и многих других удивительных историях повествуется в новом коллективном сборнике отечественных писателей-фантастов.

